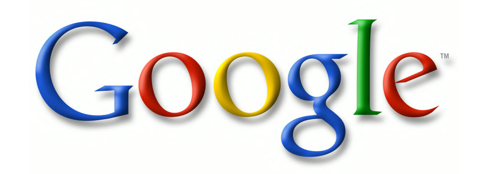


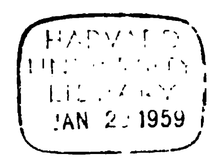
БРАТСКАЯ ПОМОЧЬ

БРАТСКАЯ ПОМОЧЬ

ПОСТРАДАВШИМЪ СЕМЕЙСТВАМЪ

БОСНІИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)
1876



Печатано въ типографіяхъ: В. С. Балашова, В. П. Безобразова, И. И. Глазунова, А. М. Котомина, А. А. Краевскаго, В. А. Полетики, М. М. Стасюлевича, Ф. С. Сущинскаго, А. И. Траншеля, Товарищества «Общественная Польза» и въ «Русской Скоропечатнѣ».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣсколько русскихъ учоныхъ и литераторовъ, принадлежащихъ къ числу членовъ санктпетербургскаго отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета, въ первое общее его собраніе послѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда вѣсть о бѣдствіяхъ Герцеговины и Босніи уже начала распространяться въ русскомъ обществѣ и вызывать живое сочувствіе къ страждущимъ единоплеменникамъ, положили, по предложенію В. И. Ламанскаго, изъ безвозмездныхъ трудовъ литераторовъ и учоныхъ составить сборникъ и издать его въ пользу тѣхъ жертвъ, которыя должны были искать спасенія отъ огня и меча турокъ за предѣлами родины, или становились отъ ранъ и лишеній неспособными ко всякому труду.

Предложеніе это встрѣтило со стороны отдѣла самое живое одобреніе и для осуществленія его была избрана особая коммиссія, въ составъ которой вошли: А. Ѳ. Бычковъ, Н. В. Гербель, Ѳ. М. Достоевскій, А. А. Краевскій, В. И. Ламанскій, А. Н. Майковъ, О. Ѳ. Миллеръ, А. В. Никитенко и Н. Н. Страховъ; секретарем же коммиссіи былъ избранъ Н. А. Тизенгаузенъ.

Обращенія этой коммисіи къ нашимъ писателямъ не остались безплодными. Всѣ поспѣшили радушно отозваться на призывъ участвовать своимъ умственнымъ трудомъ въ дѣлѣ христіанской любви и милосердія, и если читатель не встрѣтитъ въ сборникѣ

нѣкоторыхъ уважаемыхъ именъ, то виною этому краткость срока, назначеннаго для составленія и печатанія сборника и совершенно постороннія обстоятельства (какъ-то: пребываніе заграницею, болѣзнь и т. п.), вынудившія нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей, противъ ихъ воли и желанія, отказаться отъ участія въ «Братской Помочи».

Типографіи В. С. Балашова, В. П. Безобразова, И. И. Глазунова, А. М. Котомина, А. А. Краевскаго, В. А. Полетики, М. М. Стасюлевича, Ф. С. Сущинскаго, А. И. Траншеля, Товарищества «Общественная Польза» и «Русская Скоропечатня» съ готовностью приняли на свой счетъ наборъ и печатаніе сборника, а извѣстные бумажные фабриканты гг. Варгунины сдѣлали значительную уступку на бумагѣ.

Такимъ образомъ составился сборникъ, исполненный съ небольшимъ въ два мѣсяца и обязанный своимъ появленіемъ въ свѣтъ желанію какъ можно скорѣе помочь соплеменникамъ и единовѣрцамъ въ дни ихъ бѣдствій и страданій. Въ этомъ его достоинство и извиненіе въ его недостаткахъ.

Опять горитъ Востокъ! Опять и кровь, и стонъ,
Спаленныя поля, насилье, смерть, проклятья!
Опять — блуждающихъ въ горахъ дѣтей и женъ
Ко братьямъ о Христѣ молящія объятья!

Европа на сей разъ внимаетъ ихъ мольбамъ...
Но взоры ихъ слѣдятъ за дальнею Россіей:
Тамъ — Царь-помазанникъ! стратигъ Востока — тамъ!
Туда указано, предъ смертью, Византіей...

И знаетъ это Русь... и долгъ свой приняла —
И былъ онъ для нея, чтó свѣтъ для морехода;
И мысль великая съ ней крѣпла и росла
И въ разумѣ царей, и въ чаяньяхъ народа...

Ужь близокъ Николай у цѣли былъ... Но Богъ
Еще отсрочилъ день... Настала ли година?
Чего могучій духъ отца свершить не могъ,
Не суждено ль свершить, быть-можетъ, сердцу сына?

А. Майковъ.

РОССІЯ УЖЕ ТѢМЪ ПОЛЕЗНА СЛАВЯНАМЪ, ЧТО ОНА СУЩЕСТВУЕТЪ.

(*Посвящается И. С. Аксакову.*)

Многимъ у насъ, конечно, памятно изреченіе именитаго русскаго дипломата: «Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, что она существуетъ». Не прозябаетъ, не пребываетъ во снѣ, не бездѣйствуетъ, а *существуетъ*, то-есть—мыслитъ, чувствуетъ, дѣйствуетъ, живетъ и развивается сознательно, существуетъ, какъ нація и держава славянская.

Въ самомъ дѣлѣ, предположите, что мы всѣ, нашъ народъ, общество, правительство были бы по вѣрѣ не христіане, а мусульмане, по крови же и языку не славяне, а турки. Или предположите, что мы всѣ и христіане, но не православные, а, напримѣръ, протестанты, и не азіаты, а европейцы, да не славяне, а нѣмцы.

Въ томъ и другомъ случаѣ отъ существованія Россіи для южныхъ и западныхъ славянъ не было бы особенной пользы. Если, сверхъ нынѣшней Оттоманской Порты, была бы еще могущественная съ полутора мильйономъ штыковъ Русская Порта, или если бъ рядомъ съ нынѣшнею грозною Германскою имперіей существовала еще нѣмецкая восьмидесятимильйонная Русляндія, то, разумѣется, ни о югозападныхъ, ни о сѣверозападныхъ славянахъ, ни о какомъ восточномъ вопросѣ не было бы теперь и рѣчи. И, разумѣется, на Балканскомъ полуостровѣ ничто бы теперь не угрожало желанному спокойствію и порядку въ Европѣ.

Такъ изреченіе достойнаго нашего дипломата имѣетъ глубокій смыслъ. Какъ нація и держава славянская, сама себя такою сознавая и сознательно дѣйствуя въ интересахъ славянства, Россія своимъ бытіемъ безспорно оказываетъ величайшую пользу и южному и западному славянству.

Точно также справедливо и другое обратное положеніе: «Южные и западные славяне уже тѣмъ полезны Россіи, что они существуютъ». Дѣйствительно русскому народу, обществу, государству турецкіе, мадьярскіе, нѣмецкіе славяне полезны тѣмъ, что они не туречатся, не мадьярятся и не нѣмечатся. И они тѣмъ полезнѣе Россіи, чѣмъ они глубже проникнуты славянскимъ самосознаніемъ, чѣмъ крѣпче отстаиваютъ свою свободу, чѣмъ съ бо̀льшею энергіей борятся съ чужими, посягающими на ихъ народную самобытность, стихіями.

Безъ этихъ южныхъ и западныхъ славянъ Россія не была бы нынѣ тѣмъ, что̀ она есть. И зачахни они въ борьбѣ съ турками, мадьярами и нѣмцами, исчезни они съ лица земли, Россія никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ она можетъ и должна быть, когда эти не-русскіе славяне станутъ, наконецъ, на ноги, добьются независимости и обезпечатъ себѣ необходимыя условія для самостоятельнаго развитія.

Съ паденіемъ Восточной Римской имперіи, съ завоеваніемъ Константинополя турками, въ умахъ народовъ восточно-христіанскихъ возникаетъ, въ XV—XVI-мъ вѣкахъ, фикція о перенесеніи имперіи, подобная той, что̀ возникла на романо-германскомъ западѣ въ IX—X-мъ вѣкахъ, о перенесеніи имперіи отъ грековъ къ франкамъ, а потомъ къ нѣмцамъ. Эта восточно-христіанская фикція утверждалась на глубоко укоренившемся и широко распространенномъ религіозно-политическомъ убѣжденіи христіанскихъ народовъ, что Римская имперія, со временъ Константина-Великаго имперія или царство христіанское, будетъ стоять до скончанія вѣка, до явленія антихриста, что разноплеменные и разноязычные народы христіанскаго міра, члены воинствующей церкви, распадаясь на мѣстныя державы съ особыми государями, всѣ, однако, составляютъ одинъ общій международный союзъ, единое царство христіанъ съ верховнымъ вождемъ—императоромъ римскимъ или просто — царемъ христіанскимъ *). Изъ покоренныхъ турками восточныхъ христіанъ только самая незначительная часть не предалась фикціи о перенесеніи царства отъ грековъ къ русскому народу, не стала глядѣть на Москву, какъ на третій Римъ, а царя москов скаго представлять себѣ, по выраженію одной граматы цареградскаго па

*) Въ Паннонскомъ «Житіи св. Константина», при описаніи бесѣды философа съ хозарами: «далъ есть Богъ власть надъ всѣми языкы царю христіанскому и мудрость совершенну, тако и вѣру въ нихъ, и кромѣ ея никто же можетъ живота вѣчнаго жити». Новые народы съ принятіемъ христіанства вступали въ международный, политическій союзъ съ царствомъ христіанскимъ на землѣ, другое царство христіанъ — небесное. Одно безъ другаго не мыслилось. Принявъ христіанство, каганъ въ настоящемъ случаѣ извѣщаетъ царя письмомъ: «есмы же вси мы пріятели твоему царству, и готови на службу твою аможе потребуеши». Объ этихъ религіозно-политическихъ воззрѣніяхъ имѣется много важныхъ и неоцѣненныхъ, какъ слѣдуетъ, средне-греческихъ источниковъ. Подробно я излагаю это въ особомъ, неизданномъ еще, сочиненіи.

тріарха 1562 года: «Царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана, надеждою и упованіемъ всѣхъ родовъ христіанскихъ, которыхъ избавитъ отъ варварской тяготы и горькой работы, какъ имѣющій пространное достояніе и сильный, богопріятный скипетръ». Александрійскій патріархъ вмѣстѣ съ архіепископомъ горы Синайской изъявляли Ивану Васильевичу свою радость о покореніи Казанскаго и Астраханскаго царствъ и «о его громкихъ побѣдахъ надъ нечестивыми, ибо царь представляется имъ, какъ второе солнце, утѣшая ихъ надеждой благихъ временъ, дабы и имъ когда-нибудь избавиться его рукою отъ рукъ злочестивыхъ». Цареградскій патріархъ Іеремія говорилъ на соборѣ въ Москвѣ въ 1589 году: «Понеже убо ветхій Римъ падеся Аполинаріевою ересью; вторый же Римъ, иже есть Константинополь, Агаренскими внуцы отъ безбожныхъ Турокъ обладаемъ; твое же, о благочестивый царю, великое Россійское царствіе, третей Римъ, благочестіемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивыя царствія въ твое въ единое собрашася, и ты единъ подъ небесемъ христіанскій царь именуешись въ всей вселеннѣй, во всѣхъ христіанѣхъ».

Какъ въ посланіяхъ вселенскихъ патріарховъ въ Москву, такъ и въ личныхъ ихъ переговорахъ съ царскими посланниками постоянно высказывается упованіе и надежда, что «Господь Богъ подастъ царю московскому наслѣдіе царя Константина». Пусть тѣ или другія лица повторяли эту мысль неискренно, изъ желанія угодить Москвѣ, въ надеждѣ богатыхъ и великихъ милостей. Важно то, что эта мысль постоянно повторяется, становится какъ-бы общимъ мѣстомъ. Это обличаетъ народность ея происхожденія и обширное ея распространеніе. Дѣйствительно, только самая незначительная часть восточныхъ христіанъ въ XV—XVI вѣкахъ и позже не думала такъ о перенесеніи царства отъ грековъ къ русскимъ.

Такъ не глядѣли на русскихъ и на ихъ царя только тѣ немногіе изъ грековъ или православныхъ славянъ, которые приняли или мусульманство, или флорентинскую унію, покорились папѣ и признали законнымъ римскимъ императоромъ короля нѣмецкаго, потомка Оттона I и Карла-Великаго. Уніаты ожидали спасенія своей народности отъ запада. Впрочемъ, близко знакомые съ воззрѣніями своихъ народныхъ массъ на «многолюднѣйшій народъ русскій», они считали необходимымъ привлечь Россію въ замышляемый ими общеевропейскій союзъ противъ турокъ. Эту мысль внушали уніаты и папамъ, и республикѣ Венеціанской *), а тѣ сулили царямъ московскимъ за принятіе уніи — какъ

*) Въ 1473 году Республика писала Ивану III: «Ottomani occupatoris imperii orientis, quod quum stirpe masculina deesset imperatoria, ad vestram illustrissimam dominationem jure vestri faustissimi coniugii pertineret».

выражался Поссевинъ — не только Кіевъ, но и Константинополь, прибавляя, что и папа, и цесарь, и всѣ государи великіе будутъ о томъ стараться. Не смотрѣли такъ же на царя московскаго и съ Петра-Великаго на русскаго императора, какъ на законнаго и прирожденнаго наслѣдника Палеологовъ, и тѣ греки и славяне турецкіе, которые, отворачиваясь отъ запада и не вѣря въ силы своей народности, слабые духомъ, изъ-за внѣшнихъ выгодъ, отступили отъ вѣры отцовъ и перешли въ мусульманство. Все же остальное восточное христіанство, съ уничтоженіемъ греческаго царства турками, переноситъ на русскій народъ и его царя ту міродержавную миссію, которая до того признавалась у всѣхъ восточныхъ христіанъ, между прочимъ, и у русскихъ, за греками и ихъ государями, наслѣдниками Константина-Великаго и Юстиніана I. Народная исключительность и нетерпимость, малочисленность и продолжительная военная слабость грековъ, особенно съ XIII-го вѣка, со времени возникновенія латинской имперіи въ Константинополѣ, сильно роняли авторитетъ грековъ и Ромейскаго правительства въ умахъ восточно-христіанскихъ народовъ негреческаго происхожденія.

Подъ конецъ (особенно со второй половины XIV-го вѣка) и сами греки убѣдились въ полномъ ничтожествѣ и безсиліи своего царства, и отъ души, кажется, ненавидѣли и искренно презирали послѣднихъ Палеологовъ. Самому численному и сильному инородческому элементу восточной имперіи—славянамъ всего труднѣе было мириться съ игемоніей грековъ. Изъ среды болгаръ и сербовъ не разъ въ теченіи вѣковъ возникали (въ X-мъ, XIII-мъ и XIV-мъ вѣкахъ) попытки вырвать изъ рукъ грековъ эту игемонію, это imperium orbis. Но болгарскіе цари Симеонъ (+927), оба Асѣня (въ XIII в.) и сербскій Стефанъ Душанъ (+1355 г.), нанося удары грекамъ, не думаютъ вовсе объ уничтоженіи христіанскаго царства. Напротивъ они хотятъ его утвердить и усилить замѣною греческаго господства славянскимъ. Какъ бы то ни было, но попытки юго-славянскихъ царей, какъ и русскихъ варяжскихъ князей, овладѣть Константинополемъ не увѣнчались успѣхомъ. Какъ ни слабы были греки, какъ ни мѣшалъ самый народный характеръ грековъ достойному исполненію этой великой миссіи, однако, до самаго завоеванія Константинополя Магометомъ II-мъ они оставались носителями, хотя въ послѣднія десятилѣтія скорѣе только по имени, Римской имперіи, христіанскаго царства. Фикція о перенесеніи царства съ грековъ на русскихъ тѣмъ легче явилась и привилась въ восточномъ христіанствѣ, что южные славяне обрѣтали въ задачѣ московскихъ царей и русскихъ императоровъ какъ бы продолженіе неосуществленныхъ предпріятій своихъ прежнихъ, лучшихъ государей, въ новомъ носителѣ идеи христіанскаго царства, вмѣсто несочувственныхъ имъ грековъ, радостно привѣтствовали своихъ близкихъ соплеменниковъ. Починъ образованія этого ученія о перенесеніи міродер-

жавства отъ грековъ къ русскимъ, отъ Цареграда на Москву принадлежитъ главнѣйше южнымъ славянамъ. Сильнѣйшіе числомъ между восточными христіанами, самые молодые, бодрые и сильные между ними, они увлекли своимъ примѣромъ иноплеменныхъ единовѣрцевъ: албанцевъ, волоховъ, грековъ, грузинъ, сирійцевъ.

Справедливо, что Москва понимала выпавшую ей роль, не отрекалась и не отчуралась отъ своего историческаго призванія, смѣло и открыто заявляла, ни передъ кѣмъ не извиняясь и не расшаркиваясь, о своихъ сочувствіяхъ къ порабощеннымъ единовѣрцамъ и соплеменникамъ, по мѣрѣ своихъ силъ, не оглядываясь по сторонамъ и не испрашивая ничьего на то разрѣшенія, братски и мужественно содѣйствовала облегченію участи турецкихъ христіанъ. Но несправедливо, будто Москва съ тупымъ самодовольствомъ, самовластно и самозваннически присвоила себѣ прозваніе третьяго Рима, дабы тѣмъ спокойнѣе коснѣть въ своемъ, яко бы азіатскомъ невѣжествѣ и неразумной ненависти къ западу. Замѣчательно, что не въ Москвѣ, а въ Новгородѣ и Псковѣ возникаютъ литературные памятники, гдѣ развивается впервые ученіе о перенесеніи царства отъ грековъ въ Русь и на Москву. Областная гордость новгородцевъ и псковичей легче мирилась съ необходимостью подчиненія Москвѣ, когда признавала въ великомъ ея князѣ царя православныхъ христіанъ вообще, а въ Москвѣ видѣла не столько стараго соперника, сколько смѣнившій Византію третій Римъ или новый царствующій градъ всего восточно-христіанскаго міра. Такъ и Малороссія, отдаваясь Москвѣ, заявляла на переяславской радѣ 1654 года, что она избираетъ себѣ въ государи «православнаго христіанскаго великаго царя восточнаго».

Такъ смотрѣли на Москву и на ея царя и южные турецкіе славяне. И это воззрѣніе свое они привили не только своимъ иноплеменнымъ единовѣрцамъ въ Турціи, но и своимъ иновѣрнымъ соплеменникамъ западнымъ сербамъ, хорватамъ, словинцамъ. Самимъ своимъ повелителямъ они внушили особое уваженіе къ Москвѣ. Передать туркамъ подобный взглядъ на Москву было для нихъ тѣмъ легче, что въ XV—XVI-мъ вѣкахъ всѣ султаны, самъ Магометъ II-й и его замѣчательные преемники до великаго Солимана включительно, были, по матерямъ своимъ, сербы. Ихъ жены и главные паши и визири были, по бо̀льшей части, въ XV — XVI-мъ вѣкѣ славянскаго же происхожденія. Родной языкъ султаншъ, визирей, знакомый часто съ дѣтства самимъ султанамъ, сербскій языкъ былъ домашнимъ языкомъ въ Оттоманской Портѣ XV — XVI-го вѣка. По-сербски писались граматы султановъ къ царямъ московскимъ. До самой смерти Солимана (1566 г.) православнымъ славянамъ въ Турціи жилось вообще довольно хорошо. Нерѣдко, бывало, мусульманинъ славянинъ-паша имѣлъ брата православнаго архіерея или мать игуменью. Съ ними онъ продолжалъ родственныя связи, посылалъ имъ богатые подарки, оказывалъ имъ

и черезъ нихъ христіанскимъ землякамъ часто очень существенныя услуги. Немудрено послѣ этого, что, при нескрываемомъ презрѣніи Порты и ея визирей къ представителямъ самыхъ сильныхъ европейскихъ державъ XVI-го вѣка, московскіе посланники въ Стамбулѣ встрѣчали, сравнительно, большой почетъ и уваженіе. Славянамъ-пашамъ любо было безъ толмачей сходиться съ московскими окольничими и боярами. Въ бесѣдахъ на родномъ языкѣ умѣрялась вражда иновѣрія. Да и славяне-паши лучше могли понимать значеніе царей московскихъ для турецкихъ христіанъ, особенно славянскаго языка. То была не простая фраза, а рѣчи, полныя смысла и значенія, когда иноки Аѳона или Синая или вселенскіе патріархи, въ письменныхъ или личныхъ сношеніяхъ своихъ съ московскими царями и ихъ представителями, просятъ ихъ послать «нѣкую рѣчь турскому царю» объ испытываемыхъ притѣсненіяхъ. Такъ иноки сербскаго аѳонскаго монастыря Хиландаря писали однажды, въ XVI-мъ вѣкѣ, въ Москву: «Мощно тебѣ царю и государю, солнцу христіанскому, второму Константину на земли, сіе дѣло доспѣть своимъ царскимъ приказомъ, ибо слышали мы отъ намѣстниковъ турецкихъ, если бы царь московскій до нашего султана Сулеймана послалъ посла и грамоту, чтобы съ васъ дани не брались и вернули вамъ пашни, какія поотнимали греки, и отдали бы вамъ записи крѣпкія, то бы васъ никто ничѣмъ не трогалъ».

И въ самомъ дѣлѣ, московскіе цари, въ посланіяхъ къ нимъ турецкихъ султановъ, могли читать себѣ такія любезности и величанія, къ какимъ не были пріучены ни римско-нѣмецкій императоръ, ни короли испанскій и французскій. Такъ Солиманъ величалъ Ивана Васильевича «Христову вѣру держащимъ и въ князьяхъ великихъ превеличайшимъ, мессійскихъ величайшихъ превосходящимъ честію, также всѣхъ родовъ христіанскихъ правителемъ неподвижнымъ, счастливымъ вождемъ многаго войска, крѣпкимъ и разумнымъ государемъ многихъ земель» *).

---

*) Приняли турки и извѣстныя пророчества, распространенныя у восточныхъ христіанъ въ XV, XVI и XVII вѣкахъ что Царьграду быть взяту русскими. Объ этомъ знали и въ Москвѣ. Такъ въ 1645 году пріѣзжалъ въ Москву грекъ Иванъ Матвѣевъ съ письмомъ отъ грека Ивана Петрова и Халкидонскаго митрополита съ извѣщеніемъ турецкихъ новостей. Петровъ уговаривалъ царя отпустить донскихъ казаковъ выѣхать въ походъ, «вашей царской украйнѣ будетъ великая помощь, а турскому посрамленіе, и онъ смирится, потому и въ книгахъ своихъ обрѣтаютъ, что царство ихъ будетъ взято отъ русскаго рода». Въ современномъ переводѣ съ греческаго письма, что̀ подалъ антіохійскаго патріарха Макарія сынъ архидьяконъ Павелъ въ 1659 году между прочимъ сказано: «Во всѣхъ турскихъ книгахъ пишется еще, что говорилъ ложный пророкъ Мегметъ, якоже турки восточное будутъ взяти царство Греческое, потомъ пріидетъ время и будетъ Русскіи роды съ Калмыки возьмутъ царство ихъ». 5-го октября 1697 года Петръ I писалъ между прочимъ изъ Амстердама въ Москву Андр. Виніусу, что будто одинъ участникъ сраженія при Центѣ сказывалъ: «нѣкоторый паша взятъ въ полонъ, который

Въ XVI-мъ вѣкѣ было въ Европѣ нѣсколько державъ гораздо образованнѣе, богаче, сильнѣе государства московскаго. Но, по увѣренію венеціанскихъ дипломатовъ и другихъ лучшихъ знатоковъ Турціи, могущественные и грозные въ то время османы ни мало не боялись венеціанской республики, довольно большой тогда морской державы, ни Франціи, ни Англіи, не питали уваженія и къ нѣмецкой имперіи, не такъ робѣли передъ могущественною Испаніей, какъ истинно страшились Москова. И это потому, прибавляетъ венеціанскій посланникъ Соранцо (1576 г.), что «онъ принадлежитъ къ одной церкви съ народами Болгаріи, Сербіи, Босніи, Мореи и Греціи, почему они такъ и преданы его имени (divotissimi al suo nome) и всегда будутъ готовы взяться за оружіе, возстать для освобожденія отъ турецкаго рабства и подчиниться его власти (et sarian sempre prontissimi a prender l'armi in mano e sollevarsi per liberarsi della schiavitù turchesca et sottoporsi al dominio di quello)».

Одинъ далматинскій епископъ, П. Чедолини, въ запискѣ своей о восточномъ вопросѣ, предложенной папѣ Клименту VIII-му въ 1594 году, указывалъ, между прочимъ, на необходимость привлеченія Россіи въ союзъ противъ турокъ. «Благодаря сходству иллирскаго или славянскаго языка и христіанской вѣры греческаго обряда, московитъ обладаетъ преданностью къ нему большей части народовъ Европы и нѣкоторыхъ азіатскихъ, подчиненныхъ туркамъ. Онъ имѣетъ притязаніе на владычество въ Константинополѣ, какъ вслѣдствіе свойства̀ русскихъ князей съ восточными императорами, такъ и потому, что русскіе или московиты нѣсколько разъ владѣли Болгаріей и Сербіей и получали дань отъ императоровъ».

Еще въ концѣ XVI-го и особенно въ XVII-мъ вѣкѣ, когда вѣсы исторіи борьбу Польши и Россіи за игемонію въ славянствѣ явно уже склонили въ пользу послѣдней, и южные славяне католики, не утратившіе чувства народности, какъ въ венеціанскихъ, такъ и въ австрійскихъ владѣніяхъ начинаютъ все больше приставать къ воззрѣніямъ южныхъ православныхъ славянъ на русскаго царя и все громче заявляютъ о великомъ подвигѣ освобожденія, который они ожидаютъ отъ него не для однихъ его единовѣрцевъ, но и для всего славянскаго племени, всюду удрученнаго въ ту пору турками, мадьярами, итальянцами и нѣмцами.

Увлекаемый любовью къ своему племени, хорватъ-католикъ Юрій Крижаничь ѣдетъ въ Москву, носится въ ней съ своими предпріятіями филологическими, историческими, религіозными и политическими, проникнутыми одною мыслью освобожденія всего славянства отъ иноземцевъ и объеди-

---

предъ генералиссимусомъ цесарскимъ и предъ всѣми генералы распрашиванъ, въ которомъ распросѣ межъ иными словами сказалъ, что де у нихъ есть такое пророчество, что въ 1699 году Царьгородъ будетъ взятъ отъ русскихъ, о чемъ и прежъ сего слыхали только не отъ такихъ знатныхъ. Въ чемъ да будетъ воля Господня, отъ котораго побѣды происходятъ и волею Его высятся и ни во что премѣняются».

ненія его посредствомъ царства Московскаго. Всѣ славяне, и южные и западные, утратили независимость, говоритъ Крижаничь. Одинъ русскій народъ имѣетъ свое государство: «Тебѣ одному — обращается онъ къ царю Алексѣю Михайловичу, о пречеститый царь, досталось смотрѣніе всего народа славянскаго. Ты, яко отецъ, изволи носить скорбь и чинить промыселъ на разсыпаныхъ дѣтей, да ихъ собререшь... Ты одинъ, о царь, намъ еси отъ Бога данъ, да и задунайцомъ и ляхомъ и чехомъ пособишь, да учнутъ познавать притѣсненія и позоръ свой, и о просвѣщеніи народа промышлять и нѣмецкое отряхать иго».

Мы знаемъ теперь уже нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга западныхъ славянскихъ голосовъ, которые взываютъ къ Петру Великому, какъ царю всеславянскому, и много голосовъ восточно-христіанскихъ, кои привѣтствуютъ его, какъ царя восточнаго. Нѣтъ, фикція о перенесеніи христіанскаго царства съ грековъ на русскихъ, мысль о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, отнюдь не была пустымъ горделивымъ вымысломъ такъ-называемой у насъ московской кичливости и исключительности. Это была гигантская, культурная и политическая, задача, всемірно-историческій подвигъ, мысленно возложенный мильйонами единовѣрцевъ и соплеменниковъ на великій русскій народъ и его державныхъ вождей. То, что Москва умѣла понять величіе этой идеи, всего лучше говоритъ противъ ея косности и національной исключительности. Только великіе, всемірно-историческіе народы способны откликаться на міровыя задачи, воспринимать вселенскія идеи и отдаваться ихъ осуществленію. Эта великая идея завѣщана была Москвою и новому періоду русской исторіи. Она всецѣло была принята Петромъ Великимъ. И въ началѣ, и въ серединѣ и въ концѣ царствованія, Петръ энергически поддерживалъ и укрѣплялъ, завязывалъ и распространялъ связи Россіи какъ со всѣми единовѣрными, такъ и западнославянскими народностями и землями. Со времени императора Мануила Комнина не было на востокѣ царя, болѣе энергическаго и смѣлаго въ этомъ отношеніи, какъ и въ національныхъ движеніяхъ славянства послѣ гусситовъ никто еще, кромѣ Петра, не выступалъ такъ открыто въ смыслѣ самаго рѣшительнаго панславизма. Къ мысли о Цареградѣ въ русскихъ рукахъ часто обращался дѣятельный умъ Петра. Съ этою мыслью были связаны его общіе преобразовательные планы, его коренное убѣжденіе, что образованность человѣческая, подобно кровообращенію въ человѣческомъ тѣлѣ, совершаетъ свои обороты и, временно промѣнявъ востокъ на западъ, снова туда возвратится. Противники восточно-христіанской и всеславянской миссіи Россіи напрасно корятъ Москву за національную исключительность и отсутствіе всякихъ общихъ идей. Еще менѣе они имѣютъ права прикрываться въ этомъ случаѣ могучимъ образомъ Петра. Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ онъ былъ истымъ сыномъ своего народа, московской Россіи,

отъ которой наслѣдовалъ вѣру въ міродержавную миссію, всемірно-историческую задачу русскаго народа. Восточно-христіанскій міръ въ умахъ народныхъ массъ, а западное славянство въ лицѣ нѣсколькихъ лучшихъ своихъ представителей еще до Петра I совершили, такъ сказать, помазаніе Русскаго народа на высокій подвигъ ихъ освобожденія матеріальнаго и нравственнаго и на почетное предводительство ими на всѣхъ путяхъ исторической жизни.

Починъ этого помазанія, повторяю, принадлежитъ главнѣйше южнымъ славянамъ, этимъ единственнымъ соплеменникамъ между нашими единовѣрцами и единственнымъ единовѣрцамъ между нашими соплеменниками. Самые многочисленные и сильные, самые молодые и энергическіе изъ всѣхъ восточныхъ христіанъ Турціи, южные славяне были главнымъ зачинщикомъ и носителемъ этой, возникшей еще въ XV-мъ вѣкѣ, увѣренности восточныхъ христіанъ, что единственно вольному въ православномъ мірѣ народу—русскому—и его царю суждено Промысломъ освободить ихъ отъ тяжкаго агарянскаго ига, которое они, однакожь, по извѣданному опыту, вмѣстѣ съ другими единовѣрцами, сознательно предпочитали владычеству надъ ними запада, романцевъ и нѣмцевъ, выражаясь на своемъ образномъ языкѣ, что лучше чалма, чѣмъ тіара, лучше небесное, чѣмъ земное царство, лучше потерять жизнь, чѣмъ погубить свою душу *). Эта наивная вѣра мильйоновъ нашихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, эти чаянія и упованія, эти сочувствія народныхъ массъ—величины конечно невѣсомыя и неосязаемыя. Но для Россіи онѣ стоили цѣлыхъ армій и кредиторовской услужливости европейскихъ банкировъ. Такими вѣсомыми и ощутительными величинами политическая близорукость часто исключительно любитъ опредѣлять могущество государствъ. Эти простодушныя мечты и помыслы людей, про которыхъ истые дипломаты говаривали, что даже лучшимъ изъ нихъ совѣстно подать руку безъ перчатки, больше разныхъ дипломатическихъ и стратегическихъ подвиговъ придавали намъ

*) Это воззрѣніе на царство христіанское и на перенесеніе его съ XV вѣка къ русскимъ выражено и въ прибавленіи къ повѣсти о взятіи Цареграда турками. За грѣхи и беззаконія греки лишились царства. Но воинствующая церковь, благочестивый народъ, православное христіанство безъ царства и царя жить не можетъ. Или народился значитъ Антихристъ и слѣд. приходитъ конецъ міру. Или же правы латины, говоря, что греки и всѣ восточные христіане не держатся истиннаго благочестія. Но нѣтъ свѣта преставленія, нѣтъ Антихриста. Неправы и латины, когда говорятъ турецкимъ христіанамъ: «на васъ на грековъ Богъ разгнѣвался неумолимымъ своимъ гнѣвомъ такъ, какъ на жидовъ, и выдалъ васъ Турскому царю въ неволю». Нѣтъ де у васъ царства, ибо нѣтъ настоящаго благочестія, истинной церкви. «И нынече греки (то-есть восточные христіане) хвалятся государствомъ, царствомъ благовѣрнаго царя Русскаго отъ того взятья Мегметева и до сихъ лѣтъ; надежу на Бога держатъ и во умноженіе вѣры христіанской и благовѣрнаго царства Русскаго, и хвалятся государемъ царемъ вольнымъ и до сѣхъ лѣтъ».

силъ въ многократныхъ войнахъ съ Турціей,вообще со всѣмъ азіатскимъ мусульманскимъ міромъ. Въ умахъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ онѣ возвышали нравственный образъ Россіи, придавая ей особый авторитетъ, облекая ее какимъ-то таинственнымъ, религіозно-политическимъ обаяніемъ. Политическая сила и вліяніе историческихъ національностей измѣряется не однѣми ихъ наличными внѣшними силами, но и тою вѣрой и тѣми опасеніями, которыя онѣ возбуждаютъ относительно своего будущаго въ своихъ близкихъ и дальнихъ сосѣдяхъ. Не говоримъ уже о томъ, что неизбѣжная, во всякомъ случаѣ, для насъ борьба съ Турціей въ XVIII и въ половинѣ XIX в. была бы намъ несравненно затруднительнѣе, еслибъ наши нынѣшніе единовѣрцы и соплеменники были всѣ* истреблены или отуречены.

Слаба и безсильна была бы современная Россія и по отношенію къ Германіи, еслибъ всѣ 20 слишкомъ милліоновъ славянъ Австріи и Пруссіи были теперь онѣмечены или истреблены, на подобіе слабыхъ вѣтвей славянъ полабскихъ въ Мекленбургѣ, Бранденбургѣ, Помераніи. Какъ бы въ опроверженіе этого, у насъ часто указываютъ на поляковъ, столько разъ причинявшихъ намъ важныя затрудненія какъ во внутренней, такъ и внѣшней политикѣ. Иногда даже высказывается у насъ сожалѣніе, зачѣмъ-де русская Польша, по крайней мѣрѣ, по Вислу не принадлежитъ Пруссіи: она бы-де давно покончила съ поляками, успѣшно ихъ онѣмечивъ. Наконецъ, приводятъ въ примѣръ дружбу Пруссіи съ Россіей, какъ бы въ доказательство, что мы, русскіе, не имѣемъ ни малѣйшаго интереса въ сохраненіи западными славянами ихъ рѣчи и народности. Но примѣръ Пруссіи доказываетъ совершенно противное. Если бъ Польша не разставалась такъ легко съ славянскими политическими преданіями Болеслава-Храбраго и не отдалась такъ покорно западно-европейскому вліянію, то никогда изъ прежняго славянскаго Бранденбурга и столь близко сродной съ славянами литовской Пруссіи не выросла бы могущественная нѣмецкая держава Гогенцоллерновъ, возстановителей германской мощи и славы временъ Оттоновъ Саксонскихъ и Фридриховъ Гогенштауфеновъ. Слѣдя въ исторіи за ростомъ нашей національной и государственной силы и вспоминая пораженія и потери, понесенныя нами въ разныя времена отъ поляковъ, мы нерѣдко забываемъ о нашемъ долгѣ признательности полякамъ за оказанныя ими услуги славянству. Въ борьбѣ своей съ германизмомъ противъ ли имперіи, какъ при Болеславѣ Храбромъ, противъ ли нѣмецкаго ордена или противъ Швеціи, поляки дѣлали одно дѣло съ древнимъ Новгородомъ и Псковомъ, подготовляли и облегчали грядущія пріобрѣтенія Петра-Великаго и его преемниковъ на Балтійскомъ Поморьѣ, и вліяніе ихъ на дѣла Швеціи и Германіи. Для насъ вовсе не несчастіе, но даже выгодно, что поляки въ Пруссіи не поддаются такъ легко онѣмеченію, какъ того желали бы, напримѣръ,

*

и прусское правительство, и нѣмецкое общество. Чѣмъ крѣпче сохраняютъ поляки въ Пруссіи свою славянскую народность, тѣмъ цѣннѣе и значительнѣе могутъ быть ихъ вклады въ общеславянскую науку и образованность, тѣмъ больше, наконецъ, нашъ чужеродный сосѣдъ будетъ имѣть заботъ и дѣла у себя дома, тѣмъ слабѣе онъ можетъ быть въ своей наступательной политикѣ на востокъ (Drang nach Osten), тѣмъ глубже и живѣе будетъ чувствовать Пруссія пользу и необходимость дружелюбнаго сожительства съ Россіей. Замѣчательно, что мнѣніе о неопасности для Россіи отъ онѣмеченія западныхъ земель славянскихъ всего болѣе господствуетъ у насъ въ тѣхъ общественныхъ кругахъ, которые не обладаютъ ни малѣйшею національною стойкостью и легко пасуютъ передъ малѣйшимъ давленіемъ слабой числомъ и, не Богъ же вѣсть какъ нравственно сильной, наличной нѣмецкой стихіи въ Россіи.

Съ дѣтства пріучаемые глядѣть на германизмъ, какъ на общечеловѣческую цивилизацію, а въ славянствѣ видѣть одну первобытную грубость и невѣжество, мы рѣдко умѣемъ должнымъ образомъ оцѣнять ту великую пользу, которую принесли намъ южные и западные славяне своею борьбой съ германизмомъ. Мы любимъ жаловаться на медленный ростъ и слабую самобытность русской образованности. Но мы рѣдко соображаемъ, что безъ такъ презираемыхъ у насъ — и несправедливо и напрасно—западныхъ славянскихъ словесностей русская литература и наука еще бы менѣе, чѣмъ теперь, успѣли развиться и подвинуться впередъ. Не говоримъ уже о вліяніи блестящаго государственнаго роста, военной и политической славы Россіи на пробужденіе и развитіе русскаго національнаго генія въ Ломоносовѣ, Державинѣ, Карамзинѣ, Пушкинѣ и въ ихъ школахъ. Но и эта «слава, купленная кровью», и этотъ «полный гордаго довѣрія покой» достались Россіи никакъ не помимо и не независимо отъ сохраненія вѣры и народности мильйоновъ нашихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ въ Турціи и Австріи. Простой фактъ существованія мильйоновъ родныхъ братьевъ за предѣлами Россіи возвышалъ, окрылялъ русскіе помыслы, раздвигалъ границы русской мысли, не дозволялъ русской душѣ очерствѣть въ тѣсномъ національномъ эгоизмѣ, питалъ и поддерживалъ въ ней чуткую отзывчивость и благоволеніе къ людямъ. Эти способности души естественно развиваются въ людяхъ, испытавшихъ радости и счастье, невзгоды и печали большой семьи, и также легко глохнутъ и исчезаютъ у людей, обреченныхъ на сиротливое одиночество. Великая лежитъ сила въ братствѣ и для одинокихъ лицъ, и для цѣлыхъ народовъ.

. . . . . Вѣдь, это слово—братья
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй!

Русская наука уже успѣла отчасти раскрыть то глубокое просвѣтительное вліяніе, которое имѣли на древнюю русскую словесность и обра-

зованность древне-славянскія церкви и письменности Македоніи, Моравіи, Панноніи, Болгаріи и Сербіи. Нельзя намъ, русскимъ, безъ уваженія и признательности вспоминать и о новѣйшемъ національномъ и литературномъ движеніи южныхъ и западныхъ славянъ. Трудамъ Добровскаго, Суровецкаго, графа Потоцкаго, Копитара, Шафарика, Юнгмана, Линде, Палацкаго, Мацѣевскаго, Вишневскаго, Кухарскаго, Лелевеля, Караджича, Миклошича, ихъ учениковъ и продолжателей, вмѣстѣ съ работами современныхъ имъ русскихъ ученыхъ, обязана славистика и своимъ происхожденіемъ, и своимъ блестящимъ развитіемъ, со множествомъ важныхъ достигнутыхъ ею результатовъ. Эта новая и прекрасная отрасль знанія оказала уже и продолжаетъ непрерывно оказывать самое благотворное вліяніе на все развитіе новѣйшей русской науки со временъ Карамзина, на успѣхи русской филологіи, этнографіи, археологіи, исторіи церкви и права, литературы и государства.

На пользѣ Россіи для славянъ и пользѣ славянъ для Россіи и утверждается ученіе о солидарности и общности ихъ національныхъ интересовъ. Сознаніе ея въ умахъ русскихъ и славянскихъ и составляетъ такъ называемую идею славянскую. Она лежитъ въ основѣ различныхъ ученій панславизма, который имѣетъ свою исторію, своихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ представителей, свои школы, съ особыми отличительными воззрѣніями и пріемами, смотря по народностямъ, религіознымъ и политическимъ условіямъ ихъ жизни.

Въ исторіи этой славянской идеи любопытно слѣдить за возникавшими повременно стремленіями и попытками доставить взаимнымъ отношеніямъ народовъ славянскихъ извѣстную устойчивость и законную правильность. Я позволю себѣ здѣсь припомнить нѣсколько такихъ предположеній и попытокъ, сдѣланныхъ почти въ одно время, приблизительно, лѣтъ 70 назадъ. Тогда поднимались противъ турокъ сербы нынѣшняго княжества съ своимъ знаменитымъ, преступнымъ и героическимъ вождемъ Георгіемъ Чорнымъ. И тогда только что нежданно родилась въ Европѣ въ полномъ всеоружіи съ громомъ побѣдъ новая грозная западная имперія.

Русскій священникъ въ Венгріи, отецъ Самборскій, въ 1804 году, получилъ отъ митрополита австрійскихъ сербовъ, Стефана Стратимировича, политическій мемуаръ для сообщенія императору Александру. Митрополитъ просилъ извинить его, что онъ не подписалъ своей записки: не дерзнулъ сего сдѣлать, чтобъ не потерять головы.

Сербскій митрополитъ старается разъяснить тѣ выгоды, которыя вправѣ ожидать Россія отъ освобожденія и объединенія австрійскихъ и турецкихъ сербовъ.

Россія, говорилъ онъ, есть единственное государство въ Европѣ православное и славянское. Всякое европейское государство и всякій народъ

въ Европѣ имѣютъ у себя друзей и союзниковъ въ своихъ единовѣрцахъ и соплеменникахъ. Политическіе союзы, основанные на интересахъ минуты и случайныхъ выгодахъ, не отличаются внутреннею крѣпостью. Иное дѣло союзы, основанные на взаимномъ согласіи и дружбѣ народовъ, связанныхъ единовѣріемъ и единоплеменностью. Это уже отчасти сознавала Россія Петра Великаго и Екатерины II-й. Отсюда предположенія ихъ о возобновленіи новой христіанской имперіи въ Константинополѣ и попытки ихъ доставить грекамъ политическую независимость и самостоятельность. Но при единствѣ вѣрѣ у русскихъ съ греками нѣтъ единства языка.

«Гдѣ же найдется иной народъ съ русскими единоплеменный и единовѣрный? Нѣтъ—отвѣчаетъ Стратимировичъ—народа въ поднебесной, который бы толикую любовь и наклоненіе къ русскимъ и россійскимъ государямъ имѣлъ, яко же сербскій восточнаго православія народъ». Сербы живутъ въ австрійскихъ земляхъ, въ Венгріи, Славоніи, Хорватіи, Приморьѣ и Далмаціи и въ предѣлахъ Турціи отъ Дуная на югъ и западъ до Скадра въ Албаніи и до Адріатическаго моря.

Но можно ли бѣдный сей, подъ игомъ и угнетеніемъ турецкимъ стенящій народъ въ самобытное политическое состояніе привести? Еслибъ Россія гарантировала турецкому султану владѣнія въ Азіи, которыя стремятся отложиться отъ Порты, то своимъ могучимъ вліяніемъ русскій государь могъ бы склонить султана на согласіе учредить изъ сербскихъ земель одно вассальное данническое владѣніе, по примѣру новоустроенной республики Іонійскихъ островов. Труднѣе, конечно, будетъ склонить на это другихъ европейскихъ государей, которые въ этомъ ослабленіи Порты увидали бы нарушеніе европейскаго равновѣсія. Но, по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія и внѣшняго благосостоянія, это новое христіанское государство могло бы исправить тѣ невыгоды, которыя бы произошли для европейскаго равновѣсія отъ ослабленіи Турціи. Россія, конечно, встрѣтила бы при этомъ наиболѣе сопротивленія въ Австріи, но зато она бы предупредила тѣ опасности, которыя должны угрожать славянскому православію, въ случаѣ, если Сербія, Боснія будутъ присоединены къ Австріи или получатъ себѣ въ государи какого-нибудь католическаго принца. Австрія, полагаетъ Стратимировичъ, взамѣнъ уступленныхъ ею сербскихъ земель, могла бы получить какія-нибудь территоріальныя, на счетъ Турціи, уступки по сосѣдству съ Трансильваніей... т. е. въ Валахіи. Впрочемъ, Стратимировичъ самъ, кажется, чувствовалъ неудобства послѣдняго предложенія и обращается къ другимъ соображеніямъ. «Таковое о воздвиженіи новаго славяно-сербскаго государства понятіе толь живо представляется моему уму и сердцу, толь полезно за россійскій императорскій домъ, толь славно за весь славянскій родъ, что никакой, хоть и величайшій трудъ, никакое, хотя величайшее иждивеніе не можетъ быть о приобрѣтеніи того превелико». Современное положеніе Европы особенно благо-

пріятно, по мнѣнію Стратимировича, осуществленію этой мысли. Если Бонапарте одинъ противъ интересовъ всей Европы, иногда даже самой Франціи, могъ надѣлать такихъ перемѣнъ въ Европѣ, часто безъ всякой надобности и вопреки справедливости, если могъ все это сдѣлать вчерашній итальянецъ Бонапарте, то неужли добродѣтельный, мудрый и во всей Европѣ возлюбленный императоръ всероссійскій не можетъ передъ лицомъ всей Европы прямо и открыто выступить за народъ своего благочестія, столько вѣковъ стенящій подъ тиранскимъ игомъ, за народъ своего языка, славянскаго рода и крови, народъ, невинно угнетаемый и забитый, къ нему единому возвышающій руки и взывающій объ освобожденіи. Неужели нельзя и не должно мужественно предъ лицемъ неба и земли защищать дѣло явной справедливости, дѣла народа многочисленнаго, связаннаго такими узами съ русскимъ народомъ. «Еда ли ужь забвена есть любовь славянскаго народа и языка въ Россіи и бѣдныи серби даже отчаяти и подъ турецкимъ тиранствомъ вѣчно остатися имутъ?».

Въ это время только горсть сербовъ въ Черной Горѣ пользовалась извѣстною независимостью. Свои давнія дружескія отношенія къ этому геройскому народцу Россія тогда скрѣпляла братствомъ по оружію. Русскія войска и русская эскадра подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина молодецки тогда дѣйствовали въ Адріатическомъ морѣ противъ французовъ въ Далмаціи (1805—7 г). Тогдашнія дѣйствія русскихъ воскресили въ бо́льшей части православнаго и католическаго населенія Далмаціи тѣ сочувствія и ожиданія, которыя пробудилъ въ ней Петръ-Великій, завязавъ съ нею живыя сношенія, выписывая на службу въ русскій флотъ множество далматинцевъ. Этотъ образъ дѣйствій Петра возбуждалъ въ свое время сильный страхъ въ республикѣ Венеціанской. Генералъ-проведиторъ Далмаціи извѣщалъ (1718), что православное населеніе сильно расположено къ Петру, и что царь поддерживаетъ съ ними связи, дабы имѣть въ нихъ помощь на случай войны съ турками *). Энергическій, умный и благородный образъ дѣйствій Сенявина и его эскадры возбудилъ въ сербахъ Далмаціи, Черногорья и сосѣднихъ турецкихъ земель самыя восторженныя надежды и упованія. Въ началѣ 1807 года отправленъ былъ въ Петербургъ черногорскій архимандритъ Симеонъ Ивковичъ, «дабы повергнуть предъ императоромъ Александромъ I единодушное желаніе митрополита черногорскаго и всѣхъ народовъ того края, православную вѣру исповѣдующихъ: 1) Чтобъ по низложеніи всемірнаго врага (Напо-

*) Генералъ Проведиторъ Далмаціи Альвизе Мочениго писалъ инквизиторамъ, изъ Сплѣта 7-го окт. 1718 г.: «Per quello spetta a Moscoviti niente ho potuto penetrar toccante il commercio, bensì m'è sortito di ritrahere, che faccia quel Czar coltivare quei popoli Greci coll'oggetto di nutrirli nella dispositione di movere le armi contro il Turco, quando si trovasse in impegno di una aperta guerra, nè può dubitarsi che li Greci stessi non siino portati da una forte inclinatione verso il Czar medesimo».

въ Европѣ имѣютъ у себя друзей и союзниковъ въ своихъ единовѣрцахъ и соплеменникахъ. Политическіе союзы, основанные на интересахъ минуты и случайныхъ выгодахъ, не отличаются внутреннею крѣпостью. Иное дѣло союзы, основанные на взаимномъ согласіи и дружбѣ народовъ, связанныхъ единовѣріемъ и единоплеменностью. Это уже отчасти сознавала Россія Петра Великаго и Екатерины II-й. Отсюда предположенія ихъ о возобновленіи новой христіанской имперіи въ Константинополѣ и попытки ихъ доставить грекамъ политическую независимость и самостоятельность. Но при единствѣ вѣрѣ у русскихъ съ греками нѣтъ единства языка.

«Гдѣ же найдется иной народъ съ русскими единоплеменный и единовѣрный? Нѣтъ—отвѣчаетъ Стратимировичъ—народа въ поднебесной, который бы толикую любовь и наклоненіе къ русскимъ и россійскимъ государямъ имѣлъ, яко же сербскій восточнаго православія народъ». Сербы живутъ въ австрійскихъ земляхъ, въ Венгріи, Славоніи, Хорватіи, Приморьѣ и Далмаціи и въ предѣлахъ Турціи отъ Дуная на югъ и западъ до Скадра въ Албаніи и до Адріатическаго моря.

Но можно ли бѣдный сей, подъ игомъ и угнетеніемъ турецкимъ стенящій народъ въ самобытное политическое состояніе привести? Еслибъ Россія гарантировала турецкому султану владѣнія въ Азіи, которыя стремятся отложиться отъ Порты, то своимъ могучимъ вліяніемъ русскій государь могъ бы склонить султана на согласіе учредить изъ сербскихъ земель одно вассальное данническое владѣніе, по примѣру новоустроенной республики Іонійскихъ островов. Труднѣе, конечно, будетъ склонить на это другихъ европейскихъ государей, которые въ этомъ ослабленіи Порты увидали бы нарушеніе европейскаго равновѣсія. Но, по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія и внѣшняго благосостоянія, это новое христіанское государство могло бы исправить тѣ невыгоды, которыя бы произошли для европейскаго равновѣсія отъ ослабленіи Турціи. Россія, конечно, встрѣтила бы при этомъ наиболѣе сопротивленія въ Австріи, но зато она бы предупредила тѣ опасности, которыя должны угрожать славянскому православію, въ случаѣ, если Сербія, Боснія будутъ присоединены къ Австріи или получатъ себѣ въ государи какого-нибудь католическаго принца. Австрія, полагаетъ Стратимировичъ, взамѣнъ уступленныхъ ею сербскихъ земель, могла бы получить какія-нибудь территоріальныя, на счетъ Турціи, уступки по сосѣдству съ Трансильваніей... т. е. въ Валахіи. Впрочемъ, Стратимировичъ самъ, кажется, чувствовалъ неудобства послѣдняго предложенія и обращается къ другимъ соображеніямъ. «Таковое о воздвиженіи новаго славяно-сербскаго государства понятіе толь живо представляется моему уму и сердцу, толь полезно за россійскій императорскій домъ, толь славно за весь славянскій родъ, что никакой, хоть и величайшій трудъ, никакое, хотя величайшее иждивеніе не можетъ быть о пріобрѣтеніи того превелико». Современное положеніе Европы особенно благо-

пріятно, по мнѣнію Стратимировича, осуществленію этой мысли. *Если Бонапарте* одинъ противъ интересовъ всей Европы, иногда даже самой Франціи, могъ надѣлать такихъ перемѣнъ въ Европѣ, часто безъ всякой *надобности* и вопреки справедливости, если могъ все это сдѣлать вчерашній итальянецъ Бонапарте, то неужли добродѣтельный, мудрый и во *всей* Европѣ возлюбленный императоръ всероссійскій не можетъ передъ *лицомъ* всей Европы прямо и открыто выступить за народъ своего *благочестія*, столько вѣковъ стенящій подъ тиранскимъ игомъ, за народъ своего языка, славянскаго рода и крови, народъ, невинно угнетаемый и забитый, къ нему единому возвышающій руки и взывающій объ освобожденіи. Неужели нельзя и не должно мужественно предъ лицемъ неба и земли защищать дѣло явной справедливости, дѣла народа многочисленнаго, связаннаго такими узами съ русскимъ народомъ. «Еда ли ужъ *забвена* есть любовь славянскаго народа и языка въ Россіи и *бѣдныи серби* даже отчаяти и подъ турецкимъ тиранствомъ вѣчно остатися имуть?».

Въ это время только горсть сербовъ въ Черной Горѣ пользовалась извѣстною независимостью. Свои давнія дружескія отношенія къ этому геройскому народцу Россія тогда скрѣпляла братствомъ по оружію. Русскія войска и русская эскадра подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина молодецки тогда дѣйствовали въ Адріатическомъ морѣ противъ французовъ въ Далмаціи (1805—7 г). Тогдашнія дѣйствія русскихъ воскресили въ большей части православнаго и католическаго населенія Далмаціи тѣ сочувствія и ожиданія, которыя пробудилъ въ ней Петръ-Великій, завязавъ съ нею живыя сношенія, выписывая на службу въ русскій флотъ множество далматинцевъ. Этотъ образъ дѣйствій Петра возбуждалъ въ свое время сильный страхъ въ республикѣ Венеціанской. Генералъ-проведиторъ Далмаціи извѣщалъ (1718), что православное населеніе сильно расположено къ Петру, и что царь поддерживаетъ съ [illegible] связи, дабы имѣть въ [illegible] помощь на случай войны съ турками *). Энергическій, умный и благородный образъ дѣйствій Сенявина и его эскадры возбудилъ [illegible] сербахъ Далмаціи, Черногорья и сосѣднихъ турецкихъ земель самыя [illegible]торженныя надежды и упованія. Въ началѣ 1807 года отправленъ [illegible] въ Петербургъ черногорскій архимандритъ [illegible]еонъ Ивковичъ, [illegible] вергнуть предъ императоромъ Александромъ I единодушное [illegible] митрополита черногорскаго и всѣхъ [illegible] того края, прав[illegible] вѣру исповѣдующихъ: 1) Чтобъ по [illegible] всемірнаго вра[illegible]

*) Генералъ Проведиторъ Далмаціи [illegible] писалъ [illegible] Сената 7-го окт. 1718 г.: «Per quello [illegible] a [illegible] niente ho potuto [illegible] cante il commercio, bensi m'è sortito di [illegible] a faccia quel Czar [illegible] popoli Greci coll'oggetto di nutrirli nella [illegible] movere le armi [illegible] quando si trovasse in impegno di una [illegible] nè può dubitar[illegible] stessi non siino portati da una forte [illegible] il Czar medesim[illegible]

представляется единственно естественнымъ союзомъ, который одинъ можетъ создать хорошую границу для Россіи и представить лучшій противовѣсъ усиленію Франціи». Далѣе Броневскій представляетъ соображенія и комбинаціи, при которыхъ можно было бы склонить самого Наполеона къ согласію на такую федерацію, ибо, въ сущности, она была бы усиленіемъ нашего вліянія, а не увеличеніемъ нашихъ границъ. «Впрочемъ граница, составленная изъ маленькихъ соединенныхъ государствъ подъ обоюднымъ вліяніемъ двухъ имперій, вовсе не противна интересамъ Франціи. Такой планъ входитъ въ систему ея политики, наполняющей второстепенными государствами весь промежутокъ между сѣверомъ и югомъ составныхъ частей современной Франціи. Останется только разрѣшить, на основаніи физическихъ и нравственныхъ данныхъ, какія земли должны составлять существенную часть рейнскаго союза и какія будутъ принадлежать къ союзу славянскому. Впрочемъ, природа вполнѣ разрѣшила этотъ вопросъ, и совершенно неумѣстно сомнѣваться, должны ли разсѣянные въ Европѣ славяне принадлежать къ какому-нибудь иному союзу, кромѣ славянскаго, подобно тому, какъ нѣчего доказывать, что прилежащія къ Рейну земли должны быть подъ вліяніемъ не Россіи, а Франціи. Эти основанія непоколебимы. Дѣло это можетъ быть откладываемо, но несокрушимая сила событій когда-нибудь да приведетъ къ его осуществленію.»

«Во всякомъ случаѣ — говоритъ Броневскій — сохраненіе славянъ для Россіи столь же важно, какъ сбереженіе каменоломныхъ копей, доставляющихъ матеріалъ для поддержанія и нодновленія ея государственнаго зданія». Въ заключеніе, Броневскій предлагалъ правительству свои личныя услуги, вызывался самъ ѣхать къ сербамъ руководить и умѣрять ихъ преждевременный пылъ, и явиться къ нимъ въ качествѣ частнаго человѣка, съ предоставленіемъ министерству права отступиться отъ него, если обстоятельства того потребуютъ. «Я почту себя счастливымъ, если удастся послужить на пользу нѣсколькихъ милльйоновъ людей и во славу родины. Я не дорожу жизнью, когда дѣло идетъ о такихъ великихъ интересахъ.»

Можно говорить противъ плана Броневскаго, легко указать его слабыя стороны, но чистота его намѣреній и искренняя преданность дѣлу освобожденія славянъ не подлежатъ сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи, такъ же, какъ за нѣкоторыя весьма меткія замѣчанія о славянахъ и о малыхъ государствахъ между великими, записка Броневскаго даетъ ему право на почетное мѣсто въ ряду новѣйшихъ дѣятелей въ исторіи сношеній Россіи съ южными и западными славянами. И послѣ 1807 года у насъ являлись предложенія и продѣлывались опыты, отчасти похожіе на проектъ Броневскаго и, кажется даже какъ бы имъ внушенные. Таковы были напримѣръ, планъ адмирала Чичагова 1812 года и инструкціи, ему данныя при отправленіи его главнокомандующимъ арміи

въ Молдавіи. Въ виду наполеоновскаго нашествія и союза Австріи съ Франціей, тогда тоже предполагалось образованіе славянской федераціи, а прежде всего имѣлось собственно въ виду «воспользоваться, какъ говорилось, военнымъ духомъ народовъ славянскаго происхожденія, сербовъ, босняковъ, далматинцевъ, черногорцевъ, хорватовъ, иллировъ. Однажды вооруженные и организованные, они могли бы много содѣйствовать нашимъ военнымъ операціямъ. Венгерцы, недовольные настоящимъ правительствомъ, представляютъ тоже отличное средство безпокоить Австрію и слѣдовательно ослабить ея силы». Составленное изъ этихъ славянъ и венгерцевъ ополченіе вмѣстѣ съ нашими регулярными войсками имѣло бы своимъ назначеніемъ, съ одной стороны, предупредить враждебные замыслы Австріи, а съ другой — произвести диверсію на правомъ крылѣ французскихъ владѣній. Цѣлью этой диверсіи противъ Франціи должно было быть занятіе Босніи, Далмаціи и Хорватіи и обращеніе ихъ милицій на важнѣйшіе пункты адріатическаго побережья, особенно же на Тріестъ, Фіуме, Бокке ди-Катаро и прочіе, «дабы завязать, въ случаѣ надобности, сношенія съ англійскимъ флотомъ, подстрекать недовольство Тироля и Швейцаріи и втянуть ихъ мужественное населеніе въ общія дѣйствія противъ Наполеона». Для успѣшнѣйшаго достиженіи цѣли, адмиралу Чичагову предписывалось «употреблять всѣ возможныя средства для возбужденія и привлеченія на нашу сторону славянскихъ населеній». Такъ, напримѣръ: «дозволялось ему обѣщать независимость, образованіе славянскаго королевства (какого?), раздавать денежныя пособія и ордена главнымъ ихъ начальникамъ и войскамъ».

Въ этихъ проектахъ, которые, по счастью, славянамъ не пришлось испытать, а русскимъ вводить въ исполненіе, прежде всего насъ поражаютъ двѣ отличительныя ихъ особенности: съ одной стороны, одностороннее воззрѣніе на вопросъ о независимости славянства, а съ другой — крайне небрежное и легкомысленное отношеніе къ предмету, полное незнакомство съ внутреннимъ положеніемъ странъ и народовъ, которыя у насъ хотѣли освобождать. Односторонность и узкость воззрѣнія значительно помогала легкомыслію пріемовъ, съ которыми приступали къ рѣшенію вопроса. Казалось, стòитъ только овладѣть извѣстною внѣшнею силой, и вопросъ легко разрѣшится. Независимость, свобода славянъ понималась единственно и исключительно въ смыслѣ политическомъ, и притомъ, въ духѣ господствовавшей въ то время въ Россіи государственной теоріи, т. е. чисто военно-полицейской. Съ точки зрѣнія этой теоріи, народъ представляется толпой плательщиковъ и готовыхъ или способныхъ поступить въ солдаты. Славяне въ этихъ планахъ разсматривались исключительно, какъ внѣшній матеріалъ, который, отнявъ у противника — и тѣмъ ослабивъ его, можно употребить на свои надобности. Такъ какъ при этомъ имѣются въ виду обстоятельства минуты,

извѣстные внѣшніе политическіе моменты, то лишь только они прекращаются или измѣняются, матерьялъ становится ненужнымъ и, какъ лишній грузъ, спокойно выбрасывается за бортъ. Образованіе народа, его духовные идеалы, его потребности, его сочувствія и антипатіи подчиняются въ этой государственной теоріи задачамъ государственнымъ, понимаемымъ-таки опять только въ полицейско-военномъ смыслѣ. Мудрено ли, что при такихъ воззрѣніяхъ у насъ, въ Россіи, въ первую половину нынѣшняго столѣтія, освобожденіе славянства могло почитаться дѣломъ очень легкимъ. Совершенное незнакомство составителей этихъ проектовъ съ необходимыми частностями и подробностями внѣшняго положенія и внутренняго быта южныхъ и западныхъ славянъ, полный недостатокъ свѣдѣній государственныхъ и политико-экономическихъ въ тогдашнемъ русскомъ образованномъ обществѣ были также немаловажною причиной легкомысленнаго пониманія славянскаго вопроса.

Съ другаго рода теоріей, хотя также узкой и ограниченной и также исключительно политической, только едва ли еще не съ бо̀льшимъ легкомысліемъ подошли нѣсколько позже къ вопросу славянскому Борисовъ съ членами основаннаго имъ, въ 1823 году, общества соединенныхъ славянъ, которые, по свидѣтельству донесенія слѣдственной коммисіи 1826 года, имѣли цѣлью «соединить общимъ союзомъ и единообразнымъ республиканскимъ правленіемъ, но безъ нарушенія независимости каждаго, восемь славянскихъ колѣнъ, означенныхъ на осьмиугольной печати ихъ: Россію, Польшу, Богемію, Моравію, Далмацію, Кроацію, Венгрію съ Трансильваніей, Сербію съ Молдавіей и Валахіей».

И Броневскій, и такъ-называвшіеся соединенные славяне, и адмиралъ Чичаговъ, при составленіи своихъ проектовъ объ устройствѣ быта южныхъ и западныхъ славянъ, повидимому, и не подозрѣвали необходимости предварительнаго опроса населеній, коихъ хотѣли облагодѣтельствовать, относительно ихъ главныхъ нуждъ, желаній. Этимъ попечителямъ славянъ не приводилось вовсе задумываться надъ внутреннимъ значеніемъ историческихъ явленій и учрежденій, которыя привели и держали славянъ въ печальномъ состояніи внѣшняго и духовнаго рабства. Уму этихъ русскихъ друзей славянъ и не представлялось даже вопроса: новыя, вызываемыя ими для славянъ формы жизни и учрежденія какого духа и характера? въ какой степени сама Россія и ея образованное общество могли быть названы самобытными, независимыми, славянскими? Всѣ эти легко задуманные планы освобожденія южныхъ и западныхъ славянъ не могли и по другимъ причинамъ имѣть какой-либо практическій успѣхъ. Безъ помощниковъ и сотрудниковъ изъ среды самихъ славянъ русскіе образованные люди, еслибъ даже въ то время ихъ было много, ничего не могли бы подѣлать. Въ первую четверть нынѣшняго столѣтія, національная славянская интеллигенція едва лишь начинала возни-

вать. Самая многочисленная и развитая теперь въ западномъ славянствѣ, чешская такъ была слаба и ничтожна въ то время, что, по свидѣтельству современныхъ престарѣлыхъ національныхъ вождей, они, въ юности, разговаривая въ Прагѣ на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ по-чешски, совершали какъ бы нѣкій подвигъ самоотверженія, ибо этимъ добывали себѣ у всесильной австрійской полиціи славу людей подозрительныхъ и опасныхъ.

Съ 1815 года пріобрѣтаютъ у насъ рѣшительное преобладаніе два направленія, или, въ сущности, одно направленіе съ двумя развѣтвленіями, консервативнымъ и либеральнымъ. По возрѣнію ихъ обоихъ, высшее призваніе и главная задача Россіи заключалась въ усвоеніи и охраненіи европейской цивилизаціи, какъ единственно вселенской и вполнѣ общечеловѣческой. Россія должна быть державой и страной настояще, истинно европейской. Все русское, непохожее на европейское, должно быть устранено и даже уничтожено, какъ не европейское, а азіатское или, по меньшей мѣрѣ, византійское.

Консервативная сторона этого направленія, за которою стояла сила матеріальная и въ которой главную интеллигентную силу составляли наши остзейцы, возлагала на Россію задачу охранять законный, существующій порядокъ въ Европѣ, ея тишину и спокойствіе. Высшій оракулъ этого направленія былъ Меттернихъ и прусскіе консерваторы крайне правой Гегеліанства. Главнымъ врагомъ этого направленія былъ либерализмъ Франціи, такъ-называвшіяся *тлетворныя ея начала и завиральныя идеи.*

Либеральной сторонѣ этого направленія сочувствовало все лучшее образованное русское общество. Къ ея дѣятелямъ принадлежали всѣ лучшіе русскіе умы и таланты, всѣ блестящіе представители русской литературы 20, 30 и 40-хъ годовъ. Враждебные нашимъ консерваторамъ, эти русскіе либералы европейцы относились къ либеральной Европѣ съ такою же вѣрой въ ея умственную непогрѣшимость и нравственную высоту, съ какою ихъ консервативные противники поклонялись Европѣ консервативной.

Были у насъ еще особаго рода консерваторы, подобные Фотіямъ и Аракчеевымъ. Но то были не люди партіи, а всплывавшіе вверхъ осадки всей той дикости, грубости и порочности, которая имѣлась въ тогдашней Россіи. Ихъ также, строго говоря, нельзя причислять ни къ одному изъ умственныхъ направленій, какъ и извѣстныхъ исполнителей правосудія или нѣкоторыхъ полицейскихъ агентовъ. Если послѣдніе суть явленія печальной необходимости, то первые суть неизбѣжныя случайности нѣкоторыхъ печальныхъ моментовъ общественнаго развитія. И консерваторы, считающіе нужнымъ прибѣгать къ такого рода случайнымъ

помощникамъ, наносятъ всегда смертельные удары своимъ же консервативнымъ началамъ.

При господствѣ въ русскомъ обществѣ такого европейскаго направленія съ его двумя развѣтвленіями, восточно-христіанская миссія и славянскія задачи Россіи естественно должны были отойти на самый задній планъ и даже были совершенно отвергаемы. Вся Европа, и консервативная, и либеральная, была согласна въ томъ, что восточные христіане и славяне, какъ низшія грубыя расы и какъ исповѣдники искаженнаго Византіей и схизмой христіанства, должны быть содержимы въ черномъ тѣлѣ и въ ежовыхъ рукавицахъ. Таково было требованіе огромнѣйшаго большинства представителей европейской, общечеловѣческой цивилизаціи.

Русскіе европейцы съ одинаковымъ неудовольствіемъ выслушивали жалобы славянъ и ихъ выраженія сочувствія къ Россіи, ихъ воззванія къ ея помощи. Консерваторы и либералы одинаково видѣли тутъ недостойный бунтъ и мятежъ противъ цивилизаціи. Одни отсылали славянъ къ ихъ законному начальству, другіе къ его европейскимъ либеральнымъ противникамъ. «Поймите — говорили наши либералы славянамъ — что васъ угнетаетъ не Европа, а Меттернихъ, который также угнетаетъ и нѣмцевъ. Обратитесь къ либеральной Германіи, Европѣ, и она признаетъ всѣ ваши либеральныя требованія. Она даруетъ вамъ все нужное для свободы. Поймите же величіе и вселенскую правду европейской цивилизаціи: вѣдь любой австрійскій жандармъ въ Штиріи представляетъ высшія начала просвѣщенія, чѣмъ ея славянскіе крестьяне».

Впрочемъ, отъ этого европейскаго направленія въ Россіи и его двоякихъ представителей, консервативныхъ и либеральныхъ, нельзя было по счастью, ожидать строгой выдержанности и послѣдовательности, ибо это воззрѣніе на подчиненную, служебную роль Россіи было умственно несостоятельно, внутренне безсильно. Только самобытныя, оригинальныя идеи всецѣло могутъ покорять себѣ людей. Это же направленіе рѣшительно противорѣчило всѣмъ лучшимъ преданіямъ русской исторіи, всѣмъ духовнымъ идеаламъ русскаго народа. Безсознательно, но неудержимо и своимъ языкомъ, и своимъ крѣпкимъ бытомъ, своею вѣрой, преданіями и многолюдствомъ онъ постоянно то связывалъ слишкомъ стремительные порывы нашихъ консерваторовъ и либераловъ, то обращалъ и направлялъ ихъ въ другую сторону. Такимъ образомъ, наши европейцы, какъ консерваторы, такъ и либералы, по счастью для Россіи, никогда до конца не могли выдержать своей вѣрноподанности Европѣ.

А тутъ еще въ 30-хъ, въ началѣ 40-хъ годовъ начала понемногу выдѣляться изъ среды русскаго образованнаго общества небольшая группа людей съ такими высоко-образованными и даровитыми представителями, какъ Хомяковъ, братья Кирѣевскіе и Аксаковъ. Они начинаютъ

обличать недостатки и пороки русской новѣйшей образованности, ея внутреннюю несамостоятельность, ея безсиліе. Признавая все величіе новѣйшей европейской цивилизаціи и всѣ громадныя заслуги романо-германской Европы въ наукѣ, искусствахъ и въ общежитіи, наши такъ-названные славянофилы утверждали однако, что эта цивилизація не есть всецѣло общечеловѣческая и единственно возможная, что, напротивъ, новѣйшее ея развитіе не отстраняетъ, а даже вызываетъ необходимость появленія иной, новой, высшей, культуры и цивилизаціи. Они говорили, что эта европейская цивилизація на многіе высшіе запросы и требованія человѣческаго духа, на важныя нужды цѣлыхъ народныхъ массъ не даетъ и не въ силахъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ. «Вы напрасно пугаетесь—говорили славянофилы нашимъ европейцамъ—что мы упрекаемъ европейскую цивилизацію въ извѣстной односторонности и исключительности. Всѣ міровыя, когда-либо бывавшія, цивилизаціи всегда страдали нѣкоторою исключительностью и односторонностью. Эта односторонность—неизбѣжный спутникъ всякаго человѣческаго развитія. Съ этою односторонностью связана ихъ сила. Мы не скрываемъ, и новая будущая цивилизація, русская, славянская точно также не будетъ отъ нея свободна. Но она выдвинетъ иныя, высшія начала, которыя слабо или совсѣмъ не развились въ цивилизаціи романо-германской. Нужды нѣтъ, что все то, что̀ пророчитъ намъ появленіе этой новой цивилизаціи, является пока въ простотѣ, грубости, такъ сказать неотесанно. Вы не презирайте этой грубости и не увлекайтесь изящностью внѣшнихъ формъ. Въ русской сельской общинѣ и въ крестьянской сходкѣ, хоть иногда не безъ пьяныхъ горлановъ, можетъ быть, больше разума и внутренней правды, больше будущности, чѣмъ въ иныхъ красивыхъ европейскихъ конституціяхъ и парламентахъ. Изъ того, что въ средневѣковой Европѣ немало было сходнаго съ до-петровскою и нынѣшнею народною Русью, еще вовсе не слѣдуетъ, что наша цивилизація должна быть повтореніемъ или сколкомъ европейской. Древній Римъ точно также во многомъ походилъ на Грецію, однако его цивилизація была иная, чѣмъ греческая. У древнихъ и средневѣковыхъ кельтовъ, романцевъ и германцевъ много было сходства съ древними греками и римлянами. Однако романо-германская цивилизація очень разнится и отъ древне-греческой и древне-римской. Точно также должна разниться отъ европейской и наша грядущая цивилизація. Христіанство, такъ узко и ограниченно понимаемое въ католицизмѣ и протестантствѣ, уже умираетъ и хоронится въ Европѣ. Но внутреннее содержаніе христіанства далеко еще не исчерпано и не осуществлено на землѣ. Восточный отдѣлъ христіанскаго міра еще не сказалъ, подобно западному, своего послѣдняго слова въ постиженіи и осуществленіи христіанскихъ идеаловъ любви, братства и свободы. Да и внѣшняя цѣлость даровитѣйшаго на землѣ

племени — арійскаго — въ однихъ романо-германцахъ не заключается. Господствующіе на земномъ шарѣ исповѣдники христіанства и

audax Japeti genus

были бы очень неполно представлены безъ даровитаго и многочисленнаго славянскаго племени со всѣми, культурно и географически къ нему примыкающими, разными малыми христіанскими народами и племенами какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи».

Таковы были существенныя и главныя положенія, которыя развивали въ нашей литературѣ первые славянофилы и ихъ позднѣйшіе товарищи и продолжатели.

Долгое время, частью и понынѣ, въ нашихъ образованныхъ кружкахъ, и консервативныхъ и либеральныхъ, они считались и считаются людьми вредными, дающими ложное направленіе русской жизни. Тѣмъ не менѣе, съ самаго появленія своего до настоящей минуты, они имѣли и имѣютъ какъ видимое и признаваемое, такъ и скрытое, но одинаково сильное вліяніе и на всѣ новѣйшія многочисленныя развѣтвленія стараго консервативнаго и либеральнаго нашего европейскаго направленія, еще менѣе нынѣ выдержаннаго и послѣдовательнаго, чѣмъ въ 40-хъ годахъ. Они были дружески связаны, съ одной стороны, съ Жуковскимъ, графомъ Блудовымъ, съ другой — съ Герценомъ. Теперь нѣтъ, строго говоря, ни одной сколько-нибудь европейски-образованной русской партіи, которая, часто сама того не зная и даже искренно увѣренная, что она открываетъ Америку, вноситъ, какъ нѣчто новое, въ свой символъ вѣры какіе-нибудь урывки изъ ученія людей, которыхъ ея представители обзываютъ и отсталыми, и вредными.

Какъ бы то ни было, но новѣйшая вѣра въ служебную и подчиненную европейскимъ цѣлямъ миссію Россіи была совершенно расшатана и потрясена въ сознаніи русскаго образованнаго общества. Частныя историческія изысканія въ области русской и славянской исторіи, все болѣе распространяющееся знакомство во всѣхъ кругахъ русскаго общества съ современнымъ положеніемъ восточно-христіанскихъ и западно-славянскихъ земель и ихъ отношеніями къ Россіи и западной Европѣ значительно уже прояснили и облегчили пониманіе восточно-христіанской миссіи и славянскаго призванія Россіи. Русское общество теперь одинаково далеко и отъ легкомысленнаго отношенія къ такъ-называемому восточному вопросу, и отъ тупаго равнодушія къ положенію и судьбѣ русскихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ.

Восточный вопросъ отнюдь не есть только вопросъ политическій. Это не только вопросъ экономически-финансовый или судебно-административный. Это не только вопросъ соціальный, аграрный или церковный. Это и не одинъ герцеговинскій или боснійскій, и нетолько сербско-турецкій, или сербско-мадьярскій и сербско-нѣмецкій вопросы. Это есть

вмѣстѣ и вопросъ болгарскій, болгарско-турецкій и болгарско-греческій. Съ ними также связаны вопросы и греческо-турецкій, и албанскій, и далматинско-хорватскій, и всѣ разнообразные и запутанные вопросы національностей въ Австро-Угріи, по отношенію къ мадьярамъ и нѣмцамъ. Только апатія и слѣпота можетъ убаюкивать себя надеждою, что все это легко и скоро можетъ быть улажено или разрѣшено къ общему удовольствію, такъ что будутъ и волки сыты и овцы цѣлы. Всѣ эти разнообразнѣйшіе вопросы, внутренне и внѣшне тѣсно между собою связанные, и составляютъ вмѣстѣ взятые одинъ громадный, запутаннѣйшій и трудно разрѣшимый восточный вопросъ. Онъ близко касается и затрогиваетъ интересы всѣхъ европейскихъ національностей и государствъ. Но всего ближе онъ касается интересовъ русскаго народа и его образованности, ибо это вопросъ жизни или смерти мильйоновъ нашихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ. Герцеговинская смута—это первое явленіе новой, начинающей разыгрываться исторической драмы, эпилогъ которой суждено увидѣть развѣ нашимъ дѣтямъ. Эти отчаянныя схватки съ турками, эти вопли и рыданія, эти стоны и крики бѣдныхъ женщинъ, стариковъ и дѣтей, покинувшихъ родныя пепелища: это первые раскаты приближающейся грозы и бури. Это первые стуки славянъ въ заколоченныя донынѣ для нихъ ворота всемірно-исторической жизни. То крикъ нетерпѣнія мильйоновъ даровитаго, благороднаго племени, усталаго служить и работать на чужихъ, желающаго и сознающаго въ себѣ силы пожить, наконецъ, на волѣ и потрудиться на себя.

Владиміръ Ламанскій.

ПОСЛѢДНЕЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

графа А. К. Толстого *).

Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ,
Ручей межъ травъ катился молчаливъ.
Былъ тихій часъ межъ сумракомъ и свѣтомъ,
Былъ легкій сонъ лѣсовъ, полей и нивъ.
Не оглашалъ ихъ соловей привѣтомъ;
Природу всю широко осѣнивъ,
Царилъ покой; но подъ безмолвной тѣнью
Могучихъ силъ мнѣ чуялось движенье.

Не шелестя надъ головой моей,
Въ прозрачный мракъ деревья улетали;
Сквозной узоръ ихъ молодыхъ вѣтвей,
Какъ легкій дымъ, терялся въ горной дали;
Лѣсной чебёръ и полевой шалфей,
Блестя росой, въ травѣ благоухали —
И думалъ я, въ померкшій глядя сводъ:
Куда меня такъ манитъ и влечотъ?

Проникнутъ весь блаженствомъ былъ я новымъ,
Исполненъ весь невѣдомыхъ мнѣ силъ.

*) Это стихотвореніе графа А. К. Толстого написано имъ весною 1875 года, во Флоренціи, когда жизнь его уже близилась къ концу. Послѣ этого произведенія онъ не писалъ ничего. Это была его лебединая пѣснь, послѣдній поэтическій помыселъ и вздохъ. Подъ вліяніемъ весеннихъ ощущеній, поэта, среди болѣзни и страданій, осѣнилъ внезапный покой; силы его на минуту ожили, вмѣстѣ съ природой. Но онъ былъ уже чуждъ внѣшнему міру, или, по словамъ его, «умеръ» для «тревогъ» и «злобы дня» и остался только «чутокъ» къ поэтическому трепету своей души. Въ нѣжныхъ звукахъ лиры онъ высказалъ свою творческую тайну, угадавъ въ ней «соглашенье творчества» съ этимъ внезапно-нисшедшимъ на него «покоемъ».

Чего въ житейскомъ натискѣ суровомъ
Не смѣлъ я ждать, чего я не просилъ —
То̀ свершено однимъ, казалось, словомъ.
И мнилось мнѣ, что я лечу безъ крылъ,
Перехожу, подъятъ природой всею,
Въ одинъ порывъ неудержимый съ нею.

Но трезвъ былъ умъ, и чуждъ ему восторгъ.
Надежды я не зналъ, ни опасенья...
Кто жь мощно такъ отъ нихъ меня отторгъ?
Кто отрѣшилъ отъ тягости хотѣнья?
Со злобой дня души постыдный торгъ
Сталъ для меня безъ смысла и значенья;
Для всѣхъ тревогъ безслѣдно умеръ я
И ожилъ вновь въ сознаньи бытія...

Тутъ пронеслось, какъ въ листьяхъ дуновенье
И, какъ отвѣтъ, послышалося мнѣ:
Задачи то старинной разрѣшенье
Въ таинственномъ ты видишь полуснѣ!
То творчества съ покоемъ соглашенье,
То мысли пылъ въ душевной тишинѣ...
Лови жь сей мигъ, пока къ нему ты чутокъ —
Межь сномъ и бдѣньемъ кратокъ промежутокъ.

Графъ А. Толстой.

Флоренція. Май 1875.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ГРАФѢ А. К. ТОЛСТОМЪ.

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой родился въ Петербургѣ, въ 1817 году; но, вскорѣ послѣ его рожденія, мать его переселилась въ Черниговскую губернію, въ деревню, гдѣ онъ и провелъ почти все свое дѣтство. Послѣ крымской кампаніи онъ сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ, но скоро оставилъ службу, чтобъ посвятить себя только искуству...

Я не намѣренъ писать біографію его, ни входить въ подробный разборъ его произведеній. Еще не наступило время безпристрастнаго отношенія къ нимъ, и о нихъ выражаются еще самыя разнородныя мнѣнія; но, какъ о человѣкѣ, о Толстомъ, и въ обществѣ, и въ печати, есть только одно мнѣніе: въ немъ было что-то такое, что̀ съ перваго раза дѣлало его привлекательнымъ для людей самыхъ противоположныхъ убѣжденій и лагерей, что-то такое, что̀ просвѣчивало въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи — искренность. Онъ горячо любилъ правду и искалъ ее во всемъ: въ жизни, въ искуствѣ, въ наукѣ. Отсюда происходила его способность интересоваться предметами самыми разнородными. Философія, право, филологія — все занимало его, потому-что вездѣ онъ искалъ и находилъ извѣстную долю истины; но, въ то же время, его свѣтлый критическій взглядъ не позволялъ ему удовлетворяться какою-нибудь одною системой, остановиться на одной точкѣ зрѣнія.

Ахъ, ты, гой еси, правда-матушка!
Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами поднялась до поднѐбесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лѣсами дремучими.
Не объѣхать кругомъ тебя во̀ сто лѣтъ,
Посмотрѣть на тебя — шапка валится!

Онъ видѣлъ невозможность овладѣть истиною вполнѣ, и потому всегда, прямо и смѣло выражая свое мнѣніе, не останавливаясь ни передъ какими соображеніями, за всѣми признавалъ право имѣть свое мнѣніе и всегда уважалъ чужія убѣжденія, лишь бы они были искренни; его возмущала только ложь и лесть, все равно — толпѣ или отдѣльнымъ личностямъ:

Ни предъ вѣнчанными царями,
Ни предъ судилищемъ молвы
Онъ не торгуется словами,
Не клонитъ рабски головы...

Толстой любилъ Россію, любилъ ея языкъ, природу и просторъ:

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ,
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай,
Волчій голосъ въ полѣ.

Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій,
Свистъ полночный соловья,
Вѣтеръ, степь, да тучи!

Его любовь къ отечеству была у него въ тѣсной связи съ любовью къ свободѣ, и чувство это особенно ярко выражено имъ въ былинѣ, въ слѣдующихъ словахъ Владиміра:

Нѣтъ, шутишь, живётъ наша русская Русь,
Татарской намъ Руси не надо!
Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь!
За честь нашей родины я не боюсь.
Ой ладо, ой ладушки ладо!

А если бъ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ;
Бываетъ — промолвилъ свѣтъ солнышко-князь —
Неволя заставитъ пройти черезъ грязь:
Купаться въ ней свиньи лишь могутъ!

Подайте жь мнѣ чару большую мою,
Ту чару, добытую въ сѣчѣ,

Добытую съ ханомъ хазарскимъ въ бою!
За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!

За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколъ пью Новограда,
И если онъ даже и въ прахъ упадётъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живётъ!
Ой ладо, ой ладушки ладо!

Все это не мѣшало Толстому видѣть темныя стороны русской жизни. Онъ не былъ оптимистомъ; его нельзя было подкупить громкими словами: онъ одинаково ненавидѣлъ деспотизмъ и анархію, произволъ толпы или отдѣльныхъ личностей; былъ одинаково далекъ отъ слѣпого поклоненія Западу и отъ увлеченія всѣмъ русскимъ потому только, что оно русское.

Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный,
За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ;
Но споръ съ обоими досель — мой жребій тайный,
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь.
Союза полнаго не будетъ между нами.
Некупленный никѣмъ, подъ чье бъ ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снесть,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь!

Избѣгая тенденцій, служа только правдѣ и искуству, онъ до конца оставался вѣренъ самому себѣ.

Друзьямъ въ угодность, боязливо
Онъ никому не шлетъ укоръ;
Когда жь толпа несправедливо
Свой постановитъ приговоръ,
Одинъ, не слѣдуя за нею,
Предъ тѣмъ, что̀ чисто и свѣтло
Дерзаетъ онъ, благоговѣя,
Склонить свободное чело.

Графъ Толстой былъ, какъ замѣчаетъ И. С Тургеневъ, однимъ изъ послѣднихъ истинныхъ поэтовъ. Онъ писалъ потому, что это было потребностью его натуры — писалъ, по нѣсколько разъ переработывая каждую строфу, каждый стихъ, отдѣлывая ихъ до малѣйшихъ подробностей; но въ этой отдѣлкѣ нѣтъ ничего похожаго на щегольство; его слогъ былъ

такъ же далекъ отъ искуственности, какъ вся его природа, и если онъ дѣйствительно употреблялъ подчасъ выраженія архаическія или чисто-народныя, непонятныя большинству читателей, то, конечно, не для того, чтобъ блеснуть ими, а потому, что съ этими выраженіями для него связаны были цѣлые ὁбразы — и когда онъ писалъ, эти ὁбразы являлись сами собою, придавая стиху его такую силу и пластичность, какой не найти ни у кого изъ его современниковъ. Онъ же старался только какъ можно яснѣе и ближе передать тѣ, что̀ чувствовалъ самъ.

Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и неслышимыхъ звуковъ;
Но передастъ ихъ лишь тотъ, кто умѣетъ и видѣть и слышать,
Кто, уловивъ лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,
Цѣлое съ нимъ вовлекаетъ созданье въ нашъ міръ удивленный.

Вотъ почему Толстой, относившійся всегда критически и строго-послѣдовательно къ вопросамъ философіи и науки, въ поэзіи вполнѣ отдавался впечатлѣнію минуты, передавая лишь то, что̀ слышитъ «подвластное ухо». То онъ является мистикомъ и пантеистомъ, то̀ у него преобладаетъ чувство индивидуальности и отвѣтственности, то снова пантеизмъ и спокойствіе въ сознаніи единства со всею природой. Это настроеніе особенно сильно и глубоко выражается въ слѣдующихъ строфахъ его послѣдняго стихотворенія:

Проникнутъ весь блаженствомъ былъ я новымъ,
Исполненъ весь невѣдомыхъ мнѣ силъ.
Чего въ житейскомъ натискѣ суровомъ
Не смѣлъ я ждать, чего я не просилъ —
То̀ свершено однимъ, казалось, словомъ.
И мнилось мнѣ, что я лечу безъ крылъ,
Перехожу, подъятъ природой всею,
Въ одинъ порывъ неудержимый съ нею.

Но трезвъ былъ умъ и чуждъ ему восторгъ.
Надежды я не зналъ, ни опасенья...
Кто жь мощно такъ отъ нихъ меня отторгъ?
Кто отрѣшилъ отъ тяжести хотѣнья?
Со злобой дня души постыдный торгъ
Сталъ для меня безъ смысла и значенья;
Для всѣхъ тревогъ безслѣдно умеръ я
И ожилъ вновь въ сознаньи бытія...

Князь Д. Цертелевъ.

ИЗЪ БАЙРОНА.

Блѣднѣетъ ночь, Фебъ тучи разгоняетъ
И, блеща, міръ уснувшій пробуждаетъ.
Въ итогѣ день прибавился къ другимъ —
И человѣкъ сталъ старше днемъ однимъ;
Но тамъ — въ средѣ благого мирозданья —
Возстало все, какъ въ первый день созданья:
Жизнь — на землѣ, свѣтило — въ небесахъ,
Огонь — въ лучахъ, фіалка — на лугахъ,
Въ потокѣ горъ — живящая прохлада
И въ вѣтеркѣ — здоровье и отрада.
Ты-жъ, человѣкъ, на блескъ его взирай
И «все мое» въ восторгѣ восклицай!
Взирай, пока все это видѣть въ силѣ:
Наступитъ день — и будешь ты въ могилѣ.
Кто-бъ ни грустилъ надъ бѣднымъ надъ тобою,
Міръ не почтитъ костей твоихъ слезою:
Сухой листокъ съ куста не упадетъ,
Ночной зефиръ ни разу не вздохнетъ
И лишь червякъ порадуется въ волю,
Когда ему достанешься на долю.

Н. Гербель.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ ЛОРДА БАЙРОНА

„ДВОЕ ФОСКАРИ".

Комната во дворцѣ Дожа.

Марко Мемио, *членъ Совѣта Сорока*, **Марина,** *жена младшаго Фоскари, и* **сенаторъ.**

Мемио.

Достойная синьйора,
Что будетъ вамъ угодно приказать?

Марина.

Я — *приказать?*... Вся жизнь моя была,
Синьйоръ, одной лишь цѣпью послушанья,
Безъ пользы для меня.

Мемио.

Я понимаю
Значенье вашихъ словъ, но не могу
Вамъ отвѣчать.

Марина.

Вы правы: здѣсь отвѣты
Даются лишь на дыбѣ, а вопросы
Имѣютъ право дѣлать...

Меммо (*прерывая*).

Вы забыли,
Достойная синьйора, гдѣ стоимъ
Теперь мы съ вами.

Марина.

Здѣсь дворецъ отца
Супруга моего.

Меммо.

Дворецъ здѣсь дожа.

Марина.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, тюрьма для сына дожа.
Я это не забыла, и не будь
Теперь моя душа полна другихъ
Гораздо больше горькихъ впечатлѣній,
Я васъ должна бъ была благодарить
За то, что вы напомнили о счастьи,
Которымъ наслаждалась я въ стѣнахъ
Жилища этого.

Меммо.

Синьйора, будьте
Спокойнѣе.

Марина (*поднимая глаза къ небу*).

О! я вполнѣ спокойна
И лишь дивлюсь, какъ можетъ быть спокоенъ
Небесный Царь, при видѣ, что̀ творится
Здѣсь на землѣ!

Меммо.

Быть-можетъ, вашъ супругъ
Успѣетъ оправдаться.

Марина.

Онъ оправданъ
Уже на небесахъ. Прошу ни слова,
Синьйоръ, объ этомъ мнѣ. Вѣдь вы на службѣ
Отечества и герцогъ точно также.
Онъ долженъ быть судьей родного сына,
А этотъ сынъ мнѣ мужъ. Они теперь
Стоятъ лицомъ къ лицу, или стояли...
Какъ думаете — будетъ онъ способенъ
Его приговорить?

Меммо.

Едва ль, синьйора.

Марина.

Но, вѣдь, тогда другіе судьи могутъ
Ихъ обвинить обоихъ?

Меммо.

Это такъ.

Марина.

У нихъ желанье — знаю я — звучитъ
Съ поступкомъ за одно. Мой мужъ погибнетъ.

Меммо.

Въ Венеціи судьею справедливость —
И вы не правы.

Марина.

О! когда бъ она
Была судьей, то нѐ было бъ на свѣтѣ
Венеціи! Но, впрочемъ, пусть живетъ
Она и благоденствуетъ, лишь только бъ
Въ ней не лишался жизни тотъ, кто честенъ

До времени. Совѣтъ же Десяти
Рѣшительнѣй самой судьбы, коль скоро
Зайдетъ вопросъ о жизни.
(*За сценой слышится слабый стонъ.*)
Ахъ! я слышу
Стонъ боли!

Сенаторъ.

Тсъ! Послушаемъ!

Меммо.

Навѣрно
То голосъ былъ...

Марина.

Нѣтъ! нѣтъ! онъ не Фоскари,
Не мужа моего!

Меммо.

Однако...

Марина.

Нѣтъ,
То голосъ не его: онъ не допуститъ
Себя до этой слабости! Такимъ бы
Могъ быть его отецъ; но онъ... О, нѣтъ!
Онъ кончитъ жизнь безъ жалобъ!
(*Стонъ слышится снова.*)

Меммо.

Какъ! еще?

Марина.

Онъ! онъ! такъ показалось мнѣ! Готова
Не вѣрить я; но пусть ослабъ онъ даже:

Я все его люблю! Но Боже, Боже!
Какимъ же мукамъ тамъ его подвергли,
Когда не могъ онъ вынесть ихъ безъ стона?

Сенаторъ.

Ужели вы, любя такъ сильно мужа,
Желаете серьёзно, чтобы онъ
Безмолвно выносилъ мученья пытки?

Марина.

Мы терпимъ муки всѣ. О, если судьи
Лишить обоихъ жизни ихъ хотятъ,
И сына и отца, то я скажу,
Что и сама терпѣла точно также,
Когда давала въ мукахъ жизнь потомкамъ
Обоихъ Фоскари. То были муки
Пріятныя для сердца моего.
И я могла стонать бы точно также,
Однако я съумѣла пересилить
Мученья тѣ, при мысли, что давала
Быть-можетъ жизнь героямъ. Я стыдилась
Ихъ встрѣтить въ мигъ рожденья жалкимъ стономъ.

Мемио.

Теперь все стихло.

Марина.

Навсегда, быть-можетъ.
Но нѣтъ! не вѣрю я: онъ ободрится
И броситъ смѣлый вызовъ палачамъ
Тиранящимъ его.

Входитъ поспѣшно **Офицеръ.**

Мемио.

Кого ты ищешь
Съ такой поспѣшностью?

Офицеръ.

Гдѣ врачъ? Фоскари
Внезапно стало дурно.

Мемио.

Вамъ бы лучше,
Синьйора, удалиться.

Сенаторъ (*предлагая Маринѣ руку*).

Это правда.
Пойдемте!

Марина.

Прочь! Я поспѣшу сейчасъ
Сама ему на помощь.

Мемио.

Вы, синьйора?
Опомнитесь. Забыли вы, что входъ
Въ ту комнату дозволенъ только членамъ
Совѣта Десяти и ихъ клевретамъ.

Марина.

Я знаю хорошо, что кто рѣшится
Войти туда, ужь не вернется прежнимъ
Путемъ назадъ, а можетъ-быть исчезнетъ
И навсегда; но это для меня
Препятствіемъ не будетъ.

Мемио.

Что же этимъ
Вы думаете выиграть? Вы только
Подвергнете опасности себя,
И вдвое — мужа.

Марина.

Кто жъ меня посмѣетъ
Остановить?

Мемио.

Тотъ, кто обязанъ это
Исполнить по закону.

Марина.

Да! я знаю
Обязанности ихъ — топтать ногами
Святѣйшія изъ чувствъ! топтать всѣ связи,
Которыми сближаются сердца,
Соревновать въ жестокости и злобѣ
Съ толпою адскихъ демоновъ, которымъ
Достанутся они въ добычу сами,
Когда умрутъ! Пустите! я иду!

Мемио.

Васъ, все-равно, не впустятъ.

Марина.

Мы увидимъ!
Отчаянье способно вызвать въ битву
И самый деспотизмъ! Въ моей душѣ,
Я чувствую, зажглось такое чувство,
Что я теперь рѣшилась бы пробиться
Сквозь стѣну острыхъ копій: такъ возможно ль,
Чтобъ два иль три тюремщика могли
Меня остановить? Прочь! Этотъ домъ —
Домъ герцога, и сынъ его супругъ мой!
Онъ чистъ и невиновенъ — и они
Должны услышать это!

Меммо.

Этимъ вы
Успѣете лишь ихъ ожесточить.

Марина.

Какіе жь эти судьи, если злоба
Диктуетъ ихъ рѣшенья? Такъ способны
Лишь дѣйствовать убійцы. Пропустите
Меня сейчасъ! (*Уходитъ.*)

Сенаторъ.

Несчастная синьйора!

А. Соколовскій.

БОГАТЫЯ НЕВѢСТЫ.

КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Анна Аѳанасьевна Цыплунова, пожилая дама.

Юрій Михайловичъ Цыплуновъ, ея сынъ, лѣтъ 30-ти.

Всеволодъ Вячеславовичъ Гнѣвышовъ, важный баринъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ въ отставкѣ, лѣтъ подъ 60.

Валентина Васильевна Бѣлесова, дѣвица лѣтъ 23.

Антонина Власьевна Бѣдонѣгова, богатая вдова, купчиха, лѣтъ подъ 40.

Виталій Петровичъ Пирамидаловъ, мелкій чиновникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ подмосковной мѣстности, занятой дачами.

Съ правой стороны (отъ зрителей) чугунная рѣшотка и такія же ворота, за рѣшоткой — садъ; съ лѣвой стороны — небольшой палисадникъ, обнесенный невысокой загородкой, у загородки — скамейка; въ глубинѣ — роща.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бѣдонѣгова *сидитъ на скамейкѣ*, **Пирамидаловъ** *выходитъ изъ чугунныхъ воротъ*.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Честь имѣю кланяться, Анѳиса Власьевна. Что вамъ угодно?

Бѣдонѣгова.

Да подойдите поближе, не укушу я васъ.

Пирамидаловъ.

Ахъ, Антонина Власьевна, я съ ногъ сбился. Ихъ превосходительство... на дачѣ ихъ нѣтъ... Вы не видали Всеволода Вячеславовича?

Бѣдонѣгова.

Да я и не знаю совсѣмъ, какой онъ такой вашъ Всеволодъ Вячеславовичъ.

Пирамидаловъ.

Какъ? Вы не знаете генерала Гнѣвышова, Всеволода Вячеславовича?

Бѣдонѣгова.

Да онъ холостой?

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, женатый.

Бѣдонѣгова.

Такъ за чѣмъ мнѣ и знать-то его! Пойдемте ко мнѣ чай пить.

Пирамидаловъ.

Да помилуйте, какой чай! Мнѣ Всеволода Вячеславовича нужно видѣть; приказали встрѣтить ихъ здѣсь въ 6-ть часовъ. Боюсь не опоздалъ ли. *(Смотритъ по сторонамъ.)*

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ, Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Что вамъ угодно?

Бѣдонѣгова.

Нынѣшнимъ лѣтомъ я себѣ никакого удовольствія не вижу.

Пирамидаловъ.

Ахъ, очень жалѣю, очень жалѣю.

Бѣдонѣгова.

Переѣхала на дачу, думала себѣ удовольствіе имѣть; а никакого не вижу.

Пирамидаловъ.

Да ужь я-то невиноватъ, Анѳиса Власьевна.

Бѣдонѣгова.

Прошлое лѣто здѣсь жила, много удовольствія себѣ видала. И вы здѣсь жили. Гдѣ вы теперь живете?

Пирамидаловъ.

Въ Москвѣ, Антонина Власьевна.

Бѣдонѣгова.

А вотъ нынче живу, такъ никакого... Куда вы это все смотрите?

Пирамидаловъ.

Я ужь сказалъ вамъ, что Всеволода Вячеславовича дожидаюсь.

Бѣдонѣгова.

Вы фальшивите — вы какую-нибудь дѣвушку посматриваете.

Пирамидаловъ.

Ну, вотъ еще, нужно очень. До того ли мнѣ?

Бѣдонѣгова.

Да, право, такъ. Какіе это мужчины! Увидятъ молоденькую дѣвушку — такъ ужь какъ глаза-то таращатъ. А развѣ не все равно вообще весь женскій полъ?

Пирамидаловъ *(посмотрѣвъ на часы)*.

Какъ мнѣ приказано, такъ я и явился: теперь ровно 6-ть часовъ.

Бѣдонѣгова.

Вы не сосѣдку ли высматриваете?

Пирамидаловъ.

Я вамъ сказалъ, что генерала жду. Какую еще сосѣдку?

Бѣдонѣгова.

А вотъ дача-то напротивъ, вчера переѣхала.

Пирамидаловъ.

Такъ это моя знакомая, что мнѣ ее смотрѣть-то? Я и такъ каждый день ее вижу, да и всегда, когда мнѣ угодно.

Бѣдонѣгова.

Какого она роду?

Пирамидаловъ.

Роду-то? Роду хорошаго.

Бѣдонѣгова.

Дѣвица?

Пирамидаловъ.

Дѣвица.

Бѣдонѣгова.

А знакомство какое у ней.

Пирамидаловъ.

И знакомство хорошее.

Бѣдонѣгова.

Что жь она замужъ нейдетъ?

Пирамидаловъ.

Да по чемъ же я знаю, помилуйте.

Бѣдонѣгова.

Нѣтъ, вы знаете, да только сказать не хотите. Да вѣдь я все вызнаю, все доподлинно; я ея прислугу выспрошу: вы отъ меня своихъ подлостевъ не скроете. Я вотъ позову къ себѣ ея горничную дѣвушку чай пить, вотъ все и узнаю. Виталій Петровичъ, Виталій Петровичъ! *(Пирамидаловъ оглядывается.)* Приданое есть за ней?

Пирамидаловъ.

Будетъ приданое богатое.

Бѣдонѣгова.

А будетъ приданое, будутъ и женихи: гдѣ медъ, тамъ и мухи. Виталій Петровичъ, я говорю, что женихи у ней будутъ.

Пирамидаловъ.

А будутъ, такъ будутъ — до меня это не касается.

Бѣдонѣгова.

Ну, какъ чай не касаться? Деньги всегда до людей касаются.

Пирамидаловъ *(про себя)*.

Не бѣжать ли въ рощу? *(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, потомъ останавливается).* Пожалуй, еще разойдемся — ужь лучше здѣсь подожду.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Что прикажите?

Бѣдонѣгова.

Я сама замужъ хочу идти.

Пирамидаловъ.

Сдѣлайте одолженіе! На здоровье!

Бѣдонѣгова.

Нѣтъ, что же вы такъ? Вы не подумайте...

Пирамидаловъ.

Я ничего и не думаю.

Бѣдонѣгова.

Я отъ скуки.

Пирамидаловъ.

Да отъ скуки, отъ веселья ли — мнѣ рѣшительно все равно.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Извольте говорить, я слушаю.

Бѣдонѣгова.

У меня вѣдь деньги есть и даже очень много.

Пирамидаловъ.

Ну, и слава Богу.

Бѣдонѣгова.

И вотчина есть.

Пирамидаловъ.

Какая вотчина?

Бѣдонѣгова.

Домъ каменный съ лавками.

Пирамидаловъ.

Все это прекрасно, Антонина Власьевна. А вотъ, кажется, Всеволодъ Вячеславовичъ идутъ.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ, какъ отпуститъ васъ генералъ — заходите ко мнѣ закусить: мадерцы выпьемъ.

Пирамидаловъ.

Пожалуй, поздно будетъ.

Бѣдонѣгова.

Да ничего, хоть и запоздаете.

Пирамидаловъ.

Извощика не найдешь: мнѣ въ Москву надо.

Бѣдонѣгова.

Я вамъ лошадь дамъ; такъ же у меня стоятъ. *(Уходитъ. Гнѣвышовъ и Бѣлесова входятъ, разговаривая. Пирамидаловъ почтительно кланяется).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Пирамидаловъ, Гнѣвышовъ, Бѣлесова.

Гнѣвышовъ *(Пирамидалову).*

А! Вы?

Пирамидаловъ.

Я-съ, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Подождите, мой милый! *(Бѣлесовой.)* Н... да-съ, что же далѣе?

Бѣлесова.

Это меня начинаетъ безпокоить.

Гнѣвышовъ.

Ахъ, мой другъ, ну, стоитъ ли безпокоиться? Пусть его смотритъ. Не обращать вниманія — только и всего.

Бѣлесова.

Я стараюсь не обращать на него вниманія, но не могу. Онъ не преслѣдуетъ меня, не встрѣчается со мной; онъ смотритъ всегда издали, изъ-за угла, изъ за-куста; гдѣ бъ я ни была, я впередъ знаю, что эти неподвижные глаза откуда-нибудь смотрятъ на меня — и я сама невольно оглядываюсь и ищу ихъ.

Гнѣвышовъ.

Странно, очень странно! Кто онъ такой, вы незнаете?

Бѣлесова.

Не знаю. Въ лицѣ есть что-то знакомое, но никакъ не могу припомнить.

Гнѣвышовъ.

И порядочный человѣкъ?

Бѣлесова.

Что за вопросъ! Развѣ другіе люди существуютъ для меня? Очень порядочный, иначе я не стала бы и говорить.

Гнѣвышовъ.

А давно это.

Бѣлесова.

Не болѣе четырехъ дней.

Гнѣвышовъ.

Гдѣ же вы его видѣли?

Бѣлесова.

Вездѣ, вездѣ. Поѣхала на Кузнецкій мостъ, выхожу изъ магазина,—онъ стоитъ на другой сторонѣ улицы и смотритъ;—вчера утромъ ѣздила за фруктами, выхожу изъ лавки—онъ стоитъ и смотритъ; вечеромъ пошла гулять въ рощу и сквозь кустъ шиповника видѣла тѣже глаза. Да и сегодня... Этотъ инквизиторскій взглядъ мнѣ становится страшенъ; мнѣ кажется, что онъ устремленъ не на лицо мое, а прямо ко мнѣ въ душу и требуетъ отъ меня какого-то отвѣта, какого-то отчета.

Гнѣвышовъ.

Вы даете значеніе самой пустой, обыкновенной вещи. Вы преувеличиваете, вы ошибаетесь, мой другъ.

Бѣлесова.

Я ничего не преувеличиваю. Конечно, я не знаю, съ какими мыслями онъ смотритъ на меня; я вамъ говорю только о томъ, какое дѣйствіе производитъ на меня его взглядъ. Есть положенія, въ которыхъ долгій и серьёзный взглядъ непереносимъ: въ немъ укоръ, въ немъ обида, онъ будитъ совѣсть. *Съ упрекомъ.)* А вы сами знаете, что мнѣ, для моего спокойствія, надо усыплять совѣсть, а не будить.

Гнѣвышовъ.

Вы стали очень нервны. Успокойтесь; все это объясняется очень просто: этотъ молодой человѣкъ влюбленъ въ васъ.

Бѣлесова.

Странная любовь! Онъ не только не ищетъ сближенія со мной; но даже бѣжитъ отъ меня. Сегодня утромъ я пошла въ рощу, ну, разумѣется, увидала его. Онъ стоялъ вдалекѣ, прислонясь къ дереву; мнѣ вдругъ пришла мысль подойти къ нему и заговорить съ нимъ; я пошла ускореннымъ шагомъ, смѣло...

Гнѣвышовъ.

И что же?

Бѣлесова.

Онъ бросился въ кусты и убѣжалъ отъ меня. Мнѣ иногда приходитъ въ голову — не сумасшедшій ли онъ?

Гнѣвышовъ.

Очень можетъ быть. Вотъ вамъ новое доказательство того, какое могущество, какую силу имѣетъ ваша красота: отъ васъ ужь буквально люди сходятъ съ ума.

Бѣлесова.

Ну, довольно, довольно. Пора чай пить, пойдемте.

Гнѣвышовъ.

Идите, идите, я себя ждать не заставлю. Мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ Пирамидалову. *(Бѣлесова уходитъ въ чугунныя ворота.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Гнѣвышовъ *и* Пирамидаловъ.

Гнѣвышовъ.

Я надѣюсь, мой милый, что вы аккуратно исполнили то, что я вамъ говорилъ?

Пирамидаловъ.

Все исполнилъ, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Вы должны помнить, что для знакомства съ Валентиной Васильевной я желаю людей солидныхъ, семейныхъ — то̀, что̀ называется людьми вполнѣ почтенными. Нужды нѣтъ, если они будутъ немного стараго покроя, это даже лучше: такіе люди учтивѣе въ обращеніи и почтительнѣе. Гдѣ же и взять другихъ? Въ этой мѣстности люди свѣтскіе не живутъ, а хорошія семейства средней руки иногда попадаются.

Пирамидаловъ.

Совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Валентина Васильевна желала имѣть дачу въ мѣстности здоровой и подальше отъ города, нисколько не заботясь о томъ, каковы будутъ ея сосѣди; но это совсѣмъ не значитъ, чтобъ она обрекла себя на одиночество и скуку. Хорошо бы познакомить съ ней какую-нибудь пожилую даму, съ которой она бы могла и гулять, и быть постоянно вмѣстѣ. Ну, говорите, что вы узнали о здѣшнихъ дачникахъ!

Пирамидаловъ.

Вотъ напротивъ, ваше превосходительство, живетъ одна дама, богатая вдова, купчиха Бѣдонѣгова.

Гнѣвышовъ.

Вы съ ней знакомы?

Пирамидаловъ.

Прошлое лѣто познакомился.

Гнѣвышовъ.

Ну что жь какъ она?

Пирамидаловъ.

Я полагаю, ваше превосходительство, что для Валентины Васильевны...

Гнѣвышовъ.

Прошу не полагать и заключеній не выводить! Вы только докладывайте по порядку; а это ужь мое дѣло знать, что нужно и чего не нужно для Валентины Васильевны. Ну, что же, эта вдова, эта дама, какъ вы называете... она бѣлится, румянится, пьетъ мадеру?

Пирамидаловъ.

Такъ точно, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Далѣе?

Пирамидаловъ.

Госпожа Цыплунова.

Гнѣвышовъ.

Я, кажется, что-то слышалъ о Цып... Цып... Какъ?

Пирамидаловъ.

Цыплунова-съ.

Гнѣвышовъ.

Нѣтъ, то молодой человѣкъ. Онъ былъ мнѣ представленъ; его мнѣ очень хвалили, какъ отлично образованнаго и примѣрно способнаго чиновника. Онъ вашихъ лѣтъ и ужь, кажется, надворный совѣтникъ.

Пирамидаловъ.

Коллежскій, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ (*строго*).

Ну, вотъ видите.

Пирамидаловъ.

Это вы про ея сына изволили слышать. Госпожа Цыплунова дама очень почтенная-съ.

Гнѣвышовъ.

Да... дама... ну, что жь эта дама... какое у ней знакомство?

Пирамидаловъ.

Никакого-съ. Она ведетъ уединенную жизнь, не знаетъ ни удовольствій, ни развлеченій, живетъ только для сына; а онъ человѣкъ дикій.

Гнѣвышовъ.

Какъ дикій? Обдумывайте выраженія! Вы всегда прежде подумайте, а потомъ и говорите. Почему онъ дикій?

Пирамидаловъ.

Сидитъ все дома за бумагами да за книгами; не бываетъ нигдѣ въ обществѣ, даже и у товарищей; бѣгаетъ отъ женщинъ. А если съ нимъ женщина заговоритъ, онъ краснѣетъ и конфузится. Онъ все молчитъ-съ.

Гнѣвышовъ.

Не правда, онъ говоритъ прекрасно и даже краснорѣчиво.

Пирамидаловъ.

Да, если о дѣлахъ-съ; а съ женщинами ужь не можетъ.

Гнѣвышовъ.

Такъ это скромный, а не дикій. Ко всѣмъ его прекраснымъ качествамъ это еще новое и очень... очень дорогое, и еще болѣе располагаетъ въ его пользу. Вы не знаете названія вещей. Я вамъ говорю, дикій это... sauvage... это разрисованный, tatoué... это совсѣмъ другое.

Пирамидаловъ.

Виноватъ, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Ваша развязность можетъ нравиться только такимъ дамамъ, какъ ваша вдова Бѣдонѣгова; а его скромность пріобрѣтаетъ ему расположеніе начальства и вообще лицъ высокопоставленныхъ. Ну, довольно, другихъ сосѣдей я знать не желаю. Вотъ вамъ, мой милый, еще порученіе: постарайтесь исполнить его хорошенько.

Пирамидаловъ.

Слушаю, ваше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Познакомьте меня съ мадамъ Цып... Цып... Какъ?

Пирамидаловъ.

Цыплунова.

Гнѣвышовъ.

Да, Цыплунова. Вы ее сначала предупредите, скажите, что я, генералъ Гнѣвышовъ, желаю съ ней познакомиться и познакомить съ ней также мою родственницу, которая переѣхала сегодня на дачу и будетъ жить все лѣто. Слышите — родственницу.

Пирамидаловъ.

Слушаю, выше превосходительство.

Гнѣвышовъ.

Вы сдѣлайте это сегодня же, сейчасъ же! Постарайтесь, чтобъ я встрѣтилъ васъ съ ней.

Пирамидаловъ.

Вы, ваше превосходительство, вѣроятно пойдете въ рощу.

Гнѣвышовъ.

Совсѣмъ не вѣроятно. Вы слушайте и дѣлайте, что вамъ приказываютъ. Чтобы соображать вѣроятности, надо имѣть гораздо больше ума, чѣмъ вы имѣете. Гуляйте здѣсь, мимо дачъ! Въ рощу я вечеромъ не пойду, потому-что тамъ будетъ сыро.

Пирамидаловъ.

Я сейчасъ же и отправлюсь прямо къ нимъ на дачу.

Гнѣвышовъ.

Ступайте! *(Уходитъ въ чугунныя ворота. Пирамидаловъ уходитъ въ лѣсъ. За загородкой сада своей дачи показывается Бѣдонѣгова.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бѣдонѣгова; *потомъ* **Цыплуновъ** *и* **Цыплунова.**

Бѣдонѣгова (*громко*).

Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ! Ушолъ. Что онъ бѣгаетъ? У меня, кажется, ужь чего бы ему лучше! Всѣ бѣгаютъ отъ меня: и Юрій Михайловичъ бѣгаетъ, и Виталій Петровичъ бѣгаетъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ я себѣ никакого удовольствія не вижу. (*Входятъ: Цыплуновъ и Цыплунова.*) Юрій Михайловичъ, Анна Аѳанасьевна, заходите ко мнѣ чайку напиться.

Цыплунова.

Благодарю васъ. Мы ужь пили.

Бѣдонѣгова.

Юрій Михайловичъ, вы все обѣщаете, а все не заходите. Какъ вы оченно милы и какъ вы все обманываете! Зайдите теперь хотя закусить что-нибудь, мадерцы...

Цыплуновъ.

Извините-съ... я человѣкъ занятой-съ... я завтра къ вамъ зайду.

Бѣдонѣгова.

Все завтра да завтра, а все фальшивите! Ну что, право! никакого я себѣ удовольствія... (*Уходитъ.*)

Цыплунова.

Юша, пойдемъ къ ней! Развлекись немного.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Съ какой стати? Что мнѣ у нея дѣлать! Ужь если мнѣ и дома скучно, такъ у ней еще скучнѣе будетъ. Пойдемте куда-нибудь подальше!

Цыплунова.

Да пожалуй. Только я тебѣ, Юша, вотъ что скажу: все бѣгать отъ людей, все одинъ да одинъ — такъ негодится. Такъ вѣдь, Боже сохрани, можно съ ума сойти. Надо найти развлеченіе какое-нибудь, непремѣнно надо. Ты меня пугаешь, ты сталъ самъ на себя не похожъ, особенно послѣдніе два-три дни.

Цыплуновъ.

Развѣ я перемѣнился?

Цыплунова.

Очень, очень перемѣнился. Поговорилъ бы ты со мной откровенно, успокоилъ бы сердце матери.

Цыплуновъ.

Да объ чемъ говорить-то?

Цыплунова.

Ужъ я бы нашла, объ чемъ.

Цыплуновъ (*подумавъ*).

Я готовъ, извольте.

Цыплунова.

Я хорошо вижу — это замѣтно, очень замѣтно, что ты скучаешь.

Цыплуновъ.

Да, я не буду скрывать отъ васъ, я скучаю.

Цыплунова.

Послушай, Юша, въ твои годы любятъ.

Цыплуновъ.

Да, любятъ.

Цыплунова.

Въ твои годы женятся.

Цыплуновъ.

Да, и женятся.

Цыплунова.

И женатые не скучаютъ, имъ некогда скучать: у нихъ заботы, хлопоты, семейные радости, дѣти. Кто любитъ свою жену и своихъ дѣтей тотъ ужъ не можетъ скучать.

Цыплуновъ.

Все это правда, правда.

Цыплунова.

Такъ женись!

Цыплуновъ.

Что вы, что вы! на комъ? Развѣ это возможно!

Цыплунова.

По моему, такъ очень возможно. За тебя пойдетъ всякая невѣста; чего тебѣ недостаетъ? Ты отлично идешь по службѣ, у тебя добрый

характеръ, поведеніе твое безукоризненно. Ты можешь выбрать жену, какую хочешь, и хорошо образованную, и съ деньгами, и красавицу. За кого бы ты ни посватался, за тебя отдадутъ съ радостью.

Цыплуновъ.

Ахъ, не говорите, не говорите! Гдѣ онѣ, эти красавицы, образованныя? Вѣдь ихъ надо искать днемъ съ огнемъ; бывать въ собраніяхъ, въ театрахъ, заводить сотни знакомствъ, бѣгать изъ дому въ домъ. Ну, а способенъ ли я на такіе поиски? Даже изрѣдка, раза два въ годъ, бывать въ обществѣ новыхъ людей и то для меня пытка невыносимая. Когда вы меня маленькаго хотѣли отучить отъ робости, вы брали меня съ собой на вечера, на разныя свадьбы и имянины — вы помните, какъ я велъ себя? Я, бывало, сижу въ углу, опустя глаза, ничего и никого не видя. А если вы заставляли меня говорить, или танцовать съ какой-нибудь дѣвочкой, я краснѣлъ, дрожалъ и чувствовалъ только одно, что у меня горятъ уши. Я постоянно дергалъ васъ за платье, чтобъ скорѣй уѣхать, и только тогда былъ счастливъ, когда, бывало, пріѣду домой и свободно переведу духъ. Таковъ я былъ въ десять, въ пятнадцать лѣтъ, таковъ я и въ тридцать.

Цыплунова.

Такъ предоставь мнѣ найти тебѣ невѣсту.

Цыплуновъ.

Вы найдете, а я, по вашему указанію, долженъ буду полюбить ее? Нѣтъ, это невозможно.

Цыплунова.

Да зачѣмъ непремѣнно полюбить? Довольно, если тебѣ дѣвушка нравится.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, я не султанъ, я не могу брать въ жены женщинъ потому только, что онѣ мнѣ нравятся. Я могу жениться только на той, которую очень полюблю.

Цыплунова.

Ты можешь полюбить ее въ послѣдствіи. Ты не бойся, я тебѣ не посватаю такую невѣсту, какъ Бѣдонѣгова, хотя она на тебя очень умильно поглядываетъ.

Цыплуновъ.

Какъ бы вы знали, какъ обидны для меня и оскорбительны эти умильные ея взгляды!

Цыплунова.

Да отъ чего же, мой другъ?

Цыплуновъ.

Да какъ же не обида! Она такъ смѣло смотритъ въ глаза, такъ увѣрена, что за свои сто тысячъ можетъ купить всякаго.

Цыплунова.

Ты ужь очень строгъ къ людямъ.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, только къ себѣ. Я другихъ никогда не сужу: пусть живутъ, какъ знаютъ, какъ умѣютъ, только бы меня не трогали. Но если кто вздумаетъ подкупить меня, дать мнѣ взятку и вообще склонить меня на какую-нибудь подлость — тогда я обижусь глубоко. Какъ, не зная человѣка, подходить къ нему прямо съ грязью и говорить: «позвольте васъ вымазать!»

Цыплунова.

Но послушай, неужели ты не любишь, или не любилъ никого? У тебя такое мягкое сердце.

Цыплуновъ.

Мы, идеалисты, любимъ мечту, и счастливы только въ мечтахъ.

Цыплунова.

Что же за мечты у тебя, скажи мнѣ, я прошу тебя убѣдительно.

Цыплуновъ.

Какъ всякія мечты, онѣ глупы; но я васъ прошу не смѣяться надъ ними, онѣ мнѣ дороги, и я ими счастливъ. Что дѣлать, я такъ созданъ.

Цыплунова.

Какъ можно смѣяться; что ты мнѣ, чужой что ли!

Цыплунова.

Помните ли вы, лѣтъ десять тому назадъ, у насъ часто бывала одна дѣвочка?

Цыплунова.

Мало ли дѣвочекъ я видала на своемъ вѣку.

Цыплуновъ.

Эту забыть нельзя. Ей было лѣтъ тринадцать, или четырнадцать; но она была совершенный ребенокъ, вся прозрачная, тоненкіе пальчики. Сколько въ ней было дѣтскаго кокетства! какъ она граціозно встряхивала и закидывала за уши свои пепельные волосы!

Цыплунова.

А, помню, это Бѣлесова Валентиночка, сирота.

Цыплуновъ (*задумчиво*).

Да, Валентиночка.

Цыплунова.

Ты все объ ней-то и мечтаешь? Въ мечтахъ-то у тебя она все еще дѣвочка?

Цыплуновъ.

Да, ангелъ дѣвочка.

Цыплунова.

Ахъ, Юша, съ тѣхъ поръ много воды утекло. Она ужь теперь большая, перемѣнилась, чай подурнѣла, какъ это часто бываетъ; пожалуй, и замужемъ. Да кто знаетъ, можетъ быть, ее и въ живыхъ-то нѣтъ.

Цыплунова.

Я ее встрѣтилъ недавно; я ее вчера и сегодня видѣлъ.

Цыплунова.

Узнала она тебя? Говорилъ ты съ ней?

Цыплуновъ.

Ахъ, нѣтъ! я испуганъ, ошеломленъ.

Цыплунова.

Чѣмъ?

Цыплуновъ.

Красотой ея. Она, вѣроятно, замужемъ за богатымъ человѣкомъ. Какой экипажъ, какой гордый взглядъ!

Цыплунова.

Если ты ее видѣлъ здѣсь, значитъ, она живетъ неподалеку на дачѣ. Надо справиться о ней.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, за чѣмъ! Пусть она такъ и останется мечтой моей. Надо въ нее вглядѣться хорошенько; а то теперь въ моемъ воображеніи ея дѣт-

скій образъ и женскій сливаются въ какомъ-то странномъ сочетаніи: дѣтская чистота какъ-то сквозится изъ-подъ роскошной женской красоты. (*Опускаетъ голову въ задумчивости.*)

Цыплунова.

Не хорошо это, Юша; ты любишь какую-то мечту, самимъ же созданную, и эта мечта мѣшаетъ тебѣ видѣть другихъ женщинъ, которыя можетъ-быть гораздо лучше ея и болѣе достойны твоей любви.

Цыплуновъ.

Да, да, можетъ-быть... это все можетъ-быть. Но, ахъ... Я пойду... мнѣ нужно разсѣяться... я пойду, поброжу... я одинъ. (*Уходитъ.*)

Цыплунова.

Эко горе мнѣ съ сыномъ! сходитъ съ ума по женщинѣ, а подойти боится. Да диво бы чужая, а то знакомы были. Надо разузнать о ней хорошенько. У кого бы спросить? Спрошу у Пирамидалова: онъ кругомъ Москвы всѣ дачи и всѣхъ дачниковъ знаетъ, да и въ Москвѣ-то отъ него ничего не скроется. Никакъ это онъ бѣжитъ. (*Входитъ Пирамидаловъ; Бѣдонѣгова показывается у загородки.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Цыплунова, Пирамидаловъ *и* Бѣдонѣгова.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Вотъ усталъ, такъ ужь усталъ.

Бѣдонѣгова.

Зашли бы закусить чего нибудь, мадерцы...

Пирамидаловъ.

Некогда, Антонина Власьевна, некогда. Здравствуйте, Анна Аѳанасьевна! А я васъ искалъ, искалъ, къ вамъ на дачу бѣгалъ.

Цыплунова.

Здравствуйте! А я только сейчасъ объ васъ поминала.

Бѣдонѣгова.

Ну, что, право, не зайдете: зовешь, зовешь — не дозовешься.

Пирамидаловъ.

Какъ всѣ дѣла кончу, такъ непремѣнно зайду.

Бѣдонѣгова.

Ну, хорошо. Смотрите же, я ждать буду. Я вѣдь со всѣмъ расположеніемъ... (*Уходитъ.*)

Пирамидаловъ (*Цыплуновой*).

Анна Аѳанасьевна, я къ вамъ по порученію отъ генерала Гнѣвышова, отъ Всеволода Вячеславовича.

Цыплунова.

Я, Виталій Петровичъ, не имѣю счастія знать никакого генерала Гнѣвышова.

Пирамидаловъ.

Это все равно, онъ слышалъ объ васъ и знаетъ вашего сына.

Цыплунова.

Ну, такъ что же?

Пирамидаловъ.

Онъ просилъ меня...

Цыплунова.

Васъ просилъ?

Пирамидаловъ.

Да, мы съ нимъ очень близки. Онъ просилъ меня предупредить васъ, что желаетъ съ вами познакомиться.

Цыплунова.

Да что за церемонія! И зачѣмъ я ему? Мы съ сыномъ люди скромные и знакомствъ не только не ищемъ, а даже бѣгаемъ отъ нихъ. Такъ вы и скажите вашему генералу.

Пирамидаловъ.

Да позвольте! Вы, Анна Аѳанасьевна, выслушайте сначала! Родственница Всеволода Вячеславовича, дѣвушка хорошей фамиліи, переѣхала сюда на дачу, такъ ихъ превосходительство желаетъ...

Цыплунова.

Что же мнѣ за дѣло до того, чего они желаютъ.

Пирамидаловъ.

Желаютъ имѣть общество для своей родственницы, компанію.

Цыплунова.

Что вы, что вы, Виталій Петровичъ! Вы, кажется, меня въ компаньонки приглашаете? Я женщина со средствами, имѣю домъ, хозяйство.

Пирамидаловъ.

Вы не такъ меня поняли. Помилуйте! Вѣдь нельзя же дѣвушкѣ одной на дачѣ... и погулять не съ кѣмъ...

Цыплунова.

Я и въ провожатые тоже не пойду. Нѣтъ, вы заговорились. Вы лучше оставьте.

Пирамидаловъ.

Такъ неужели вы отказываетесь?

Цыплунова.

Конечно. Что жь тутъ удивительнаго!

Пирамидаловъ.

Въ какое же вы меня положеніе ставите! Я хотѣлъ услужить ихъ превосходительству; я ужь обѣщалъ за васъ.

Цыплунова.

Напрасно. Вы услуживайте чѣмъ нибудь другимъ, а меня ужь оставьте въ покоѣ. Мнѣ не до чужихъ; я, на сына глядя, измучилась.

Пирамидаловъ.

Анна Аѳанасьевна, вѣдь вы меня губите, голову съ меня снимаете. Вѣдь мнѣ провалиться сквозь землю только и осталось.

Цыплунова.

Ужь какъ вамъ угодно.

Пирамидаловъ.

Вы хоть поговорите съ генераломъ.

Цыплунова.

Да не стану я. Объ чемъ мнѣ съ нимъ говорить!

Пирамидаловъ.

Такъ я убѣгу, право убѣгу. И нужно было мнѣ услуги предлагать! Вѣдь онъ мнѣ не начальникъ, даже не начальникъ, Анна Аѳанасьевна. Такъ вотъ... слабость. Прощайте! Убѣгу и ужь сюда ни ногой и встрѣчаться съ нимъ не стану.

Цыплунова.

Погодите бѣжать-то! Не знали ли вы Бѣлесову Валентину?

Пирамидаловъ.

Бѣлесову? Да это она самая и есть.

Цыплунова.

Какъ? Что вы? Такъ она...

Пирамидаловъ.

Родственница Всеволода Вячеславовича, о которой я вамъ говорилъ.

Цыплунова.

Ахъ, такъ погодите. Я очень рада. Вы бы давно сказали.

Пирамидаловъ.

Ну, ожилъ. Какъ гора съ плечъ. А вотъ и ихъ превосходительство. *(Гнѣвышовъ выходитъ изъ воротъ. Пирамидаловъ бѣжитъ къ нему на встрѣчу.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Цыплунова, Пирамидаловъ *и* **Гнѣвышовъ.**

Пирамидаловъ.

Ваше превосходительство, Анна Аѳанасьевна Цыплунова очень-съ...

Гнѣвышовъ *(тихо).*

Это она?

Пирамидаловъ.

Она-съ. Она очень счастлива, что можетъ сдѣлать угодное вашему превосходительству. *(Гнѣвышовъ, слушая, снимаетъ шляпу и кланяется Цыплуновой. Дѣлаетъ знакъ рукой, чтобы Пирамидаловъ отошолъ назадъ. Пирамидаловъ, взглянувъ на Цыплунову, пожимаетъ плечами и отходитъ.)*

Гнѣвышовъ *(подходя къ Цыплуновой).*

Рекомендуюсь! Всеволодъ Вячеславовичъ Гнѣвышовъ.

Цыплунова.

Очень пріятно.

Гнѣвышовъ.

Мы ужъ нѣсколько знакомы: я знаю вашего сына. Для васъ, вѣроятно, не рѣдкость слышать похвалы ему; но я, съ своей стороны, долженъ сказать вамъ, что его начальство имѣетъ о немъ самое лестное мнѣніе.

Цыплунова.

Благодарю васъ.

Гнѣвышовъ.

Вы живете на дачѣ?

Цыплунова.

Да, здѣсь на дачѣ. Я для сына больше: онъ не совсѣмъ здоровъ.

Гнѣвышовъ.

Да, да, здѣшняя мѣстность въ санитарномъ отношеніи лучшая изъ подмосковныхъ. Вотъ тоже родственница моя, она дальняя, Валентина Васильевна Бѣлесова...

Цыплунова.

Я ее еще ребенкомъ знала.

Гнѣвышовъ.

Да? Ну, вотъ и прекрасно. Ей будетъ очень пріятно; да и вы, вѣроятно, нисколько не прочь отъ того, чтобы возобновить знакомство?

Цыплунова.

Съ удовольствіемъ.

Гнѣвышовъ.

И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, разумѣется?

Цыплунова.

Конечно.

Гнѣвышовъ.

Валентина Васильевна взяла вотъ эту дачу. Дача такъ себѣ, не изъ важныхъ.

Цыплунова.

Здѣсь особенно роскошныхъ дачъ нѣтъ.

Гнѣвышовъ.

Роскоши и не нужно — это лишнее. Для людей порядочныхъ, если что необходимо, такъ это комфортъ, удобства: безъ этого ужь обойтись нельзя. *(Бѣлесова показывается у воротъ своей дачи.)* А вотъ и хозяйка этой дачи!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Цыплунова, Гнѣвышовъ, Бѣлесова *и* **Пирамидаловъ.**

Цыплунова.

Какъ она похорошѣла.

Гнѣвышовъ.

Да; она красавица положительно. Красота дѣло хорошее; но нравственныя качества въ человѣкѣ должны стоять выше; и вы увидите...

Цыплунова.

Я подойду къ ней прямо. *(Подходитъ къ Бѣлесовой.)* Здравствуйте, Валентина Васильевна!

Бѣлесова.

Извините, пожалуста.

Гнѣвышовъ.

Не узнаете старыхъ знакомыхъ: это не хорошо.

Бѣлесова.

Право, я не помню.

Цыплунова.

Не мудрено и забыть. И я бы васъ не узнала: вы тогда были ребенкомъ. Помните, на Арбатѣ мы жили съ вами въ одномъ домѣ. Цыплуновы.

Бѣлесова.

Теперь припоминаю. У васъ былъ сынъ, молодой человѣкъ, Юрій... Юрій...

Цыплунова.

Юрій Михайловичъ. Ну, ужь теперь онъ не очень молодой. *(Входитъ Цыплуновъ и издали смотритъ на мать и Бѣлесову.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Гнѣвышовъ, Цыплунова, Бѣлесова, Пирамидаловъ, Цыплуновъ, *потомъ* **Вѣдонѣгова.**

Цыплунова *(увидавъ сына).*

Да вотъ, посмотрите сами, онъ очень перемѣнился съ тѣхъ поръ.

Бѣлесова (*взглянувъ на Цыплунова, Гнѣвышову*).

Это онъ, это тѣ самые глаза.

Гнѣвышовъ.

Очень радъ; тѣмъ лучше, мой другъ. (*Цыплунова знакомъ подзываетъ сына.*)

Бѣлесова (*Гнѣвышову*).

Почему же?

Гнѣвышовъ.

Я вамъ послѣ объясню. Занимайтесь съ ними!

Цыплунова *(сыну).*

Юша, я встрѣтила старую знакомую. (*Цыплуновъ молча, кланяется Гнѣвышову и Бѣлесовой.*)

Гнѣвышовъ (*подавая руку Цыплунову*).

Здравствуйте, молодой человѣкъ! Очень радъ васъ видѣть.

Бѣлесова (*Цыплунову*).

Вы меня узнаете?

Цыплуновъ.

Узналъ съ перваго взгляда.

Бѣлесова.

Вотъ, мы будетъ сосѣдями! можемъ, если вамъ угодно, возобновить старую дружбу.

Цыплуновъ.

О! что касается меня... (*Взглянувъ на мать, со вздохомъ.*) Ахъ, маменька.

Гнѣвышовъ (*Бѣлесовой*).

Пригласите ихъ къ себѣ.

Бѣлесова (*Цыплунову*).

Вы помните, какъ вы меня звали?

Цыплуновъ.

Вы мнѣ казались ангеломъ.

Бѣлесова.

Вы звали меня «ангельской душкой». А теперь какъ я кажусь вамъ?

Цыплуновъ.

Вы и теперь мнѣ кажетесь тѣмъ же.

Бѣлесова.

Пойдемте ко мнѣ на новоселье! Намъ есть о чемъ поговорить: вспомнимъ старое. (*Цыплуновой.*) Милости прошу. (*Подаетъ руку Цыплунову. Цыплунова, Цыплуновъ и Бѣлесова входятъ въ ворота.*)

Гнѣвышовъ (*Пирамидалову*).

Идите за мной! Вы мнѣ будете нужны. (*Идетъ въ ворота, Пирамидаловъ за нимъ. У загородки своего сада показывается Бѣдонѣгова.*)

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ! Виталій Потровичъ! (*Пирамидаловъ, махнувъ рукой, уходитъ.*) Вотъ опять его увели у меня. (*Громко.*) Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ! (*Занавѣсъ.*)

А. Островскій.

СТРАШНЫЙ ГОДЪ.

(1870)

Страшный годъ! Газетное витійство
И рѣзня, проклятая рѣзня!
Впечатлѣнья крови и убійства,
Вы въ конецъ измучили меня!

О любовь! — гдѣ всѣ твои усилья?
Разумъ! — гдѣ плоды твоихъ трудовъ?
Жадный пиръ злодѣйства и насилья,
Торжество картечи и штыковъ!

Этотъ годъ готовитъ и для внуковъ
Сѣмена раздора и войны.
Въ мірѣ нѣтъ святыхъ и кроткихъ звуковъ,
Нѣтъ любви, свободы, тишины!

Гдѣ вражда, гдѣ трусость роковая,
Мстящая — купаются въ крови,
Стонъ стоитъ надъ міромъ не смолкая;
Только ты, поэзія святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голосъ твой, увы, безсиленъ нынѣ!
Сгибнетъ онъ, ненужный никому,
Какъ цвѣтокъ, потерянный въ пустынѣ,
Какъ звѣзда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь! — сомнѣнья роковыя,
Какъ прійти могли вы на уста?
Вѣрю, есть еще сердца живыя,
Для кого поэзія свята.

Но гремѣлъ, когда они родились,
Тотъ же громъ, ручьями кровь лила;
Эти души кроткія смутились,
И, какъ птицы въ бурю, притаились
Въ ожиданьи свѣта и тепла.

Н. Некрасовъ.

ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ ИТАЛІЮ.

«Что такое искусство? Что такое исторія?» думалъ я, когда поѣздъ двинулся и понемногу прекратились разговоры. На эти вопросы много можетъ сказать Италія, и нужно только умѣть слушать ее и понимать.

Пусть не подумаетъ однако читатель, что я ѣхалъ съ опредѣленными цѣлями, что задавался мыслью что-нибудь изучить, или рѣшать какіе-нибудь вопросы. Поѣздка состоялась неожиданно; мы смотрѣли на нее какъ на прогулку, и выбрали апрѣль и май новаго стиля, какъ лучшее для этого время — по увѣренію всѣхъ «Путеводителей». Готовиться я не думалъ и не имѣлъ времени — даже не захватилъ съ собой итальянскаго словаря.

Но мы, русскіе, находимся въ такомъ необыкновенномъ и напряженномъ положеніи, что иныя мысли невольно и всесильно овладѣваютъ нами. Ничего нѣтъ естественнѣе, что русскій человѣкъ, переѣзжая черезъ границу, почувствуетъ себя варваромъ, или, по крайней мѣрѣ, станетъ ждать себѣ великихъ поученій и откровеній. Мы, младшій изъ великихъ народовъ, поставлены судьбою въ положеніе, вѣроятно, безпримѣрное въ исторіи, въ положеніе, тяжесть котораго чувствуется на всѣхъ явленіяхъ нашей жизни. Мы живемъ въ безпрерывной борьбѣ между влеченіями собственной природы, собственнаго развитія и всемогущимъ вліяніемъ Европы. Мы то смиряемся передъ нею, какъ усердные школьники, то заносимся, какъ школьники взбунтовавшіеся; но равнодушными или спокойно-увѣренными мы не можемъ оставаться. Та вѣра въ Россію, безъ которой мы не могли бы жить, какъ не можетъ жить и отдѣльный человѣкъ, потерявшій всякую вѣру въ себя — эта глубокая и непоколебимая вѣра, конечно, живетъ въ насъ и иногда сказывается, но сказывается совершенно инстинктивно, въ формѣ безсознательнаго чувства, котораго оправдать мы не можемъ, которое, какъ задуваемое пламя, мечется во всѣ стороны отъ рѣзкихъ вѣяній нашей литературы, западнаго просвѣщенія, почти всѣхъ нашихъ понятій, сложившихся на европейскій ладъ.

Даже тѣ, кто не скрываетъ, а исповѣдуетъ эту вѣру, должны часто сказать съ поэтомъ:

Умомъ Россію не обнять,
Аршиномъ вашимъ не измѣрить;
Она въ особенную стать —
Въ Россію можно *только вѣрить!*

Но я все говорю объ Россіи, а мнѣ нужно говорить объ Италіи. Я хотѣлъ бы разсказать—если съумѣю—какъ Италія побѣдила меня, какъ она овладѣла мыслями, которыя были направлены совершенно въ другую сторону, какъ оставила въ душѣ неизгладимое впечатлѣніе, котораго я не ожидалъ и къ которому не готовился.

Путешествіе сдѣлало свое дѣло. Путешествіе хорошо именно тѣмъ, что оно освобождаетъ нашу душу отъ ея обыкновеннаго содержанія и дѣлаетъ ее, такимъ образомъ, доступною для мыслей болѣе общихъ и широкихъ. Уже когда вы сидите въ вагонѣ, праздно глядя въ окно, вамъ предстоитъ одно изъ двухъ—или скучать по вашимъ обыкновеннымъ занятіямъ, по тѣмъ заботамъ и удовольствіямъ, которыя мѣшаютъ думать, и, такимъ образомъ, облегчаютъ жизнь, или же заняться, какъ серьезнымъ дѣломъ, тѣмъ думаньемъ, которое обыкновенно мы откладываемъ и даже отгоняемъ отъ себя, какъ помѣху настоящему дѣлу. Потомъ вы видите предметы новые, то-есть не связанные съ міромъ вашихъ привычныхъ представленій; вы часто остаетесь къ нимъ поэтому равнодушными, но если заинтересуетесь, то это будетъ уже общій, отвлеченный, чистый интересъ. Не смотря на то, сначала вы все еще полны мыслями собственной текущей жизни; если вы ѣдете не одни, отыщете знакомаго, получите письмо — нить этой жизни опять завязывается. Но проходитъ двѣ-три недѣли, и вы чувствуете наконецъ, что нить совершенно разорвалась. Вы встаете утромъ въ незнакомомъ городѣ, и чувствуете, что уже нѣтъ ни повода, ни нужды, ни возможности переворачивать въ умѣ ваши петербургскія соображенія и чувства. Душа вполнѣ чиста, вполнѣ свободна. А кругомъ—положимъ въ Римѣ—исторія двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ, самая громкая изъ всѣхъ исторій міра; кругомъ—единственныя по обилію и красотѣ собранія произведеній искусства. Идите и смотрите—и если вы теперь не поймете, что̀ такое исторія и въ чемъ сущность искусства, то едва ли будетъ у васъ для этого лучшее время.

Мы только переночевали въ Варшавѣ, только сутки провели въ Вѣнѣ и пустились въ Венецію. Я ѣхалъ, еще не имѣя твердаго плана, еще не рѣшивши вполнѣ, какъ проведу эти два мѣсяца. Но когда мы переѣхали итальянскую границу, когда я вмѣсто нѣмецкаго услышалъ пѣвучій итальянскій языкъ, когда увидѣлъ эти красивыя, спокойныя и мягкія лица, эту спокойную мягкую, вѣжливость — во мнѣ шевельнулось ра-

достное чувство, и я рѣшилъ, что кромѣ Италіи никуда не поѣду. Тутъ начинался другой міръ, люди другого склада, другой исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, отъ Петербурга до итальянской границы, какъ мнѣ показалось, не было замѣтно никакого рѣзкаго перехода. Польскій край не отдѣляется рѣзко отъ русскаго, и Австрія, которую я тутъ видѣлъ въ первый разъ, оказалась прямымъ продолженіемъ нашего польскаго края. Въ поѣздѣ, который везъ насъ въ Вѣну, ѣхалъ какой-то отрядъ солдатъ, и мы замѣтили, что многія лица имѣли даже нашу славянскую физіономію. Вообще Австрія не поражаетъ тѣмъ порядкомъ, чистотою, воздѣланностію каждаго клочка земли, тѣми очевидными знаками настойчиваго и точнаго труда, которыми я былъ такъ пораженъ двѣнадцать лѣтъ назадъ, когда въ первый разъ переѣхалъ границу въ Эйдкуненѣ. Но нужно сказать еще болѣе. Отъ Петербурга до итальянской границы несомнѣнно существуетъ какое-то однообразіе — въ одеждѣ, въ манерѣ держать себя, въ стрижкѣ волосъ, постройкѣ домовъ и т. д. Я никогда не думалъ, чтобы нѣмецкое вліяніе было у насъ такъ сильно. Это трудноуловимое внѣшнее сходство особенно рѣзко бросилось мнѣ въ глаза на обратномъ пути. Мѣсяца полтора я бродилъ по улицамъ итальянскихъ городовъ и такъ же привыкъ къ ихъ физіономіи, къ фигурамъ ихъ жителей, какъ и къ вѣчно-ясному небу. Пришлось наконецъ ѣхать — и я изъ Милана прямо перенесся въ Мюнхенъ, котораго никогда не видалъ. Уже во время переѣзда меня заинтересовалъ одинъ нѣмецъ, который всѣмъ, и ростомъ, и фигурой, и страшными нижними челюстями, живо напоминалъ Бисмарка; конечно, въ Италіи нѣтъ и тѣни такой породы людей, и я смотрѣлъ на него съ невольнымъ вниманіемъ. Но еще сильнѣе меня поразила физіономія домовъ, когда мы стали подъѣзжать къ Мюнхену. Въ нихъ было, во-первыхъ, что-то мизерное и неизящное, а во-вторыхъ, что-то знакомое, родное. Я вздохнулъ по Италіи, которая вообще никогда не казалась мнѣ такою царственною, величавою, какъ въ эти два-три дни, пока я ѣхалъ по Германіи. Впечатлѣніе первыхъ домовъ Мюнхена усилилось, когда на другой день я сталъ гулять по городу, заходить въ музеи, кафе и т. д. Не съумѣю точно выразить, въ чемъ дѣло, но я живо чувствовалъ, что здѣсь не чудесный міръ Италіи, а все будничное, и притомъ очень похоже на наше. Напримѣръ, меня удивили бюсты съ воротниками, подпирающими челюсти, съ усами, съ бакенбардами. Бюстъ съ бакенбардами! — ни одного такого бюста вы не встрѣтите въ цѣлой Италіи, а тамъ дѣлаютъ бюсты двѣ тысячи лѣтъ! Но у всѣхъ или полная борода, или все лицо голое.

И такъ я остался въ Италіи и пробылъ въ ней все время, какое было можно. Кромѣ симпатіи къ итальянцамъ, у меня прежде всего было желаніе насладиться природою; я воображалъ чудеса, я думалъ, что увижу что-нибудь даже лучше удивительныхъ дней, проведенныхъ мною

на южномъ берегу Крыма, что повторятся и будутъ окружать меня по цѣлымъ днямъ тѣ волшебныя картины, тѣ сказочно-прекрасныя краски и тѣни, которыя я когда-то видѣлъ нѣсколько минутъ на озерѣ Четырехъ Кантоновъ, или въ гавани Ливорно, когда я пріѣхалъ туда моремъ при восходѣ солнца. Но эти ожиданія не сбылись. Зима въ нынѣшнемъ году была въ Италіи суровая, и потому весна наступила поздно и слишкомъ быстро. Въ Венеціи было дождливо и холодно. Мы передвинулись прямо въ Неаполь (черезъ Анкону), но и тамъ было тоже. Такъ я и не видалъ красиваго моря, то-есть моря въ полной его красотѣ. Я ждалъ въ Неаполѣ сколько можно, но такъ и не дождался настоящихъ неаполитанскихъ дней. Два-три ясныхъ дня были слишкомъ вѣтрены и недостаточно теплы. Первые дни въ Римѣ — опять дождь, а потомъ быстро стало тепло, такъ что не было того *средняго времени*, которое такъ цѣнятъ и пріѣзжіе и сами итальянцы. Такъ и случилось, что я не видалъ того прозрачнаго воздуха, *отъ котораго зависитъ вся прелесть видовъ*, который мы, жители сѣвера, знаемъ только по картинамъ, и который въ дѣйствительности превосходитъ (въ одномъ по крайней мѣрѣ отношеніи) всякую картину. Картина, какъ извѣстно, яснѣе выражаетъ намъ смыслъ зрѣлища, его гармонію; она можетъ даже передать рѣзко впечатлѣніе цвѣтовъ, уловивъ вполнѣ ихъ контрастъ, всю силу ихъ взаимнаго отношенія. Но она не можетъ доставить того какъ бы *физическаго* наслажденія, которое дается созерцаніемъ роскошныхъ красокъ и далекихъ видовъ въ дѣйствительности. Тутъ глазъ какъ будто пьетъ эти краски, какъ будто плаваетъ въ нихъ, тонетъ и погружается, и это впиваніе только вновь рождаетъ жажду, это погруженіе непрерывно освѣжаетъ. Первое условіе такого наслажденія есть чистый воздухъ, въ которомъ бы самые дальніе предметы обрисовывались совершенно отчетливо. Облака имѣютъ мало красоты именно потому, что они мало отчетливы. Очевидно, органъ зрѣнія (то-есть не глазъ, а наша душевная сила) чувствуетъ радость своей дѣятельности, когда схватываетъ пространственныя отношенія вполнѣ опредѣленно. Другая его радость — пріятный цвѣтъ; но цвѣтъ предметовъ всегда становится пріятенъ, какъ скоро вы ихъ видите на очень далекомъ разстояніи. Воздухъ отнимаетъ у красокъ ихъ рѣзкость и терпкость; онѣ получаютъ нѣжный отливъ и какой-то блескъ, такъ что, напримѣръ, дальнія горы стоятъ точно серебряныя или стеклянныя.

Говорятъ: «увидѣть Неаполь и потомъ умереть!» Въ этой поговоркѣ, безъ всякаго сомнѣнія подразумѣвается «увидѣть *съ моря*», увидѣть издали весь амфитеатръ города, расположеннаго вокругъ залива на покатостяхъ горъ и спускающагося къ самому морю. Я очень старался увидать это зрѣлище въ его полной красотѣ — и не видалъ. Я дважды пускался въ море на дрянномъ пароходѣ, который каждый день совер-

шаетъ увеселительную поѣздку въ Соррento, на Капри, и потомъ назадъ. Во второй разъ я долго выжидалъ; утромъ я бывало тотчасъ выходилъ на набережную Santa-Lucia (Hôtel de Rome стоитъ тутъ же на набережной) и смотрѣлъ на море. Выхожу разъ и вижу наконецъ, что утро восхитительное; море совершенно утихло, и по немъ пошли зеркальныя дорожки. Я тотчасъ собрался и думалъ уже, что мое желаніе навѣрное исполнится, что я увижу ту картину, послѣ которой можно умереть. Но воздухъ оказался слегка туманнымъ, какъ и прежде; чѣмъ шире развертывался передъ глазами Неаполь, тѣмъ хуже онъ былъ видѣнъ. И чѣмъ дальше мы плыли, тѣмъ больше портилась погода; не успѣли мы доѣхать до Капри, какъ вѣтеръ усилился и по небу потянулись бѣлыя полосы, а къ вечеру, на обратномъ пути, мы не только не видѣли хорошенько Неаполя, а еще иззябли и ѣхали съ порядочною качкою.

Гораздо больше и удачнѣе я насладился другимъ зрѣлищемъ — видомъ Неаполитанскаго залива, тѣмъ чудеснымъ видомъ, который открывается изъ самого Неаполя и составляетъ всегдашнюю картину, развернутую передъ его жителями. Лучшій видъ на эту картину, безъ сомнѣнія, съ набережной Santa-Lucia, на которой я жилъ. Если представить себѣ Неаполитанскій заливъ въ видѣ подковы, то эта набережная прійдется на одномъ концѣ подковы, а Везувій на другомъ. Santa-Lucia имѣетъ небольшое протяженіе, и только съ нея открывается полная красота залива. Красота эта заключается въ томъ, что вы видите огромное пространство и множество предметовъ, видите большое протяженіе воды, загибающійся берегъ, зданія его покрывающія, горы, которыя тянутся за ними, и на концѣ подковы — Везувій. Но этого мало. Несравненное достоинство этого вида заключается въ томъ, что его обширность не превосходитъ силъ человѣческаго зрѣнія и потому не сопровождается никакимъ оптическимъ обманомъ. Не мало видовъ на землѣ, которые гораздо шире и разнообразнѣе; но обыкновенно зрѣніе уже не въ силахъ схватить точное отношеніе предметовъ. Далекія горы кажутся близкими, одна громоздится на другую и, вообще, глазъ находится въ полной невозможности оцѣнивать разстоянія. Между тѣмъ Везувій не кажется близкимъ съ Santa-Lucia; все разстояніе отчетливо видно, такъ что громадные размѣры горы, всѣ очертанія строеній, тянущихся вдоль залива, вся ширина самаго залива — не скрадываются, не сливаются, а именно развертываются, распростираются. Глазъ отчетливо видитъ самое большое пространство, какое онъ въ силахъ видѣть. Прибавьте къ этому чудесныя краски, прибавьте, что видъ заканчивается не простою горою, а *живою*, которая вѣчно дымитъ, вѣчно пламенѣетъ внутри — и вы получите эту несравненную картину, самую живую, самую отрадную для глазъ.

Santa-Lucia именно поэтому, по красотѣ открывающагося вида, есть лучшее мѣсто Неаполя. Она и по населенію составляетъ одинъ изъ его

центровъ, но только для народа, а не для неаполитанской аристократіи и не для пріѣзжихъ богатыхъ людей. Народъ упорно удержалъ за собою лучшее мѣсто, и такъ-какъ оно вслѣдствіе этого шумно, неопрятно и грязно, то богатые жители и туристы расположились на другой набережной, Chiaja, которая подъ угломъ примыкаетъ къ Santa-Lucia. Кьяйя образуетъ длинную прямую линію, съ которой уже не видать залива, а видно только открытое море. Вдоль самаго берега тянется узкій садъ, такъ называемая Villa Reale — главное гулянье Неаполя. За садомъ идетъ узкая дорога для прогулки верхомъ; за этой дорогой — мостовая для катанья въ экипажахъ; за мостовой — рядъ огромныхъ домовъ, на половину отелей, которые такимъ образомъ смотрятъ своими окнами на открытое море. Въ праздничный день, въ воскресенье передъ обѣдомъ, то-есть передъ закатомъ солнца, все здѣсь бываетъ удивительно полно; нѣтъ конца пѣшеходамъ, экипажамъ и верховымъ.

Къ сожалѣнію, зрѣлище довольно однообразно. Въ одной части сада есть, впрочемъ, чудесныя деревья, напримѣръ, нѣсколько огромныхъ финиковыхъ пальмъ. Какъ разъ на половинѣ линіи сада въ праздничные дни играетъ небольшой оркестръ военной музыки. Я купилъ себѣ недалеко стулъ и усѣлся такъ, чтобы какъ можно удобнѣе разсматривать гуляющихъ. Эта однообразная толпа щоголей оказалась небезъинтересною. Когда я просидѣлъ полчаса, всматриваясь въ гуляющихъ, я сталъ думать: «странно! здѣсь все молодые люди; куда же дѣвались старики?» Я сталъ внимательнѣе, и тогда только замѣтилъ, что у многихъ волоса на вискахъ и затылкѣ сильно серебрятся. Усы, очевидно, подкрашены, а по чертамъ лица вы ни за что не отличите старика. У насъ въ тридцать лѣтъ на лицѣ человѣка отпечатлѣваются его страсти, его душевныя движенія; а у нихъ и въ пятьдесятъ лицо еще чисто, какъ у юноши, безъ привычныхъ морщинъ, безъ укоренившихся гримасъ. Какія чудесныя лица! Неаполитанцы славятся своею красотою — и справедливо славятся. Правда, русскія дамы все говорятъ, что лица ихъ мало выразительны, мало подвижны, похожи на парикмахерскія вывѣски — точно такъ какъ у итальянокъ наши мужчины не находятъ въ лицѣ игры ума, тонкой психической жизни. Но эти сужденія очевидно внушены пристрастіемъ къ нашему сѣверному типу красоты. Неаполитанцы — я говорю именно о неаполитанцахъ, а не о другихъ итальянцахъ — имѣютъ правильныя южныя черты, особенно замѣчательныя мягкостію. Я старался отдать себѣ отчетъ, въ чемъ состоитъ эта мягкость, и замѣтилъ только, что углы нижней челюсти у нихъ какъ-то сглажены. Странно, что женщины представляютъ совершенно тотъ же типъ, но не только не красивы, а скорѣе дурны.

А какъ держатъ себя эти красивые мужчины! Вотъ образецъ хорошихъ манеръ, въ наилучшемъ смыслѣ этого слова. Никакой изыскан-

ности или чопорности, ни тѣни франтовства, фатства, холодности, надутости и тому подобнаго. Все такъ просто, мягко, ясно и спокойно, какъ только можно пожелать. Я помню, какъ однажды, идя по главной улицѣ Неаполя, я все больше и больше поражался спокойствіемъ и ясностію этихъ лицъ, безъ конца мелькавшихъ предо мною. Я всматривался, желая подмѣтить выраженіе страданія, озабоченности, какого-нибудь напряженія — и не находилъ ничего. Въ самый разгаръ уличнаго движенія и на лицахъ самыхъ послѣднихъ бѣдняковъ не было даже торопливости. Вдругъ на поворотѣ мнѣ что-то загородило дорогу. Это былъ пышный открытый экипажъ, въ названіи котораго боюсь ошибиться. Я поднялъ глаза: въ немъ сидѣли, ожидая чего-то, пожилая дама и пожилой мужчина, и на лицахъ ихъ мнѣ бросилось въ глаза такое выразительное смѣшеніе тщеславія, раздраженности и изношенности, что контрастъ съ окружающимъ населеніемъ вышелъ необыкновенно рѣзкій. Дѣйствительно это были пріѣзжіе, и даже — русскіе.

Право, удивительное впечатлѣніе производитъ уличная толпа въ Италіи. Они всѣ чистенько одѣты; они не кричатъ, не толкаются, не харкаютъ, не сморкаются, и, вѣроятно, не плевали бы, если бы безпрестанно не курили. Если кто-нибудь толкнетъ васъ или отхаркнется надъ самымъ ухомъ — посмотрите хорошенько и вы почти всегда найдете, что это нѣмецъ, методически совершающій *путешествіе* для довершенія своего образованія. Пьяныхъ въ Италіи нѣтъ; если же когда и случится такой грѣхъ, сейчасъ видно, что они не умѣютъ и быть пьяными. Отъ лишняго вина они не оживляются, а засыпаютъ какъ дѣти. Мнѣ довелось раза два видѣть эти идиллическія сцены, и каждый разъ почему-то въ театрѣ. Театры я усердно посѣщалъ, несмотря на то, что главные были уже закрыты. Итальянцы слушаютъ музыку и смотрятъ драматическія представленія съ самою наивною жадностію, и тишина въ театрахъ прерывается развѣ только восклицаніями въ полголоса — знаками живѣйшаго наслажденія. И музыка, и пѣніе, и игра—все очень вѣрно и правильно, хотя на мелкихъ театрахъ, разумѣется, оркестры ничтожные, голоса крошечные и актеры рядовые. Я слышалъ однако безподобнѣйшую Церлину въ «Фра-Діаволо», и чудеснаго гуляку-офицера въ опереткѣ «Educande di Sorrento», пьесѣ домашняго неаполитанскаго сочиненія. Они пѣли въ совершенствѣ, хоть и небольшими голосами.

Вѣжливость есть неизмѣнная черта итальянцевъ — и какая вѣжливость! Простая, спокойная, ровная, незаученная, а присущая въ самой крови. Французы, знаменитые своею вѣжливостію — и тѣ замѣчаютъ эту черту, какъ что-то особенное. Такъ Тэнъ, отзывающійся съ величайшимъ презрѣніемъ, хотя и добродушнымъ, о невѣжествѣ итальянцевъ, объ ихъ праздности и распутствѣ, о скудости ихъ умственной и политической жизни, говоритъ однако, что жить среди такого вѣжливаго населенія

пріятно. Но меня эта черта наводила иногда на грустныя размышленія. Вѣжливость — вѣдь это добродѣтель старыхъ народовъ, это признакъ долгой опытности. Все время, какъ я былъ въ Италіи, я невольно вспоминалъ, что нахожусь среди народа, которому отъ роду не тысячу лѣтъ, какъ намъ русскимъ, а двѣ тысячи съ половиной. И я совершенно увѣренъ, что нынѣшніе жители Неаполя имѣютъ еще много сходства съ жителями древней Партенопеи, и что нынѣшніе римляне все еще похожи на римлянъ временъ Цезаря. Неаполитанцы немножко нищіе и попрошайки, римляне, напротивъ, до сихъ поръ сохранили частицу гордости, когда-то свойственной городу, владычествовавшему надъ міромъ. И такъ, исторія не сгладилась и не можетъ сгладиться до конца: она живетъ въ крови и въ душѣ этого населенія. Вотъ гдѣ, въ этой длинной исторіи, какъ мнѣ казалось, источникъ врожденной вѣжливости итальянцевъ. Когда народъ долго и много жилъ, онъ знаетъ, что для взаимнаго удобства, для спокойствія отношеній, для легкости жизни, всего необходимѣе не братская любовь, не взаимное уваженіе, не строгая справедливость — вещи трудно-достижимыя и часто очень неудобныя — а нужно то внѣшнее равенство и вниманіе, та внѣшняя уступчивость и готовность къ услугамъ, которыя составляютъ вѣжливость.

Есть у итальянцевъ еще явный признакъ, что они народъ старый, много жившій и испытавшій; это ихъ dolce far niente. Они знаютъ толкъ въ праздности и умѣютъ ею пользоваться. Этотъ народъ когда-то былъ такъ дѣятеленъ и энергиченъ, что его дѣятельность и энергія остались въ исторіи вѣчнымъ и недосягаемымъ образцомъ. Теперь — они знаютъ всю тщету дѣятельности, они пережили увлеченіе всякими подвигами, всякимъ величіемъ, и хотя они не сдѣлались отшельниками, не отреклись отъ міра, они однако какъ-будто питаютъ втайнѣ убѣжденіе, что ничего не дѣлать лучше, счастливѣе, чѣмъ суетиться по напрасну. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Италія помнитъ свою исторію, и что эта исторія ее подавляетъ. Вотъ отчего въ этой странѣ чувствуется такая спокойная, ясная тишина, не смотря на всякія поверхностныя и мѣстныя волненія.

Когда я вернулся въ Петербургъ, въ три дня перенесшись сюда изъ Милана, я былъ пораженъ рѣзкимъ контрастомъ. Желѣзныя дороги своею быстротою и своими закупоренными вагонами удивительно способствуютъ ощущеніямъ такихъ контрастовъ. Я вдругъ попалъ въ большую суету: всѣ заняты, всѣ торопятся; на лицѣ каждаго прохожаго вы прочитаете очень ясное выраженіе, хлопотливости, самодовольства, радости, труда, насмѣшки... Подвижныя и разнообразныя лица ни на минуту не остаются спокойными. А сверхъ того: всѣ улицы чинятся, на каждой строятся и красятся дома, вездѣ заборы и тачки, всѣ каналы полны барокъ съ кирпичами и известкой, и ни одного человѣка *гуляющаго* по этимъ улицамъ — былъ конецъ мая и всѣ, кто можетъ и умѣетъ гулять, уже по-

кинули городъ. Словомъ, Петербургъ имѣлъ всѣ признаки города, который только еще строется, а его жители — людей очень мало жившихъ на свѣтѣ. «О, мы еще молоды и еще свѣжи!» подумалъ я.

Неаполитанскій заливъ открывается со многихъ точекъ Неаполя, хотя, разумѣется, изъ улицъ, большею частію страшно узкихъ, и изъ домовъ, стоящихъ сплошными массами, его не видать. Но недавно стали проводить и уже почти кончили новую очень длинную улицу — Corso Vittorio, довольно широкую и отлого подымающуюся и извивающуюся по горѣ; съ этой улицы безпрестанно видѣнъ заливъ. Я любовался заливомъ однако же еще лучше, чѣмъ съ Corso Vittorio; въ самый ясный мой день въ Неаполѣ я былъ въ монастырѣ Санъ-Мартино, который стоитъ на самой высшей точки Неаполя; видъ оттуда безподобный.

Этотъ монастырь стоитъ вниманія, и мое посѣщеніе принесло мнѣ много и удивленія, и самаго глубокаго наслажденія.

Утромъ я вышелъ по обыкновенію бродить, и на Via Chiaja (не набережная, а улица, ей параллельная) зашолъ въ маленькую кофейную выпить чашку чорнаго кофе. Я рѣшился идти въ монастырь пѣшкомъ, и потому сталъ спрашивать у хозяина кофейни дорогу. (Кстати — какое удовольствіе — пытаться говорить на незнакомомъ языкѣ, и чувствовать, что можешь вести маленькій разговоръ!) «А вотъ, отвѣчалъ онъ, войдите на лѣво во вторую дверь отсюда, подымитесь въ третій этажъ, и перейдите мостъ — а тамъ все прямо, все прямо!» Такъ я и сдѣлалъ; я вошолъ въ какой-то домъ и въ третьемъ этажѣ, не безъ удивленія, нашолъ выходъ на мостъ, который перекинутъ *черезъ улицу*, и однимъ концомъ упирается въ этотъ домъ, а другимъ продолжается въ поперечную улицу. Я пошолъ по ней и сталъ подыматься все выше и выше. Скоро улица удобная для экипажей прекратилась и началось нѣчто среднее между улицей и лѣстницей. Мнѣ предложили осла — я отказался, и напрасно. Хотя снизу, съ берега, монастырь кажется близко, я цѣлый часъ подымался по этимъ отлогимъ ступенькамъ, и если не уморился до конца, то только благодаря чудесному воздуху и чудесному виду, который открывался тѣмъ шире, чѣмъ выше я всходилъ.

Наконецъ, вотъ ворота. Такъ-какъ я очень неприлежно штудировалъ своего Бэдекера, то я вообразилъ, что тотчасъ увижу монаховъ, заготовилъ нѣсколько вопросовъ по итальянски и соображалъ — не застану ли какой службы. Во мнѣ заговорило любопытство и чувство нѣкотораго умиленія. Вхожу въ ворота — пусто, никого нѣтъ. Прохожу въ другія ворота — опять пусто, и только стоятъ какіе-то запряженные экипажи. А! подумалъ я: это богатые богомольцы — вѣрно есть служба. Перехожу дворъ и хочу пройти въ третьи ворота мимо какихъ-то военныхъ. «Возьмите билетъ», говорятъ мнѣ. Вижу столикъ и за нимъ солдата съ билетами. «Сколько?» — «Одинъ франкъ».

Какое разочарованіе! Монастырь упраздненъ — и правительство показываетъ его за деньги. Я взялъ билетъ, вошолъ въ какой-то крытый дворикъ, отказался отъ провожатаго и сѣлъ отдыхать на отворенномъ балконѣ. Море блестѣло великолѣпной лазурью; видѣнъ былъ не только заливъ, но и тотъ горизонтъ, который открывается съ Chiaja. Я зналъ, что цвѣтъ неба бываетъ несравненно гуще, что дымъ изъ Везувія иногда подымается узкимъ столбомъ, а не сносится вѣтромъ, какъ теперь; но и то, чтò я видѣлъ, было очень ярко, очень красиво, очень радостно.

Отдохнувши я пустился бродить одинъ по монастырю и скоро попалъ въ монастырскій дворъ, тотъ самый, о которомъ пишетъ Тэнъ, какъ о главной красѣ монастыря. Постройка такихъ дворовъ (chiostro) вездѣ одинакова: по всѣмъ четыремъ стѣнамъ идутъ галлереи или портики, сторона которыхъ обращенная во дворъ состоитъ изъ ряда колоннъ, подпирающихъ легкія арки. Дворъ, въ которомъ я очутился, былъ очень великъ и представлялъ несравненное великолѣпіе. Полъ, колонны, перила между ними, барельефы на стѣнахъ, колодезь посреди двора, ограда, плиты и памятники кладбища, занимающаго одинъ уголъ двора — все было изъ бѣлаго мрамора, мрамора удивительной бѣлизны и, кромѣ того, полированнаго. Ряды колоннъ — стройныхъ, сіяющихъ — составляли чудесное зрѣлище. На низкой оградѣ кладбища лежали черепа изъ полированнаго мрамора, какъ-будто настоящіе костяные черепа. Я ходилъ по этимъ мраморнымъ галлереямъ, и не могъ досыта налюбоваться ими. Тутъ когда-то, думалъ я, прохаживались монахи, навсегда ушедшіе отъ міра въ это убѣжище. Теперь все пусто. Ходитъ одинъ сторожъ и метелкой обмахиваетъ рѣзьбу мраморныхъ перилъ, какъ будто эта драгоцѣнная вещь стоитъ не на открытомъ воздухѣ, не на дворѣ, а гдѣ-нибудь въ залѣ большого музея. Большей простоты и болѣе царскаго великолѣпія невозможно придумать для мѣста посвященнаго созерцательнымъ прогулкамъ.

Долго я не могъ вырваться изъ очарованнаго двора; наконецъ, принялся искать выхода, прошолъ одинъ, другой коридоръ, отворилъ маленькую дверь — вижу какую-то большую залу. Вхожу, вижу сторожъ съ метлой и въ шапкѣ говоритъ о чемъ-то съ солдатомъ въ кепи. Осматриваюсь — да вѣдь мы въ алтарѣ! Я невольно снялъ шляпу. Зачѣмъ-же кощунствовать? Зачѣмъ безъ всякой нужды и цѣли выказывать неуваженіе или даже только пренебреженіе къ предметамъ, которыхъ весь смыслъ — въ глубочайшемъ благоговѣніи?

Я вышелъ на середину пустой церкви, поднялъ глаза и обомлѣлъ отъ восхищенія. Колонны, своды, карнизы, мраморные завитки и перилы — все какъ-будто пѣло и играло, какъ-будто подымалось, закруглялось, вилось, протягивалось въ стройныя линіи, неслось одно надъ другимъ, опиралось одно на другое. Впечатлѣнія прекрасной архитектуры невы-

разимы словами. Я слышалъ во всемъ что-то живое, какую-то свѣтлую и тихую гармонію. Вотъ я опустилъ глаза — и все исчезло; подымаю глаза — и опять все поетъ, и невозможно насмотрѣться.

Церковь эта имѣетъ свѣтлый, радостный характеръ, безъ всякой тѣни мрачности и страха; она очень величава, но безъ того величія, которое подавляетъ. Въ ней все изъ мрамора разныхъ цвѣтовъ, больше всего свѣтлыхъ. Статуи и барельефы — полированы самымъ тщательнымъ образомъ, такъ-что производятъ не привычное намъ впечатлѣніе мрамора, а походятъ на отличный фарфоръ покрытый глазурью. Сначала это странно, но потомъ глазъ находитъ въ этой политурѣ большую пріятность. Нѣкоторыя статуи Микель Анджело (напримѣръ Моисей) тоже полированы.

Потолокъ и стѣны церкви покрыты огромными картинами, конечно, лучшихъ художниковъ. Но я не сталъ на нихъ смотрѣть, я старался только насытить свои глаза зрѣлищемъ удивительнаго зданія; съ сожалѣніемъ взглянулъ я даже на англичанина, который вошолъ послѣ меня, снялъ шляпу такъ же какъ и я, но тотчасъ же уперся глазами въ свой гидъ, отыскивая, чтò именно слѣдуетъ здѣсь смотрѣть, и пошолъ методически отъ одной картины къ другой. Я не смотрѣлъ на картины, и это былъ первый опытъ, показавшій мнѣ слабую сторону живописи вообще. Я потому могъ не смотрѣть на картины, что онѣ не имѣютъ достаточно силы, чтобы *заставить* на себя смотрѣть. Вообще говоря это довольно-тусклыя пятна, которыя получаютъ смыслъ только при нарочномъ вниманіи на нихъ обращенномъ. То ли дѣло статуя, сводъ, колоннада! Тутъ вы, напротивъ, не можете уйти отъ впечатлѣнія, не можете не видѣть. Картина требуетъ большой сохранности, хорошаго освѣщенія — и при всемъ этомъ нужно еще выбирать точку, гдѣ стать, ту единственную точку, съ которой надлежащимъ образомъ видна картина. Я говорю здѣсь о картинахъ масляными красками; фрески уже имѣютъ то преимущество, что этой точки выбирать не нужно, что можно идти мимо изображенія и оно не искажается передъ вашими глазами. Въ монастырскихъ переходахъ — вотъ гдѣ настоящее мѣсто фресокъ, гдѣ онѣ достаточно освѣщены, находятся на надлежащей высотѣ, представляютъ всѣ условія, при которыхъ можно долго и удобно созерцать живописное изображеніе. А еще лучше живопись на стеклахъ оконъ. Только она обладаетъ всею силою и прелестію, какую могутъ имѣть краски и фигуры, изображенныя на плоскости. Эффектъ нѣсколькихъ такихъ картинъ въ Миланскомъ соборѣ — поразителенъ.

Другое дѣло, говорю, статуя. Она бросается въ глаза во сто разъ сильнѣе, чѣмъ картина; обойдите ее кругомъ — вы не потеряете, а съ каждымъ шагомъ уясните себѣ и усилите ваше впечатлѣніе. И если вы ее уже знаете, то издалека, въ полутьмѣ, даже завидѣвъ только часть, голову или руку, вы почувствуете всю силу фигуры.

Но всего неотразимѣе дѣйствуетъ внутренность храма. Когда войдете въ Пантеонъ, то куда бы вы ни обратили взоръ, гдѣ бы ни стали и какъ бы ни пошли, зданіе будетъ обнимать васъ своимъ впечатлѣніемъ, не дастъ вамъ ни на минуту выйти изъ подъ своего вліянія. Таково дѣйствіе готическихъ храмовъ, напримѣръ св. Стефана, которому я удивлялся въ Вѣнѣ; таково дѣйствіе и церкви въ Сан-Мартино.

О томъ, чѣмъ достигается эта цѣльность впечатлѣнія, эта сила охватыванія, я покамѣсть не стану говорить. Замѣчу только одно обстоятельство — монастырь Сан-Мартино не имѣетъ никакой красоты снаружи, не представляетъ никакого вида; такъ и его чудесная церковь хороша только внутри. Впослѣдствіи я убѣдился, что это не случайность, а очевидно дѣло сознательное и умышленное, что, тогда-какъ мы хлопочемъ о красивой наружности нашихъ церквей и зданій, тутъ все жертвовалось внутренности зданія. Пантеонъ, Ватиканъ — снаружи ничего не представляютъ и не должны были представлять; между-тѣмъ внутри Пантеонъ — конечно, первое зданіе въ мірѣ; а Ватиканъ наполненъ внутри чудесными лѣстницами, залами, церквами, наконецъ, заключаетъ въ себѣ сады и дворы, устроенные съ величайшей художественной обдуманностію. Какой прекрасный и въ высшей степени правильный разсчетъ! Не есть ли внутренность — настоящая цѣль, главный смыслъ зданія? И что хорошаго, напримѣръ, въ такомъ храмѣ, какъ нашъ Исакіевскій соборъ, который снаружи красивъ, особенно издали, но внутри не производитъ никакого впечатлѣнія?

Я оставилъ Санъ-Мартино сытый духовно и отчасти растроганный. Передо мною мелькнула минувшая жизнь, которая тутъ оставила не слѣды свои, а полное, законченное выраженіе. Монахи, жившіе въ этомъ монастырѣ, очевидно располагали возможностію устроить себя такъ, какъ только хотѣли, какъ имъ могло вздуматься. Они выбрали самую живописную точку Неаполя и наполнили свое жилище чистымъ какъ снѣгъ мраморомъ. На всякую мелочь они положили печать своего характера, все устроили въ совершенной гармоніи съ духомъ своего благочестія, свѣтлаго, чистаго, радостнаго благочестія. Кто бы ни были эти люди, и каковы бы они ни были въ дѣйствительности, но въ идеѣ они были и хотѣли быть такими, какъ этотъ монастырь.

И что же теперь? Монастырь пустъ; онъ — трупъ, сохранившій и красоту и даже выраженіе нѣкогда жившаго человѣка, но уже не имѣющій души, уже беззвучный, холодный, неподвижный. Онъ однако же не только продолжаетъ существовать, но получилъ повидимому новое, совершенно опредѣленное отправленіе, новую жизнь. Для поученія жителей Неаполя и пріѣзжихъ иностранцевъ онъ обращенъ въ музей, не просто какъ помѣщеніе, нѣтъ — всѣ его постройки, вся его утварь — обращены сами въ предметы искусства. Церковь и дворъ — это образцы зодчества,

алтари и распятія — образцы скульптуры, иконы — образцы живописи. Все получило новый смыслъ и въ качествѣ предметовъ, имѣющихъ этотъ смыслъ, сберегается, показывается и разсматривается. Сторожа обмахиваютъ пыль можетъ-быть даже тщательнѣе, чѣмъ дѣлали это монахи, и англичане, приближая лицо къ самому алтарю, тонко обсуждаютъ достоинство камней, металловъ и работы. Впрочемъ, къ монастырю, для большей поучительности музея и чтобы утилизировать мѣсто, сдѣланы нѣкоторыя прибавленія; въ большой залѣ стоитъ чудовищной величины золотая карета, въ которой кто-то когда-то совершалъ свой въѣздъ въ Неаполь. Есть также сѣдла совершенно необыкновенныя, и другія подобныя древности.

Черезъ мѣсяцъ послѣ моего хожденія въ Санъ-Мартино я видѣлъ другой монастырь, несравненно болѣе знаменитый и точно также обращенный въ предметъ искусства. Это Санъ-Марко во Флоренціи, монастырь Савонароллы и Беато Анжелико. Изъ него также сдѣлали музей, обратили его въ хранилище вещей достойныхъ изученія, состоящее, впрочемъ, почти исключительно изъ самаго монастыря. Вамъ показываютъ удивительно-сохранившіяся фрески, которыми расписаны всѣ стѣны монастырскаго двора и изъ которыхъ многія писаны самимъ Анжелико; потомъ ведутъ въ кельи — каждая изъ нихъ драгоцѣнность, потому-что въ каждой такой крошечной комнатѣ есть фреска, составлявшая когда-то икону для монаха, а теперь составляющая образецъ искусства извѣстнаго періода. Наконецъ, сторожъ, въ надеждѣ на десять сантимовъ, предложилъ мнѣ отворить стеклянную дверь въ огромную залу, наполненную знаменами всей Италіи, которыя здѣсь помѣстили непомню ужъ по какому случаю; къ огорченію его я отказался. Знамена не предметъ художества, а эти не были даже предметомъ археологіи — я не хотѣлъ нарушать цѣльности своего впечатлѣнія.

Церковь Санъ-Марко еще не принадлежитъ къ предметамъ Музея: въ ней продолжаетъ совершаться богослуженіе.

Эти монастыри были для меня однимъ изъ самыхъ поразительныхъ зрѣлищъ въ Италіи. Мнѣ казалось, что тутъ я вижу на дѣлѣ, на живомъ фактѣ — судьбу искусства, тотъ законъ, по которому идетъ его исторія. Нѣкогда искусство было въ тѣсной связи съ жизнью, составляло ея органическую принадлежность; теперь оно совершенно оторвано отъ жизни, не имѣетъ къ ней прямого, живого отношенія, существуетъ въ отвлеченномъ видѣ. Люди строившіе монастырь предполагали вести опредѣленной образъ жизни, посвятить себя извѣстнымъ занятіямъ. Для этого строились кельи, переходы, храмы; для этого на стѣнахъ писались картины, въ нишахъ ставились статуи; для этого въ извѣстномъ мѣстѣ ставился оргàнъ, и сочинялись музыкальныя пьесы, имѣющія опредѣленный

смыслъ и исполнявшіяся въ опредѣленное время. Словомъ — искусство имѣло полную жизненность.

Нынче все перемѣнилось. Художникъ, точно такъ же какъ писатель и учоный, не имѣютъ нынче ни установившихся цѣлей, ни опредѣлившейся публики; они не знаютъ, надъ чѣмъ именно слѣдуетъ трудиться и для кого именно они трудятся. Они предоставлены самимъ себѣ, должны въ себѣ самихъ найти свои задачи. И вотъ художникъ или учоный, ни съ чѣмъ ни связанный, ни чѣмъ не направляемый, создаетъ въ своей комнатѣ книгу, картину, симфонію, и затѣмъ бросаетъ ее въ житейское море, въ темныя волны публики. Твореніе изчезаетъ изъ глазъ своего творца, погружаясь въ эти волны и носясь по всякимъ вѣтрамъ. Ему нѣтъ назначеннаго мѣста и употребленія. Кто-нибудь, человѣкъ неизвѣстный писателю и художнику, купитъ книгу и будетъ ее читать, за п ершисьвъ своемъ кабинетѣ, купитъ картину, или статую — и помѣститъ ее въ своей комнатѣ, въ такомъ углу, на такой стѣнѣ, о которой художникъ не знаетъ и даже не думаетъ. Понятно, что у насъ архитектура сама по себѣ, живопись сама по себѣ, а книги не имѣютъ ничего общаго ни съ тою, ни съ другою. И понятно, что искусство должно страдать отъ этого, что оно дробится и понижается. Оно естественно спускается на уровень, на которомъ катятся волны публики. Поэтому вмѣсто книгъ являются газеты, журналы; поэтому романъ, картина и статуя все больше и больше склоняются къ жанру. Создается лишь то, что̀ понятно и удобно для отдѣльнаго лица, процвѣтаетъ комнатное искусство, а не искусство соотвѣтствующее какой-нибудь общей жизни, какимъ-нибудь идеямъ, стоящимъ выше толпы и отдѣльныхъ лицъ.

И это видно въ Италіи. Нѣтъ конечно страны болѣе богатой произведеніями искусства; она вся изукрашена ими; ея улицы, площади, дома — часто представляютъ не просто мѣста, удобныя для того, чтобы жить, ходить и ѣздить, а истинно-художественныя созданія, назначенныя для того, чтобы ихъ созерцать. Бродивши полтора мѣсяца по Венеціи, Неаполю, Риму и Флоренціи, я вынесъ изъ этихъ городовъ такое впечатлѣніе изящества, граціи, пышности, величавости, что Италія, эта бѣдная Италія, гдѣ на первый взглядъ все имѣетъ видъ тусклый и изношенный, все покрыто пылью и отчасти грязью — Италія теперь встаетъ передо мною въ какой-то царственной роскоши, о которой нельзя и думать другимъ странамъ. И это впечатлѣніе художественности ясно распадается для меня на два отдѣла: одинъ разрядъ созданій искусства составляютъ остатки древняго міра, другой — памятники среднихъ вѣковъ и возрожденія; но нынѣшней красоты, современныхъ произведеній искусства я не видалъ, или почти не видалъ. Въ тѣ прошлыя времена искусство, очевидно, жило могучею, великою жизнью, и плоды этой жизни на лицо; какъ оно живетъ нынче — трудно разсмотрѣть и мудрено сказать.

Чтобы отыскать современное искусство, нужно идти не на форумъ, не въ храмъ или монастырскій дворъ, а въ мастерскія самихъ художниковъ, или на выставки, или наконецъ въ музеи, въ частныя и казенныя галлереи. Это обстоятельство всего лучше показываетъ, что въ наше время художественныя произведенія не имѣютъ каждое *своего* мѣста, и потому ихъ можно помѣстить гдѣ угодно, и слѣдовательно поставить въ такое мѣсто, которое ни для чего не служитъ, въ которомъ никто не живетъ и никто ничего не дѣлаетъ. Что такое музей? Это не помѣщеніе для человѣка, а помѣщеніе для вещей, какъ кладовая, какъ мебельная лавка, какъ комната, наполненная коллекціею старинныхъ предметовъ, гдѣ жить неудобно уже по самому множеству этихъ предметовъ и потому, что они не приспособлены и даже не годны ни къ какому употребленію. Такъ точно и музыкантъ въ наше время пишетъ симфонію не для того, чтобы она исполнялась въ храмѣ во время молитвы, или въ бальной залѣ во время танцевъ, или на площади во время церемоніальнаго марша войскъ; нѣтъ — онъ пишетъ ее прямо для концертной залы, то-есть такой залы, въ которую люди сойдутся только за тѣмъ, чтобы выслушать его симфонію, и которая ни съ этою симфоніею, ни съ чѣмъ другимъ не имѣтъ никакого отношенія. И такъ, нынѣшнее искусство сдѣлалось чрезвычайно отвлеченнымъ, и въ такомъ-то смыслѣ мнѣ кажется можно сказать, что именно нынче господствуетъ *искусство для искусства.*

Эти мысли были мнѣ невольно и неотразимо внушены въ Италіи тѣмъ, что̀ я видѣлъ. Много дней я ходилъ по римскимъ и флорентинскимъ галлереямъ, и каждый день съ новою силою чувствовалъ, что передо мною искусство, разорвавшее свою связь съ жизнью; помимо своей воли я становился на точку зрѣнія отвлеченнаго искусства. Чистое искусство, искусство имѣющее свою цѣль само въ себѣ — вотъ настоящая идея всякой галлереи, всякаго музея, вотъ смыслъ собраній Ватикана, Капитолія, Уффици.

Что же открываютъ намъ эти богатѣйшія въ мірѣ собранія? Въ чемъ состоитъ сущность искусства, взятаго отрѣшенно? Чему оно насъ учитъ, къ чему ведетъ, зачѣмъ существуетъ?

Не буду здѣсь развивать своихъ мыслей, которымъ я такъ удобно предавался вдали отъ всякихъ заботъ, самъ отрѣшившись на время отъ всякой жизни. Лучше я приведу одно мѣсто изъ книги Тэна «Voyage en Italie», которую я тогда читалъ. Это мѣсто поразило меня своею правдою и очень удивило у такого писателя какъ Тэнъ; можетъ-быть и читатели раздѣлятъ мое удивленіе. Отъ 14-го апрѣля 1864 года онъ пишетъ своему пріятелю изъ Флоренціи, послѣ посѣщенія Уффици:

«Что можно сказать объ галлереѣ, въ которой тысяча триста картинъ? Я, по крайней мѣрѣ, отказываюсь; читай лучше каталоги, пере-

смотри эстампы, или, всего лучше, самъ пріѣзжай сюда. Впечатлѣнія, выносимыя изъ этихъ огромныхъ магазиновъ (*это слово я полагаю имѣетъ здѣсь у Тэна смыслъ «кладовыхъ»*) слишкомъ разнообразны и слишкомъ многочисленны, чтобы возможно было передать ихъ на письмѣ. Замѣть, что Уффици составляютъ общій складъ, въ родѣ Лувра: картины всѣхъ временъ и всѣхъ школъ, бронзы, статуи, рѣзныя работы, терракотты древнія и новыя, кабинетъ дорогихъ камней, этрусскій музей, портреты живописцевъ, писанные ими самими, двадцать восемъ тысячъ оригинальныхъ рисунковъ, четыре тысячи камеевъ и вещей изъ слоновой кости, восемьдесятъ тысячъ медалей. Туда идешь какъ въ библіотеку; тутъ есть все въ сокращенномъ видѣ и въ образцахъ. Прибавь, что кромѣ того ходишь въ другія собранія, въ Palazzo Vecchio, въ палаццо Корсини, въ палаццо Питти. Замѣтки накопляются, но я не нахожу, что можно бы отобрать изъ этой массы. Мнѣ кажется, что я пополнилъ, исправилъ, оттѣнилъ нѣкоторыя изъ своихъ прежнихъ понятій; но вѣдь поправокъ, дополненій, оттѣнковъ не разсказываютъ.

«Самое простое — бросить мысль объ изученіи и прогуливаться для своего удовольствія. Подымаешься по большой мраморной лѣстницѣ; проходишь передъ знаменитымъ древнимъ вепремъ; входишь въ длинный коридоръ въ видѣ подковы, уставленный бюстами и увѣшанный картинами. Около десяти часовъ утра посѣтители рѣдки; молчаливые сторожа стоятъ въ углахъ; кажется, что ты тутъ полный хозяинъ. Все это твое, и какая чистота и удобство! Приставлены консерваторы и слуги, чтобы тщательно стирать и обмахивать пыль и держать все въ строгомъ порядкѣ и сохранности; все идетъ само собою, безъ толчковъ и зацѣпокъ, безъ всякой нашей заботы; *это идеальный міръ, такой, въ какомъ намъ слѣдовало бы жить*. День прекрасный; свѣтлыя стекла бросаютъ лучи на далекія бѣлыя статуи, на розовый женскій торсъ, который какъ живой выступаетъ изъ тѣни. Необозримо тянутся ряды мраморныхъ императоровъ и боговъ, вплоть до тѣхъ оконъ, изъ которыхъ видно, какъ Арно движетъ свои мелкія волны, отливающія чернью. *Невольно предаешься отчужденію и кроткому спокойствію отвлеченной жизни; воля теряетъ свое напряженіе, внутренняя тревога утихаетъ; чувствуешь, что становишься монахомъ — современнымъ монахомъ*. Тутъ, какъ нѣкогда въ монастыряхъ, наше внутреннее нѣжное существо, постоянно подавляемое надобностію дѣйствовать, понемногу раскрывается и вступаетъ въ общеніе *съ образами, освобожденными отъ необходимостей жизни. Такъ хорошо — несуществовать! Такъ естественно несуществовать!* И какъ безмятежно мирно это *царство человѣческихъ образовъ, изъятыхъ изъ человѣческаго водоворота!* Чистая мысль, переходя отъ однихъ изъ нихъ къ другимъ, сознаетъ, что ея иллюзія только временная: но она *раздѣляетъ съ ними ихъ безтѣлесную тишину и ясность*,

и мечта, воссоздающая ихъ вожделѣнія и неистовства, даетъ нашей душѣ пищу, но не возмущаетъ насъ» *).

Этимъ мѣстомъ, исполненнымъ такой глубины и правды, Тэнъ обязанъ своей искренности и той чрезвычайной легкости, съ какою онъ описываетъ всякое, даже мимолетное свое настроеніе, и все даже мельком имъ видѣнное. Но его сочиненіе, взятое въ цѣломъ, также какъ и другія его разсужденія объ искусствѣ, ни мало не согласуются съ приведенными мною словами. Вездѣ онъ смотритъ на искусство не какъ на стремленіе къ ясному царству чистой мысли, а, напротивъ, какъ на выраженіе страстей и стремленій каждой эпохи, имѣющее свой смыслъ въ этихъ самыхъ страстяхъ и желаніяхъ.

Въ галлереѣ Уффици этотъ взглядъ оказался неприложимымъ, или лучше, долженъ былъ подчиниться другому, высшему взгляду. Въ самомъ дѣлѣ, отъ самаго входа тутъ начинаются иконы, чудесныя иконы съ золотымъ фономъ, которыя еще вполнѣ напоминаютъ нашу византійскую живопись, но составляютъ какъ бы полный ея расцвѣтъ. Потомъ вы найдете идоловъ языческихъ храмовъ; потомъ картины и статуи, которыхъ настоящее мѣсто въ комнатахъ красавицы легкаго поведенія, потомъ надгробныя плиты и изваянія, и такъ далѣе. Все это вырвано съ своего настоящаго мѣста, перемѣшано и поставлено передъ вами; иконы здѣсь — не иконы, а просто картины; идолы — не идолы, а просто статуи; и соблазнительныя изображенія также, какъ и всѣ другія, должны быть разсматриваемы только съ точки зрѣнія художества.

Какое же чувство должно въ васъ пробудиться, когда передъ вами развернется рядъ такихъ предметовъ? Вы не станете молиться передъ иконами, не станете поклоняться идоламъ, не будете сластолюбиво всматриваться въ непристойности. Вы должны почувствовать, что все прямое содержаніе этого необозримаго множества созданій искусства для васъ не имѣетъ и не должно имѣть значенія, что васъ не могутъ и не должны трогать ни всѣ изображенныя тутъ *вожделенія* и *неистовства*, ни память славы и величія, ни любовь и ненависть, словомъ, никакое жизненное отношеніе, могущее принадлежать художественнымъ произведеніямъ. Самая древняя статуя, изображающая неизвѣстное божество, о которомъ погибла всякая память, и только-что написанная картина, изображающая вчерашнее событіе, попавши въ эту галлерею, становятся на одну доску, дѣлаются предметами одинаково отвлеченными, имѣютъ смыслъ только предметовъ искусства.

Понятно поэтому, что мы чувствуемъ себя здѣсь отрѣшонными отъ времени и мѣста, отрѣшонными отъ дѣйствительной жизни. И если созерцаніе произведеній искусства, не смотря на то, наполняетъ насъ

*) Voyage en Italie, 2-me éd. Paris, 1874. T. II, p. 158—159.

свѣтлымъ чувствомъ, если есть какая-то радость въ этомъ созерцаніи, то она не представляетъ ничего общаго съ нашими страстями и желаніями, не заключаетъ практическаго содержанія. Яркій, разнообразный міръ художественныхъ созданій есть не только міръ идеальный, но даже имѣетъ въ себѣ нѣчто какъ-бы отвергающее дѣйствительность, враждебное къ ней, такъ что Тэнъ, ходя по галлереѣ Уффици, справедливо могъ произнести свое парадоксальное восклицаніе: *какъ хорошо не существовать! какъ естественно не существовать!*

Н. Страховъ.

29-го ноября 1875 года.

КНЯЖЕСКІЙ СКЛЕПЪ.

(Изъ Шубарта *).

Такъ вотъ онъ, склепъ наполненный князьями!
Такъ вотъ гдѣ, въ этихъ каменныхъ гробахъ,
Покоится холодный гордый, прахъ
Людей, считавшихся богами.

Какъ скупо здѣсь ложится свѣтъ дневной
На эти разукрашенныя плиты
Которыми заботливо прикрыты
Всѣ ужасы страны родной.

Здѣсь неумѣстной пышности явленья
Твердятъ вамъ про измѣнчивость судьбы;

---

*) Шубартъ, нѣмецкій сатирикъ прошлаго столѣтія, былъ человѣкъ весьма талантливый и темперамента крайне нервнаго. Раздробленность Германіи того времени на мелкія княжества, коихъ властители силились подражать развратной пышности французскаго двора Людовика XV, имѣла самое трагическое вліяніе на судьбу поэта. Шубартъ былъ предательски схваченъ однимъ изъ таковыхъ князьковъ и, по личной мести, безвинно продержанъ десять лѣтъ въ тюрьмѣ; притомъ первые годы даже въ цѣпяхъ, на хлѣбѣ и водѣ. Понятно, что его муза не могла быть очень миролюбива, особенно относительно этихъ мелкихъ князей, которые въ то время были дѣйствительно тиранами значительной части германскаго народа. Предлагаемое стихотвореніе представляетъ интересный памятникъ, отразившій въ себѣ стонъ угнетенныхъ и ихъ протестъ противъ тогдашняго строя общества.

Примѣчаніе переводчика.

Здѣсь тускнутъ золоченные гербы
Послѣдній отблескъ самомнѣнья.

И мраморные ангелы кругомъ,
Съ недвижимо застывшими слезами,
Глядятъ тупыми, мертвыми глазами
Надъ этимъ мертвымъ торжествомъ.

Насмѣшкой надъ раздавленнымъ народомъ,
Во всемъ печаль продажная царитъ.
Здѣсь каждый шагъ болѣзненно звучитъ
Подъ отсырѣлымъ, мрачнымъ сводомъ.

Какъ будто для властительныхъ судей
Судъ времени въ тѣхъ звукахъ раздается:
Среди величья рѣзко выдается
Здѣсь все ничтожество людей.

Не дышетъ необузданною страстью
Грудь мертвеца, таившая развратъ;
Не разольетъ она свой гнусный ядъ
Во вредъ любви, труду и счастью.

Сгнила рука, что почеркомъ пера
Оковывала умъ и вдохновенье,
Тюрьмой гасила свѣточь просвѣщенья,
Зарю свободы и добра...

И въ черепѣ безтрепетной особы
Презрительный не загорится взоръ,
Не изречетъ онъ смертный приговоръ
Единымъ блескомъ дикой злобы.

Сюда идите, подлые льстецы,
Нашоптывать восторгъ вашъ заучёный,
Хвалить и славить, въ рѣчи разцвѣчёной,
Изъ крови всплывшіе вѣнцы.

Но нѣтъ, вы знаете — и похвалами
Князей умершихъ вамъ не воскресить;
У этихъ труповъ нечего просить:
Они не встанутъ передъ вами.

Они ничѣмъ — ничѣмъ не наградятъ,
Ни даже снисходительной улыбкой,
Изысканную пошлость рѣчи гибкой
И вашъ молящій, рабскій взглядъ.

Вы съ тѣмъ же рвеніемъ отъ нихъ бѣжали,
Съ какимъ бывало прежде льнули къ нимъ,
И тѣ же рѣчи шепчете другимъ,
Которыя вы имъ шептали.

И вотъ пришлось имъ здѣсь однимъ лежать!
Никто ихъ сожалѣньемъ не помянетъ,
Никто съ печалью искренной не глянетъ
На эту суетную кладь.

Осѣнены участіемъ поддѣльнымъ,
Нелѣпой роскошью окружены,
Года, вѣка они лежать должны,
Какимъ-то бременемъ безцѣльнымъ.

На каменной могилѣ никогда
Весной не брызнетъ зелень молодая,
Къ ней не подсядетъ пахарь, отдыхая
Отъ плодотворнаго труда.

Не здѣсь отыскивать потомки станутъ
Священный прахъ наставниковъ своихъ,
Когда лучи ихъ мыслей, словъ живыхъ
Сквозь мракъ невѣжества проглянутъ.

Насъ можетъ заманить сюда одно
Лишь праздное, пустое любопытство,

Чтобъ видѣть, какъ загробное безстыдство
Бываетъ жалко и смѣшно.

И оттого намъ здѣсь легко вздохнется,
Что мёртвый сонъ ничѣмъ не пробудимъ,
Что трупы замурованы — и къ нимъ
Ни жизнь, ни власть ужь не вернется.

В. Крыловъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ „СОБАКИ“.

ГЛАВА VI.

Солнце закатилось и взошло — и снова
Въ тучку закатилось: миновали сутки.
Жить свободной жизнью намъ казалось ново;
Бросили мы псарню и, пока желудки
Вновь не отощали, ловко мы справлялись
Съ нашею свободой. Чудны намъ казались
Тѣ часы, когда мы за коростелями
Рыскали по степи или между нивами,
Раздвигая пышный папоротникъ, въ норы
Зарывали морды вплоть до переносья,
Или, въ злачной нивѣ лёжа, сквозь колосья,
Какъ сквозь сѣть густую, устремляли взоры
За перепелами, я же забирался
Въ барскій коноплянникъ — словомъ, наслаждался
Нѣгою свободы въ качествѣ поэта.
Кто бы могъ подумать, что свобода эта
Насолитъ намъ хуже, чѣмъ нашъ доѣзжачій!
Или мы не звѣри, или мы въ собачей
Шкурѣ не способны быть не только львами
(Гдѣ ужь намъ!)—спасуемъ и передъ мышами
По неволѣ сердце жолчью обольется.
Бѣдныя собаки! кто не ужаснется,
Кто не, возмутится духомъ, кто проклятью
Не предастъ двуногихъ, то-есть вашу братью?
Слушайте, какая началась невзгода,
Какъ насъ подкузмила эта *мать* свобода!
Разъ на край деревни утромъ забѣжала

Наша амка Берфа — погулять желала —
Прошмыгнула въ чьи-то сѣни, подъ скамейкой
Увидала кринку, съ непокрытой шейкой,
И ее лизнула — не безъ увлеченья.
Посудите сами, въ чемъ тутъ преступленье!
Кринка, покачнувшись на бокъ, не разбилась,
Такъ за что же злая баба взбѣленилась?
Увидала Берфу и ее хватила
Пò боку ухватомъ — чуть-чуть не убила!
Такъ-то самой милой, самой благородной
Амкѣ и, замѣтьте, бѣдной и безродной
Нанесла увѣчье грубая крестьянка!
Гдѣ же тутъ свобода ваша человѣчья,
Если изъ за кринки жди себѣ увѣчья!
Черезъ день мы слышимъ — о позоръ! цыганка
Кочевая, та что въ пыльной, рваной шали
Шлялась по деревнѣ и её гоняли
Отъ воротъ, сманила, увела съ собою
Лучшаго борзого, нашего Ахила,
Нашего героя. Тщетно головою
Онъ моталъ, шагая по слѣдамъ воровки,
Тщетно упирался, рвался изъ верёвки,
Высунувъ языкъ свой и тоскливо воя:
Дикая цыганка увлекла героя
За своимъ обозомъ, въ вѣтеръ, въ дождь и слякоть.
Не успѣли наши псы его оплакать,
Слышимъ — нашъ отважный Марсъ ночной порою
Встрѣченъ былъ въ опушкѣ стражею лѣсною,
Съ бѣлою кокардой на суконныхъ шляпахъ.
Марсъ остановился; онъ почуялъ занахъ
Пороху и что же — бацъ! въ него пустили
Пулю: не узнали — да и подстрѣлили.
Къ утру доплелся онъ къ намъ на трехъ ужь лапахъ.
Наконецъ — о ужасъ! — пламенно любимый
Амками, нашъ пылкій, нашъ неутомимый
Соколъ шолъ знакомой пò лѣсу тропинкой,
Вдругъ — за промелькнувшей сѣренькою спинкой
Молодой зайчихи — въ сторону увлёкся,
Побѣжалъ въ догонку, не догналъ — обжогся.
Кажется, что въ этомъ нѣтъ еще безчестья!
Но, забравшись въ дерби дальше отъ предмѣстья,
Соколъ заблудился. Дикій звѣрь дороги

Въ дербяхъ не забудетъ; до своей берлоги
Каждый доберется, каждый слѣдъ отыщетъ,
А собака, если человѣкъ не свищетъ,
Если въ шумѣ вѣтра не услышитъ клички,
Забѣжитъ навѣрно къ чорту на кулички.
Соколъ воротился тощій и голодный.
Амки не узнали друга благородной
Морды и, съ гримасой, нагло отвернулись;
Кобели ни слова; многіе надулись.
Бѣдный нашъ Соколка! поздно ты вернулся,
Тщетно ты къ корыту головой нагнулся:
Вылизано было такъ, что дно свѣтилось.
Сердце съ болью ныло, въ головѣ мутилось;
Но никто твой голодъ не взялъ во вниманье:
Не было у нашихъ сытыхъ состраданья.
Изъ какой-то лужи слишкомъ нахлебавшись,
Заболѣлъ Соколка, легъ, спиной прижавшись
Къ тыну, изъ подъ грязной, шелудивой шубы
Выглянулъ на солнце и, оскаливъ зубы,
Околѣлъ — и что же? — около Соколки
Раздались упреки, сожалѣнья, толки:
Дескать — мы хоронимъ лучшія надежды;
Дескать — загубили молодость невѣжды...
Амки осуждали вѣтренность героя;
Сытыя рѣшили: умеръ отъ запоя.

ГЛАВА VII.

Такъ злой рокъ надъ нами тѣшился всевластно!
Поняли собаки, что блуждать опасно:
Стала посѣщать насъ тайная забота.
Разъ я спалъ — и въ полночь, слышу, входитъ кто-то
И зоветъ: «проснись, братъ, приходи въ собранье:
Нынче, ровно въ полночь, будетъ засѣданье.
Мы вопросъ рѣшаемъ далеко не дѣтскій,

Иначе — задачу важности громадной,
А ты спишь и вѣрно видишь сонъ нескладный,
Потому-что бредишь колбасой нѣмецкой.
Отрезвись, несчастный, и не будь такъ лакомъ!»
Голосъ былъ Карая. Окруженный мракомъ
Ночи, поднялся я. Помню, подгибая
Хвостъ свой, за Караемъ молча поплелся я;
Вотъ пролезъ лазейку, робко оглянулся,
И пошолъ съ нимъ къ лѣсу. Кто-то шевельнулся
Подъ кустомъ; мы дальше — наконецъ, мы сѣли
Подъ корнями темной и широкой ели,
Подъ шатеръ колючихъ и вилообразныхъ
Сучьевъ. Въ темномъ небѣ кучки звѣздъ алмазныхъ
Начинали меркнуть; тучи предвѣщали
Не грозу, такъ ливень. Многіе, признаться,
Тутъ же очевидно стали притворяться,
Что у нихъ разбухла печень — лихорадка,
Что они рискуютъ, ибо ждутъ припадка —
И затѣмъ спѣшили по домамъ убраться.
Насъ въ лѣсу осталось семеро: Барбоска,
Да Трезвонъ, да Стрѣлка, да Карай, да Тёска,
Да еще съ почтеннымъ нашимъ Водолазомъ
Я — Пролазъ, покорный вашъ слуга. Пролазомъ
Рано былъ я прозванъ въ нашей буйной шайкѣ,
Потому-что ловко воровалъ я сайки
Въ дни, когда я бѣгалъ въ улицахъ столицы
И мечталъ къ царицѣ нашей, Чечевицѣ,
Поступить на службу. Но старо̀ все это.
Первымъ либераломъ сталъ я въ это лѣто,
И меня не даромъ всюду призывали —
Всюду, гдѣ собаки нѣчто замышляли.
Въ этомъ семичленномъ засѣданьи былъ я,
Вѣрьте, не послѣдній, и не меньше вылъ я
Въ часъ, какъ президента выбирать мы стали
И кого бы выбрать головы ломали.
Выбрали, конечно, водолаза Мага,
Потому-что сила, опытность, отвага,
Наконецъ учоность (зналъ онъ по латыни).
Это все не только въ этомъ гражданинѣ
Необыкновенно мягко сочеталось,
Но и на широкой мордѣ отражалось.
Избранному нами слѣдовало громко

Первому залаять, чтобъ открыть собранье;
Но, къ несчастью, началъ голосить Трезвонка.
Честолюбецъ этотъ не почтилъ избранья.
Мы негодовали; но негодованье
Общее не вышло изъ границъ молчанья.
«Господа!» онъ началъ: «для какой вы цѣли
Собрались подъ своды этой старой ели?
Господа! сначала цѣль мнѣ укажите,
А потомъ и лайте. Вы мнѣ говорите
Цѣль извѣстна; это — самосохраненье,
Благосостоянье, миръ и просвѣщенье.
Вотъ чего вамъ нужно!» продолжалъ Трезвонка,
Нужны когти кошки и покой телёнка,
Отъ людей занять намъ нужно просвѣщенье,
Отъ коровы — жвачку, отъ овцы — терпѣнье:
Такъ-какъ эти свойства въ насъ не совмѣстимы —
Ваши цѣли глупы и недостижимы.»
— «Правда»! кто-то тявкнулъ въ темнотѣ. Я началъ
Восторгаться, ибо насъ такъ озадачилъ
Этотъ смѣлый приступъ рѣчи, что, признаться,
Мы въ душѣ невольно стали поклоняться
Смѣлому Трезвону. И Карай, и Тёска
Словно онѣмѣли; но злодѣй Барбоска
Поднялся и рѣзко началъ прекословить:
«Нé зачѣмъ собранья нашего злословить!»
Молвилъ онъ: «и если на слова мы скупы,
То еще не значитъ, что мы очень глупы.
Если ты умнѣе, говори, какая
Цѣль твоя? мы будемъ слушать. — «А такая»,
Подхватилъ Трезвонка, «что ее едва-ли,
Тотъ кобель достигнетъ, кто безъ состраданья,
Безъ великой злобы, даже безъ печали,
Видѣлъ, какъ собаки наши голодали,
Или, ради пѣсенъ, то-есть завыванья,
Забывалъ свой голодъ, нужды и страданья.
Наша цѣль — одна, чтобъ пò ровну достало
Всѣмъ ѣды и пойла. Стало-быть сначала
Разберемъ, кто вправѣ утолять свой голодъ?
Утолять свой голодъ въ правѣ тотъ, кто молодъ,
Кто не заразился старымъ предразсудкомъ,
Что живетъ онъ въ мірѣ не однимъ желудкомъ,
Кто рискуетъ жизнью, кто своей породы

Не щадить во имя братства и свободы.
Остальныя—лежни—въ праздности и лѣни
Дни свои проводятъ на примятомъ сѣнѣ
Своего подвала. Если мы не струсимъ,
Если мы всѣмъ лежнямъ горло перекусимъ,
Соколы не будутъ чахнуть съ голодухи,
Наши Берѳы также у кривой стряпухи,
Да у бабъ не станутъ слизывать смѣтану,
Прибѣжитъ Ахилка, Марсъ залижетъ рану —
И тогда — утѣшьтесь — я ворчать не стану.»
— «Браво!» ухмыляясь, мы шептали: «браво!
Молодецъ Трезвонка! разсуждаетъ здраво.»
Но Барбосъ (сердиться онъ имѣлъ все право)
Такъ завылъ: «Во-первыхъ, насъ весьма немного:
Лежней втрое больше; во-вторыхъ, отъ Бога
Не одинъ желудокъ данъ имъ, но и зубы.
Если эти зубы также гложутъ кости,
Какъ и мы ихъ гложемъ, нéзваные гости
Собственною шкурой могутъ поплатиться.
Стало-быть такое средство не годится,
Не годится, ибо если мы не сладимъ —
Удружимъ подвалу, а себѣ нагадимъ.
Если же мы сладимъ, то Трезвонка ляжетъ
Самъ среди подвала — и навѣрно скажетъ:
«Тотъ изъ васъ, кто хочетъ быть достоенъ чести
Возлежать со мною на примятомъ мѣстѣ
И вкушать отраду безмятежной лѣни,
Тотъ поникни мордой и склони колѣни.»
Только что Барбоска произнесъ такую
Дерзкую тираду, я хотѣлъ убраться,
Ибо гвалтъ ужасный поднялся. Признаться
Не слыхалъ я съ роду, чтобъ могли собаки
Такъ орать. Мы были на̀ волосъ отъ драки;
Но поднялся съ мѣста водолазъ — и съ разу,
Всѣ поворотили морды къ водолазу.
Истинно хорошъ онъ въ это былъ мгновенье.
Понялъ я, что значитъ холодъ вдохновенья:
Шерсть на немъ торчала и глаза горѣли —
И глядѣлъ онъ строго изъ подъ темной ели.
— «Хорошо, Трезвонка, я согласенъ съ вами!»
Сдержанно вѣщалъ онъ. «Если вы зубами
Крѣпче — отвоюйте сытое корыто,

Откопайте все, что про запасъ зарыто.»
—«Лишь одно позвольте сдѣлать замѣчанье»,
Забурчалъ Трезвонка. —«Я прошу молчанья!»
Замолчалъ Трезвонка. —«Я начну съ вопроса»,
Продолжалъ маститый водолазъ — и косо
Поглядѣлъ на морды. «Будемъ ли мы сыто
Ѣсть, когда изъ псарни унесутъ корыто?
Человѣкъ ужасенъ, если разозлится!
Чѣмъ тогда мы будемъ съ братьями дѣлиться,
Если хлѣбъ не будетъ съ неба намъ валиться.
Если жь мы другъ друга нà смерть искусаемъ,
Знаете что скажутъ люди?» —«Нѣтъ не знаемъ.»
—«Скажутъ: «псы взбѣсились: мы ихъ разстрѣляемъ!»
Если разбредемся пó лѣсу, то всякой
Дуралей, который встрѣтится съ собакой,
Будетъ бить собаку, будетъ, безъ зазрѣнья
Совѣсти, стрѣлять въ насъ ради опасенья.
Съ пулей трудно ладить, ибо пуля — дура:
Вспомните хоть Марса. Потому-что шкура
У него по цвѣту схожа съ волчьей шубой,
Потому-что съ виду Марсъ дѣтина грубый,
Что случилось? Марса приняли за волка
И — пафъ, пафъ! Извольте, добирайтесь толка,
Кто тутъ правъ — и если мы собаки правы,
Все-же не найти намъ на людей расправы:
Люди и медвѣдя укокошатъ, такъ-то!»
Сказано все это было не безъ такта,
Не безъ знанья дѣла; но не унимался
Нашъ герой Трезвонка: спорилъ, огрызался.
Лишь Барбосъ, потупясь, грустно сознавался,
Что необходимо пріучиться стаѣ,
Прежде-чѣмъ мечтать ей о какомъ то раѣ,
И чутье и мышцы примѣнить къ работѣ,
Чтобъ на рыбной ловлѣ или на охотѣ,
Безъ людей, собаки завели обычай
Каждому питаться собственной добычей.
Водолазъ согласенъ былъ вполнѣ съ Барбосомъ,
Но Трезвонъ, который оставался съ носомъ,
Въ лѣсъ къ волкамъ сбирался убѣжать — горланилъ
И пыхтѣлъ. По счастью, дождь забарабанилъ,
Сталъ шумѣть все шибче — наконецъ, сильнѣе
Полилъ: ель намóкла — стало холоднѣе,

Потекло. Ручьями обдало Трезвонку —
И нашъ *волкъ* за Стрѣлкой драло въ перегонку
Къ намъ на дворъ, чтобъ спрятать спину подъ навѣсомъ.
Подражая этимъ храбрецамъ-повѣсамъ,
Убѣжалъ Вопило и Карай. Остались
Гражданинъ Барбоска, дà я съ водолазомъ.
Мы съ Барбоской плотно въ дереву прижались,
Водолазъ легъ въ лужу — и его разсказамъ
Долго мы внимали съ тайнымъ сокрушеньемъ:
Тотъ разсказъ для насъ былъ новымъ откровеньемъ.

ГЛАВА VIII.

Такъ вопросъ рабочій, поднятый Барбосомъ,
На господской псарнѣ моднымъ сталъ вопросомъ.
Что и какъ работать, такъ-какъ наши руки
Стали у корыта, отъ неупражненья,
Сущими ногами? Камнемъ преткновенья
Сталъ на самомъ дѣлѣ сей вопросъ науки.
Только несомнѣннымъ было въ насъ умѣнье
Или даръ отлично дѣйствовать зубами,
Даръ до совершенства доведенный нами.
Мастера мы были зубы каждой дичи
Показать — и это съ жаждою добычи
И тончайшимъ нюхомъ гармонировàло
Такъ, что даже въ людяхъ зависть поселяло.
Но, увы, собаки, безъ людей, безъ Бога
И безъ рукъ, зубами сдѣлали немного.
Два борзыхъ отважно предались охотѣ:
Цѣлыхъ двое сутокъ были на работѣ,
Пропустили въ псарнѣ цѣлыхъ два обѣда —
И, вообразите, только затравили
Одного зайчёнка. Это ли побѣда!
Юные борзые оба пріуныли:

Такъ ихъ возмутила неудача эта.
«Кончено!» ворчали. Но когда газета,
Похваливъ ихъ подвигъ, намекнула тонко,
Что такимъ героямъ одного зайчёнка
И травить не стоитъ, юные борзые
Вновь ушли на травлю и мѣста пустые
У корыта снова заняли другіе.
Разъ пропала Стрѣлка — нѣтъ и нѣтъ. Ужели,
Я подумалъ съ грустью, мы ей надоѣли
И она рѣшилась умереть — и что же
Узнаю? малютка, у которой тоже
Пылкій былъ характеръ, страстно-нервный съ дѣтства,
Тайно пожелала испытать всѣ средства
Жить трудомъ посильнымъ, такъ-какъ ей въ наслѣдство
Хвостъ одинъ достался. Убѣжала — дышетъ
Ароматомъ лѣса, радуется, слышитъ:
Золотая пчелка по цвѣтамъ порхаетъ,
То жужжитъ, то молча медъ съ нихъ собираетъ;
Свѣтлый ключъ подъ ивой катитъ по песочку
Золотыя струйки, къ каждому листочку
Пробираясь, вѣтеръ смѣло ихъ цѣлуетъ;
Шепчутся листочки — ласка ихъ волнуетъ;
И летаютъ птицы и поютъ и всюду
Золото и зелень, трудъ и наслажденье...
«Что жь я въ этомъ пышномъ мірѣ дѣлать буду?»
Думаетъ бѣглянка. «Меду не добуду,
Вить гнѣзда не стану. Пѣть! мое почтенье!
Сытой я не буду — не накормитъ пѣнье.»
Вотъ грибы! — но амка ѣсть ихъ не желаетъ:
Какъ ихъ ѣсть, къ чему ихъ собирать — не знаетъ.
Что за дрянь волвянки, грузди, сыроѣжки!
Захандрила Стрѣлка. Вдругъ, представьте случай:
Слышитъ подъ сосною, въ кустикѣ, за кучей
Муравьиной, кто-то щолкаетъ орѣшки.
Кто бы это? Шейку вытянула Стрѣлка,
Крадется... и видитъ — завтракаетъ бѣлка.
Подползаетъ Стрѣлка — ноздри шевелятся.
Бѣлка, приподнявшись, стала озираться,
Навострила ушки, вдругъ хвостомъ пушистымъ,
Какъ крыломъ, взмахнула и, по смолянистымъ
Трещинкамъ цѣпляясь, высоко взлетѣла
На сучекъ зеленой сосенки и сѣла,

Сгорбясь и поднявши хвостикъ въ видѣ эса.
Прозѣвала амка — еле-еле дышетъ,
Индо вся трясется; ни травы, ни лѣса —
Ничего не видитъ, ничего не слышитъ;
Видитъ только бѣлку, слышитъ какъ орѣхи
Рыжая каналья гложетъ безъ помѣхи
И какъ-будто дразнитъ — подъ носъ ей бросаетъ
Скорлупу. Напрасно амка разѣваетъ
Ротъ свой, воетъ, лаетъ, лапами толкаетъ
Въ дерево — каналья-бѣлка въ усъ не дуетъ,
Умываетъ рыльце, да на лапки плюетъ,
Словомъ потеряла всякую трусливость.
Отдадимъ терпѣнью амки справедливость:
До заката солнца Стрѣлка все зѣвала
По верхамъ, покуда бѣлка не пропала
Въ темныхъ массахъ листвы, точно укатилась.
Чуть не со слезами Стрѣлка воротилась
Къ намъ въ шалашъ — и долго-долго мнѣ мѣшала
Спать и все шептала на ухо мнѣ: «милый,
Я весь день трудилась, напрягала силы,
Напрягала зрѣнье и, увы, напрасно!
Столько силъ напрасно потерять — ужасно!
И, представь, я бѣлку чуть-чуть не поймала —
Вырвалась; но, знаешь, надо мнѣ сначала,
Прежде чѣмъ отдаться высшимъ всѣмъ наукамъ,
Поучиться всякимъ обезьяньимъ штукамъ.
Ахъ, поймай я бѣлку — шкурку продала бы,
Завела бы домикъ, да и зажила бы...
Что ты мнѣ на это скажешь? Я хотѣла
Быть тебя достойной и — весь день не ѣла!
Нѣтъ ли хоть кусочка мнѣ взаймы?» Конечно,
Поступить не могъ я съ ней безчеловѣчно —
Далъ я ей кусочекъ. Стрѣлка благодарна.
Умненькая амка, только жаль — бездарна;
И трудиться хочетъ и никакъ не может —
И чужую корку по неволѣ гложетъ.
Берфинъ сынъ другую отыскалъ работу.
Сталъ ловить лягушекъ и, трудясь до поту,
Сотнями давилъ ихъ. Для чего? признаться,
Самъ того не вѣдалъ. Развѣ обжираться
Гадами, собаки, чортъ-возьми, способны!
Нѣтъ, лягушки скользки, прѣсны и несдобны!

И хотя зубами мы подъ часъ гордимся,
Но въ цари къ лягушкамъ вовсе негодимся,
Негодимся, ибо — мы не любимъ голыхъ.
Такъ на кой же дьяволъ Берфинъ сынъ извёлъ ихъ
Эдакую пропасть! помѣшалъ имъ квакать!
Говоритъ: трудился, чтобъ потомъ не плакать.
Добирайтесь смысла отъ такой дубины
И — не доберетесь. Наконецъ, открыли
Наши топографы, хоть и позабыли
Навести на планъ свой, пять-шесть верстъ трясины,
Иначе — болота между озерами,
Гдѣ лознякъ да кочки вышли островами,
Гдѣ для сѣнокосовъ травы слишкомъ жёстки,
Гдѣ у незабудокъ на глазёнкахъ слёзки,
Гдѣ хвощи выходятъ изъ воды хвостами,
Гдѣ тростникъ зелено-темными стѣнами
Поднялся и смотритъ какъ цвѣтутъ кувшинки,
Какъ блестятъ букашекъ бисерныя спинки
На плавучихъ листьяхъ (если нѣтъ тумана).
Словомъ, мы открыли жилу золотую,
Гдѣ собаки наши, забираясь рано
На зарѣ, могли бы дичь хватать любую —
Разумѣю: утокъ, куликовъ, бекасовъ
(Прежде-чѣмъ побьетъ ихъ вашъ поэтъ Некрасовъ).
Услыхавъ объ этомъ, къ намъ зашолъ Валетка.
Голубой ошейникъ, бѣлая жилетка,
Замша на переднихъ и на заднихъ лапахъ
И при этомъ тонкій съ наркотизмомъ запахъ
Барскаго покоя, гдѣ сигары курятъ,
Гдѣ душатъ батистъ свой розовыя дамы
И откуда брата нашего протурятъ,
Коли не спросясь да сунемся туда мы.
Псы не ожидали этого Валета:
Покидалъ онъ рѣдко шумъ большого свѣта,
Но всегда казался искренно-любезнымъ
И твердилъ, что хочетъ быть для насъ полезнымъ.
«Говорятъ, сказалъ онъ (говорилъ мнѣ кто-то),
Будто бы нашли вы новое болото:
Не мое ли это? Впрочемъ, вотъ что знайте:
Если и мое, вы имъ располагайте
Какъ вамъ тамъ угодно, даже безвозмездно,
И ловите утокъ, только — не стрѣляйте.

Тамъ я былъ съ Мирзою, и такая бездна
Дичи тамъ, что утки на ружье садятся.
Въ этакомъ болотѣ стоитъ позаняться.»
И затѣмъ пустился гость нашъ въ прибаутки:
Обѣщалъ свести насъ, показать гдѣ утки
Кишмя копошатся и утятъ разводятъ,
Гдѣ сидитъ гусыня и глаза таращитъ,
Гдѣ журавль лягушекъ на расправу тащитъ,
Гдѣ куликъ, какъ цапля, вѣчно что-то удитъ,
Словомъ, гдѣ для всѣхъ насъ псовъ пожива будетъ.
Обѣщалъ, утѣшилъ и надулъ, мошенникъ!
Говорятъ, боялся замарать ошейникъ,
Опоздать къ обѣду, пропустить подачку
Или, что вѣрнѣе, не хотѣлъ онъ, стачку
Съ нами затѣвая, слыть за демократа.
Глупо полагаться на такого фата!
Ни какой услуги и не ожидая
Отъ Валета, наша Сайга молодая,
Амка разбитная и передовая,
Здраво разсудила: «если до болота
Можно и самимъ намъ какъ-нибудь добраться —
Значитъ, отъ собаки не уйдетъ работа
И добыча будетъ, стоитъ постараться.»
Собралась, ни слова братьямъ не сказала
И ушла — и сразу селезня поймала.
Первую добычу, слѣдуетъ прославить.
Первый эту Сайгу я пришолъ поздравить
И пусть эта амка въ тинѣ замарала
Лапки, хвостъ и шею — это не мѣшало
Быть ей героиней. Сталъ я волочиться,
Зная, что добычей можно подѣлиться;
Но она, облапивъ селезня, щипала
Перья и сквозь зубы на меня ворчала.
«Боги!» говорилъ я: «женственности мало —
А какая прелесть!» Я хоть и поэтикъ,
Но какъ настоящій песъ — плохой эстетикъ:
Для меня холодный мраморъ, будь Венерой,
По сравненью съ амкой, кажется химерой.
Какъ она щипала перья! потрошила
Селезня! — ей-Богу, видѣть было мило!
Я глядѣлъ и таялъ; но, вообразите,
Зависть распустила пагубныя нити,

Точно паутину; мы хоть и не мухи,
Но невѣроятно какъ пустые слухи
Могутъ насъ опутать: зависть разглашала
Будто наша Сайга отъ того поймала
Селезня, что былъ онъ дробью бекасиной
Изъ ружья подстрѣленъ, и что, съ полъ-аршинной
Высоты свалившись, онъ не могъ подняться
И прижался къ кочкѣ, съ тѣмъ чтобъ отлежаться;
Что не только Сайгѣ, всякой овладѣть имъ
Было бы не трудно; что гордиться этимъ
Никакая амка себѣ не позволитъ;
Что напрасно Сайга говорить изволитъ
Что сама трудилась — за неё трудился
Тотъ, кто первый порохъ выдумалъ. Я злился
На такія рѣчи. Сайга возмутилась,
И—какъ будто цѣлыхъ шесть недѣль постилась —
Страшно похудѣла. Видѣть было жалко,
Какъ она страдала, и тогда объ этомъ
Поднялась въ журнальномъ мірѣ перепалка,
Полному забвенью преданная свѣтомъ.
Но за-то Трезорка, двухъ кротовъ отрывшій,
И Карай, сѣдую крысу задавившій,
Какъ дѣльцы, великой пользовались славой.
Закипѣла злоба съ ѣдкою приправой
Клеветы. Шершавымъ болѣе шершавый
Сталъ ужъ ненавистенъ. У кого торчали
Уши, почему-то чуть не вслухъ желали
Чтобъ онѣ торчали и у вислоухихъ.
Тоненькія амки амокъ толстобрюхихъ
Поднимали на̀ смѣхъ. Наши волкодавы
Ни борзымъ, ни гончимъ не прощали славы;
Даже я за что-то былъ у нихъ въ отвѣтѣ...
Словомъ, трудно стало жить на бѣломъ свѣтѣ.

ГЛАВА IX.

Домикъ, гдѣ покончилъ съ жизнью доѣзжачій,
Отъ того, что понялъ нашъ языкъ собачій,
Какъ руина, пустъ былъ послѣ раззорѣнья —
Наконецъ, былъ отданъ въ полное владѣнье
Птичницѣ Аринѣ. У кривой Арины
Мужъ былъ старикашка, отставной солдатикъ.
Спрятавъ подъ фуражку жолтыя сѣдины,
Онъ носилъ суконный, сѣренькій халатикъ,
Тотъ, что былъ когда-то егерской шинелью.
Въ домикѣ солдатикъ надъ своей постелью
Въ уголокъ поставилъ мѣдный образочекъ
И зажогъ лампадку. Небольшой пучёчекъ
Вербъ, что изъ-за склянки съ масломъ выставлялся,
Долго намъ, собакамъ, розгами казался.
Не успѣлъ солдатикъ въ домикѣ обжиться,
Какъ уже надъ кровлей сталъ дымокъ клубиться,
Затрещала печка и запахло щами:
Это примирило съ новыми жильцами
Нашихъ либераловъ — и они старались
Придержать языкъ свой, хоть и раздражались.
Лежни трепетали за подвалъ съ примятымъ
Сѣномъ; особливо баричамъ женатымъ
Почему-то было несовсѣмъ-то ловко —
Чудилося — будетъ всѣмъ перетасовка.
Амки, жоны старыхъ фатовъ, пролезали
Первыми къ крылечку и когда Арина
На порогъ садилась, руки ей лизали,
Точно умоляли бѣдныхъ не обидѣть.
Хохоталъ Трезвонка, лежа возлѣ тына:
Такъ его плѣняла подлости картина;
Водолазъ ворочалъ морду, чтобъ не видѣть.
Мы жь предосторожность не позабывали:
Хворостомъ лазейку замаскировали —
И не ради страха — ради опасенья
Не найдти въ дворовой твари снисхожденья
Къ нашимъ либеральнымъ преобразованьямъ,
Люди равнодушны къ умственнымъ страданьямъ
Тѣхъ, кто, поѣдая хлѣбъ ихъ, имъ не служитъ,

Или тѣхъ, кто рабскихъ свойствъ не обнаружитъ,
То-есть изъ усердья явно не потѣетъ,
И плясать на заднихъ лапахъ не умѣетъ.
Много есть на свѣтѣ гадкаго; но гаже
Этого плясанья я не знаю даже.
Только разъ, почуя аппетитный запахъ
Косточки, подпрыгнулъ я на заднихъ лапахъ
И прошолъ два шага съ вытянутымъ пузомъ.
Этому позору я обязанъ музамъ,
Ибо наша слава — нищенская слава.
Но и это было такъ давно, что, право,
Вспоминать не стоитъ. . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Слушайте жь, какую выкинула штуку
Птичница кривая, даромъ что въ науку
Носъ свой не совала: что-то попилила,
Что-то построгала, да и наклеила
Всѣмъ намъ носъ — на псарнѣ, изъ досокъ и палокъ,
Для своихъ домашнихъ дуръ и приживалокъ,
Смастерила курникъ. Каково сосѣдство!
Пѣтухи и куры! Боги, наше дѣтство
Такъ ли протекало? Вспомнишь поневолѣ
Золотое время золотой неволи!
Куръ мы не видали — куры на нашестѣ
Съ пѣтухами спали на особомъ мѣстѣ,
Подъ дырявой кровлей, въ дровяномъ сараѣ:
Было уваженье къ нашей храброй стаѣ!
А теперь? О, время! какъ оно мѣняетъ
Нравы! куръ на псарнѣ клохтать заставляетъ,
А собакъ — работать! Между пѣтухами —
Помню я — ну точно бригадиръ армейскій
Стараго покроя, былъ пѣтухъ индѣйскій.
Помню, какъ, надувшись, важно выступалъ онъ
За перегородкой, какъ порой оралъ онъ
Намъ скороговоркой: «Здорово ребята!»
Что за обращенье! или мы солдаты!
И къ чему, бывало, онъ такъ носъ свой морщитъ,

Поднимаетъ плечи, грудь свою топорщитъ?
Стоило, чтобъ старый нашъ солдатикъ свистнулъ
Или чтобъ хоть ради шутки поднялъ палку,
Чтобъ пѣтухъ индѣйскій, сократясь, обвиснулъ;
Ибо самъ я видѣлъ, какъ онъ въ перевалку
Побѣжалъ однажды, вытянувши шею,
А за нимъ индѣйка — драло, а за нею
Всѣ ея цыплята. Признаюсь, собаки
Хоть порой и трусы, но не забіяки.
Не упоминалъ бы я о нашей курнѣ,
Если бъ между нами не нашлися дурни,
Если бъ отъ сосѣдства пѣтуховъ ни мало
Нравственность собачья наша не страдала,
Такъ-какъ все что ново и необычайно
Становилось нашей модой. Мы случайно
Странный фактъ открыли, фактъ, что у горластыхъ
Пѣтуховъ не то что у волковъ зубастыхъ,
У лисицъ, у зайцевъ или у медвѣдей —
Словомъ, что у нашихъ крикуновъ-сосѣдей
Вовсе не такіе, какъ у насъ, законы,
Что они по жизни, то же, что мормоны,
То же, что султаны: каждый обладаетъ
Множествомъ охотницъ, коли есть охота,
Словомъ, у любого пѣтуха безъ счёта
Жонъ или наложницъ; онъ ихъ не считаетъ,
Но за-то ревнуетъ и оберегаетъ.
И — вообразите — многія собаки
Стали увѣрять насъ, что изъ подражанья
Пѣтухамъ возникнетъ благосостоянье,
Что тогда не будетъ ни страстей, ни драки,
Что и въ нашей псарнѣ каждый долженъ десять
Или двадцать амокъ взять на попеченье.
Я не соглашался! «Нѣтъ! мое почтенье!
Лучше присудите вы меня повѣсить!
Лучше утопите» — заживо задѣтый,
Вопіялъ я — «только отъ опеки этой
Вы меня избавьте!» Спорили, судили:
«Можно!» голосили гончіе. — «Не можно»,
Тявкали борзые. Амки осторожно
Въ разговорахъ эту тему обходили,
Только наша Сайга смѣло прерывала
Споръ нашъ, и довольно мѣтко возражала.

Сайга говорила: «Каковы мужчины,
Таковы и амки. Значитъ, нѣтъ причины,
Чтобъ и нашимъ амкамъ не пришла охота
Заводить супруговъ, такъ-сказать, безъ счёта.
Къ счастью мы не куры и яицъ не носимъ:
Вашихъ попеченій, чортъ возьми, не просимъ!
Я хотя и амка, но не призывала
Кобелей на помощь, и сама поймала
Селезня въ болотѣ. Гдѣ же» — продолжала
Сайга — «равноправность, если вы хотите
Вольничать, а амкамъ воли не дадите?
Нѣтъ, я протестую!» — «Ахъ, ты староверка!»
Говорилъ Трезвонка: «тутъ нужна повѣрка,
Критика, анализъ.» Водолазъ, уныло
Протянувши морду, слушалъ и — ни слова.
Стрѣлка говорила, что она готова
Все принять на вѣру, лишь бы лучше было
Жить на бѣломъ свѣтѣ. Но когда настали
Сумерки и тѣни начали сгущаться,
Помню какъ мнѣ въ ухо трепетно шептали:
«Измѣни-ка, вздумай съ кѣмъ-нибудь связаться,
Такъ-то искусаю!» Кто шепталъ мнѣ это —
Не скажу: простите скромности поэта.
Какъ поэтъ, я рано понялъ, что всѣ куры —
Тряпки, оттого что записныя дуры.
Понялъ я, что этотъ ранній крикъ пѣтушій,
То же, что у вашихъ караульныхъ «слушай!».
Курица труслива и сквозь сонъ мечтаетъ,
Что пѣтухъ покой ихъ ночью охраняетъ.
А приди-ка дворникъ къ нимъ въ одной рубахѣ,
Да начни ихъ щупать, этотъ сторожъ въ страхѣ
Будетъ только хлопать крыльями да охать.
Ни зубовъ, ни лаю — только клювъ да похоть!
Такъ ли нашихъ амокъ мы оберегаемъ!
Мы за нихъ грыземся или громко лаемъ.
Отчего жь Арина псарню обижала,
Отъ чего собакамъ куръ предпочитала
И не съ нами — больше съ пѣтухами — зналась?
Отчего Арина съ нами обращалась
Дерзко? «Ахъ вы! псы вы! Чтобъ вамъ провалиться!»
Хуже и глупѣе можно ли браниться!
Нашъ Трезвонъ на это отвѣчалъ ей лаемъ;

Но Барбоска въ грусти сталъ неузнаваемъ.
Онъ ругню Арины слушалъ равнодушно,
Только разъ, я помню, всѣмъ намъ было скучно,
Цѣлый день Арина только куръ кормила
И когда мы лезли въ сѣни къ ней, намъ въ рыло
Тыкала ухватомъ. Чувствуя волненье
Крови молодое, милый нашъ мечтатель
И ораторъ, словомъ, нашъ Барбосъ-пріятель,
Какъ бы выражая полное презрѣнье
Къ птичницѣ и къ людямъ, сумрачный и гордый,
Легъ со мною рядомъ, то-есть морда съ мордой
И тихонько началъ завывать: «о люди!
Обезьянье племя! или въ вашей груди
Сердце превратилось въ печь, въ которой варятъ
Щи, пекутъ картофель, или мясо жарятъ.
Печь не душу грѣетъ — грѣетъ ваше тѣло,
До высокихъ цѣлей нѣтъ уже вамъ дѣла!
Отчего воздушнымъ, широко-полётнымъ
Коршунамъ и быстрымъ соколамъ залётнымъ
И орламъ могучимъ, наконецъ, синицамъ,
Жаворонкамъ — словомъ, всѣмъ свободнымъ птицамъ
Предпочли вы глупыхъ куръ. Увы! за-то ли,
Что у нихъ ни страсти, ни ума, ни воли,
Что у нихъ есть крылья, и что крылья эти
Ихъ поднять не въ силахъ выше вашей клѣти.
Дорого вамъ только то̀, что вамъ даётся,
Только то̀, что въ вашихъ лапахъ тщетно бьётся,
То, что общипать вы можете. Давно ли
Сами вы, какъ-будто потакая волѣ,
Пѣли: «Взвейся, взвейся выше, понесися!»
Если эти пѣсни не перевелися,
Если и теперь вы, люди, ихъ поёте —
Какъ вы лицемѣрны! какъ вы страшно лжёте!»
Такъ Барбосъ тихонько вылъ. Не безъ вліянья
На меня осталось это завыванье.

ГЛАВА X.

Общество собачье стало распадаться,
Партіи плодились, съ тѣмъ чтобъ препираться.
Жарки и зубасты были наши споры.
Помню, у лазейки начались раздоры,
То же — у подвала, у колоды — тоже.
Злоба превратила наши морды въ рожи;
Издали казалось на иныхъ собакахъ
Рожи эти были въ галстукахъ и бакахъ.
Мы въ каррикатурахъ по неволѣ стали
Узнавать знакомыхъ, даже прославляли
Каррикатуриста (знать таковъ духъ вѣка)
За портретъ Валетки въ видѣ человѣка.
Даже я представленъ былъ весьма недурно
И съ хлыстомъ и въ шубѣ — прекаррикатурно.
Наши амки то же, въ видѣ дамъ, являлись
Въ кружевахъ, шиньонахъ, словомъ, представлялись,
Съ нашей точки зрѣнья, не совсѣмъ прилично,
Но за-то пикантно и юмористично.
И, вообразите, наши молодыя,
Вѣтренныя амки, глядя на такія —
Такъ сказать, на вкусъ ихъ сдобныя картинки,
Стали подражать имъ, выгибали спинки,
Выставляли лапки и, я слышалъ, шубки
Зимнія сбирались промѣнять на юбки.
Были и такія амки, что природный
Хвостъ свой выдавали за какой-то модный:
Такъ собачьи равны стали развращаться.
Но гдѣ ядъ, тамъ вѣрьте есть противоядье.
На аренѣ свѣта стали появляться
Не однѣ тупицы, жалкія изчадья
Лѣни, зубоскалы, или лежебоки —
Стали появляться вѣщіе пророки.
Водолазъ изъ первыхъ звалъ насъ къ совершенству
Къ высшему развитью и къ самоблаженству,
А самоблаженствомъ называлъ онъ счастье
Въ мировыхъ движеньяхъ принимать участье.
Иногда во имя *звѣрчества* взывалъ онъ,
Ибо въ этомъ громкомъ словѣ совмѣщалъ онъ

Всѣхъ четвероногихъ отъ слона до мыши:
Можетъ ли собачья мысль подняться выше!
За такія мысли наши патріоты
Друга записали чуть не въ идіоты,
Ибо вдохновлялись травкой возлѣ сруба,
Глубиной колодца, древностью колоды,
Думали, что гласъ ихъ — гласъ самой природы
И по той причинѣ выражались грубо.
«О, куда идемъ мы!» басомъ сиповатымъ
Восклицалъ Вопило, ставшій ихъ вожатымъ:
«О, куда идемъ мы? Что насъ ожидаетъ?
Степь насъ развращаетъ, лѣсъ разъединяетъ;
Водолазъ съ ума всѣхъ насъ сводить изволитъ;
Окаянный курникъ намъ глаза мозолитъ;
Пѣтухи надъ нами возвышаютъ голосъ,
Подросли ихъ перья, сталъ линять нашъ волосъ...
Да, да, да, глядите, какъ мы облиняли,
Отъ звѣрей отстали, къ людямъ не пристали.
Прежде называли мы нашъ трудъ охотой,
А теперь охота сдѣлалась работой
Трудной и тяжолой. Много всякой дичи,
Но безъ человѣка нѣтъ у насъ добычи.
Будь я волкъ, будь кошка, будь я сычь иль дятелъ,
Я бы по напрасну и рѣчей не тратилъ;
Но я песъ: собачьимъ духомъ я пропитанъ,
Амками взлелѣянъ, псарнею воспитанъ.
Псарня! вотъ гдѣ наши прадѣды и дѣды
Жили и служили не своей гордынѣ,
А Мирзѣ, который славилъ ихъ побѣды
Надъ такою дичью, о которой нынѣ
Ни въ степяхъ, ни въ дебряхъ нѣтъ ужь и въ поминѣ.
Гдѣ теперь олени, или хоть кабаны —
Тѣ враги, что предкамъ наносили раны
Страшные своими страшными клыками?
Гдѣ они? — исчезли всѣ подъ ихъ зубами.
Мы же, ихъ потомки, чѣмъ мы похвалиться
Можемъ? — остается предками гордиться.
Развѣ эта псарня намъ не мать родная?
Развѣ не должны мы за нее молиться,
Съ тайною отрадой очи поднимая
На старинный шестъ сей или, углубляя
Взоръ нашъ въ этотъ древній срубъ, гдѣ ключевая

Струйка безъ журчанья и безъ пѣны льется.
Этотъ ключъ — не знаю, какъ у насъ зовётся:
Я ключемъ народнымъ ключъ тотъ называю,
И — въ него я вѣрю и — не унываю.
Кто въ него заглянетъ, тотъ не безъ смущенья
Тамъ, на днѣ, увидитъ свѣтъ и отраженье
Собственной ничтожной личности — и это
Есть предметъ блаженныхъ пѣсенъ для поэта
И для философской мысли откровенье.
Господа, повѣрьте, въ глубинѣ чуть зримой,
Силами земными такъ-сказать хранимый,
Ключъ сей и понынѣ свѣтелъ, для преступной
И для вольнодумной псарни недоступный.
Но маститый мужъ нашъ, Водолазъ, что въ спорахъ
Былъ весьма искусенъ, съ кротостью во взорахъ,
Возражалъ Вопилѣ: «милый мой, въ озёрахъ
Да въ рѣкахъ, въ которыхъ я подъ часъ ныряю
И въ палящій полдень жажду утоляю,
Сотнями играютъ родники живые,
Превращая струйки въ волны голубыя:
Ихъ кристалъ и пѣну я предпочитаю
Тѣмъ ключамъ, которыхъ я совсѣмъ не знаю.
О Вопило! вѣрю, что въ прогнившемъ этомъ
Срубѣ ключъ есть, только ни зимой ни лѣтомъ
Онъ ужь не поитъ насъ; воду намъ приносятъ
Изъ пруда, въ которомъ съ голыми ногами
Дѣвки моютъ тряпки и стучатъ вальками.
Псы водой довольны и другой не просятъ,
Знаютъ, что доступно и что не доступно...»
— «Га!» шумѣлъ Вопило: «думать такъ преступно,
Потому-что если пьемъ мы эту гадость —
Это гибель наша: въ чемъ же, въ чемъ тутъ радость?»
— «Въ томъ, что есть лазейка», отвѣчалъ нашъ смѣлый
Водолазъ, въ горячихъ спорахъ посѣдѣлый.
— «Ха ха ха! лазейка! Чортъ возьми! лазейка!»
Восклицалъ Вопило. «Вѣдьма! чародѣйка!
Безъ нее бы вѣра въ насъ не оскудѣла,
Безъ нее бы наша псарня не пустѣла!
Я не врагъ свободы; но моя свобода
Не пустое слово — не собачья мода.
Если мы собаки, кто другой быть можетъ
Нашимъ идеаломъ, какъ не тотъ, кто ходитъ

Въ сапогахъ высокихъ и ружье наводитъ
На свою добычу, самъ костей не гложитъ,
А предоставляетъ намъ свои оглодки?
Если я собака — кто вы? Вы — чечётки!»
— «Какъ! Что? Мы — чечётки! кто тутъ называетъ
Насъ такимъ позорнымъ словомъ? кто дерзаетъ?»
И Трезвонъ широкомордый началъ скалить
Зубы и при этомъ зарычалъ по свойски,
Такъ-что нашъ Вопило сталъ глазищи пялить,
Оттопырилъ уши и не по геройски
Свѣсилъ хвостъ, а такъ какъ истинный учоный,
На краю колодца жаждой изморёный.
Вообще, Вопилы кличъ и завыванье
Пронеслись надъ псарней не безъ обаянья.
Слыть за патріотовъ многіе желали
И, на заднихъ лапахъ стоя, нагибали
Головы въ колодезь — тамъ на днѣ свѣтилось
Отраженье неба — и въ нихъ сердце билось,
И они не въ шутку стали убѣждаться
И кричать, что въ морѣ небо отражаться
Такъ никакъ не можетъ, потому-что море
Постоянно морщитъ гнѣвный ликъ свой въ спорѣ
Съ буйными вѣтрами. Сайгу и Карая
И Барбоса друга нашего ругая,
Нашъ Вопило думалъ въ лагерь свой Валета
Заманить — и что же? этотъ идолъ свѣта
Улыбаясь тявкалъ: «нѣтъ, ужь какъ хотите,
Никакого толку я не вижу въ прыти
Вашего Вопилы — чепуху городитъ,
Самого себя онъ, бѣдный, за̀ носъ водитъ,
Прославляетъ псарню, а за этимъ тыномъ
И не замѣчаетъ дома съ мезониномъ,
Съ кухнею, съ терасой и съ цвѣтущимъ садомъ;
Говоритъ о славѣ прадѣдовъ, а на̀ домъ
Гдѣ я обитаю, даже и вниманья
Обратить не хочетъ. Это упованье
На пустой колодезь — это что такое?
Это *псарнофильство* — да еще какое!
Здѣсь трава — прекрасно! здѣсь шалашъ — чудесно!
Амки — я готовъ ихъ обожать! Мнѣ лестно
Ихъ благоволенье; го коверъ съ узоромъ
Лучше всякой кучи или ямы съ соромъ.

Здѣсь корыто съ тюрей — а тамъ дорогія
Кушанья, есть погребъ, есть и кладовыя;
Тамъ свинина — роскошь! сыръ — очарованье!
Вѣрьте, что за вѣрность да за послушанье
Вы должны оттуда ждать себѣ подачки,
Иначе не ждите вы себѣ потачки.»
И рѣчамъ Валета кобели внимали,
Такъ-что индо губы молча облизали,
Лишь Карай да Сайга отвѣчали лаемъ
На такія рѣчи — и Валетъ, съ Караемъ
Покусавшись, молча убѣгалъ, какъ прыткій
Парень, и конечно не черезъ калитку,
А черезъ лазейку. Потакая свѣту,
Даже либераламъ онъ лазейку эту
Восхвалялъ какъ очень умную затѣю
И, чтобъ бѣгать къ амкамъ, пользовался ею.
Ясно сознавали мы, не безъ печали,
Всю тщету собачьей зависти къ Валеткѣ,
И когда случайно баловня встрѣчали,
Мягко улыбались и хвостомъ виляли.
Искреннія чувства стали въ насъ такъ рѣдки,
Что мы лестью брали, то-есть выражали
Эту лесть такъ мѣтко, что Валетъ былъ въ правѣ
Думать, что на псарнѣ онъ въ великой славѣ.

Я. Полонскій.

ПАННА ЗОСЯ.

(Разсказъ армейскаго прапорщика.)

Оглушительный ударъ, нанесенный Дибичемъ Скржинецкому подъ Остроленкой, 14-го мая 1831 года, рѣшилъ участь польской войны. Разстроенныя въ конецъ кровопролитнымъ пораженіемъ, польскія войска потеряли, вмѣстѣ съ незамѣстимымъ урономъ, и всякую надежду на возможность устоять противу русской силы. Оставалось покончить съ возстаніемъ взятіемъ самой Варшавы, которую до сихъ поръ спасала только Висла отъ окончательнаго погрома. Армія наша отдыхала въ окрестностяхъ Пултуска въ ожиданіи переправы, задуманной Дибичемъ въ сосѣдствѣ прусской границы, въ низовой части Вислы, которую не ему, однако, было суждено исполнить. Двадцать девятаго мая Дибичъ скончался въ мѣстечкѣ Клешовѣ отъ холеры. Наканунѣ своей неожиданной кончины онъ промочилъ себѣ ноги, прогуливаясь по лагерю, за ужиномъ неосторожно поѣлъ спаржи, вслѣдствіе чего ночью обнаружились у него признаки холеры, а къ утру — его не стало.

Не могу точнымъ образомъ опредѣлить общаго впечатлѣнія, которое произвела на войска неожиданная смерть фельдмаршала. Пріѣхавъ въ главную квартиру изъ Волыни курьеромъ отъ генерала Ридигера, въ самый день его смерти, я войскъ еще не видалъ, но знаю только тѣ, что въ самой главной квартирѣ мнѣ не привелось услышать ни одного укорительнаго отзыва памяти усопшаго главнокомандующаго. Должное приличіе было соблюдено во всемъ. Мирно, чинно, сохраняя на строгихъ лицахъ надлежащее выраженіе горести и сожалѣнія, выступали передъ нашими юными глазами представители высшей военной іерархіи; что же у нихъ происходило въ глубинѣ души, какія надежды и какія опасенія въ нихъ возбуждала смерть фельдмаршала — про тѣ намъ непозволено было ни вѣдать, ни судить. Въ этихъ-то высшихъ слояхъ арміи Дибичъ при жизни своей имѣлъ много противниковъ, которые тогда тайно должны были радоваться случаю, обѣщавшему увѣнчать успѣхомъ ихъ давнишніе самолюби-

вые происки. Искренно же сожалѣли о его смерти одни состоявшіе при немъ адъютанты, да горько плакалъ неотлучно при немъ находившійся деньщикъ, усатый Арсентій — и непритворны были слёзы его: привыкъ бѣдняга къ вспышкамъ своего бурливаго генерала, безъ которыхъ безотраднымъ казалось ему даже ожидавшее его повышеніе въ придворный штатъ. Что же касается честолюбивыхъ ожиданій, внезапно вспыхнувшихъ вмѣстѣ съ погребальными свѣчами, освѣтившими блѣдный ликъ усопшаго фельдмаршала, то, сколько извѣстно, они далеко не осуществились. Говорятъ, будто Толь, въ дружескомъ разговорѣ съ генералъ-квартирмейстеромъ, уже поздравлялъ его съ предстоявшимъ повышеніемъ въ начальники штаба, будучи увѣренъ, что его самого непремѣнно утвердятъ въ званіи главнокомандующаго. На этотъ разъ ему, однако, измѣнила его извѣстная дальновидность: въ Петербургѣ рѣшили иначе вопросъ начальствованія надъ дѣйствующими войсками. Двѣ недѣли спустя, въ Пултускѣ было получено извѣстіе о назначеніи главнокомандующимъ графа Паскевича-Эриванскаго, вызваннаго по этому случаю изъ Грузіи. Огорченные этимъ назначеніемъ, сильно оскорбившимъ ихъ военное самолюбіе, и имѣя кромѣ того и другія причины не особенно радоваться счастью поступить подъ начальство новаго главнокомандующаго, Толь и Нейдгартъ одновременно подали просьбы объ увольненіи ихъ изъ арміи въ слѣдствіе совершенно разстроеннаго здоровья, чего, впрочемъ, они не были удостоены. Свыше имъ было повелѣно оставаться на своихъ мѣстахъ до взятія Варшавы, послѣ чего имъ предоставлялось удалиться. Такъ они и сдѣлали. На другой день послѣ сдачи города они оба сказались больными, сдали свои должности и вскорѣ послѣ того уѣхали.

Памятными на всю жизнь остались мнѣ два дня, предшествовавшіе паденію Варшавы; но такъ-какъ описаніе этихъ дней ближе касается исторіи, чѣмъ моихъ личныхъ впечатлѣній (а я предметомъ моего разсказа выбралъ существо далеко не историческое, хотя и несравненно болѣе привлекательное, чѣмъ всѣ герои меча и тоги), то и ограничусь описаніемъ нашего выступленія изъ Клешова.

Длинною нитью потянулась по дорогѣ обозная колонна: впереди ѣхали генеральскіе дормезы и коляски, за ними — брички и телѣги должностныхъ штабъ-офицеровъ, въ хвостѣ — обывательскіе форшпанки, нагруженные чемоданами, сѣномъ, овсомъ и разнымъ лишнимъ хламомъ, и, наконецъ, офицерскія верховыя и вьючныя лошади, влекомыя деньщиками и козаками. Впереди и позади колонны ѣхали жандармы. Генералъ-гевальдигеръ, поддерживаемый командою донскихъ козаковъ, являясь ангеломъ карателемъ всюду, гдѣ только поднимался шумъ или возникалъ безпорядокъ, управлялъ своимъ колеснымъ царствомъ какъ нельзя лучше, одинаково щедро надѣляя бранью и нагайкой своихъ четвероногихъ и двуногихъ подчиненныхъ. Благодаря его неутомимой энергіи, колонна, хотя и не безъ ос-

таковки, а все-таки подвигалась впередъ — и передъ сумерками вступила въ улицы города, въ которомъ давно уже хлопотали квартирьеры, теряясь въ разсчетахъ — какъ имъ въ тѣсномъ городѣ размѣстить огромное число чиновъ главной квартиры. Тѣмъ временемъ офицеры и интендантскіе чиновники, верхомъ обогнавшіе обозъ, своими лошадьми и козаками загромождали небольшую площадь предъ костеломъ и, озабоченные тѣмъ, чтобы добыть себѣ выгодную квартиру, метались отъ одного дома къ другому, читая фамиліи, намѣченныя мѣломъ на дверяхъ и на воротахъ, бранились съ жандармскимъ офицеромъ, распредѣлявшимъ постой, и спорили съ хозяевами, будто бы уступавшими имъ не жилыя — комнаты, а какіе-то грязные хлѣва. Впрочемъ, все это были одни пустыя придирки, такъ-какъ перепуганные пултусскіе поляки отдавали, что могли, и не ихъ слѣдовало винить, ежели между нашею братіею встрѣчались субъекты, которыхъ гнѣвнаго нрава нельзя было успокоить никакими уступками. Тѣмъ временемъ, менѣе взыскательная молодежь, зная что ее на улицѣ не оставятъ, осаждала пултусскія цукерни и кавярни, безъ которыхъ не обходится ни одинъ польскій городокъ, и, предавшись прилежному истребленію всего, что въ нихъ было напечено, нажарено и наварено, болтая и затягиваясь изъ длинныхъ чубуковъ (тогда папиросы не были еще выдуманы), ожидала спокойно, когда деньщики заблагоразсудятъ явиться съ извѣщеніемъ, что квартира отведена и постель готова; изъ чего же она состояла — изъ тюфяка, пуховика, или изъ охапки соломы—про то не спрашивалъ и самый изнѣженный матушкинъ сынокъ, готовый помириться со всякимъ спаньёмъ, какое бы ему ни послалъ походный случай, лишь бы не мочило его дождемъ, да не заѣдали бы до смерти зловонныя насѣкомыя, составляющія какъ бы неотъемлемую принадлежность каждаго еврейскаго семейнаго крова.

Наконецъ, зная гдѣ ихъ слѣдовало искать, въ дверяхъ кавяренъ и цукеренъ дѣйствительно появились усатыя и бородатыя физіономіи деньщиковъ, козаковъ и ординарцевъ — разбирать своихъ господъ и разводить ихъ по квартирамъ.

Площадь опустѣла; одинъ за другимъ стали потухать огни въ окнахъ городскихъ домовъ; лишь епископскій замокъ, стоявшій на холмѣ, у подножія котораго раскинулся городъ, сохранялъ яркое освѣщеніе. Помѣщались въ замкѣ главнокомандующій, начальникъ штаба и тѣ изъ канцелярій, которыя требовалось имѣть поближе. Тутъ и ночью не переставали думать, соображать и трудиться—и стукъ колесъ и конскій топотъ, производимый пріѣзжавшими и уѣзжавшими курьерами, ординарцами и нарочными, не умолкалъ до утра.

Благодаря покровительству одного генерала, занимавшаго въ арміи важную должность, и весьма широкому помѣщенію въ замкѣ, и мнѣ, армейскому прапорщику, въ немъ былъ указанъ скромный уголокъ. Комнатка моя была очень невелика, скудно меблирована, но за-то чрезъ ея един-

ственное окно открывался прекрасный видъ на лежавшій внизу городъ. На другое утро, отъ нечего дѣлать принявшись внимательно разглядывать костелъ, стоявшій прямо предо мной и окружавшія его съ трехъ сторонъ строенія, глаза мои невольно остановились на ближайшемъ угловомъ домѣ. Видомъ и опрятностью онъ выгодно отличался отъ прочихъ строеній, отнюдь не блиставшихъ ни чистотой, ни вкусомъ размѣровъ и отдѣлки. Глядя на этотъ домъ, невольно возникала мысль, что и жильцы его должны быть порядочнѣе своихъ сосѣдей. Такъ и оказалось впослѣдствіи — и, право, непростительно согрѣшила судьба противъ благовиднаго домика и противъ его несчастныхъ хозяевъ, избравъ его театромъ печальной драмы, которая, нѣсколько недѣль спустя, должна была розиграться на нашихъ глазахъ и на время поглотить вниманіе всей главной квартиры. Въ то утро однако, въ которое описанный домъ впервые мнѣ бросился въ глаза, ничто не предвѣщало бури, которой суждено было разразиться въ его стѣнахъ. Напротивъ, вся обстановка его обѣщала полное спокойствіе и хозяевамъ и жильцамъ, заброшеннымъ въ него военною невзгодой. Начиная отъ красной черепичной крыши, горѣвшей въ раннихъ лучахъ утренняго солнца, до тѣнью одѣтыхъ ступеней каменнаго крыльца, все дышало невозмутимой тишиной. Зеленыя двери, съ блестящимъ мѣднымъ приборомъ, были плотно затворены, а окна были непроницаемо завѣшены бѣлыми занавѣсками. Особенно занялъ меня верхній этажъ, въ которомъ всѣ пять оконъ были уставлены цвѣтами, свидѣтельствовавшими о присутствіи женскаго элемента — и вотъ во мнѣ зародилось непреодолимое желаніе угадать: молода или стара, дурна или хороша собой любительница цвѣтовъ, скрытая отъ моихъ глазъ до низу опущенными шторами. Юное воображеніе принялось работать, рисуя ее, а, пожалуй, и нѣсколько *ихъ* въ разныхъ видахъ и положеніяхъ. Но недолго я грезилъ такимъ образомъ: прапорщичье воображеніе быстро воспаляется, работаетъ смѣло, не подчиняясь никакимъ законамъ логики и эстетики, но за-то и не останавливается долго на одномъ предметѣ. Въ это время по площади пронесся гусарскій офицеръ, сопровождаемый ординарцемъ. Глаза мои обратились въ его сторону — и цвѣты, шторы, ручки и глазки, какъ дымъ, улетѣли изъ головы. «Какъ красивъ этотъ красный ментикъ съ серебромъ», мелькнуло у меня въ головѣ: «гораздо лучше, чѣмъ съ золотомъ, хотя золото и богаче»; потомъ: «а лошадь какова! кабы мнѣ такую добыть!» и наконецъ: «вѣдь не даромъ же скачетъ онъ въ замокъ, какъ угорѣлый, рискуя на гладкой мостовой растянуться вмѣстѣ съ конемъ. Вѣрно везетъ какія-нибудь важныя извѣстія! Недурно было бы узнать, въ чемъ дѣло!» И, схвативъ саблю и фуражку, я опрометью бросился къ подъѣзду, въ перерѣзъ моему гусару. Но ничего важнаго не оказалось: скакалъ онъ такъ прытко изъ простого усердія, а пуще еще для того, чтобъ въ главной квартирѣ показать себя молодцомъ. Побрелъ я послѣ того отыскивать прежнихъ знакомыхъ, съ которыми встрѣ-

чался за Дунаемъ, въ Букарестѣ и въ Яссахъ, во время недавней турецкой войны—и, переходя отъ одного къ другому, наконецъ дошолъ до угловаго дома, такъ пріятно меня занявшаго, когда я дѣлалъ мои утреннія наблюденія.

— Кто тутъ живетъ? спросилъ я козака, который, сидя на крыльцѣ, трудился надъ чисткою конской сбруи, и, завидѣвъ меня, всталъ и выпрямился.

— Трое господъ, ваше благородіе, что всегда вмѣстѣ стоятъ: капитанъ Н—въ, поручикъ Г** и польскій поручикъ.

Двое первыхъ мнѣ были коротко знакомы, третьяго я не зналъ, тѣмъ не менѣе мнѣ показалось весьма страннымъ названіе «польскій поручикъ». Откуда было въ нашей главной квартирѣ взяться польскому поручику?

— Дома господа?

— Ихъ благородіе поручикъ у себя, а капитанъ и польскій поручикъ ушли въ генеральскую канцелярію.

Я вошолъ и засталъ моего пріятеля за разборкою чемодановъ и раскладкою по столамъ разныхъ письменныхъ и туалетныхъ принадлежностей. Кончина фельдмаршала видимо обрекала насъ на довольно-продолжительную стоянку въ Пултускѣ: слѣдовательно позволительно было разложиться привольнѣе, чѣмъ удавалось раскладываться въ тѣсныхъ крестьянскихъ избахъ, да по стадоламъ, соблюдая при томъ всегдашнюю готовность вьючить по первой командѣ.

— Здравствуй! сколько времени не видались! Мы, кажется, послѣднюю ночь провели вмѣстѣ въ Букарестѣ. Помнишь, маскарадъ, на которомъ графъ С** такъ нѣжно ухаживалъ за куконицей Аникой, что, говорятъ, нисколько не помѣшало ей потомъ выйти за какого-то гусара. И вотъ опять сошлись—и гдѣ-же? въ польскомъ городкѣ. Садись, набей себѣ трубку и не мѣшай мнѣ приводить въ порядокъ мое хозяйство: къ обѣду хочу покончить.

Г** былъ молодой морякъ, прикомандированный, на время войны, къ генералу Н—ду, хорошій офицеръ, отличный товарищъ, скромный до застѣнчивости, длинный, тоненькій, съ личикомъ, на которомъ пробивался первый пушокъ, и съ парою голубыхъ глазъ, глядѣвшихъ на Божій міръ дѣвственно-невинно. Подмѣтили мы за нимъ только два недостатка: первый заключался въ томъ, что онъ краснѣлъ, совсѣмъ не по офицерски, отъ каждаго чуть-чуть нескромнаго словца, а второй состоялъ въ томъ, что онъ находился въ сильномъ послушаніи у своего коня, необыкновенно упрямаго пѣгаго Буцефала чистѣйшей чухонской крови. Впрочемъ, отъ моряка нечего было требовать берейторской ловкости, такъ-какъ ему самой судьбою предназначено править только рулемъ, а не конемъ. Вслѣдствіе этого, про него разсказывали довольно забавный анекдотъ. Въ сраженіи подъ Остроленкой, когда графъ Толь на возвышенномъ берегу Нарева поставилъ батарею въ шестьдесятъ орудій и поляки, выдвинувъ противъ нея почти всю свою артиллерію, завязали сокрушительный артиллерійскій бой, Г**

вдругъ выѣхалъ изъ средины свиты, стоявшей позади Толя, и, подъ градомъ ядеръ и гранатъ, бороздившихъ берегъ рѣки, шагомъ поѣхалъ къ водѣ, долго поилъ свою лошадь и потомъ, не прибавляя ходу, вернулся къ своимъ.

— Браво! браво! прокричали ему удивленные товарищи: — мы всегда знали что ты не трусъ, но такой хладнокровной храбрости — убей Богъ — мы отъ тебя не ожидали. Подъ такимъ адскимъ огнемъ проѣхаться шагомъ туда и назадъ, да минутъ десять простоять надъ водой — право, не шутка. Молодецъ!

Г** взглянулъ не менѣе удивленными глазами на привѣтствовавшихъ его такою похвалою товарищей, причемъ замѣтилъ съ полнѣйшею наивностью:

— Какое тутъ «браво!» хорошо вамъ смѣяться надо мной, а мнѣ-то каково было испить такую горькую чашу.

— Какъ? что? про какую чашу бредишь ты?

— Да я тутъ не причемъ: всему виной мой проклятый пѣгій. Онъ цѣлыя сутки не пилъ и, увидѣвъ воду, пошолъ напиться, не смотря на всѣ мои усилія не допустить его до этого. Вѣдь, не спрыгнуть же мнѣ было съ него у всѣхъ на глазахъ! За-то на обратномъ пути я его порядкомъ пробралъ нагайкой и шпорами. Но и это не помогло: знать ничего не хочетъ — идетъ себѣ шагомъ, да и только. Видно уже очень усталъ бѣднякъ.

— Раздался общій хохотъ.

— Что тутъ хохотать — я правду говорю!

Слишкомъ правдивый Г** постыдился присвоить себѣ непринадлежавшую ему похвалу. Промолчи онъ благоразумно — и по цѣлой арміи разнесся бы слухъ о его геройскомъ хладнокровіи; а тутъ вся слава осталась за твердостью характера пѣгаго чухонца — и пѣгій чухонецъ прославился.

— А квартира у васъ ничего — очень порядочная, сказалъ я, оглядывая комнату: — все есть, что нужно: столы, стулья, комодъ, зеркало, кровать хорошая. А на мою долю достались всего одинъ плохой диванчикъ, столъ и два стула: ни зеркальца, ни занавѣсокъ. Вещей некуда положить — все держи въ чемоданѣ.

— За-то пользуешься честью жить подъ одной кровлей съ высшими властями.

— Отъ этого моимъ костямъ не легче, когда приходится ихъ на ночь укладывать на моемъ кожаномъ диванчикѣ. Онъ должно-быть, вмѣсто шерсти, набитъ картофелемъ. Ложиться вечеромъ — больно, вставать поутру — бока въ синякахъ. А сколько у васъ комнатъ?

— Три, кромѣ людского помѣщенія; у каждаго своя комната.

— Какая неслыханная роскошь! А кто же съ вами третій? казакъ сказалъ мнѣ, что какой-то польскій поручикъ: откуда взялся онъ?

— Откуда взялся не трудно сказать: родомъ полякъ, служилъ прежде въ шестомъ литовскомъ корпусѣ, гдѣ и продолжаетъ числиться по на-

стоящее время, а здѣсь состоитъ переводчикомъ при нашемъ генералѣ, поручившемъ Ивану Ивановичу Н—ву помѣщать его всегда съ нами на одной квартирѣ, чтобы не далеко было за нимъ посылать; да и было бы ему меньше обидъ отъ молодежи.

— Какъ его зовутъ?

— Зовутъ его по имени, отечеству и по фамиліи: Францискъ Викентьевичъ Бржержинославскій—трудно выговорить—и по этому у насъ вошло въ обыкновеніе звать его короче и проще: господиномъ «жолтымъ поручикомъ».

— Это почему же?

— А потому, что онъ у насъ единственный съ жолтымъ воротникомъ и съ жолтыми отворотами.

— И онъ, не обижаясь, позволяетъ себя такъ называть?

— Не знаю, что происходитъ у него на душѣ, но явно, кажется, не обижается, отвѣчая всегда любезной улыбкой, когда его назовутъ «жолтымъ поручикомъ». Впрочемъ, я думаю, онъ хорошо знаетъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія его обижать, а только пріятельски шалимъ, жалуя его именемъ «жолтаго», разумѣется въ своемъ кругу, не на службѣ, даже не въ присутствіи намъ мало знакомыхъ людей.

— Что онъ за человѣкъ?

— И этого не берусь точно опредѣлить. Дурного не видно. Скроменъ, бережливъ, даже черезъ чуръ: никогда бутылки вина себѣ не позволитъ (говорятъ, что онъ копитъ не для себя, а для не богатой матери, живущей гдѣ-то въ Виленской губерніи), всегда молчаливъ и держитъ себя въ сторонѣ отъ насъ, не смотря на то, что, по волѣ нашего генерала, вмѣстѣ живемъ. Оно отчасти и понятно! Что ни говори, а положеніе его скверное: все-таки онъ полякъ, душа его къ намъ не лежитъ, да и отъ насъ не видитъ онъ особенно-дружескаго участія и чувствуетъ, что его терпятъ только по необходимости и внимательны къ нему изъ сожалѣнія. Своихъ покинулъ, чай, не по убѣжденію, а къ намъ присталъ не по чувству, а по нуждѣ—вотъ и принужденъ притворяться, выражать преданность, которой въ душѣ не чувствуетъ и въ которую мы мало вѣримъ. Генералъ пользуется его знаніемъ языка и жалѣетъ его; но, какъ тебѣ самому извѣстно, приласкать—не его дѣло. Послѣ этого нечего и винить нашего жолтаго поручика, если онъ держитъ себя букой. Да вотъ самъ увидишь: кажется я слышу голосъ Ивана Ивановича; а гдѣ онъ, тамъ и панъ Францискъ Викентьевичъ.

Вошолъ Иванъ Ивановичъ Н—въ—увидалъ меня и обнялъ. Онъ зналъ меня, когда я сидѣлъ еще на школьной скамьѣ, потомъ видѣлъ, какъ мнѣ надѣли первые эполеты: значитъ, мы были очень давнишніе знакомые. Слѣдомъ за нимъ вошолъ сквартирантъ его, о которомъ мы только что говорили съ Г**.

— Здравствуйте, поручикъ, сказалъ Г**, протягивая ему руку: — сегодня не видались еще. Хорошо ли спали?

Поручикъ едва коснулся протянутой ему руки, поблагодарилъ и повернулся, чтобы уйти.

— Погодите, сказалъ Иванъ Ивановичъ:—сперва прошу познакомиться съ господиномъ офицеромъ. Онъ указалъ на меня. Вы часто будете его встрѣчать у насъ и у нашего генерала — а потому оставайтесь закусить: я уже приказалъ подать водки и все, что припасено Ванюшкой.

— Позвольте уйти: хотѣлось бы поскорѣе окончить переводъ, про который вы сами изволили сказать, что онъ долженъ быть готовъ до генеральскаго обѣда.

— Погодите: успѣете.

— Поручикъ нехотя присѣлъ. Г** отыскалъ изъ-подъ кучи накиданнаго бѣлья и платья свободный чубукъ, надѣлъ на него стамбулку, набилъ ее табакомъ и затѣмъ поднесъ трубку поручику. Принимая ее, поручикъ привсталъ; привѣтливая улыбка пробѣжала при этомъ по его лицу: онъ видимо былъ пріятно затронутъ такою внимательностью.

Пока онъ курилъ, мнѣ нетрудно было его разглядѣть, перекидываясь тѣмъ временемъ съ Иваномъ Ивановичемъ вопросами и отвѣтами, которые неизмѣнно другъ другу дѣлаютъ люди долго не видавшіеся. Обыкновенный ростъ, обыкновенное лицо, густыя чорные волоса и густыя бакенбарды, темносѣрые глаза, взглядъ неопредѣленный — кромѣ того ни одной отличительной примѣты. Мало въ его пользу располагавшая крайняя сдержанность въ словахъ и въ пріемахъ, не могла быть еще поставлена ему въ безъапелляціонный укоръ, достаточно объясняясь исключительно-неловкимъ положеніемъ, въ которомъ онъ находился. Подали закуску. Поручикъ выпилъ полъ рюмки вина, съѣлъ кусочекъ хлѣба съ сыромъ, раскланялся и ушолъ въ свою комнату.

— Всегда таковъ: на службѣ исправенъ, а въ жизни — нестерпимъ, сказалъ Иванъ Ивановичъ, когда двери за нимъ притворились. — Справедлива пословица: сколько волка ни корми онъ все въ лѣсъ глядитъ. Никогда ни о чемъ не разговорится, все только «да» и «нѣтъ» и «слушаю»; ежели еще съ кѣмъ готовъ перемолвить слово, такъ вотъ съ однимъ Богданомъ Александровичемъ (Иванъ Ивановичъ указалъ на Г**); да и съ нимъ начнетъ, и вдругъ, будто испугавшись своей неслыханной откровенности, не докончивъ фразы, закуситъ языкъ. Хотя я очень уважаю въ человѣкѣ отсутствіе болтливости, но его молчаливость, по моему мнѣнію, заходитъ уже слишкомъ далеко.

Иванъ Ивановичъ, начальникъ собственной канцеляріи генерала Н—да, какъ онъ самъ сознавался, въ канцелярскомъ служиломъ человѣкѣ свыше всѣхъ прочихъ военныхъ добродѣтелей ставилъ способность хранить секретъ на жизнь и на смерть. Будучи необыкновенно-добрымъ человѣкомъ,

готовымъ каждому помочь, а съ горюющимъ проронить даже непритворную слезу, онъ обращался въ камень, когда дѣло касалось секрета ему довѣреннаго: качество неоцѣненное въ начальникѣ секретной канцеляріи. У насъ его такъ и признавали живымъ ходячимъ секретомъ, отъ котораго развѣ только узнаешь, какая была погода вчера. Случалось, что ему продиктуютъ приказъ о выступленіи чрезъ полъ часа. Онъ возвращается на свою стоянку и, вмѣсто укладки вещей, приказываетъ заваривать чай, чтобы никто не узналъ еще барабаномъ не объявленнаго распоряженія, послѣ чего всегда крайне удивляется, когда начинаютъ бить подъемъ. «Вотъ, кажется, всего часъ тому назадъ былъ у генерала», скажетъ онъ, обращаясь къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, «а онъ мнѣ хотя бы одно слово; а вотъ теперь, сломя голову, вьючь и сѣдлай. Просто, нестерпимо, какъ съ нами обращаются! просто не считаютъ людьми!» Впрочемъ, никто не вѣрилъ гнѣву Ивана Ивановича, а того менѣе его невѣдѣнію: такую онъ себѣ уже составилъ дурную репутацію; но, не смотря на эту репутацію, его все-таки продолжали любить и уважать.

Каждый день мы собирались къ нашему генералу обѣдать. Въ это время младенческой неразсчетливости, должностные генералы воображали еще, будто столовыя деньги давались имъ для того, чтобы кормить подчиненныхъ имъ нуждающихся офицеровъ, а не для составленія запаснаго капитала въ собственную пользу; позже, достигнувъ надлежащей зрѣлости ума, они перестали подвергать себя такого рода безплоднымъ издержкамъ и между ними являлись даже такіе, у которыхъ въ продолженіи многихъ лѣтъ не убывало на офицерскіе желудки ни одного стакана чая, ни одной рюмки вина. Впрочемъ, и въ настоящее время встрѣчаются такіе, которые, несмотря на достойный подраженія примѣръ своихъ просвѣщенныхъ сотрудниковъ, продолжаютъ ребячиться по старому, кормить и холить свою житейскими средствами столь скуднонадѣленную, невысокочинную военную братію.

Обѣдъ у генерала составлялъ важнѣйшее произшествіе дня, особенно въ тѣхъ случаяхъ когда высокое, значеніе его частью не утрачивалось отъ встрѣчи съ непріятелемъ, въ походномъ быту никому и ничему не уступающимъ чести и мѣста. Къ столу приходили за четверть часа до двухъ, причемъ чинно построившись въ рядъ по старшинству, ожидали генеральскаго выхода, разговаривая въ полъ-голоса. Число званныхъ къ обѣду простиралось обыкновенно отъ шести до восьми человѣкъ самыхъ приближонныхъ офицеровъ; изрѣдка садился съ нами за столъ какой нибудь посторонній, непринадлежавшій къ генеральскому штабу. Ровно въ два часа выходилъ генералъ изъ своего кабинета, отвѣчалъ на наши поклоны и рукою подавалъ знакъ садиться Обѣдъ, далеко не прихотливый, былъ однако всегда достаточно сытенъ, а больше того и не требовалось. Вино, безъ исключенія, хорошаго качества, разливалось по рюмкамъ: старшимъ—по

двѣ, ниже поручика—по одной. За столомъ разговоръ рѣдко оживлялся. Генералъ нашъ—въ сущности очень добрый человѣкъ—по принципу былъ строгъ, взыскателенъ и несообщителенъ съ своими подчиненными. Мы обыкновенно хранили глубокое молчаніе, отвѣчая только на вопросы его. Къ Иванъ Ивановичу онъ обращался гораздо чаще, размѣниваясь съ нимъ вовсе непонятными для насъ вопросами, въ родѣ слѣдующихъ: «составленъ ли докладъ, согласно графской резолюціи?», «довольно ли положительно изложена неосновательность вчера доставленной записки?» причемъ Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ также отрывисто, столько же непонятно для нашего, въ операціоныя тайны непосвященнаго, ума. Естественно, такого рода невеселые обѣды не были для насъ особенно привлекательны, но, волей неволей мы принуждены были подчиняться заведенному порядку, не смѣя, сверхъ того, по совѣсти платить нашему генералу инымъ чувствомъ, кромѣ полной благодарности за его доброе намѣреніе, и за *питательную практичность*, съ которою оно выполнялось. За-то съ какимъ удовольствіемъ, проглотивъ послѣдній кусокъ и отдавъ благодарственный поклонъ, мы вырывались на свободу.

И въ чемъ же состояла эта свобода?—да въ томъ, чтобы скорымъ шагомъ отправиться въ цукерню, полакомиться сладкими пирожками, потомъ—въ кавярню, напиться кофею, а оттуда—отъ знакомаго къ знакомому и такъ до вечера. Должностнымъ, канцелярскимъ и строевымъ офицерамъ въ военное время всегда есть дѣло; да и молодымъ адъютантамъ, ординарцамъ и разнымъ сверхштатнымъ юношамъ, пополняющимъ штабы по праву родства и дружбы, находясь въ движеніи, не даютъ заспаться, безпощадно гоняя ихъ изъ конца въ конецъ, но за-то въ дни застоя имъ одно горе—потягиваться на очередномъ дежурствѣ, или, лежа на постели, набирать силы для будущей гонки. И не было, кажется, у насъ войны болѣе изобильной остановками, чѣмъ тягостная кампанія 1831 года. Перещеголяла ее въ этомъ отношеніи всего одна такъ называемая восточная война, въ которую, за исключеніемъ положительно-дѣятельной севастопольской бойни, на остальномъ неизмѣримомъ театрѣ войны войска истощались въ утомительныхъ стоянкахъ или въ гуляньяхъ по непроходимымъ дорогамъ безъ точно опредѣленной цѣли. Въ польскую войну всѣ нареканія за неудачное начало войны легли на Дибича и, кажется, совершенно напрасно. Первоначальная, основная ошибка опрометчиваго наступленія къ Прагѣ принадлежала не ему; что же касается послѣдующихъ частныхъ неудачъ и промедленій то они были логическимъ послѣдствіемъ этой первой ошибки и смерть настигла его въ то время, когда имъ уже была совершенно подготовлена несомнѣнная удача.

Въ главной квартирѣ нѣсколько дней потолковали о покойномъ фельдмаршалѣ, а потомъ занялись угадываніемъ будущаго: судили, рядили и только невпопадъ расходовали мысли и слова. Тѣмъ временемъ, ничѣмъ

Тип. Тов. «Общественная Польза».

не занятая молодежь, къ которой и я тогда принадлежалъ, скучая серьёзными вопросами, изъ силъ выбивалась убить одолѣвавшую ее тоску. Въ карты играли немного: денегъ не доставало; пьянствовать не каждому было по душѣ; женщинъ, способныхъ обратить на себя вниманіе и хотя бы на короткій срокъ занять сердце и воображеніе—не существовало. Первое время всѣ порядочныя польки прятались отъ насъ; даже костелъ въ воскресные дни оставался пустымъ, и по домамъ разквартированные офицеры развѣ только по быстро-промелькнувшему платью, или по тоненькому голоску, прозвучавшему въ воздухѣ, догадывались, что въ городѣ невымерло еще все женское населеніе. Пани и панны такъ ловно умѣли увертываться отъ нескромныхъ взглядовъ ненавистныхъ москалей что просто досада брала̀. Разумѣется, такое положеніе дѣлъ не могло долго продолжаться: нельзя же было имъ вѣчно прятаться въ заднихъ комнатахъ, неподышавъ ни одной минуты уличнымъ воздухомъ, непосѣтивъ костела и не давъ на себя взглянуть, хотя бы только на зло, врагамъ ойчизны. Потомъ, убѣдившись, что эти москали-мѣдвѣди не хуже благовоспитанныхъ родныхъ пановъ умѣютъ уважать красоту и ей покоряться, онѣ, мало по малу, стали смягчать свою суровость, перестали отворачиваться отъ своихъ постояльцевъ, и даже стали жаловать ихъ милостивымъ словомъ. Затѣмъ однообразные скучные разсказы о столкновеніяхъ съ непримиримыми патріотами уступили мѣсто не безъинтереснымъ разсказамъ о болѣе или менѣе побѣдоносныхъ встрѣчахъ съ патріотками, будто бы обнаруживающими нѣкоторую готовность положить оружіе. Въ то же время прошолъ слухъ будто въ стѣнахъ Пултуска скрывается никѣмъ еще непровѣдаінная красавица-панна, которой мизинца не стоятъ всѣ остальныя пани и панны—такъ она хороша и молода. Кто-то подглядѣлъ ее у окна и на̀ ухо шепнулъ пріятелю; тотъ не смолчалъ—и прежде-чѣмъ она, явившись нашимъ глазамъ, успѣла оправдать репутацію, которую ей составилъ первый счастливецъ, узрѣвшій ее во очію, имя ея уже ходило по главной квартирѣ.

Звали ея панною Зосею и ютилась она въ верхнемъ этажѣ того угловаго дома, въ которомъ квартировали мои два пріятеля, вмѣстѣ съ жолтымъ поручикомъ, въ тѣни тѣхъ самыхъ бѣлыхъ занавѣсокъ, сквозь которыя, въ первое утро, напрасно усиливалось проникнуть мое любопытство.

Видали они ее всѣ трое и даже познакомились съ нею гораздо раньше болтуна, незамедлившаго разгласить свое случайное открытіе; но молчали, каждый по особому побужденію. Иванъ Ивановичъ Н—въ молчалъ по привычкѣ держать въ секретѣ все, что зналъ, да отчасти и изъ состраданія къ ея молодости, для того чтобы не навлечь на нее слишкомъ упорное вниманье тѣхъ сподвижниковъ главной квартиры, которыхъ военная дѣятельность исключительно была направлена на ухаживаніе за молодыми паненками. Былъ онъ человѣкъ добрый, и на жизнь глядѣлъ не съ одной шуточный стороны. Юный лейтенантъ молчалъ потому, что каждая встрѣ-

ча съ панной Зосей его почему-то приводила въ смущеніе, и онъ боялся краснѣть, когда его станутъ о ней распрашивать. Жолтый поручикъ упорно молчалъ потому, что онъ втайнѣ уже начиналъ ее ревновать.

Наконецъ и панна Зося, отрекомендованная постояльцамъ въ качествѣ сироты-племянницы домохозяевъ, усатаго, сѣдоволосаго пана Берцовскаго, и толстой супруги его, пани Маріаны, не могла остаться въ заперти на все время нашего пребыванія въ Пултускѣ. А объ уходѣ небыло и помину, такъ-какъ еще нѣсколько дней тому назадъ было получено извѣстіе о назначеніи графа Паскевича главнокомандующимъ, вмѣстѣ съ повелѣніемъ— ничего не предпринимать до его пріѣзда.

Около этого времени панна Зося стала показываться на улицѣ, въ эпископскомъ саду и въ костелѣ, всегда съ теткой или съ дядей—и еще больше выиграла въ общемъ мнѣніи. Имѣли мы удовольствіе увидать милое, хорошенькое дитя, дѣвушку едва перешагнувшую за шестнадцать лѣтъ, въ которой все пріятно ласкало глазъ, начиная отъ длинныхъ русыхъ кудрей до маленькой, кокетливо-обутой ножки. Ея взглядъ и манера себя держать заставляли предполагать, что она получила образованіе свыше обыкновенной шляхтянки—и дѣйствительно оказалось, что ей былъ знакомъ не одинъ только польскій языкъ. Говорила она очень порядочно по французски и по нѣмецки, чему мы нѣсколько удивились, принимая въ соображеніе насколько родственники ея были меньше образованы и, казалось, не пользовались даже достаткомъ, позволяющимъ дѣлать имъ большія издержки на воспитаніе своей племянницы. Сказывали по этому случаю, будто она безплатно воспитывалась въ одномъ изъ варшавскихъ женскихъ монастырей, откуда, по случаю революціи, была взята теткой еще до окончанія курса. Далѣе наше любопытство не углублялось въ ея прошедшее, довольствуясь видимыми достоинствами, принадлежавшими ей въ настоящемъ. Увидавъ ее, явилось много охотниковъ короче съ нею познакомиться; но успѣха они не имѣли: дядя и тетка отталкивали своею необщительностью, а панна Зося умно и ловко уклонялась отъ всякаго сближенія. Нѣкоторые, разсчитывая встрѣтиться съ нею у нея же въ домѣ, стали чаще прежняго навѣщать Ивана Ивановича и лейтенанта Г**, не достигая однако своей цѣли. Двери въ домѣ были всегда на запорѣ; долго приходилось звонить и стучаться, пока отворятъ, и въ такомъ случаѣ встрѣчавшимъ лицомъ являлись козакъ или деньщикъ, извѣщавшіе, что господа вышли, а не панна Зося, на которую надѣялись поглазѣть.

Иванъ Ивановичъ видимо принялъ панну Зосю подъ свое отеческое покровительство и загородилъ доступъ къ ней всѣмъ непрошеннымъ обожателямъ, какого бы то ни было чина и званія. Бранили его во всеуслышаніе:

— Весь въ секретъ обратился, съ секретомъ въ умѣ ложится, съ секретомъ въ головѣ просыпается. Ну, Богъ съ нимъ! береги онъ сколько душѣ

угодно свои канцелярскіе секреты, а то, вишь какой, и панну Зосю взялся держать въ секретѣ! Несносный!

Но ничто не помогало: Иванъ Ивановичъ отмалчивался и продолжалъ держать двери на запорѣ.

Тѣмъ временемъ въ стѣнахъ самаго дома завязался романъ, совершенно невинный по существу своему, но съ такою грустною развязкою, что и теперь, при туманномъ воспоминаніи послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ, невольно навертывается слеза на глазахъ, которымъ давно бы слѣдовало отвыкнуть слёзы ронять о чемъ бы то ни было. Съ каждымъ днемъ панна Зося становилась непринужденнѣе со своими постояльцами, и не только не избѣгала, но даже искала съ ними встрѣчаться. Иванъ Ивановичъ внушалъ ей дѣтское довѣріе. Юный лейтенантъ ее забавлялъ, заставляя ее иногда краснѣть не меньше чѣмъ самъ краснѣлъ, при подготовленныхъ, наружно-случайныхъ встрѣчахъ. Что̀ на этотъ разъ занимало болѣе мѣста въ ея душѣ—пробуждавшееся ли чувство или врожденное кокетство,—навсегда осталось загадкой для насъ, да вѣроятно и для самой, въ дѣлахъ сердечныхъ видимо неопытной, панны. Что же касается жолтаго поручика, то она изъ состраданія дарила и его улыбкой и ласковымъ взглядомъ.

Пока Толь, глубоко раздраженый назначеніемъ, уничтожившимъ всѣ его честолюбивыя надежды, хмурился и сердился, ожидая прибытія фельдмаршала, время медленно и скучно тянулось и для остальнаго населенія главной квартиры. Продолжительная стоянка, съ ея однообразными генеральскими обѣдами и неменѣе однообразною дневною кочёвкою по кавярнамъ и по товарищамъ, всѣмъ пріѣлась и прискучила. Немногіе счастливцы нашли себѣ дешовый способъ убивать время, платонически романсируя съ паннами, находившими удовольствіе испытывать надъ ними силу своихъ прелестей. Увертливыя польки въ этомъ случаѣ чаще всего дурачили, не давая себя одурачивать. Только въ угловомъ домѣ дѣло грозило завязаться гораздо серьёзнѣе.

Въ одно прекрасное утро, дней восемь до пріѣзда фельдмаршала, пани Маріанна, пользуясь случайнымъ отсутствіемъ изъ дому жолтаго поручика и лейтенанта Г**—попросила Ивана Ивановича Н—ва благосклонно ее выслушать, давъ напередъ обѣщаніе сохранить въ глубокой тайнѣ все, что она ему скажетъ и о чемъ станетъ просить. По характеру и по привычкамъ Ивана Ивановича, такого рода просьба не имѣла смысла; но онъ, нимало не обидѣвшись сомнѣніемъ своей хозяйки, попросилъ ее только съ полною вѣрою въ его скромность прямо объяснить въ чемъ дѣло. Тутъ пани Маріанна, не безъ ужимокъ и не безъ глубокихъ вздоховъ, разсказала ему, что жолтый поручикъ страстно влюбился въ ея племянницу, караулитъ ее на каждомъ шагу, дѣлаетъ ей объясненія, предлагая ей сердце и руку, и что панна Зося приходитъ въ отчаяніе отъ его назойливости, не

чувствуя къ нему ни малѣйшаго расположенія. Свой разсказъ пани Маріанна заключила просьбой защитить племянницу ея отъ такой напасти.

— Зося совершенное дитя: замужъ ей рано; ктому же теперь время военное: нечего и думать о свадьбахъ. Да и позже ничего не можетъ выйти изъ этого: панъ поручикъ Зосѣ не женихъ. Какой онъ ей женихъ? — своихъ продалъ. Не прогнѣвайтесь, панъ капитанъ, а человѣкъ, который своихъ покидаетъ въ годину гнѣва Божія, не есть хорошій человѣкъ. Да она и не любитъ его — просто ненавидитъ и даже боится, говорила пани Маріанна.

— Не объяснялись вы по этому дѣлу съ поручикомъ? спросилъ ее Иванъ Ивановичъ.

— Не разъ говорила ему, не разъ стыдила его; говорю — онъ только молчитъ и не глядитъ ни на меня, ни на Зосю; а отвернусь, — онъ опять къ ней, говоритъ: «коханна Зося, выдь за меня; а не выйдешь — ни закѣмъ тебѣ не бывать».

— Ну, это вздоръ! Онъ только пугаетъ дѣвочку.

— Пожалуй, пугаетъ попустому, а все-таки она пугается.

— Что же прикажете дѣлать: не слушаетъ онъ вашихъ увѣщаній, не послушаетъ и моихъ.

— Да нельзя ли его перевести на другую квартиру: Зосѣ будетъ покойнѣе; а тамъ уйдутъ и, дастъ Богъ, она никогда болѣе съ нимъ не встрѣтится. Только сдѣлайте такъ, чтобы онъ не подумалъ, что я просила, а то разсердится и сдѣлаетъ надъ нами что-нибудь дурное. За Зосю не боюсь: онъ ее любитъ слишкомъ горячо; а намъ, мужу да мнѣ.

— Я это готовъ сдѣлать въ угоду вамъ и милой Зоси, сказалъ Иванъ Ивановичъ: — но позвольте мнѣ замѣтить, пани Маріанна, что, по моему мнѣнію, между нами есть человѣкъ, котораго паннѣ Зосѣ слѣдовало бы опасаться гораздо болѣе поручика, который такъ мало ей нравится. Такъ не двоихъ ли намъ разомъ отсюда выпроводить? Это вѣрнѣе и спокойнѣе будетъ для Зоси.

— Панъ капитанъ говоритъ о панѣ лейтенантѣ. Ахъ, нѣтъ! Я не боюсь за Зосю; а отъ него ничего дурнаго не ожидаю. Онъ добрый, хорошій человѣкъ, молодъ и стыдливъ, словно дѣвочка. Пускай ребячится: все это вѣдь одна дѣтская забава! Я замѣчала за нимъ: сегодня имъ весело пересмѣиваться и перемигиваться, а завтра разойдутся и другъ друга забудутъ, будто никогда не видались.

Тѣмъ разговоръ ихъ и кончился. Прошолъ еще день. Пани Маріанна, встрѣтившись въ сѣняхъ съ Иваномъ Ивановичемъ, шепнула ему:

— А что же обѣщанье ваше, панъ капитанъ? Зося опять жаловалась мнѣ на поручика: покоя ей не даетъ; сталъ ревновать къ пану лейтенанту; требуетъ отъ нея рѣшительнаго отвѣта.

— Все будетъ сдѣлано, какъ я обѣщалъ, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ: — погодите денёкъ.

Между-тѣмъ Иванъ Ивановичъ все разсказалъ нашему генералу, который, принявъ теплое участіе въ положеніи дѣвушки, обѣщалъ такъ устроить дѣло перемѣщенія, что поручику и въ умъ не придетъ, будто его выживаютъ изъ дома.

Собрались мы къ генералу обѣдать. Съ нами былъ и жолтый поручикъ, съ нѣкоторой поры дѣйствительно сильно пожелтѣвшій въ лицѣ. Угрюмый и молчаливый по своему обыкновенію, прижавшись къ стѣнкѣ, ожидалъ онъ генеральскаго выхода. За столомъ его превосходительство былъ разговорчивъ болѣе обыкновеннаго, обращался то къ одному, то къ другому, причемъ сказалъ поручику нѣсколько ободрительныхъ словъ, меня пожурилъ за-то, что я ничѣмъ не занятъ и только шляюсь по кавярнамъ, и за тѣмъ, будто о чемъ то вспомнилъ, опять обратился къ поручику.

— Я имѣю для васъ очень важную и спѣшную работу: переводъ съ польскаго весьма любопытныхъ бумагъ, доставленныхъ намъ изъ Литвы. Для этого мнѣ необходимо васъ постоянно имѣть подъ рукой и потому прошу помѣняться квартирами съ господиномъ прапорщикомъ, который здѣсь въ замкѣ, возлѣ меня, напрасно и не по чину занимаетъ слишкомъ удобную комнату. Чрезъ два часа прошу быть у меня, и къ тому времени приказать перенести ваши вещи на новую квартиру. А васъ, обратился онъ къ Иванъ Ивановичу, прошу принять господина прапорщика подъ ваше крылышко и не давать ему напрасно тратить деньги и время по цукернямъ и по кавярнямъ. Salut à bon entendeur — кивнулъ онъ мнѣ головой.

Я совсѣмъ не прочь былъ занять квартиру подальше отъ строгаго начальника и родственника, частехонько заглядывавшаго въ мою комнатку съ цѣлью высмотрѣть не скрывается ли въ ней контрабанда. Къ крайнему удовольствію моему ему не приходило только на умъ заглянуть въ печку — а тамъ у меня былъ устроенъ секретный винный погребъ, изъ котораго я секретно же почерпалъ ежедневную надбавку къ моей скудной обѣденной рюмкѣ вина.

На жолтаго поручика приказаніе генерала произвело совершенно противное впечатлѣніе. При первыхъ генеральскихъ словахъ онъ вздрогнулъ, судорога пробѣжала по его лицу, мгновенно промѣнявшему свою желтизну на смертельную блѣдность. Только чрезъ нѣсколько мгновеній ему, съ видимымъ усиліемъ, удалось прошипѣть регламентарное «слушаю-съ».

Насъ всѣхъ поразила странная перемѣна въ лицѣ поручика. Генералъ пристально взглянулъ на него сквозь свои золотыя очки и повторилъ:

— Надѣюсь, что чрезъ два часа вы будете готовы приняться за ваше дѣло и исполните его также хорошо и прилежно, какъ до сей поры исполняли все, что я вамъ ни поручалъ. Прощайте, до свиданья! И съ этимъ словомъ поднялся со стула.

Поручикъ кланяясь проговорилъ:

— Слушаю-съ! буду, а если не поспѣю, такъ прошу простить.

Мы всѣ оглянулись на поручика. Генералъ сдѣлалъ недовольное движеніе, но удержался и, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ комнаты.

— Что съ вами сдѣлалось, Францискъ Викентьевичъ, накинулся на него Иванъ Ивановичъ: — можно ли генералу такъ отвѣчать — «если не поспѣю». Да съ чего вамъ не поспѣть? Вы все должны бросить и поспѣть. За вещи ваши, что ли, боитесь? — не пропадутъ. Право, я васъ понять не могу!

Жолтый поручикъ ничего не отвѣтилъ, заторопившись поскорѣе уйти. Блѣдное лицо его, окаймленное густыми чорными бакенбардами, въ эту минуту дѣйствительно могло показаться очень не привлекательнымъ.

— Замѣтили, какъ онъ озлобился, сказалъ бывшій тутъ адъютантъ. — Не совѣтую ему въ этомъ видѣ попасться на глаза панны Зоси: чортомъ ей покажется.

Стали разсходиться. Адъютантъ позвалъ насъ къ себѣ напиться чаю. Жилъ онъ на площади возлѣ угловаго дома, получившаго такую громкую извѣстность по милости панны Зоси. Иванъ Ивановичъ и лейтенантъ Г** ушли къ нему тотчасъ же, а я обѣщалъ придти, собравъ свои вещи.

Наскоро уложивъ свой чемоданчикъ и приказавъ деньщику моему отнести его на новую квартиру, я самъ отправился къ адъютанту, гдѣ и засталъ компанію въ горячемъ разговорѣ о томъ, что намъ предстояло дѣлать, когда пріѣдетъ новый главнокомандующій. Спорили, горячились и ни въ чемъ не могли согласиться. Однимъ словомъ, все ограничилось однимъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Посреди самаго разгара нашихъ глубокомысленныхъ прѣній, въ ближайшемъ разстояніи отъ насъ раздались вдругъ, одинъ за другимъ, два пистолетныхъ выстрѣла.

Разговоръ нашъ оборвался — и мы бросились къ окну. На улицѣ все было тихо; вблизи — ни живой души. Въ это время дня рѣдко кто выходилъ.

— Что бы это могло быть — и гдѣ?

Пока мы еще переглядывались, не очнувшись отъ перваго недоумѣнія, козакъ выбѣжалъ изъ воротъ угловаго дома, бросился къ дверямъ и сталъ ломиться въ нихъ. Двери, запертыя изнутри, не уступали. Увидавъ насъ у окна, онъ закричалъ:

— Въ домѣ нашемъ стрѣльнули; двери заперты со двора и съ улицы; внутри голосятъ, будто кого рѣжутъ: должно-быть случилась бѣда какая.

Мы бросились на улицу.

— Подавай топоръ, ломай двери, скомандовалъ Иванъ Ивановичъ. Въ это время набѣжали и другіе люди. Толпа росла съ каждымъ мгновеніемъ. Застучали топоры — дверь распахнулась и дымъ столбомъ повалилъ изъ тѣсныхъ сѣней.

Не могу забыть картины, которая намъ представилась. Поперегъ входа лежалъ на спинѣ жолтый поручикъ безъ головы — ее разнесло во всѣ стороны — залитый потокомъ крови; дальше, въ трехъ шагахъ отъ него, ле-

жала навзничъ панна Зося, раскинувъ руки; изъ подъ разсыпавшихся богатыхъ кудрей ручьемъ струилась алая кровь по бѣлому лифу, обхватывавшему ея стройный станъ. Прижавшись въ уголъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, съ раскрытымъ ртомъ, стояла пани Маріанна, бѣлая, какъ полотно; Березовскій же метался во всѣ стороны, незная что дѣлать, причемъ ревѣлъ и рвалъ на головѣ свои сѣдые щетинистые волосы. На полу, возлѣ поручика, валялись два длинные турецкіе пистолета.

Остолбенѣлые, мы не смѣли податься впередъ. Наконецъ раздались голоса:

— Скорѣе подавай докторовъ! Бѣги за комендантомъ, за жандармскимъ полковникомъ! Зови польскаго коммисара!

Чрезъ десять минутъ явился ближайшій докторъ; вслѣдъ за нимъ прибѣжали комендантъ и еще два доктора. Взглянувъ на туловище жолтаго поручика, доктора сказали только: «съ этимъ кончено; накинуть на него шинель»— и пошли къ Зосѣ, что бы осмотрѣть ее. Затаивъ дыханіе, ожидали мы докторскаго приговора: бѣдняжки было такъ жаль.

Приподнявъ ее бережно и осмотрѣвъ спину и плечи, докторъ объявилъ, что она еще жива, но останется ли живою—нельзя сказать прежде тщательнаго изслѣдованія двухъ ранъ на вылетъ, зіявшихъ у нея на груди.

— Двумя пулями былъ заряженъ пистолетъ у подлеца, прибавилъ докторъ.

Въ эту минуту пани Маріанна, услыхавъ, что Зося еще жива, вдругъ разразилась потокомъ горькихъ слёзъ.

— Такъ еще жива! воскликнула она всхлипывая:—пречистая Божья матерь, сохрани ее для несчастнаго отца!

— Для какого отца? спросилъ комендантъ:—вѣдь ваша племянница круглая сирота, о чемъ вы сами всѣмъ говорили.

— Дѣлайте со мной что хотите, панъ комендантъ! хоть сейчасъ ведите меня на висѣлицу! вырвалось у пани Маріанны.—Я всѣхъ обманула; она не племянница намъ; она только была отдана намъ на сбереженіе нашимъ благодѣтелемъ; она дочь полковника.

При этомъ она назвала фамилію одного очень извѣстнаго полковаго командира въ польской революціонной арміи.

— Отъ чего же вы это скрывали съ такимъ постоянствомъ?

— Боялась за насъ, боялась за Зосю.

— Совершенно напрасно, возразилъ комендантъ:—воюемъ мы съ паномъ полковникомъ, а не съ дочерью его—и, узнавъ кто она, тѣмъ болѣе ее берегли бы и почитали.

Послѣ того насъ попросили разойтись и предоставить участь бѣдной дѣвушки докторамъ. Иванъ Ивановичъ и лейтенантъ Г** тотчасъ перебрались на другую квартиру, къ дому приставили караулъ.

Расходясь кто-то сказалъ, указывая на тѣло убійцы:

— Да скоро-ли уберутъ этаго звѣря?

Докторъ покачалъ головой.

— Ваша правда, замѣтилъ онъ: — лежитъ тутъ звѣрь, потомучто онъ поступилъ по звѣрски; но далеко еще не рѣшонъ вопросъ звѣремъ ли онъ родился, или горькая судьба и злыя обстоятельства насильственно пробудили въ немъ инстинкты звѣря. Да не виновато ли въ томъ отчасти неблаговидное названіе *жолтаго поручика*, которымъ вы его заклеймили, господа?

Вечеромъ насъ обрадовали извѣстіемъ, что доктора надѣются спасти панну Зосю, хотя раны и оказались весьма опасными. Происшествіе молніею разнеслось по главной квартирѣ и по городу и возбудило всеобщее участіе. Знавшіе и не знавшіе ее наперерывъ старались узнавать въ какомъ она находилась положеніи. Больше всего, говорили доктора, для нея необходимы тишина и спокойствіе: всякій испугъ, малѣйшее движеніе могутъ ее убить. Графъ Толь, будучи примѣрнымъ солдатомъ и генераломъ, какъ извѣстно всѣмъ не отличался особеннымъ мягкосердіемъ, но на этотъ разъ и онъ разчувствовался, вздохнулъ и промолвилъ: «бѣдная дѣвочка! несчастный отецъ! Пускай же поляки узнаютъ, что мы бьемъ безпощадно однихъ бунтовщиковъ, но умѣемъ сочувствовать всякому истинному несчастію, даже у нашихъ противниковъ!» И затѣмъ приказалъ на леченіе Зоси выдать сто червонцевъ и принять всѣ мѣры, которыя окажутся необходимыми для успокоенія страдалицы. На основаніи этого приказанія дежурный генералъ разпорядился зорю бить не на площади какъ прежде было заведено, а на горѣ, возлѣ замка, а начальникъ жандармской команды прислалъ нѣсколько возовъ соломы для настилки улицы передъ домомъ.

Прошло нѣсколько дней: раненная дѣвушка пришла въ память. Тогда доктора нашли возможнымъ приступить къ разспросамъ о случившемся. Вотъ ея отвѣты:

— Не знаю, когда вернулся поручикъ. Я сошла внизъ — заглянуть въ кухню, какъ вдругъ изъ другихъ дверей показался поручикъ. Я хотѣла уйти; но онъ загородилъ мнѣ дорогу. «Хочешь быть моею женою? да или нѣтъ»? спросилъ онъ и обхватилъ мою талію. Глаза его были страшны. Нѣтъ, никогда!» отвѣтила я и рванулась отъ него. «Такъ вотъ же тебѣ!» крикнулъ онъ. Я почувствовала ударъ въ ушахъ и въ спину, упала — и больше ничего не помню».

Въ это время пріѣхалъ фельдмаршалъ — и въ главной квартирѣ зашевелились: въ канцеляріяхъ работа закипѣла; курьеры поскакали во всѣ стороны. Я также былъ отправленъ съ приказаніемъ верстъ за двадцать къ резервной артиллеріи. Когда, чрезъ сутки, я вернулся въ Пултускъ, приказаніе уже было отдано — готовиться къ выступленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ разосланъ циркулярный приказъ, за подписью начальника штаба, въ которомъ объявлялося, что главнокомандующій, на первыхъ же порахъ замѣтилъ разныя безпорядки въ главной квартирѣ и весьма важныя отступле-

нія отъ походной формы—между-прочимъ ношеніе фуражекъ—приказать изволилъ всѣмъ чинамъ безъ исключенія быть въ шляпахъ, покрытыхъ клеенкою, какъ велитъ уставъ, а у кого шляпы не окажется, тотъ, безъ всякаго изъятія, будетъ отосланъ въ обозъ.

Можно себѣ представить какую суматоху произвелъ этотъ приказъ! Изъ за него мы забыли даже и несчастную любимицу нашу, умирающую Зосю. У половины офицеровъ, —у меня у перваго—и у нѣкоторыхъ генераловъ отъ начала компаніи шляпъ не существовало, а у кого были—такъ износились: дождемъ ихъ размыло, грязью изпестрило. Между-тѣмъ никому не хотѣлось быть отосланнымъ въ обозъ. Какъ тутъ быть? что дѣлать? гдѣ въ польскомъ городкѣ разомъ взять сотню форменныхъ шляпъ, когда и одной не найдешь?

Собрались мы, безшляпные горемыки, въ главной кавярнѣ на совѣтъ. Долго толковали, разсуждали, даже принимались браниться, но тѣмъ не менѣе отъ всего этаго шума и гама на нашихъ озабоченныхъ головахъ шляпы не выростали, и пришлось бы намъ, за изгнаніемъ фуражекъ, отправляться въ походъ простоволосыми, если бы спасителемъ нашимъ не явился еврей-факторъ, рыжебородый Мошка. Словомъ, дверь растворилась—и нашимъ взорамъ предсталъ засаленый, лоснящійся жидовскій кафтанъ.

—А цо, панове, оцень вамъ сляпы нузны, такіе больсіе, високіе, засытые въ цорный холстъ съ глянцемъ?

—Очень нужны! до зарѣзу нужны!

—Такихъ сляпъ въ Пултускѣ нѣтъ.

—Дуракъ! это мы знаемъ и безъ тебя и нѣзачѣмъ было тебѣ лезть сюда, чтобы объявить такую новость.

—А сляпъ хоть и нѣтъ, а сляпы будутъ. Обѣсцайте Мошки Зильберману по карбованцу съ головы—и сляпы будутъ!

—Вздоръ! откуда возмешь ты шляпы, когда самъ говоришь, что въ Пултускѣ ихъ нѣтъ и никогда не бывало.

—Это мое дѣло! Обѣсцайте—и тогда скázу. Я вѣрю вамъ: русскіе офицеры какъ сказуть что дадуть, такъ и не обидятъ бѣднаго фактора.

Всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ:

—Хорошо, мы даемъ тебѣ, Мошка, по карбованцу за каждую походную форменную треуголку, которая сядетъ на любую голову нашу! Теперь говори, какъ ты устроишь это дѣло?

—А вотъ цто я вамъ сказу: надо вамъ сляпу, треуголку, какъ вы, господа, ее зовете, обситую цорнымъ холстомъ зъ глянцемъ, а цто подъ цорнымъ холстомъ—все равно. Есть у меня пріятель картонсцикъ, онъ склеитъ сляпы изъ бумаги, обосьетъ цорнымъ холстомъ съ глянцемъ—и будутъ у васъ сляпы. Время есть: завтра не пойдутъ есцо, а послѣ завтра всѣ сляпы будутъ готовы.

— Браво! раздалось со всѣхъ сторонъ: — выдумка отличная! Веди сюда картонщика снимать мѣрки, да скорѣе обѣги всѣхъ, кому требуется шляпа и оповѣсти о твоей находкѣ и о томъ, что тебѣ общимъ собраніемъ присудили по карбованцу съ головы, накрытой шляпою твоего изобрѣтенія. Какую-нибудь старую треуголку на образецъ мы добудемъ.

Подобравъ полы, Мошка пустился по улицѣ; затѣмъ черезъ четверть часа явился въ кавярню жидъ-картонщикъ снимать мѣрки съ нашихъ головъ, послѣ чего съ тою же цѣлью, по указанію Мошки, отправился по разнымъ квартирамъ. Сторговались мы съ жидомъ-картонщикомъ по червонцу за шляпу, съ условіемъ платить золотомъ.

Насталъ день выступленія. Погода стояла отличная. Солнце ярко свѣтило и теплые лучи его весело играли на строѣ блестящихъ треуголокъ, собранныхъ на площади въ ожиданіи сигнала — двинуться. Показался фельдмаршалъ. Онъ одинъ былъ въ бѣлой фуражкѣ. За нимъ ѣхали: начальникъ штаба, генералъ-квартирмейстеръ и дежурный генералъ — всѣ въ шляпахъ. Главной квартирѣ приказано было идти въ порядкѣ, отдѣлами, не съѣзжаясь и не мѣшаясь въ толпу; въ слѣдствіе чего непосредственно за главнокомандующимъ и за тремя поименованными должностными генералами, слѣдовали ихъ личные адъютанты и офицеры генеральнаго штаба, потомъ ихъ канцелярія, потомъ дежурство, потомъ интендантство и, наконецъ, ихъ заводныя лошади. Каждый отдѣлъ отрѣзывался отъ сосѣдняго отдѣла шеренгою конныхъ жандармовъ.

Когда поѣздъ пришолъ въ движеніе, Иванъ Ивановичъ и лейтенантъ Г** съ докторомъ Ш** выѣхали изъ рядовъ и направили своихъ коней къ угловому дому: докторъ позволилъ имъ взглянуть на панну Зосю и проститься съ нею. При этомъ Иванъ Ивановичъ вручилъ пани Маріаннѣ еще сто червонцевъ, собранныхъ въ главной квартирѣ по подпискѣ на леченіе раненой, подававшей надежду оправиться въ непредолжительномъ времени. Догнали они насъ оба въ очень меланхолическомъ настроеніи духа; но при видѣ треуголокъ, которые качались на нашихъ головахъ, и они не могли удержаться отъ смѣха. Ближе всего походили они на собраніе моделей разной величины понтоновъ, опрокинутыхъ килемъ вверхъ. На первомъ переходѣ все шло отлично, благодаря ясной и сухой погодѣ; но на второмъ переходѣ небо нахмурилось, сталъ накрапывать мелкій дождикъ, вслѣдствіе чего шляпы начали коробиться и тонкія струи клейкой жидкости потекли по нашимъ физіономіямъ. На третій день хлынулъ проливной дождь; шляпы наши, пултусскаго жидовскаго издѣлія, наклоняясь концами на лицо и на затылокъ, мало-по-малу приняли видъ безформенныхъ блиновъ, клейстеръ ручьями потекъ по глазамъ и за воротникъ, вслѣдствіе чего всѣ онѣ, какъ по командѣ, полетѣли на землю, и на головахъ снова очутились изгнанныя фуражки.

— Дѣлай съ нами, что угодно! говорили мы хоромъ, хоть всѣхъ насъ

въ обозъ, хоть въ Россію назадъ, а не станемъ далѣе подставлять нашихъ головъ подъ клейстерную росу! Воображаю, въ какое удивленіе пришли поляки, наѣхавъ послѣ насъ на это собраніе чорныхъ лоснящихся блиновъ, раскиданныхъ по дорогѣ, и какъ они ломали себѣ голову, стараясь дойти собственнымъ умомъ до того, что это такое, отвуда и для чего?

И такъ три дня спустя послѣ выступленія изъ Пултуска, изгнанныя фуражки опять водворились въ главной квартирѣ, и не покидали больше нашихъ головъ до той поры, пока дни мира и спокойствія снова не возвратили треуголкѣ ея неотъемлемыя форменныя права. Этимъ и оканчиваю свой разсказъ.

— Что же, развѣ дальше нечего и разсказывать?

— Хотите знать, что было дальше, такъ возьмите Шмидта въ руки: все что послѣ случилось, разсказано имъ подробно, ясно и поучительно, а я покончилъ свою задачу, познакомивъ моихъ слушателей съ судьбой несчастной панны Зоси.

— И то не вполнѣ. Чѣмъ же все окончилось?

— Бѣдняжка умерла, дня три спустя послѣ нашего выступленія, встревоженная шумнымъ приходомъ въ Пултускъ польской рухавки.

— Чрезъ кого же могли вы узнать объ этомъ — вѣдь вы въ Пултускъ болѣе не возвращались.

— Отъ варшавскихъ жидовъ, по взятіи Варшавы. Евреи знаютъ все что творится гдѣ бы то нибыло.

Баронъ Ѳ. Торновъ.

РАЗБИТЫЙ КУМИРЪ.

Скульпторъ въ восторгѣ вдохновенья
Волшебный образъ изваялъ;
Народъ, нѣмой отъ изумленья,
Предъ изваяніемъ стоялъ
И наконецъ главой поникнулъ
У мраморныхъ кумира ногъ
И въ ослѣпленіи воскликнулъ,
Молясь безумно: «это — Богъ!»

А вождь страны, отъ искушенья
Народъ желая отвратить,
Велѣлъ рабамъ безъ сожалѣнья
Ломами статую разбить.
Сказалъ: «да сгибнетъ изваянье!»
И раздробленное въ куски
Погибло свѣтлое созданье
Скульптора творческой руки.

И надъ обломками кумира,
Склоняясь мыслящимъ челомъ,
Стоялъ какой-то странникъ міра
Въ раздумьи грустномъ и нѣмомъ.
«Кто былъ преступнѣе», онъ мыслилъ,
Въ груди сдавивъ своей горькій плачъ:
«Народъ, что камень Богомъ числилъ,
Иль дивной статуи палачъ?»

В. Бенедиктовъ.

БОЛГАРСКАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ Морица Гартмана.)

Не коверъ ли изъ цвѣтовъ пурпурныхъ
То покрылъ болгарскую долину?
То не тучи-ль голубей несутся,
Заслоняя горную вершину?

Нѣтъ — увы — то не цвѣты, а пламя
Покрываетъ родину болгара;
То не тучи голубей несутся:
Это дымъ, ужасный дымъ пожара!

Онъ столбомъ громаднымъ вьется къ верху,
Онъ плыветъ по небу облаками —
И пылаютъ въ заревѣ багровомъ
Хижины, оставленныя нами.

На горѣ стоимъ мы, растерявшись,
И въ глуши скрываемся лѣсистой,
И томимся голодомъ, какъ овцы
Посреди пустыни каменистой.

Пусть же будутъ прокляты злодѣи,
Что пришли къ намъ съ пламенемъ пожара!
Турки это, или христіане —
Да падетъ на нихъ Господня кара!

Пусть они потонуть всѣ въ Дунаѣ,
Запрудятъ потокъ его тѣлами,
Чтобы нашу бѣдную отчизну
Затопилъ онъ бурными волнами!

Пусть гнилые трупы ихъ на бѐрегъ
Выкинетъ бушующее море,
Чтобъ въ странѣ ихъ моровая язва
Принесла отчаянье и горе!

Что-то скажутъ наши богомольцы,
Возвратясь изъ дальней Палестины,
И въ странѣ своей родной увидѣвъ,
Вмѣсто сёлъ, лишь пепелъ, да руины?

Накупивши у Святого Гроба
Образковъ, придутъ они въ пустыню:
Ни одной стѣны здѣсь не найти имъ,
Чтобъ повѣсить рѣдкую святыню.

Не пускай, о, милосердый Боже,
Къ намъ теперь морозовъ и мятели!
Удержи за облаками зиму,
Чтобы мы въ горахъ не коченѣли!

Здѣсь шумитъ холодный, рѣзкій вѣтеръ,
Дрожь беретъ — и нѐ гдѣ пріютиться;
Никакой мы не имѣемъ кровли,
Чтобъ съ дѣтьми и жонами укрыться.

Голодны, бездомны мы и наги,
Но у нашихъ дѣвушекъ надѣты
Для красы простыя ожерелья —
Изъ кружковъ серебряной монеты.

Дайте намъ свои вы ожерелья,
Добрыя дѣвицы, ради неба,
Чтобъ купить голоднымъ нашимъ дѣтямъ
Мы могли на эти деньги хлѣба!

Отдадимъ; но житницы, амбары
Сожжены или стоятъ пустыя —
И ни гдѣ не купите вы хлѣба
За дукаты, даже золотые!

Д. Михаловскій.

ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ.

(Отрывки изъ повѣсти).

I.

ЗА СОВѢТОМЪ.

Вѣрный назначенію, Гриша Махмуровъ ровно въ 7 часовъ позвонилъ у двери Полярскаго — и его приняли. У него дѣйствительно еще не было никого изъ гостей. Гришу провели въ кабинетъ, гдѣ за большимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ безпорядочно разбросанными книгами, бумагами, газетами и корректурами сидѣлъ Полярскій. Онъ что-то читалъ, но положилъ книгу и привѣтливо всталъ на встрѣчу Махмурову.

— Здравствуйте! Вы забыли меня, сказалъ онъ, пожимая руку Гришѣ. — Ну, что, какъ поживаютъ мои добрыя знакомыя? Здоровы?

— Здоровы, благодарю васъ! Анна Павловна не знаетъ, что я къ вамъ сбирался; но Елизавета Николаевна поручила мнѣ передать ея искренній поклонъ и я, отчасти по ея настоянію, пришолъ къ вамъ.

— Садитесь! Я къ вашимъ услугамъ и очень радъ, если могу быть вамъ или ей чѣмъ-нибудь полезенъ.

Гриша сѣлъ и мялъ свою студентческую шляпу. Не въ форменной одеждѣ и безъ треугольной шляпы и шпаги, ходить въ то время студенту, не желающему попасть подъ арестъ, было также опасно, какъ и офицеру. Предметъ разговора былъ очень щекотливъ и приступъ къ нему затруднителенъ.

— Елизавета Николаевна, сказалъ, наконецъ, Гриша, прокашливаясь, потому-что чувствовалъ, что какъ будто что̀ у него засѣло въ горлѣ: —Елизавета Николаевна (ему легче было валить все на нее), зная ваше доброе расположеніе къ ней, поручила мнѣ просить вашего совѣта. Надобно сказать, что мы... то-есть я и она находимся въ затруднительномъ положеніи... Мы, или, лучше сказать, я не послушался вашего совѣта,

Типографія И. И. Глазунова. 10

жала навзничъ панна Зося, раскинувъ руки; изъ подъ разсыпавшихся богатыхъ кудрей ручьемъ струилась алая кровь по бѣлому лифу, обхватывавшему ея стройный станъ. Прижавшись въ уголъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, съ раскрытымъ ртомъ, стояла пани Маріанна, бѣлая, какъ полотно; Березовскій же метался во всѣ стороны, незная что дѣлать, причемъ ревѣлъ и рвалъ на головѣ свои сѣдые щетинистые волосы. На полу, возлѣ поручика, валялись два длинные турецкіе пистолета.

Остолбенѣлые, мы не смѣли податься впередъ. Наконецъ раздались голоса:

— Скорѣе подавай докторовъ! Бѣги за комендантомъ, за жандармскимъ полковникомъ! Зови польскаго коммисара!

Чрезъ десять минутъ явился ближайшій докторъ; вслѣдъ за нимъ прибѣжали комендантъ и еще два доктора. Взглянувъ на туловище желтаго поручика, доктора сказали только: «съ этимъ кончено; накинуть на него шинель»— и пошли къ Зосѣ, что бы осмотрѣть ее. Затаивъ дыханіе, ожидали мы докторскаго приговора: бѣдняжки было такъ жаль.

Приподнявъ ее бережно и осмотрѣвъ спину и плечи, докторъ объявилъ, что она еще жива, но останется ли живою — нельзя сказать прежде тщательнаго изслѣдованія двухъ ранъ на вылетъ, зіявшихъ у нея на груди.

— Двумя пулями былъ заряженъ пистолетъ у подлеца, прибавилъ докторъ.

Въ эту минуту пани Маріанна, услыхавъ, что Зося еще жива, вдругъ разразилась потокомъ горькихъ слёзъ.

— Такъ еще жива! воскликнула она всхлипывая:—пречистая Божья матерь, сохрани ее для несчастнаго отца!

— Для какого отца? спросилъ комендантъ: — вѣдь ваша племянница круглая сирота, о чемъ вы сами всѣмъ говорили.

— Дѣлайте со мной что хотите, панъ комендантъ! хоть сейчасъ ведите меня на висѣлицу! вырвалось у пани Маріанны. — Я всѣхъ обманула; она не племянница намъ; она только была отдана намъ на сбереженіе нашимъ благодѣтелемъ; она дочь полковника.

При этомъ она назвала фамилію одного очень извѣстнаго полкового командира въ польской революціонной арміи.

— Отъ чего же вы это скрывали съ такимъ постоянствомъ?

— Боялась за насъ, боялась за Зосю.

— Совершенно напрасно, возразилъ комендантъ: — воюемъ мы съ паномъ полковникомъ, а не съ дочерью его — и, узнавъ кто она, тѣмъ болѣе ее берегли бы и почитали.

Послѣ того насъ попросили разойтись и предоставить участь бѣдной дѣвушки докторамъ. Иванъ Ивановичъ и лейтенантъ Г** тотчасъ перебрались на другую квартиру, къ дому приставили караулъ.

Расходясь кто-то сказалъ, указывая на тѣло убійцы:

— Да скоро-ли уберутъ этаго звѣря?

Докторъ покачалъ головой.

— Ваша правда, замѣтилъ онъ: — лежитъ тутъ звѣрь, потомучто онъ поступилъ по звѣрски; но далеко еще не рѣшонъ вопросъ звѣремъ ли онъ родился, или горькая судьба и злыя обстоятельства насильственно пробудили въ немъ инстинкты звѣря. Да не виновато ли въ томъ отчасти неблаговидное названіе *желтаго поручика*, которымъ вы его заклеймили, господа?

Вечеромъ насъ обрадовали извѣстіемъ, что доктора надѣются спасти панну Зосю, хотя раны и оказались весьма опасными. Происшествіе молніею разнеслось по главной квартирѣ и по городу и возбудило всеобщее участіе. Знавшіе и не знавшіе ее наперерывъ старались узнавать въ какомъ она находилась положеніи. Больше всего, говорили доктора, для нея необходимы тишина и спокойствіе: всякій испугъ, малѣйшее движеніе могутъ ее убить. Графъ Толь, будучи примѣрнымъ солдатомъ и генераломъ, какъ извѣстно всѣмъ не отличался особеннымъ мягкосердіемъ, но на этотъ разъ и онъ разчувствовался, вздохнулъ и промолвилъ: «бѣдная дѣвочка! несчастный отецъ! Пускай же поляки узнаютъ, что мы бьемъ безпощадно однихъ бунтовщиковъ, но умѣемъ сочувствовать всякому истинному несчастію, даже у нашихъ противниковъ!» И затѣмъ приказалъ на леченіе Зоси выдать сто червонцевъ и принять всѣ мѣры, которыя окажутся необходимыми для успокоеніи страдалицы. На основаніи этого приказанія дежурный генералъ разпорядился зорю бить не на площади какъ прежде было заведено, а на горѣ, возлѣ замка, а начальникъ жандармской команды прислалъ нѣсколько возовъ соломы для настилки улицы передъ домомъ.

Прошло нѣсколько дней: раненная дѣвушка пришла въ память. Тогда доктора нашли возможнымъ приступить къ разспросамъ о случившемся. Вотъ ея отвѣты:

— Не знаю, когда вернулся поручикъ. Я сошла внизъ — заглянуть въ кухню, какъ вдругъ изъ другихъ дверей показался поручикъ. Я хотѣла уйти; но онъ загородилъ мнѣ дорогу. «Хочешь быть моею женою? да или нѣтъ»? спросилъ онъ и обхватилъ мою талію. Глаза его были страшны. Нѣтъ, никогда!» отвѣтила я и рванулась отъ него. «Такъ вотъ же тебѣ!» крикнулъ онъ. Я почувствовала ударъ въ ушахъ и въ спину, упала — и больше ничего не помню».

Въ это время пріѣхалъ фельдмаршалъ — и въ главной квартирѣ зашевелились: въ канцеляріяхъ работа закипѣла; курьеры поскакали во всѣ стороны. Я также былъ отправленъ съ приказаніемъ верстъ за двадцать къ резервной артиллеріи. Когда, чрезъ сутки, я вернулся въ Пултускъ, приказаніе уже было отдано — готовиться къ выступленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ разосланъ циркулярный приказъ, за подписью начальника штаба, въ которомъ объявлялося, что главнокомандующій, на первыхъ же порахъ замѣтивъ разныя безпорядки въ главной квартирѣ и весьма важныя отступле-

партаментѣ. Есть у насъ заведенія, которыя спеціально лелѣютъ и эти мечты; но, слава Богу, вы не попали въ нихъ и вы правы, что оберегаете себя. Въ томъ то и есть трагизмъ вашего положенія, что для разрѣшенія самаго естественнаго изъ чувствъ — представляется борьба самая непроизводительная и тяжолая и нужны силы на нее, выходящія изъ ряда, особенно съ такой женой, которая, не только не въ состояніи поддержать и помочь въ борьбѣ, а сама потребуетъ поддержки. Ваши родители перечтутъ цѣлый списокъ препятствій и неудобствъ ранней женитьбы — все, что говорится обыкновенно въ этомъ случаѣ и что всякій знаетъ наизусть, и изъ десяти случаевъ въ девяти они будутъ правы. Тутъ нѣтъ виноватыхъ или, пожалуй, всѣ виноваты!... Вотъ почему я и хотѣлъ предупредить васъ въ первую встрѣчу, когда думалъ, что еще есть время.

Гриша слушалъ, опустивъ голову.

Съ минуту длилось молчаніе. Полярскій ходилъ по комнатѣ.

— Что же дѣлать... когда дѣло сдѣлано? спросилъ наконецъ Гриша.

— Да вамъ самимъ хорошо извѣстны всѣ возможные выходы изъ вашего положенія и вы, конечно, не ожидаете, чтобы я открылъ какой-нибудь новый, сказалъ Полярскій. — Но если вы хотите, чтбы я вамъ сказалъ, который изъ этихъ выходовъ, по моему мнѣнію, самый лучшій для васъ, то я вамъ долженъ отвѣтить прямо, что обыкновенно самый протоптанный, обыденный выходъ всегда самый удобный. Я вамъ не скажу, какъ говорятъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ: постарайтесь забыть другъ друга. Это произвольно не дѣлается; но я скажу: постарайтесь владѣть своимъ чувствомъ и не давать ему завладѣть совсѣмъ вами — а это, судя по вашей разсудительности, надѣюсь, для васъ будетъ возможно.

Гришу покоробило отъ этого послѣдняго замѣчанія: признавать во влюбленномъ разсудительность—не значитъ ли это сказать ему другими словами, что его чувство — ничтожное чувство?

— Я боюсь, что вы придаете моей разсудительности болѣе силы, чѣмъ въ ней есть, сказалъ Гриша.

— Нѣтъ! возразилъ Полярскій: — вы сами видите неудобства вашего положенія — а это уже много и я очень радъ за васъ, потому-что я не сторонникъ пламенныхъ и безумныхъ страстей, хотя никто не поручится, что отъ нихъ застрахованъ. Это своего рода болѣзнь, какъ воспаленіе мозга или горячка, при которыхъ умъ теряетъ способность здраво судить о вещахъ: что-жь въ этомъ хорошаго! И каковы могутъ быть рѣшенія, которыя принимаются при подобномъ положеніи мозга? Затѣмъ я вамъ долженъ сказать еще, что въ дѣйствительности вещи не такъ страшны, какъ кажутся на словахъ! Если жизнь, обычаи и воззрѣнія какого-нибудь кружка такъ сложились, что становятся иногда поперегъ

естественнымъ чувствамъ или потребностямъ, то въ этихъ случаяхъ практическая жизнь всегда надѣлаетъ тропинокъ, которыми обходятся эти препятствія или облегчается переходъ через нихъ. Я вамъ, конечно, не посовѣтую идти окольными дорогами, да и не могу предвидѣть въ какую сторону онѣ откроются; я хотѣлъ только сказать, что жертвы, которыя отъ васъ потребуются въ дѣйствительности, могутъ быть вовсе не такъ суровы, какъ они кажутся. Чувства и сами по себѣ не вѣчны; они также какъ и все живое родятся, развиваются и умираютъ. Не давайте пищи вашему чувству и оно незамѣтно погаснетъ или понизится до температуры простой привязанности.

Полярскій замолчалъ и Гриша увидалъ, что собственно совѣщаніе кончено. Онъ остался недоволенъ имъ. Полярскій не сказалъ ему ничего новаго, не указалъ никакого особеннаго выхода, хотя Гриша долженъ былъ согласиться съ словами Полярскаго, что дѣйствительно никакого особенно — новаго выхода онъ и не могъ ему указать. Болѣе того: въ глубинѣ души Гриша сознавалъ, что Полярскій далъ ему самый разумный и вѣрный совѣтъ, но ему было больно, что Полярскій построилъ этотъ совѣтъ на анализѣ его собственныхъ чувствъ и помысловъ и анализѣ совершенно вѣрномъ, и какъ не бережно старался высказать Полярскій свои замѣчанія, какъ ни смягчалъ и ни маскировалъ онъ тѣ слабыя стороны Гришинаго характера, о которыхъ долженъ былъ упомянуть, но все же ясно было, что онъ замѣтилъ и слабость Гришиной любви, не способной на самопожертвованія и неустойчивость его воли и боязнь, которую внушала ему женитьба. Даже самое утѣшительное указаніе на смягчающее вліяніе практической жизни тайно говорило Гришѣ, что ихъ, какъ и самый данный совѣтъ, можно было предложить только слабохарактерному, еще юному, но уже пропитанному — какъ тогда говорили, рефлексіей, а по просту — нерѣшительностью, человѣку.

— Признаюсь — сказалъ Гриша, не безъ нѣкоторой горечи — что я ожидалъ отъ васъ совсѣмъ другаго совѣта, судя потому, какъ вы сами — если не ошибаюсь—поступили въ подобномъ случаѣ.

Полярскій, какъ было извѣстно, увезъ свою молодую родственницу и женился на ней безъ согласія родныхъ.

— О, наше положеніе было совсѣмъ другое, сказалъ Полярскій, не сдержавъ улыбки, которую вызвало въ немъ Гришино сравненіе себя съ нимъ, Полярскимъ. — Во первыхъ, мое положеніе было самостоятельнѣе вашего: я уже видѣлъ передъ собою дорогу, по которой могъ и хотѣлъ идти; потомъ, между мной и женой разница лѣтъ была болѣе соотвѣтствующая браку, нежели у васъ съ Елизаветой Николаевной и оба мы были старше васъ. Наконецъ, у моей жены совсѣмъ другой характеръ и силы, чѣмъ у вашей кузины, и то, что въ состояніи вынести она, не въ силахъ бы было вынести такое нѣжное существо, какъ ваша прелест-

ная Веточка. Да и у меня мать саксонка, а саксонцы — народъ упрямый! И это также надо принять въ соображеніе, батюшка: съ свойствами крови тоже ничего не подѣлаешь! прибавилъ Полярскій. — Я знаю, мой совѣтъ не удовлетворитъ ни васъ, ни Елизаветы Николаевны — что-же дѣлать! Это участь всѣхъ, такъ называемыхъ благоразумныхъ совѣтовъ. Но очень можетъ быть, что онъ и не благоразуменъ! Передайте его вашей кузинѣ, но скажите ей, что я его далъ единственно потому, что очень люблю ее и можетъ быть слишкомъ боюсь за ея силы. Если же она почувствуетъ или вы замѣтите, что, напротивъ, отказъ отъ любви будетъ для нее убійственнѣе борьбы, что у нее достанетъ силъ на эту борьбу — тогда боритесь, защищайтесь сколько можете, переговорите съ родителями — словомъ, уступайте шагъ за шагомъ! Но помните одно: что и борьба и отказъ отъ борьбы не должны быть свыше силъ милѣйшей Елизаветы Николаевны и на васъ, какъ на сильнѣйшемъ и опытнѣйшемъ, должна лежать обязанность наблюдать за этимъ и беречь ее. Прежде всего надо остерегаться, чтобы не отдать жизнь на жертву чувству: Елизавета Николаевна созданіе прелестное, но нѣжное и хрупкое. Берегите ее: вотъ все что я вамъ могу посовѣтовать.

Полярскій протянулъ руку Гришѣ и тотъ молча пожалъ ее. Гриша поклонился и хотѣлъ выйти, когда Полярскій, которому жаль было, казалось, отпустить юнаго Махмурова съ этими тяжолыми словами и который, зная дѣйствующихъ лицъ, казалось, смотрѣлъ на ихъ любовь, какъ на юное и не глубокое чувство, сказалъ Гришѣ:

— Васъ не ждетъ сейчасъ ваша кузина? Если такъ, то надо дать всегда не много осѣсться впѣчатленіямъ — да и при томъ неутѣшительныя вещи всегда успѣешь сказать...

— Нѣтъ! я сегодня и не расчитываю увидать Елизавету Николаевну, сказалъ Гриша: — она на вечерѣ у своихъ знакомыхъ.

— Въ такомъ случаѣ, не хотите ли провести вечеръ съ нами: у меня будетъ кой кто изъ литературныхъ пріятелей и вамъ, можетъ-быть, пріятно будетъ послушать наши споры.

Гриша поклонился.

— Такъ кладите вашу шляпу и пойдемте въ гостинную: тамъ ужь кажется кто-то есть.

II.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Дѣйствительно, пока Полярскій разсуждалъ съ молодымъ Махмуровымъ — колокольчикъ раза два звонилъ въ прихожей, но вѣроятно или приходившіе имѣли привычку входить прямо въ гостинную, или ихъ предупреждали, что Полярскій занятъ — но въ кабинетъ никто не входилъ. Когда же Полярскій растворилъ двери и, пропустивъ Махмурова впередъ, вошолъ вмѣстѣ съ нимъ въ гостинную, они нашли хозяйку за самоваромъ, который только что внесла горничная, и двухъ человѣкъ гостей о чемъ-то горячо споравшихъ.

— Какъ! Я ихъ не знаю? Да какъ же мнѣ ихъ не знать, когда во мнѣ самомъ течетъ ихъ подлая кровь! говорилъ, стуча себя во впалую грудь и быстро ходя по комнатѣ, еще молодой человѣкъ не высокаго роста, худой съ иззелена-красноватымъ лицомъ и свѣтло-русыми всклокоченными волосами. Онъ былъ болѣзненъ, нехорошъ собою, но умные, то горячо вспыхивавшіе, то ласково-смотрѣвшіе, голубоватые глаза, красивый лобъ, нервная, въ высшей степени впечатлительная воспріимчивость и, особенно, отзывчитая страстность, въ искренности которой съ первыхъ словъ никто не могъ сомнѣваться, дѣлали его наружность пріятной и сочувственной: это былъ Семирѣченскій, извѣстный критикъ того времени, ненавидимый литераторами стараго закала, дорогой другъ и талантливѣйшій выразитель мнѣній молодаго кружка.

—Душа моя, ты все-таки не жилъ ихъ жизнью! жизнью ихъ жалкой и грубой не жилъ ты! мягкимъ голосомъ и какъ-то нѣжно возражалъ ему человѣкъ лѣтъ тридцати, съ широкимъ лбомъ, маленькими, узкими, далеко разставленными, карими глазками, рѣдкими волосами и неправильнымъ, русскимъ лицомъ. Махмуровъ узналъ, что это былъ Щепоткинъ, сынъ одного богатаго московскаго купца, оставившій торговлю для самообразованія, дѣйствительно ставшій замѣчательно-образованнымъ человѣкомъ и страстнымъ поклонникомъ изящнаго въ литературѣ, искуствахъ и музыкѣ.

Когда Полярскій вошолъ, Семирѣченскій бросился-было къ нему кажется съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его посредникомъ спора, но, увидавъ незнакомаго человѣка, сей-часъ какъ-то сжался.

— Мой молодой пріятель Махмуровъ, сказалъ Полярскій, представляя Махмурова: студентческій мундиръ дѣлалъ поясненія излишними. Семирѣченскій оглянулъ его и искренно пожалъ ему руку. Тоже сдѣлалъ и

Щепоткинъ — и споръ готовъ былъ снова завязаться, если бы въ это время не раздался колокольчикъ въ прихожей.

— Это они должны быть! сказалъ Семирѣченскій и бросился въ прихожую. Щепоткинъ и Полярскій пошли за нимъ, но Полярскій остановился на минуту и, указавъ Махмурову на сидѣвшаго у стола студента, сказалъ:

— А вотъ вамъ товарищъ, Стаховъ — вы знакомы? и, не ожидая отвѣта, вышелъ. Стаховъ, дальній родственникъ Полярскаго, былъ курсомъ моложе Махмурова и шолъ по другому факультету; они почти не знали другъ друга, но Махмуровъ былъ радъ найти себѣ сверстника и сотоварища. Они разговорились.

А между-тѣмъ изъ прихожей слышались восклицанія: «Вотъ они!» «Здравствуйте!» потомъ поцѣлуи и радостно шумѣвшіе голоса. Вскорѣ всѣ вошли въ гостинную.

Одинъ изъ прибывшихъ былъ худой, высокаго роста и не первой молодости человѣкъ. Это былъ профессоръ словесности Куратовъ, пріѣхавшій изъ Москвы: человѣкъ начитанный, умный — но ничѣмъ особенно не замѣчательный. Но онъ былъ человѣкъ честныхъ убѣжденій, сочувствующій и близкій молодому кружку и, въ добавокъ, москвичъ. Всѣ присутствующіе и большинство тогдашнихъ лучшихъ молодыхъ дѣятелей были — москвичи, изъ кружка незадолго передъ тѣмъ умершаго Станкевича — и всѣ любили Москву.

Другой вошедшій былъ человѣкъ лѣтъ подъ тридцать замѣчательной наружности. Онъ былъ хорошаго роста, но худощавъ; большая, съ чорными вьющимися волосами, голова была, не смотря на нѣсколько большой и широкій книзу носъ — красива; густыя, чорныя брови нависли на выразительные, задумчивые, чорные же глаза. Заговорилъ онъ — и голосъ его оказался слабымъ, но весь онъ, не смотря на свои нахмуренныя брови, смотрѣлъ какимъ-то задумчивымъ, мягкимъ, задушевнымъ поэтомъ. Чѣмъ-то гуманнымъ, изящнымъ и поэтичнымъ вѣяло отъ него, а между-тѣмъ по занятіямъ это былъ учоный. Это былъ молодой профессоръ исторіи, недавно получившій кафедру въ Московскомъ университетѣ и пріѣхавшій не надолго въ Петербургъ — Бардовскій. Лекціи его не были собственно учоныя лекціи исторіи, передающія сухіе факты: это были художественныя, великолѣпныя импровизаціи, не только артистически рисующія отжившіе вѣка, но согрѣтыя тѣми возвышенными, вдохновляющими чувствомъ и мыслью, которыя воспитываютъ, укрѣпляютъ и воодушевляютъ молодое поколѣніе на все высокое, честное и человѣчное. Съ его лекцій молодежь уходила не столько учонѣе, сколько нравственно лучше и возвышеннѣе. Въ этомъ была вся сила и значеніе молодаго профессора.

Куратовъ и Бардовскій только въ этотъ день пріѣхали изъ Москвы

и Полярскій и его пріятели знали, что они должны были придти къ нему вечеромъ. Родные братья, послѣ долгой разлуки, не встрѣчаются такъ радостно и дружелюбно, какъ встрѣтились прибывшіе съ хозяиномъ, Семирѣченскимъ и Щепоткинымъ; и тѣ, и другіе были москвичи, воспитанные большею частью однимъ кружкомъ, проникнутые и соединенные одними цѣлями. Также радостно и дружелюбно пришедшіе поздоровались и съ женой Полярскаго. Спорамъ не было уже болѣе мѣста, разспрашивали про того или другаго, передавали поклоны, порученія, новости. Но когда все и про всѣхъ близкихъ и тѣхъ, кто на первый разъ пришолъ на память, было переспрошено, Бардовскій спросилъ.

— Ну а какъ у васъ? Все также?

Точно холодной водой на огонь упали эти слова и весь жаръ разговора мгновенно потухъ.

— Нѣтъ не также — а все хуже и хуже! сказалъ Семирѣченскій. Я долженъ писать статью въ десять листовъ, чтобы изъ нихъ осталось шесть.

— Да! этакъ долго не выдержать! сказалъ Полярскій. — Приходится либо бросить перо, либо писать для собственнаго удовольствія, прибавилъ Полярскій. Онъ усмѣхнулся, но глаза его заблистали какимъ-то холоднымъ, стекляннымъ блескомъ.

— То-есть, оно особенно не хуже, оно все также — сказалъ мягко Щепоткинъ: — но Полярскому все хочется заповѣдную струнку трогать, да и Семирѣченскій начинаетъ поворачивать туда же. Я говорю имъ: не нужно, господа! Оставайтесь тамъ, гдѣ были; не выходите изъ области чистаго искуства и отвлеченныхъ вопросовъ: слава Богу еще есть многое о чемъ можно и должно говорить — такъ нѣтъ! А все вотъ онъ! добавилъ Щепоткинъ и кивнулъ на Полярскаго.

— Да вѣдь отвлеченные-то вопросы должны на кого-нибудь работать! горячо сказалъ Полярскій. — Вѣдь ужь мы съ этими отвлеченностями договорились до того, что насъ здоровый человѣкъ, не осилившій Гегеля, понимать перестаетъ.

— А! тебѣ хочется задѣвать за живое мясо? горячо прервалъ его Щепоткинъ. — Вѣдь этого нельзя, душа моя! Вѣдь этого нельзя! Кто же тебѣ это позволитъ? Вѣдь всякому своя рубашка къ тѣлу близка! говорилъ Щепоткинъ — и его маленькіе глазки заблистали, сладость исчезла и въ мягкомъ тонѣ начала просачиваться какая-то ядовитость нервнаго человѣка, у котораго повели холодной рукой по спинѣ снизу вверхъ.

— Такъ что же? ты оправдываешь цензорскія неистовства? ты находишь, что не только нельзя думать о нравственно-вольномъ воздухѣ, но нельзя такъ печатно назвать и тотъ которымъ коровы въ полѣ дышать? горячо сказалъ Семирѣченскій, остановясь передъ Щепоткинымъ.

Ядовитость Щепоткина сейчасъ исчезла.

— Ну вотъ! Ну кто жь тебѣ говоритъ, душа моя — за неистовства! почти нѣжно началъ онъ и видно, что онъ не могъ иначе относиться къ Семирѣченскому. — Да зачѣмъ же вы сходите съ верхнихъ-то ступеней? Зачѣмъ вы искуство-то тащите на улицу и задѣваете вопросы уличной толпы?

— А затѣмъ, что на улицѣ живой народъ живетъ — сказалъ Полярскій — да еще вдобавокъ кормитъ насъ съ тобой.

И горячій споръ о томъ — слѣдуетъ ли искуству служить практическимъ цѣлямъ и вопросамъ дня страстно загорѣлся. Это было въ то время, когда извѣстное знамя «искуство для искуства» стало предметомъ горячихъ споровъ и было потрясено впервые; когда политико-экономическая и соціальная струя началà робко, между строкъ, пробиваться въ литературѣ. Спорили о гегелевскомъ «что разумно, то дѣйствительно — что дѣйствительно, то разумно», упоминали и цитировали какого-то Петра Рыжаго, какъ тогда въ шутку и въ письмахъ, боясь назвать его настоящимъ именемъ, называли Пьера Леру. Махмуровъ нѣкоторыхъ вещей просто не могъ понять: языкъ и понятія, отуманенные нѣмецкой философіей, въ которой тогда видѣли науку наукъ и ждали отъ нея разъясненія всѣхъ великихъ вопросовъ, были выше его тогдашняго разумѣнія. При этомъ Махмурову невольно вспомнилась бесѣда охотниковъ-помѣщиковъ разъ слышанная имъ въ Березовой Еланѣ съ ея выжлецами, бурками, псовинами и чорными мясами — тоже ему мало понятная; но онъ не посмѣлъ и помыслить, что образный, картинный и своеобычный русскій языкъ охотниковъ былъ неизмѣримо выше всѣхъ туманныхъ абсолютовъ, субстанцій, ячностей и самостей, которыми кишилъ, какъ гнилая вода червями, тогдашній языкъ критическихъ и научныхъ статей.

Но мысли, которыя высказывались этимъ языкомъ, и глубоко здравый русскій смыслъ, который прорывался, какъ здоровый ребёнокъ изъ кисейныхъ пеленокъ, въ этой живой, умной бесѣдѣ лучшихъ представителей литературы, вопросы, поднимаемые ими, такъ далекіе отъ обыденныхъ дрязгъ и личныхъ цѣлей, всѣ проникнутые горячимъ стремленіемъ къ великимъ предметамъ — все это, точно на крыльяхъ, поднимало молодаго Махмурова и, какъ видно было, и его товарища, все раскрывало передъ ними новые и далекіе горизонты.

Долго Махмуровъ и его товарищъ, прижавшись въ углу и не проронивъ между собою ни слова, слушали эти споры и бесѣду, въ которыхъ Полярскій и Семирѣченскій высказывали горячія стремленія идти впередъ и по новой дорогѣ, Щепоткинъ и Куратовъ отстаивали сферы отвлеченнаго искуства и мышленія, а Бардовскій, въ роли посредника,

историческими примѣрами и характеристиками художественно освѣщалъ то или другое время, въ той или другой сторонѣ. Нѣсколько часовъ, то поднимаясь, то ослабѣвая, разговоръ держалъ этотъ высокій строй; не разъ Семирѣченскій, послѣ иного, особенно затрогивавшаго его, слова, говорилъ до того страстно и торопливо, что закашливался, задыхался и, докончивъ рѣчь, бросался на стулъ въ изнеможеніи, но снова вскакивалъ и снова спорилъ прерывающимся голосомъ, если что вновь задѣвало его. Щепоткинъ нѣжно останавливалъ его словами: «полно, душа моя! не горячись! это тебѣ вредно, вредно, душа моя!» — и чтобы унять Семирѣченскаго, дѣлалъ уступки и смягчалъ свои возраженія. Такъ бы можетъ продолжалось и во весь вечеръ, если бы, часовъ около двѣнадцати, изъ театра не зашолъ добрый малый, представитель свѣтскаго элемента въ тогдашней молодой литературѣ, безукоризненно одѣтый Саничка Бабаевъ, которому многое прощалось ради его многой... нѣтъ, не любви, но приверженности къ кружку. Приходъ Бабаева разомъ точно разжидилъ атмосферу: словно раздушоннаго воздуха принесъ онъ съ собою. Онъ началъ разсказывать новости, слухи дня: разговоръ перешолъ на обыденные предметы — да и пора было отдохнуть всѣмъ. Вскорѣ подали легкій ужинъ. Хозяйка, которая, во время горячихъ споровъ, то шила, то уходила къ дѣтямъ и по хозяйству, вступила въ бесѣду — и бесѣда эта приняла живой, легкій складъ умной гостинной. Полярскій далъ тогда волю своей страсти къ остротамъ, каламбурамъ — и этотъ разговоръ, не смотря на свой предметъ, поминутно блисталъ мѣткимъ, острымъ, иногда глубокимъ словомъ и смысломъ подъ игривой формой.

Было уже поздно, когда всѣ встали изъ-за стола и, по обычаю, разомъ взялись за шапки и стали прощаться. Махмуровъ, прощаясь съ Полярскимъ, невольно горячо пожалъ его руку и ниже поклонился: онъ несказанно былъ благодаренъ ему не за совѣты, про которые онъ и забылъ совсѣмъ, но за-то, что Полярскій пріобщилъ его къ этому кругу избранныхъ и далъ ему вкусить хлѣба отъ ихъ трапезы.

— Только бы не вдругъ, не вдругъ бы выходить, говорилъ Бабаевъ въ прихожей: — а то эти подлецы-дворники пожалуй сейчасъ донесутъ, что было тайное собраніе.

И Бабаевъ недружелюбно взглянулъ на молодыхъ студентовъ, къ которымъ вообще относился съ высока, и теперь безъ толку увеличивавшихъ только толпу.

— И зачѣмъ это Полярскій пускаетъ къ себѣ этихъ безгласныхъ студентовъ, ворчалъ онъ Щепоткину, котораго пригласилъ по пути подвезти на своемъ лихачѣ.

Но студенты не слышали. Нѣкоторое время они молча шли вмѣстѣ и потомъ, на раздорожьѣ, также молча пожали другъ другу руки. Мах-

муровъ пѣшкомъ шолъ вплоть до дому, полный мыслей о всемъ слышанномъ. Онъ вспомнилъ о Веточкѣ и разговорѣ ея касающемся только тогда, когда пришолъ въ свою комнату. Но и тутъ онъ не думалъ, что и какъ скажетъ ей, на что рѣшится, а отложилъ это до утра и долго не могъ заснуть, весь занятый и взволнованный новыми мыслями, новыми — не личными, а общественными — вопросами, которые толпой вставали и поднимались въ немъ.

III.

УГОВОРИЛИ!

На другое утро, когда Гриша Махмуровъ проснулся, первой мыслію его было: «надо сказать все Веточкѣ». Затѣмъ онъ подумалъ: «на что же рѣшиться?» потому-что зналъ очень хорошо, что отъ него вполнѣ будетъ зависѣть окончательная развязка затрудненія. Но тутъ, по привычкѣ людей съ слабымъ или неустановившимся характеромъ, онъ сказалъ себѣ: «посмотрю, что скажетъ Веточка». Не смотря на это заключеніе, мы, однако, позволимъ себѣ усомниться — не былъ ли тамъ, въ этомъ таинственномъ судилищѣ, гдѣ, невидимо для насъ самихъ, зрѣетъ рѣшеніе, вопросъ, занимавшій Гришу, уже внутренно рѣшонъ имъ, хотя еще это рѣшеніе не было самому ему ясно. Вообще, мы позволимъ себѣ думать, что нерѣшительные люди вовсе не такъ нерѣшительны, какъ это кажется. Дѣйствительно можетъ случиться, что доводы за и противъ какого-нибудь вопроса, которые собраны нашей памятью и чувствами, такъ уравновѣшиваются, что вѣсы нашего рѣшенія не знаютъ на которую сторону погнуться; весьма вѣроятно, что у нерѣшительныхъ людей эти вѣсы не такъ чувствительны, какъ у другихъ и не скоро взвѣшиваютъ доводы; всего чаще нерѣшительность происходитъ отъ недостатка убѣжденій, отъ невыбора того закона, которому рѣшаешься подчинить свои дѣйствія, то-есть слушаться ли обязанностей нравственнаго долга, честности, дѣлать ли такъ, какъ велитъ сердце, то-есть чувство доброжелательства или недоброжелательства, или слѣдовать общепринятымъ обычаямъ, понятіямъ о чести и прочее. Люди положительные, строго честные, также какъ и добрые, рабски подчиняющіеся обычаю или своей чувственности, не бываютъ нерѣшительны. Но помимо всего этого, намъ кажется, что нерѣшительные люди также скоро, какъ и рѣшительные, принимаютъ окончательное рѣшеніе, но они совѣ-

ется передъ собою или людьми его прямо высказать, огласить его. Это тайное, внутреннее рѣшеніе принимается у нихъ только на основаніи того, что имъ удобнѣе: оно слишкомъ эгоистично и они это чувствуютъ. И вотъ, не объявляя еще ни себѣ, ни другимъ этого рѣшенія, они ждутъ не найдется ли какой-нибудь доводъ или подходящій случай, который помогъ бы имъ показать себѣ и другимъ, что ихъ рѣшеніе не было продиктовано эгоизмомъ, что оно сдѣлано не въ пользу собственной особы, а основано на томъ или другомъ, болѣе безпристрастномъ, кодексѣ.

Какъ бы то ни было, но громко для самого себя Григорій Махмуровъ сказалъ: «посмотримъ, что скажетъ Веточка!» и послѣ этого сталъ искать случая увидѣться съ кузиной безъ прокурорскаго и административнаго надзора ея родительницы, или доброхотнаго соглядатайства постороннихъ лицъ. А такъ-какъ Лиза, едва открывъ въ постели свои хорошенькіе глазки, съ своей стороны направила всѣ умственныя способности, чтобы достичь той же цѣли, то желаніе молодой четы и увѣнчалось успѣхомъ прежде, нежели наступилъ часъ завтрака.

Средство нашла, какъ водится, Веточка, ибо несомнѣнно, что когда дѣло идетъ о томъ, чтобы достичь горячо желаемаго, то слабое созданіе оказывается самымъ сильнымъ, храбрымъ и находчивымъ. Стоитъ только вспомнить, какія препятствія преодолѣваетъ и какому риску подвергается всякая женщина, выходящая на свиданіе съ мужчиной, чтобы въ этомъ убѣдиться; а подобный рискъ встрѣчается тысячами ежедневно. Веточка воспользовалась временемъ, когда ея мама приступила къ одѣванію и беззаботнѣйшимъ повидимому образомъ, напѣвая какую-то пѣсенку, порхнула наверхъ въ большія общія комнаты. Гриша, у котораго слухъ былъ давно напряженъ, тотчасъ услыхалъ дорогой голосокъ и немедленно вышелъ въ пустую, въ это время, гостинную, гдѣ Веточка вертѣла какую-то оставленную на случай книгу.

Историческая добросовѣстность заставляетъ насъ сказать, что молодые люди громко, по обыкновенію, поздоровались, торопливо осмотрѣлись и — предварительно всѣхъ переговоровъ — обнялись и, выражаясь высокимъ слогомъ, «слили уста свои въ долгій и горячій поцѣлуй».

— Ну, что? спросила Лиза, когда ея маленькій, прелестный ротикъ получилъ возможность выражаться словами. — Видѣлъ Полярскаго?

— Видѣлъ! нахмурившись сказалъ Гриша, освобождая станъ кузины для того, чтобы правою рукою взъерошить, какъ это онъ имѣлъ привычку дѣлать въ трудныя минуты жизни, свои густые волосы: лѣвая продолжала держать руку Веточки.

— И что же? трепеща любопытствомъ, спросила Лиза, пытаясь высмотрѣть отвѣтъ въ глазахъ Гриши.

— Да ничего хорошаго, пасмурно отвѣчалъ онъ: — Полярскій боится

за тебя: онъ говоритъ, что если бы мы и рѣшились на бракъ противъ воли родителей, то ты не вынесешь всѣхъ лишеній, непріятностей, можетъ быть нужды, безъ которыхъ тогда не обойдешся.

— О, Гриня! я для тебя все готова вынести, сказала Лиза, прижимаясь къ груди Гриши и какъ бы напередъ ставя себя подъ его защиту. —Но противъ воли мамы и дяди?... Это такъ огорчитъ ихъ! Они такъ будутъ недовольны! Это ужасно!

— То-то вотъ и есть! ангелъ мой, сказалъ Гриша — и, нагнувшись къ Лизѣ, снова почерпнулъ утѣшеніе въ устахъ откинувшейся и смотрѣвшей на него снизу вверхъ головки.

— А попытаться? сказала чрезъ минуту разрумянившаяся Веточка, когда ея уста снова получили возможность высказываться словами. — Мама и твой папа такъ любятъ насъ!

— Нѣтъ! это пустыя мечты! сказалъ Гриша, снова будоража свои волосы. — И потомъ сказать имъ, не рѣшившись твердо дѣйствовать— это только портить дѣло: они разлучатъ насъ! Теперь, сейчасъ намъ жениться, конечно, невозможно. А потомъ твоя мама увезетъ тебя къ себѣ и тамъ можетъ-быть выдастъ за какого-нибудь совѣтника губернскаго правленія. Въ такомъ случаѣ ужь лучше здѣсь! Здѣсь мы можемъ, по крайней мѣрѣ, видѣться. «Практическая жизнь всегда надѣлаетъ тропинокъ, которыми обходятся препятствія», невольно припомнилось Гришѣ, хотя онъ не повторилъ себѣ всѣхъ словъ Полярскаго.

— Гриня, но выйти за другаго, когда я люблю тебя — вѣдь это ужасно! сказала Веточка и снова припала къ Гришѣ, но уже затѣмъ, чтобы скрыть на его груди полившіяся изъ глазъ слёзы.

Мужчины гораздо трусливѣе женщинъ въ любовныхъ дѣлахъ и болѣе ихъ самихъ боятся за нихъ. При видѣ слёзъ Лизы, Гриша забылъ всѣ доводы: онъ только боялся, чтобы слѣды слёзъ не выдали Веточки.

— Полно, ангелъ мой, полно! сказалъ Гриша, ну еще увидимъ! Еще вѣдь не сватаются за тебя! Можетъ, все это обойдется! говорилъ Гриша и — какъ лучшее средство къ успокоенію — цѣловалъ проборъ волосъ и нѣжный лобъ Лизы. — Полно, не плачь! мама замѣтитъ! А тамъ я кончу курсъ, получу мѣсто и все можетъ устроиться.

Не знаю что болѣе — слова или пересыпающія ихъ прикосновенія — подѣйствовали на Лизу, но головка ея откинулась и полныя слёзъ глаза нѣжно, нѣжно глядѣли на Гришу. Она поспѣшно отерла слёзы, бѣжавшія по щекамъ и нѣжный ротикъ сказалъ:

— О, если бы такъ, Гриня!

Гриня не отвѣчалъ. Онъ нагнулся и счелъ за лучшее извѣстнымъ ему способомъ заставить замолчать этотъ полураскрытый, приподнятый и обращенный къ нему прелестный ротикъ.

— Тссъ! сказалъ онъ и какъ мячикъ отпрыгнулъ отъ Лизы: в

сосѣдней комнатѣ слышались шаги. Лиза брала книгу со стола и напѣвала пѣсенку, когда вошедшій слуга сказалъ:

— Завтракъ поданъ.

Черезъ минуту Лиза одна вошла въ столовую. Гриша нашолъ нужнымъ за чѣмъ-то воротиться въ свою комнату.

— Гдѣ ты была, Вета? спросила ее Анна Павловна.

— Я книгу брала на верху, сказала Лиза, показывая матери книгу, которую несла въ рукѣ. Анна Павловна ни слова не сказала, но подозрительно посмотрѣла на глаза Лизы и предательски нѣсколько покраснѣвшій кончикъ ея носа.

Не много погодя, взошолъ старикъ Махмуровъ, а за нимъ и Гриша. Старикъ нѣжно пожалъ руку кузины, но еще нѣжнѣе ручку племянницы.

— Какъ поживаешь? спросилъ, онъ цѣлуя Лизу въ лобъ.

— Ничего, merci! маленькій насморкъ схватила; но это пройдетъ, отвѣчала Лиза.

— А ты развѣ не въ университетѣ сегодня? спросила Анна Павловна племянника.

— Нѣтъ! У насъ сегодня нѣтъ лекцій, сказалъ Гриша. Но голосъ его совершенно противъ воли былъ какъ-то не рѣшителенъ и онъ чувствовалъ, что смущается. Онъ обратился къ столу и пододвинулъ стулъ.

Всѣ сѣли завтракать, и за затракомъ, кромѣ отлично удавшихся пожарскихъ котлетъ, ничего занимательнаго не было.

Опасеніямъ молодыхъ людей, увы, скоро пришлось исполниться. На другой же день, часовъ около двухъ утра, Елабужскій пріѣхалъ къ Шершановымъ съ самыми ужасными, для чувства влюбленныхъ, намѣреніями. Лиза какъ-будто это угадала. Когда она увидала подъѣхавшій экипажъ, сильно забилось ея сердце и она тотчасъ рѣшилась на сопротивленіе. Она ни слова не сказала матери и вышла.

— Куда ты, Веточка? спросила Анна Павловна. Кажется, кто-то пріѣхалъ!

— У меня что-то голова болитъ мама: я возьму о-де-колона, сказала Лиза и ушла въ свою комнату.

Анна Павловна нѣсколько обезпокоилась и хотѣла было идти за дочерью, но слуга доложилъ о Елабужскомъ и она одна должна была принять гостя. Разумѣется, едва поздоровавшись, Елабужскій спросилъ:

— А Елизавета Николаевна? Здорова?

— Благодарю васъ, она сейчасъ здѣсь была, но что-то жалуется на головную боль. Вѣроятно, сейчасъ придетъ, простодушно отвѣчала Анна Павловна.

Однако жь Лиза не являлась; разговоръ клеился плохо. Хотя Анна Павловна, по душевной простотѣ, и была убѣждена, что Дмитрій Дми-

тричъ питаетъ къ ней лично самое дружеское расположеніе, но все-таки догадывалась, что отчасти и дочь, вѣроятно, привлекаетъ посѣщенія Елабужскаго. Къ тому же нѣкоторыя мечты нѣжной матери, объ устройствѣ участи своей любимой дочери, не были чужды добрѣйшей Аннѣ Павловнѣ, и она, по всѣмъ соображеніямъ, почувствовала потребность вызвать подкрѣпленіе. Она позвонила. Вошла горничная.

— Гдѣ Елизавета Николаевна? спросила она. И — мы должны сказать правду — мысль о томъ — не ушла-ли Лиза на верхъ къ кузену — мелькнула у ней въ головѣ.

— Онѣ въ своей комнатѣ, отвѣчала горничная.

— Скажи ей, что пріѣхалъ Дмитрій Дмитричъ.

— Слушаю-съ, отвѣтила горничная и вышла.

Дмитрій Дмитричъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе на счетъ удивительнаго пѣнія M-me Віардо. Анна Павловна вполнѣ подтвердила его мнѣніе и съ большой искренностью воскликнула:

— Да! удивительно! Но Лиза все не шла.

Но вотъ въ другой комнатѣ зашуршало платье. Дмитрій Дмитричъ обратился къ двери съ пріятной улыбкой; Анна Павловна — съ участіемъ во взорѣ; но, вмѣсто ожидаемой Лизы, вошла горничная. Анна Павловна вспыхнула. «Это просто не позволительно, какъ Аксютка стала крахмалить свои юбки!» была первая мелькнувшая у ней мысль; но другая безпокойная догадка материнскаго сердца сейчасъ смѣнила ее.

— Лизавета Николаевна извиняются, что немогутъ выйти-съ, сказала горничная. — У нихъ оченно голова болитъ.

Анна Павловна смутилась. Она и испугалась нѣсколько: не заболѣла-ли въ самомъ дѣлѣ дочь, и разсердилась: не вздумала-ли Лизочка нарочно велѣть сказать это, чтобы не выйти къ Дмитрію Дмитричу. Подозрѣніе на счетъ кузена и нѣкоторая даже ненависть къ нему зашевелились сильнѣе въ незлобливомъ сердцѣ Анны Павловны.

— Не знаю, что съ ней! Сейчасъ здѣсь была и сказала, что пойдетъ взять о-де-колона! съ полной искренностью, сказала Анна Павловна.

— Онѣ въ постель легли-съ! соболѣзновательнымъ голосомъ прибавила горничная и лицо ея приняло озабоченно-печальное выраженіе.

— Что это съ ней? Вы мнѣ позволите на минутку оставить васъ? сказала Анна Павловна.

— Ахъ, пожалуста! сказалъ Елабужскій и въ знакъ искренности приподнялъ и прижалъ къ сердцу шляпу. — Я боюсь, что я не во время пріѣхалъ!

— Нѣтъ, это вѣроятно такъ! Я сію минуту узнаю.

Анна Павловна, а за ней горничная вышли и Дмитрій Дмитричъ имѣлъ нѣсколько минутъ на размышленія съ самимъ съ собою и осмотръ обой и драпировокъ комнаты.

Между-тѣмъ миніатюрная Анна Павловна быстро направила шаги свои въ комнату дочери.

Она дѣйствительно нашла Лизу въ постели, но лицо дочери вовсе не было блѣдно: напротивъ, оно нѣсколько горѣло.

— Вета, что это съ тобою, дружокъ? подходя къ дочери, спросила Анна Павловна, на половину озабоченно, на половину строго и подозрительно.

— Не знаю, мама! Голова что-то разболѣлась, отвѣчала Лиза и жаръ въ ея лицѣ повидимому увеличился.

— Да какже ты не жаловалась и вдругъ такъ разболѣлась, что и выйти не можешь? довпрашивала Анна Павловна, положивъ руку на лобъ дочери.

— Не знаю, мама! Голова вдругъ кружиться начала, отвѣчала Лиза: — и что-то тошно!

— Однако жь жара никакого! подозрительно глядя на дочь, сказала Анна Павловна.

— Вѣрно я угорѣла, сказала томно Лиза.

— Помилуйте, сударыня, какой угаръ! Я и душниковъ еще не отворяла, возразила горничная. — Это такъ что нибудь!

Крѣпостная горничная Аксинья была очень предана барышнѣ и готова была, въ угоду ей, принять ложную присягу, но не возразить противъ угара было выше ея силъ. Хотя печей она не топила и смотрѣть за ними была не обязана, но извѣстно, что прислуга не можетъ слышать равнодушно и безъ отрицанія, когда господа подозрѣваютъ присутствіе угара.

— Понюхай спирту, сказала въ раздумьи Анна Павловна и вышла. Хотя вопросъ о головной боли остался не разъясненнымъ и сильно занималъ Анну Павловну, но разслѣдовать его ей было некогда.

— Надѣюсь, ничего серьёзнаго? озабоченно спросилъ Елабужскій Анну Павловну, когда та вошла въ гостинную.

— Нѣтъ! Она вѣроятно просто угорѣла, садясь и приглашая садиться гостя, отвѣчала хозяйка.

— Меня это безпокоитъ тѣмъ болѣе, сказалъ мягко и почтительно Елабужскій, что я пріѣхалъ съ великой просьбой, касающейся именно Елизаветы Николаевны. — Я хотѣлъ просить васъ и ее осчастливить меня ея рукой — и Елабужскій почтительно наклонилъ голову.

Краска удовольствія и смущенія выступила на миніатюрномъ личикѣ Анны Павловны.

— Честь, которую вы намъ дѣлаете, отвѣчала, потупясь, Анна Павловна, такъ неожиданна, что я могу теперь васъ только благодарить. Но это будетъ вполнѣ зависѣть отъ Лизы и вы мнѣ позволите посо-

вѣтоваться съ ней и моимъ кузеномъ и дать вамъ отвѣтъ чрезъ нѣсколько дней.

— О, конечно! сказалъ Елабужскій. Но, надѣюсь, вы примите въ соображеніе, что я буду считать не только дни, но часы и минуты въ ожиданіи этого отвѣта. Не позволите ли вы завтра заѣхать мнѣ за нимъ?

— Я бы лучше попросила бы позволенія передать вамъ наше рѣшеніе чрезъ кузена Ивана Григорьевича, сказала Анна Павловна, нѣсколько смущенная внезапной болѣзнію дочери и чуящая, что подъ ней что-то кроется.

— Тѣмъ болѣе, что Лиза, какъ вы видите, не совсѣмъ здорова; а это такой шагъ...

— Разумѣется — и я никакъ не смѣю торопить; но я еще разъ прошу принять во вниманіе мои чувства къ Елизаветѣ Николаевнѣ и нетерпѣніе узнать свою участь, сказалъ Елабужскій, вставая.— Позвольте мнѣ однако жь увезти нѣкоторую надежду, что по крайней мѣрѣ съ вашей стороны я могу ожидать, что не будетъ препятствій?

— Съ моей стороны — нѣсколько жеманясь, сказала Анна Павловна, какъ будто Елабужскій просилъ собственной ея вдовьей руки, а не дочерней — я весьма цѣню честь, которую вы намъ дѣлаете и ничего не имѣю противъ нея кромѣ того, что Лиза еще такъ молода и мнѣ такъ жаль будетъ съ ней разстаться. И у добрѣйшей Анны Павловны при одномъ словѣ разлука — есть эдакія чувствительныя слова, которыхъ иные не могутъ произносить равнодушно — маленькое личико собралось въ комокъ и она приложила платокъ къ глазамъ, изъ которыхъ полились непритворныя слёзы.

— Зачѣмъ же вамъ разлучаться? сказалъ Елабужскій, дѣлая пріятную улыбку: — мой домъ будетъ всегда не только открытъ для матери Елизаветы Николаевны, но и въ ея полномъ распоряженіи...

— Благодарю васъ! всхлипывая сказала Анна Павловна:—но у меня не одна дочь и есть другія заботы.

— Ну! теперь пошолъ осенній дождь! подумалъ Елабужскій. Его естетическое чувство не могло выносить равнодушно вида плачущихъ сорокалѣтнихъ женщинъ и этотъ осенній дождь слёзъ, точно пружина, заставилъ его подняться.

— Такъ вы позволите мнѣ надѣяться? сказалъ Елабужскій, откланиваясь — и Анна Павловна еще утирала носикъ, какъ Дмитрій Дмитричъ, не дождавшись ея отвѣта, съ самой почтительной и любезной улыбкой поспѣшилъ скрыться. Когда Елабужскій ушолъ, Анна Павловна отерла глаза, вздохнула, какъ вздыхаютъ, сваливъ съ плечъ тяжолую ношу, и, осмотрясь — одна ли она въ комнатѣ, подняла глазки къ стоявшему въ углу образу и нѣсколько разъ перекрестилась.

Была ли это просьба къ Творцу Небесному объ устраненіи препятствій или благодарность матери, которой надежды исполняются? Этотъ

вопросъ остается для насъ тайной и можетъ быть угаданъ только матерями, имѣющими дочерей въ порѣ замужства.

Анна Павловна помахала себѣ платкомъ въ глаза, что бы изгладить признаки слёзъ и направилась въ комнату дочери.

Лиза по прежнему лежала на кроваткѣ; но когда Анна Павловна вошла, она замѣтила, что дочь отдернула руку отъ столика, на которомъ лежала вверхъ корешкомъ книга.

— Ну что? какъ ты себя чувствуешь, спросила мать, опять приложивъ руку ко лбу дочери и нѣсколько подозрительно посматривая на нее.

— Ничего, теперь по лучше! отвѣчала Лиза и, какъ будто сознавая опасность и прося снисхожденія, сняла руку матери съ головы и нѣжно поцѣловала ее въ ладонь.

У Анны Павловны сжалось сердце. Она нагнулась къ дочери, поцѣловала ее въ лобъ и сѣла возлѣ нее на кровати.

— Ты нарочно ушла отъ Дмитрія Дмитрича? спросила Анна Павловна свою дочь снисходительнымъ тономъ, вызывающимъ на откровенность.

— Нѣтъ, мамочка, у меня въ самомъ дѣлѣ голова закружилась, покраснѣвъ отвѣчала Лиза: — хотя, по правдѣ сказать, мнѣ не особенно хотѣлось и сидѣть съ Елабужскимъ, прибавила она, чтобы несовсѣмъ солгать.

— Отчего-же — развѣ онъ тебѣ не нравится? нѣсколько тревожно спросила Анна Павловна.

— Не то, чтобы совсѣмъ не нравился, но и нравиться особенно не чему! Что у меня съ нимъ общаго? томнымъ и наивнымъ голосомъ говорила Лиза. — Онъ человѣкъ богатый; знакомство у него блестящее, великосвѣтское... что ему до меня и что мнѣ до него! сказала Лиза.

Послѣднія слова дочери не совсѣмъ пріятно подѣйствовали на Анну Павловну; но она ихъ приписала дочерниной скромности.

— Однако этотъ богатый человѣкъ, съ блестящимъ знакомствомъ, находитъ, что ему есть дѣло до тебя, сказала Анна Павловна, съ нѣкоторой возбуждающей любопытство таинственностью. — Дмитрій Дмитричъ пріѣзжалъ просить руки твоей, невыдержавъ долѣе, сказала она съ скромнымъ торжествомъ.

Сказавъ это, Анна Павловна съ нѣкоторой торжественной гордостью и съ самодовольной улыбкой посмотрѣла на дочь: какъ-будто сама Анна Павловна своими средствами и добродѣтелями сдѣлала побѣду надъ блестящимъ Елабужскимъ.

Но впечатлѣніе, которое произвели слова матери на Лизу совсѣмъ не отвѣчали ожиданіямъ Анны Павловны.

Личико Лизы вдругъ сдѣлалось блѣдно, какъ полотно подушки, на которой она лежала.

— Мама! Зачѣмъ! Не хочу я, мама! Съ какимъ-то испугомъ и ужасомъ, торопливо сказала Лиза и схватила руку матери.

Маленькое личико Анны Павловны, вмѣсто торжественно-благоволящаго и растроганнаго, немедленно приняло, не свойственное ему, выраженіе строгаго удивленія и вся ея маленькая фигурка вдругъ выпрямилась.

— Лиза, что это значитъ? спросила Анна Павловна; но отвѣта не послѣдовало.

— Кажется, дѣвочка въ твоемъ положеніи, продолжала Анна Павловна, должна бы считать себя счастливой, что такой прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ и такой блестящій женихъ дѣлаетъ тебѣ честь, а ты считаешь его какимъ-то пугаломъ?

Лиза молчала.

— Ты развѣ имѣешь въ виду лучшую партію, добавила снова, полуубѣждая, полудопытывая, Анна Павловна.

— Мама, онъ не нравится мнѣ! проговорила Лиза, цѣлуя руку матери, которую та благосклонно предоставила въ ее распоряженіе и, вмѣстѣ, прикрывая этой рукой свое лицо.

— Чѣмъ-же онъ можетъ не нравиться? да и съ которыхъ поръ? Не ты ли еще недавно говорила, что Дмитрій Дмитричъ премилый человѣкъ? допрашивала Анна Павловна.

— Да, какъ знакомый, мама! Отвѣчала Лиза:—но я вовсе не люблю его и чувствую, что не могу любить, какъ мужа.

— Не можешь? Отчего же это? Развѣ ты уже любишь кого?

Анна Павловна сама пришла въ ужасъ отъ своего вопроса. Какъ? ея Вета — этотъ ребенокъ — можетъ быть, уже любитъ! Увы! милѣйшая Анна Павловна не сообразила, что сама она, въ годы Лизы уже клялась въ вѣчной вѣрности кузену Жану, отцу Гриши; а передъ тѣмъ, еще будучи четырнадцати лѣтъ, пылала безнадежной любовью къ французу-танцмейстеру, который пріѣзжалъ въ ту зиму обучать танцовальному искуству дѣвицъ ея города.

Вопросъ былъ поставленъ прямо и неожиданно. Неожиданно, потому-что Лиза сама не рѣшила еще сказать ли ей матери о своемъ выборѣ или умолчать. Послѣ разговора съ Гришей не приведшаго ни къ какому опредѣленному рѣшенію и не оставившему Лизѣ какую-нибудь положительную надежду, Лиза долго думала, что ей дѣлать. Думала она одна, не полагаясь болѣе на мнѣніе и совѣты Гриши, потому-что и онъ и Полярскій — какъ Гриша по крайней мѣрѣ передалъ его мнѣніе — все взвалили на молоденькія плечи Лизы — и ее одну сдѣлали отвѣтственной. «Елизавета Николаевна не выдержитъ лишеній!» «Елизавета Николаевна не выдержитъ борьбы!» «она слабое и хрупкое созданье!» говорили они ей прямо и косвенно, и Лиза приняла ихъ слова къ свѣ-

дѣнію, хотя эти слова и огорчили и обидѣли ее. «Отчего они такъ думаютъ?» говорила она себѣ, «и отчего все сваливаютъ на меня?»

«Да и правы ли они въ своемъ рѣшеніи? Дѣйствительно ли я такъ слаба и неспособна къ борьбѣ?» думалось Веточкѣ.

И вотъ, обдумавъ на единѣ и провѣряя эти слова, Лиза вдругъ приняла было геройское рѣшеніе — сопротивляться. Она, слабое и нерѣшительное созданіе, одна приметъ на себя всю тяжесть борьбы и покажетъ имъ, что умѣетъ любить и не боится жертвъ, хотя бы это ей стоило жизни. Таково было неизмѣнное рѣшеніе Лизы, съ которымъ она наканунѣ заснула; съ этимъ рѣшеніемъ она и проснулась. Но утромъ еще, нѣжась въ постели (Лиза плохо спала эту ночь и проснулась рано: разговоръ, который она имѣла наканунѣ съ Гришей, волновалъ ее), ей пришло въ голову новое соображеніе: «Ну, хорошо! я откажу Елабужскому» думала она: «узнаетъ или не узнаетъ мама о моей любви, но она откажетъ; что же потомъ? [Меня увезутъ въ нашъ губернскій городъ—и тамъ я останусь одна, потому-что не только надежды на соединеніе, но и на свиданіе — Гриша ие оставилъ мнѣ.» Бѣдная Веточка не прозрѣла: она не видѣла эгоизма, слабохарактерности или, пожалуй, благоразумія ея Гриши. Она слишкомъ любила Гриню и вообще была слишкомъ добра, чтобы винить его и видѣть его недостатки; но цѣль, которой она хотѣла достичь своимъ героическимъ рѣшеніемъ, для которой готова была пожертвовать жизнію, отодвигалась и стушевывалась.

«Ну, я имъ докажу: они сознаются, что я умѣю любить и жертвовать», думала Лиза.—«Ну, а потомъ что?»

Къ счастью Лизы, она довоспитывалась дома подъ крыломъ доброй и простодушной матери. Въ ежедневной житейской обстановкѣ губернской жизни ей некогда было предаваться мечтамъ и сдѣлаться идеалисткой. Наши провинціальныя барышни — какое бы воздушное созданіе не представляли онѣ собою — всегда имѣютъ практическую жилку и смыслъ: онѣ слишкомъ близко и часто видятъ своими глазами всѣ мелкія складки и нити жизни, чтобы серьёзно уноситься въ небеса идеализма — и Лиза не была исключеніемъ. Она была милое, лелѣянное и прелестное дитя и осталась такой же дѣвицей. Жизнь не налегала на нее грубой рукой; но она и не проходила мимо ее гдѣ-то тамъ, за каменными стѣнами института, а шла передъ ней во всей обыденной и часто весьма разоблаченной обстановкѣ. Отъ этого Лиза, послѣ перваго порыва и героическаго рѣшенія, проснулась съ освѣжонной головой и задала себѣ вопросъ:

— Что же потомъ?

А это «потомъ» не обѣщало ничего: оно даже не было прикрыто мракомъ неизвѣстности или скрашено просвѣтомъ надежды. Нѣтъ!

Гриня ничего не обѣщалъ. Онъ не сказалъ ей не только «будемъ бороться вмѣстѣ», онъ не сказалъ даже: «жди!» Лиза припомнила это — и геройское рѣшеніе ея поколебалось; однако она не бросила его еще вовсе; она не рѣшилась ни на что, когда вопросъ матери грозно сталъ передъ ней. Тогда бѣдная Веточка, застигнутая въ расплохъ, сдѣлала то, что дѣлаетъ — говорятъ — страусъ, когда не хочетъ видѣть опасности, что сдѣлалъ вчера Гриша, что дѣлаютъ всѣ нерѣшительные люди: они отворачиваются, закрываютъ глаза и ждутъ, что выйдетъ.

Но отвѣчать было однако же надо — и Лиза отвѣтила, какъ отвѣчаютъ обыкновенно, когда не хотятъ сказать ни да, ни нѣтъ.

— Мама, мнѣ кажется, Дмитрій Дмитричъ мнѣ не пара! Онъ привыкъ вращаться въ высшемъ кругу, котораго я не знаю; онъ... онъ вдовецъ и гораздо старѣе меня. И потомъ онъ такой богатый и свѣтскій — у него пріемные дни — онъ будетъ требователенъ... и я боюсь его!

У Анны Павловны какая-то тяжесть отлегла отъ сердца: она боялась болѣе опаснаго препятствія и болѣе рѣшительнаго отвѣта.

— Все это пустяки, дружочекъ! нѣжно сказала она. — Тебѣ Богъ посылаетъ партію, о которой я для тебя не смѣла и мечтать. И потомъ ты не забудь: наше состояніе зависитъ отъ выигрыша процесса; у тебя братья, сестры. Кромѣ того, что мнѣ будетъ тяжело содержать и вывозить васъ всѣхъ, когда подростутъ другія — ты, замужемъ за Дмитріемъ Дмитричемъ (Анна Павловна боялась даже въ своей семьѣ такого важнаго человѣка, да еще снисходящаго до ея дочери, называть запросто по фамиліи) можешь быть полезною всѣмъ намъ, составить счастье всей семьи. Подумай объ этомъ, дружокъ.

Лиза ничего не отвѣчала на это: она опрокинулась лицомъ въ подушку и заплакала.

— Успокойся, милочка моя! Обдумай все — и ты увидишь, что намъ надо благодарить Бога за такое счастіе. Отдохни, приходи къ обѣду, посовѣтуйся съ дядей и рѣши, нѣжно говорила Анна Павловна. — Ну что твоя голова? добавила она.

— Ничего! чуть слышно отвѣчала Лиза, не поднимая лица.

— Отдохни, успокойся дружочекъ! голосомъ разстроганной матери сказала Анна Павловна, наклонилась, поцѣловала Веточку въ голову и тихо вышла.

Лиза долго плакала, плакала ни о чемъ не думая: ей просто хотѣлось плакать. Потомъ у ней дѣйствительно отяжелѣла голова и она забылась. Ее привелъ въ себя приходъ горничной.

— Маменька приказали доложить, что кушать подано, сказала Аксинья.

— Кто у насъ? томно спросила Лиза.

— Никого-съ! Только Иванъ Григорьичъ и Григорій Иванычъ. При имени Григорія Иваныча — Лиза покраснѣла.

— Попроси извинить меня: скажи, что мнѣ не здоровится! Отвѣтила Лиза. Ни за что въ мірѣ, она не хотѣла бы теперь видѣть Гришу при свидѣтеляхъ и, можеть-быть, при немъ слушать о предложеніи и давать отвѣтъ на него.

Вскорѣ, вмѣсто горничной, вошла сама Анна Павловна.

— Что ты, Веточка? Не больна ли ты въ самомъ дѣлѣ, съ участіемъ сказала мать и снова приложила руку ко лбу Лизы. На этотъ разъ дѣйствительно лобъ былъ горячъ и нѣсколько влаженъ.

— Ничего, мама! Дай мнѣ отдохнуть! томно сказала Лиза.

— Ну, хорошо, ангелъ мой! Я тебѣ пришлю сюда обѣдъ: поѣшь подкрѣпи себя!

Анна Павловна снова поцѣловала Лизу въ голову и вышла.

Чрезъ нѣсколько минутъ горничная принесла приборъ и супъ.

— Покушайте, сударыня! Нѣжно и съ соболѣзнованіемъ сказала Аксинья: — покушайте, матушка, на здоровье — можетъ лучше станетъ, говорила она, прислуживая. По заплаканнымъ глазамъ Лизы, по переговорамъ вслѣдъ за посѣщеніемъ Елабужскаго, котораго давно уже прислуга прочила въ женихи «барышнѣ», можетъ-быть и по отношеніямъ барышни къ молодому барину, которыя до нѣкоторой степени угадывала горничная, преданная Аксинья видѣла, что ея барышня больна болѣе сердцемъ, чѣмъ головою и удвоила къ ней вниманіе и нѣжность.

Послѣ обѣда Анна Павловна снова вошла къ дочери.

— Веточка, дядя хочетъ видѣть тебя, сказала Анна Павловна: — можно ему войти?

— Ахъ, нѣтъ, мама! томно сказала Лиза, но въ это же время голосъ Ивана Григорьича послышался у двери.

— Можно? спросилъ онъ, слегка постучавъ въ дверь, какъ это обыкновенно дѣлается за границей.

— Полно, дружокъ, прими дядю: онъ тебя такъ любитъ, вполголоса сказала дочери Анна Павловна и въ то же время громко проговорила кузену:

— Можно! Войдите!

Вслѣдъ за симъ отворилась дверь и Иванъ Григорьичъ съ нѣжной улыбкой подошолъ къ Лизѣ.

— Ну что? Мы немножко разстроены! Сказалъ онъ цѣлуя головку племянницы. Это ничего! Это всегда такъ бываетъ! Но маленькія непріятности не должны мѣшать большому удовольствію. Такъ что-жь, можно поздравить? Говорилъ онъ, усаживаясь противъ Лизы и взявъ ея руку.

— Дядя! мнѣ нехочется! Помоги мнѣ, дядя! сказала Лиза и заплакала.

— Полно, ангелъ мой! полно! Ну, поговоримъ серьёзно! началъ дядя. И затѣмъ пошло повтореніе тѣхъ же простыхъ, обиходныхъ и общеизвѣстныхъ совѣтовъ, которые всегда даются въ извѣстныхъ случаяхъ и слывутъ благоразумными, хотя въ сущности не отличаются отъ коснаго крестьянскаго «такъ дѣлали наши отцы и дѣды» и ровно столько же имѣютъ смысла. Человѣкъ почтенный и доброжелательный, родившійся съ своимъ особымъ характеромъ, темпераментомъ, иногда взросшій въ иныхъ привычкахъ и требованіяхъ, составитъ себѣ понятіе о какомъ-нибудь удобствѣ, счастіи — и изъ кожи лѣзетъ, чтобы навязать это же понятіе не только своимъ ближнимъ, но и всѣмъ дальнимъ. Точно такъ поступаетъ девять сотъ девяносто девять тысячъ девять сотъ девяносто девять человѣкъ изъ милліона, такъ поступала Анна Павловна, такъ поступалъ и Иванъ Григорьичъ. Лиза привела дядѣ единственный и — по здравому смыслу — неопровержимый доводъ, что ей Елабужскій не нравится; но Иванъ Григорьичъ ей сталъ краснорѣчиво доказывать, что такой человѣкъ, какъ Дмитрій Дмитричъ не можетъ не нравиться, хотя бы уже по одному различію пола съ племянницей: казалось, почтенный Иванъ Григорьичъ никакъ не могъ понимать чувствъ дѣвушки, которой предлагаютъ въ мужья не нравящагося ей человѣка. На его доказательства Лиза и не возражала, а только плакала, потому-что и возражать-то собственно, кромѣ высказаннаго, было нечего. Дѣвушка говоритъ «не нравится», а ей имѣютъ нелѣпость доказывать, что не можетъ не нравиться, а такъ-какъ, за неимѣніемъ возраженій, Ивану Григорьичу нечего было и опровергать, то роль возражателя или, лучше сказать, отвѣчателя, какъ въ старину на семинарскихъ диспутахъ, приняла на себя, вмѣсто дочери, Анна Павловна.

— Вотъ Вета говоритъ, что Дмитрій Дмитричъ человѣкъ свѣтскій и привыкъ къ блестящему обществу, котораго она не знаетъ, передавала Анна Павловна и затѣмъ прибавляла: — а я говорю ей... и пересказывала свои возраженія. Еще не успѣвала добрѣйшая Анна Павловна перечислить всѣ эти возраженія, какъ ихъ подхватывалъ дядя и прибавлялъ къ нимъ свои, казавшіяся ему неопровержимыми, доказательства тому, что замѣчаніе Лизы не совсѣмъ вѣрно или, если и совсѣмъ вѣрно то все-таки нисколько не мѣшаетъ браку.

— А вотъ опять Веточка находитъ, что Дмитрій Дмитричъ старъ для нее! начинала Анна Павловна, какъ скоро видѣла, что запасъ дѣлаемыхъ возраженій противъ перваго тезиса, начиналъ оскудѣвать. — А я ей говорю, продолжала Анна Павловна — и за тѣмъ подробно передавала всѣ доказательства молодости излюбленнаго жениха и какъ скоро Иванъ Григорьичъ замѣчалъ, что кузина начинаетъ тощать доводами — онъ подхватывалъ ея рѣчь и свѣжимъ запасомъ доказа-

тельствъ подтверждалъ, что Дмитрій Дмитричъ чуть ли не слишкомъ еще молодъ для Лизы, а если не молодъ, то опять-таки тѣмъ лучше.

Пренія въ этомъ родѣ продолжались долго. Доказывающіе до такой степени вошли въ свою роль, что, кажется, забыли уже, что имѣли цѣлью навязать бѣдной дѣвочкѣ свой взглядъ, а испытывали наслажденіе въ самомъ процессѣ убѣжденія и продолжали его, какъ любители-пѣвцы, которые, по мѣрѣ того, какъ замѣчаютъ, что спѣвка идетъ лучше и согласнѣе, тѣмъ съ большимъ и большимъ азартомъ предаются двуголосному пѣнію.

Анна Павловна, когда перечла не многочисленныя возраженія, сдѣланныя ей Лизою и, купно съ кузеномъ, какъ ей казалось, вполнѣ побѣдоносно опровергла ихъ, то начала дѣлать примѣрныя возраженія отъ себя.

— Конечно, можно найти, что Дмитрій Дмитричъ — «то-то и то-то», говорила она, «но» и она опровергала, что онъ вовсе не то-то и то-то, а что это только такъ можетъ казаться неопытной дѣвочкѣ; а когда утомлялась доказательствами, то ихъ опять подхватывалъ Иванъ Григорьичъ. Затѣмъ, когда Анна Павловна перебрала всѣ возраженія, которыя не только дѣлала Лиза, но и сама она придумала за нее, Иванъ Григорьичъ началъ, въ свою очередь, дѣлать за племянницу свои возраженія.

— Конечно, можно найти, что у Дмитрія Дмитрича подъ мягкими манерами крутой характеръ, замѣчалъ онъ, «но» и Иванъ Григорьичъ доказывалъ, что у Дмитрія Дмитрича собственно не крутой, а твердый характеръ и когда это доказалъ, то тоже подтвердила, хотя слабо и очевидно не приготовившись, но по мѣрѣ силъ и усердія, и Анна Павловна. Справедливость требуетъ замѣтить, что Иванъ Григорьичъ, какъ человѣкъ гораздо ближе, чѣмъ Анна Павловна, знавшій Елабужскаго, былъ гораздо разнообразнѣе своей кузины въ выборѣ темъ и находилъ возраженія противъ брака несравненно болѣе вѣскія и такія, которыя не только Лизѣ, но и самой Аннѣ Павловнѣ даже и въ голову не приходили. Въ своемъ рвеніи исчерпать предметъ до дна, уважаемый Иванъ Григорьичъ зашолъ такъ далеко, что даже упомянулъ о слухахъ на счетъ близкихъ отношеній Дмитрія Дмитрича къ нѣкоей Минѣ Антоновнѣ — особѣ въ то время весьма извѣстной, но о которой не только Лиза разумѣется, но и Анна Павловна не имѣли никакого понятія, и хотѣлъ и противъ этого слуха возразить нѣчто тоже побѣдоносное, но тутъ Анна Павловна, вмѣсто поддержки, нашлась вынужденною толкнуть кузена ногой подъ стуломъ и онъ, вмѣсто всѣхъ объясненій, смутясь, пробормоталъ только: «все это вздоръ».

На этомъ послѣднемъ, какъ будто самомъ главномъ и окончательно-ниспровергающемъ всѣ препятствія, обстоятельствѣ, обрядъ убѣж-

денія — да, это былъ старинный, унаслѣдованиный отъ предковъ, обрядъ! — былъ торжественно законченъ — и утомленный дядя, а за нимъ и Анна Павловна встали со своихъ сѣдалищъ. На Лизу всѣ эти доводы не произвели, разумѣется, ни малѣйшаго впечатлѣнія и не переубѣдили ее ни на одну точку: она даже ихъ почти не слыхала, а изъ того, что слышала, могла только убѣдиться, что Елабужскій несравненно хуже того, чѣмъ ей казался и что противъ брака съ нимъ есть возраженія, даже съ точки зрѣнія ея противниковъ, гораздо болѣе вѣскія, нежели она знала и умѣла привести въ свое оправданіе. Но Лиза и ими не воспользовалась. Она просто была истомлена, задавлена этой массой зауряднаго мусора благоразумныхъ совѣтовъ и мнѣній, которую навалили на нее съ самыми нѣжными и доброжелательными намѣреніями родственныя руки, горячо любящихъ ее — матери и дяди. Лиза ихъ не взвѣшивала, не опровергала; они для нее имѣли, правда, нѣсколько двусмысленную въ глазахъ всякаго молодаго поколѣнія, но условную цѣнность родительскихъ совѣтовъ добрымъ дѣтямъ, дѣлаемыхъ, какъ по обряду, въ извѣстныхъ случаяхъ. Да и Лиза, слушая ихъ, кажется, тоже исполняла только извѣстную обрядность. Если бы она твердо рѣшилась сопротивляться, то рѣшимость ея всѣми этими заготовленными на всѣ мѣрки, какъ готовое платье, доводами, нисколько, конечно, не была бы ослаблена. Но она, выказывая сопротивленіе, напередъ почти не сомнѣвалась, что каково бы оно не было, изъ него ничего не выйдетъ. Она слабо только надѣялась, что можетъ-быть непредвидѣнное свободомысліе и нѣжная прозорливость матери какъ нибудь нечаянно придутъ сами на помощь къ ней. Но, увы, ни смѣлостью и независимостью мнѣній, ни полнотою терпимости ко мнѣніямъ молодыхъ людей Анна Павловна больна не была и Лиза, тоже слабое и негрѣшащее своеобразной силой, хотя и прелестное существо, чувствовала, что сопротивленіе ее есть собственно обрядъ, который она, ради любви своей, должна была выполнить, а что кончится оно, да и должно кончиться, согласіемъ. И Лиза дѣйствительно какъ бы соглашалась своимъ молчаніемъ, этимъ обыкновеннымъ согласіемъ нерѣшительныхъ людей, и Иванъ Григорьичъ и Анна Павловна совершенно поняли этотъ сродный имъ языкъ.

— Такъ кончено? Мы будемъ благоразумны и не станемъ упрямиться противъ собственнаго счастья? сказалъ Махмуровъ. — И такъ, прими мои поздравленія, а я пойду обрадую жениха. И онъ обнялъ Веточку и поцѣловалъ ее въ голову.

— Дядя! послѣднимъ усиліемъ чуть двигающейся воли, съ моленіемъ о защитѣ, сказала Лиза.

— Ну, да, дядя, который желаетъ тебѣ счастья и твердо увѣренъ въ немъ! сказалъ Иванъ Григорьичъ. — И такъ дѣло кончено! Счастье

не приходитъ два раза и его надо ловить, мой другъ, позабывъ женскія причуды, сказалъ онъ наставительно и вышелъ.

Анна Павловна сама пролила слезу счастья, обняла дочь и горячо поцѣловала ее. Вмѣсто отвѣта, Лиза выразила было намѣреніе расплакаться истерически, но слабенькая Анна Павловна и боялась этихъ слезъ, и хотѣла еще сказать два слова Ивану Григорьичу — и потому она только торопливо проговорила:

— Успокойся, успокойся, мой другъ! и, утирая слёзы, вышла къ кузену.

Иванъ Григорьичъ поджидалъ ее въ гостинной.

— Ну, кончено! Поздравляю тебя, кузина! И онъ поцѣловалъ братскимъ поцѣлуемъ Анну Павловну. Если бы они, эти нравоучители, вспомнили при этомъ, какими поцѣлуями обмѣнивались они двадцать лѣтъ назадъ, то можетъ-быть въ нихъ шевельнулось бы сомнѣніе — хорошо-ли они дѣлаютъ, убѣждая выйти молоденькую дѣвушку, противъ желанія, за человѣка, ей ни въ чемъ не парнаго? Но ничего въ ихъ озабоченныхъ сердцахъ не шевельнулось; а если бы и вспомнили они свое прежнее чувство, то, пропитанные житейской опытностью, взглянули бы на него, какъ на юношескую шалость. «Мы вѣдь не умерли отъ разлуки и ничего отъ нея особенно печальнаго не произошло!» подумали бы они.

— Я поѣду обрадовать Дмитрія Дмитрича, сказалъ Иванъ Григорьичъ, обнаруживая намѣреніе идти.

— Не подождать ли, другъ мой, чувствуя нѣкоторую совѣстливость передъ дочерью, возразила Анна Павловна, впадая въ давно забытую къ кузену нѣжность.

— Чего тутъ ждать! Напротивъ! Чѣмъ менѣе церемониться въ этомъ случаѣ съ... (вами, чуть было не сорвалось у него съ языка) съ молоденькими дѣвочками тѣмъ лучше! сказалъ Иванъ Григорьичъ.

— Когда Лиза узнаетъ, что все кончено, она сама будетъ довольна и спокойнѣе. Если увижу Дмитрія Дмитрича, я скажу ему, рѣшилъ Махмуровъ, которому страстно хотѣлось первому обрадовать Елабужскаго счастливымъ извѣстіемъ.

— Но я, признаюсь, не ожидалъ отъ Лизы такого упрямства! сказалъ Иванъ Григорьичъ, пріостанавливаясь въ дверяхъ и вопросительно взглянувъ на Анну Павловну.

— Да и я не ожидала, робко отвѣтила Анна Павловна и покраснѣла.

И въ это время одно и тоже объясненіе вдругъ обоимъ пришло въ голову и въ то же время сходство положеній ярко и мгновенно вызвало предъ ними картину ихъ прошлаго. Отъ этого потупилась и покраснѣла Анна Павловна и маленькое сердечко ея сильно забилось.

Отъ этого самодовольно и снисходительно улыбнулся самъ себѣ Иванъ Григорьичъ и съ гордой улыбкой поспѣшилъ выйти.

По уходѣ кузена, болѣе чѣмъ когда-нибудь, Аннѣ Павловнѣ стало жаль своей милой Веточки и предъ ней съ неожиданной силой встало сомнѣніе: «не лишаетъ-ли она любящую дочь горячо желаннаго, ея собственнаго, а не придуманнаго для нее счастья?»

Но Анна Павловна вспомнила, что дѣло почти сдѣлано и обсуждать съ новой стороны такой тяжолый и трудно-рѣшенный уже вопросъ черезъ чуръ рискованно и утомительно. Добрая мать поспѣшила замять пробуждавшіеся въ ней укоры и, какъ послѣднее и успокоивающее дѣйствіе, подняла глаза къ образу, перекрестилась и, тяжело вздохнувъ, сказала:

— Да будетъ воля Твоя!

Затѣмъ она пошла къ Лизѣ, чтобы поплакать съ ней и успокоить ее, сообщивъ, что уже дѣло сдѣлано и Иванъ Григорьичъ поѣхалъ къ Елабужскому съ отвѣтомъ. Она это и выполнила.

Лиза плакала горько на груди матери и потомъ плакала, упавъ на подушку и плакала до тѣхъ поръ, пока не утомилась и не забылась или притворилась въ забытьѣ. Тогда Анна Павловна тихо встала, отерла глаза, перекрестила тихонько дочь и сама, крестясь и отрадно вздыхая, тихо вышла, совершенно успокоенная: она была убѣждена, что исполнила вполнѣ обязанность доброй и любящей матери, для которой дорого счастье дочери. Она только не приняла въ соображеніе, какъ всѣ любящіе дѣлать другихъ счастливыми по собственному вкусу, что это счастье семнадцати-лѣтней дочери она выкроила на свой сорока-лѣтній станъ.

М. Авдѣевъ.

ЛЕГЕНДА О ТЯЖКОЙ НОЧИ *).

(NOCHE TRISTE.)

Сѣлъ на камень старый инокъ
Подъ густою тѣнью лавра,
А кругомъ его монахи
Размѣстились какъ попало.
Торопился каждый слушать:
Не рѣчистъ былъ братъ Франциско...
А багровый лучъ заката
На стѣнахъ аббатства гаснулъ
И надъ дальними горами
Ужь сгущался свѣжій сумракъ.
Но свѣтлѣй луча златого
Разгорѣлись очи старца —
И *туманъ воспоминанья*
Разостлался надъ чертами
Истомленнаго лица.
Какъ портреты блѣдныхъ братій
Съ ярко-чорными глазами
На рибейровыхъ картинахъ,
Такъ глядѣлъ угрюмый старецъ,
И, усѣвшись, поднялъ голосъ
Ужь отвыкшій отъ рѣчей.

«Было время! было время!
Съ Конквистадоромъ **) великимъ

*) Это прекрасное стихотвореніе покойнаго Александра Васильевича Дружинина, относящееся къ послѣднему періоду его литературной дѣятельности, сообщено Н. В. Гербелемъ.

**) Conquistador (завоеватель) — имя данное Кортесу его воинами и утвержденное за нимъ испанскими историками.

Мы прошли, по вражьимъ трупамъ,
Въ Мехиканскую долину.
Мы столицу взяли съ бою,
Разметали супостатовъ
И на мѣстѣ жертвъ поганыхъ
Водрузили Вѣчный Крестъ.
И взвилось Кортеса знамя
Надъ символомъ Искупленья,
И закованные въ броню
Размѣстились часовые
Вдоль по плоскимъ кровлямъ храма.
Шесть отъ храма шло широкихъ,
Шесть широкихъ, длинныхъ улицъ;
Шесть съ площадки нашихъ пушекъ
Грозно въ каждую глядѣло.
Шесть вождей на коняхъ сильныхъ
День и ночь держали стражу.
Съ обнаженными мечами,
Словно конныя статуи,
По шести бойцовъ надежныхъ
Сзади каждаго стояло.
Не разстегивались латы,
Не гасились фитили.

«И когда вожди смѣнялись,
Наступало время пира
Дѣлежа и ликованья.
Сколько злата, сколько камней,
Сколько плѣнницъ черноглазыхъ!...
И забылъ кастильскій воинъ
Что для славы, что для Бога
Вёлъ его Святой Іаковъ
По костямъ враговъ убитыхъ,
По горамъ и по морямъ!
Но бойцы Кортеса слѣпли,
Отдавалися разгулу—
И прогнѣвался Святитель
И наслалъ на насъ бѣду.

«Вотъ однажды въ часъ вечерній
Часовые задремали,
Утомяся наблюденьемъ;

Капитаны слѣзли съ сѣдель;
На станкахъ у пушекъ длинныхъ
Прикорнули пушкари.
Я одинъ не спалъ въ тотъ вечеръ,
Не разстегивалъ кольчуги,
Не слагалъ мушкета на̀ полъ,
А, склонившись на колѣно,
День молитвою кончалъ.
Вдругъ я слышу звонкій голосъ:
«Что ты дремлешь, вѣрный воинъ?»
И, привставши, я увидѣлъ
Лучезарное видѣнье:
Черноглазая дѣвица,
Иль скорѣй младенецъ-дѣва,
Съ слѣдомъ смертныхъ мукъ на ликѣ,
Съ свѣжей пальмой въ дѣтской длани
И сіяньемъ вкругъ главы.
Я припалъ челомъ на землю;
Духъ мой занялся восторгомъ
Сердце вѣщее сказало:
То Викторія Святая!
«Встаны!» опять она сказала:
«Ты буди бойцовъ лѣнивыхъ,
«Ты бѣги скорѣй къ Кортесу!
«Погляди на вражій городъ:
«Горе воинамъ Креста!»

«Я взглянулъ передъ собою,
Я вскричалъ, что было силы:
Горе! изъ широкихъ улицъ,
Словно шесть великихъ змѣевъ,
Изгибаясь и сверкая,
Рать невѣрная ползла.
Встрепенулись часовые
Похваталися за латы —
Поздно, поздно: съ дикимъ воплемъ
Врагъ на пушки побѣжалъ.
Шесть разъ пушки загремѣли,
Шесть широкихъ, чорныхъ скважинъ
Въ сонмѣ недруговъ мелькнуло,
Но слилась толпа ихъ снова —
И пошолъ бой рукопашный.

Не бояся подозрѣнья,
Я товарищей покинулъ
Во дворецъ, гдѣ жилъ Эрнандо,
Я вбѣжалъ съ мечемъ и въ шлемѣ.
Я засталъ его готовымъ —
Передалъ ему посланье.
Мы взошли на кровлю храма,
Гдѣ вокругъ Креста святого
Пріютилися друзья.
Тамъ, безъ коней и безъ пушекъ,
Рать кортесова собралась,
А враги ее тѣснили
И кидались на проломъ.

«Сталъ великій Конквистадоръ,
Ноги мощныя раздвинулъ
И обѣими руками
Мечъ поднялъ надъ головою.
Имъ ударилъ онъ съ размаха
По переднимъ мехиканцамъ.
Съ одного удара трое,
Трое воиновъ упало,
Разскочился рядъ передній
И завыла вся толпа.
Какъ на наковальню молотъ
Мѣрно, тяжко и спокойно
Опускаетъ оружейникъ,
Такъ со взмаху мечъ Кортеса
Опускался на враговъ.
Три стѣны кровавыхъ труповъ,
Три горы враговъ убитыхъ
Поднялись надъ исполиномъ
Справа, слѣва, даже сзади;
А ужь спереди Эрнандо,
Словно валъ, враги лежали
И давно ужь изъ за труповъ
Видѣнъ былъ лишь мечъ двуострый,
Да шишакъ вождя желѣзный,
Да перо на шишакѣ.

Два часа надъ бездной бились,
А пожаръ кипѣлъ подъ нами:

Какъ кровавымъ океаномъ
Залилися храмъ и городъ.
Краснымъ пламенемъ пожара
Озаренный донъ-Эрнандо
Два часа рукой могучей
На земь недруговъ кидалъ.
Отшатнулись супостаты,
Отошли они на площадь —
И воздвигся Конквистадоръ,
На стѣнѣ горящей стоя,
Словно сосна вѣковая
Средь низверженныхъ дубовъ.
И схватилъ онъ Крестъ Господень,
И знакомый голосъ подалъ —
И на зовъ его громовый
Рать ослабшая собралась.
Мы сбѣжали по ступенямъ,
Мы собрались передъ храмомъ:
Десять разъ, какъ клинъ желѣзный,
Мы вбивались въ супостата,
Десять разъ путемъ кровавымъ
Отступали мы ко храму.
Наконецъ сказалъ Эрнандо:
«Не сломить Господня гнѣва!»
И повелъ насъ дальше, дальше,
Городъ недругамъ оставивъ,
Гдѣ ворота городскія
Возвышалися вдали.

«Какъ на Сѣверѣ далекомъ,
При сіяньи *красной ночи* *),
Черезъ лёдъ, его замкнувшій,
Прорубаетъ мореходецъ
Ненадежную тропу,
Такъ и мы, сомкнувшись дружно,
Подъ дождёмъ изъ стрѣлъ и копій,
По рѣкѣ огня и крови,
Сквозь чащу изъ супостатовъ,
Путь прокладывали свой.

---

*) Сѣверное сіяніе. Испанецъ сравниваетъ извѣстное отступленіе Кортеса съ путемъ мореходовъ сквозь льды Сѣвернаго Океана — картина, ужаснѣе которой ничего не могла создать фантазія жителя южныхъ странъ.

Типографія Н. Н. Глазунова.

Пять часовъ мы шли такъ тихо,
Какъ разслабленные ходятъ,
Каждый шагъ потокомъ крови
И бѣдою покупая.
Изнурился каждый воинъ;
Погибали отсталые:
И друзей мы зрѣли гибель,
И мы слышали ихъ крики —
И рвалося сердце наше,
И томилася душа.

«Проходила ночь лихая,
Зашатался сѣрый сумракъ.
Путь не долгій оставался.
Утомясь, притихнулъ врагъ.
Но когда зарёю алой
Зарумянилися горы,
Безпредѣльная усталость
Оковала наши члены.
Тяжело вздохнулъ Эрнандо,
Опустилъ по бёдрамъ руки
И желѣзныя колѣни
Подогнулися подъ нимъ.
И упалъ онъ на колѣно,
Предъ собою мечъ воткнувши,
А руками крѣпко стиснувъ
Крестъ, что былъ на рукояти.
И приподнялъ онъ забрало,
И вскричалъ, что было силы:
«Кто изъ старшихъ живъ остался?»
Не отвѣтилъ ни единый,
Ни единый изъ испанцевъ:
Голоса у насъ отнялись,
Отнялися руки наши —
И поникнулъ Конквистадоръ
Богатырской головой.

«Но смягчились Силы Неба
Надъ тоскою полководца —
И увидѣлъ каждый воинъ
Несказàнное сіянье
Вкругъ поникшаго вождя:

Между нами и врагами,
Словно ангелъ лучезарный,
Поднялась младенецъ-дѣва,
Съ слѣдомъ смертныхъ мукъ на ликѣ
И сіяньемъ вкругъ главы.
И съ младенческой улыбкой
Подошла она къ Кортесу,
На трепещущія плечи
Оперлась рукою нѣжной,
Тихо сняла шлемъ тяжолый —
И разсыпалися кудри
По желѣзному оплечью.
И въ глаза вождю съ улыбкой
Дѣва свѣтлая взглянула,
И, нагнувшись надъ безстрашнымъ,
Кудри тёмные раздвинувъ,
Прикоснулася устами
Къ помертвѣвшему челу...

«И вскочилъ Кортесъ Великій,
И окрѣпнулъ каждый воинъ,
И воздвиглась злая сѣча,
Недоступная разсказу,
Безпримѣрная дотоль,
Шолъ могучій Конквистадоръ,
Сокрушая рядъ за рядомъ,
Будто столпъ огня и дыма,
Что въ пустыняхъ аравійскихъ
Вёлъ народъ, избрàнный Богомъ,
Въ край назначенный ему.
И бойцы Европы цѣлой
Не сломили бъ донъ-Эрнандо
Въ мигъ, какъ онъ, съ ужаснымъ крикомъ,
Наступалъ на супостата,
Воздвигая мечъ тяжолый,
Освященный солнцемъ алымъ,
Озаренный краснымъ пламемъ,
Будто въ латахъ изъ огня.
И погнулся врагъ невѣрный,
Изумленный, всколыхался
И, погнувшись, разступился —
И прошли мы ворота̀.

«Тамъ, въ пустомъ и чистомъ полѣ,
Не бояся нападенья,
На размётанныхъ ступеняхъ
Съ бою занятаго зданья
Сѣлъ въ молчаньи донъ-Эрнандо,
Долго глядя какъ рядами
Имъ спасенная дружина
Проходила предъ вождемъ —
И смотра того грустнѣе
Не увидѣть полководцу!
Понапрасну зоркимъ глазомъ
Онъ искалъ вождей смѣлѣйшихъ,
Долго бившихся съ нимъ рядомъ,
Сердцемъ преданныхъ Кортесу.
Тщетно взглядъ свой соколиный
Устремляя межь рядами,
Онъ искалъ бойцовъ надежныхъ,
Онъ искалъ друзей любимыхъ
Средь израненной толпы.
Задыхаясь и колеблясь,
Мы брели, какъ бы хмѣльные,
Поливая слѣдъ свой кровью,
Безъ коней и безъ мушкетовъ,
Безъ знаменъ своихъ и пушекъ,
А изрубленныя латы
И спускались и звенѣли
И качались на бойцахъ.

«И когда прошолъ послѣдній
Безъ пера на шлемѣ воинъ,
Отвернулся донъ-Эрнандо
И закрылъ лицо руками —
И струя изъ слёзъ горючихъ,
Проскользнувши подъ перчаткой,
По желѣзу потекла.

А. Дружининъ.

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ.

Шолъ 1776 годъ; умы всѣхъ были еще полны тревожною памятью о Пугачевѣ — и въ это самое время сенатъ получаетъ рапортъ архангельскаго губернатора отъ 7-го іюля: наканунѣ 20-го іюня вечеромъ разбойники, человѣкъ больше 20, вооруженныя пришли въ Водожскую волость въ деревню Телешово, вотчину подполковника Михайлы Зубова, вломились въ домъ старосты, били его, взяли двѣ винтовки, порохъ, забрали разные его пожитки, а у крестьянъ — хлѣбъ, и объявили старостѣ, что они ходятъ по три партіи, человѣкъ больше 60, говорили, чтобъ крестьяне обращались съ ними ласково, иначе они сожгутъ деревню. Изъ Телешова пошли къ сельцу Селивестрову и 20-го іюня пришли въ домъ къ помѣщику поручику Яндогурову. Самого помѣщика не было дома. Разбойники прибили людей, взяли ведро вина и печенаго хлѣба, сколько могли найти, и сказали, что идутъ въ походъ, будутъ обратно и хотятъ сдѣлать то̀, что сдѣлалъ Пугачевъ. Въ то же время за рѣкой Согожью видна была въ лѣсу другая партія, многочисленнѣе той, что была въ домѣ Яндогурова. Погоня за разбойниками не послана, потому-что обыватели находятся отъ нихъ въ такомъ страхѣ, что никуда выйти не смѣютъ, а другіе не объявляютъ, что разбойники къ нимъ приходили.

Приняты были мѣры: московскій генералъ-губернаторъ князь Михаилъ Никитичъ Волконскій велѣлъ отрядить на сѣверъ три эскадрона и подвинуть одинъ баталіонъ; также предписалъ полку, квартирующему въ Рязани, принять мѣры предосторожности. Потемкинъ, по этому случаю, писалъ императрицѣ: «Шайка воровская можетъ-быть и вправду достойна уваженія и довольно князь Волконскій принялъ мѣръ отрядомъ трехъ эскадроновъ и приближеніемъ одного баталіона; но что онъ предписалъ въ Рязань квартирующему полку, сіе мнѣ кажется больше надѣлаетъ шуму и привязокъ со стороны воинской команды. Ежели тамъ еще воровъ нѣтъ, то по сему предписанію доискиваться будутъ. Матушка государыня, я такъ думаю.» Екатерина приписала: «Рязанскому полку надѣюсь и дѣла не будетъ, а *у стаха глаза были велики.*» Дѣйствительно страхъ былъ напрасный.

Ровно черезъ двадцать лѣтъ, въ 1796 году, на противоположномъ концѣ Россіи у страха также оказались глаза велики. Подполковникъ Яковлевъ въ августѣ мѣсяцѣ донесъ изъ Херсона: «Назадъ тому десять дней, услышавъ я, что въ Николаевѣ хотятъ матросы бунтовать, послалъ туда мнѣ вѣрнаго человѣка тихимъ образомъ объ ономъ узнать и меня тотчасъ увѣдомить. Посланный, возвратясь, привезъ мнѣ извѣстіе, что въ воскресенье, въ шесть часовъ по утру во всемъ городѣ Николаевѣ уже узнали, что бунтъ будетъ въ восемъ часовъ по утру, который точно въ сей часъ и былъ, а потомъ и вторичный въ два часа пополудни. Матросы кричали «ура!» и провозглашали новаго императора, а потомъ грабили мужиковъ; городничій едва спасся бѣгомъ. Сейчасъ ко мнѣ прибѣжалъ гражданскихъ дѣлъ приставъ Волковъ съ объявленіемъ, что въ двѣнадцать часовъ будетъ бунтъ и матросы будутъ кричать «ура!» и «жакъ!», и что у насъ новый государь Павелъ. Заводчики пойманы: то были команды Катасанова плотники: Гладышевъ, Васильевъ, Пивоваровъ, Кузминъ и Максимовъ. Они первые, подошедъ къ морской гауптвахтѣ, объявили оной, что три дня позволено имъ грабить городъ по причинѣ восшествія на престолъ великаго князя. Но прежде они толковали на рынкѣ, что позволено три дня грабить по причинѣ рожденія великаго князя Николая Павловича.

Наряжено было слѣдствіе, которое было поручено вице-адмиралу Мордвинову. Оказалось, что и тутъ «у страха глаза были велики». Мордвиновъ донесъ: «Изслѣдуемое нами дѣло не открываетъ ничего другого, кромѣ рѣчей бабьихъ, на рынкѣ произнесенныхъ и потомъ повторенныхъ невиннымъ образомъ двумя плотниками. Говорили, что будетъ «ура». Въ тоже число достигло до ихъ мѣстъ извѣстіе о рожденіи великаго князя Николая Павловича; но какъ въ городѣ Николаевѣ при словѣ «ура» шалость произошла расхваченіемъ арбузовъ, то торговки херсонскія изъявили боязнь, чтобъ и ихъ арбузы не расхватали. Ни бунта, ни провозглашенія никакого не было, ниже малѣйшаго обстоятельства, показаннаго въ запискѣ г. Яковлева.»

С. Соловьевъ.

СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

I.

ТУМАННЫЙ ДЕНЬ ВЪ АНГЛІИ.

(Изъ Россетти. *)

Смотритъ съ темной вышины
Ночь — безъ звѣздъ и безъ луны.
Словно жалуется море,
Вѣтеръ горе въ даль несётъ;
Словно воздухъ, даль и волны
Грусти полны и заботъ.

А въ Италіи прекрасной
Небеса съ улыбкой ясной,
И звѣзда Киприды тамъ
Льётъ полямъ любви сіянье;
Но меня ты не зови,
Край любви и обаянья!

Мало мнѣ, что долъ цвѣтётъ,
Что лазуренъ неба сводъ,
О, Италія родная!
Цѣпь чужая хуже бурь!
И къ чему, гдѣ сердцу больно,
Цвѣтъ привольный и лазурь!

---

*) Россетти долгое время жилъ въ изгнаніи въ Англіи, откуда возвращонъ послѣднимъ объединеніемъ Италіи.

Пусть Британіи счастливой
Грудь обвилъ Нептунъ ревнивой
Тёмной дымкою паровъ:
Не суровъ мракъ непогоды
И милѣе сердцу мгла,
Гдѣ свѣтла звѣзда свободы!

II.

ТРИ СОТНИ. *)

РАЗСКАЗЪ ДѢВУШКИ.

(Изъ Меркантини.)

Они къ намъ съ оружьемъ на землю вступали,
Но падали ницъ и ее цѣловали.
Въ лицо я имъ всѣмъ заглянула: на лицахъ
Улыбка была и слеза на ресницахъ.
Отъ нихъ намъ сулили разбои и кражи —
Они куска хлѣба не тронули даже!
И слышали крикъ мы одинъ несдержимый:
«Пришли умереть мы за край нашъ родимый!»
Три сотни ихъ шло; они сильны и молоды были —
И всѣ въ могилѣ!

Одинъ впереди, съ голубыми очами,
Шолъ юноша русый и велъ ихъ рядами.
Я руку взяла его: «вождь мой прекрасный,
Куда ты идешь?» я спросила участно.
Взглянувъ, онъ отвѣтилъ: «сестра дорогая,
Иду умереть за свободу я милаго края!»
Забилося сердце и дрожь пробѣжала по кожѣ;
Не въ силахъ была я сказать: «помоги тебѣ Боже!»
Три сотни ихъ шло; они сильны и молоды были —
И всѣ въ могилѣ!

П. Ковалевскій.

---

*) Знаменитая высадка Пизаконе на неаполитанскій берегъ, съ тремя сотнями патріотовъ, которые пали всѣ до одного въ борьбѣ за освобожденіе.

„ГОРЕ-БОГАТЫРЬ" ЕКАТЕРИНЫ II.

Извѣстно, что Екатерина II, оскорбленная внезапнымъ нападеніемъ и тщеславными замыслами своего сосѣда Густава III, вздумала, вскорѣ послѣ того какъ онъ открылъ военныя дѣйствія, употребить противъ него и оружіе насмѣшки: она задумала представить его въ каррикатурѣ на сценѣ и написала оперу «Горе-богатырь». Въ статьѣ г-на Брикнера объ этомъ сочиненіи *) очень хорошо сопоставлены нѣкоторыя черты пьесы съ хвастливыми выходками и неудачами шведскаго короля. Цѣль и значеніе этой оперы, ясно вытекающія изъ ея содержанія, подтверждаются и свидѣтельствомъ современниковъ. Сегюръ, бывшій въ ту самую эпоху французскимъ посланникомъ при дворѣ Екатерины, пользовался особеннымъ ея довѣріемъ. Видѣвъ представленіе «Горе-богатыря» на эрмитажномъ театрѣ, онъ въ запискахъ своихъ положительно называетъ Густава III какъ героя пьесы, и поэтому поводу замѣчаетъ: «Если шведскій король своими угрозами, своимъ хвастовствомъ и торжествами, обѣщанными прежде побѣды, нарушалъ приличіе, то и государыня не много ему уступала и не сохранила того уваженія, которымъ взаимно обязаны коронованныя лица» **). Другое свидѣтельство о томъ же мы находимъ у Державина. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ одѣ «На счастье» онъ такъ объясняетъ стихъ «Безъ латъ я Горе-богатырь»: «Императрица въ оперѣ своей разумѣла шведскаго короля, который хотя внезапно возсталъ войною, но не имѣлъ успѣха. Князь Потемкинъ отсовѣтовалъ представлять на театрѣ сію оперу, сказавъ что пошутя публично на счетъ своего брата, дастъ поводъ къ какимъ-нибудь оскорбительнымъ сочиненіямъ, и тогда непріятнѣе будетъ переносить оныя, и потому сія опера играна не была. Стихи въ ней сочинялъ А. В. Храповицкій, бывшій при Императрицѣ статсъ-секретаремъ.»

Не смотря на такія несомнѣнныя свидѣтельства, П. А. Безсоновъ,

---

*) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1870, декабрь.

**) «Записки графа Сегюра», переводъ съ французскаго. Спб. 1865. Стр. 302.

въ 10-мъ выпускѣ «Пѣсенъ собранныхъ Кирѣевскимъ» *), развиваетъ съ большою подробностью убѣжденіе, что эту оперу Екатерина написала вовсе не на Густава III, а на Потемкина, которымъ она была недовольна за медленность его дѣйствій подъ Очаковомъ, и что подъ «нѣкоторою крѣпостью» она разумѣла именно этотъ городъ, а никакъ не Фридригсгамъ или Нейшлотъ, подъ неудачами же на морѣ — неудачи на сухомъ пути.

Отдавая полную справедливость почтенному труду г. Безсонова, заслужившему премію на послѣднемъ уваровскомъ конкурсѣ, я долженъ сознаться, что никакъ не могу согласиться съ этимъ смѣлымъ предположеніемъ учонаго комментатора нашихъ историческихъ пѣсенъ и нахожу нужнымъ разобрать главные доводы его.

1. Г. Безсоновъ допускаетъ, что пьеса «Кославъ», которую Екатерина II начала писать около 29-го іюля 1788 года, во время нашихъ неудачныхъ дѣйствій противъ шведовъ и изъ которой впослѣдствіи развилась опера «Горе-богатырь»—дѣйствительно была направлена противъ Густава III, но утверждаетъ, что когда война позднѣе приняла благопріятный для русскихъ оборотъ, то Императрицѣ нѐ зачѣмъ уже было осмѣивать короля, и она начала писать другую пьесу, именно «Горе-богатырь», съ новою цѣлью и на новое лицо, при чемъ однако жь включила въ составъ новой пьесы прежнюю, предпринятую съ мыслью осмѣять Густава. Противъ этого можно сдѣлать два главныя возраженія, благодаря богатому источнику, какой мы имѣетъ въ дневникѣ Храповицкаго. Ни одна часть этого дневника не представляетъ такой полноты свѣдѣній, такихъ обильныхъ и интересныхъ замѣтокъ, какъ именно та, которая ведена въ продолженіе шведской войны. Императрица была въ сильной тревогѣ, въ постоянномъ волненіи, которое, какъ сама она сознавалась, безпрестанно возростало. Естественно, что въ такомъ расположеніи духа она была особенно сообщительна и откровенна съ Храповицкимъ, а онъ, понимая цѣну такой словоохотливости, спѣшилъ все слышанное отъ государыни записать въ свою тетрадь, такъ что за это время мы имѣемъ возможность самымъ подробнымъ образомъ прослѣдить исторію ощущеній и дѣйствій Екатерины. Изъ записокъ Храповицкаго мы узнаемъ, что уже при первоначальной работѣ государыни надъ «Кеславомъ» Густавъ потерпѣлъ нѣсколько неудачъ **): рѣзкаго перелома въ ходѣ военныхъ дѣйствій не было. Притомъ благопріятный для насъ оборотъ

*) Этотъ выпускъ напечатанъ въ Москвѣ, въ 1874 году, съ присоединеніемъ особаго заглавія: «Нашъ вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ». (См. стр. 240 и ссылку.

**) См. «Дневникъ» Храповицкаго, изданный Н. Барсуковымъ. Спб. 1874. Замѣтки отъ 10, 13 и 14 іюля 1788 года.

войны не могъ тотчасъ же примирить Екатерину съ Густавомъ, который все-таки оставался ея непріятелемъ и могъ не сегодня-завтра изъ побѣжденнаго сдѣлаться побѣдителемъ. Ея выходки противъ него не прекращались. 11-го сентября она приказала «отыскать «Сказку о Фуфлыгѣ-богатырѣ», чтобъ, прибавя къ ней l'histoire du temps сдѣлать оперу». 21-го октября Храповицкій поднесъ ей сочиненія Тредьяковскаго и Ломоносова, какъ пособіе «для составленія оперы о Фуфлыгѣ», и въ тотъ же день записаны ея слова: «Со всѣми помирюсь, но ни когда не прощу королямъ шведскому и прусскому». На Потемкина она въ эту пору не могла гнѣваться, потому-что за недѣлю передъ тѣмъ было получено благопріятное извѣстіе, что «Очаковъ на ниткѣ виситъ». 27-го октября рукопись «Фуфлыги» была уже въ рукахъ императрицы; во время волосочесанія она ее читала и много смѣялась. 22-го ноября у Екатерины уже готово начало оперы «Фуфлыга», которое она и читаетъ Храповицкому, но не довольна названіемъ: «надобно другое имя». Придумать его поручено Мамонову, а стихи для арій будетъ сочинять Храповицкій. На другой день, 23-го, онъ записываетъ: «по вчерашнимъ словамъ для имени герою подалъ нѣсколько анаграммъ изъ Гус. и арію, начинающуюся: *Геройствомъ надуваясь*. Она похвалена, и я поцѣловалъ руку». Въ слѣдующіе дни Императрицу очень занимаетъ приготовляемая ею сказка одного съ оперой содержанія, которая должна быть напечатана впереди драматическаго сочиненія. Наконецъ, 4-го декабря Храповицкій получилъ для переписки первый актъ оперы *Горе-богатыря Косометовича*. Изъ всего этого, кажется, уже довольно ясно, что въ мысляхъ Императрицы былъ «Горе-богатырь». Если, какъ думаетъ г. Безсоновъ, успѣхи русскаго оружія должны были примирить Екатерину съ Густавомъ, то не болѣе ли еще извѣстія, получаемыя въ это самое время отъ Потемкина, должны были обезоружить ее въ отношеніи къ любимцу? 28-го октября записано: «Сегодня только сданы графу Безбородкѣ рапорты кн. П. Т—го, снизу мною взнесенные и при мнѣ вынуты своеручныя его письма?» 19-го ноября приготовленъ ему рескриптъ; 26-го выражена надежда, что онъ не захочетъ уронить своей чести. Въ тотъ же день, вечеромъ, Екатерина, получивъ отъ него рапорты, плакала. Можетъ-быть, ее огорчало замедленіе во взятіи Очакова; но слёзы и ѣдкая иронія — два проявленія духа, которыя одно съ другимъ не вяжутся.

2. Г. Безсоновъ опирается на слова Екатерины, переданныя Храповицкимъ (30-го января 1789 года) о томъ, что Кобенцель, вмѣстѣ съ Сегюромъ присутствовавшій наканунѣ при представленіи «Горе-богатыря», «заводилъ къ разнымъ уподобленіямъ». Въ этомъ выраженіи г. Безсоновъ видитъ намекъ на примѣненіе выходокъ пьесы къ Потемкину. Замѣтимъ однако жь: во 1-хъ, что такое заключеніе трудно вывести изъ замѣчанія Екатерины: смыслъ словъ «разныя уподобленія»

чрезвычайно широкъ, и вовсе нѣтъ повода подразумѣвать въ нихъ намеки на Потемкина; притомъ не вѣроятно, чтобы Кобенцель, зная благосклонность Императрицы къ этому вельможѣ, сталъ сближать значеніе оперы съ его недостатками. Но если бъ даже германскій посолъ и позволилъ себѣ выразить такую смѣлую мысль, значило ли бы это, что осмѣяніе Потемкина было цѣлью автора пьесы? Наконецъ, всякое сомнѣніе на этотъ счетъ разсѣется, когда мы обратимъ вниманіе на отвѣтъ Сегюра, спрошеннаго Екатериной при этомъ же представленіи. «Qui se sent morveux, se mouche», сказалъ онъ, «et que c'est bien délicat de répondre par des plaisanteries à des manifestes et déclarations impertinentes» (то-есть: у кого носъ полонъ, тотъ сморкается. Какая деликатность — отвѣчать шутками на дерзкіе манифесты и декларація). Не совершенно ли ясно изъ этихъ словъ, что Сегюръ открыто примѣняетъ пьесу къ шведскому королю, и государыня не возражаетъ на это.

3. Шведскій посолъ Стедингъ, послѣ заключенія мира, выражалъ желаніе ознакомиться съ *комедіей* на Густава; а такъ-какъ «Горе-богатырь» — *опера*, то, значитъ, по мнѣнію г. Безсонова, что этотъ дипломатъ разумѣлъ какую-то другую пьесу. Но извѣстно, что названіе *комедія* часто употребляется въ самомъ обширномъ смыслѣ театральнаго сочиненія вообще, а притомъ Стедингъ могъ и просто не знать, къ какому именно виду драматической литературы принадлежало надѣлавшее столько шуму произведеніе Екатерины II.

По самому смыслу какъ цѣлаго, такъ и частей и каждой черты своей оно не могло относиться ни къ кому иному, кромѣ Густава. Что въ карикатурѣ Горе-богатыря, отъ начала до конца пьесы, рисуется одно и то же лицо это еще болѣе бросается въ глаза, когда обратимъ вниманіе на тó, что Императрица писала о немъ Потемкину вскорѣ послѣ начала войны съ Швеціей. Вотъ отрывокъ изъ письма ея отъ 3-го іюля 1788 года:

«Король шведскій себѣ сковалъ латы, кирассу, броссары (наручи), и квиссары (наберденники) и шишакъ съ преужасными перьями. Выѣхавши изъ Штокгольма говорилъ дамамъ, что онъ надѣется имъ дать завтракъ въ Петербургѣ (читай: въ Петергофѣ), а садясь на галеры, сказалъ: qu'il s'embarque dans un pas scabreux (что дѣлаетъ опасный шагъ). Своимъ войскамъ въ Финляндіи и шведамъ велѣлъ сказать, что онъ намѣренъ превосходить дѣлами и помрачить Густава Адольфа и окончить предпріятіе Карла XII (послѣднее сбыться можетъ, понеже сей началъ разореніе Швеціи); также увѣрялъ онъ шведовъ, что меня принудитъ сложить корону. Сего вѣроломнаго государя поступки похожи на сумасшествіе. Съ симъ курьеромъ получишь манифестъ мой — объявленіе войны; оскорбленія наши многочисленны; мы отъ роду не слыхали жалобы отъ него, а теперь невѣдомо за что разозлился: те-

перь Богъ будетъ между нами судьею. Буде намъ Богъ поможетъ, то его намѣреніе есть уѣхать въ Римъ, принять римскій законъ и жить, какъ жила королева Христина» *).

Начерченный здѣсь рукою раздраженной Императрицы образъ короля Густава III не перестаетъ во все продолженіе оперы возникать подъ перомъ ея.

Въ «Дневникѣ» Храповицкаго замѣтки о неожиданныхъ вооруженіяхъ Густава начинаются уже съ 4 мая 1788 года, а желчныя противъ него выходки Екатерины — съ 28 того же мѣсяца. Почти дня не проходитъ безъ разговоровъ о немъ. Въ нихъ видно величайшее раздраженіе: государыня выставляетъ его смѣшнымъ, называетъ сумасшедшимъ (fou), говоритъ о его «дурачествахъ» и безстыдствѣ, выражаетъ желаніе «дабы на всякомъ пунктѣ онъ разбилъ себѣ лобъ», сравниваетъ его то съ Пугачевымъ, то съ героемъ Ламанштскимъ, словомъ, всѣ мысли и вся дѣятельность Екатерины заняты новымъ врагомъ ея, направлены къ нанесенію ему вреда всѣми возможными средствами. Въ то же время, съ театра турецкой войны получаются извѣстія объ успѣхахъ, хотя и не блестящихъ, но все-таки успокоительныхъ, о сраженіяхъ, выигранныхъ на Лиманѣ, о вылазкахъ, объ отраженіи непріятеля отъ Кинбурна, о ходѣ осады Хотина, окончившейся взятіемъ его. О Потемкинѣ императрица отзывается то съ благоволеніемъ, то по крайней мѣрѣ безъ негодованія **).

Есть ли малѣйшее вѣроятіе, чтобы она, послѣ письма, изъ котораго мы привели отрывокъ, обратила противъ своего любимца ѣдкія насмѣшки, внушонныя ей поступками Густава, и примѣнила къ Потемкину продолженіе пьесы, о которой Храповицкій въ первый разъ такъ выразился 29-го іюля, то-есть недѣли черезъ 3 — 4 послѣ помянутаго письма: «Читали начало комической оперы «Кославъ». Тутъ представляется приготовленіе на войну короля шведскаго. «Не знаю какъ кончу; вчера только начала, чтобъ разбить мысли».

Очевидно, что «Горе-богатырь», по духу и содержанію, былъ въ тѣсной и неразрывной связи съ «Кославомъ»; измѣнено было только заглавіе комической оперы, получившей новое развитіе послѣ того какъ Императрица провѣдала о «Фуфлыгѣ-богатырѣ» и ознакомилась съ этою сказкой.

---

*) Напечатано въ брошюрѣ покойнаго Лебедева: «Графы Н. и П. Панины», 1863, стр. 307.

**) См. «Дневникъ» Храповицкаго, 1788 года іюня 23 и 26, іюля 11 и 13 (награда Потемкину, 4-я побѣда на Лиманѣ), 17 и 26; августа 31 (реляція о вылазкѣ); сентября 5 (занятіе Яссъ) и проч.

Но главный доводъ, которымъ опровидывается догадка г. Безсонова — нравственнаго или психологическаго свойства. Какъ допустить мысль, чтобы Екатерина, поручивъ Потемкину веденіе военныхъ дѣйствій противъ турокъ, позволила себя, въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, осмѣивать его на эрмитажномъ театрѣ, въ присутствіи представителей иностранныхъ дворовъ? Для кого и для чего она стала бы это дѣлать? Она могла доставить себѣ удовольствіе потѣшиться, въ обществѣ довѣренныхъ лицъ, надъ государственнымъ и личнымъ врагомъ, но почти публично издѣваться надъ главнымъ сотрудникомъ своимъ, которому ею же самою поручена судьба войны — это было бы прежде всего въ высшей степени несогласно съ тою мудростью, которая отличала всѣ поступки Екатерины. Если-бъ она была серьозно недовольна распоряженіями Потемкина, какъ полководца, то, конечно, выразила бы это не безплоднымъ пасквилемъ въ его отсутствіи, а отозваніемъ его съ театра войны и порученіемъ дѣла другому.

О прочихъ, въ томъ же изданіи выраженныхъ г. Безсоновымъ предположеніяхъ, находящихся въ связи съ его взглядами на значеніе нѣкоторыхъ одъ Державина, предоставляю себѣ высказаться при другомъ случаѣ.

Я. Гротъ.

ЧОРНОЕ МОРЕ.

17-го октября 1870 года.

Гордись! я клики слышу снова!
О, Русь великая, гордись!
Трактатъ постыдный и суровый
Тобой разорванъ — веселись!
И снова надъ сѣдымъ Эвксиномъ —
Креста Андреевскаго стягъ —
Взовьется полнымъ властелиномъ
Нашъ славный черноморскій флагъ.

О, нѣтъ! не права гордость эта!
Нѣтъ, Русь родная, воздержись!
Не забывай слова поэта:
«Не вѣрь, не слушай, не гордись!»
Нѣтъ, не гордись! Пусть не безслѣдно
Прошли пятнадцать эти лѣтъ;
Но рано пѣть намъ гимнъ побѣдный,
Пока побѣды прочной нѣтъ!

Нѣтъ, не гордись! еще далёко —
Не все въ тебѣ и за тобой
Почтенно, право и высоко,
Тебя достойно, край родной.
Еще внутри вездѣ работы
Намъ много, много впереди;
Еще гнетутъ насъ недочёты
Кругомъ, куда ни погляди.

Извнѣ задача вѣковая
Еще тобой не рѣшена:
Подъ гнётомъ рабства изнывая,
Живутъ родныя племена.
Во дни борьбы, во дни невзгоды
Вотще къ тебѣ ихъ скорбный зовъ:
«О, Русь могучая — свободы!
О, Русь, спаси насъ отъ оковъ!»

Вотъ злоба дней твоихъ, родная,
Её осиль и побѣди —
Тогда, тогда лишь, Русь святая,
Побѣдный гимнъ свой заводи!
Тогда по праву, на свободѣ
Мы свѣтлый праздникъ свой начнёмъ,
И громко «Взбранной Воеводѣ»
Землёю цѣлой запоёмъ.

И съ нашимъ гимномъ всенароднымъ
Въ одинъ громадный, дружный клиръ
Тогда свободно и свободный
Сольётся весь славянскій міръ!
Ни чьихъ не спрашивая мнѣній,
Тогда мы все свое найдёмъ
И безъ помѣхъ и словопреній
Рукою властною возьмёмъ.

М. Розенгеймъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

„ГАЙДАМАКИ".

(Прологъ, пѣсни 1-я, 5-я, 8-я и 10-я и Эпилогъ.)

ПРОЛОГЪ.

Было время — въ Польшѣ шляхта
Гордо выступала:
Билась съ нѣмцами, съ султаномъ,
Съ Крымомъ воевала,
Съ москалями... Было — сплыло!
Такъ-то все минуетъ!
Ляхъ, бывало, знай, кичится,
День и ночь пируетъ,
Королями помыкаетъ...
Не скажу — Стефаномъ —
Съ этимъ трудно было сладить —
Иль Собѣскимъ Яномъ,
А другими. Горемыки
Дѣлать что не знали;
Сеймы спорили; сосѣди
Видѣли — молчали...

«Niepozvalam! niepozvalam!»
Шляхта восклицаетъ,
А магнаты жгутъ деревни...
Сабля всё рѣшаетъ!
Долго такъ дѣла велися;
Но вотъ надъ Варшавой
И надъ Польшей сталъ владыкой
Понятовскій бравый.

Владыкой сталъ и думалъ шляхту
Прибрать къ рукамъ — и не съумѣлъ!
Добра хотѣлъ онъ всѣмъ... быть-можетъ,
Еще чего-нибудь хотѣлъ...
Одно лишь слово «niepozwalam»
Хотѣлъ у шляхты отобрать —
И вмигъ вся Польша запылала,
Взбѣсилась шляхта, ну кричать:
«Слово гонóру, дарма праца!
Наемникъ подлый москаля!»
На зовъ Пулавскаго и Паца
Встаетъ штяхетская земля —
И разомъ сто конфедерацій...

Разбрелись конфедераты
По Литвѣ, Волыни,
По Молдавіи, по Польшѣ,
По своей краинѣ;
Разбрелися, позабыли
Защищать свободу —
И пошло по всей Украйнѣ
Все въ огонь, да въ воду...
Церкви жгли, народъ терзали,
Рѣзали, топили —
Кровь лилась... но гайдамаки
Ужь ножи святили.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

ГАЛАЙДА.

«Ярема! эй!... Нѣтъ проку въ хамѣ!...
Напой коровъ и лошадей!
Сходи на верхъ за башмаками,
Да принеси воды скорѣй!
Чего не выметена хата?
Дай корму курамъ и гусямъ!
Сходи на погребъ!... Что телята?...
Да поворачивайся, хамъ!
Нѣтъ, погоди! бѣги въ Вильшану:
Хозяйкѣ надо...» — и съ тоской
Бредетъ Ярема бѣдный мой.
Такъ рано утромъ жидъ поганый
Бѣднягой сирымъ помыкалъ.
Ярема гнулся: онъ не зналъ —
Не зналъ, сиротина, что выросли крылья,
Что неба коснется, когда полетитъ,
Не зналъ, нагибался... Напрасны усилья!
Жить тяжко на свѣтѣ, а хочется жить:
И хочется видѣть, какъ солнце сіяетъ,
И хочется слышать, какъ море играетъ,
Какъ пташка щебечетъ, какъ роща шумитъ
И какъ черноброван въ ней распѣваетъ...
О, Боже мой, Боже, какъ весело жить!

Горько жить Яремѣ; жизнь его убога:
Ни сестры, ни брата нѣтъ у бѣдняка!
Сирота, онъ выросъ гдѣ-то у порога,
Но людей и доли не клянетъ пока.
И за что ихъ клясть-то? Вѣдь они не знаютъ,
Нужно ли ласкать имъ, нужно ли карать.
Пусть себѣ пируютъ! Ихъ судьба ласкаетъ,
Сироту же въ свѣтѣ некому ласкать.
Поглядишь — и плакать потихоньку станешь,
И не отъ того, что сердце заболитъ:

Что-нибудь увидишь, что-нибудь вспомянешь —
И опять за дѣло. Вотъ какъ надо жить!
Что тутъ мать, родимый, пышныя палаты,
Если негдѣ сердца бѣднаго согрѣть?
Сирота-Ярема — сирота богатый:
Есть съ кѣмъ и поплакать, есть съ кѣмъ и попѣть:
Есть и кари очи, что звѣздой сіяютъ,
Есть и бѣлы руки — млѣютъ, обнимаютъ,
Есть и сердце-чудо, что готово съ нимъ
Плакать и смѣяться, называть своимъ.

Да, такимъ былъ мой Ярема,
Сирота богатый!
Ой, и я, мои родные,
Былъ такимъ когда-то!
Миновало, улетѣло —
Слѣду не осталось...
Сердце ноетъ, какъ припомню...
Что съ тобою сталось?...

Что съ тобою сталось? что не подождало?
Легче бъ было слёзы, горе выливать.
Отобрали люди: знать, имъ было мало...
«Что ему въ той долѣ? — лучше закопать!
Безъ того богатъ онъ.» Развѣ на заплаты,
Да на слёзы... Чтобъ ихъ вѣкъ не отирать!
Доля, злая доля! гдѣ тебя искать?
Воротись подъ кровлю нашей бѣдной хаты,
Аль приснися только... да нельзя и спать!

Вы меня простите, братцы!
Можетъ и не складно,
Да дружиться съ лютымъ горемъ
Больно не повадно.
Можетъ, встрѣтимся еще мы;
Я же поплетуся
За Яремою по свѣту:
Можетъ и столкнуся.
Горе, люди, всюду горе!
Трудно съ нимъ ужиться!
Если доля васъ покинетъ,
Надо преклониться,

Улыбаясь и безъ жалобъ,
Чтобъ не распознали,
Что таится въ вашемъ сердцѣ,
Чтобъ не приласкали.
Пусть ихъ ласки тѣхъ голубятъ,
Съ кѣмъ знакома доля;
Бѣднякамъ же пусть не снятся:
Что имъ за неволя!
Разсказать душа не въ силахъ,
А молчать не смѣетъ.
Выливайся жь слово-слёзы!
Солнышко не грѣетъ,
Не просушитъ. Подѣлюсь я
Горькими слезами,
Но не съ братомъ, не съ сестрою —
Съ темными стѣнами
На чужбинѣ... А покамѣстъ
Надо воротиться
Намъ въ корчму и поразвѣдать,
Что-то тамъ творится.

У постели жидъ сгребаетъ
Кучи золотыя,
А въ постелѣ... Охъ, какъ душно!
Руки молодыя
Опустились. Словно утромъ
Розовая почка,
Разрумянилась, раскрылась...
На груди сорочка
Разстегнулась. Видно, душно —
Видно, ей не спится
Одинокой: не съ кѣмъ бѣдной
Словомъ подѣлиться,
Только шепчетъ. Какъ денница,
Хороша еврейка!
То — отецъ, а это дочка...
Вражая семейка!
На полу старуха Хайка
Спитъ — бѣды не знаетъ.
Гдѣ жь Ярема? Онъ къ Вильшанѣ
Шагъ свой направляетъ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

ТРЕТЬИ ПѢТУХИ.

Еще день мучили Украйну
Толпы враговъ; еще одинъ
Послѣдній день, скрывая тайну,
Стоналъ въ оковахъ Чигиринъ.
Прошолъ и онъ, день Макавея,
Великій праздникъ — и равно
Жиды и ляхи, не жалѣя,
Мѣшали съ кровію вино,
Кляли Украйну, распинали,
Кляли, что нечего ужь взять...
А гайдамаки молча ждали,
Пока поганцы лягутъ спать.
Но вотъ и ляхи задремали,
Чтобъ никогда уже не встать.
Спятъ мирно ляхи, а іуда,
Сгребая мѣдные гроши,
Въ потьмахъ считаетъ барыши,
Чтобъ не смутить простаго люда.
Но вотъ и тѣ покой нашли:
Убрали деньги и легли.

Дремлютъ... Чтобъ во вѣки снова имъ не встать!
Но вотъ мѣсяцъ ясный всплылъ и сталъ кидать
Свѣтъ свой серебристый на поля и море,
На людей и жизнь ихъ — на людское горе,
Чтобъ потомъ поутру Богу разсказать.
Свѣтитъ бѣлолицый на всю на Украйну —
Свѣтитъ, но проникнуть въ силахъ ли онъ тайну:
Видитъ ли Оксану, сироту мою,
Гдѣ она томится, плачетъ и воркуетъ
И о томъ Ярема знаетъ ли и чуетъ —
Мы узнаемъ послѣ, а теперь спою
Вамъ иную пѣсню, памятную краю:
Будутъ не молодки подъ неё плясать,
А лихое горе, что отъ края къ краю,

По Украйнѣ нашей любитъ кочевать.
Слушайте, чтобъ дѣткамъ послѣ разсказать,
Чтобъ и дѣти знали — внукамъ передали —
Какъ козаки ляховъ, что лишь угнетать
Бѣдный край умѣли, тяжко покарали.

Долго буря надъ Украйной
Злилась и шумѣла;
Долго, долго кровь степями
Лилась, багровѣла,
Лилась, лилась — и подсохла.
Степи зеленѣютъ,
Дѣды спятъ въ землѣ: могилы
Ихъ кругомъ синѣютъ.
Что за нужда, что высоки?
Ихъ никто не знаетъ,
Не омочитъ ихъ слезами
И не разгадаетъ.
Только вѣтеръ тиховѣйный
Прошумитъ надъ ними,
Да роса по утру рано
Каплями своими
Ихъ умоетъ. Встанетъ солнце —
Высушитъ, пригрѣетъ...
А внучата? — имъ нѣтъ дѣла:
Жито въ полѣ сѣютъ.
Много ихъ, а кто раскажетъ,
Гдѣ курганъ-могила,
Гдѣ могила Гонты-брата,
Гдѣ похоронила
Прахъ его лихая доля?
Гдѣ опочиваетъ
Желѣзнякъ, душа прямая?
Да! никто не знаетъ!
Долго бѣдная Украйна,
Долго волновалась;
Долго, долго кровь степями
Лилась, разливалась.
День и ночь пальба и клики;
Степь дрожитъ и гнётся...
Грустно, страшно, а вспомянешь —
Сердце усмѣхнётся.

Мѣсяцъ ты мой ясный! спрячься на̀ ночь эту
За горой высокой: намъ не надо свѣту!
Страшно будетъ, мѣсяцъ, хоть ты видѣлъ Рось,
Альту, Сену — гдѣ такъ много пролилось
Неповинной крови. Спрячься за холмами,
Чтобъ намъ не пришлось ихъ поливать слезами.

Тускло, грустно среди неба
Свѣтитъ бѣлолицый.
Вдоль Днѣпра козакъ плетется:
Вѣрно, съ вечерницы.
И идетъ онъ хмурый, грустный,
Чуть волочитъ ноги.
Знать, тѣхъ дѣвицы не любятъ,
Что бѣдны̀, убоги.
Нѣтъ, его козачка любитъ.
Пусть онъ и въ заплатахъ,
Если только не загинетъ,
Будетъ изъ богатыхъ.
Отчего жь ему такъ горько —
Чуть не плачетъ? чуетъ
Видно сердце злое горе —
Чуетъ и тоскуетъ.
Чуетъ сердце, но не скажетъ
Велико ли горе.
Тихо вкругъ, какъ на погостѣ:
Пѣтелъ на заборѣ
Дремлетъ; сонная собака
Не рычитъ, не лаетъ,
Только гдѣ-то волкъ голодный
Воетъ, завываетъ.
Пусть ихъ спятъ! Идетъ Ярема,
Только не къ Оксанѣ.
Вьется путь предъ нимъ, но путь тотъ
Вьется не къ Вильшанѣ,
А въ Черкасы — къ ляхамъ. Скоро
Третій пѣвень крикнетъ —
И польется кровь... И путникъ
Головою никнетъ.

Много, Днѣпръ широкій, много, Днѣпръ могучій,
Ты козацкихъ труповъ морю подарилъ,

Много крови выпилъ; но свой брегъ зыбучій
Ты окрасилъ только, но не напоилъ...
Нынче же упьёшься. Праздникъ небывалый
Ждетъ Украйну нынче! Снова потечётъ
По полямъ окрестнымъ кровь рѣкою алой
И козакъ-гетманецъ снова оживётъ.
Оживутъ гетманы, вздѣнутъ вновь жупаны
И козаки снова громко запоютъ:
«Ни жида, ни ляха!» Соберутся въ станы
И надъ ними снова бунчуки блеснутъ.

Такъ думаетъ путникъ, плетяся равниной,
Въ дырявой сермягѣ съ *свящённымъ* въ рукахъ.
А Днѣпръ словно слышитъ: широкій и синій,
Онъ волны вздымаетъ; въ густыхъ тростникахъ

Стонетъ, плачетъ завываетъ,
Ивы нагибаетъ.
Громъ грохочетъ; огнь небесный
Небо раздираетъ.
Пробирается Ярема:
Зги не видятъ очи.
Сердце бьется, сердце плачетъ:
Горько — нѣту мочи!
«Тамъ Оксана! и въ сермягѣ
Тамъ душа смѣётся!
Ну, а тутъ... Тутъ, знать, сложить мнѣ
Голову придётся!»
Но вотъ пѣтелъ крикнулъ гдѣ-то,
Крикнулъ съ новой силой.
«А! Черкасы!» шепчетъ путникъ:
«Господи помилуй!»

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

ПИРЪ ВЪ ЛИСЯНКѢ.

Солнце сѣло. Надъ Лисянкой
Тучи заходили:
Это Гонта съ побратимомъ
Трубки закурили.
Страшно, страшно закурили!
Въ адѣ не умѣютъ
Такъ курить. Болотный Тыкичъ
Кровью багровѣетъ
И шляхетской, и жидовской;
А надъ нимъ пылаютъ
И хоромы, и избушки:
Доля, знать, караетъ
Какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ.
А среди базара
Желѣзнякъ съ удалымъ Гонтой
Вопятъ: «ляхамъ кара!
Кара ляхамъ! Тѣштесь, дѣтки!»
И они караютъ.
Стонъ и вопль: тѣ горько плачутъ,
Эти — проклинаютъ;
Этотъ вопитъ, тотъ молитву
Богу возсылаетъ,
А иной надъ трупомъ брата
Душу открываетъ.
Не щадятъ, какъ моръ, лихіе
Ни годовъ, ни роду:
Кровь полячки и жидовки
Рядомъ льется въ воду.
Ни калѣки, ни младенца,
Ни слѣпца больного
Не осталось — не избѣгли
Часа рокового.
Все погибло — не осталось
Ни души единой

Ни шляхетской, ни жидовской,
Чтобъ почтить кручиной.
Вотъ ужь тучи досягаетъ
Зарево пожара.
Галайда же знай рыкаетъ:
«Кара ляхамъ, кара!»
И, бѣснуясь, мёртвыхъ рѣжетъ,
Жжётъ что ни попало.
«Дайте мнѣ жида иль ляха!
Мало этихъ, мало!
Дайте ляха! дайте крови! —
Кровь его погана...
Море крови... мало моря!...
Милая Оксана,
Гдѣ ты?» крикнетъ и исчезнетъ
Въ пламени пожара.
А порой той гайдамаки
Ставятъ вдоль базара
Рядъ столовъ; несутъ съѣстное,
Гдѣ что понабрали,
Чтобъ поужинать при свѣтѣ.
«Тѣшься!» закричали —
И усѣлись вкругъ. Ихъ лица
Отъ огня алѣютъ,
А вокругъ, качаясь, трупы
Панскіе чернѣютъ.
Загорѣлися стропила
И валятся съ ними.
«Пейте, дѣтки! пейте! пейте
Съ ними, проклятыми!
Можетъ-быть козакъ еще разъ
Лихо погуляетъ!»
И Максимъ свой жбанъ горѣлки
Разомъ осушаетъ.
«Пью за трупы, пью за души
Ваши проклятыя!
Пей же, Гонта, братъ назвàный!
Пейте, удалые!
Спой Кобзарь намъ — не про дѣдовъ:
Сами мы караемъ,
Не про горе, потому-что
Мы его не знаемъ,

А весёлую хвати намъ,
Чтобъ земля ломилась,
Про вдовицу-молодицу —
Какъ она томилась.»

КОБЗАРЬ (*играетъ и поетъ*).

Отъ села и до села
Путь я проторила:
Куръ и яйца продала
Башмаки купила.
Отъ села и до села
Баба расплясалась:
Ни коровы, ни вола —
Лишь изба осталась!
Я тесовою избой
Подѣлюсь съ кумою,
А себѣ шалашъ простой
Подъ плетнемъ сострою.
Торговать и шинковать
Буду днемъ крючками,
По ночамъ же танцовать
Буду съ молодцами.
Ой, вы, дѣтки-соколы,
Пташки-голубятки!
Посмотрите — хоть малы —
Какъ танцуетъ матка!
Брошу домъ, ребятъ отдамъ
Въ школу — да и въ пляску —
И задамъ же, ой, задамъ
Башмакамъ я таску!

«Знатно, знатно, старецъ Божій!
Ну-ка — плясовую!»
Заигралъ — и все пустилось
Въ плясъ на пропалую.

ГОНТА.

Ну, Максимъ!

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

А ну-ка, Гонта!

ГОНТА.

Дёрнемъ съ ними, что ли?
Потанцуемъ, братъ, покамѣстъ
Живы и на волѣ!

(*Поетъ.*)

Не дивитесь, молодицы,
Что я оборвался:
Батька мой все дѣлалъ гладко,
Я въ него удался.

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Хорошо, мой братъ, названный!
Хорошо, ей-богу!

ГОНТА.

Ну, а ты, Максимъ?... Налей-ка!

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

Подожди немного.

(*Поетъ.*)

Вотъ какъ дѣлай, вотъ что знай:
Всѣхъ люби — не разбирай —
Хоть поповну, хоть козачку,
Хоть пригожую батрачку.

Все танцуетъ; Галайда же
Радости не знаетъ:
На концѣ стола усѣвшись,
Слёзы проливаетъ,
Словно мальчикъ. Отчего бы?
Деньги и жупаны —
Все дала ему судьбина,
Нѣтъ одной Оксаны!
Не съ кѣмъ счастьемъ подѣлиться!
Грустно — не поётся:
Видно сгинуть сиротою
Бѣдному придётся.
А того бѣднякъ не знаетъ,
Что его Оксана
Тамъ, за Тыкичемъ-рѣкою,
Вянетъ въ замкѣ пана,
Съ тѣми самыми панами,
Что отца убили...
Что жь теперь вы такъ не смѣлы?
Что такъ пріуныли?
Что глядите такъ уныло,
Сидя за стѣнами,
Какъ евреи, ваши братья,
Гибнутъ подъ ножами.

А Оксана изъ окошка
Смотритъ — поджидаетъ:
«Гдѣ-то», думаетъ, «мой милый?»
А того не знаетъ,
Что онъ близко, и не въ свиткѣ,
А въ цвѣтномъ жупанѣ,
И все думаетъ, тоскуетъ
По своей Оксанѣ.
А она зарю встрѣчаетъ
Вздохами и плачемъ.
Тяжко сердцу!... Изъ оврага,
Въ охобнѣ козачьемъ,
Кто-то крадется. «Эй, кто тамъ?»
Парень окликаетъ.

ЖИДЪ.

Я, посланецъ пана Гонты...
Пусть его гуляетъ —
Подожду я...

ГАЛАЙДА.

Не дождешься,
Подлый жидъ, собака!

ЖИДЪ.

Я не жидъ — избави Боже!
Видишь — гайдамака:
Вотъ копѣйка — посмотри-ка!
Кто ее не знаетъ!

ГАЛАЙДА.

Знаю! знаю!
И *священный*
Ножъ онъ вынимаетъ.

ГАЛАЙДА.

Признавайся, жидъ проклятый,
Гдѣ моя Оксана?
Замахнулся...

ЖИДЪ.

Ой, мой Боже!
Въ палацѣ у пана...
Точно краля...

ГАЛАЙДА.

Выручай же!
Выручай, проклятый!

ЖИДЪ.

Ладно! ладно!... Да какой ты
Грозный да завзятый!
Мигомъ выручу: копѣйкой
Стѣну проломаю...
Я скажу имъ, вмѣсто Паца...

ГАЛАЙДА.

Ладно! ладно! — знаю!
Ну, живѣе!...

ЖИДЪ.

Мигомъ, мигомъ!
Гонту угощайте,
Чтобъ забылся... Ну, идите,
Пейте и гуляйте!
А куда, ясневельможный,
Ѣхать мнѣ съ Оксаной?

ГАЛАЙДА.

Въ монастырь подъ Лебединымъ —
Слышишь, окаянный?

ЖИДЪ.

Слышу, слышу!
И Ярема
Съ Гонтою танцуетъ;
Желѣзнякъ же, взявши кобзу,
Съ кобзарёмъ толкуетъ:
«Попляши, старикъ, потѣшь насъ:
Я тебѣ сыграю.»
И пошолъ кобзарь въ присядку,
Лихо припѣвая:

«Въ огородѣ пустарнакъ, пустарнакъ!
Аль тебѣ я не козакъ, не козакъ?
Аль тебя я не люблю, не люблю?
Аль тебѣ я башмаченковъ не куплю?

«Ой, куплю, куплю обновку:
Распотѣшу чернобровку!
Буду вкругъ тебя ходить,
Буду холить и любить!
Отодравши трепака,
Полюбила козака,
Только рыжаго, худого —
Нехорошаго такого:

Знать ужъ долюшка горька!
Доля слѣдомъ за тоскою,
А ты, рыжій, за водою,
А сама-то я въ кабакъ:
Выпью чарочку, другую,
Третью, пятую, шестую —
Тпру! — и снова за трепакъ!
Баба въ танецъ — и конецъ,
А за нею молодецъ.
Старый рыжій, бабу кличетъ,
Баба жь подъ носъ кукишь тычетъ:
«Коль женился, сатана,
Добывай мнѣ толокна:
Надо дѣтокъ пріодѣть,
Накормить и обогрѣть.
Если жь нѣтъ въ тебѣ ума,
Раздобуду я сама,
А ты, старый, не грѣши —
Колыбельки колыши.

«Какъ была я молодою, беззаконницею,
Я повѣсила передникъ надъ оконницею:
Кто идетъ — не минетъ,
То кивнетъ, то моргнетъ,
А я шолкомъ вышиваю,
Имъ въ окошечно киваю:
Ой, Семены и Иваны,
Наряжайтеся въ жупаны:
Будемъ пить и танцовать,
Вмѣстѣ время коротать.»

«Полно, полно!» крикнулъ Гонта:
«Полно — погасаетъ.
Свѣту, дѣтки! Гдѣ же Лейба?
Гдѣ онъ пропадаетъ?
Отыскать его и вздернуть!...
Выродокъ собачій!...
Полно, дѣтки: погасаетъ
Нашъ свѣтецъ козачій!»
А Ярема: «погуляемъ,
Погуляемъ, батько!
Вишь какъ пышетъ! На базарѣ
И свѣтло и гладко.
Грянь, кобзарь — мы потанцуемъ!

ГОНТА.

Нѣтъ, конецъ пирушкѣ!
Эй, огня, да дёгтю, дѣтки!
Вывозите пушки,

Жгите, рѣжьте окаянныхъ!
Мы ихъ доканаемъ!
Заревѣли гайдамаки:
«Ладно, батька! знаемъ!»
Повалили черезъ рѣчку,
Вопятъ, распѣваютъ,
А Ярема вслѣдъ: «пусть, батька,
Въ окна не стрѣляютъ...
Погодите, не стрѣляйте:
Тамъ моя Оксана...
Погодите хоть часочекъ:
Я ее достану.»

ГОНТА.

Желѣзнякъ, вели козакамъ
Жечь, что ни попало!
Иль доселѣ съ поляками
Мы чинились мало?
Ты жь, Ярема, не такую —
Лучше сыщешь нынѣ.

Оглянулся, а Яремы
Нѣту и въ поминѣ.
Горы дрогнули — хоромы
Съ ляхами взлетѣли
Къ самымъ тучамъ; всѣ жь другіе,
Словно адъ, горѣли.
«Галайда!... Гдѣ нашъ Ярема?»
Желѣзнякъ взываетъ.
Нѣтъ отвѣта: гайдамаки
Ничего не знаютъ.

Пока козаки забавлялись,
Ярема съ Лейбой пробирались
Въ хоромы панскіе, въ подвалъ,
Откуда вышелъ онъ съ Оксаной —
И въ Лебединъ съ своей желанной —
Едва живою — поскакалъ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

ГОНТА ВЪ УМАНИ.

Проходятъ дни, проходитъ лѣто —
Украйна знай себѣ горитъ;
По сёламъ плачутъ дѣти: гдѣ-то
Отцы ихъ. Грустно шелеститъ
Сухими листьями дуброва;
Гуляютъ тучи; солнце спитъ;
Вкругъ не слыхать людского слова;
Лишь воетъ звѣрь, идя въ село
На свѣжій трупъ. Не хоронили:
Волковъ поляками кормили,
Пока ихъ снѣгомъ занесло.

Не мѣшали снѣгъ и вьюга
Страшной, адской карѣ:
Ляхи мёрзли, а козаки
Грѣлись на пожарѣ.
Вотъ пришла весна — и землю
Къ жизни возвратила:
Разукрасила цвѣтами,
Зеленью покрыла.
Соловей щебечетъ въ рощѣ,
Жаворонокъ — въ полѣ,
И летитъ ихъ гимнъ къ лазури,
Гимнъ веснѣ и волѣ...
Рай — и только! Для кого же? —
Для людей... А люди
Не хотятъ и поглядѣть-то:
Холодны ихъ груди!
Надо кровію подкрасить,
Освѣтить пожаромъ;
Солнца мало, красокъ мало;
Дымъ взлетаетъ паромъ,

Вьется къ небу... Ада мало!...
Охъ, вы, люди, люди!
Долго-ль злобой волноваться
Будутъ ваши груди?
Но весна не смыла крови:
Зрѣетъ дѣло злое!
Сердце ноетъ, а вспомянешь —
Было такъ и въ Троѣ,
Будетъ вѣчно. Гайдамаки
Рѣжутъ и гуляютъ;
Гдѣ пройдутъ — земля трясется,
Кровью намокаетъ.
Подобралъ Максимъ сыночка,
Честь родного края...
Пусть не сынъ родной Ярема —
Все жь душа прямая.
Желѣзнякъ идетъ и рѣжетъ,
Галайда — лютуетъ:
Онъ съ ножомъ на пепелищѣ
Днюетъ и ночуетъ.
Не помилуетъ, не минетъ
Вǒрога лихова:
Онъ за ктитора мститъ ляхамъ,
За отца святова,
За Оксану... И дрожитъ онъ,
Вспомнивъ о невѣстѣ.
А Максимъ: «гуляй, покамѣсть
Вольны мы и вмѣстѣ!»
Погуляли гайдамаки,
Лихо погуляли:
Путь отъ Кіева на Умань
Ляхами устлали.
Словно туча, гайдамаки
Умань обложили,
Навалили дровъ и, словно
Печку, затопили.
Затопили, закричали:
«Кара ляхамъ! Крови!»
Полегли среди базара
Konny narodowi,
Пали женщины и дѣти,
Старцы и калѣки.

Вопль и стоны! На базарѣ
Вражьей крови рѣки.
Гонта, съ сыномъ-Галайдою
И Максимомъ-братомъ,
Впереди — и только слышно:
«Кара имъ проклятымъ!»

Вотъ къ нимъ тащатъ гайдамаки
Ксёндза-езуита
И двухъ мальчиковъ. — «Эй, Гонта!
Посмотри, твои-то
Ребятишки видно ляхи —
Дѣти католички!
Ты зарѣжь ихъ поскорѣе,
Не вспорхнули бъ птички.
Аль ты выростить въ нихъ хочешь
Въ каждомъ по злодѣю?»

— «Пса убейте, а щенятъ я
Самъ убить съумѣю.
Кличь громаду! Признавайтесь,
Дѣти: вы забыли
Про святую нашу вѣру?»

— «Да, насъ окрестили...»

Собралися гайдамаки.

— «*Господа Громада*,
Чтобы не было измѣны,
Миловать не надо.
Я поклялся рѣзать ляховъ,
Ничего на свѣтѣ
Не щадить... Зачѣмъ вы малы,
Неразумны дѣти?
Ой, зачѣмъ не бьёте ляховъ?..»
— «Будемъ, тятя, будемъ!»
— «Нѣтъ, не будете... Мы сами,
Сами васъ разсудимъ!
О, будь проклята та полька,
Что васъ породила!
Ой, зачѣмъ она съ зарёю
Васъ не утопила?

Вы бы умерли, какъ жили,
Не еретиками.
А теперь я повстрѣчался
Не на радость съ вами.
Знайте, васъ не я — присяга,
Дѣти, покарала.
Ну, прощайте жь!»
Сталь сверкнула —
И дѣтей не стало.
Съ стономъ падая, малютки
Лишь пролепетали:
«Тятя, тятя — мы не ляхи!
Мы...» — и замолчали.

— «Схоронить ихъ?
— «Нѣтъ! они, вѣдь,
Дѣти католички.
Ой, сынки мои, сыночки,
Что вы невелички?
Ой, зачѣмъ еще до сватьбы
Не взяла могила
Ту злодѣйку-католичку,
Что васъ породила!
Ну, идемъ.»

Онъ взялъ Максима:
Стали средь базара —
И ихъ крикъ пронесся громомъ:
«Кара ляхамъ, кара!»
И карали! Умань моремъ
Огненнымъ казалась.
Ни въ хоромахъ, ни въ костёлахъ
Ляха не осталось —
Все погибло жертвой мести,
Жертвой произвола.
Никогда такого горя
Міръ не видѣлъ. Школа,
Гдѣ учились дѣти Гонты,
Пала предъ напоромъ.
«Ты дѣтей моихъ сгубила»,
Молвилъ онъ съ укоромъ:
«Ты добру, любви и правдѣ
Ихъ не научила —

Пропадай же!»
И *громада*
Стѣны повалила —
Повалила, о каменья
Ксёндзовъ перебила,
А ребятъ на днѣ колодца
Грудой схоронила.

До вечера кровью ножи ихъ дымились;
Души не осталось. А Гонта кричитъ:
«Гдѣ вы, людоѣды? куда схоронились?
Вы дѣтокъ заѣли... Охъ, тяжко мнѣ жить;
Мнѣ нѐ съ кѣмъ поплакать, тоски раздѣлить!
Ужь я не увижу ихъ чорныя брови —
Моихъ ненаглядныхъ. О, крови мнѣ, крови!
Шляхетской мнѣ крови — мнѣ хочется пить,
Мнѣ хочется видѣть, какъ кровь та чернѣетъ
И вдоволь напиться... Что вѣтеръ не вѣетъ,
Ляхо̀въ не нагонитъ? Охъ, тяжко мнѣ жить!
Правдивыя звѣзды, укройтесь за тучи!
Я дѣтокъ зарѣзалъ — я васъ не видалъ...
Охъ, слёзы! какъ вы тяжелы и горючи!
Куда я укроюсь?» Такъ Го̀нта взывалъ —
По Умани бѣгалъ. Межь-тѣмъ, средь базара
Коза̀ки поставили рядомъ столы,
Что въ руки попалось, сюда принесли
И сѣли за ужинъ. Послѣдняя кара
И ужинъ послѣдній. «Гуляйте, сынки!
Тяни, пока пьётся, руби, пока бьётся!
Кобзарь, удалую! пусть поле трясётся,
Пускай погуляють мои козаки!»
Сверкая очами, Максимъ восклицаетъ,
И пѣсню лихую кобзарь начинаетъ:

«Мой отецъ — шинкарь,
Кумъ и чеботарь;
Мать — лихая пряха,
Всѣмъ кума и сваха;
Мнѣ за чорны брови
Братья по коровѣ
Привели
И монистовъ разныхъ
Голубыхъ и красныхъ
Нанесли.

«У меня, у Христы,
Серги и мониста;
На плечахъ сорочки
Листья да листочки;
На сапожкахъ красныхъ
По стальной подковѣ...
Выйду утромъ яснымъ
Я къ своей коровѣ...
Я корову напою,
Подою,
Съ молодцами постою,
Постою!

«Послѣ ужина, *вечери*,
Замыкайте, дѣти, двери;
Ты жь, старуха, не томись,
Къ другу старому прижмись!»

Все гуляетъ. Гдѣ же Гонта?
Что онъ не гуляетъ?
Что не пьетъ онъ съ козаками?
Что не распѣваетъ?
Нѣтъ его межъ гайдамаковъ!
Видно, горемыкѣ
Ни до пѣсень, ни до грому
Ружей и музыки.

Но кто это, освѣщённый
Заревомъ пожара,
Въ чорной свиткѣ съ *освящённымъ*
Бродитъ средь базара?
Подойдя къ высокой кучѣ,
Что предъ нимъ чернѣла,
Онъ склоняется и ищетъ...
Отыскалъ... Два тѣла,
Двухъ подростковъ взялъ на плечи
И, позадъ базара,
Чрезъ тѣла переступаетъ,
Кроясь средь пожара.
Кто же это? — Это Гонта!
Злой тоской убитый,
Онъ дѣтей несетъ за городъ,
Чтобъ ихъ прахъ, прикрытый
Кровью взмоченной землею,
Хоть звѣрьё не ѣло.

Вдоль по улицамъ пустыннымъ,
Гдѣ не такъ горѣло,
Онъ несетъ ихъ, укрываясь:
Пусть никто не знаетъ,
Какъ козакъ дѣтей хоронитъ,
Слёзы проливаетъ.
Выйдя въ полѣ, *освящённый*
Ножъ онъ вынимаетъ
И выкапываетъ яму.
Умань догораетъ,
Свѣтитъ Гонтѣ на работу.
Но чего жь при свѣтѣ
Догорающихъ обломковъ
Гонтѣ страшны дѣти?
Но чего жь онъ — словно крадетъ
Или кладъ хоронитъ —
Весь трясётся. Степь отъ кликовъ
Гайдамаковъ стонетъ;
Но онъ, сирый, тѣмъ знакомымъ
Кликамъ не внимаетъ:
Торопливо ладитъ хату,
Ладитъ — разрываетъ.
И, приладивши, два трупа
Въ той глубокой хатѣ,
Не глядя, кладетъ — знать, слышитъ:
«Мы не ляхи, тятя!»
Изъ-за пазухи китайку
Вынувъ, лобызаетъ
Онъ ихъ въ очи и китайкой
Той ихъ покрываетъ.
Но, спустя одно мгновенье,
Онъ ее снимаетъ
И, рыдая тяжко, горько,
Къ трупамъ припадаетъ:
«Вы на милую Украйну
Поглядите, дѣти:
Вѣдь она... изъ-за нея, вѣдь,
Намъ не жить на свѣтѣ.
Но кто Гонту похоронитъ
На чужомъ на полѣ?
Кто заплачетъ — пожалѣетъ
О моей о долѣ?

Ты зачѣмъ меня семьёю,
Доля, надѣлила?
Ты зачѣмъ меня и дѣтокъ
Раньше не сгубила?
Смерть нейдетъ — и вотъ отецъ васъ,
Дѣти, погребаетъ!»
Креститъ мёртвыхъ — и землею
Яму засыпаетъ.
«Спите, дѣти! Приготовить
Видно не съумѣли
Руки матери-полячки
Вамъ другой постели.
Безъ цвѣточковъ-василёчковъ
Почивайте, дѣти,
Здѣсь въ землѣ, прося у Бога,
Чтобъ на этомъ свѣтѣ
Покаралъ меня Спаситель
За грѣхи за эти...
То жь, что вы забыли вѣру,
Вамъ прощаю, дѣти!»

Схоронивъ, сравнялъ онъ землю,
Чтобъ враги не знали,
Гдѣ погибли дѣти Гонты,
Гдѣ ихъ закопали.
«Спите, спите! Поджидайте:
Мнѣ не жить на свѣтѣ!
Я убилъ васъ; та же доля
И меня ждетъ, дѣти!
И меня убьютъ — схоронятъ,
Только кто — не знаю.
Гайдамаки?... Такъ еще разъ
Съ вами погуляю!»
Всталъ бѣдняга и поплелся:
Ступитъ — спотыкнётся...
Пламя пышетъ... Гонта глянетъ,
Глянетъ — усмѣхнётся...
Страшно, страшно усмѣхался...
Но вотъ оглянулся,
Вытеръ слёзы и въ пожарномъ
Дымѣ окунулся.

ЭПИЛОГЪ.

Минуло то время, давно миновало,
Когда я ребёнкомъ, голодный, блуждалъ
По той по Украйнѣ, гдѣ Гонта, бывало,
Съ ножомъ освящённымъ, какъ вѣтеръ, гулялъ.
Минуло то время, какъ тѣми путями,
Гдѣ шли гайдамаки, босыми ногами
Ходилъ я, пытаясь найдти гдѣ-нибудь
Людей, чтобъ къ добру указали мнѣ путь.
Припомнилъ — и плачу, что горе минуло.
О, если бъ ты снова ко мнѣ завернуло,
Я отдалъ бы съ радостью счастье моё
За прежнія слёзы, за горе-житьё.
Припомнилъ — и снова поляны родныя,
И дѣдъ, и отецъ, и невзгоды былыя
Предъ взоромъ проносятся. Живъ еще дѣдъ,
Отецъ же въ могилѣ — родимаго нѣтъ!...
Бывало, въ субботу, закрывши «Минеи»
И выпивъ по чаркѣ родной романеи,
Отецъ проситъ дѣда, чтобъ тотъ разсказалъ,
Какъ въ Умани встарь гайдамаки гуляли,
Какъ Гонта проклятыхъ поляковъ каралъ.
Столѣтнія очи, какъ звѣзды, сіяли —
И лился, смѣнялся ужасный разсказъ:
Какъ гибли поляки, какъ сёла горѣли.
Сосѣди, бывало, отъ страха нѣмѣли,
И мнѣ, бѣдняку, доводилось не разъ
Оплакивать ктитора злую судьбину.
И, слушая дѣда, никто не видалъ,
Какъ малый ребёнокъ за печкой рыдалъ.
Спасибо, родимый, что ты про кручину,
Про славу козацкую мнѣ разсказалъ:
Разсказъ твой я внукамъ своимъ передалъ.

Люди добрые, простите:
Каюсь, крѣпко каюсь,
Что разсказъ свой вёлъ я просто,
Въ книгахъ не справляясь.

Все, что здѣсь прочтется вами,
Слышалъ я отъ дѣда;
А старикъ не зналъ, не вѣдалъ,
Что его бесѣда
Попадется грамотѣямъ.
Дѣдушка, винюся!
Пусть бранятъ; а той порою
Я къ своимъ вернуся
И окончу, какъ умѣю,
Горькую былину:
Какъ сквозь сонъ, окину взоромъ
Нашу Украину,
Гдѣ ходили гайдамаки
Съ острыми ножами,
Тѣ дороги, что я мѣрилъ
Дѣтскими ногами.
Погуляли гайдамаки,
Лихо погуляли,
Чуть не годъ шляхетской кровью
Землю поливали
По Украйнѣ — и замолкли:
Сабли иззубрили.
Нѣту Гонты — и креста нѣтъ
На его могилѣ.
Разнесли степные вѣтры
Пепелъ гайдамака —
И въ Украйнѣ не осталось
Отъ него и знака.
Правда, братъ его названый
Жилъ еще на свѣтѣ,
Но и тотъ, узнавъ, какъ страшно
Проклятыя дѣти
Расчитались съ нимъ, заплакалъ
Въ первый разъ въ кручинѣ,
И, очей не вытирая,
Умеръ на чужбинѣ.
Грусть-тоска его сразила
Средь чужого поля
И въ чужой песокъ зарыла...
Знать, такая доля!
Такъ погибъ герой Украйны
Желѣзнякъ — и сила

Та *желѣзная*, сломившись,
Мирно опочила.
Схоронили гайдамаки
Батьку-атамана,
И, заплакавъ, разбрелися
По степи безгранной.
Лишь одинъ Ярема долго,
Опершись на палку,
Не спускалъ очей съ могилы:
Горько было, жалко!
«Спи, родимый, спи, желанный!
На чужомъ на полѣ:
На своемъ, знать, нѣту мѣста,
Нѣту мѣста волѣ.
Спи, козакъ, душа прямая!
Кто-то распознаетъ?...»
И пошолъ Ярема степью;
Слёзы утираетъ.
Долго шолъ онъ, озираясь —
И его не стало...
Только чорная могила
Средь степи дремала.
По Украйнѣ гайдамаки
Разсѣвали жито,
Только жать имъ не пришлося:
Градомъ все побито...
Правда сгинула, все кривдой
Въ свѣтѣ повилося.
Разбрелися гайдамаки:
Мѣсто всѣмъ нашлося:
Кто домой, а кто въ дубраву,
Ножъ за голенищемъ,
Чтобъ съ жидами кончить счёты,
Кончить съ пепелищемъ.
А тѣмъ временемъ съ родною
Сѣчью расквитались —
И все ринулось къ Кубани;
Только и остались
Что пороги середь степи...
Стонутъ въ горномъ ложѣ:
«Схоронили нашихъ дѣтокъ!
Съ нами будетъ тоже!»

Разревѣлись — пусть ихъ воютъ!
    Время ихъ минуло,
А Украйна, знать, на-вѣки
    Вѣчные уснула.

Съ той поры по всей Украйнѣ
    Жито зеленѣетъ.
Нѣтъ ни плача, нѣтъ ни грома,
    Только вѣтеръ вѣетъ,
Гнётъ деревья по дубравѣ
    И траву средь поля —
Все умолкло. Пусть же дремлетъ!
    Знать, Господня воля!
Лишь порою гайдамаки,
    Старики сѣдые,
Проплетутся, распѣвая
    Пѣсни удалыя:

«Галайда нашъ ѣдетъ въ гости —
Будетъ хата на помостѣ...
Тѣшься море — не бѣда!
Веселися Галайда!»

Н. Гербель.

ОТЪ ЧИНАЗА ДО ДЖЮЗАКА.

(Изъ путевыхъ записокъ.)

Часу въ восьмомъ утра, я пріѣхалъ на Чиназскую переправу. Утро было прекрасное. Солнце уже довольно высоко поднялось на горизонтѣ. Мелкія, бѣлыя облачка были почти неподвижны. Сыръ-Дарья спокойно катилась, обрамленная камышами, и легкій, едва замѣтный вѣтеръ изрѣдка нагонялъ небольшую рябь на ея желтовато-сѣрую, мутную поверхность.

Много пёстраго и разнообразнаго народа столпилось на берегу, ожидая своей очереди къ переправѣ. Человѣкъ двадцать конныхъ киргизовъ, въ остроконечныхъ бараньихъ малахаяхъ и въ засаленныхъ цвѣтныхъ халатахъ, засунутыхъ за широкіе кожанные панталоны (чамбары), послѣзали съ лошадей и, держа ихъ за поводья, сидѣли на корточкахъ, молча глядя на рѣку своими косыми, узко-прорѣзанными глазами. Нѣсколько коканскихъ арбъ стояли распряженныя: онѣ были нагружены большими полосатыми тюками съ какимъ-то товаромъ. По остывшимъ кучкамъ бѣловатой золы, виднѣвшимся между колесами, въ неглубоко вырытыхъ ямкахъ, можно было замѣтить, что арбы эти еще съ вечера пріѣхали къ переправѣ; арбаначи давно уже успѣли сварить и съѣсть свой пловъ и уложить между тюковъ плоскіе котлы и затѣйливой формы кунганчики. *)

Отдохнувшія лошади, покрытыя отъ шеи до хвоста ковровыми попонами и привязанныя къ колесамъ, жевали длинные стебли женушки. **)

---

*) Маленькій кувшинчикъ, съ очень длиннымъ носикомъ, употребляющійся преимущественно для варки чая.

**) Кормовая трава, родъ люцерны.

Надо замѣтить, что здѣшній народъ, исключая только киргизовъ, любитъ тепло кутать своихъ лошадей, особенно если приходится ночевать на открытомъ воздухѣ.

Немного поодаль толпились пѣшіе киргизы съ овцами, которыхъ они не успѣли продать на вчерашнемъ Чиназскомъ базарѣ, и теперь гнали ихъ домой, въ свои кочевки.

Здѣсь же я замѣтилъ четырехъ евреевъ съ длинными темнорусыми локонами на вискахъ, въ низенькихъ шапочкахъ и въ теплыхъ бумажныхъ халатахъ. Они пробирались въ Джюзакъ, и ѣхали верхомъ на тощихъ, высоко навьюченныхъ клячахъ. На каждой лошади, поверхъ обыкновеннаго сартовскаго сѣдла, были уложены двѣ переметныя сумы, а сверху еще множество мягкой рухляди, такъ что всадники сидѣли точно на верблюдахъ, едва доставая до спины животныхъ своими ногами въ туфляхъ.

Чиназскій паромъ довольно помѣстителенъ, обитъ желѣзомъ и построенъ въ видѣ плоскодонной барки съ бортами въ аршинъ высоты и возвышенными платформами на носовой и кормовой частяхъ; съ такого парома повозкѣ или лошади трудно сорваться въ воду, что не рѣдкость на обыкновенныхъ плотахъ-паромахъ, но зато и нагрузка на него чрезвычайно затруднительна. Притомъ, онъ ходитъ на веслахъ, что также медленно и неудобно; каната же надлежащей длины и прочности въ окрестностяхъ не обрѣтается, а выписать его, не смотря на ежегодные сборы, мѣшаетъ отчасти дороговизна, но преимущественно киргизская скупость и лѣнь. Паромъ находился у берега на нашей сторонѣ и стала производиться нагрузка. При мнѣ начали ставить арбы. Это дѣлалось такимъ образомъ: на борты парома клались двѣ доски въ разстояніи, соотвѣтствовавшемъ ширинѣ хода арбы; свободные концы досокъ плотно упирались въ берегъ; по нимъ арба накатывалась на бортъ и, перевалившись черезъ него, со стукомъ падала на платформу. Иногда колесо соскальзывало съ доски и арбѣ грозила опасность перевернуться въ воду, но тотчасъ же десятки рукъ подхватывали ее, и, съ крикомъ и шумомъ, направляли снова на доски. Возни было много, и когда послѣдняя арба установилась на паромѣ рядомъ съ другими, измученные арбаначи и паромная прислуга, вся изъ киргизовъ, усѣлись на бортахъ парома, едва переводя духъ и поснимавъ чалмы съ своихъ бритыхъ, мокрыхъ отъ пота головъ. Вслѣдъ за поставкою арбъ, нѣкоторый порядокъ, наблюдавшійся при ихъ нагрузкѣ, прекратился: толпа пассажировъ, нагоняя животныхъ, толкаясь и путаясь, ринулась къ парому, дрогнувшемуся и закачавшемуся при ихъ вступленіи на него. Лошади фыркали, пряли ушами, жались и неохотно шли съ берега; нагайки свистали въ воздухѣ; кованныя конскія ноги скользили на желѣзныхъ бортахъ и надо было подостлать что-нибудь: съ какого-то оборваннаго киргиза сняли истас-

канный халатъ и разложили на борту. Потомъ начали нагружать овецъ: ихъ просто швыряли съ берега на паромъ, какъ кули. Хозяева ругались между собою: каждому хотѣлось поскорѣе перешвырнуть своихъ питомцевъ и загнать ихъ подъ кормовую платформу. Евреи успѣли взобраться и перетащить лошадей прежде всѣхъ. Черезъ минуту берегъ опустѣлъ и человѣкъ десять киргизъ, отвязавъ канатъ отъ причала и бредя по колѣно въ водѣ, потащили паромъ вверхъ по теченію. Поднявшись саженъ на сорокъ, канатъ былъ отцѣпленъ и паромъ пошолъ на веслахъ наискось, направляясь къ противоположному берегу. Почти на самой серединѣ рѣки находился небольшой, продолговатый островокъ; его песчаныя окраины, отлого спускающіяся въ воду, были лишены всякой растительности и только слѣды голенастыхъ птицъ испещряли его по разнымъ направленіямъ. На болѣе возвышенной серединѣ росъ довольно густой верескъ и кой-гдѣ подымались жидкіе таловые кустарники. Теченіе Сыръ-Дарьи, разбиваясь объ этотъ островъ, развѣтвляется на двѣ части и между ними тянется песчаная отмель, на которую и нагнало нашъ паромъ, несмотря на всѣ усилія туземцевъ-паромщиковъ и крики распорядителя переправы, маленькаго смуглаго человѣчка, въ однихъ только кожанныхъ панталонахъ и огненно-красной тибетейкѣ, на коротко остриженной, но не бритой головѣ. Минуты черезъ двѣ, насъ сильно качнуло въ сторону: паромъ сталъ всею носовою частью на отмели; лошади шарахнулись, овцы заметались на палубѣ, гвалтъ и шумъ на паромѣ усилился; одни только евреи остались совершенно покойны и равнодушны ко всему окружающему. Такимъ образомъ, мы провозились около часу: паромъ не поддавался нашимъ усиліямъ и какъ бы не хотѣлъ трогаться съ мѣста: рѣшено было облегчить его. Отъ кормы отвязали длинную плоскодонную лодку, до половины залитую водою, и начали пересаживать въ нее пѣшихъ киргизовъ, человѣкъ по двадцати въ одинъ разъ, для переправы на тотъ берегъ. Но лодка совершила по крайней мѣрѣ пятый рейсъ, а паромъ все не трогался. Въ это время я замѣтилъ одного киргиза, проталкивающагося сквозь толпу, таща за собою свою маленькую рыжую лошаденку. Меня заинтересовало, что онъ намѣренъ дѣлать дальше, и я сталъ слѣдить за острою верхушкою малахая, который, съ большимъ трудомъ, поминутно останавливаясь, но тѣмъ не менѣе неуклонно подвигался къ кормѣ. Наконецъ онъ добрался и влѣзъ на платформу, за нимъ вскочила и лошадь; послѣ этого, медленно и осторожно онъ сѣлъ на своего рыжака, подвелъ его къ самому краю кормы и, отдавъ поводья, вдругъ толкнулъ его ногами, съ легкимъ гикомъ; лошадь вытянула шею, раздула ноздри, навострила подрѣзанныя уши и ринулась въ Дарью...

— Ишь ты, лѣшій косоглазый! раздалось около меня. Я оглянулся: это былъ маленькій паромщикъ.

— Ты развѣ говоришь по-русски? спросилъ я его, удивленный этимъ восклицаніемъ.

— Да вѣдь я, ваше благородіе, не изъ ихнихъ, отвѣчалъ онъ: — это насчетъ одежи только, потому — сподручнѣй.

— А давно ты научился такъ бойко говорить по-киргизски?

— Какъ въ степь пришли; вотъ уже третій годъ пошолъ съ Покрова дня.

Я тогда очень удивился, но потомъ мнѣ часто приходилось видѣть, какъ скоро наши солдаты выучиваются бѣгло говорить на туземномъ языкѣ, и сколько разъ, на разныхъ базарахъ, я замѣчалъ группы нашихъ бѣлыхъ рубашекъ, которыя бойко и совершенно не нуждаясь въ переводчикахъ, торговали себѣ разныя разности у пороговъ тѣнистыхъ татарскихъ лавочекъ.

Пока я разговаривалъ съ перевозчикомъ, бросившійся въ воду киргизъ уже былъ близко отъ берега. Степная лошадка дружно работала въ водѣ маленькими ножками и скоро выкарабкалась на берегъ, таща за собою уцѣпившагося за хвостъ хозяина. Тамъ оба они отряхнулись и черезъ минуту скрылись въ камышахъ, откуда изрѣдка кивала острая верхушка малахая, да кое-гдѣ выглядывала оригинальная верблюжья голова, на длинной мохнатой шеѣ. Далѣе я замѣтилъ нѣсколько странныхъ предметовъ, плывшихъ по теченію; они направлялись къ оставленному нами чиназскому берегу. Когда они подплыли ближе, я увидѣлъ большія связки камыша, по двѣ и по три вмѣстѣ, на которыхъ сидѣли киргизы, поджавъ подъ себя ноги и гребя небольшими, сучковатыми палками. Послѣ я узналъ, что большая часть камыша, доставляемаго на чиназскій базаръ, сплавляется именно такимъ образомъ. Наконецъ нашъ паромъ, значительно облегченный, тронулся съ мѣста: насъ снова потянуло по теченію и причалило къ берегу. Солнце находилось на срединѣ горизонта и сильно жгло, сверхъ того началась медленная и утомительная разгрузка и пришлось дожидаться нѣсколько часовъ оказіи, за которой паромъ снова отправился къ Чиназу. Оказія состояла изъ одной арбы съ самаркандскою почтою и одиннадцати конвойныхъ казаковъ. Вторая переправа обошлась безъ приключеній; легко нагруженный паромъ благополучно миновалъ отмель. Переправившись, мы снова потянулись караваномъ на степную дорогу. Арбы отправились въ путь прежде и скрылись за камышами, только, кое-когда, доносился по вѣтру скрипъ высокихъ коканскихъ колесъ и рѣзкое гиканье арбаначей. Наканунѣ нашей поѣздки шолъ проливной дождь. Дорога проложена была по солонцоватой почвѣ, которая сильно разгрязнилась и не успѣла еще просохнуть, несмотря на сегодняшній жаркій весенній день. Растворившаяся соль выступила на поверхность и покрыла землю бѣловатымъ налетомъ, что чрезвычайно напоминало наши русскіе утренники. Мы были

Тип. В. Безобразова и К°.

въ преддверіи степи: чтобы достичь ея, надо было проѣхать отъ берега еще версты четыре камышами. Вотъ показалась и она, словно чорное море. Вдругъ нѣсколько казаковъ, ѣхавшихъ влѣво отъ дороги, остановились и послѣзли съ лошадей; мнѣ показалось, что они что-то разсматривали на землѣ и я, изъ любопытства, направилъ къ нимъ свою лошадь.

— Вотъ онъ тутъ прошолъ, говорилъ одинъ изъ казаковъ, указавъ пальцемъ въ камыши.

— Да, надо полагать, должно быть недавно, говорилъ другой: — совсѣмъ свѣжій, а когтищи какіе, мать ты моя! Крючья, одно слово.

— А, чай, онъ, братцы, тутъ недалече сидитъ?

— Да, вотъ, гляди сейчасъ выглянетъ, да спроситъ: «чаю, молъ, вамъ, ребята, подать? асы!»

— Намедни солдатикъ одиого ухлопалъ: съ хвостомъ безъ малаго двѣ сажени...

— А ты потяни еще маленько, можетъ подлиннѣе будетъ.

Я подъѣхалъ къ козакамъ и увидѣлъ слѣды громаднаго тигра. Слѣдъ былъ глубокій, свѣжій; большіе острые когти рѣзко отпечатались на солончакѣ; широкій кустъ камыша былъ совершенно смятъ: нѣсколько стеблей лежали, надломленные у корня. На этомъ берегу Сыръ-Дарьи тигры встрѣчаются довольно рѣдко; они сюда заходятъ, какъ гости, навѣдаться въ киргизскіе аулы и поживиться молодымъ верблюжонкомъ или лошадью, по крайней мѣрѣ я не слыхалъ, чтобы встрѣчались тигры съ дѣтёнышами; межъ тѣмъ, какъ на правомъ берегу Дарьи, особенно по Чиргису, попадаются довольно часто тигровыя семьи, и находили не разъ мѣста ихъ залежекъ. Тигры переплываютъ рѣку легко, даже въ самыхъ широкихъ мѣстахъ. Мнѣ разсказывалъ одинъ уральскій козакъ, что разъ ночью, верстахъ въ трехъ отъ Чиназа, онъ видѣлъ большого тигра, переплывающаго рѣку, наискось теченія. Я думаю, красиво было смотрѣть на широкую, свирѣпую морду, съ короткими ушами, которая, фыркая и морщась, движется по водѣ, оставляя за собою пѣнистую борозду. Вотъ онъ выбрался на берегъ и встряхнулся; мелкія брызги летятъ въ воздухѣ и серебрятся на лунномъ свѣтѣ; тигръ останавливается, навостряетъ уши, широко втягиваетъ воздухъ ноздрями и огромными прыжками скрывается въ камышахъ...

Покуда козаки и я разсматривали отпечатки могучихъ, когтистыхъ лапъ, оказія значительно подвинулась впередъ. Мы сѣли на лошадей и рысцою тронулись по дорогѣ. День приходилъ къ концу и отъ коней и отъ всадниковъ потянулись по степи длинныя синеватыя тѣни.

Темныя тучи сурово подымались съ запада. Солнце садилось красное, какъ раскаленное желѣзо, ярко освѣщая верхушки камыша, соломенные плетеные навѣсы на арбахъ, смуглыя горбоносыя лица и тонкіе стволы козачьихъ винтовокъ. Въ сторонѣ сверкало продолговатое озеро; у бере-

говъ бродили высокія цапли; поминутно то та, то другая опускали въ воду свои длинные носы и, вынувъ ихъ, опрокидывали къ верху. При нашемъ приближеніи они тяжело взмахнули широкими пепельными крыльями и, вытянувъ длинныя ноги, лѣниво полетѣли, стелясь почти надъ землею. Надъ нашими головами, съ рѣзкимъ кряканьемъ, пронеслась вереница утокъ и съ шумомъ опустилась на озеро, раздробивъ его гладкую поверхность.

Теплый югозападный вѣтеръ налеталъ сплошными порывами; тучи надвигались все болѣе и болѣе, закрывъ собою солнце; красноватый колоритъ исчезъ почти мгновенно, а минутъ черезъ десять совершенно стемнѣло. Закрытое тучами небо совершенно слилось съ горизонтомъ, только на востокѣ свѣтлѣлъ еще не задернутый клочекъ и на немъ ярко горѣла одинокая звѣздочка. Глазъ не могъ болѣе бороться съ непроницаемымъ мракомъ; въ двухъ шагахъ нельзя было примѣтить бѣлой лошади, и мы ощупью подвигались впередъ, стараясь добраться хоть до первыхъ колодцевъ.

Часа два шли мы такимъ образомъ. Впереди показались огни: это были переднія арбы, ушедшія нѣсколько раньше нашего съ переправы. Онѣ остановились въ степи покормить лошадей, а такъ какъ и наши кони шли уже замѣтно лѣнивѣе, то мы заблагоразсудили тоже остановиться на отдыхъ, тѣмъ болѣе, что двигаться въ такой темнотѣ и неудобно, и до крайности утомительно.

Прежде всего надо было разложить огни, что было очень затруднительно при усиливающемся съ минуты на минуту вѣтрѣ; въ открытой степи онъ превратился почти въ ураганъ, срывалъ съ арбъ рогожныя обшивки, съ арбаначей ихъ бумажныя чалмы, и рѣшительно парализировалъ всѣ наши старанія развести хотя какой нибудь костерчикъ.

Арбаначи были счастливѣе насъ; они поставили арбы колесами вмѣстѣ, навѣсили войлоки на оглобли и приколотили ихъ къ землѣ маленькими колышками, прихвативъ все это сверху волосяными арканами. Черезъ нѣсколько минутъ у нихъ уже пылали маленькіе огоньки, и веселое пламя облизывало бока закопченыхъ кунганчиковъ. Мы бросили безполезныя усилія развести свой собственный костеръ и пристроились къ нимъ, въ ихъ импровизированные шалаши, въ которыхъ было относительно тихо, хотя ѣдкій дымъ отъ горѣвшей колючки рѣзалъ глаза и препепріятно щекоталъ въ горлѣ.

— Эге, братъ, куда насъ снесло! раздался довольно свѣжій молодой голосъ. Въ отвѣтъ на это кто-то свиснулъ. — Ну, да ладно, говорилъ опять тотъ же голосъ, уже шагахъ въ трехъ отъ насъ и, между колесъ, въ ярко освѣщенномъ пространствѣ, показались двѣ оригинальныя фигуры.

Одна была въ бѣломъ солдатскомъ кепи, въ красной кумачевой ру-

башкѣ и кожанныхъ штанахъ въ сапоги; на поясѣ болталось нѣсколько разноперыхъ утокъ, висѣвшихъ на тонкихъ бичевкахъ, завернутая въ кошму бутылка, маленькій мѣдный котелокъ и круглый кожанный теркешь съ чашками. Другой былъ съ жиденькой, рыжеватой бородкой, въ изорванномъ синемъ бешметѣ, заложенномъ въ коженныя же шаровары, въ башмакахъ, надѣтыхъ на босую ногу, и тоже съ порядочнымъ запасомъ битой дичи у пояса. У него я замѣтилъ, кромѣ того, большого дикаго гуся, который, вися на длинной шеѣ, доставалъ до земли вытянутыми, помятыми крыльями. У обоихъ за плечами были длинныя ружья, передѣланныя изъ старыхъ, гладкоствольныхъ, отжившихъ свой вѣкъ, солдатскихъ ружей. Они, не кланяясь, не прося позволенія, безъ всякой церемоніи вошли нагнувшись подъ кошму и, потѣснивъ ближе сидѣвшихъ арбаначей, подсѣли къ огню. Только одинъ, въ красной рубашкѣ, замѣтивъ меня, крякнулъ какъ-то и скороговоркой спросилъ: «далече-ли ѣдете?» но спросилъ такимъ тономъ, что видимо не интересовался отвѣтомъ. Впрочемъ, мы скоро разговорились.

Это были охотники изъ Чиназа. Въ послѣднее время очень много безсрочныхъ солдатъ изъ туркестанскихъ батальоновъ, которымъ предстояло идти на родину, пожелали остаться въ области. Особенно много охотниковъ оказалось поселиться въ Чиназѣ: мѣсто привольное, большая рыбная рѣка подъ бокомъ, въ безконечныхъ камышахъ множество дикихъ кабановъ, кромѣ того — обиліе разной летающей дичи; короче — возможность добывать легко и не скучно очень хорошій кусокъ хлѣба манила безсемейныхъ солдатъ, уже успѣвшихъ отвыкнуть отъ далекой родины. Между ними оказались впослѣдствіи замѣчательные немвроды: были и такіе одиночные бойцы на тигровъ, передъ подвигами которыхъ моглибы поблѣднѣть пресловутые подвиги Жерара.

Наши гости увлеклись богатой добычей на озерахъ и, возвращаясь, сбились въ темнотѣ съ должнаго направленія; потомъ уже разложенные наши огни служили имъ путеводною нитью.

Сильный вѣтеръ, нагнавшій, грозившія проливнымъ дождемъ, тучи, успѣлъ уже разогнать ихъ. Покуда мы разговаривали да напились чаю, небо разчистилось и по темно-синему звѣздному фону быстро неслись разорванныя темныя пятна. Стало значительно свѣтлѣе; вѣтеръ ослабѣлъ; кони наши отдохнули, поѣли и помахивали головами съ пустыми навѣшанными торбами. Надо было собираться въ путь; намъ хотѣлось до свѣта добраться до Мурза-Рабата, чтобы въ двое сутокъ пройти отдѣлявшую насъ отъ Джюзака степь.

Послѣ недолгихъ сборовъ и небольшой возни, оказія снова тронулась въ путь. Чиназскіе охотники остались отдыхать около остатковъ нашего огня и долго еще, оглянувшись назадъ, мы видѣли красноватую точку

которая то затухала, то вспыхивала снова отъ подброшенной горсти прошлогодней степной колючки.

Покойное сѣдло, мѣрный шагъ лошади, однообразный скрыпъ арбяныхъ колесъ — все это сильно клонило ко сну: надо было слѣзть съ лошади и пройти версты полторы пѣшкомъ, чтобы сколько нибудь разогнать навязчивую сонливость. Потомъ усталость заставила снова сѣсть на лошадь и снова захотѣлось спать, только гораздо сильнѣе прежняго. Арбаначи опять оказались счастливы: поставивъ ноги на широкія оглобли и перегнувшись въ своемъ плоскомъ сѣдлѣ они положительно спали настоящимъ сномъ — не дремотою; нѣкоторые даже прихрапывали довольно громко. Я же никакъ не могъ послѣдовать ихъ примѣру: мнѣ все казалось, что я непремѣнно долженъ полетѣть съ лошади, а спать хотѣлось до такой степени, что мнѣ не разъ приходила мысль остановиться, взять лошадь на длинный арканъ и залечь отдохнуть посреди степи — да хранитъ дескать всѣхъ благое Провидѣніе.

Послѣ восьмичасоваго утомительнаго перехода мы увидѣли Мурза-Рабатъ. Еще издали замѣтно было надъ нимъ красноватое зарево; теперь же, съ каждымъ шагомъ впередъ, передъ нами росла громадная чорная масса, которая эфектно свѣтилась своими полуразрушенными арками. Представьте себѣ посреди совершенно голой, горизонтальной, какъ морская поверхность, степи одинокое, оригинальное зданіе. Снаружи оно представляетъ нѣсколько арокъ и довольно высокій, нѣсколько разсползшійся, куполъ, вокругъ котораго лѣпятся такіе же купола нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Внутреннее помѣщеніе Мурза-Рабата состоитъ изъ средней большой, круглой залы со сводчатымъ потолкомъ и двѣнадцати меньшихъ крадратныхъ помѣщеній, прилѣпившихся къ средней залѣ по три съ каждой стороны.

Нѣсколько вѣковъ стоитъ это строеніе; наружныя арки потрескались, нѣкоторыя подломились вовсе и висятъ, грозя обрушиться на безпечныя, бритыя головы отдыхающихъ подъ ними право и неправовѣрныхъ; все вокругъ зданія и внутри его усыпано битымъ красносженымъ кирпичемъ, но — прочно стоитъ главный, мастерски сложенный, сводъ и никакому времени соединенному съ періодическими землетрясеніями не пошатнуть его въ его вѣковомъ, какъ желѣзо твердомъ, цементѣ.

Кто построилъ это зданіе — неизвѣстно; въ преданіяхъ средне-азіатскихъ о немъ не упоминается. Между тѣмъ въ безконечныхъ степяхъ Азіи встрѣчается не одна подобная постройка; видно, что была когда-то сильная рука, которая умѣла вызвать къ дѣятельности апатичныхъ номадовъ, и благотворные слѣды этой дѣятельности останутся вѣчными памятниками далекаго славнаго прошедшаго народовъ средней Азіи. Все, что принадлежитъ этому прошедшему, въ преданіяхъ народа связано тѣсно съ личностью Тамерлана и все, что только заставляетъ мысль обратиться

къ прошедшему, все приписывается чудовищной силѣ и дѣятельности баснословнаго Тимура.

Кирпичъ, изъ котораго построено это зданіе, превосходно обожженъ и имѣетъ форму квадратныхъ плитъ, стороны которыхъ не менѣе полуаршина; онъ очень проченъ и видимо привозился изъ далека, потому что въ окрестностяхъ Мурза-Рабата нигдѣ не замѣтно слѣдовъ глиняныхъ ямъ, да и свойство почвы не удобно для этого дѣла. Верстахъ въ десяти отъ Джюзака, въ глубокой лощинѣ, вправо отъ Тамерланова ущелья, я замѣтилъ громадныя ямы, которыя тянулись верстъ на шесть въ глубь лощины, и совершенно заросли сухой горной растительностью, но по формѣ и относительному положенію они видимо принадлежали человѣческой дѣятельности. Не здѣсь ли добывалась глина и дѣлались кирпичи для этихъ Тимуровскихъ построекъ? Сколько трудовъ и терпѣнія, сколько народу было употреблено на эти постройки. Воображаю, какую шумную, оживленную картину представлялъ лагерь строителей посреди унылой, однообразной степи; какіе безконечные караваны арбъ и верблюдовъ тянулись сюда, нагруженные строительными матеріалами. Да, то было хорошее время, хотя и много бритыхъ головъ валилось съ плечъ по одному только капризному взгляду, по одному движенію повелѣвающей руки.

На Мурза-Рабатѣ мы застали большое общество нѣсколько десятковъ распряженныхъ арбъ рядами стояли на дорогѣ; лошади были заведены подъ крыши; говоръ множества голосовъ глухо гудѣлъ подъ главнымъ сводомъ; во всѣхъ нишахъ пылали небольшіе огни и синеватый дымъ стоялъ неподвижнымъ густымъ облакомъ. Джюзакская оказія еще не приходила. Мы должны были дожидаться до утра и расположиться на отдыхъ, желая покойнѣе провести остатокъ ночи. Не смотря на кажущуюся тѣсноту, помѣщенія для насъ нашлось въ достаточномъ количествѣ; послѣ, осмотрѣвшись, я увидѣлъ, что еще много народу, коннаго и пѣшаго, могло бы помѣститься подъ этими вѣковыми сводами.

Шагахъ въ пятидесяти отъ этого зданія, по другую сторону дороги возвышался другой, отдѣльно стоящій, куполъ. Формой своей онъ напоминалъ наши русскіе стога сѣна, только несравненно большихъ размѣровъ. Подъ нимъ, въ воронко-образномъ углубленіи, наружный діаметръ котораго былъ не менѣе четырехъ саженъ, помѣщался глубокій, обложенный кирпичемъ, колодезь, къ которому вела покатая, когда-то крытая, галерея и по ней очень удобно было сводить лошадей и поить ихъ въ каменныхъ корытахъ, которыя стояли тутъ-же по обоимъ сторонамъ колодца. Вода въ этомъ колодцѣ солоноватая, довольно чистая и неудобная только для чая; лошади же пьютъ ее съ большимъ апетитомъ.

Покуда я бродилъ и разсматривалъ при свѣтѣ костровъ это чудное

зданіе, наши путевые товарищи уже успѣли устроиться: вся компанія сидѣла на корточкахъ на разостланныхъ ковровыхъ попонахъ и попеременно грѣла руки у весело трещавшаго огонька. Плоскій чугунный котелъ помѣстился на двухъ поставленныхъ на ребро кирпичахъ и на особомъ коврикѣ разложены были разные припасы, необходимые при варкѣ плова.

Пловъ — это такое типичное блюдо азіатцевъ, что я не считаю лишнимъ посвятить нѣсколько строкъ на описаніе его приготовленія; къ тому же я, подсѣвъ поближе къ огню, внимательно слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ. Высокій, плотный сартъ, спустивъ съ плечь верхній халатъ и засучивъ по локоть рукава второго, вынулъ изъ кожанной переметной сумы курдюкъ бараньяго сала и, отрѣзавъ отъ него порядочный кусокъ, искрошилъ его ножомъ на мелкіе кусочки, которые и переложилъ въ котелокъ, достаточно для этаго нагрѣвшійся; потомъ была изрѣзана баранья ляжка и сложена туда же въ растопившееся и кипѣвшее сало. Когда мясо достаточно пережарилось и сняты были накипѣвшая пѣна и волокнистые остатки, то въ котелъ положенъ былъ рисъ предварительно тщательно перемытый въ плоской деревянной чашкѣ. Мнѣ очень часто приходилось слышать о неопрятности азіатской кухни, но потомъ нѣсколько разъ приходилось убѣдиться въ совершенно противномъ. Когда пловъ былъ почти готовъ, то къ нему подбавили мелко изрѣзанные лукъ, морковь, двѣ или три щепотки соли и перцу и, перемѣшавъ все это тщательно, дали еще прокипѣть и затѣмъ сняли съ огня для всеобщаго употребленія.

Пловъ былъ очень вкусенъ, мясо пережарилось превосходно, каждая крупинка рису отдѣлялась и разныя постороннія примѣси оказались какъ нельзя болѣе кстати. Я поѣлъ съ большимъ апетитомъ и въ свою очередь угостилъ компанію имѣвшимися при мнѣ пирожками и просто кусками сахара, который сарты ѣли, такъ прямо самъ по себѣ, звучно жуя своими великолѣпными бѣлыми зубами. Послѣ плова принялись за зеленый чай, заваренный въ кунгахъ, это очень хорошее обыкновеніе, особенно послѣ такого жирнаго блюда. Черезъ десять минутъ я, а скоро и остальная публика, залегли кому какъ удобнѣе, и заснули какъ убитые. Впрочемъ не надолго.

Часа черезъ полтора я услышалъ какой-то шумъ, неистовые крики и топотъ скачущихъ лошадей. Прежде всего мнѣ въ голову пришла мысль о нападеніи. Я вскочилъ и осмотрѣлся.

Солнце еще не всходило, но было совершенно свѣтло; небо синее, безоблачное; въ воздухѣ было прохладно. Нѣсколько конныхъ маршъ-маршъ неслись по степи; впереди ихъ, мелькая въ кустахъ прошлогодняго ревеня, чернѣлись какія-то двѣ точки: это были волки, которые, пользуясь нашимъ сномъ, подкрались было къ нашей стоянкѣ. Разстоя-

ніе между всадниками и волками видимо увеличивалось, но вотъ со стороны Джюзака, совершенно неожиданно, показался одинъ конный: онъ скакалъ прямо на перерѣзъ волкамъ и какъ скакалъ! Такую скачку можно видѣть только въ степи: казалось, что лошадь, вытянувшись во всю свою длину, не перебирала ногами, а просто скользила въ воздухѣ. Вотъ она на одно мгновеніе какъ будто остановилась, громаднымъ прыжкомъ махнула черезъ какую-то рытвину, и снова понеслась, словно стелясь надъ степью. Волки, озадаченные неожиданнымъ появленіемъ новаго врага, остановились, съежились, поджавъ хвосты, и вдругъ перемѣнили направленіе, но уже поздно: тамъ тоже скакали всадники и, неразрывною цѣпью, охватывали оробѣвшихъ бѣглецовъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ степи что-то жалобно завыло. Импровизованная охота окончилась. Тогда я обратилъ вниманіе на виновника удачной охоты, который шагомъ приближался къ намъ на своей мокрой отъ пота дымившейся лошади.

По чорной цыганской физіономіи, по кольцамъ лоснящихся курчавыхъ волосъ, которые, выбиваясь изъ подъ высокой, остроконечной бараньей шапки, падали почти до плечъ, по болѣе воинственному виду и свободной посадкѣ въ сѣдлѣ, въ немъ легко можно было узнать афгана, которыхъ довольно много появилось въ русской службѣ, особенно въ послѣднее время. Высокій, поджарый аргамакъ, уроженецъ тюркменскихъ степей, опустивъ голову и побрякивая амулетами, навѣшанными на тонкой шеѣ, красиво шелъ на совершенно опущенныхъ поводьяхъ. Афганъ былъ вооруженъ: недлинная сабля съ желѣзной ручкой, съ краснымъ шолковымъ темлякомъ болталась на кожанномъ поясѣ, увѣшанномъ разными предметами; патронташъ, украшенный мѣдными бляхами, ножъ въ чехольчикѣ, огниво, протравникъ, кошелекъ и много еще разныхъ вещей, гремя и шелестя, обвивали талію всадника. Къ довершенію всего, на спинѣ покоился небольшой круглый металлическій щитъ, выкрашенный синей краскою и отдѣланный серебряннымъ галуномъ и позолоченными бляхами, а на лѣвой сторонѣ груди былъ нашитъ затасканный кусочекъ георгіевской ленточки. Этотъ афганъ везъ письма изъ Самарканда, адресованныя къ ташкентскому генералъ-губернатору. Отъ него мы узнали, что оказія изъ Джюзака должна скоро прійти, потому-что онъ обогналъ ее, не болѣе какъ въ шести верстахъ отъ Мурза-Рабата. Можно было тронуться дальше. Мы начали укладываться и приготовляться къ дорогѣ.

Когда я сворачивалъ свой коврикъ, то замѣтилъ, что изъ подъ него вылезло отвратительное существо: это была крупная фаланга и вѣроятно я притиснулъ ее какъ нибудь неосторожно, потому-что она вяло ползла по кирпичамъ, волоча одну заднюю ногу. Фаланга животное прескверное, чтобъ не сказать больше. Представьте себѣ большого, зеленовато-бураго

паука съ длиннымъ туловищемъ. Кто не знаетъ характеристичнаго крючка на концѣ у хвоста скорпіона! Если спаять вмѣстѣ четыре такихъ крючка, такъ чтобы они соприкасались своими острыми кончиками, то получится голова фаланги. Восемь длинныхъ, колѣнчатыхъ ногъ идутъ отъ средины туловища; задняя пара гораздо длиннѣе остальныхъ. Отталкиваясь этими ногами отъ земли, фаланга можетъ прыгать вверхъ и въ стороны и прыжки эти доходятъ иногда до аршина. Фаланга ползетъ не слишкомъ быстро и постоянно шевеля передъ собою передними ногами; ими она ощупываетъ добычу и потомъ разомъ впивается въ нее своими четырьмя крючками. Ранка на укушенномъ мѣстѣ представляетъ четыре чорныя точки, расположенныя на небольшомъ квадратикѣ, сторона котораго не больше полулиніи. Воспаленіе быстро развивается на укушенномъ мѣстѣ, тѣло пухнетъ и чувствуется жгучая, дергающая боль; все это сопровождается довольно сильнымъ лихорадочнымъ припадкомъ. Впрочемъ, укушеніе это почти никогда не бываетъ смертельнымъ. Я говорю почти, потому-что это случалось, хотя до такой степени рѣдко, что разсказы объ такомъ несчастіи передаются чуть ли не изъ рода въ родъ, какъ изъ ряда вонъ выходящее событіе. Фаланги не любятъ присутствія человѣка; они никогда не встрѣчаются въ жилыхъ мѣстахъ. Любимыя для нихъ пункты — это кладбища номадовъ, съ ихъ причудливыми постройками. Тамъ они роютъ свои ходы, плодятся, истребляютъ всевозможныя личинки и разныхъ ползающихъ насѣкомыхъ и грѣются на жгучемъ солнцѣ, выползши на раскаленный плитнякъ или на глиняную штукатурку гробницъ. Фаланга животное чисто стѣпное, въ отличіе отъ скорпіона, который предпочитаетъ общество человѣка и во множествѣ населяетъ растрескавшіяся стѣны его жилища. На Мурза-Рабатѣ и около колодцевъ находятъ всегда множество фалангъ, и хотя иногда здѣсь собирается многочисленное и шумное общество, вотъ какъ, напримѣръ, теперь, но за-то большею частью эти опасные пауки пользуются совершенно безмятежнымъ спокойствіемъ.

Я не далъ спрятаться скверному животному и казнилъ его тутъ же, прихлопнувъ остаткомъ тамерлановскаго времени.

Былъ чудный день. Степь жила своей полною весеннею жизнью. Только въ концѣ іюня она выгораетъ и получаетъ настоящій угрюмый, наводящій уныніе видъ. Все, куда только хваталъ глазъ, ярко зеленѣло, кое-гдѣ только желтѣлъ прошлогодній ревень, изъ подъ котораго пробивались уже новые зеленые побѣги. Ярко-голубыми точками сверкали только-что распустившіяся ирисы, между ними попадались изрѣдка экземпляры ярко-желтаго, шафраннаго цвѣта. Между зеленью быстро шныряли маленькія, большеголовыя ящерицы и шурша перебѣгали пыльную дорогу, оставляя за собою легкія борозды. Изрѣдка, какъ тонкія серебрянныя струйки, скользили степныя змѣйки-виперы и всюду вид-

нѣлись, ползающія попарно, черепахи. Издали онѣ казались ползающими опрокинутыми мисками сѣраго цвѣта; побольше, это самка, ползла впереди, за нею слѣдовалъ неотступно самецъ, нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Для черепахъ настало уже время любви и самцы выбрали себѣ уже супругъ, за которыми и ухаживали самымъ усерднымъ образомъ. Кое-гдѣ попадались уже черезчуръ сблизившіеся пары, и какую смѣшную фигуру представлялъ въ эту минуту самецъ, заботящійся около своей жестокой дамы о размноженіи своего потомства. Воздухъ былъ наполненъ самымъ разнообразнымъ чириканьемъ, всюду сновали разнообразные представители мелкой пернатой породы, а высоко-высоко, чуть виднѣясь на темно-синемъ небѣ, парили орлы, распластавъ въ воздухѣ могучія крылья.

Сытыя, отдохнувшія лошади шли скорымъ шагомъ; нагруженныя арбы легко катились по гладкой дорогѣ. Скоро мы встрѣтились съ Джизакской оказіей, которая должна была за Мурза-Рабатомъ размѣняться почтами. Въ этомъ транспортѣ мы замѣтили одну арбу, сильно отличавшуюся отъ прочихъ своимъ наружнымъ убранствомъ: она была тоже съ верхомъ и со всѣхъ сторонъ закрыта яркими полосатыми коврами. Отъ этой арбы сильно пахло мускусомъ и цачулею и изъ-за ковровъ показывались маленькія, украшенныя перстьнями, ручки, да выглядывали, чорные какъ угли, бойкіе, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно пугливые глазки. Въ этой арбѣ везли женщинъ, которыхъ, несмотря на то, что лица ихъ всегда подъ плотными вуалями, никогда не возятъ въ открытыхъ экипажахъ. Рядомъ съ колесами арбы ѣхалъ на довольно хорошей лошади сѣдовласый суровый сартъ въ большой чалмѣ и недовѣрчиво поглядывалъ по сторонамъ, особенно когда я подъѣхалъ очень близко къ арбѣ и довольно нескромно заглянулъ въ щель между немного распахнувшимися коврами. Вѣроятно это былъ владѣлецъ подвижного гарема, изъ котораго въ эту минуту послышался дѣтскій плачъ и ворчливое старушечье убаюкиванье.

Далеко еще до полудня мы увидѣли впереди куполъ Мулушки. Я употребилъ обыденное названіе этого колодца, данное ему русскими и отъ нихъ привившееся между туземцами; настоящее же татарское имя ему Ката-Кудукъ, то-есть — большой колодецъ.

Это было повтореніе такого же колодца у Мурза-Рабата, только немного большихъ размѣровъ. Вода въ немъ была гораздо лучше и мы расположились здѣсь приваломъ. Нашъ дровяной запасъ истощился, и для того, чтобы согрѣть чайники, надо было набрать сухихъ стеблей ревеня, что было очень легко, потому-что всюду его виднѣлось достаточно. Рыхлые стебли горѣли быстро и, ежась на огнѣ, издавали пренепріятный пряный запахъ; впрочемъ, на открытомъ воздухѣ это было очень незначительное зло. Покуда варили чай, я зашолъ во внутрен-

ность колодца; тамъ были трое мальчишекъ-пастуховъ, которые пріѣхали на ишакахъ за водою. Кожанные, мокрые турсуки были уже навьючены на маленькихъ, длинноухихъ животныхъ и пастухи собирались уже отправиться къ своимъ, издали бѣлѣвшимъ стадамъ. Весною, пользуясь свѣжей, сочной растительностью, громадныя стада овецъ выгоняются въ степь и по мѣсяцамъ кочуютъ, удаляясь верстъ за шестьдесятъ и болѣе отъ своихъ ауловъ и деревень. Одно изъ подобныхъ стадъ и виднѣлось на горизонтѣ, къ юго-востоку отъ Ката-Кудука.

Мальчики разговаривали между собою и каждое слово, сказанное почти въ полголоса, звучно гремѣло, отражаясь въ глубокомъ сводѣ. Вотъ бы гдѣ хорошо давать концерты, подумалъ я: лучшаго резонанса трудно было найдти гдѣ бы то ни было. Напившись чаю и поохотившись еще за фалангами, мы отправились далѣе. На встрѣчу намъ неслись чрезвычайно мелодическіе звуки: длинный караванъ верблюдовъ, растянувшись почти на версту, шолъ нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги. Верблюды были привязаны одинъ за другимъ. Они были хорошей породы, изъ Андкуи, одногорбые; ихъ называютъ нарами, въ отличіе отъ двугорбой киргизской породы. Эта порода гораздо сильнѣе, выше ростомъ и цѣнится гораздо дороже двугорбой; порядочнаго нара нельзя купить дешевле восьмидесяти или ста рублей, между тѣмъ какъ хорошаго двугорбаго можно пріобрѣсти за шестьдесятъ и даже нѣсколько менѣе.

Верблюды эти шли мѣрнымъ шагомъ, побрякивая навязанными на шею бубенчиками и колокольчиками; каждая уздечка была обильно украшена желтыми, красными и синими шнурками и кисточками, что чрезвычайно шло къ ихъ темно-бурой короткой шерсти; кромѣ того по бокамъ головы висѣло еще множество всевозможныхъ амулетовъ на ремешкахъ или даже на металлическихъ цѣпочкахъ. Животныя были сыты, не избиты, что встрѣчается весьма часто, навьючены не слишкомъ тяжело и каждое вьючное сѣдло было покрыто довольно красивой ковровой попоной; по всему было замѣтно, что караванъ этотъ принадлежалъ какому-нибудь богатому купцу и верблюды были не наемные.

Сами хозяева каравановъ рѣдко путешествуютъ вмѣстѣ съ своими караванами; чаще же всего они поручаютъ ихъ караванъ-башамъ, которые становятся такимъ образомъ полными распорядителями движенія, и по возможности отвѣчаютъ за акуратную доставку товаровъ; впрочемъ, они отвѣчаютъ только за наружную цѣлость и число ввѣренныхъ имъ тюковъ: за остальное они не отвѣчаютъ вовсе.

Караванъ-баши обыкновенно ѣдутъ во главѣ кававана или верхомъ на лошади, или же взобравшись на передняго верблюда; остальная же караванная прислуга идетъ пѣшкомъ, или ѣдетъ на ишакахъ, гдѣ кому удобнѣе.

Встрѣченный нами караванъ везъ изъ Бухары шолкъ въ сырцѣ и

тканяхъ, хивинскіе ковры и выдѣланныхъ барашковъ, называемыхъ въ продажѣ каракуль. Онъ шолъ на Ташкентъ и намѣренъ былъ отправляться далѣе, чрезъ Вѣрный на ирбитскіе склады въ Сибири. Далекій же путь предстоялъ ему — и такъ пожелаемъ ему счастливой дороги. Скоро и нашъ путь прійдетъ къ концу: вонъ далеко впереди засинѣлись джюзакскіе сады, а правѣе росла темная гряда Джюзакскихъ горъ, между которыми, отдѣльно отъ хребта, подымалась темная, зубчатая вершина горы Нурека.

Совершенно степной характеръ мѣстности началъ видимо измѣняться: дорога пошла по небольшимъ покатостямъ; попадались довольно глубокія рытвины, даже извилистый ручей съ болотистыми берегами. Мы уже миновали три кургана, которые видны были влѣво отъ дороги. Это урочище называется Учьтюбя, что значитъ: три холма; тутъ же начали показываться запаханныя поля и слѣды арычнаго орошенія, этого средне-азіатскаго дренажа. Сады и глиняные заборы уже ясно виднѣлись впереди и въ наступавшей темнотѣ замерцали огоньки сартовскихъ деревень, лежащихъ въ окрестностяхъ Джюзака. Часа черезъ два мы шли уже подъ самыми джюзакскими стѣнами, которыя зубчатыми линіями вычерчивались на чистомъ ночномъ небѣ. Впрочемъ, еще не было очень поздно и на базарахъ Джюзака кипѣла оживленная дѣятельность. *)

Н. Каразинъ.

---

*) Въ настоящее время черезъ эту степь проложена превосходная почтовая дорога и устроены почтовыя станціи. Я проѣзжалъ здѣсь въ 1867 году, потомъ еще разъ въ 1871, первый разъ — верхомъ, набросавъ эти строки въ моемъ походномъ дневникѣ, второй — въ покойномъ почтовомъ экипажѣ, пользуясь уже сравнительными удобствами развивающейся въ центральной Азіи цивилизаціи. Въ добрый часъ!

МАТЬ И ДОЧЬ.

(Изъ Эммануила Гейбеля.)

I.

Товарищи отправились верхомъ
Искать въ лѣсу въ охотѣ развлеченья;
Я въ мрачномъ залѣ за̀мка подъ окномъ
Сидѣлъ одинъ и ждалъ ихъ возвращенья.
Послѣдній лучъ зари вечерней гасъ
И разливалъ по стѣнамъ свѣтъ печальный;
Кругомъ все было тихо, лишь подъ часъ
Визжалъ уныло флюгеръ башни дальной.

Портреты въ тусклыхъ рамахъ золотыхъ,
Уборъ карнизовъ, своды, ниши зала,
Поблекшій цвѣтъ обоевъ дорогихъ —
Все мнѣ минувшій вѣкъ напоминало.
Пѣснь давнихъ лѣтъ пропѣли тихо мнѣ
Въ углу часы старинные съ игрою,
И вспомнилъ я о тѣхъ, кто въ тишинѣ
Внималъ имъ здѣсь съ весельемъ или тоскою.

И мрачный залъ наполнился толпой
Изъ темныхъ рамъ мной вызванныхъ видѣній:

Они вились во мракѣ надо мной
Въ нарядахъ пышныхъ разныхъ поколѣній.
Роброны, фижмы, косы, парики
Вдругъ начали безшумное круженье
Вокругъ меня — и ледяной руки
Почувствовалъ я вдругъ прикосновенье.

Я оглянулся... Нѣтъ, то не обманъ
Моей мечты, не сонъ: передо мною
Вся въ чорномъ дама; величавый станъ
Высокъ и прямъ; омрачено тоскою
Ея лицо; во всѣхъ его чертахъ,
Въ глазахъ застыло, замерло страданье....
Вотъ на меня она взглянула... Ахъ!
Меня привелъ взглядъ этотъ въ содроганье!

Она, кивнувъ мнѣ молча головой,
Пошла впередъ неслышными шагами,
Лишь озираясь на меня порой;
Предъ нею двери растворялись сами.
Такъ предо мной неслась она впередъ,
Я молча шолъ за ней стопой несмѣлой
По темнымъ заламъ, лѣстницамъ — и вотъ
Прошли мы такъ весь зáмокъ опустѣлый.

Вотъ, наконецъ, мы въ башнѣ угловой,
Въ сырой и мрачной кельѣ; предо мною
Въ углу кровать, предъ нею столъ рѣзной,
И все покрыто плѣсенью сѣдою.
И вотъ она приблизилась къ столу
И указала внизъ рукою бѣлой.
Я наклонился... Боже! на полу
Кинжалъ и пятна крови почернѣлой.

Гляжу — ея ужь нѣтъ передо мной,
Исчезло вдругъ печальное видѣнье,
И я одинъ въ ужасной кельѣ той,
Какъ въ столбнякѣ, стоялъ въ оцѣпененьѣ.
Застыла въ жилахъ кровь; я былъ готовъ
Упасть безъ чувствъ... Но чу! дворъ огласился
И лаемъ псовъ, и звуками роговъ...
Столбнякъ прошолъ — и духъ мой ободрился.

II.

Ночь бурная была. Передъ огнёмъ,
Пылающимъ въ каминѣ, съ кастеланомъ
Сидѣли мы, бесѣдуя, вдвоёмъ,
А на дворѣ вылъ вѣтеръ ураганомъ,
Я приключенье страшное моё
Ему открылъ; но онъ, безъ удивленья
Все выслушавъ: «вы видѣли её?»
Сказалъ въ отвѣтъ и далъ мнѣ объясненье.

«Она была прекрасна и горда;
Но выдана за графа очень рано.
Она любви не знала никогда:
Ей нравилось одно величье сана;
Всегда была надменно-холодна,
Ея лицо улыбки не знавало,
Съ прислугою — сурова и мрачна,
И въ замкѣ все предъ нею трепетало.

«Единственная дочь у ней была —
Прелестное и милое созданье.
Какъ лилія въ глуши, она цвѣла
И приводила всѣхъ въ очарованье.
Плѣняла всѣхъ лазурь ея очей —
Въ нихъ доброта и кротость отражались...
Когда мой дѣдъ разсказывалъ о ней,
Его глаза слезами наполнялись.

«Однажды въ замокъ юноша пришолъ —
И вдругъ она замѣтно измѣнилась:
Игривый пылъ веселости прошолъ,
Лицо ея заботой омрачилось:
Она любовь узнала. Время шло.
Они видались тайно. Вотъ настала
Весна — и все въ природѣ разцвѣло.
Она его любила — ахъ! и пала.

«Гнѣвъ матери былъ страшенъ, хоть и скрытъ.
Онъ умолялъ, она ломала руки —
Напрасно все! ея не тронулъ видъ
Ни ихъ любви, ни ихъ душевной муки.

Онъ на войну умчался, и о нёмъ
Замолкъ и слухъ, молва не долетала,
А дочь она въ той башнѣ подъ замкòмъ,
Сокрывъ отъ всѣхъ, какъ узницу держала.

«Пришла зима — и вотъ однажды въ ночь
Прошло по зàмку тайное шептанье;
Всѣ говорили робко, будто дочь
Имѣла въ башнѣ съ матерью свиданье,
Что слышали младенца слабый крикъ,
Что, выходя изъ башни, мать шаталась...
Покрыла тайна этотъ страшный мигъ;
Но подозрѣнье чорное осталось.

«И съ той поры, слабѣя каждый день,
Дочь, какъ цвѣтокъ весенній, увядала —
И умерла. Въ день похоронъ, какъ тѣнь,
Сокрывъ лицо подъ флёромъ покрывала,
Влачилась мать за гробомъ; наконецъ,
Когда его ужь приняла могила,
Эмблему дѣвства — миртовый вѣнокъ
На гробъ рукой холодной положила.

«И время шло. Еще промчался годъ,
Вновь загудѣлъ по зàмку звонъ печальный;
Открылся вновь могилы мрачный сводъ
И потянулся поѣздъ погребальный:
То умерла графиня; но и тамъ
Ея душа покоя не вкушаетъ:
Младенца кровь въ ту келью по ночамъ
Преступницу изъ гроба вызываетъ.»

Старикъ умолкъ. Поникнувъ головой,
Я предъ огнемъ сидѣлъ въ самозабвеньѣ:
Мнѣ чудилось, какъ будто предо мной
Опять встаетъ печальное видѣнье.
Но вотъ въ трубѣ ночная буря вдругъ
Завыла снова съ силою ужасной...
Я взялъ свѣчу. «Прощай, мой старый другъ!
Пойдемъ молиться о душѣ несчастной!»

Ѳ. Миллеръ.

О СОВРЕМЕННОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ *).

I.

Tempora quibus nec vitia nostra,
nec remedia pati possumus.
Tit. Liv. l. 1.

Не даромъ привелъ я этотъ эпиграфъ, готовясь высказать свои мысли о современномъ состояніи человѣка. Эти слова древняго римскаго историка, жившаго во времена, обыкновенно называемыя золотыми, славнѣйшими временами Рима, такими, въ которыя находился онъ на высшей степени силы и славы, эти слова поразили меня невольнымъ сходствомъ съ нашими просвѣщенными, блестящими временами. Слова эти высказываютъ то, чтó таилось внутри, высказываютъ нравственное состояніе, нравственное безсиліе Рима. Въ наши времена, при столькихъ открытіяхъ, при невѣроятныхъ матеріальныхъ усовершенствованіяхъ, при необъятномъ богатствѣ способовъ и средствъ для жизни, чувствуется и слышится повсюду страшная бѣдность души, оскудѣніе внутренняго родника жизни, для котораго только и можно трудиться и работать, при которомъ только и имѣютъ цѣну всѣ открытія и успѣхи. Къ чему всѣ эти богатства и удобства, если потеряетъ душу человѣкъ — одно, чтó даетъ всему цѣну? Къ чему, напримѣръ, книгопечатаніе, если потерянъ разумъ? Современное человѣчество — въ

*) Эта статья К. С. Аксакова сохранилась, въ его бумагахъ, во многихъ черновыхъ спискахъ, изъ которыхъ нѣтъ ни одного вполнѣ отдѣланнаго и законченнаго. Статья очевидно писалась въ разное время и авторъ, возвращаясь къ ней, переписывалъ ее снова, распространялъ, исправлялъ, по прошествіи года или двухъ вновь ее перечитывалъ и вновь раздвигалъ ея рамки. Онъ занимался ею даже за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины и отмѣчалъ на поляхъ, какія, по его мнѣнію, еще необходимы дополненія. Сличивъ всѣ списки, я выбралъ редакцію самую полную, включивъ въ нее и предположенныя имъ дополненія и вставки. — *Иванъ Аксаковъ.*

подобномъ положеніи *). Конечно, не потеряна еще душа, не померкъ разумъ; но душа обѣднѣла, и крайность выводовъ, добытыхъ вслѣдствіе ложныхъ началъ и ложнаго пути, помутила разумъ. Замѣтьте, что вся дѣятельность человѣка, та, которая съ успѣхомъ подвизается, устремилась на разработку средствъ, а не того, чему служатъ эти средства, *что* должно ими пользоваться. Человѣкъ усиливаетъ, напримѣръ, средства сообщенія, прокладываетъ желѣзныя дороги, по которымъ почти съ баснословною быстротою является онъ то тамъ, то здѣсь; но чтó привезетъ человѣкъ по желѣзнымъ дорогамъ съ такою невѣроятною быстротою? — Вотъ чтó должно быть, но чтó уже не есть главный вопросъ. А привозитъ онъ истощенную рефлексіями и раздражительными умствованіями душу, фантазирующую мысль, отошедшую отъ своего чистаго логическаго начала, полное отсутствіе нравственной воли, страшное изобиліе фразъ, иногда горячій умъ и всегда холодное сердце: однимъ словомъ, ложь всего своего существа. Средства, добытыя человѣкомъ, огромныя, а самъ онъ не лучше, но еще хуже прежняго. Чтоже станетъ онъ дѣлать съ этими средствами? Смѣшно, если на коврѣ самолётѣ будутъ переносить устрицы, вновь выдуманные пирожки, булавочки и т. п. А между тѣмъ, современное совершенство человѣка представляетъ почти эту картину. Онъ добылъ средства, но, направивъ все вниманіе свое, всю дѣятельность своего духа, всю любовь свою на средства, онъ потерялъ тó, для чего и добываются средства — внутренняго себя. Современная эпоха невольно приводитъ на память священныя слова: *кая есть польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?* и другія священныя слова, что *весь міръ не стóитъ единой души человѣческой.*

Но въ чемъ же главный недостатокъ современнаго человѣка, въ чемъ общая основная причина грустнаго его состоянія?

Въ томъ, что исчезла искренность, и ложь, какъ ржавчина, проникла душу.

Очень просто, кажется, говорить чтó чувствуешь, и чувствовать чтó говоришь. Но эта простота составляетъ величайшее затрудненіе современнаго человѣка. Для этой простоты необходима цѣльность души, внутренняя правда, а современный человѣкъ самъ не можетъ отвѣчать себѣ: чтó онъ чувствуетъ и чувствуетъ ли онъ? Самолюбіе подъѣло въ немъ всякую правду движенія; прежде нежели родится какой-нибудь порывъ въ человѣкѣ, уже онъ заранѣе взвѣшенъ, заранѣе соображонъ,

---

*) Подъ человѣчествомъ разумѣемъ мы здѣсь не совокупность всѣхъ людей на землѣ, но ту мыслящую, дѣйствующую и выражающую себя часть человѣчества, которая даетъ общее направленіе всей остальной части, имѣетъ всеобщее вліяніе. *Примѣч. автора.*

будетъ ли онъ къ лицу или не будетъ. И нѣтъ въ человѣкѣ искренности, и ложь овладѣла его существомъ — тонкая, хитрая, внутренняя, непримѣтная ложь, раздвояющая всю его душу въ самой глубинѣ ея, втекающая во всѣ ея первоначальныя движенія.

Мы говоримъ, конечно, о западной Европѣ; но это отсутствіе искренности и бѣдность душевная повторяются и у насъ (въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ) въ каррикатурномъ видѣ. У насъ это — въ чужомъ пиру похмѣлье. Зачѣмъ бы намъ быть больными, если мы не имѣемъ на то причины; но петровское преобразованіе Россіи, примкнувшее все наше общество къ западной Европѣ, поставило насъ именно въ такое отношеніе, что мы радуемся ея радостью, досадуемъ ея досадой, больны ея болѣзнію, мыслимъ... но нѣтъ, не мыслимъ даже и подражательно, а вторимъ ея мыслямъ. И вотъ, не имѣя глубины и серьёзной стороны того недуга, который обнялъ западное человѣчество, мы портимся отъ двоякой причины: оттого, что ничего не дѣлаемъ своего — это во всякомъ случаѣ вредно — и оттого, наконецъ, что, перенимая чужое, мы, счастливые удобнымъ способомъ жить чужимъ умомъ, малодушно обманываемъ себя, удовлетворяясь своею будто бы дѣятельностью и жизнью, и безъ сопротивленія, безъ права, безъ причины и безъ смысла заражаемся чужими недугами. Но таково у насъ то только общество, которое своротило съ русской дороги. Народъ нашъ — крестьяне — слава Богу, еще на своей дорогѣ; не къ нему относятся наши слова.

Никогда, можетъ быть, не кричали такъ объ убѣжденіяхъ, какъ въ наше время, и никогда не было такого страшнаго въ нихъ недостатка. Убѣжденіе — громкое слово и великое дѣло. Но бóльшею частью слово и дѣло находятся здѣсь въ обратной соразмѣрности, и чѣмъ громче это слово, тѣмъ слабѣе это дѣло. Пусть не будетъ недоразумѣній — хорошо, когда прямо и сильно высказывается само убѣжденіе: тогда оно становится дѣломъ или почти дѣломъ. Но худо, когда не только просто высказываютъ свое убѣжденіе и много говорятъ и кричатъ о своемъ убѣжденіи, т.-е. о томъ, что имѣютъ его — худо, когда важничаютъ обладаніемъ убѣжденія, то-есть тѣмъ, чѣмъ важничать непонятно: нравственнымъ своимъ достоинствомъ. Самолюбіе понятно человѣческому сердцу, но оно необходимо имѣетъ границы, какъ скоро оно еще не развратно. Самолюбіе можетъ опереться на умъ, на вліяніе въ обществѣ, пріобрѣтенное силою воли, и т. п.; но самолюбіе, утѣшающееся своими добродѣтелями, есть явленіе или непонятное или крайне искаженное. Человѣкъ, самолюбивый въ этомъ смыслѣ, гордящійся тѣмъ, что имѣетъ убѣжденіе, едва ли имѣетъ его, по крайней мѣрѣ сильное. Мы не говоримъ здѣсь о людяхъ, серьёзно убѣжденныхъ, которыхъ число не велико· мы говоримъ о тѣхъ, которые хвастаютъ своимъ убѣжденіемъ, въ чувствѣ глубокаго почтенія къ самимъ себѣ; а такихъ людей часто встрѣчаешь;

это, можно сказать, *щоголи убѣжденія;* оно не безпокоитъ ихъ серьёзно, не заставляетъ перемѣнять своего образа жизни, однимъ словомъ — не *женируетъ* ихъ. Имъ завидуютъ въ обществѣ и про такого говорятъ съ важностью: «о, это человѣкъ съ убѣжденіемъ!» Попросятъ его показать убѣжденіе: человѣкъ съ убѣжденіемъ выметъ оное изъ кармана, покажетъ, удивитъ всѣхъ и восхититъ, и опять спрячетъ въ карманъ, съ гордостію и достоинствомъ. Часто такой человѣкъ принимается вести самую пошлую жизнь, думая, что достаточно того уже, что при немъ имѣется убѣжденіе: чего же больше? Невольно грустно улыбнешься, глядя на такого героя, героя вполнѣ современнаго. Нашъ вѣкъ — есть вѣкъ не великихъ характеровъ, не гигантскихъ талантовъ, но гигантскихъ самолюбій. Нашему времени принадлежитъ порода малыхъ геніевъ, порода чрезвычайно плодущая: малыхъ геніевъ развелось вездѣ множество. Эта порода гораздо хуже людей простыхъ, вовсе не геніевъ. Главная пружина малаго генія — самолюбіе, *при* которомъ имѣется убѣжденіе и обиходный запасъ дарованьица, состоящаго больше въ ловкости, примѣненной къ нравственнымъ и умственнымъ силамъ. Хорошо бы еще, если бъ, наоборотъ, *при* убѣжденіи имѣлось самолюбіе, если бъ самолюбіе бѣжало за убѣжденіемъ, или хоть рядомъ съ нимъ и не забѣгало впередъ; а то теперь выходитъ противное: самолюбіе обыкновенно бѣжитъ впереди, а за нимъ уже, кой-какъ, плетется хромое убѣжденіе. Какъ скоро самолюбіе станетъ главною пружиною, точкою отправленія и источникомъ дѣятельности, оно можетъ на нѣсколько поднять способности человѣка — и только; но лишитъ его въ тоже время внутренней, настоящей силы, ослабитъ его истинную дѣятельность, подставя ему, для собственнаго лицезрѣнія, увеличительное зеркало.

Да, зеркало играетъ не маловажную роль въ наше время. Кто въ него не смотрится, кто забываетъ себя? Всякій запасся внутреннимъ, душевнымъ зеркальцемъ, гораздо опаснѣйшимъ, чѣмъ зеркало наружное — и безпрестанно въ него смотрится. Смѣшно сказать, но кокетство овладѣло человѣчествомъ; всѣ стали кокетками больше или меньше, всѣ кокетничаютъ другъ передъ другомъ и думаютъ лишь о своихъ успѣхахъ. Какая же правда можетъ быть у кокетки, оболгавшей всѣ душевныя чувства и порывы — любви, участія — мысль самую, которую беретъ она только какъ нарядъ? Если какъ-нибудь удастся современному человѣку разгорячить себя или расчувствоваться, то, въ припадкѣ гнѣва или нѣжнаго движенія, онъ посмотрится сейчасъ въ зеркало, и — благо какъ-то добился интереснаго состоянія души, какого-то порыва — поспѣшитъ, пока не простылъ его жаръ, какъ-нибудь показаться въ авантажномъ видѣ, чтобы не пропало даромъ душевное движеніе. Увы! рѣдко, очень рѣдко цѣльное, искреннее чувство, безкорыстный восторгъ и прямое сочувствіе.

Вотъ почему говорю я, что все объяла ложь. Ложь бываетъ разная. Есть ложь грубая, прямо противоположная правдѣ, неимѣющая съ нею ничего общаго, чистая, неподдѣльная, то есть честная ложь. Эта ложь, именно потому, что въ ней нѣтъ никакой примѣси, ближе къ правдѣ, чѣмъ ложь другая, съ хитрою примѣсью обманчивой правды. Въ первой лжи есть своего рода прямота; никого не приведетъ она въ затрудненіе, какъ ее опредѣлить и назвать. Но ложь тонкая, внутренняя, іезуитская, похожая на истину, есть самый опасный, самый вредный врагъ истины; она хитра и вкрадчива, она искусно и понемногу овладѣваетъ душою. Не всякій рѣшится солгать прямо, но почти всякій готовъ поддаться непримѣтной лжи, сходной съ истиной. Обмануть другого, не обманывая себя, трудно для человѣка; но для него же легко обмануть напередъ себя, часто почти сознательно, и потомъ уже обмануть другого. Эта хитрая, внутренняя ложь не вдругъ врывается въ душу; она входитъ постепенно и не слышно, она привязывается къ ничтожнымъ движеніямъ, она опирается въ началѣ на прекрасные порывы и благородныя чувства. Не слышитъ человѣкъ ея перваго тихаго приближенія; еще весь онъ, кажется, полонъ глубокимъ чувствомъ правды, пылкой любовью къ добру; но ложь уже тутъ, если человѣкъ замѣтилъ и полюбовался въ себѣ своимъ чувствомъ правды, своею любовію къ добру. Какъ ни будь искренно и прекрасно движеніе человѣка, но какъ скоро онъ въ себѣ замѣтитъ его, оцѣнитъ и будетъ любоваться всякій разъ, какъ оно посѣтитъ его — движеніе это уже потеряетъ свою цѣльность, свою дѣвственную правду. Но это лишь первая ступень къ потерѣ искренности; здѣсь-то и надо быть осторожнымъ, здѣсь-то и надо удержать себя отъ быстраго, часто чудовищнаго развитія эгоистическаго начала личности. А не то — мгновенно выростетъ соблазнъ и могущественно обхватитъ душу. Человѣкъ скоро пойметъ, что всѣ его прекрасные порывы и восторги, всѣ глубокія чувства и мысли могутъ быть въ тоже время и прекраснымъ для него нарядомъ, очень блестящимъ, очень выгоднымъ для его самолюбія... и, понявъ это, все свое душевное богатство отдаетъ въ употребленіе своему самолюбію, а самолюбіе, какъ извѣстно, рѣдко довольствуется внутреннимъ сознаніемъ; оно не любитъ тайны для хорошихъ дѣлъ, оно хочетъ рукоплесканій и признанія отъ цѣлаго міра. Да и что же, кажется, тутъ худого? Почему не показать всѣмъ такого или другаго своего благороднаго движенія? Вѣдь оно тутъ, не выдумано, вѣдь испытываетъ же его въ самомъ дѣлѣ человѣкъ: гдѣ же тутъ неправда? А между тѣмъ человѣкъ уже солгалъ внутренно; движеніе въ немъ уже является не просто, не только само собою; у движенія есть отчасти и цѣль, хотя въ началѣ безсознательная, и эта цѣль — успѣхъ, эффектъ, похвала: оно уже не безъ примѣси, возмутилась чистота его источника; искренность нарушена; человѣкъ уже раз-

двоилъ себя; для души выступилъ новый господинъ. Не долго существуетъ даже эта половинчатая искренность въ человѣкѣ: является новый оттѣнокъ, новый непримѣтный шагъ по пути неправды. Движеній простыхъ, настоящихъ уже нѣтъ въ душѣ человѣка; уже онъ знаетъ, что здѣсь *надобенъ* порывъ негодованія, а тамъ — порывъ восхищенія; заранѣе предполагаетъ эффектъ, который произведутъ его порывы и чувства; но и въ этомъ случаѣ онъ еще обманываетъ себя тѣмъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ способенъ испытывать всѣ эти ощущенія и что онъ естественно *долженъ* приходить въ негодованіе или восторгъ при такомъ или другомъ обстоятельствѣ, хотя бы на самомъ дѣлѣ и не кипѣла, не волновалась душа, что онъ своими, не совсѣмъ уже искренними, движеніями не противорѣчитъ, по крайней мѣрѣ, своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ. А между тѣмъ, *въ тайнѣ*, главная задача, главный вопросъ для человѣка уже не явленіе жизни, не событіе какое-нибудь само по себѣ, а то: *какое* движеніе и *какъ* выкажетъ онъ себя по случаю этого явленія. Наконецъ, это становится положительно и прямо главною цѣлью и задачею всѣхъ мыслей, чувствъ, всей жизни человѣка — и что же выходитъ? Человѣкъ *не для себя* пылокъ, *не для себя* благороденъ, *не для себя* кипитъ смѣлымъ негодованіемъ; однимъ словомъ, онъ, если угодно, *живетъ не для себя, а для другихъ*. Но эта жизнь для другихъ, при своемъ сходствѣ въ буквѣ съ высокою добродѣтелью, составляетъ ея крайнюю противоположность; это *для другихъ* значитъ вдвойнѣ для себя; *для другихъ* — потому что другіе — *для меня:* меня хвалятъ другіе, мною восхищаются и становятся моимъ пьедесталомъ. Разумѣется, что здѣсь искренность всякаго движенія потеряна; разумѣется, что всякій источникъ живого дѣйствія изсякаетъ; остается сухое самолюбіе, раздражительность и тѣ отощавшіе природные дары, съ которыми такъ безжалостно поступлено. Такъ-какъ не искренно, не въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ человѣкъ что̀ говоритъ, то его собственные поступки, какъ скоро это безопасно для его самолюбія, нисколько не согласуются съ его словами. Наконецъ, даже и внутренняя ложь становится не нужна человѣку, онъ перестаетъ въ себѣ возбуждать, даже по памяти, нѣкогда жившія въ немъ чувства, перестаетъ заботиться о томъ, какъ бы схитрить съ собой, думаетъ прямо лишь объ одномъ своемъ успѣхѣ и становится почти лицемѣромъ, съ тою разницею, что иной все еще скрываетъ это отъ себя, а другой не скрываетъ, да еще часто обращаетъ свой развратъ душевный въ свою особую, житейскую, практическую теорію. Это уже крайняя степень начала лжи; здѣсь одинъ шагъ — и человѣкъ переходитъ въ область обмана. Этотъ обманъ тѣмъ хуже, что вышелъ изъ внутренняго обмана, изъ лицемѣрія передъ самимъ собой. Онъ прибавляетъ немного къ страшному злу, ибо внутри уже разрушено все живое, всякая возможность правды подъѣдена, однимъ сло-

вамъ, въ душѣ страшная пустыня. Это не то, что обманъ цыгана, который надуваетъ покупщика изъ своихъ разсчетовъ: понявъ и почувствовавъ, что обманъ дѣло худое, цыганъ можетъ стать самымъ честнымъ и правдивымъ человѣкомъ; но здѣсь не то: здѣсь зло глубже; здѣсь обманъ идетъ изъ самаго родника человѣческой души; здѣсь человѣкъ солгалъ прежде всего предъ собой самимъ: онъ не отталкивалъ, не попиралъ своихъ прекрасныхъ движеній и убѣжденій, но ихъ самихъ, но душу свою обратилъ онъ въ ложь, дѣлая изъ души своей нарядъ своему самолюбію. Человѣкъ подрываетъ, такимъ образомъ, въ самомъ корнѣ все свое душевное добро и, мало по малу, доходитъ до страшнаго, почти отчаяннаго состоянія: способность всякаго искренняго движенія вовсе пропадаетъ; наступаетъ совершенное нравственное безсиліе; остается одно безплодное сознаніе, у кого оно можетъ возникнуть. Въ такомъ положеніи находится не тотъ или другой человѣкъ, но вообще человѣчество (разумѣется западно-европейское и то, которое за нимъ слѣдуетъ), ибо эта раздвоенность, это сухое самолюбіе обняло всѣ дѣйствующія лица его народовъ, всякое его историческое движеніе. Разумѣется, что кокетство и ложь душевная, обнимающая человѣчество, является въ разныхъ степеняхъ. Но среди этой постоянной неискренности, среди этого исключительнаго вниманія и неколебимой преданности къ самому себѣ, при всеобщемъ созерцаніи своего собственнаго любезнаго образа, есть люди, въ которыхъ это самосозерцаніе принимаетъ другой, болѣе серьёзный характеръ, а именно характеръ болѣзненнаго анализа: анатомирующій взоръ ихъ постоянно устремленъ на себя, и отъ того всякая искренность ихъ собственныхъ движеній исчезаетъ при самомъ ихъ началѣ; порывъ ихъ падаетъ, встрѣченный этимъ испытующимъ, разлагающимъ взоромъ; они отчаяваются во всякомъ внутреннемъ, цѣльномъ своемъ движеніи — и ошибаются, какъ ошибается анатомъ, вонзая скальпель въ живое существо, разсѣкая его на части и спрашивая: гдѣ же сама жизнь? Конечно, ея не отыщетъ ни анатомическій скальпель, ни анатомическое созерцаніе. Такіе люди, сами того не замѣчая, натуры искреннія и только заражены болѣзненно этимъ, ложно направленнымъ и безплоднымъ, самовидѣніемъ, изслѣдованіемъ себя, исканіемъ, которое не только не находитъ, но теряетъ. Во сколько бодръ и приноситъ силъ анализъ мысли, во столько болѣзненъ и истощаетъ силы душевныя анализъ. Огромная разница между людьми, которые *мыслятъ* и людьми, которые *думаютъ*. Всегда ясна *мысль*, когда туманна *дума*. Дума — это мыслящая мечта, если можно такъ выразиться. Люди, у которыхъ силенъ душевный анализъ, часто преисполнены думами. Такимъ людямъ тяжело; имъ знакомы мученія Гамлета. Но такихъ людей немного. Гораздо больше такихъ, которые только лишь улыбаются, поглядываясь въ зеркало и безъ затрудненія приносятъ въ жертву красивой

позѣ — искренность своихъ движеній. Посмотрите на современную исторію Запада, на его общественную жизнь: всякое слово — фраза; всякій поступокъ — эффектъ. Настоящаго слова, настоящаго дѣла — нѣтъ. Сыны Запада любятъ изукрасить всякій свой подвигъ; они любятъ подвиги съ картинками, и часто картинка играетъ главную роль; для нея часто дѣлается и самый подвигъ. Поэтому такое значеніе получила форма, разные наружные знаки убѣжденій, цвѣтà, кокарды и пр. Для человѣка облегчена возможность показать такое или другое убѣжденіе, безъ особыхъ хлопотъ имѣть его на самомъ дѣлѣ. Все упрощено, на все есть краски и разные лоскутки; есть côté gauche, côté droit; человѣку стòитъ только пересѣсть съ одной стороны на другую — и переходъ отъ убѣжденія къ убѣжденію совершонъ. И вотъ публика очень занята тѣмъ, что такой-то сидѣлъ прежде на этой, а теперь сидитъ на другой скамьѣ. О серьёзной, глубокой *причинѣ* перемѣны положенія рѣдко думаютъ, да она рѣдко и предполагается: всѣ заняты самою *перемѣною* положенія и тѣмъ, какія новыя *сцены* отъ того выйдутъ *).

До такой-то страшной глубокой внутренней неправды дошло человѣчество, до такого — ужаснаго отсутствія искренности. Если и возникаетъ сознаніе, то оно безплодно. Нѐ на что принять цѣлительнаго средства. Сердце одебелѣло. При такомъ ужасномъ состояніи общества, чтó можетъ помочь ему? — Не знаю. Я не даромъ привелъ въ началѣ слова Тита Ливія: и болѣзнь и лекарство намъ равно невыносимы.

Какое же заключеніе? Такъ ли же точно, какъ на просвѣщенный Римъ, возстанутъ на просвѣщенное человѣческое общество нашихъ временъ новые дикіе какіе-нибудь народы, истребятъ растлѣнное племя и дикою, грубою правдою жизни смѣнятъ блестящую, просвѣщенную ложь? Или само это общество можетъ воскреснуть нравственно и ожить для новой жизни? Но опять: чтó же ему поможетъ?

Богъ можетъ помочь, но къ Нему прибѣгаютъ всего рѣже.

Оставя въ сторонѣ больныхъ, посмотримъ, откуда бы могли явиться здоровые.

На земномъ шарѣ есть много народовъ, не участвовавшихъ въ европейской цивилизаціи. Четыре части свѣта далеко превосходятъ пространствомъ эту маленькую пятую частицу, особенно если отдѣлить отъ нея Россію. Но дѣятельный духъ, какова бы ни была его дѣятельность, превышаетъ лѣнивое бездѣйствіе. Потомъ: матеріальныя выгоды просвѣщенія (порохъ, пароходы и прочее) непремѣнно упрочиваютъ побѣду. Успѣхъ, блескъ, выгода избраннаго пути являются здѣсь сильнымъ соблазномъ. Наконецъ, въ самомъ дѣлѣ по своей дорогѣ, какова

*) Въ рукописи сбоку карандашемъ написано: «Типы лжи». Вѣроятно этими словами авторъ намѣтилъ для себя тему новаго сочиненія. — *Примѣч. Ивана Аксакова.*

бы она ни была, западное человѣчество совершило огромные, титаническіе подвиги. Европейцы побывали во всѣхъ частяхъ свѣта и познакомились со всѣми народами при этихъ встрѣчахъ, народами или дикими или стоявшими на низшей степени образованности, но вообще языческими. А каковы были встрѣчи западныхъ христіанъ съ язычниками? Человѣческими добродѣтелями, нравственными качествами европейцы не превзошли языческихъ народовъ. Этой высокой истинно-человѣческой побѣды они не стяжали. Напротивъ того, съ помощь своего предпріимчиваго ума и отважной дѣятельности, они явились среди чуждыхъ народовъ просвѣщенными звѣрями, употреблявшими преимущество своего просвѣщенія на страшныя дѣла; они явились свирѣпыми, безчеловѣчными проповѣдниками христіанскаго ученія любви. Туземные народы, въ лицѣ своихъ завоевателей, увидали просвѣщеніе, но не умягчившее души, а лишь придавшее утонченность и побѣдоносную силу насилію и коварству. Вспомните *геройство* Пизарра и Кортеца, и потомъ обращеніе европейскихъ колонистовъ съ туземцами, наконецъ, современныхъ демократовъ американскихъ, содержащихъ у себя цѣлые заводы негровъ *). Но кромѣ зла порабощенія, мученій, униженія, ругательства, европейцы внесли всюду другое зло — зло своего нравственнаго вліянія. Дикіе и не дикіе туземные народы потеряли свой самобытный путь; подвигаясь впередъ, они принимаютъ европейскія формы, имъ чуждыя: они не съумѣли раздѣлить то, что̀ въ успѣхахъ европейцевъ есть достояніе человѣчества, и то, что̀ составляетъ принадлежность только европейскихъ народовъ, ибо связано съ условіями происхожденія, историческихъ событій и множества обстоятельствъ, только европейцамъ принадлежащихъ; другими словами: они не отдѣлили въ Европѣ достоянія человѣческаго, чѣмъ всякій можетъ воспользоваться, отъ достоянія національнаго, чѣмъ другому народу пользоваться смѣшно и даже вредно; ибо тогда, лишась всякой искренности, онъ станетъ на чужія ходули и непремѣнно будетъ смѣшонъ, непремѣнно вступитъ въ роль подражателя (попугая), при которой и то, что̀ принадлежитъ всѣмъ вообще, потеряетъ свою настоящую пользу, станетъ дѣломъ перенятымъ и никогда не усвоится какъ собственность: для этого нуженъ *собственный* трудъ и ходъ, а ничто *собственное* при подражательномъ (попугайномъ) развитіи невозможно. Ложны или не ложны формы европейскія, онѣ во всякомъ случаѣ ложны для другого народа, потому-что онѣ ему чужды. А что же, если ложь лежитъ въ самыхъ началахъ западной Европы, въ самомъ пути ея? И что за грустно-комическое явленіе представляетъ подражательность? Посмотрите: вотъ негры, освобождаясь,

---

*) Это было писано за долго до послѣдней сѣвероамериканской междоусобной войны положившей конецъ рабству негровъ. — *Прим. Ивана Аксакова.*

прямо попадаютъ въ конституцію республиканскую на западный ладъ, лучшаго, какъ видно, не бывъ въ состояніи выдумать. Вотъ греки, изъ состоянія полудикаго, опять-таки прямо попадаютъ въ конституцію монархическую. Наконецъ, вотъ вамъ и Сулукъ — императоръ со всѣми почестями европейскими, которыя вдругъ, ни съ того ни съ сего, были имъ приняты.

Удѣлъ такого пути цивилизаціи не завиденъ. Внутреннія силы народовъ, которыя облекались въ свой образъ, поддерживали свою жизнь, вдругъ разрознены съ своею цѣлію и должны служить цѣлямъ чуждымъ, употребляясь на поддержку чуждыхъ формъ. Свои родныя народныя силы опредѣлены на питаніе чуждой жизни. Дальнѣйшее движеніе, успѣхъ (прогрессъ) все-таки въ рукахъ не этихъ народовъ, а тѣхъ, у которыхъ они заимствовали все, чѣмъ долженъ быть *себѣ* обязанъ человѣкъ. Съ самаго начала отнявъ у себя духовную самостоятельность, какъ могутъ эти народы и племена цѣлыя — сами стоять и сами подвигаться? Сверхъ того, Европа, можетъ-быть, уже начинаетъ сознавать ложный путь свой, тогда-какъ другіе народы еще силятся по немъ проходить. Европа уже кидаетъ многія свои формы какъ ложныя, а другіе народы только еще берутъ ихъ; кинутъ и они потомъ, но также безправно и безплодно, какъ приняли. Всякая европейская форма, какъ бы ложна она ни была, имѣетъ для Европы ту истину, что тамъ *она своя*, что тамъ она результатъ предыдущихъ причинъ: тутъ есть истина историческая. Но даже и этой истины не имѣютъ народы-прихвостни. Употреблять вѣчно свои жизненныя силы на служеніе заёмной жизни, всегда идти подражательнымъ, безплоднымъ путемъ, ничего не сказать своего и быть безполезнымъ повтореніемъ, пародіею или каррикатурою Европы — удѣлъ тяжкій и обидный, жалкій и презрѣнный.

Конечно, Азія, Африка, Америка и Австралія много еще заключаютъ въ себѣ дикихъ, полудикихъ или своеобычныхъ народовъ; но всѣ они — подъ опекой меча, а главное подъ опекою нравственнаго вліянія Европы. Или они исчезнутъ побѣжденные и сольются съ побѣдителями, или же если и освободятся наружно, то внутренно будутъ рабами Европы и пойдутъ служить своими силами не своей, а ея жизни; передъ ними въ будущности — печальный удѣлъ нравственнаго плѣна.

Теперь нѣтъ тѣхъ дикихъ народовъ, которые бы могли оживить человѣчество, какъ нѣкогда оживили они его, разрушивъ Римъ. Но теперь и не нужны они. Сказано вѣчное слово спасенія. Оно всегда передъ нами: всегда можетъ вознести насъ отъ рабства нравственнаго. Внѣшнее обновленіе матеріальное — не нужно теперь человѣчеству. Духовное обновленіе — вотъ его подвигъ. Но и сердца одебелѣли и уши не слышатъ. Удобства міра, открытія средствъ, матеріальные успѣхи заняли умы всѣхъ. Тамъ работаетъ мысль, тамъ сосредоточена дѣя-

тельность духа. Все это могущество въ рукахъ западной Европы *) и передъ нею склонились всѣ остальные народы, если даже и независимые наружно, то плѣнные внутренно.

Да! Страшнѣе матеріальнаго ига Европы, которое тяготѣетъ надъ всѣмъ, чтó не Европа — страшнѣе этого ига есть иго нравственное той же Европы, несравненно труднѣйшее къ сверженію. Впрочемъ, здѣсь отвѣтъ, повидимому, очень легокъ. Если терпится нравственное иго Европы, то не есть ли это уже твердое ручательство въ нравственномъ ея превосходствѣ? Много, кажется, справедливаго въ этомъ возраженіи, но, вопервыхъ, дѣло некончено и мы не можетъ сказать — навсегда ли нравственный плѣнъ сталъ удѣломъ всего, что не западная Европа. Вовторыхъ, есть въ нравственномъ мірѣ человѣка много силъ, гораздо низшихъ, которыя однако часто торжествуютъ на землѣ надъ высшими ихъ тихими силами, и могутъ покорять ихъ себѣ, подавлять ихъ, если не навсегда, но иногда надолго.

Откуда же можетъ явиться освобожденіе? Откуда можетъ сказаться живительное слово, столь нужное для этой разслабленной духовно владычицы міра? Мы сказали уже, что въ дикихъ обновителяхъ нѣтъ надобности. Съ тѣхъ поръ, какъ открытъ человѣчеству путь спасенія христіанствомъ, человѣчество всегда можетъ обратиться къ единому источнику истины. Но заблужденія католицизма и съ нимъ суевѣрія, протестантизма и съ нимъ безвѣрія, слишкомъ обезсилили Западъ, слишкомъ давно утратилъ онъ свѣжесть душевную, и если онъ и приметъ, то не онъ скажетъ живительное слово, которое такъ нужно ему и всему, чтó предъ нимъ преклоняется. И такъ, опять: откуда же можетъ сказаться живительное слово?

Азія, Африка, Америка, Австралія не могутъ обнадеживать. Въ Америкѣ процвѣтаетъ могущественное государство, но Сѣверо-Американскіе Штаты являютъ только крайнее ожесточеніе европейскаго недуга, для котораго въ Америкѣ уже нѣтъ его смиряющей родной почвы, ни чувства народности, ни историческаго преданія. Условное устройство взаимныхъ политическихъ отношеній замѣнило здѣсь вполнѣ чувство любви. Сѣверо-Американскіе Штаты — это великолѣпное общество-машина. Что же касается до другихъ странъ, то иные народы замкнули уже давно кругъ своего, нѣкогда богатаго, просвѣщенія, другіе находятся въ состояніи дикости, не высказываютъ никакой мысли и, слѣдовательно, не даютъ никакого права сказать что-нибудь о нихъ; къ тому же — чтó всего важнѣе — живительный свѣтъ христіанства бóльшею частью слабо лишь упадаетъ на эти народы.

---

*) Сѣверо-Американскіе Штаты — колонія Западной Европы; мы ихъ разумѣемъ здѣсь тоже. — *Примѣчанія автора.*

Есть однако христіанская страна. Государственное ея могущество превосходитъ всѣ другія страны. У нея свои начала; исторія ея не похожа на западную Европу; народъ ея славянскаго, слѣдовательно, европейскаго, но не романо-германскаго племени; вѣра ея — есть вѣра православная. Это — Русь!

Русская земля шла изначала своимъ самобытнымъ путемъ, и вовсе не путемъ западной Европы. Католицизмъ со всѣми его послѣдствіями, ставшій удѣломъ Запада, отдѣлилъ навсегда и рѣшительно отъ западной Европы Русь, осѣненную истиннымъ свѣтомъ православнаго ученія Восточнаго христіанства. Другіе, *свои* результаты должна была явить она, *свое* слово сказать человѣчеству. Всѣ особенности, всѣ ошибки Запада были ей чужды, и нравственный удѣлъ (о которомъ говорили мы выше), постигающій теперь этотъ Западъ, не долженъ былъ быть ея удѣломъ. Вмѣсто того, чтоже случилось?...

Совершился странный переворотъ въ пользу Запада. Кинутъ былъ свой самостоятельный путь: принята была чуждая жизнь съ ея началами; принята была, какъ предметъ подражанія, безъ убѣжденія, безъ права, путемъ кроваваго ужаса и соблазнительнаго разврата. Великая страна явила тяжкое, горькое зрѣлище вѣтреной подражательницы Западной Европы. И ей, такъ долго одолѣвавшей враговъ, отбивавшейся отъ плѣна нравственнаго и матеріальнаго, достался въ удѣлъ тяжолый, нравственный, полутораста-лѣтній плѣнъ. Такъ! удѣлъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, это служеніе своими силами чуждой жизни, чуждымъ формамъ: этотъ жалкій удѣлъ — теперь нашъ удѣлъ. Мы должны признаться въ этомъ. И хорошо еще, если мы можемъ и если хотимъ въ томъ признаться; а многіе и не замѣчаютъ этого. Но, видя презрѣнное положеніе, въ которое мы себя поставили, мы однако же не должны приходить въ отчаяніе: мы можемъ надѣяться, скажу болѣе, можемъ быть увѣрены, что выйдемъ изъ него. А между-тѣмъ какъ тяжело оно! Петръ силился оторвать Россію отъ ея прошедшаго, но онъ только разорвалъ ее на двое; въ его рукахъ остались только верхніе классы: простой народъ остался на корню. Прервалось въ Россіи свободное обращеніе силъ; потерялось общее разумѣніе страны. Переобразованные русскіе быстро забыли и прошедшую Русь и современный русскій народъ, и между ними и народностью легла страшная бездна. Между-тѣмъ народъ, такъ-называемый простой народъ, отодвинутый отъ исторіи, лишонный всякаго участія въ общей жизни, одинъ сберегши въ себѣ нашу Русь, сталъ въ тяжолое положеніе, сдѣлался какъ будто завоеваннымъ въ собственной землѣ своей, и среди тысячи препятствій, искаженій, насилій, долженъ по частямъ, нерѣдко въ блѣдномъ видѣ, хранить свои древнія основы быта и жизни. Передъ народомъ постоянно стоитъ соблазнительный примѣръ высшихъ классовъ — мыслящихъ

и живущихъ по иностранному. Этотъ примѣръ дѣйствуетъ непрестанно и приноситъ свое зло, просвѣщеніе сдѣлалось привилегіей людей, отдалившихся отъ русской народности и одѣвшихся по нѣмецки. Страшно то, что отъ народа и отъ русскихъ началъ его быта отрываются цѣлыя толпы, начинающія свой прогрессъ съ перемѣны одежды и бритья бороды (бритой бородѣ выгоднѣе на Руси) и примыкающія къ преобразованнымъ классамъ. Порча соблазна и насилія дѣлаетъ свое гибельное дѣло, и ватаги, лишонныя живой силы преданія, дающаго порядокъ и мѣру, растутъ нестройными, безобразными, грозными тучами. Но народъ въ массѣ все еще хранитъ свои начала и не переходитъ на сторону подражателей, сохраняя свою драгоцѣнную участь русскаго страдальца. Общество, оторванное отъ народа, усѣвшись и расположившись на народѣ, наслаждается беззаботно эгоистическимъ пользованіемъ благъ жизни, легкимъ просвѣщеніемъ, состоящимъ въ повтореніи чужихъ мыслей; умъ не можетъ подняться выше остроумія. Но вотъ, слава Богу, среди нашего общества, блеснула мысль, проснулось, хотя еще слабо, чувство стыда за свое обезьянство, пробудилось требованіе самостоятельнаго мышленія, требованіе нравственной обязанности и умственной свободы. Наука обратилась къ судьбамъ Россіи, устремилась понять ее изъ нея самой. Мы можемъ надѣяться, что народъ нашъ додержитъ свой самостоятельный бытъ до той минуты, когда сознаніе русской самобытности приведетъ насъ, бѣглецовъ своей родины, опять въ свою родную землю. Это сознаніе и станетъ на ея стражѣ неусыпнымъ хранителемъ, непобѣдимымъ защитникомъ: тогда не страшны будетъ для Россіи ни явные враги, ни лукавые соблазнители Запада — и Россія скажетъ міру *свое* человѣческое слово.

Оставимъ теперь въ сторонѣ надежды и твердыя убѣжденія въ будущей побѣдѣ правды. Они не освобождаютъ насъ отъ всей силы живого современнаго сочувствія, отъ всей любви, не терпящей нѣмоты, и бездѣйствія; напротивъ, они увеличиваютъ это сочувствіе и эту любовь. А потому не праздно утѣшаться заранѣе свѣтлымъ будущимъ должны мы, но — даже хотя для скорѣйшаго приближенія этого желаннаго будущаго — обратить испытующій взоръ на настоящее зло, на болѣзнь нашего времени. Познаніе болѣзни необходимо для исцѣленія, и часто оно уже одно — вѣрный шагъ къ исцѣленію. Да, намъ необходимо теперь сознаніе, сознаніе своего недуга, своей лжи. Ложь эта такъ еще сильна, что способна привести даже въ отчаяніе человѣка, не крѣпкаго духомъ.

Мы сказали уже, что удѣлъ поставленія жизненныхъ силъ своихъ на поддержку чуждыхъ заемныхъ формъ, этотъ жалкій удѣлъ, о которомъ мы говорили — нашъ удѣлъ. Онъ самъ по себѣ есть уже зло. Теперь вопросъ: чему служимъ мы раболѣпно нашими силами? Мы служимъ ими западно-европейскому духу, который самъ идетъ ложнымъ путемъ

(о чёмъ догадываются его передовые мыслители, напримѣръ: Прудонъ)— въ этомъ новое зло. И такъ, на насъ лежитъ двойная скорбь: во-первыхъ, мы не самостоятельны, мы рабствуемъ чужому уму, подражаемъ; во-вторыхъ, то, чему мы рабствуемъ, чему подражаемъ, есть — ложь.

До сихъ поръ мы разсматривали *личную* испорченность человѣка; но эта личная испорченность, этотъ частный развратъ есть въ то же время общее состояніе человѣка. Такой общій личный развратъ непремѣнно отражается и въ общественной жизни необходимымъ условіемъ общественнаго быта. Скажемъ болѣе: общественная жизнь есть главная основа человѣка, ибо въ ней является уже не личная его слабость, но то, во чтó онъ вѣритъ, но его нравстенный кодексъ. Какъ лицо, человѣкъ можетъ ошибаться, являясь тогда грѣшникомъ; но какъ общество, человѣкъ, ошибаясь, является еретикомъ. Общество, съ своимъ образомъ жизни, есть ученіе, исповѣданіе человѣка; исповѣданіе есть главное основаніе нравственное, за чтó можетъ и долженъ быть судимъ человѣкъ; здѣсь уже нѣтъ вопроса о личной слабости. Огромная разница, напримѣръ, между человѣкомъ, впадающимъ въ порочное дѣло по слабости личной, и человѣкомъ, который думаетъ и признаетъ, что слѣдуетъ поступать порочно. Общество есть непремѣнное выраженіе образа мыслей, есть исповѣданіе человѣка. Ослабленіе истинно-общественнаго начала въ человѣкѣ разнуздало его личность и довело его до страшной современной порчи. Поэтому обратимъ вниманіе наше на общественную жизнь.

Будемъ говорить прямо о себѣ. Мы, русскіе, переносимъ въ жизнь свою западно-европейское направленіе, и это самое даетъ намъ возможность, говоря о себѣ, говорить объ европейскомъ, человѣческомъ вопросѣ. Пріобщившись къ западной Европѣ, наше общество, разумѣется, раздѣляетъ все состояніе европейскаго общества, всѣ его болѣзни, съ тою только разницею, что онѣ у нашего общества — заемныя и, слѣдовательно, лишены даже цѣны и важности, какія имѣетъ всякое самобытное явленіе, лишены историческаго значенія. Общественная дѣятельность наша лишена, сверхъ того, борьбы и подвиговъ мысли и науки, которыхъ не лишена Европа. Свѣтъ и жизнь свѣтская, съ подражательнымъ повтореніемъ чужихъ мыслей — вотъ печальная картина нашей образованной общественной жизни.

II.

Неотъемлемое высокое стремленіе человѣка, связанное съ его человѣческимъ существомъ, есть — *общественность*. Это стремленіе замѣчается на самыхъ первыхъ ступеняхъ образованія. Не одна нужда взаимной помощи, не одна выгода и разсчётъ соединяютъ людей въ одно

общество. Для нихъ необходимо быть вмѣстѣ уже по влеченію ихъ чувства и мысли: сообщить другъ другу все что ихъ занимаетъ, подѣлиться печалью и радостью, оказать и видѣть участіе — для нихъ необходимо. Но во всѣхъ этихъ потребностяхъ, въ этомъ стремленіи сообщаться лежитъ высшая духовная причина, не для всѣхъ сознательно ясная. Эта причина — потребность согласія; отсюда стремленіе каждой личности уничтожить свою одинокость и возвыситься въ общую жизнь, въ которой, исчезая какъ одинокая личность, онъ возникаетъ и слышитъ себя, какъ общество, въ согласіи другихъ такихъ же личностей, также перешедшихъ въ общую жизнь. Какъ звукъ не пропадаетъ въ созвучіи, такъ не пропадаетъ и личность, подавая свой голосъ въ общественномъ хорѣ, который есть высшее явленіе человѣческой жизни, если не вполнѣ осуществимое, то высшее какъ *мысль*, какъ *начало*, въ которомъ лежитъ предощущеніе царства Божія. Все міроздание носитъ на себѣ печать гармоніи и согласія; но природа безсознательна и только намекаетъ на высшее духовное согласіе. Весь міръ, по слову божественной истины, не стóитъ одной души человѣческой. Сознательному человѣку представляется самому исполнить свободный и потому высшій подвигъ: образовать духовный хоръ, гдѣ утоляется ядъ личнаго эгоизма, и исцѣляется ненасытная всепоглощающая жажда личности, — эта жажда грѣха. Этотъ подвигъ совершается силою и дѣломъ любви. И вотъ передъ нами возникаетъ новое явленіе — живое единство, которое не имѣетъ матеріальнаго внѣшняго вида, какъ отдѣльная личность, котораго образъ самый существуетъ въ области мысли: это — *общество*. Общество принимаемъ мы здѣсь въ его основномъ глубокомъ значеніи. Это не человѣкъ одинъ, но это и не куча людей, случайно или по внѣшнимъ причинамъ собранныхъ вмѣстѣ, причемъ каждая личность или сохраняетъ свою отдѣльность, какъ въ каждой ассоціаціи, или совершенно уничтожается въ одной массѣ, какъ въ грубомъ обществѣ, походящемъ на стадо. Общество же, въ истинномъ смыслѣ, совсѣмъ другое дѣло: общество есть такой актъ, въ которомъ каждая личность отказывается отъ своего эгоистическаго обособленія, не изъ взаимной своей выгоды, какъ въ ассоціаціи, гдѣ, соединяясь въ совокупную силу съ другими, она сохраняетъ и даже усиливаетъ свою внутреннюю отдѣльность, а изъ того общаго начала, которое лежитъ въ душѣ человѣка, изъ той любви, изъ того братскаго чувства, которое одно можетъ созидать истинное общество. Общество даетъ возможность человѣку не утратить себя (тогда бы не было общества), но *найти себя* и слышать себя *не въ себѣ*, а въ общемъ союзѣ и согласіи, въ общей жизни и въ общей любви. Для такого явленія нужно, разумѣется, чтобъ не одна, но всѣ личности извѣстной совокупности людей отказывались отъ своей внутренней одинокости и чувствовали себя въ общемъ цѣломъ. Уже одно это, уже одно

существованіе такого общества есть нравственный подвигъ — подвигъ любви и разумѣнія духа, освобождающагося своею общею стороною. Повторяемъ: личность не уничтожается здѣсь, какъ увѣряютъ защитники особничества; напротивъ, она отрѣшается лишь отъ своего эгоизма и, постоянно погружаясь въ общее любовное согласіе, постоянно слышитъ себя въ этой общей согласной любви и восходитъ, слѣдовательно, въ высшую область духа. Таково общество въ настоящемъ своемъ смыслѣ. Эта область такъ высока, что человѣку достойно нельзя осуществить ее на землѣ. Но если достиженіе невозможно для человѣка на землѣ, то для него возможно стремленіе и постоянное приближеніе къ этой истинѣ. По своему стремленію, по своимъ усиліямъ судится человѣкъ. Весь вопросъ въ томъ: *во что онъ вѣритъ и куда стремится?* Если бы только тотъ могъ назваться христіаниномъ, кто осуществляетъ въ себѣ это имя, то не было бы ни одного христіанина на землѣ, ибо христіанскаго совершенства человѣкъ не достигаетъ; но тотъ человѣкъ достоенъ назваться христіаниномъ, кто вѣритъ во Христа и стремится быть христіаниномъ. Такъ и общество — какъ мы его опредѣлили — нельзя найти на землѣ въ совершенномъ видѣ, вполнѣ осуществленнымъ; но оно существуетъ уже тамъ, гдѣ оно лежитъ какъ начало — совершенное само по себѣ и несовершенное лишь въ осуществленіи, чему обыкновенно мѣшаетъ грѣховная личность человѣка. Общество, въ своемъ истинномъ смыслѣ и въ своемъ всеобъемлющемъ размѣрѣ, есть церковь, но и церковь на землѣ — есть церковь воинствующая. Сама церковь совершенна; христіане же грѣшны и, какъ люди, часто падаютъ въ борьбѣ.

Общество, взятое со стороны своего осуществленія въ людяхъ, являясь часто въ отдѣльныхъ ограниченныхъ видахъ, можетъ только приближаться къ тому, чѣмъ оно должно быть. Подобное общество, наиболѣе приближающееся къ своему идеалу, представляютъ христіане первыхъ вѣковъ.

Но, какъ мы сказали, одно признаніе общества какъ начала, независимо отъ его осуществленія, есть уже нравственная заслуга. Такое признаніе общества какъ начала и стремленіе осуществить его въ жизни, становитъ высоко тѣхъ людей или тотъ народъ, которые имѣютъ такое начало и такое стремленіе. Такое общество или, вѣрнѣе, такое начало общества можетъ быть встрѣчено и у не-христіанъ, у язычниковъ даже, у которыхъ можетъ быть предчувствіе христіанской истины. Есть такой народъ, который еще до христіанства имѣлъ общество какъ начало — начало, которое освятилось потомъ принятіемъ христіанства. Это народъ русскій, усвоившій себѣ издревле высокую идею *общины*. Отъ того-то такъ глубоко принялъ онъ христіанство въ душу и весь имъ проникся. Такъ какъ общество, въ своемъ высокомъ, настоящемъ смыслѣ, не есть натуральное, прирожденное явленіе человѣка, то для понима-

нія и признанія общества какъ начала, нуженъ уже подвигъ духовный. По отношенію человѣка къ великому вопросу общества можно судить о степени образованія человѣка, принимая слово образованіе въ смыслѣ духовной высоты. Русскій народъ понялъ общество важно и строго; оно явилось у него, съ незапамятныхъ времёнъ, во всей истинѣ своего значенія и получило свое русское многознаменательное именованіе: *міръ*. Вотъ почему такъ высоко стоитъ по образованію своему русскій крестьянинъ, весь проникнутый доселѣ своимъ древнимъ началомъ общества, міра *).

Предпославъ эти строки, обратимъ теперь вниманіе на ходъ и проявленіе общественнаго начала въ человѣкѣ.

Въ человѣкѣ есть разумное, сознательное начало *личности*, отдѣляющее его отъ природы. Это начало можетъ вознести его до небесъ и низвергнуть до ада. Личность дана человѣку съ тѣмъ, чтобъ онъ сознательно и свободно побѣдилъ ее въ себѣ и нашелъ для нея центръ не въ ней самой, а въ Богѣ. Начало личности есть грѣшное начало, какъ скоро личность служитъ себѣ, и становится высокимъ подвигомъ, какъ скоро личность отрекается отъ себя и служитъ не себѣ, а отказывается отъ себя, полагая центръ не въ себѣ, а въ истинѣ и любви братской и образуетъ общество. Въ природѣ видимъ мы съ одной стороны единицу, съ другой — множество — и то и другое въ численномъ количественномъ отношеніи; ни единица, ни множество не имѣютъ въ природѣ самостоятельнаго значенія: единица теряется во множествѣ, множество заслоняется единицею. Нѣтъ личности — нѣтъ и общества. Человѣкъ же, который есть сознательная личность, сознательная единица, собственнымъ сознательнымъ подвигомъ долженъ образовать союзъ высокой любви или общество. Этотъ подвигъ, эта борьба личнаго грѣховнаго начала съ началомъ благимъ, общественнымъ, которое лишь при самоотверженіи личности возможно и при которомъ просвѣтляется себя побѣдившая личность — эта борьба исполняетъ всю жизнь человѣка и человѣчества и начинается для человѣка съ самыхъ первыхъ дней рода человѣческаго...

---

*) Слѣдующія затѣмъ страницы рукописи были нѣсколько разъ передѣлываемы и переписываемы авторомъ, наконецъ въ исправленномъ и распространенномъ видѣ были включены въ позднѣйшій списокъ всей статьи, сдѣланный рукою самого Константина Сергѣевича. Но видно, что авторъ все еще былъ недоволенъ своимъ изложеніемъ: при новомъ просмотрѣ (вѣроятно въ послѣдній годъ своей жизни), онъ зачеркнулъ снова нѣсколько страницъ, сдѣлавъ надпись: «отдѣлить и передѣлать значеніе общественности». И дѣйствительно намъ удалось найти въ его позднѣйшихъ бумагахъ четыре листа рукописи, такъ сказать первоначальный *набросокъ*, который очевидно предназначался для вставки. Хотя этотъ набросокъ неоконченъ и не связанъ съ продолженіемъ статьи, но мы все-таки включаемъ его здѣсь. — *Иванъ Аксаковъ*.

Естественное стремленіе человѣка *быть вмѣстѣ*, стремленіе къ общежитію, встрѣчается на самой первой ступени человѣческаго быта. У самыхъ дикихъ народовъ есть общественный союзъ, союзъ натуральный, естественный, возникшій изъ природы человѣческой. Основанія общественной связи здѣсь чисто природныя. Единство одного происхожденія, одной мѣстности, одного климата и прочихъ естественныхъ условій — вотъ первыя основанія общественности, общественной связи, основанія не чуждыя и животнымъ, образующимъ стадо. Но человѣческое общество и на самой первой ступени не есть стадо. Къ условіямъ природы безразумной и безсловесной присоединяются въ человѣкѣ условія разумной, говорящей природы человѣческой: первое единство, связующее людей въ одно цѣлое, есть единство языка, слѣдовательно, единство разумѣнія. Здѣсь является общительный элементъ, элементъ безкорыстный, у котораго нѣтъ цѣли — выгоды, нѣтъ разсчета, элементъ, въ которомъ важна лишь радость взаимнаго общаго разумѣнія. Разумѣніе — этотъ неотъемлемый трудъ существа человѣческаго — по природѣ своей бездѣйственно быть не можетъ, и вслѣдъ за природными немедленно вступаютъ въ свои права собственно человѣческія условія: преданія, обычаи, вѣрованія и зиждется *бытъ* народа, вытекшій непосредственно изъ природы человѣческой и народной особенности, составляющій основаніе естественнаго народнаго общества.

Въ быту естественномъ начало личности дѣйствуетъ грубо, умѣряясь чувствомъ совокупности и глухо понимаемою общественностью. Дикарь готовъ служить своему эгоизму, но въ немъ живетъ естественное чувство племени, только обуздывающее этотъ эгоизмъ, и то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выступаетъ честь, выгода цѣлаго племени; тамъ же, гдѣ нѣтъ этой узды, эгоизмъ человѣка дѣйствуетъ съ животною жадностью.

Такой первоначальный бытъ народа есть еще непосредственная человѣческая, *природно-сознательная* связь; въ ней является цѣлость непосредственной общественной жизни, хотя колеблемая безсознательно и случайно потребностью дальнѣйшаго пути; всѣ важныя стороны жизни общественной здѣсь нераздѣльны съ элементомъ общительнымъ или общежительнымъ, главная основа котораго, какъ сказали мы, *бесѣда*, радость взаимнаго разумѣнія. Но эта непосредственная цѣлость общественной жизни, оставаясь по долгу у иныхъ необразованныхъ народовъ, не можетъ быть удержана навсегда. Общественность человѣческая должна перейти въ высшую область духа. При этомъ дальнѣйшемъ движеніи встрѣчаются разные пути, смотря потому, какое начало преобладаетъ, общественное или личное.

Общественное начало и начало личное — различны и различно проявляются. Общественное начало предполагаетъ личность и заключаетъ

уже ее въ себѣ. Поэтому самому это уже есть начало полное и высшее. Общество безъ личности существовать не можетъ; оно есть гармонія личностей. Личность отказывается здѣсь отъ своего эгоизма и находитъ себя уже не какъ отдѣльная личность, а какъ любовная совокупность личностей; переставая быть центромъ, личность становится однимъ изъ лучей, согласно истекающихъ изъ общаго любовнаго союза, невидимый центръ котораго въ Богѣ. Онъ одинъ и только Онъ — *Одинъ*.

Общественное начало, выразившееся естественно, переходитъ въ высшую область духа и является какъ общество. Мы уже опредѣлили значеніе общества. Въ общество — высшее явленіе человѣческаго духа — переходитъ естественная общественность. Въ обществѣ личность не подавляется, не исчезаетъ (какъ думаютъ, пожалуй, иные); напротивъ, здѣсь получаетъ она свое высшее значеніе, ибо только личность, чрезъ отрицаніе самой себя, какъ *я*, какъ центра, доходитъ до согласія личностей, до новаго явленія, гдѣ каждая личность является въ любовной совокупности личностей; такимъ образомъ, актъ общества есть актъ совокупнаго самоотверженія. Только личность чрезъ высокій подвигъ самоотверженія можетъ образовать общество. И такъ, личность въ обществѣ не исчезаетъ; она дѣйствуетъ, но устремляясь не къ себѣ, а къ общему согласію; не теряясь, но находя себя какъ согласная совокупность взаимно отрекшихся отъ своей особничности, взаимно самоотверженныхъ личностей, слышащихъ себя въ общемъ дружномъ союзѣ всѣхъ.

Таково общество въ своемъ истинномъ смыслѣ: здѣсь становится оно *общиной*. Община является въ человѣкѣ какъ начало, къ которому онъ стремится. Народъ, понявшій высокій смыслъ общины и взявшій ее какъ начало — есть народъ славянскій и преимущественно русско-славянскій народъ, образовавшій у себя «міръ» еще до христіанства; мы сказали, впрочемъ, что начало общины, проявляясь на землѣ отдѣльными общинами въ народѣ, даже смыкая весь народъ въ одну общину, все-же еще не совершенно. Высшій, истинный образъ общины есть церковь — община, объемлющая все человѣчество, переступающая конечные предѣлы и полагающая свое средоточіе въ Богѣ. Богъ Христосъ есть глава церкви, вѣчной вселенской общины. И такъ, вотъ проявленіе въ человѣкѣ начала общественнаго, начала божественнаго, въ Богѣ имѣющаго свое средоточіе. Это единственное начало любви и добра. Это начало принялъ славянскій міръ.

Совершенно иное начало личности. Здѣсь личность является сама средоточіемъ. При началѣ общественномъ средоточіе лежитъ внѣ личности; при началѣ личномъ средоточіе лежитъ въ личности. Личность есть явленіе цѣльное, *одно*. Являясь въ человѣкѣ и вообще въ духѣ конечномъ, личность, имѣющая средоточіе въ себѣ, примыкаетъ къ

себѣ, какъ средоточію, все внѣ себя находящееся; лишь къ себѣ стремится, лишь себя любитъ. Любовь къ себѣ — эгоизмъ — исключаетъ любовь къ другимъ, весь міръ, всѣ личности служатъ ей питаніемъ. Личность есть начало *единаго*. И такъ какъ единый внѣ Бога есть явленіе конечное и ограниченное, то это конечное начало единаго, не будучи въ состояніи обнять весь міръ, стремясь быть единымъ, все внѣ себя уничтожаетъ. Начало личное есть начало зла; отношеніе личнаго начала есть вражда и ненависть. *Одинъ* только Богъ, и онъ одинъ есть любовь, ибо онъ Богъ и все объемлетъ. Онъ Одинъ есть лицо, ибо Онъ одинъ, внѣконеченъ, ибо Богъ Одинъ и *Все*. Одинъ *внѣ* Бога — есть сатана. Конечная личность только чрезъ самоотверженіе, чрезъ отрицаніе себя въ Богѣ, достигаетъ до Бога и до добра; единица личности, лишь отвергаясь себя какъ единицы, очищается и просвѣтляется. Лишь чрезъ любовь, чрезъ самоотверженіе, чрезъ общину и чрезъ церковь досягаетъ конечная личность до Бога. Богъ — Одинъ. Богъ — Лицо, таинственно являясь въ трехъ ѵпостасяхъ.

Личное начало есть начало эгоизма, есть источникъ зла. Личность, находя въ себѣ средоточіе, все пожираетъ, все обращаетъ въ снѣдь себѣ, жаждетъ и томится вѣчнымъ голодомъ. Это — жажда грѣха. Ядъ личности умѣряется общественными условіями.

Личное начало, являясь живущимъ, какъ множество себѣ подобныхъ и выступая въ обществѣ, образуетъ это общество иначе. Здѣсь прежде всего мы встрѣчаемся съ поклоненіемъ личности въ одномъ человѣческомъ лицѣ, поклоненіемъ, выработавшимся въ обществѣ азіятскомъ: это устройство общества деспотическое. Въ этомъ обществѣ одно лице живетъ въ народѣ; народъ же служитъ его подножіемъ и питаніемъ. Все приносится въ жертву этому Молоху, и весь народъ, кромѣ одного этого лица, сливается въ одну массу, въ которой нѣтъ ни личности, ни общества. Всѣ другія лица въ народѣ, имъ управляющія, суть отраженія этого верховнаго лица, отраженія постепенно блѣднѣющія. Дикіе бунты, прорывающіеся отъ времени до времени, показываютъ всю неестественность такого общественнаго опредѣленія; но эти грозы, порожденныя желаніемъ вздохнуть свободно, не освѣжаютъ воздуха, ибо не измѣняютъ порядка. Такой деспотическій порядокъ имѣетъ свои видоизмѣненія въ исторіи, свои уклоненіи, вытекающія изъ лжи такого устройства. Такова Азія.

Въ народахъ Европейскаго Запада личное начало стало исходнымъ пунктомъ, основою ихъ общественной жизни, какъ скоро эта жизнь вышла изъ цѣлости непосредственной. Но въ Европѣ это начало представляетъ совершенную противоположность таковому же началу въ Азіи. Въ Азіи личность признается какъ начало въ *одномъ* лицѣ; въ Европѣ въ *каждомъ*. Такое признаніе породило явленіе противоположное, но

равно чуждое общинѣ. Скажемъ, что, вырываясь изъ непосредственнаго общественнаго быта, изъ подъ историческихъ условій, устройство общественное Европы прошло сквозь много переходовъ. Мы не намѣрены разсматривать этотъ любопытный историческій ходъ, эти измѣненія западнаго общественнаго устройства. Въ сущности оно одно. Личность, признаваемая въ каждомъ, естественно разрываетъ общество на столько частей, сколько личностей, естественно дѣлитъ оное на единицы. Разрозненныя единицы не могутъ однако же жить порознь; ихъ удерживаетъ къ тому породная сила, племенная естественная связь, изъ которой онѣ произошли; общежительность никогда не оставляетъ человѣка. Но, кромѣ этихъ естественныхъ, прирожденныхъ условій, личность видитъ выгоду жить вмѣстѣ и помогать другъ другу; и такъ, для личности, даже не подлежащей естественнымъ и историческимъ условіямъ является просто разсчетъ, вслѣдствіе котораго необходимо жить вмѣстѣ. Этотъ-то разсчетъ и есть та связь, которая легла въ основаніе европейскаго общества, кромѣ естественныхъ условій, столь долго сохраняющихъ свою силу.

При началѣ особничности человѣкъ видитъ однако пользу и выгоду союза съ людьми, и этотъ союзъ, возникшій сперва вслѣдствіе естественныхъ причинъ, удерживается, сверхъ того, и сознательно. Но этотъ союзъ, вытекающій изъ разсчета взаимной пользы, становится условнымъ соединеніемъ людей: общества въ настоящемъ смыслѣ здѣсь не возникаетъ. Люди здѣсь также отказываются отъ излишества своей личности, или—лучше: ограничиваютъ взаимно свои личности, но чисто внѣшнимъ образомъ, вслѣдствіе простого разсчета, что человѣкъ человѣку нуженъ, а чтобъ жить вмѣстѣ и не разсориться — нельзя давать себѣ полной воли. И такъ, здѣсь люди отказываются отъ излишняго произвола только потому, что произволъ вызоветъ произволъ другого и выйдетъ драка. Желая, чтобъ меня не тронули, я не трону другого. Вотъ единственный разсчетъ такого общественнаго союза. Такимъ образомъ возникаетъ союзъ людей, похожій на общество — но это не общество, это общественный контрактъ, общественная сдѣлка. Средоточіемъ здѣсь остается личность человѣка; личность, принужденная, для своей личной выгоды, явиться въ совокупности съ другими личностями, признаетъ чужую личность для того, чтобъ ее признали въ свою очередь, и условно ограничиваетъ себя, чтобы избѣжать ссоры. Любви нѣтъ въ этомъ кругѣ людей; она является совершенно лишнею при удержанномъ во всей силѣ эгоистическомъ началѣ личности и при сдѣлкѣ, отсюда возникшей; такая сдѣлка при личности, какъ средоточіи — личности, все стремящейся поглотить въ себя — необходима; что же иначе можетъ удержать личность? Только сдѣлкою достигается здѣсь наружный миръ и наружное согласіе; другой связи, связи любви, связи истинно обществен-

ной между ними — нѣтъ. Это — сдѣлка эгоизмовъ, совершенно возможная и между бездушными разбойниками, не терпящими другъ друга или равнодушными другъ къ другу.

Начало личности подняль западъ Европы, и потому въ немъ нѣтъ общества въ истинномъ смыслѣ, а на мѣсто того — общественная сдѣлка. Съ другой стороны это начало личности, признаваемой въ каждомъ, пробуждаетъ къ дѣятельности личныя силы и способности человѣка, и это эгоистическое начало облекается въ блестящую одежду, сопровождается изумительною дѣятельностью, гордо и красиво. Понятое въ каждомъ, представляетъ оно совершенно противоположную картину азіятскому началу личности, признанному въ одномъ человѣкѣ. Коснѣніе есть непремѣнная принадлежность начала азіятскаго; цѣлый безмолвный народъ недвижно стоитъ подножіемъ одного лица; всѣ силы народныя лишены всякой самобытности и служатъ лишь средствами одному лицу, которое все-таки безсильно своей одинокостью. Движеніе есть элементъ западно-европейскаго начала: всякій подаетъ свой голосъ, всякій предъявляетъ свои права, всякій даетъ другимъ свое, чтобъ получить отъ другихъ ихнее; умъ блещетъ, страсти кипятъ, таланты приносятъ плоды. Здѣсь начало личности, начало зла, не является безсильнымъ, бездѣйственнымъ, слабымъ и ничтожнымъ. Нѣтъ, именно оно облечено въ поражающій блескъ, исполнено энергіи, дышетъ красивой гордостью и обладаетъ всевозможными эффектами. Развѣ самая корысть, зависть не напрягаютъ силъ, не совершаютъ великихъ, блестящихъ дѣлъ? Но это нисколько не измѣняетъ ихъ низкой природы и свидѣтельствуетъ только о дѣятельности начала зла. Злодѣй, въ которомъ мы можемъ удивляться энергіи и уму, тѣмъ не менѣе злодѣй. Существо человѣческое, какъ бы ни былъ лживъ путь его, не можетъ быть само по себѣ положительно злымъ; но начало, имъ принятое, можетъ быть зломъ положительнымъ. Начало личности, принятое западомъ, есть положительное зло — зло тѣмъ сильнѣйшее, тѣмъ опаснѣйшее, что оно плѣнительно и дѣйствуетъ своею прелестью на умъ, на чувства; но и на этой ложной дорогѣ человѣкъ являетъ освобождающіяся отъ лживаго покрова частнымъ образомъ, въ томъ или въ другомъ случаѣ, добрыя стороны своей души.

Какъ ни блестящъ, ни хитеръ, ни дѣятеленъ Западъ съ своимъ красивымъ личнымъ началомъ, но никогда не можетъ онъ сравниться съ тѣмъ высшимъ разумѣніемъ, съ тою мудростью, до которой можетъ дойти лишь община. Какъ ни блестящъ, ни разнообразенъ Западъ извнѣ, но онъ не можетъ наполнить нравственной пустоты, лежащей внутри его, того изсушающаго начала личности, которое выбралъ онъ своею исходною точкою; какъ ни старается онъ обработать свое общественное

устройство, но оно остается тѣмъ же, тою же бездушною сдѣлкою эгоистическихъ личностей.

Начало личности, выразившееся на Западѣ, имѣетъ свой историческій ходъ. Оно выразилось въ народахъ, сокрушившихъ Римскую имперію. Свѣтъ христіанства, упавшій на эти народы, отразился искаженно. Оно не вошло въ жизнь западнаго общества, которому христіанскія начала такъ противоположны, но образовалось тамъ какъ особое общественное устройство на той же почвѣ личнаго начала, въ той же личной средѣ. Сперва выдвинулась одна духовная личность папы, подъ вліяніемъ воспоминаній римскаго деспотизма (похожая на личность азіятскаго деспота), обобравшая совѣсти у людей и лишившая ихъ всякой свободной нравственной дѣятельности. Потомъ личность каждаго возмутилась противъ духовнаго деспотизма и сдѣлала христіанство личнымъ достояніемъ каждаго, не понявъ его цѣлости, не образовавъ общины церкви.

Въ жизни общественной, внѣ христіанскаго общественнаго устройства, были свои переходы. Духъ народовъ и историческія условія содѣйствовали образованію общественной сдѣлки и опредѣляли ее. Общественныя формы на Западѣ слагались насильственно; явился рядъ завоевателей и подъ ними рядъ завоеванныхъ. Завоеванные образовали чернь; завоеватели или высшіе благородные классы — аристократію. Эти-то верхніе классы составили между собою сдѣлку, относясь къ простому народу, какъ одна цѣлая гнетущая масса завоевателей къ массѣ завоёванной; между этими двумя массами не было никакихъ соглашеній: было одно право — право сильнаго; одна сдѣлка — сдѣлка меча. Сдѣлка общественная принимала видъ феодальной системы, потомъ монархической, какъ скоро ослабѣвала энергія личности въ высшихъ классахъ. Въ подробности и оттѣнки исторіи Запада мы не вдаемся: скажемъ объ этомъ только нѣсколько словъ. Завоёванный классъ или чернь впослѣдствіи взбунтовалась и добыла себѣ *вольность*, но не *свободу*, которая не добывается бунтомъ, которая можетъ существовать только въ общинѣ *), и приняла участіе въ общественной государственной сдѣлкѣ. При революціи народъ не уничтожалъ сдѣлки, мимо его составившейся, а только хотѣлъ принять въ ней участіе; не свергалъ ига завоевателей, а только хотѣлъ втѣсниться въ ихъ ряды, стать на ихъ же мѣсто, пользоваться самъ ихъ же правами. Вотъ почему революція не измѣняетъ порядка вещей; она есть тотъ же порядокъ, только выворочениый на изнанку; она не вноситъ свободы: таково свойство всякой революціи, всякаго насильственнаго переворота.

*) Въ рукописи, противъ этого мѣста, сбоку рукою автора написано, какъ бы для памяти: «Деспотъ и рабъ равно не свободны. Въ общинѣ личность *добровольно* отрѣкается отъ себя, отъ деспотизма произвола и слѣдовательно отъ рабства, и пріобрѣтаетъ *свободу*. Свобода въ духѣ и любви, въ Богѣ.»

Завоеванная, подавленная часть народа добыла себѣ участіе въ общей сдѣлкѣ, которая наконецъ опредѣлилась яснѣе какъ конституція, и приняла самый видъ контракта на бумагѣ. Какъ во всякомъ общественномъ союзѣ, основанномъ на сдѣлкѣ, лежитъ эгоизмъ, то всякій такой общественный союзъ, возникающій исторически внутри государства и являющійся какъ сословіе — объ остальныхъ сословіяхъ народа знать не хочетъ; только опасность съ ихъ стороны и потомъ разсчетъ выгоды заставляетъ признать ихъ право. Но постоянная враждебность лежитъ между ними. Такъ, аристократія не хотѣла знать правъ остальнаго народа; такъ мѣщанство въ свою очередь не хотѣло знать низшаго сословія, черни. И когда угнетенная сторона, къ которой примкнуло мѣщанство, пріобрѣла права — то мѣщанство одно воспользовалось этими правами: самое право избирать представителей было отнято у бѣдныхъ. Такимъ образомъ Европа даже и въ настоящее время исключаетъ изъ своей общественной сдѣлки самый бѣдный классъ народа и, слѣдовательно, общее начало свое — начало личности, признаваемой въ каждомъ — не распространяетъ еще на дѣлѣ на каждаго *). Тамъ, гдѣ начало личности признано за основаніе, тотъ, въ комъ оно не признано, является существенно уничтоженнымъ. И такъ, начало личности еще не распространено въ Европѣ на каждаго; много историческихъ условій ограничиваютъ это распространеніе, и хотя такое ограниченіе вытекаетъ и изъ эгоизма, однако оно сопровождается благими послѣдствіями и спасаетъ Европу отъ конечнаго истребленія въ ней всего добраго, всего живого **).

Но всего сильнѣе выразилось это начало въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Въ западной Европѣ много еще естественныхъ племенныхъ элементовъ, много даже противорѣчащихъ добрыхъ побужденій, хотя подавленныхъ началомъ, которое она избрала, много преданій, много воспоминаній о первоначальныхъ дняхъ своихъ; все это болѣе или менѣе умѣряетъ жестокость эгоистическаго начала. Но въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ никакихъ подобныхъ неудобствъ. Самая почва ихъ — почва новая, чужая. Вся составленная изъ выходцевъ, свободная даже отъ племенныхъ связей, незнающая даже дней первоначальныхъ, даже не народъ — Сѣверная Америка вся насквозь проникнута эгоистическимъ, холоднымъ началомъ и вся представляетъ обширную обще-

---

*) Авторъ упустилъ здѣсь изъ виду всеобщую подачу голосовъ (le suffrage universel), введенную во Франціи съ 1848 г. Впрочемъ — это новаго вида ложь. — *Иванъ Аксаковъ*.

**) Здѣсь сбоку рукою автора написано: «условность есть слѣдствіе личнаго начала». Вѣроятно, авторъ хотѣлъ здѣсь выразить ту мысль, что въ Европѣ еще сохраняются мѣстами массы простого народа, не пріявшія въ душу начала государственнаго, не вкусившія отъ условности и формализма внѣшней государственной правды, и еще живущія подъ закономъ правды внутренней. — *Иванъ Аксаковъ*.

ственную сдѣлку людей между собою, лишенную всякой любви — сдѣлку спокойную, крѣпкую, ибо основанную на себялюбивомъ разсчетѣ; развѣ только личныя страсти могутъ на минуту заставить забыть этотъ разсчетъ; въ предѣлахъ же сдѣлки эти страсти дѣйствуютъ со всею своею пожирающею силою. Нигдѣ нѣтъ такого полнаго признанія этой личности въ каждомъ, какъ въ общественной сдѣлкѣ Сѣверной Америки; нигдѣ нѣтъ такой страшной дѣятельности, устремленной главное на выгоду, какъ въ Сѣверной Америкѣ; и за-то нигдѣ нѣтъ такого страшнаго эгоизма, такого бездушнаго тиранства и униженія себѣ подобныхъ, какъ въ Сѣверной Америкѣ, убивающей, разводящей и продающей людей, исключенныхъ общественною сдѣлкою, людей, непризнаваемыхъ людьми, несчастныхъ негровъ *). Какъ бы широко ни была составлена общественная сдѣлка, какъ бы въ предѣлахъ своихъ ни признавала она всякую личность, все же она эгоистична, какъ сдѣлка, относительно всего внѣ ея находящагося; она признаетъ существованіе другихъ народовъ и человѣческихъ обществъ только изъ страха и изъ выгоды. Вражда лежитъ тайно въ основѣ. Ожесточенный бой возможенъ каждую минуту. Одно, повидимому, могло бы отвратить эту опасность. Если бъ все человѣчество на всемъ земномъ шарѣ отказалось отъ всѣхъ народныхъ и другихъ нравственныхъ общественныхъ условій, отъ высшихъ связей вѣры, обратилось въ разрозненныя единицы, въ эгоистическія личности и составило одну всеобщую сдѣлку, основанную на эгоистическомъ разсчетѣ каждаго — тогда это была бы всеобщая смерть жизни на землѣ. Механическое начало условности восторжествовало бы безпрепятственно и все человѣческое общество обратилось бы тогда въ машину. Умъ въ человѣкѣ обратился бы въ смыслъ, служащій для матеріальныхъ улучшеній, изобрѣтеній, и органическаго живого осталось бы въ человѣкѣ только его физическая грубая сторона. Человѣкъ сталъ бы ненуженъ міру, безполезенъ на землѣ.

Самое сильное проявленіе начала личности и условности, самую рѣзкую противоположность началу общины и свободѣ жизни представляетъ въ наше время Сѣверная Америка. Это великолѣпная общество-машина.

Но не таково, конечно, призваніе человѣка. Но духовныя потребности живутъ въ немъ и не падутъ въ борьбѣ съ матеріальнымъ смысломъ. Но есть русскій народъ, вѣрующій въ высокое начало общины, народъ, который долженъ сказать міру слово жизни и разума.

Мы сказали, что самый первоначальный общественный элементъ есть элементъ общительный или общежительный, встрѣчающійся на

*) Напоминаемъ читателямъ, что эта статья была написана еще до освобожденія негровъ въ Америкѣ. — *Иванъ Аксаковъ.*

самыхъ первыхъ ступеняхъ человѣчества, въ непосредственной цѣлости общественнаго естественнаго быта. Какая судьба его при дальнѣйшемъ ходѣ общества?... *)

Общество, въ истинномъ смыслѣ своемъ, или община цѣльно выражаетъ и заключаетъ въ себѣ всѣ общественныя стороны, всю общественную жизнь, со всѣмъ ея разнообразіемъ, во всѣхъ ея значеніяхъ и видахъ. Элементъ собственно общительный, возвышенный обществомъ, какъ братское общее веселіе жизни, вмѣщается тутъ же. Такое общество въ истинномъ смыслѣ своемъ представляетъ *міръ*, образовавшійся въ русскомъ народѣ и вообще въ славянскомъ племени. Тотъ же «міръ» ходитъ на сходку и водитъ хороводъ; ибо здѣсь все основано на внутреннемъ высшемъ единствѣ, образующемъ изъ людей общественное цѣлое, въ минуту ли строгой думы, въ минуту ли свѣтлаго веселія. Чѣмъ же долженъ явиться этотъ общительный элементъ при общественной сдѣлкѣ, ставшей основой общественнаго устройства на Западѣ? Общественная сдѣлка, принимающая немедленно государственное значеніе, какія бы ни носила она тамъ наименованія, общественная сдѣлка откинувъ всякое внутреннее нравственное основаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, общественную цѣлость и единство, взявши въ основу одинъ холодный разсчетъ личныхъ эгоизмовъ, отдѣлилась и отъ общительнаго элемента, исключивъ его вовсе изъ себя. Сдѣлка, по условности своей, исключаетъ изъ себя элементъ общительный, имѣющій въ себѣ непосредственный, естественный, слѣдовательно *не* условный характеръ. Съ другой стороны, эта сдѣлка отняла у общежитія всякій серьёзный смыслъ. Общительный элементъ, лишонный, при общественной сдѣлкѣ, всякаго серьёзнаго значенія, остался одинъ, опустѣвшій, такъ сказать, совершенно. Вовсе исчезнуть онъ не могъ, ибо естественное, врожденное отъ природы, общительное стремленіе не могло уничтожиться, но онъ сталъ пустъ и быстро развился своею легкою, пустою стороною. Онъ развился именно въ тѣхъ классахъ, гдѣ сдѣлка наиболѣе имѣла мѣсто, то-есть въ аристократіи. Невѣжество и вообще первобытное состояніе оставлены были въ удѣлъ черни; на нее смотрѣли съ гордымъ и спокойнымъ презрѣніемъ, оставляя ее въ предѣлахъ естественныхъ потребностей, которыя снисходительно за нею признавались. Образованность стала удѣломъ высшихъ классовъ. Общительный элементъ въ простомъ народѣ на Западѣ оставался долго на степени первобытной грубой связи, огрубѣвшей еще болѣе отъ гнета завоевателей. Въ высшихъ классахъ этотъ элементъ, не переходя въ сущности за предѣлы природной общительности, но совершенно ставши пустымъ при сдѣлкѣ, отнявшей

*) Здѣсь кончается тотъ черновой набросокъ, который, вѣроятно, предполагался для вставки. — *Иванъ Аксаковъ*.

у него всякій серьёзный смыслъ, развился со всею легкостью и быстротою пустоты. Въ черни была грубая, общая всѣмъ людямъ на этой ступени, естественность; въ высшихъ классахъ была искусственность отношеній, далеко не общая всѣмъ, вслѣдствіе чего и самой естественный общительный элементъ подвергся въ высшихъ классахъ искусственной переработкѣ. Общительный естественный элементъ, общій всѣмъ людямъ, какъ природный, становится также общимъ въ области духа, въ *обществѣ* (въ истинномъ смыслѣ этого слова); тамъ возвышается онъ и дѣлается свободнымъ достояніемъ человѣка. Но здѣсь, при сдѣлкѣ, при аристократіи, общительный элементъ, не перейдя въ свободную область духа, но отойдя отъ своей первобытной естественности, ставши удѣломъ высшихъ, исключительныхъ классовъ, долженъ былъ уже по этому самому стать исключительнымъ. Притомъ, такъ-какъ сдѣлка эта, эта образованность, явилась въ высшихъ классахъ, отдѣлённыхъ отъ черни, то общественность, при сдѣлкѣ въ этихъ классахъ возникшая, получила новый оттѣнокъ исключительности. Къ нему присоединился характеръ аристократизма этихъ верхнихъ классовъ и презрѣніе къ простому народу — и вотъ образовалось то, что́ называется la société. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій, эта новая общительность (société), въ сущности только естественная и даже болѣе естественная, чѣмъ грубая общительность, ибо все серьёзно-человѣческое было отнято отъ нея и выражено отдѣльно, въ сдѣлкѣ. Эта общительность выработалась въ искусственное устройство, которое приняло и свое особое названіе: *свѣтъ* (monde), названіе гордое, ибо вмѣсто того, чтобъ быть широкимъ, всеобъемлющимъ, оно, напротивъ, стало исключительнымъ, тѣснымъ. Означая только извѣстное собраніе людей и называясь въ тоже время *свѣтомъ* (monde), это общественное устройство уничтожаетъ, слѣдовательно, нравственно всѣхъ остальныхъ людей. Извѣстное наименованіе простого народа: *la canaille* подтверждаетъ такой смыслъ *свѣта*. Когда впослѣдствіи эта canaille взбунтовалась, добыла себѣ права и приняла участіе въ общественной государственной сдѣлкѣ или конституціи — свѣтъ, сохраняя тѣмъ не менѣе свою аристократическую сомкнутость, распространилъ тогда отъ себя свою атмосферу надъ остальнымъ народомъ, съ тою же — только расширенною — исключительностью, и въ самомъ народѣ образовалъ народную, аристократическую общественную массу, именно *публику* (le public), заслоняющую народъ — массу, которая, всплывая на поверхность, собственно и соприкасается какъ съ вопросами государственной сдѣлки, такъ и съ другими общественными или — лучше — публичными вопросами, а народъ по прежнему остается въ сторонѣ.

Замѣчательно, что исключительная община на Западѣ (свѣтъ, monde) приняла названіе сходное съ тѣмъ, какое приняло общество въ рус-

скомъ народѣ: *міръ*. Но русскій языкъ различилъ въ самомъ словѣ эти два понятія: *міръ*, *свѣтъ* — названія по наружности сходныя; но какая огромная разница, можно сказать, совершенная противоположность лежитъ между тѣмъ и другимъ. *Міръ*, неизвѣстный западной Европѣ, есть общество во всемъ своемъ великомъ, истинномъ смыслѣ, общество человѣческое и потому доступное для всякаго человѣка, который приметъ нравственныя начала *міра*. Наименованіе — *міръ*, означающее съ одной стороны единство, съ другой — всеобъемлемость, вполнѣ здѣсь законно. *Міръ* открытъ всякому, кто, разумѣется, приметъ единство общественнаго основанія. Вотъ почему *міръ*, въ противоположность *свѣту*, встрѣчается на дѣлѣ преимущественно въ томъ состояніи народа, которое не имѣетъ никакихъ внѣшнихъ отличій и привилегій, именно въ такъ называемомъ простомъ народѣ; впрочемъ, конечно и человѣкъ всякаго состоянія можетъ быть въ *мірѣ*, какъ скоро собственныя отличія и привилегіи не составляютъ для человѣка какого-то нравственнаго права, какъ скоро человѣку выше всего его человѣческое достоинство. Но даже законное пользованіе преимуществами, не составляя препятствія, смущаетъ человѣка, а потому затруднительно для него общество — *міръ*, а потому и встрѣчается онъ преимущественно въ простомъ народѣ. *Свѣтъ*, по названію своему, имѣя притязаніе на всеобъемлемость, исключителенъ, сомкнутъ, аристократиченъ, послѣдовательно уничтожаетъ нравственно всѣхъ людей внѣ себя. Но *свѣтъ* долженъ быть разсмотрѣнъ и опредѣленъ точнѣе.

И первобытное естественное общество и общество въ высшемъ смыслѣ имѣютъ непремѣнно единство основанія: или хранящееся въ единствѣ естественной жизни или въ единствѣ духовнаго начала. Наконецъ, всякая общественная сдѣлка или контрактъ, всякая ассоціація и конституція имѣетъ единство основанія, съ тою разницею, что здѣсь это единство не внутреннее, а внѣшнее; основа общественнаго единства здѣсь не въ естественной жизни и не въ свободѣ духа, а внѣшнее условіе — писаная бумага. *Свѣтъ* есть также общественное явленіе. Онъ, какъ было сказано, вытекая изъ естественной общительной потребности, неудовлетворенной общественною сдѣлкою, лишонъ всякаго строгаго значенія общества, ибо вся положительная и въ этомъ смыслѣ серьёзная сторона общественной жизни, выражаемая общественною сдѣлкою, ассоціаціею, въ разныхъ государственныхъ ея видахъ. Поэтому *свѣтъ*, даже и въ наружномъ видѣ, не представляетъ опредѣленнаго союза, какой видимъ мы въ ассоціаціи, носящей на себѣ внѣшнее условіе единства. Въ сущности свѣтъ не пошолъ далѣе естественной общительности, но удержалъ только пустую ея сторону: онъ развилъ ее съ этой стороны, подчинилъ ее особымъ условіямъ и, нарушивъ ея простоту, сдѣлалъ искусственною. Свѣтъ необходимо соединяется съ понятіемъ

аристократическимъ. Названіе свѣта, вмѣсто того, чтобъ быть всеобъемлющимъ, стало исключительнымъ, и первое, что оно исключило, это самого человѣка, ибо чтутся лишь внѣшнія его преимущества и отличія. Но чтобъ быть исключительнымъ и въ тоже время носить названіе *свѣта*, свѣтъ долженъ былъ нравственно уничтожить, презрѣть всѣхъ остальныхъ людей внѣ свѣта. Такъ и дѣлается. Идея свѣта, лишенная всякаго строгаго содержанія съ одной стороны, съ другой — лишенная естественной связи общенароднаго преданія, общенародныхъ обычаевъ, стала пустою, легкою, внѣшнею. Свѣтъ не собирается на думу, не рѣшаетъ гражданскихъ вопросовъ, не представляетъ даже мнѣній народныхъ: онъ представляетъ въ своихъ извѣстныхъ предѣлахъ одну общественность людей, безъ всего этого.

Но если свѣтъ — какъ оно и есть — явленіе общественное, то какое же общее основаніе, какое же единство свѣта? Что связуетъ въ одно общественное цѣлое всѣхъ его гражданъ? Общія нравственныя начала? Общія духовныя убѣжденія? Совсѣмъ нѣтъ. Мы очень хорошо знаемъ и свѣтъ знаетъ лучше всѣхъ, что двусмысленные и недвусмысленные люди, нечистые и даже просто черные въ нравственномъ отношеніи, будучи извѣстны за такихъ свѣту, занимаютъ въ немъ мѣсто, да еще иногда и почетное. Мы знаемъ, и свѣтъ знаетъ, что низость, разврать и порокъ вообще не служатъ нисколько препятствіемъ для права гражданства въ свѣтѣ, не мѣшаютъ принадлежать къ нему. Внутреннее достоинство не берется въ разсчетъ; слѣдовательно: *нравственнаго основанія свѣтъ не имѣетъ*. Но будучи равнодушенъ къ нравственному достоинству, допуская въ себя и честныхъ и безчестныхъ, онъ, стало быть, всѣхъ допускаетъ? Вовсе нѣтъ; онъ исключителенъ; мы видимъ, что многіе не находятся или не принимаются въ свѣтскомъ обществѣ, что иные люди высокаго нравственнаго достоинства, а также иные и порочные стоятъ внѣ свѣта. Такое исключеніе и тѣхъ и другихъ, безъ разбора ихъ внутренняго достоинства, показываетъ въ тоже время, съ другой стороны, равнодушіе къ нравственному вопросу; но свѣтъ принимаетъ и исключаетъ — слѣдовательно, руководится чѣмъ-нибудь? Чѣмъ же? Нравственнаго основанія въ немъ нѣтъ, но все же есть однако какое-то другое. Какое же это общее основаніе свѣта?

Не принявъ въ основаніе нравственной, *внутренней* стороны, свѣтъ, какъ отсюда само собою слѣдуетъ, принялъ въ основаніе сторону *внѣшнюю*. Внѣшность, наружность — вотъ чему служитъ свѣтъ, вотъ что онъ возвелъ въ законъ, формулировалъ и обработалъ до мельчайшихъ тонкостей, отъ наружности душевной до наружности тѣлесной, отъ свѣтскихъ условій и приличій до пріемовъ и до послѣдней пуговки на платьѣ. И такъ, общее начало, общее основаніе свѣта есть — *внѣшность*. Свѣтъ есть торжественное признаніе внѣшности, наружности, личины;

ему нѣтъ дѣла до нравственнаго достоинства человѣка, лишь бы соблюдалось наружное приличіе. Но внѣшность, признаваемая одна, безъ всякаго вопроса о нравственномъ внутреннемъ содержаніи, но одна личина, принятая какъ принципъ — есть уже сама по себѣ, по существу своему, сущая ложь, и ложь самая страшная. Такимъ образомъ, говоря болѣе точными словами, ложь — вотъ основаніе свѣтскаго общества. По этому свѣтъ есть торжественное исповѣданіе лжи, и свѣтское общество есть общество торжественно проповѣдующее ложь.

Ложь, исповѣдуемая свѣтомъ, есть самая пагубная ложь. Въ ней нѣтъ даже безнравственнаго, внутренняго начала. Признаніе началъ положительно безнравственныхъ есть въ то же время признаніе, хотя отрицательное, нравственныхъ началъ. Кто нападаетъ прямо на нравственность, кто порокъ принимаетъ открыто за начало, тотъ все-таки становитъ нравственный вопросъ, хотя бы для того, чтобъ напасть на нравственность, признаетъ ее, чтобъ отвергнуть. Такое направленіе можетъ измѣниться и обратиться на противоположный ему путь. Но тотъ, кто *равнодушенъ* къ нравственному вопросу, кто просто обходитъ его, *игнорируетъ*, тотъ его не признаетъ совсѣмъ и выкидываетъ самый вопросъ нравственный вонъ изъ жизни; такой человѣкъ требуетъ одной наружности, благовидности, а внутри можетъ лежать что угодно, до этого нужды нѣтъ: онъ удовлетворяется наружнымъ приличіемъ. Такое направленіе всего труднѣе можетъ измѣниться и перейти на истинный путь, ибо нравственная задача не трогаетъ его ни дружески, ни враждебно, она не трогаетъ его *вовсе*. Такое признаніе одной внѣшности есть начальная ложь въ самомъ родникѣ ея, откуда бьетъ она и разливается, обхватывая цѣлый міръ, въ разныхъ проявленіяхъ; такое вѣрованіе есть цѣлая религія лжи. Это не лицемѣріе даже, ибо лицемѣріе все же подчиняетъ свой гнусный обманъ внутреннему началу; лицемѣріе обманываетъ внутреннимъ же достоинствомъ, котораго нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Внѣшность у лицемѣра должна отражать на себѣ внутреннее достоинство; въ этомъ-то и обманъ лицемѣрія. Слѣдовательно, внѣшность здѣсь подчинена внутреннему началу, которое, обмана ради, ею принимается. Но свѣтъ принялъ чистую внѣшность безъ всякаго отношенія къ внутренней сторонѣ, внѣшность, которой онъ не придаетъ нисколько добродѣтельнаго вида: это было бы даже mauvais genre; нѣтъ, онъ самъ образовалъ свою благовидность, приличіе, гдѣ ни мало не намекается даже на какое-нибудь внутреннее добро, образовалъ свою бездушную наружность, не говорящую ни о какомъ внутреннемъ движеніи. Свѣтъ даже не лицемѣръ; онъ не находитъ и нужды обманывать нравственнымъ достоинствомъ, ибо онъ просто къ нему равнодушенъ, а беретъ одну внѣшность. Болѣе полнаго отрицанія нравственнаго начала, какое видимъ въ свѣтѣ, быть не можетъ. И такъ, свѣтская ложь

даже не обманъ, не лицемѣріе; обманъ и лицемѣріе — это только болѣе или менѣе ограниченное примѣненіе лжи; это все мелко передъ полнымъ отрицаніемъ даже начала нравственнаго или внутренняго, передъ цѣлымъ вѣрованіемъ въ одну внѣшность.

Свѣтъ обработалъ наружность во всемъ ея объемѣ, отъ наружности душевной — ибо человѣкъ *выражаетъ* мысли свои и ощущенія — до наружности тѣлесной. Такимъ образомъ, обративъ душу во внѣшность, научивъ душу человѣка приличію и хорошимъ манерамъ, и обезпечивъ себя съ этой стороны, выбравъ даже языкъ для приличнаго выраженія, именно языкъ французскій, свѣтъ обратилъ вниманіе на самую одежду и до безконечности ее развилъ: внѣшность обхватила всего человѣка. Полное осуществленіе этого совершенства внѣшности имѣетъ выраженіе на языкѣ свѣта, именно: *comme il faut*. Есть, впрочемъ, и другія подобныя реченія для выраженія свѣтскихъ понятій: *bon genre*, *mauvais genre* и т. д. Понятно, что, исповѣдуя одну внѣшность, свѣтъ необходимо долженъ былъ дать полный ходъ и выраженіе мелочности и пустотѣ, неразлучнымъ съ внѣшнею стороною человѣка, и точно: мелочность и пустота — необходимыя условія свѣтской жизни; въ ней онѣ — важное дѣло, и свѣтъ съ важностью занялся ими. Манеры, наружность и въ особенности одежда, какъ самое внѣшнее проявленіе наружности, получаютъ въ свѣтѣ огромный смыслъ и рѣшаютъ судьбу человѣка. Внѣшность, разноличная уже сама по себѣ, становится непостоянною, легко перемѣнчивою въ своемъ видѣ, какъ скоро не управляетъ ею внутреннее содержаніе. Эта перемѣнчивость, прихотливость въ выраженіи при внѣшности, какъ постоянной основѣ — необходимое условіе свѣтской области — становится закономъ для свѣта, или модой. Это — законъ безъ всякаго содержанія, слѣдствіе безъ причины, это — безосновность, принятая какъ основаніе, это — безсмысленность, поставленная на мѣсто смысла. Явись какіе угодно нелѣпые свѣтскіе обычаи и если кто-нибудь изъ гражданъ свѣта, увидавъ ихъ въ первый разъ, будетъ удивленъ, то ему отвѣтятъ: c'est la mode à présent — и для свѣтскаго гражданина довольно: онъ будетъ удовлетворенъ вполнѣ. Свѣтская жизнь, со всей своей пустотою, поняла себя какъ законъ — въ модѣ.

Значеніе свѣта огромно. Страшно и душе-убійственно это царство одной внѣшности. Губительная сила его велика и дѣйствіе его обширно. Здѣсь самый надежный оплотъ, здѣсь твердое мѣстопребываніе лжи, лжи узаконенной, приличной, безопасной и властвующей. Она выступаетъ изъ своихъ исключительныхъ свѣтскихъ предѣловъ и разливается надъ всѣмъ народомъ, принимая только, въ этомъ случаѣ, вульгарныя формы. Отдѣляя себя отъ этого своего разлива, свѣтъ именуетъ себя, выражаясь на своемъ языкѣ, то-есть на французскомъ: grand monde, beau monde, или иначе: bon genre, называя все остальное, его окружаю-

шее: mauvais genre. Но разница здѣсь только видимая; общество, которое тянется къ большому свѣту, все же — свѣтъ; оно можетъ быть mauvais genre, и въ этомъ уступать высшему свѣту, но начала его въ нравственномъ, то-есть безнравственномъ отношеніи — одни и тѣже. Разница въ томъ, что при bon genre является гордое и спокойное достиженіе, а при mauvais genre — подобострастное и неловкое стремленіе къ той же цѣли. Когда же подумаешь, что великая нравственная задача человѣческаго общества обратилась въ свѣтъ, то еще сильнѣе почувствуешь все зло этой душевной болѣзни, этой проказы, поразившей такъ-называемое образованное человѣчество.

Значеніе свѣта для насъ теперь ясно. Это общество, которому до внутренняго, до нравственнаго — нѣтъ дѣла, общество, которое религіозно поклоняется одной внѣшности: слѣдовательно — *общество безнравственное.*

Любопытно теперь, чѣмъ становятся въ свѣтѣ мысль, чувство и вообще внутренняя сторона, непризнанная, но все-таки не уничтоженная, все-таки существующая какъ-нибудь въ человѣкѣ. Всѣ высокія пружины души человѣческой, мысль, чувство, негодованіе, восторгъ, заходятъ въ свѣтъ, но какъ и чѣмъ становятся они тамъ? Они понимаются съ внѣшней стороны и становятся *интересными.* Если среди свѣта раздается живая мысль, не подчиняющаяся свѣтскимъ условіямъ, облеченная въ громкое, будящее слово, то свѣтъ найдетъ, что это очень оригинально и потому интересно. Онъ даже нисколько не затруднится согласиться съ нею, хотя бы мысль рѣшительно противорѣчила самому существу его. О, свѣтское общество безопасно отъ всякаго колебанія: оно облечено непроницаемой бронею отъ всего нравственнаго и внутренняго; въ душу свѣтскаго общества не ложится мысль, не безпокоитъ, не вышибаетъ людей изъ проложенной колеи. Можетъ случиться, что слово подѣйствуетъ на отдѣльное лицо и вырветъ его изъ свѣтской среды, но сама среда, сама сфера остается неуязвимою. Освѣжить ее, исправить — нельзя, какъ нельзя ложь сдѣлать правдою. Свѣтъ — самое устройство — можетъ быть только уничтоженъ; *отъ него* можно исцѣлить, но *онъ* исцѣленъ быть не можетъ, точно такъ же, какъ можно исправиться отъ порока, но самый порокъ исправить нельзя, можно выздоровѣть отъ болѣзни, но сама болѣзнь выздоровѣть не можетъ. Свѣтскій человѣкъ можетъ имѣть въ себѣ добро, но свѣтъ добра въ себѣ имѣть не можетъ; свѣтскій человѣкъ можетъ спастись, но свѣтъ спастись не можетъ *). Что же дѣлать живой мысли, которую обхватываетъ вся эта заразительная свѣтская атмосфера? Она удаляется, или же она подчиняется свѣтскимъ условіямъ, и тогда становится она только модныиъ,

*) Съ боку рукою автора приписана замѣтка карандашомъ: «Объ отношеніи отдѣльной личности къ свѣтскому устройству». — *Иванъ Аксаковъ.*

щегольскимъ нарядомъ, который снимаютъ, возвратясь съ блестящаго раута или балá. Если искреннее чувство, святыня котораго также мало понятна, зайдетъ какъ-нибудь въ свѣтъ, оно также покажется оригинальнымъ, понравится даже; на него даже накинутся съ жадностью изсохшія души, какъ на какой-то рѣдкій, какъ бы освѣжающій напитокъ, но онъ не освѣжитъ ихъ. Часто и чувство, зараженное свѣтскимъ дыханіемъ, искаженное, переходящее уже въ ложь и громкія фразы, поступаетъ въ число блестящихъ душевныхъ костюмовъ, которыми иногда щеголяетъ и свѣтъ. Всѣ внутреннія движенія, всѣ порывы, весь внутренній міръ — все свѣтомъ понято съ своей внѣшней стороны, обращено въ костюмы, слѣдовательно, лишено искренности, правды, и стало фразою, ложью. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ эти душевные костюмы были одни и тѣ же въ постоянномъ обращеніи. Нѣтъ, на все это есть мода, ибо для мыслей и чувствъ въ свѣтѣ другихъ причинъ нѣтъ. Поэтому въ свѣтскомъ обществѣ много наружнаго движенія, пестроты, все измѣняется, все переливается изъ оттѣнка въ оттѣнокъ; эта обманчивая поверхностная дѣятельность, эта перемѣнчивость происходитъ именно отъ того, что нѣтъ на всякое явленіе внутренней причины, что все — одна наружность. Свѣтъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, похожъ на мѣновой рынокъ, гдѣ обмѣниваются мнимыми мыслями и чувствами, гдѣ понижается и возвышается курсъ на всѣ явленія человѣческаго міра, гдѣ предсѣдательствуетъ мода, говоря, чего требуется и чего не требуется; тамъ можно узнать справочныя цѣны всему, всѣмъ душевнымъ и умственнымъ движеніямъ и произведеніямъ. Конечно, человѣкъ независимый не на рынокъ пойдетъ справляться о достоинствѣ мысли или чувства, но тѣмъ не менѣе оглушающій гулъ этого свѣтскаго рынка дѣйствуетъ, болѣе или менѣе, почти на всѣхъ, дѣйствуетъ въ особенности на огромную массу людей нерѣшительныхъ и неопредѣленныхъ, для которыхъ жизнь есть вѣчное распутіе, которые всегда хромаютъ на оба колѣна и постоянно уступаютъ, вопреки себѣ можетъ быть, суетѣ, которую и сами они одобрить не могутъ.

Уже полтораста лѣтъ русское общество приняло (мы говоримъ объ отдѣлившихся отъ народа верхнихъ классахъ) образъ свѣта со всѣми принадлежностями и послѣдствіями и со всѣмъ его гибельнымъ вредомъ для каждаго человѣка, какъ лица, и даже для всего народа; ибо дѣйствіе свѣта крайними своими предѣлами доходитъ отчасти даже и до крестьянина, и хотя простой народъ, какъ цѣлое, стоитъ непоколебимо на своихъ истинныхъ основахъ, но по частямъ вредъ проникаетъ и въ него; слово *мода* уже извѣстно и получаетъ власть для многихъ и въ немъ. И потому, еще съ бóльшею силою, слова наши направлены къ нашимъ такъ-называемымъ образованнымъ классамъ, оторвавшимся отъ

народа. Въ нихъ-то ходитъ зло, поражая болѣзнію души; въ нихъ-то гнѣздится странная, блестящая язва *свѣта*.

Вмѣстѣ съ появленіемъ свѣта въ Россіи началась общественная пріятная безнравственность. Поднялась общественная болтовня, салонныя сужденія и толки, образовалось самовластное мнѣніе свѣта. Пошла въ ходъ *насмѣшка*, съ своей гибкой совѣстью, насмѣшка — этотъ скипетръ власти свѣтской, это оружіе, которое для многихъ (разумѣется, не слишкомъ твердыхъ) кажется неодолимымъ. Но кромѣ этого грознаго оружія, наводящаго страхъ, есть у свѣта другой магическій жезлъ, которымъ онъ — отвратительное и гнусное по *существу* своему (въ нравственномъ отношеніи разумѣется) — обращаетъ въ милое и пріятное: это *шутка*. Шутка не дурна сама по себѣ, но она очень опасное орудіе; ею надо пользоваться осторожно, утвердя ее на нравственномъ строгомъ основаніи; въ противномъ случаѣ — это гибельный ядъ. Если насмѣшка дѣйствуетъ страхомъ, то шутка — соблазномъ. Въ быстромъ вращаніи свѣтскаго толка, среди шутокъ и насмѣшекъ, много исчезло нравственныхъ истинъ, много выдвинуто безнравственныхъ понятій — и нравственныя основы человѣка потрясены. При требованіи внѣшности, при отсутствіи нравственныхъ началъ въ свѣтѣ, дана полная воля всему порочному въ душѣ человѣка, лишь бы соблюдалась благовидная наружность. Развратъ одѣлся приличіемъ и любезностью и свободно ходитъ въ обществѣ, получивъ, при благовидной наружности, все право свѣтскаго гражданства; онъ-то всего болѣе и хлопочетъ о comme il faut. Черныя движенія души и всѣ пороки являются не только въ приличномъ, но въ такомъ миломъ и любезномъ видѣ, о нихъ говорится такъ шутливо и легко, что всякое отвращеніе исчезаетъ въ человѣкѣ, и невамѣтно чувствуется къ нимъ даже расположеніе. Напримѣръ, въ какомъ водевилѣ, въ какомъ анекдотѣ, въ какомъ свѣтскомъ разсказѣ беззаконное волокитство (а часто и хуже) за женщиной замужней не представляется какъ дѣло очень милое, вызывающее на одобрительную улыбку? По мнѣнію свѣта, въ этомъ дѣлѣ достойно смѣха только одно лицо: именно то, которое обмануто и оскорблено, то-есть мужъ; но обманувшіе и оскорбившіе пользуются полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ свѣта. И такія-то мнѣнія читаемъ мы въ романахъ, слышимъ со сцены; и объ этомъ говорятъ такъ мило и легко, этому улыбаются такъ привѣтливо, тогда-какъ здѣсь потрясается или вовсе разрушается великое таинство брака — святыня, на которой основано все нравственное зданіе общества. Кто также не улыбается съ удовольствіемъ, слыша со сцены или читая, какъ какой-нибудь племянникъ приходитъ въ отчаяніе, что богатый его дядя пользуется завиднымъ здоровьемъ, или какъ подобный племянникъ благодаритъ боговъ зато, что дядя его отправился въ елисейскія, хотя бы въ такихъ стихахъ:

Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ:
Когда не въ шутку занемогъ,
Онъ уважать себя заставилъ
И лучше выдумать не могъ — и прочее.

Многія улыбнутся и не почувствуютъ, что улыбка ихъ развратна. Злое начало хитро. Оно понимаетъ, что, представивъ вамъ гнусность въ настоящемъ серьёзномъ видѣ, оно испугало бы, можетъ-быть, васъ. Но оно облекаетъ ее шуткою; вы смотрите не строго, вы улыбаетесь пріятно — и не чувствуете, что вы уже поддались злу, уже сдѣлали уступку, и оно скользитъ въ душу вашу потихоньку, расшатывая твердость вашихъ нравственныхъ основъ. Положимъ, сами вы еще далеки до поступковъ, которымъ такъ мило улыбаетесь: но они вамъ уже не отвратительны, не пробуждаютъ въ васъ живого негодованія, не мерзятъ вамъ. До чего дойдете вы сами со временемъ, какъ отдѣльное лицо — это знаетъ Богъ, но общественный нравственный человѣкъ въ васъ уже потрясенъ и на васъ падаетъ вина, если не прямого сочувствія, то допущенія безнравственнаго поступка: вы его допускаете, ибо вы можете смотрѣть на него безъ протеста, безъ негодованія, да еще съ улыбкою: это вина Пилата, умывающаго руки, но бьющаго и предающаго Христа. Пилатъ — вотъ типъ самаго еще лучшаго, самаго еще нравственнаго свѣтскаго человѣка, и типъ все еще для него слишкомъ высокій.

Вообразите же теперь свѣтъ, построенный на вышеозначенныхъ началахъ, продолжающій у насъ безъ устали, уже полтораста лѣтъ, свою легкую, пріятную душегубительную работу. Что долженъ онъ былъ сдѣлать изъ общества? Впрочемъ, и воображать нечего. Плодъ такого хода общественной жизни передъ нами. Передъ нами эти растлѣнныя души, это смѣшеніе понятій добра и зла, эта благотворительная суета, эти богоугодные балы, это благодѣтельное тщеславіе и всѣ эти грѣхи, возведенные въ добродѣтели свѣтскимъ обществомъ. Une bonne idée, думаетъ свѣтъ: съ пороками разставаться нѣтъ никакой причины, а мы лучше дадимъ порокамъ, хотя они и безъ того у насъ благообразны, еще благотворительную цѣль, сдѣлаемъ ихъ добродѣтельными — ma foi, que voulez vous encore! Свѣтскіе люди очень довольны такою счастливою идеею; это съ ихъ стороны уже снисхожденіе къ добру: вѣдь они могли бы обойтись и безъ этого; это значитъ поступать нравственно, по ихъ понятію; тутъ высказался весь ихъ нравственный взглядъ. Они надѣются, какъ видно, что будутъ и волки сыты и овцы цѣлы, и Богу свѣча и чорту свѣча — надѣются послужить разомъ двумъ господамъ, вопреки евангельскому слову. Такъ думаютъ свѣтскіе люди и не захотятъ себѣ признаться, что разбойникъ съ большой дороги, отдавая часть своей награбленной добычи на ризу къ образу, что уличный воръ, кладя

часть украденнаго въ церковную кружку, только откровеннѣе ихъ. Впрочемъ, свѣтскіе люди приняли бы въ свое общество и разбойника съ большой дороги и уличнаго вора, да они — mauvais genre: вотъ одно препятствіе; а разбойники и воры bon genre, не совсѣмъ откровенные — давно почетные граждане свѣта.

Таково-то наше современное общество, таковъ-то свѣтъ. Но не такъ давно сдѣлалъ онъ изумительный шагъ впередъ по своему направленію. Когда человѣкъ весь предается злу, въ немъ родится неугасимое желаніе развратить другого, сдѣлать его похожимъ на себя; вмѣстѣ съ тѣмъ его объемлетъ вдохновеніе зла. Это бываетъ даже болѣе или менѣе сознательно у иныхъ, у другихъ безсознательно. На основаніи этого мелькнула свѣту по истинѣ вдохновенно-злая мысль: завести дѣтскіе балы, и свое свѣтское устройство внести въ невинный міръ дѣтей. Невинность дѣтскаго возраста какъ бы оскорбляла свѣтъ, была несноснымъ для него укоромъ, въ особенности для свѣтскихъ отцовъ и матерей — и вотъ свѣтъ наноситъ ударъ этой невинности. Заразительнымъ дыханіемъ своимъ вѣетъ онъ на дѣтскія чистыя души, и мгновенно дѣти (дѣти, о которыхъ Спаситель сказалъ: таковыхъ есть царствіе небесное) обращаются въ свѣтскихъ людей и перенимаютъ ихъ пороки; въ невинныя души дѣтей, прежде чѣмъ они окрѣпнутъ и выйдутъ изъ своего возраста, переходятъ страсти и грѣховныя стремленія совершеннолѣтняго человѣка; еще не созрѣвши, заражаются дѣти гніеніемъ нравственнымъ. Дѣвочка, разодѣтая по бальному, кокетничаетъ; мальчикъ франтъ — волочится, а большіе люди смотрятъ и радуются. Всѣ пріемы, всѣ понятія свѣта передаются младенческимъ свѣжимъ душамъ, и развращенныя такъ рано, онѣ почти теряютъ возможность сопротивленія соблазну, ибо даже дѣтскія ихъ воспоминанія нечисты, дѣтскій возрастъ ихъ лишонъ невинности. Страшное дѣло Ирода, избіеніе младенцевъ, повторяется въ благообразномъ и ужаснѣйшемъ видѣ, ибо ударъ падаетъ на душу. Свѣтъ стремится достигнуть того, чтобы вовсе не было дѣтей, ни дѣтскаго возраста, и развѣ одна колыбель безсловеснаго еще младенца остается для него неодолимою преградою *). Вотъ какой смыслъ имѣютъ, вотъ что́ производятъ дѣтскіе балы, вечера и вообще дѣтскій свѣтъ. Дѣтскій свѣтъ! Это явленіе еще болѣе безнравственно, еще болѣе уродливо, чѣмъ извѣстный, обыкновенный, взрослый свѣтъ. Какое явленіе можетъ быть отвратительнѣе развратнаго ребенка. Развратъ дѣтей имѣетъ въ себѣ что-то страшное, кажется дѣломъ самого дьявола. Каковы же тѣ, которые развращаютъ дѣтей?... Но мы знаемъ, чье это дѣло и чьи, слѣдовательно, они слуги.

*) Въ подлинникѣ рукою автора приписана здѣсь сбоку замѣтка: «скоро вовсе не будетъ дѣтей, ни дѣтскаго возраста».

Ужели все поглощено развратомъ, и между людьми не находится чистой совѣсти, которая бы видѣла и осудила зло? честнаго голоса, который бы сказалъ это осужденіе и обличилъ развратъ? Нѣтъ, есть еще незапутанныя понятія о добрѣ, есть сознаніе красивой неправды свѣта, есть прямота души; все это есть, даже у многихъ, но почти все это соединено съ совершеннымъ безсиліемъ воли, и нѣтъ у нихъ силъ, чтобъ противостать тому, или даже удалиться отъ того, чтó они сами называютъ развратомъ. Они говорятъ иногда въ свое оправданіе: «это меня самого не портитъ: я понимаю, что это гнусно». Но такое оправданіе есть новая вина, ибо — новая ложь. Человѣкъ уже непремѣнно лично испорченъ, если можетъ участвовать въ развратномъ, по его мнѣнію, общественномъ образѣ жизни; но если бъ даже и возможно было сохранить личную чистоту, человѣкъ долженъ понимать, что онъ повиненъ въ соблазнѣ, который не только не уменьшается, но усиливается отъ личныхъ качествъ человѣка, въ немъ участвующаго. Здѣсь сталкиваемся мы съ важнымъ вопросомъ. Люди кой-какъ толкуютъ еще о *личной* нравственности, о глубинѣ своей души, другимъ невѣдомой, ссылаются на свой внутренній міръ, никому неизвѣстный: такое объясненіе очень удобно; но они забываютъ, что, кромѣ личной нравственности есть *нравственность общественная*. Она-то и составляетъ камень претыкновенія почти для всѣхъ; смысла ея не понимаютъ у насъ доселѣ, по крайней мѣрѣ многіе. Чтобы уразумѣть и опредѣлить общественную нравственность, мы должны ближе вникнуть въ смыслъ общества.

III.

Общество есть союзъ людей, основанный непремѣнно на единствѣ вѣрованій, убѣжденій, на единствѣ нравственныхъ началъ. Это-то единство, общее для всѣхъ, и составляетъ общество — ту сферу, въ которой всѣ отдѣльные люди сливаются во-едино, ту связь, которая держитъ всѣхъ вкупѣ и дѣлаетъ братьями. Если же люди, во имя общей и единой нравственной основы, образуютъ общество, то, слѣдовательно, общество есть вѣрованіе или *исповѣданіе* такой общей и единой нравственной основы. Отступить отъ общаго исповѣданія — значитъ отступить отъ общества; поэтому такого отступничества въ обществѣ допустить невозможно. Отсюда само собою рождается требованіе, чтобы всѣ въ обществѣ признавали и держались одной основы, или, лучше, одного исповѣданія. Понятна теперь общественная нравственность. Общественная нравственность есть соблюденіе самаго вѣрованія, есть храненіе самой основы нравственной.

Разница между личною нравственностью и общественною — очевидна.

Открытое соблюденіе человѣкомъ начала нравственнаго, быть-можетъ, и не соотвѣтствуетъ внутреннему состоянію человѣка, какъ лица, не соотвѣтствуетъ, слѣдовательно, личной нравственности; открыто возвѣщаемое исповѣданіе, быть-можетъ, и не проникаетъ души человѣка: быть-можетъ, тайно, въ глубинѣ души своей, человѣкъ не вѣритъ тому, что̀ возвѣщаетъ какъ свое убѣжденіе: тогда это ужь его личный грѣхъ. Кто знаетъ душевную тайну? Общество не инквизиторъ и не беретъ на себя суда надъ самою душою человѣка; слѣдовательно, за личную нравственность отвѣчаетъ само лицо; но общество отвѣчаетъ за свое нравственное начало, за нравственность общественную. Нарушеніе общественной нравственности состоитъ въ отверженіи самаго исповѣданія, или въ открытомъ, нагломъ его несоблюденіи. Общество, во всей жизни своей, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, будучи воплощеннымъ исповѣданіемъ нравственнаго начала, требуетъ отъ лица, къ нему принадлежащаго, только признанія исповѣданія; ка̀къ же осуществляется оно внутренно въ каждомъ лицѣ — это дѣло самого лица. Нарушеніе личной нравственности есть грѣхъ, а нарушеніе нравственности общественной есть ересь.

Изъ этого значенія проистекаютъ дальнѣйшія слѣдствія. Судъ надъ личнымъ достоинствомъ, надъ душою человѣка, не принадлежитъ человѣку. Въ этомъ смыслѣ и сказано: *не осуждайте.* Передъ нами грѣшникъ; мѣру его отношенія къ грѣху измѣрить люди не могутъ. Поэтому человѣческій судъ надъ грѣшникомъ есть судъ надъ грѣхомъ; самый грѣшникъ не осуждается. Но и въ этомъ случаѣ, то-есть когда нарушается только личная нравственность, при неосужденіи грѣшника, все же осуждается грѣхъ: судъ надъ грѣхомъ принадлежитъ вполнѣ человѣку. Осужденіе самаго грѣха — столько же нравственная обязанность, или еще болѣе, какъ и неосужденіе грѣшника. Здѣсь уже является судъ надъ самымъ началомъ зла, надъ тѣмъ, что̀ исключается общимъ нравственнымъ началомъ, самымъ исповѣданіемъ. Осужденіе грѣха есть его отверженіе; въ противномъ случаѣ значило бы принимать и признавать грѣхъ какъ должное, какъ добро, а не какъ грѣхъ. Непризнаніе грѣха грѣхомъ, или неосужденіе грѣха есть нарушеніе самаго исповѣданія, по которому это есть грѣхъ, а вмѣстѣ и нарушеніе общественной нравственности. И такъ, грѣшникъ самый не осуждается, какъ скоро онъ только грѣшникъ, то-есть какъ скоро грѣхъ является въ немъ самомъ противорѣчіемъ его вѣрованію и нравственному убѣжденію, какъ скоро грѣхъ самому грѣшнику представляется какъ грѣхъ и потому необходимо сопровождается раскаяніемъ. Такой грѣшникъ, осуждая самъ себя, не нарушаетъ исповѣданія общества и общественной нравственности, и, соединяясь съ нимъ въ этомъ исповѣданіи, изъ общества и общественнаго союза не выходитъ. Грѣша — какъ личный

человѣкъ, онъ правъ — какъ человѣкъ общественный. Но какъ скоро человѣкъ не признаетъ грѣха своего за грѣхъ, какъ скоро человѣкъ или отвергаетъ нравственное начало общества, или нарушаетъ его открыто или постоянно, то отношенія его къ обществу измѣняются. Находясь въ обществѣ, человѣкъ является какъ общественное единомыслящее лицо: отвергающій же самую основу общества — не можетъ по этому самому быть въ союзѣ общественномъ, воздвигнутомъ на этой основѣ. Здѣсь является нарушеніе самаго исповѣданія и общественной нравственности. Нарушающій исповѣданіе не можетъ быть въ обществѣ, основанномъ непремѣнно на общемъ единствѣ исповѣданія. Удерживать въ общественномъ союзѣ человѣка, нарушающаго его основу, значитъ соглашаться на нарушеніе самой основы и, слѣдовательно, отказываться отъ нея, то-есть отъ самаго исповѣданія. И такъ, человѣкъ, нарушающій нравственную основу общества, не можетъ быть терпимъ въ этомъ обществѣ и долженъ быть изъ него исключенъ. Здѣсь вовсе нѣтъ суда надъ душою человѣка, надъ личнымъ его достоинствомъ даже, но только надъ нимъ, какъ надъ лицомъ общественнымъ, ибо онъ виноватъ какъ общественный человѣкъ. Общественный судъ — вполнѣ законный, ибо это судъ не надъ лицомъ человѣка, а надъ его вѣрованіемъ — выражается исключеніемъ человѣка изъ общества. Такое исключеніе не есть наказаніе, ни осужденіе лица. Человѣку говорятъ: мы всѣ составляемъ общество, потому-что вѣримъ одному; это *одно* связываетъ насъ всѣхъ въ одинъ союзъ; ты этому не вѣришь, слѣдовательно ты и въ союзѣ быть не можешь: поди отъ насъ, мы не хотимъ для тебя колебать основу нашего союза. Исключеніе такого человѣка изъ общества, самъ ли онъ удаляется или общество его удаляетъ, есть логическое слѣдствіе самаго дѣла: оно необходимо. И точно: какъ скоро общество есть собраніе единомыслящихъ (въ нравственной основѣ), то перестающій быть единомыслящимъ перестаетъ быть въ этомъ собраніи; въ противномъ случаѣ само общество или перестаетъ быть союзомъ единомыслящихъ, согласныхъ въ общей нравственной основѣ, перестаетъ быть обществомъ, или же само отказывается отъ своей нравственной основы, отъ своего вѣрованія. Въ обоихъ случаяхъ общество разрушило бы само себя такъ или иначе. И такъ, общество, преслѣдуя грѣхъ, удаляетъ человѣка не потому, что онъ грѣху причастенъ, а потому, что онъ грѣхъ исповѣдуетъ; слѣдовательно, онъ удаляетъ человѣка не тогда, когда онъ становится *грѣшникомъ*, а когда онъ становится *еретикомъ*. Это слово принимаемъ мы здѣсь въ обширномъ смыслѣ.

Изъ этого слѣдуетъ, что общественная нравственность есть соблюденіе *самой нравственной основы* общества, самаго *исповѣданія*, а поэтому и соблюденіе самого общества чрезъ очищеніе его, чрезъ исключеніе изъ него нарушающихъ нравственную основу общественнаго со-

юза. Здѣсь является общественный судъ, необходимый, обязательный для всякаго, ибо всякій въ обществѣ есть въ тоже время общественное лицо и имѣетъ право общественнаго суда, то-есть имѣетъ право прекратить всякое общеніе съ лицомъ, отвергающимъ основныя общія начала. Этотъ судъ есть приниманіе въ общество или изгнаніе изъ него. Этотъ судъ, какъ сказано, не есть личное осужденіе человѣка. «Ты не признаешь нравственнымъ того, что́ мы признаёмъ: ты не нашъ, не можешь быть въ нашемъ обществѣ, основанномъ на томъ, чего ты не признаёшь» — вотъ что́ говорятъ человѣку и удаляютъ его изъ среды своей. Какъ скоро онъ вновь признàетъ нравственную общественную основу — онъ вновь входитъ въ общество.

И такъ, общество *должно* судить и поставлено въ необходимость или исключить того, кто нарушаетъ его нравственную основу и, слѣдовательно, сохранить эту основу, или не исключать и, слѣдовательно, отказаться отъ нравственной основы. Одно безъ другого быть не можетъ. Если общество есть *согласіе*, то какъ же можетъ быть въ немъ несогласный? Горе обществу, которое можетъ вмѣщать въ себѣ такихъ несогласныхъ; не отрекается ли оно само отъ своего вѣрованія, принимая или не изгоняя отвергающихъ это вѣрованіе?

У насъ этого не хотятъ понимать; у насъ забываютъ, что каждый человѣкъ есть не только частное, но въ тоже время и общественное лицо; что можетъ существовать безнравственность не личная, но общественная, безнравственность самаго положенія, самаго отношенія общественнаго. У насъ многіе люди, хорошіе и нравственные лично, думаютъ: почему имъ не водить знакомства съ негодяями — это ихъ не испортитъ. Но здѣсь эгоизмъ своего рода. Если это не испортитъ васъ лично, такъ это портитъ общественное дѣло, это развращаетъ самое общество, а общественное развращеніе падаетъ какъ вина на всѣхъ тѣхъ, кто составляетъ общество. Ваше знакомство, ваша хлѣбъ-соль съ порокомъ ободряютъ самый порокъ и соблазняютъ другихъ слабыхъ. Развѣ это не страшная вина? Это вина общественная, это вина соблазна. Припомните, что́ такое соблазнъ? Развѣ присутствовать въ совѣтѣ нечестивыхъ не значитъ уже принимать въ немъ участіе? Развѣ молчать, какъ скоро есть какая-нибудь возможность говорить, въ виду безнравственнаго дѣла — не значитъ быть уже въ немъ повиннымъ? Не всякій у насъ губитель, но почти всякій сядетъ на сѣдалище губителей. Вотъ причина безмѣрной разслабленности и дряблости души современнаго общественнаго человѣка, который не можетъ сказать «нѣтъ», когда свѣтъ зоветъ его на дѣло, которое ему самому ясно какъ худое. Вотъ отчего эта общественная душевная спячка, при которой являются человѣку какія-то смѣшанныя сновидѣнія добра и зла, и которая есть сама положительное и гибельнѣйшее зло для души. Обыкновенно въ оправ-

даніе такихъ своихъ безнравственныхъ поступковъ, въ оправданіе общенія своего и дружескихъ пированій съ отъявленными мерзавцами говорятъ: *я не хочу осуждать* — страшнымъ образомъ злоупотребляя святыя слова и прикрывая ими подъ-часъ свою собственную дрянность, но здѣсь подъ личиною снисходительности кроется преступная слабость души или затаенный страхъ людского суда, или трусливое сочувствіе къ грѣху., Участіе и снисхожденіе къ грѣшнику — дѣло хорошее, но у насъ это участіе и снисхожденіе распространили отъ грѣшника на самый грѣхъ. Неосужденіе грѣшника перешло у насъ въ неосужденіе грѣха. «Не осуждайте» — кричитъ подлецъ и плутъ изъ плутовъ: «не осуждайте» — говорятъ и порядочные люди, знакомые съ плутомъ, который или милый и любезный человѣкъ, или богатъ, или comme il faut — и плутовство такимъ образомъ удерживаетъ свое гражданство въ обществѣ. Вотъ какъ исказили люди значеніе любви христіанской. Въ однихъ — развратъ и лицемѣріе; въ другихъ — нравственная дряблость или путаница понятій. Между-тѣмъ, какъ ясна и проста истина.

Повторимъ еще разъ наши положенія!

Основа въ обществѣ — единство нравственнаго убѣжденія; человѣкъ, нарушившій эту нравственную основу, тѣмъ самымъ становится невозможенъ въ обществѣ. Если же общество его не исключаетъ, то происходитъ уже не частная безнравственность лица, но безнравственность самаго общества, безнравственность, разомъ разслабляющая всѣхъ, падающая уже не на одно лицо, но на всѣхъ, составляющихъ общество и терпящихъ, изъ преступной слабости, нарушеніе его нравственной основы. Вотъ почему необходимъ общественный судъ, который не есть личное осужденіе, не есть осужденіе отъ лица частнаго — лицу частному; онъ судитъ не грѣшника — грѣшны всѣ, но отступника, не отвергающаго такъ или иначе самое исповѣданіе. Всякій человѣкъ есть общественное лицо, и какъ общественное лицо — въ общественномъ дѣлѣ судить и, если нужно, осуждать долженъ. Какъ скоро единство исповѣданія нравственнаго нарушено, то выбора и сомнѣнія быть не можетъ: предстоитъ или удалить отступника, или быть отступникомъ; и такъ, снисхожденію здѣсь нѣтъ мѣста. Да и общественный судъ не есть приговоръ надъ душою человѣка: здѣсь только огражденіе своихъ общественныхъ убѣжденій, безъ которыхъ общество стоять не можетъ. Общественный судъ не только позволителенъ, но составляетъ нравственную обязанность каждаго лица въ обществѣ.

Христіанство утвердило понятіе нравственности общественной и общественный судъ. Такой судъ повелѣвался и признавался въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Христіанское общество временъ Апостольскихъ дѣйствовало такъ. Апостолъ Павелъ въ своемъ посланіи повелѣваетъ исключеніе изъ общества христіанскаго тѣхъ, кто нарушаетъ

его основаніе. Онъ же говоритъ, чтобы не пить и не есть съ язычниками. Это значитъ: не имѣть общенія жизни. Трапеза (разумѣется—не ѣда, а общественное вкушеніе пищи) есть уже это *общеніе*; трапеза есть жизнь сама, жизнь общественная, въ трапезѣ нѣтъ уже вопроса о нравственной разницѣ между людьми; здѣсь они дѣлятъ насущный хлѣбъ; живутъ вмѣстѣ. И всегда трапеза имѣла общественное значеніе, но трапеза христіанская, сопровождаемая молитвою, получила еще высшій смыслъ: трапезу дѣлить, или, говоря русскимъ выраженіемъ, хлѣбъ-соль водить — нельзя съ язычниками или отступниками.

Какое же мое отношеніе къ отступнику, исключенному изъ общества? Я разрываю съ нимъ общеніе жизни; я поступаю нравственно; но тогда поступокъ мой получаетъ всю свою цѣну, когда я это дѣлаю не съ ненавистью, и даже не увлекаясь законнымъ восторгомъ справедливаго суда, чувствомъ торжества и крѣпости истины; нѣтъ, но когда, совершая судъ, скорблю я объ осужденномъ, люблю его, надѣюсь и стремлюсь возвратить его къ истинѣ. На основаніи-то этого опредѣляются мои отношенія къ исключенному. Я разрываю съ нимъ общеніе жизни; общественнаго союза между мной и имъ быть не можетъ. Столкновеніе мое съ нимъ можетъ быть частное, непремѣнно во имя разницы нашего нравственнаго вѣрованія и съ цѣлію уничтожить эту разницу; я долженъ постоянно помнить, что отступникъ, нераскаянный грѣшникъ — въ заблужденіи, а я въ истинѣ, не по моему достоинству, но по вѣрѣ своей. Привести къ истинѣ, и тогда возвратить общенію заблудшагося — вотъ мое единственное отношеніе къ такому человѣку: иныхъ отношеній, иныхъ рѣчей между имъ и мной быть не можетъ. Если эти отношенія и рѣчи невозможны почему-нибудь, то не должно быть никакого общенія между мною и имъ. Христіанская истина проповѣдывалась язычнику: но развѣ язычникъ входилъ въ общество христіанское, пока онъ былъ язычникъ? развѣ было съ нимъ общеніе жизни? Поэтому-то воспрещена и трапеза съ язычникомъ; въ трапезѣ уже нѣтъ вопроса о нравственной разницѣ между людьми; въ трапезѣ общеніе, веселіе жизни. Нужно ли говорить, что иновѣрецъ въ нравственномъ исповѣданіи — тотъ же язычникъ, а отступникъ еще хуже.

Разсмотримъ теперь ближе, гдѣ, въ какомъ случаѣ дѣйствуетъ и совершается общественный судъ.

Общество, какъ было уже сказано, не судитъ человѣка за-то, что онъ грѣшникъ, то-есть не произноситъ приговора надъ нимъ, какъ надъ лицомъ, такъ-какъ грѣхъ есть дѣло его личной слабости. Но это въ такомъ случаѣ, когда на грѣхъ свой смотритъ грѣшникъ самъ какъ на грѣхъ; когда онъ кается въ немъ; когда онъ не отвергаетъ, а признаетъ вполнѣ нравственную основу общества, къ которому принадлежитъ. Человѣкъ здѣсь виноватъ, какъ лицо частное, и общественный

судъ, осуждая грѣхъ, ибо грѣхъ есть общій вопросъ, не гремитъ надъ грѣшникомъ. Общество судитъ человѣка, какъ скоро онъ отвергаетъ самую нравственную основу, самую вѣру общества: здѣсь вопросъ не о личности человѣка, но объ исповѣданіи. Человѣкъ отрицаетъ самую вѣру, связующую людей въ общество, нарушаетъ самъ общественный союзъ, является отступникомъ, и общество, не произнося и здѣсь личнаго приговора надъ человѣкомъ, исключаетъ его изъ себя, какъ иновѣрнаго или отступника. Этотъ случай ясенъ и понятенъ. Но, кромѣ этого случая, гдѣ человѣкъ отрицаетъ самое основаніе общества, можетъ и самый грѣхъ принимать такой видъ, что становится уже общественнымъ, а не частнымъ преступленіемъ. Какъ скоро человѣкъ постоянно носитъ на себѣ грѣхъ, противный самой основѣ нравственной, не отступая отъ грѣха и даже не каясь въ немъ, то онъ становится практическимъ отрицаніемъ нравственнаго начала, хотя бы теоретическаго отрицанія и не было — становится если не образомъ мысли, то образомъ жизни, и, слѣдовательно, грѣшникъ въ этомъ случаѣ подлежитъ тоже удаленію изъ общества. Также, если человѣкъ совершаетъ свой грѣхъ торжественно и дерзко передъ всѣми, или даже если грѣхъ его дѣлается видимымъ и извѣстнымъ и становится соблазномъ: во всѣхъ этихъ случаяхъ грѣхъ дѣлается не частнымъ, но общественнымъ вопросомъ; человѣкъ становится виноватымъ какъ общественное лицо; судъ общественный долженъ раздаться — и человѣкъ непремѣнно долженъ быть исключенъ изъ общества. Кромѣ указанныхъ нами случаевъ, могутъ быть и другіе подобные; человѣкъ самъ очень хорошо всегда знаетъ внутреннимъ своимъ чувствомъ, гдѣ нарушается нравственная общественная основа. Впрочемъ, всѣ случаи общественнаго суда могутъ быть сведены къ сказаннымъ выше, именно: отрицаніе общественной нравственной основы или самымъ убѣжденіемъ, самымъ вѣрованіемъ, или образомъ жизни, съ наглостью или черезъ соблазнъ. Такихъ нарушителей явныхъ общество терпѣть не можетъ, если оно точно общество, имѣющее нравственную основу.

Самое общество можетъ или совратиться съ пути или поступать безнравственно. Дѣло общества не есть частное дѣло, а дѣло общественное, дѣло, касающееся всѣхъ въ обществѣ. Когда общество грѣшитъ, нѣтъ грѣшника: грѣшитъ, такъ сказать, самое убѣжденіе. Поэтому дѣло общества есть всегда общественное дѣло и подлежитъ общественному суду; и такъ-какъ каждый въ обществѣ есть въ то же время лицо общественное, то дѣло общества подлежитъ суду каждаго, какъ общественнаго лица. Какъ скоро человѣкъ видитъ, что общество не имѣетъ основаній нравственныхъ, по его убѣжденію, или отступаетъ отъ нихъ, имѣвъ ихъ сначала, или нарушаетъ ихъ дѣломъ, то такой человѣкъ долженъ выдти изъ общества, прервать съ нимъ общеніе, о

которомъ было говорено прежде, общеніе жизни, ибо между нимъ и обществомъ не существуетъ уже союза, единаго нравственнаго основанія.

И такъ — общество есть свободный союзъ на основаніи единства нравственнаго убѣжденія; здѣсь принужденной, насильственной, внѣшней связи нѣтъ; какъ скоро человѣкъ нарушаетъ эту нравственную основу — общество, ее соблюдающее, удаляетъ такого человѣка изъ себя; какъ скоро общество нарушаетъ эту нравственную основу, человѣкъ ее соблюдающій удаляется изъ такого общества. Само собою разумѣется, что общество не приметъ въ себя человѣка, противорѣчащаго его нравственной основѣ, и человѣкъ не войдетъ въ общество, противное его нравственному убѣжденію.

Кромѣ того, всякій человѣкъ всегда есть общественное лицо, на дѣлѣ или въ стремленіи — все равно; это условіе нераздѣльно съ его человѣческимъ достоинствомъ. Поэтому, хотя бы и не было цѣлаго опредѣленнаго общества, но общеніе между человѣкомъ и человѣкомъ есть все также вопросъ общественный, если бы даже кругъ общенія былъ ограниченъ двумя. Общеніе это должно также основываться на единствѣ нравственной основы. Мы уже опредѣляли, что подъ общеніемъ разумѣемъ мы не случайное столкновеніе, также не проповѣдь одного къ другому, но *общеніе жизни*, раздѣленіе трапезы, удовольствій, веселія жизни. Общественный вопросъ весь прилагается и при частномъ, даже двойственномъ, отношеніи человѣка къ человѣку.

Въ наши времена нѣтъ такого ярко опредѣленнаго нравственнаго общества, которое бы произносило свой общественный судъ. Мы говоримъ не о простомъ народѣ, гдѣ есть *міръ*. Но за-то въ наши времена есть цѣлая общественная связь, образовавшаяся не на нравственныхъ началахъ, есть цѣлое общество, если ужь употреблять это слово, общество, построенное на лжи: это свѣтъ. У свѣта есть также общая основа; но эта основа не нравственная, и по этому самому безнравственная. Эта основа есть внѣшность, наружная благовидность, *приличіе* однимъ словомъ, за которое свѣтъ крѣпко держится. Свѣтъ, слѣдовательно, выставилъ свое знамя, подъ которое только тотъ можетъ стать, для кого, подобно свѣту, приличіе замѣняетъ нравственную основу. Для кого же существуетъ нравственная основа, тотъ долженъ не сообщаться со свѣтомъ и стать въ сторонѣ; въ противномъ случаѣ, если такой человѣкъ сообщается со свѣтомъ, вслѣдствіе тайнаго разврата, или преступной душевной слабости — онъ отказывается отъ нравственнаго начала и, слѣдовательно, становится въ этомъ смыслѣ отступникомъ. Одно неразуміе можетъ какъ бы извинить его, но неразуміе есть такъ же своя вина. Вы немного, впрочемъ, найдете людей, которые бы откровенно сознались, что для нихъ приличіе внѣшнее замѣнило внутреннее нравственное достоинство. Свѣтскіе люди сознаются, что та-

ково основаніе свѣтскаго общества, но многіе изъ нихъ скажутъ, что для нихъ лично свѣтское приличіе не замѣняетъ нравственнаго, начала, что свѣтъ ихъ самихъ не портитъ; мы уже говорили объ этомъ лживомъ оправданіи, въ которомъ слышится эгоизмъ своего спасенія, и по смыслу котораго можно быть въ совѣтѣ нечестивыхъ, не будучи нечестивымъ; какъ будто присутствіе въ нечестивомъ совѣтѣ не утверждаетъ со стороны присутствующаго самый этотъ совѣтъ. Какое страшное безсиліе и разслабленность! Такіе *хорошіе* свѣтскіе люди, продолжая участвовать въ безнравственномъ свѣтскомъ обществѣ, поступаютъ хуже откровенныхъ свѣтскихъ людей, которые признаютъ и для себя самихъ свѣтскія убѣжденія; ибо если люди признаютъ безнравственною и осуждаютъ жизнь, а сами въ ней продолжаютъ участвовать, то дурное дѣло такъ и остается дурнымъ дѣломъ, но къ нему присоединяется преступная слабость, крайняя дряблость и безсиліе, не способное даже своротить съ дурной дороги на хорошую. Самый же вредъ общественный растетъ и укрѣпляется, ибо признаётся и принимается хорошими людьми. Участіемъ своимъ и присутствіемъ они утверждаютъ безнравственное существованіе свѣта и даютъ полное торжество всѣмъ преступленіямъ и мерзостямъ, безопаснымъ подъ защитою свѣтскихъ условій. Взгляните: вотъ развратная чета, извѣстная всякому своимъ развратомъ и пребывающая въ немъ; это уже не частный, сокровенный отъ общественнаго вѣдѣнія, грѣхъ; это развратный *образъ жизни*, слѣдовательно, нарушеніе общественной нравственности. Исключена изъ общества должна быть такая распутная чета! Что жь, если она сама задумала быть средоточіемъ общественнаго собранія, если она открываетъ двери своего позорнаго дома, если ярко зажигаетъ праздничные огни, какъ бы дерзко вызывая осужденіе, какъ бы торжествуя гнусный свой союзъ и образъ жизни — и зоветъ къ себѣ въ гости общество? Какъ поступитъ общество въ такомъ случаѣ? Если поѣдетъ, то, переступая порогъ оскверненнаго дома, не отрекается ли оно тутъ отъ своей нравственной основы, не признаетъ ли оно торжественно образа жизни сей развратной пары, не подчиняется ли оно могуществу распутства и не въ правѣ ли эта пара хохотать надъ своими гостями и вдойнѣ торжествовать свой развратъ, признанный, утвержденный обществомъ? Да, безъ сомнѣнія. Веселись же, развратъ, и торжествуй! Примѣръ, сейчасъ приведенный нами, не вымыселъ, не фантазія. Мы знаемъ, что общество наше пируетъ въ такихъ домахъ и такого рода дѣла совершаются предъ нашими глазами. Какую же нравственную основу имѣетъ такое общество?

Оно ея не имѣетъ. Это общество — свѣтъ. И какой страшный вредъ душевный дѣлаетъ оно всѣмъ, которые въ немъ или съ нимъ соприкасаются.

Намъ не разъ удавалось видѣть и слышать, какъ иные, точно хорошіе люди, не только сознавались сами себѣ, но даже говорили вслухъ, что такой-то — подлецъ и злодѣй, и, говоря это, собирались на балъ или раутъ къ этому подлецу и злодѣю; мало того, они признавались, что не поѣхали бы къ нему, если бъ онъ не былъ богатъ и не былъ свѣтскимъ человѣкомъ. Тутъ сейчасъ являлась извѣстная общая уловка такъ безнравственно поступающихъ, хорошихъ людей — уловка, о которой мы уже сказали выше, но о которой не худо сказать еще. Собираясь на вечеръ къ богатому мошеннику, они осмѣливаются присовокуплять слова о христіанской любви. Какъ лицемѣрно и лживо такое оправданіе, это доказывается собственнымъ признаніемъ, что къ мерзавцу mauvais genre и бѣдному не поѣхалъ бы никто. Но не говоря уже о томъ, что люди здѣсь просто продаютъ себя свѣтской знатности или богатству — ни въ какомъ случаѣ подобною уступкою не спасешь человѣка; не спасешь его тѣмъ, что самъ или все общество — что̀ еще важнѣе — покажетъ шаткость своихъ началъ, покажетъ слабость и непрочность своей вѣры, своихъ убѣжденій. Развѣ можно когда-нибудь вообразить себѣ, чтобы для спасенія человѣка, отказавшагося отъ Христа, другой или все общество само отъ Христа отказались? Протягивая руку общенія такому человѣку, который нарушаетъ нравственную основу общества, вы протягиваете руку самому грѣху, потрясаете общество, допуская въ него грѣхъ самый, и въ тоже время окончательно губите безнравственнаго человѣка, ибо признаете его — таковъ, каковъ онъ есть — возможнымъ въ своемъ обществѣ и одобряете его на пути грѣха, протягивая ему руку?

При такомъ общественномъ развратѣ, до котораго дошли люди, при общемъ растлѣніи всякихъ силъ душевныхъ, человѣкъ въ наши времена долженъ помнить болѣе, нежели когда-нибудь, что онъ общественное лицо (а мы такъ охотно это забываемъ) и долженъ быть непоколебимо строгъ въ общественномъ дѣлѣ. Въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-нибудь, нужна общественная строгость, которая даже въ излишествѣ лучше преступной слабости общественной.

Какъ же должно поступать современному человѣку?

Съ одной стороны человѣкъ нашихъ временъ видитъ передъ собою цѣлое общество, воздвигнутое на лжи, свѣтъ, съ которымъ неизбѣжно онъ встрѣчается. Лицомъ къ лицу съ этимъ общественнымъ явленіемъ, онъ обязанъ высказаться и рѣшиться на что-нибудь. Соблюдая нравственную основу, человѣкъ долженъ произнести свой общественный судъ и удалиться отъ свѣта, какъ общества безъ нравственной основы, воздвигнутаго на лжи.

Съ другой стороны у насъ нѣтъ явственно опредѣленнаго нравственнаго общества, особенно при существованіи свѣта и при общест-

венномъ смѣшеніи. Вмѣсто того, существуютъ частныя общественныя отношенія человѣка къ человѣку, образующія болѣе или менѣе распространенный кругъ людей, сжимающійся и расширяющійся. Но человѣкъ всегда лицо общественное; всегда онъ самъ есть и долженъ быть центръ своего общества, не въ смыслѣ личномъ, а въ смыслѣ нравственныхъ основъ, имъ признаваемыхъ. Общество долженъ составить себѣ всякій самъ; оно образуется само собою у каждаго. Люди сходятся и расходятся сами. Связь общественная въ настоящее время замѣняется у насъ знакомствомъ, и *право знакомства* получаетъ здѣсь важный смыслъ. Въ немъ одномъ, въ этомъ правѣ, въ настоящее время сосредоточивается общественное значеніе человѣка. Это право есть священное право свободы человѣческой, котораго не отнимаетъ никакой деспотизмъ. Это право должно быть понято строго во всемъ своемъ общественномъ смыслѣ; расходясь съ человѣкомъ въ нравственныхъ убѣжденіяхъ, которыя для васъ важны, вы имѣете полное право и даже должны разойтись съ нимъ и въ общеніи, или просто въ знакомствѣ: знакомство *шапочное*, какъ выражается русскій народъ, не есть еще общеніе — не о такомъ знакомствѣ говоримъ мы. При подобномъ разрывѣ знакомства нѣтъ ни личнаго осужденія, ни оскорбленія одного другому. У васъ нѣтъ единства въ убѣжденіяхъ съ другимъ человѣкомъ, и вы расходитесь съ нимъ — вотъ и только. На единствѣ нравственныхъ убѣжденій должно возникнуть общество или кругъ знакомыхъ. Такое общество уже однимъ существованіемъ своимъ, однимъ своймъ требованіемъ даже даетъ силу и крѣпость, даетъ опору нравственому началу. Но что, если бы — предположимъ такую страну или время — пришлось человѣку при такихъ требованіяхъ остаться совершенно одному среди людей? Онъ долженъ оставаться одинъ — и онъ правъ въ своемъ одиночествѣ. Онъ желалъ бы жить въ обществѣ, но для жизни въ обществѣ не пожертвуетъ нравственнымъ началомъ, основою общества: это была бы нелѣпость. Такой человѣкъ, по своему истинному общественному требованію и есть прямо общественный человѣкъ въ настоящемъ смыслѣ; общество существуетъ для него постоянно какъ требованіе, какъ возможность, какъ идеалъ.

Расшатались нравственныя общественныя основы, если и не совсѣмъ отброшены. Разслабѣло все общество и не можетъ противопоставить силы общественнаго отпора — злу, вторгающемуся въ его область. Но общество — существо живое, и если оно можетъ совокупно падать, то можетъ совокупно и вставать. Будетъ ли время, когда дѣятельная мысль и просвѣщенная воля укрѣпятъ общество и сдѣлаютъ его самостоятельнымъ. *) Предсказать этого нельзя, но по крайней мѣрѣ можно искренно желать.

---

*) Здѣсь нѣсколько не разобранныхъ словъ. Вообще все это мѣсто, отъ слова «расшатались» — приписано авторомъ позднѣе на поляхъ и крайне неразборчиво.

Ив. Аксаковъ.

Впрочемъ, общество — въ истинномъ смыслѣ — въ какомъ бы то ни было своемъ маломъ видѣ, возможно и теперь. Еще есть люди уцѣлѣвшіе или исцѣляющіеся отъ общественнаго разврата или общественнаго разслабленія. Но повторяемъ: хотя бы даже (чего, слава Богу, конечно, быть не можетъ) и не могло найдтись въ мірѣ общества, какое отвѣчаетъ основнымъ нравственнымъ запросамъ человѣка и признаетъ для своего существованія нравственную основу; хотя бы пришлось остаться человѣку вовсе безъ общества, одному — пусть онъ будетъ одинъ, пусть осудитъ себя на общественное отшельничество, но пусть будетъ неколебимъ въ своемъ нравственномъ основаніи, въ своемъ общественномъ требованіи, пусть не уступитъ и не воздастъ чести грѣху,

Hora novissima
Tempora pessima sunt,
Vigilemus.

Константинъ Аксаковъ.

КРОВНАЯ МЕСТЬ ВЪ СТАРОЙ СЕРБІИ.

(Разсказъ со словъ Лазаря Деличa.)

Монастырь древней сербской патріархіи въ Ипекѣ имѣетъ свой метохъ (родъ подворья) при малой церкви св. Николая, отстоящей отъ Ипека на четыре часа ходу (около 20 верстъ), между селами Наглавакомъ и Будисавцами, обычно называемомъ «Будисавская Церквица». Ее построилъ патріархъ Макарій въ то самое время, какъ выстроена была и трапеза патріаршей церкви въ Ипекѣ (1562 г.). Эта церковь, во времена сербскихъ ипекскихъ патріарховъ, служила имъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ; а когда патріархъ Арсеній IV-й бѣжалъ изъ Ипека, она была сожжена, но вскорѣ возобновлена. Послѣ того она еще два раза подвергалась пожарамъ, слегка исправлялась и только въ 1872 году окончательно востановлена ревностнымъ игуменомъ Хаджи-Рафаиломъ; въ послѣдніе же годы предъ этимъ исправленіемъ въ ней не было церковной службы, какъ не было и священника по близости. Теперь въ воскресные дни приходитъ въ эту церковь священникъ изъ села Наглавака и совершаетъ богослуженіе, а въ большіе праздники является монахъ изъ Ипекскаго монастыря и собирается не мало народу. Такъ и въ 1872 году предъ праздникомъ Рождества Христова слѣдовало кому либо изъ ипекской братіи отправиться въ Будисавскую церковь.

— Слава Богу! вотъ скоро придется отправляться въ Будисавцы чтобъ служить тамъ о Рождествѣ: очередь навѣрно моя! говорилъ мнѣ отецъ Макарій.

— Отче Макаріе! если вы пойдете въ Будисавцы, то и мнѣ хочется съ вами, сказалъ я.

— Добро! только надо хорошенько вооружиться, ибо здѣсь Ипекская

нахія, а въ ней управляетъ не паша и не каймакамъ, а *латинка* (тонкое ружье длиной въ девять четвертей), отвѣтилъ монахъ.

— Ужь конечно не пойдемъ съ голыми руками, замѣтилъ я, ибо не первый разъ мнѣ было видѣть вооруженнаго монаха: — такъ повсюду водится въ Герцеговинѣ и Старой Сербіи.

— Знаешь ли ты, Лазо, что одинъ турчинъ поклялся сжечь будисавскую церковь на Рождество?

— Не знаю. А кто это такой и за что похваляется сжечь церковь?

— У той церкви за нѣсколько лѣтъ предъ симъ погибъ одинъ разбойникъ, а теперь его братъ хочетъ отомстить за него. Этотъ братъ — Абдулъ-Хамилъ, арнаутинъ изъ Истинича. Легко можетъ быть, что онъ явится на Рождество. Такъ хочешь ли ты идти въ Будисавцы? спрашивалъ меня отецъ Макарій.

— Съ радостью пойду: давно ищу случая испытать свое сердце и руку, способны ли они на убійство турка, а особенно разбойника, отвѣчалъ я разгорячившись.

— Хорошо, хорошо! Увидимъ, такимъ ли юнакомъ покажешь себя на дѣлѣ, каковъ ты на рѣчахъ.

— Дай Боже! можетъ придется дѣлить вмѣстѣ, кому опанки (обувь), кому обойки (холстъ, въ который завертываютъ ноги), замѣтилъ я.

И стали мы уговариваться пойти въ Будисавцы 23 декабря. Между разговорами отецъ Макарій сообщилъ мнѣ народное преданіе о томъ, какъ жена одного паши спасла отъ смерти патріарха ипекскаго Арсенія IV. Случилось ему однажды читать молитвы надъ больной женой паши, ибо турки въ подобныхъ случаяхъ не рѣдко прибѣгаютъ къ христіанскому духовенству — и въ скоромъ времени больная оправилась. И паша, и жена его были очень благодарны патріарху, и сталъ онъ у нихъ въ великой чести. И вотъ, спустя нѣкоторое время, приходитъ изъ Цареграда фирманъ отъ султана, повелѣвающій убить патріарха: либо голова патріарха должна быть доставлена въ Цареградъ, либо голова паши. Нѣсколько дней провелъ паша въ великомъ раздумьи: жаль ему своей головы, жаль и патріарховой — не хочется погубить Арсенія. Мало въ тѣ дни паша ѣлъ, пилъ и спалъ. Жена его замѣтила безпокойство своего мужа и стала у него выпытывать: «Богъ съ тобой! что ты молчишь цѣлые дни, словно тебя печаль грызетъ?» — «Не спрашивай, отвѣчалъ паша, коли помочь не можешь.» — «А ты скажи: можетъ и помогу.» Долго не хотѣлъ паша сказать ей, что его такъ озаботило, но на неустанную мольбу жены своей объявилъ наконецъ: «Пришолъ фирманъ отъ царя: либо моя голова, либо патріархова должна быть послана въ Цареградъ. Жаль мнѣ стараго патріарха: онъ и мнѣ, и тебѣ въ болѣзни помогъ своими молитвами. Такъ вотъ о чемъ моя печаль и забота.» Услыхавъ то́, пашиница разсмѣялась и сказала мужу: «Чего тебѣ жалѣть какого-то попа? Погуби его и дѣло съ концомъ.» — «Полно, такъ ли?» возразилъ паша. — «Конечно

такъ, а не иначе». — «Э! *пеки* (хорошо), пусть будетъ такъ.» И сталъ паша снова веселъ и любезенъ съ женой, рѣшившись погубить патріарха. А что между-тѣмъ мыслила и дѣлала пашиница? Она встала ночью съ постели, надѣла мужское платье и съ однимъ своимъ вѣрнымъ слугою явилась въ монастырь и предстала предъ патріархомъ, назвавшись кавасомъ (разсыльнымъ) паши. Она повѣдала патріарху, что паша долженъ погубить его, ибо пришолъ такой фирманъ изъ Стамбула. Все она разсказала ему: и какъ паша нѣсколько дней мучился, и какъ ему надо бѣжать поскорѣе, а пашу она постарается отвлечь отъ дѣлъ на нѣсколько дней. Патріархъ благодарилъ пашиницу и черезъ два дня ночью убѣжалъ въ средину Сербской земли, собралъ народъ на Борачскомъ полѣ и тамъ рѣшено было всѣмъ переселиться въ Австрію. Когда патріархъ уже перешолъ границу, жаль ему стало, что не снялъ для себя изображенія Ипекскаго монастыря на память, и послалъ онъ туда одного живописца, который изобразилъ ему вполнѣ все великолѣпіе древней обители св. Арсенія. Въ наше время сохранились двѣ иконы съ этимъ изображеніемъ: одна въ Петровой церкви въ Старой Сербіи, другая въ Сремскихъ Карловцахъ. Игуменъ Хаджи-Рафаилъ намѣревался издать литографію съ этой иконы и раздавать ее богомольцамъ, чтобы видѣли, какова была нѣкогда патріаршая церковь, и какова теперь въ бѣдѣ и неволѣ.

Однако жь 23 декабря мы не могли отправиться въ Будисавцы, вслѣдствіе одного жалостнаго случая. Старый ипекскій учитель Тома, постившійся съ большимъ усердіемъ въ теченіе всего рождественскаго поста, отправился въ церковь ночью на 23 декабря, думая остаться тамъ до обѣдни и приготовиться къ причащенію. Онъ прошолъ весь Ипекъ и спустился уже къ мосту черезъ ручей, отдѣляющій городъ отъ монастыря, какъ близь караульни, которую охраняютъ *заптіи* (турецкая полиція), напалъ на него разбойникъ и ударилъ ножомъ. Тома упалъ безъ чувствъ. Нѣсколько минутъ спустя къ этому мѣсту подошолъ другой молодой учитель и удивился, видя Тому лежащимъ. Дѣло было уже на зарѣ и вскорѣ къ нимъ подошолъ монастырскій служитель, возвращавшійся изъ города въ обитель. Они подняли Тому и отнесли домой. Тома уже не могъ говорить, только указалъ на большую рану, зіявшую въ лѣвомъ боку. При первомъ извѣстіи о такомъ несчастіи, игуменъ Рафаилъ послалъ отца Макарія въ сопровожденіи двухъ слугъ причастить Тому. Но раненый уже былъ безъ сознанія и только метался, говоря: «Душа моя разлучается съ тѣломъ въ полунощи.» На всѣ вопросы о томъ, кто его убійца, онъ не отвѣчалъ ни слова. Всѣ знали, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ ктото ударилъ Тому палкой на одной изъ ипекскихъ улицъ, и хотя члены *меджилиса* (суда), уважавшіе Тому за его добрый и почтенный нравъ, просили его тогда назвать обидчика, но Тома сказалъ имъ: «Не знаю: было ихъ много.» Онъ не хотѣлъ дать показанія, хотя и зналъ того обидчика, чтобы не вызвать ненависти къ

себѣ, которая повела бы къ кровной мести. Онъ умеръ въ тотъ же день. Въ похвалу ему слѣдуетъ сказать, что незадолго до его послѣдняго дня рукоположены были въ санъ священника два ученика его, съ коими число народныхъ пастырей Старой Сербіи, обучавшихся у Томы, дошло до пятидесяти, не считая многихъ учителей и торговыхъ людей, также учившихся у него. Всѣмъ было и жалко и тяжело, что старый учитель погибъ такою грозною смертью; даже и нѣкоторымъ туркамъ не нравилось это и они корили своихъ единовѣрцевъ, хладнокровно разсуждавшихъ объ этомъ событіи, за ихъ звѣрскіе нравы.

Между-тѣмъ жена Томы извѣстила по телеграфу своего сына Ристу, бывшаго учителемъ въ селѣ Дяковацѣ. Риста прибылъ въ Ипекъ, когда уже отца не было въ живыхъ, и подалъ жалобу каймакаму, прося его розыскать и осудить по законамъ убійцу. Каймакамъ тотчасъ же арестовалъ молодаго учителя и захватилъ всѣ книги и бумаги, находившіяся не только въ его жилищѣ, но и въ школѣ. Турки всегда рады малѣйшему предлогу, чтобы закрыть христіанскую школу. Мѣстныя власти основывали свое обвиненіе противъ молодаго учителя на томъ, что онъ де убилъ стараго учителя, желая получить высшую плату.

— Ей Богу! я знаю, кто убилъ стараго Тому, говорилъ между-тѣмъ отецъ Макарій, возвратившись въ монастырь.

— Кто это, отче Макаріе? спрашивалъ я.

— Ты его не знаешь! Это одинъ руговацъ, который поклялся, что убьетъ девять сербовъ, хотя бы и самъ при этомъ погибъ. Руговская нахія, жители которой отуречились лѣтъ за пятьдесятъ предъ симъ такъ, что немногіе между ними остались католиками, прославилась въ послѣднее время разбоями и убійствами.

— Крста! спросилъ отецъ Макарій слугу:—видѣлъ ли ты того человѣка, что ходитъ по монастырскому двору въ красномъ *гртачѣ* (полушубкѣ)?

— Видѣлъ, отче, отвѣтилъ Крста.

— Онъ убилъ учителя. Я узналъ это по глазамъ его; а если не онъ, то даю голову свою на отсѣченіе.

Въ ту ночь не спалось монастырскимъ людямъ: всѣ были на готовѣ, чтобы дать отпоръ, если настанетъ нужда въ томъ. На другой день, когда мы вышли изъ церкви послѣ утрени, игуменъ спросилъ меня:

— Лазо! хотите ли и вы идти въ Будисавцы?

— Хочу, отецъ игуменъ.

— Приготовьтесь въ путь, отче Макаріе; а вотъ вамъ и спутникъ въ Будисавцы; тамъ вы найдете и отца Кирилла. Да и Чорный (одинъ изъ слугъ) пойдетъ съ вами, только пусть вернется тотчасъ же.

Черезъ полчаса кони были осѣдланы и все изготовлено къ отъѣзду, пока мы вооружались. Отецъ Макарій снялъ съ себя мантію и надѣлъ турецкіе шаровары, а за поясъ съ обѣихъ сторонъ заткнулъ по одному пистолету, какіе съ большимъ искусствомъ выдѣлываются въ Ипекѣ,

сзади же привѣсилъ мѣшокъ съ патронами. Клобукъ оставилъ онъ въ кельѣ, а голову повязалъ бѣлою шалью, какъ дѣлаютъ арнауты. Плечи и станъ обтянуты были албанскою курткою. Я былъ въ нѣмецкомъ платьѣ, но тоже надѣлъ поясъ и заткнулъ за него двухстволный пистолетъ; самъ же закутался въ арнаутскій плащъ, который и прикрылъ мое нѣмецкое одѣяніе, не очень-то нравящееся мѣстнымъ жителямъ, а на голову надѣлъ барашковую шапку, называемую *тулавъ* (съ малыми ушами) — и сталъ такимъ образомъ на половину походить на арнаута. Слуга же, какъ и всегда, одѣтъ былъ въ полное арнаутское платье, съ пистолетами за поясомъ и длиннымъ ружьемъ на плечѣ.

Получивъ благословеніе отъ отца игумена и совѣтъ быть осторожніе, причемъ онъ не преминулъ напомнить намъ изрѣченіе народной сербской пѣсни: «Идете мудро, не погиньте лудо» (глупо); мы выѣхали изъ монастыря и направились чрезъ городъ по глухимъ улицамъ. Проходя вдоль большого турецкаго кладбища, конь мой вскинулъ ногою большой комъ снѣга, который и отскочилъ въ проходившаго мимо турка.

— Бре, попе! (смотри, попъ!) вскинулся турокъ, принявшій меня за попа, такъ-какъ я носилъ небольшую бороду: — что не правишь конемъ, какъ всѣ? Возьму вотъ камень, да убью тебя какъ пса. Развѣ не знаешь, что вчера убили даскала (учителя), а сегодня убью я тебя.

Хотѣлось мнѣ отвѣтить ему, но взглядъ отца Макарія остановилъ меня и я, не сказавъ ничего, погналъ коня впередъ, а слуга окончилъ объясненіе съ туркомъ, придерживаясь за ружье. Поровнявшись съ отцомъ Макаріемъ, я получилъ отъ него предостереженіе:

— Смотри, чтобъ не случилось чего!

Приблизившись къ краю города, отецъ Макарій свернулъ въ боковую улицу, сказавъ мнѣ, чтобъ я подождалъ его у недалеко находившейся лавки одного христіанина, вмѣстѣ съ слугою, что я и сдѣлалъ. Въ лавкѣ, вмѣстѣ съ хозяиномъ, сидѣлъ хорошо одѣтый турокъ. Увидавъ на мнѣ нѣмецкое платье, онъ спросилъ хозяина, кто я. Торговецъ отвѣчалъ, что я учитель изъ Моравы (такъ арнауты зовутъ Сербію по одной изъ рѣкъ, протекающихъ чрезъ нее съ юга). Я сталъ спрашивать турка, за что убиваютъ мирныхъ людей и царскую райю (подданныхъ)? Вотъ и вчера убили учителя Тому.

— Валахъ, учителю! я не убиваю; но есть такіе люди, которые готовы на то. *Язукъ* (срамъ) имъ: старый даскалъ Тома жилъ между нами въ Пеекѣ болѣе тридцати лѣтъ, никому воды не замутилъ. Что подѣлаешь? Богъ за все отплатитъ: найдется мститель и за даскалову кровь.

— А зачѣмъ ты покрываешь пистолетъ *ягмукомъ*? (шитый платокъ для вытиранія пота), спросилъ я турка, который еще болѣе сталъ укрывать пистолетъ.

— *Ясакъ* (запрещено) приходить на рынокъ съ оружіемъ; а я держу при себѣ по неволѣ на случай, если нападутъ на меня.

— Да развѣ на турка можетъ напасть турокъ? спросилъ я.

— Здѣсь не турки, а все арнауты-разбойники; я же изъ Новаго Пазара (городъ въ Старой Сербіи).

Въ это время вернулся отецъ Макарій, заѣзжавшій, какъ оказалось, къ своему пріятелю купить пороху. Сѣвъ на коней, мы пустились крупной рысью широкимъ полемъ, которое открылось предъ нами за городомъ. Въ Растовѣ, отстоящемъ отъ Ипека на цѣлый часъ, дали немного отдохнуть конямъ; такой же отдыхъ имѣли мы у Смаилъ-Кучскаго кладбища, которое лежитъ на половинѣ пути отъ Ипека къ Будисавской церкви. Далѣе начинался самый опасный путь до села Наглавака.

— Теперь, братья мои, будемте осторожнѣе, чтобъ не потерять безъ пути головъ своихъ, сказалъ отецъ Макарій, пускаясь снова въ дорогу. По обѣ стороны дороги шумѣлъ густой лѣсъ, изъ коего каждую минуту могъ раздаться выстрѣлъ, сопровождаемый крикомъ «стой! деньги на землю! платье получше долой!» Всякій трескъ, всякій шорохъ обращалъ на себя наше вниманіе; каждаго мимо-проѣзжавшаго, который былъ вооруженъ, мы осматривали внимательно. Впрочемъ мы не чувствовали большихъ опасеній, ибо насъ было трое. Слава Богу, весь путь къ Будисавской церкви оконченъ былъ безъ особыхъ приключеній. Въ церковномъ подворьѣ мы нашли отца Кирилла, который уже распорядился всѣмъ хозяйствомъ.

Съ вечера мы были въ церкви на вечерни. На другой день, въ самый праздникъ Рождества Христова, во время утрени и литургіи церковь полна была народа, собравшагося изъ окрестностей; на другой день Рождества снова такое же стеченіе народа; на третій день, когда чтится память св. Стефана архидіакона, церковь опять была полна. По окончаніи службы, богомольцы поздравляли съ праздникомъ обоихъ іереевъ и приглашали къ себѣ, особенно тѣ семьи изъ Наглавака и Будисавцевъ, которыя въ тѣ дни праздновали свое крестное имя, то-есть имя родового патрона ихъ.

Первые два дня мы не оставляли церкви; только отецъ Кириллъ въ день святого Стефана ѣздилъ съ своимъ служкой въ сосѣднія селенія. Мы съ отцомъ Макаріемъ также должны были посѣтить нѣсколько семействъ. Сперва мы отправились въ Будисавцы къ одному сельчанину, который принялъ насъ съ великою радостью. Здѣсь, среди разговоровъ, отецъ Макарій указалъ мнѣ на одного старца, которому было уже 136 лѣтъ. Я обрадовался, надѣясь услыхать отъ него любопытные разсказы о прошлыхъ временахъ; но оказалось, что старикъ былъ глухъ и слѣпъ, и мало что помнилъ. Только я и узналъ отъ него, что при его жизни Будисавская церковь была три раза сожигаема и столько же разъ исправляема, что подлѣ нея нѣкогда было высокое и широкое зданіе, въ которомъ насчитывалось до 70-ти комнатъ, и что вся земля вокругъ церкви принадлежала въ старыя времена ей, но потомъ отнята была

турками; однако жъ всѣ, совершившіе насиліе надъ церковью, окончили несчастливо свою жизнь и послѣдній изъ нихъ, снявшій съ церкви свинцовую крышу, помѣшался и сумасшествіе перешло къ его дѣтямъ, которые дѣйствительно и жили въ Ипекѣ во время моего посѣщенія. Припоминалъ онъ также, что видѣлъ Карагеоргія, передъ которымъ турки кланялись и смирялись.

Вечеромъ мы отправились въ село Наглавакъ на крестное имя къ священнику и къ нѣкоторымъ сельчанамъ. Но едва наступилъ сумракъ, какъ отъ Будисавской церкви прибѣжалъ одинъ слуга и вызвалъ отца Макарія на дворъ. Вернувшись въ комнату, отецъ Макарій сталъ прощаться и пригласилъ меня ѣхать къ церкви.

— Зачѣмъ мы спѣшимъ? спросилъ я отца Макарія, когда мы сѣли на коней.

— Слуга говоритъ, что пріѣхалъ Абдулъ-Хамилъ, который поклялся спалить церковь, съ двумя вооруженными людьми и приказалъ изготовить ему для ужина похлебку, жаренаго цыпленка, лепешекъ и другихъ лакомыхъ для турка кушаній; грозится, что на подворье пріѣдутъ еще двадцать вооруженныхъ людей. Посмотримъ, что выйдетъ изъ этого? Не съѣсть ему того, чего онъ требуетъ: жрётъ и то, что дадутъ. Либо онъ, либо я пропадемъ, закончилъ отецъ Макарій.

Мнѣ не очень было пріятно извѣстіе, что ожидаются еще двадцать человѣкъ; а съ этими тремя мы бы и сами справились. Но, немножко подумавъ, я сказалъ отцу Макарію:

— Слушайте, насъ десять человѣкъ вооружонныхъ; не дадимся имъ, пока живы.

— У тебя заряжены оба ствола? спросилъ мой спутникъ.

— Да, былъ мой отвѣтъ.

— Теперь я болѣе всего надѣюсь на тебя, да на Илью (слуга, прибѣжавшій за нами), да еще на мясника Скробича; а на Гошича мало надѣюсь, на Марка — и того менѣе; другіе же всѣ ничего не стоятъ.

— Ты только мигни, отче Макаріе: ружье мое выстрѣлитъ и не дастъ промаха.

— Какъ придемъ, ты, Лазо, остановись у дверей комнаты, а я войду внутрь, и если я выстрѣлю или крикну, ты стрѣляй въ тѣхъ двоихъ, а я — въ Абдулъ-Хамиля.

— Какъ ты сказалъ, такъ и будетъ.

Мы не то шли, не то бѣжали къ церкви. Слуга успѣлъ передать намъ, что Абдулъ находится въ нашей комнатѣ, разсѣлся на кровати и раздаетъ приказы чрезъ своихъ спутниковъ.

— Не долго будетъ приказывать, если Макарій останется живъ, твердилъ разсерчавшій отецъ Макарій. Онъ былъ еще молодъ и готовъ на всякую опасность, къ тому же — родомъ черногорецъ.

Подойдя къ воротамъ, мы услыхали крикъ куръ, которыя уже были на насѣстѣ.

— Кто это? Зачѣмъ вамъ куры? спросилъ разъяренньмъ голосомъ отецъ Макарій.

— Я отче! отвѣчалъ робко монастырскій слуга.

— Кто тебѣ приказалъ?

— Абдулъ-Хамиль. Вонъ онъ на верху.

— Оставь! Кто здѣсь хозяинъ: я или Абдулъ-Хамиль?

— Ты, отче; но мнѣ кухарка приказала. Она мѣситъ лепёшки и готовитъ питье Абдулу и пришедшимъ съ нимъ.

— Какое питье, какія лепешки? крикнулъ отецъ Макарій, устремившись въ кухню. Я кинулся за нимъ. Тамъ старая женщина сѣяла муку, чтобы замѣсить тѣсто.

— Ты что дѣлаешь, старая?

— Лепёшки и питье Абдулу-Хамилю, отвѣчала удивленно кухарка.

— Оставь это сейчасъ же, слышишь ли? Есть у тебя колобки изъ кукурузы?

— Есть, отче.

— Нѣтъ ли молока?

— Есть, отче.

— А есть сыръ?

— Есть, отче.

— Оставь это сейчасъ. Если хочетъ, пусть жрётъ что ему дадутъ, а не хочетъ, такъ мы и за хохолъ его: пусть идетъ туда, откуда пришолъ.

— Бога ради, не трогай ихъ, отче! не губи насъ! Еще двадцать злодѣевъ придутъ и сожгутъ нашъ домъ.

— Коли говорю «оставь», такъ слушайся меня. Я здѣсь хозяинъ и старѣйшина, а не Абдулъ. Гдѣ остальные слуги? спросилъ отецъ Макарій одного изъ заглянувшихъ въ кухню.

— На верху, отче.

— Гдѣ Крста?

— Съ Абдуломъ въ комнатѣ.

— Приготовь, баба, колобки, молока, сыра, яицъ: коли хотятъ, пускай жрутъ. Пойдемъ теперь наверхъ, Лазо, и ты, Илья, тоже. Смотри! прибавилъ, обращаясь ко мнѣ отецъ Макарій: — какъ подымемся вверхъ, помни, на чемъ уговорились.

— Хорошо, отче.

Мы стали подыматься по ступенямъ въ верхній этажъ. Я хоть побаивался, но все-таки былъ храбрѣе слугъ, ибо ни разу еще не испыталъ такой минуты, когда жизнь виситъ на волоскѣ. Мы сперва взошли въ игуменову комнату, гдѣ отецъ Макарій взялъ еще пистолетъ и заткнулъ его за поясъ, а я перемѣнилъ пистоны для большей вѣрности.

— Лазо! ты останься у дверей и смотри оттуда сквозь щель, да будь готовъ.

— Ступай туда, отче, а вонъ ужъ ни одинъ изъ арнаутовъ живымъ не выйдетъ, прошепталъ я.

Мы тихо прошли сѣнями. Отецъ Макарій быстро отворилъ дверь и вошолъ въ комнату съ словами: «Добрый вечеръ!» Онъ произнесъ это привѣтствіе по сербски, хотя и хорошо зналъ по арнаутски. Абдулъ и его спутники вскочили, поклонились, приложивъ руку къ сердцу, и пригласили отца Макарія сѣсть. Абдулъ сѣлъ слѣвой, отецъ Макарій съ правой стороны. Крста, который до тѣхъ поръ говорилъ съ Абдуломъ, сталъ служить за переводчика отцу Макарію, не хотѣвшему говорить по арнаутски. Послѣ обычныхъ взаимныхъ привѣтствій, отецъ Макарій спросилъ Крсту: «пили ли чорный кофе?», ибо кофе во всѣхъ краяхъ Турціи составляетъ первое угощеніе, предлагаемое всякому пришельцу. «Нѣтъ» отвѣчалъ Крсто. Отецъ Макарій всталъ и вышелъ въ сѣни, гдѣ находился я съ сторожемъ Ильей. Здѣсь онъ отдалъ приказаніе слугѣ развести огонь во второй комнатѣ и заварить кофе. «Мы ихъ пригласимъ въ большую комнату, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: пускай мерзнутъ и знаютъ, какое помѣщеніе и какой ужинъ можно получить силой.»

Распорядившись, отецъ Макарій возвратился въ комнату къ Абдулъ-Хамилю. Разговоръ не клеился. Абдулъ приказалъ было подать ракіи (хлѣбная водка); но отецъ Макарій сказалъ, что ея нѣтъ. Чрезъ четверть часа въ большой комнатѣ горѣлъ огонь на очагѣ, вдоль стѣнъ разослано было сѣно, а сверхъ его — грубыя одѣяла. Слуга доложилъ отцу Макарію, что все готово.

— *Буйрумъ* (извольте)! выпьемте кофе! сказалъ отецъ Макарій и велѣлъ Крстѣ провести Абдула въ большую комнату. Арнауты перешли туда, забравъ свое оружіе. Абдулъ забылъ *силай* (поясъ, къ которому привѣшивается оружіе). Я взялъ его и, войдя въ большую комнату, спросилъ: «чей силай?»

— Мой, отвѣтилъ Абдулъ и, протянувъ руку, взялъ его.

Я сѣлъ подлѣ одного изъ арнаутовъ. Кофе пили смирно; но, кончивъ его, Абдулъ сталъ опять просить ракіи.

— Нѣтъ ракіи, какъ я уже говорилъ, сказалъ отецъ Макарій.

— Дай, попъ; знаю что есть; а то не быть добру.

— Говорю тебѣ, что нѣтъ, а пусть будетъ, что будетъ.

— Ну такъ пошли слугу въ село къ *кнезу* (старшинѣ): онъ дастъ ракіи. Но старуха кухарка, услыхавъ, что не быть добру, поспѣшила принести фляжку ракіи и подала Абдулу. Отецъ Макарій разсердился на старуху и, выйдя въ сѣни, сталъ бранить ее.

— Пускай ихъ жрутъ, отче! умоляла старуха: — я купила эту ракію для себя за деньги — пусть разбойникъ ее пьетъ.

— Больше не смѣй давать, слышишь ли? наказывалъ отецъ Макарій.

— Не дамъ, да и нѣтъ болѣе.

Довольный тѣмъ, что ракіи болѣе не оказывалось, отецъ Макарій вернулся въ комнату. Абдулъ пилъ самъ ракію и сталъ приглашать къ тому же отца Макарія; но послѣдній на отрѣзъ отказался.

— Дай, попъ, табаку, сталъ приставать потомъ Абдулъ.

— Нѣтъ у меня, отвѣчалъ отрывисто хозяинъ.

Абдулъ молчалъ, пока еще оставалась ракія во фляжкѣ, а за тѣмъ опять сталъ просить:

— Дай еще ракіи, попъ!

— Нѣтъ, былъ отвѣтъ.

— А откуда баба принесла эту?

— Баба купила ее для себя, а подала сюда, чтобы учинить тебѣ *ихтибаръ* (честь), сказалъ Крста.

— Эхъ, попъ! пошли слугу въ село къ кнезу: пускай принесетъ ракіи и приведетъ съ собой *гайдаша* (игрока на волынкѣ), упрашивалъ Абдулъ. Одинъ изъ слугъ пошолъ было, чтобы исполнить Абдулово желаніе.

— Слышишь, Марко! закричалъ ему въ догонку Абдулъ: скажи кнезу, что я и попъ кланяемся ему и просимъ прислать ракіи и гайдаша: хотимъ веселиться и стрѣлять.

— А отъ меня, прибавилъ отецъ Макарій, не проси у кнеза ни волынки, ни ракіи: я не хочу ни того, ни другого.

— Будемъ, попъ, веселиться цѣлую ночь: пусть люди знаютъ, какъ Абдулъ-Хамиль приходилъ къ церкви, гдѣ погибъ его братъ.

Слуга отправился, а за нимъ вышли и мы съ отцомъ Макаріемъ.

— Слышишь, наказывалъ отецъ Макарій Марку, не смѣй приводить гайдаша, а ракіи принеси ему немного.

Слуга пошолъ въ село, отецъ Макарій и я удалились въ нашу комнату. Крсто остался занимать разговоромъ Абдула, который уже начиналъ пьянѣть и ругаться.

Вскорѣ Марко принесъ ракіи, но гайдаша не привелъ съ собой, что крайне разсердило Абдула.

— Гдѣ попъ? спрашивалъ онъ Крсту.

— Здѣсь; скоро придетъ.

— Эй, попе мой! приходи пить ракію, бормоталъ Абдулъ, ударяя рукою въ стѣну.

Мы сидѣли въ нашей комнатѣ и отецъ Макарій не хотѣлъ идти къ Абдулу. Тотъ непрестанно кричалъ: «*Море*» и «*бре*, попе!» *) Приходи! разопьемъ вмѣстѣ ракію и поговоримъ. Наконецъ онъ послалъ одного изъ своихъ спутниковъ позвать отца Макарія.

*) «Бре» — междометная поговорка, сопровождающая повелѣніе; а «Море» — междометіе, употребляющееся для выраженія почтенія.

— Иди, попъ! говорилъ посланный. — Абдулъ-Хамиль зоветъ тебя пить вмѣстѣ и бесѣдовать.

— Не хочу. Скажи ему, что собираюсь ужинать.

Вскорѣ посланный опять явился.

— Ей Богу, попъ! Абдулъ говоритъ, что ты погибнешь, если не пойдешь къ нему.

— Что? спросилъ отецъ Макарій, какъ будто не понялъ говорившаго.

— Погибнешь, коли не пойдешь къ намъ пить.

— Скажи ему, что не приду и не погибну.

Абдуловъ спутникъ вышелъ; отецъ Макарій приказалъ всѣмъ слугамъ придти съ оружіемъ на верхъ, а двумъ стоять на стражѣ внизу. Абдуловъ посланный опять явился съ словами:

— Слышишь попъ? дай два, три дуката Абдулу — перестанетъ ругаться, успокоится, а не дашь — дурно будетъ: онъ уже пьянъ.

— Не дамъ и чорной грязи изъ подъ ногтя. Убирайся изъ моей комнаты, или сбудется то, чего еще никогда не бывало.

Абдуловъ посланный, увидавъ, что собралось нѣсколько вооруженныхъ слугъ, ушолъ и шепнулъ что-то на ухо Абдулъ-Хамилю. Тотъ еще болѣе сталъ ругаться и кричать. Крста старался успокоить его, но не могъ. Вскорѣ Крста пришолъ къ намъ и сказалъ, что надо бы и гостямъ дать ужинъ.

— Пусть имъ дадутъ. Баба! подай тѣмъ псамъ ужинъ, если попросятъ ладно; а если не хотятъ, будетъ имъ горекъ часъ, въ который пришли къ нашей церкви.

— Отче! сталъ умолять Крста: — не дай погорѣть церкви! Онъ вѣдь изъ большого фиса (рода, племени): за него будетъ много мстителей.

— Пусть будетъ, что будетъ, а я не хочу, чтобы турокъ распоряжался тамъ, гдѣ стоитъ сербская святыня.

— Мы всѣ просимъ тебя, отче, уступи! Этотъ дворъ столько лѣтъ былъ пустъ и нѣтъ еще года, какъ его поправили. Развѣ тебѣ хочется, чтобъ мы его опять оставили. Такъ ли я говорю, отче?

— Такъ, былъ отвѣтъ: — а дѣлать нечего, когда пристаютъ силой. Только вы будьте готовы!

— Да намъ не трудно побить ихъ, а послѣ то что будетъ?

Между-тѣмъ кухарка принесла ужинъ, состоявшій изъ *пройи* (кукурузнаго хлѣба), кислаго молока, сыра и яицъ. Арнауты стали ѣсть, но не ругались, что имъ дали не то, чего они требовали. Послѣ ужина, какъ обычно, опять подали кофе, и Абдулъ снова сталъ кричать и требовать къ себѣ отца Макарія; но когда тотъ не захотѣлъ идти, Абдулъ закричалъ на весь домъ.

— Знаешь ли, попъ, что эта церковь убила моего брата? Я хочу отмстить за него! Мнѣ нужна кровь его!

— Быть и тебѣ убитымъ, коли ты сталъ такъ поступать! отвѣтилъ отецъ Макарій изъ своей комнаты.

Брани не было конца. Абдулъ совсѣмъ опьянѣлъ и сталъ требовать денегъ какъ окупа, грозя въ случаѣ отказа сейчасъ же зажечь церковь.

— Не дамъ ничего, кромѣ заряда, отвѣчалъ отецъ Макарій: — коли хочетъ, пусть ложится и спитъ мирно, а не то пускай идетъ, куда глаза глядятъ.

Абдулъ, видя, что ничего не возметъ съ упрямаго монаха, сталъ одѣваться, чтобы идти въ село, и въ это время поссорился съ однимъ изъ своихъ спутниковъ, которому не хотѣлось оставлять монастырскаго двора.

— Не хочу, говорилъ возражавшій, чтобы въ селѣ о насъ сказали: «попъ ихъ прогналъ: не далъ имъ ночевать у себя».

Послѣ долгой перебранки арнауты остались. Абдулъ продолжалъ звать къ себѣ отца Макарія, говоря, что ему нужно повидаться съ нимъ. Наконецъ отецъ Макарій, я и еще двое слугъ пошли къ Абдулу.

— Эхъ, попъ! садись, будемъ разговаривать!

— Пора ужь спать теперь, сказалъ отецъ Макарій.

— Завтра, *джанумъ* (душа моя), ляжешь спать, былъ отвѣтъ. — А это что за человѣкъ въ швабскомъ (нѣмецкомъ) платьѣ? спросилъ Абдулъ, указывая на меня.

— Онъ изъ Подгорицы *), сказалъ отецъ Макарій, желая скрыть, что я изъ Сербіи.

— Клянусь Богомъ! онъ не подгоричанинъ. Подгоричане не такъ тонки и высоки, какъ онъ и немножко поплотнѣе.

Послѣ небольшого разговора, отца Макарія и меня позвали къ ужину. Отецъ Макарій ушолъ тотчасъ же, а я остался не на долго, чтобъ докурить сигару.

— Крста! сказалъ Абдулъ, помолчавъ немного: — откуда этотъ высокій?

— Моравацъ (изъ Сербіи) учитель, отвѣтилъ Крста. Я всталъ и пошолъ къ ужину.

— А..... его мать! онъ насъ выгналъ изъ той комнаты. Не жить долго — коли будетъ живъ Абдулъ — ни моравцу, ни кучу (отецъ Макарій былъ родомъ изъ племени Кучей).

Мы поужинали и болѣе уже не ходили къ Абдулу, который ругался и грозился сжечь церковь, а насъ убить въ отмщеніе за брата. Наконецъ онъ уснулъ, совершенно опьянѣвъ. Мы же долго сидѣли и потомъ легли, положивъ подлѣ себя оружіе; а двое слугъ держали стражу до самой зари.

Проснувшись, Абдулъ былъ очень сердитъ на то́, что обѣщанные

*) Албанское мѣстечко, пограничное съ Черногоріей.

имъ двадцать вооруженныхъ албанцевъ не явились, и что ему не удалось зажечь церковь съ ея подворьемъ.

— Рождественскій праздникъ прошолъ, но наступитъ и другой. Я сожгу вашу церковь, коли Богъ дастъ здоровья, хвалился Абдулъ передъ монастырскою прислугой.

— Можешь зажечь, думали про себя слуги, помнившіе о бѣдствіяхъ, постигшихъ прежнихъ насильниковъ: только берегись, чтобъ прежде лобъ твой не треснулъ.

Утренній кофе мы пили всѣ вмѣстѣ. Прощаясь, Абдулъ сказалъ отцу Макарію: — Благодарствуй, попъ, на чести и угощеніи; спасибо за двухъ-недѣльные колобки, за кислое молоко, за малость сыра и яицъ. Честь ты оказалъ мнѣ, какъ псу. Хвала тебѣ и на жосткой постелѣ, на собачьей подстилкѣ.

— Если бъ ты пріѣхалъ какъ слѣдуетъ, отвѣчалъ отецъ Макарій, держа руку на пистолетѣ: — еслибъ ты, видя, что меня нѣтъ дома, послалъ меня звать, были бы тебѣ и ракія, и куры, и лепешки, и все другое; а ты сталъ требовать всего силой. Я здѣсь хозяинъ, а не ты.

— Спасибо, попъ, спасибо! Будь увѣренъ, что я подстерегу тебя въ десяти засадахъ; не вернуться тебѣ живому въ Ипекъ. Достанется и моравцу тому въ бѣлой шапкѣ.

— Не боимся мы тебя, ни я, ни моравацъ, отвѣчалъ отецъ Макарій.

— *Довали* (съ Богомъ).

— *Эй садиле* (съ сердцемъ).

Абдулъ-Хамиль уѣхалъ съ своими товарищами въ полномъ убѣжденіи, что онъ посрамленъ, и что нигдѣ еще и никто не провожалъ его такъ, какъ ипекскій попъ.

Окрестные сельчане, узнавъ, что происходило ночью на церковномъ дворѣ, сильно жалѣли, что мы не убили собакъ-арнаутъ, чинившихъ народу великій гнетъ.

— Намъ не трудно было убить ихъ, но чтобы сталось съ этимъ домомъ? говорилъ отецъ Макарій. Его въ томъ сильно поддерживалъ Крста. Но я жалѣлъ, что мы не убили албанцевъ; мнѣ все казалось, что они подстерегутъ насъ на обратномъ пути въ Ипекъ и убьютъ изъ засады.

Въ три часа пополудни мы выѣхали изъ Будисавцевъ на этотъ разъ только вдвоемъ; но за-то мы направились другимъ путемъ, болѣе открытымъ, чѣмъ прежній. Чрезъ два часа съ половиной мы уже подъѣзжали къ смаилъ-кучинскому кладбищу — и здѣсь застали насъ сумерки.

— Наиболѣе опасный путь мы прошли, а Абдула не было въ засадѣ, проговорилъ отецъ Макарій.

— Не знаю, почему: либо не посмѣлъ, либо не хотѣлъ, замѣтилъ я.

Давъ небольшой отдыхъ конямъ, мы поѣхали далѣе, уже менѣе опасаясь за себя.

Муэдзины кричали съ минаретовъ, когда мы подъѣзжали къ Ипеку.

— *Яцыя* (пятая молитва турокъ, исполняемая въ два часа ночи), сказалъ мнѣ отецъ Макарій. — Еще часъ и мы будемъ въ монастырѣ.

Тѣми же улицами проѣхали мы теперь чрезъ Ипекъ, по которымъ шли въ Будисавцы. Подъѣхавъ къ монастырскимъ воротамъ, мы три раза ударили о замокъ — и насъ тотчасъ же впустили. Мы разсказали отцу игумену все, что происходило въ Будисавцахъ и какого тамъ гостя принимали.

— Хорошо вы сдѣлали, замѣтилъ отецъ игуменъ, что не убили ихъ; а то не пришлось бы болѣе пѣть въ той церкви.

Безъ насъ похоронили стараго учителя Тому въ первый день праздника. На погребеніи были всѣ ипекскіе христіане, среди коихъ Тома провелъ болѣе тридцати лѣтъ. Сынъ его Риста уѣхалъ въ Призрѣнъ къ *вали-пашѣ* (губернатору), ибо каймакамъ отказалъ ему въ удовлетвореніи. Тамъ Риста подалъ жалобу, въ коей сказалъ: если вали-паша не уважитъ его просьбу, то онъ пойдетъ въ Стамбулъ къ *садразаму* (великому визирю), а оттуда въ другую землю, если бѣдной райѣ нельзя жить свободно въ царской землѣ, гдѣ она гибнетъ какъ трава отъ косы. Вали-паша приказалъ найти убійцу. Каймакамъ вызвалъ къ себѣ нѣсколько сербовъ и велѣлъ имъ написать показаніе, что учитель Тома самъ убился ненарокомъ. Но приглашонные не хотѣли подписывать такого показанія и двое изъ нихъ попали за-то въ тюрьму, гдѣ пробыли нѣсколько дней. Каймакамъ въ этомъ случаѣ хотѣлъ поступить точно также, какъ сдѣлалъ въ прошломъ году, когда одинъ турокъ убилъ сына христіанскаго хлѣбника на рынкѣ шестомъ, и когда по требованію каймакама и членовъ меджилиса христіане должны были написать показаніе, что сынъ хлѣбника упалъ съ крыши, ловя голубей, и убился на мѣстѣ. Такимъ образомъ убійца вмѣсто наказанія получилъ награду, убивъ серба, ибо по турецкому *шаріату* (духовному суду) за убіеніе христіанина онъ становился *газія* (герой) и душа его должна пойти въ рай. Видя, что на этотъ разъ онъ не добьется требуемаго имъ показанія, каймакамъ былъ въ большомъ переполохѣ: открыть убійцу значило подвергнуть себя кровной мести албанцевъ, не отыскать виновнаго значило потерять службу. Между-тѣмъ вали-паша потребовалъ отъ него снова отвѣта по телеграфу. Убійцу отыскали и схватили силой. Это былъ тотъ самый человѣкъ, котораго считалъ убійцей отецъ Макарій и который поклялся убить девять сербовъ, хотя бы это ему стоило жизни.

Каймакамъ скрылся изъ Ипека въ Призрѣнъ въ ту самую ночь, когда схваченъ былъ убійца учителя. Арестованный просидѣлъ нѣсколько дней въ ипекской полицейской тюрьмѣ и сталъ чрезъ знакомыхъ предлагать Ристѣ плату за кровь, но не цѣлую, какъ обыкновенно, а только половину: четыре съ половиной кошелька піастровъ. Въ кошелькѣ считается 500 піастровъ, то-есть около 35 рублей; стало быть онъ пред-

лагалъ до 150 рублей. Риста не хотѣлъ денегъ, но требовалъ «крв за *крв*» (кровь за кровь). Онъ зналъ, что арнаутъ уплатитъ деньги, а потомъ при первомъ же случаѣ убьетъ или его самого, или его младшаго брата, чрезъ что окупитъ свои деньги, и снова станетъ кровнымъ должникомъ.

Вскорѣ убійцу перевели въ Призрѣнъ. Власти увѣряли жителей, что преступника посадилъ въ тюрьму вали-паша. Но это еще не значило, что онъ будетъ осужденъ. Христіане твердо вѣрили, что убійцу продержатъ нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи и потомъ снова выпустятъ на свободу. Тоже говорили и старые мусульмане. Риста, не желая, чтобы на его семьѣ тяготѣла кровь, отказался отъ учительства и переселился съ братомъ въ Черногорію.

Такъ я въ нѣсколько дней пребыванія своего въ Ипекѣ и его окрестностяхъ ознакомился съ страшнымъ обычаемъ, уцѣлѣвшимъ въ Албаніи и Старой Сербіи изъ глубокой древности. Этотъ древній обычай долгое время хранился у всѣхъ турецкихъ славянъ; лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ прекращенъ въ Черногоріи и Сербіи усиліями правительствъ; но среди албанскихъ фисовъ или родовъ, между герцеговинскими и боснійскими мусульманами славянскаго происхожденія онъ царитъ во всей силѣ. Что же это за обычай?

«Крв», «крвина», «мртва глава» — вотъ слова, которыя безпрестанно слышатся въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи, заселенныхъ одноплеменнымъ, но разновѣрнымъ народомъ. «Кровью» или, по нашему, «кровной местью» называются такія отношенія: Мехмедъ убилъ Марка. — онъ «крвник» и долженъ Маркову роду «едну крв», то-есть мертвую голову одного изъ мужскихъ членовъ своей фамиліи. Марковы родичи ищутъ кровь отъ Мехмеда, ищутъ случая убить или самого Мехмеда, или кого нибудь изъ его рода. Наконецъ Марковъ родъ убиваетъ одного изъ Мехмедичей; кровь удовлетворена: это называется «крв за крв», и одинъ родъ уже не въ долгу у другаго въ кровной мести. Но нѣкоторые родичи Марка не довольствуются тѣмъ, продолжаютъ мстить Мехмедову роду и убиваютъ еще одного изъ его членовъ. Тогда уже Маркова фамилія должна одну кровь Мехмедовой, то-есть одинъ изъ ея членовъ долженъ погибнуть. Месть растетъ и продолжается до тѣхъ поръ, пока не помирятся между собою *крвници*; а это совершается обыкновенно или чрезъ кумовство или чрезъ побратимство, утверждаемыя извѣстными обрядами. Когда арнаутъ-католикъ или арнаутъ-мусульманинъ заключаетъ побратимство съ сербомъ, то они, послѣ обычныхъ «соли, хлѣба и питья», разрѣзаютъ себѣ ладони, изъ коихъ брызнетъ кровь; православный сербъ лизнетъ крови съ мусульманской или католической ладони, а мусульманинъ или католикъ съ православной. Такой обрядъ считается самою твердою связью, скрѣпляющею побратимство, которое уже ничто не можетъ нарушить. Родичи такихъ побратимовъ считаются

даже состоящими въ родствѣ между собою; а если такое родство установилось между двумя сербскими фамиліями, тогда между членами ихъ уже не могутъ быть заключаемы браки.

Кровь опредѣляется по ранамъ убитаго: если убьютъ кого изъ ружья, то считается одна кровь; если убьютъ изъ ружья и ударятъ ножемъ — двѣ крови; если убьютъ изъ ружья и отсѣкутъ убитому голову ножомъ, тогда считаются три крови. Когда убійство совершено при помощи ножа, тогда за каждую рану полагаютъ одну кровь. Но въ Ипекской нахіи считается униженіемъ ударить мертваго человѣка ножомъ. Если же кого либо только ранятъ, а не убьютъ, то такая рана равняется лишь половинѣ крови и обыкновенно вознаграждается деньгами.

Во все время, пока кровная месть не удовлетворена, подлежащій ей остерегается встрѣчаться съ членами обиженной имъ семьи: онъ или уходитъ въ другое село, или поступаетъ въ разбойничьи шайки. Но большая часть людей, проливших кровь, убѣгаютъ въ сосѣднія села къ своимъ пріятелямъ, у которыхъ живутъ и которые ихъ охраняютъ. Подлежащій мести можетъ искать *бесу* (вѣру, честное слово) отъ той семьи, которой онъ долженъ кровь, въ томъ, что его въ теченіе извѣстнаго времени не убьютъ. Для того онъ посылаетъ кого либо изъ знакомыхъ къ своимъ противникамъ просить, чтобы ему дали *бесу* на 15, 20, 30 дней и въ очень рѣдкихъ случаяхъ на годъ. Когда обиженная семья дастъ *бесу*, тогда подлежащій мести можетъ идти всюду, куда ни захочетъ — и вполнѣ увѣренъ, что его не убьютъ въ теченіе всего времени, на которое простирается *беса*: во все это время онъ находится подъ покровительствомъ того лица, которое вело переговоры о *бесѣ*. Если бы онъ былъ убитъ въ это время, то за него явился бы мстителемъ испросившій *бесу*. Мало того: подлежащій мести можетъ во время *бесы* приходить даже въ домъ одного изъ членовъ, коего онъ убилъ и которому онъ состоитъ должникомъ по крови; онъ дѣлаетъ это безъ всякаго страха, ибо твердо убѣжденъ, что никто не рѣшится нарушить данное ему слово. Въ это время его встрѣчаютъ въ обиженномъ домѣ какъ человѣка, котораго должны всѣ охранять. Но когда срокъ *бесы* кончился и не послѣдовало согласія на продолженіе его, то кончается и покровительство «крвнику» со стороны испросившаго *бесу*. Рѣдко даютъ согласіе на продолженіе установленнаго при первыхъ переговорахъ срока. Я самъ присутствовалъ при такомъ отказѣ: «Доста е било три месеце» сказано было въ отвѣтъ искавшему новой *бесы*.

Есть еще одинъ видъ кровной мести. Если кто либо застанетъ другого въ близкихъ сношеніяхъ съ своей женой и убьетъ на мѣстѣ обоихъ виновныхъ, то кровь убитаго мужчины оплачивается половинною цѣною; но родичи убитаго очень часто вовсе не ищутъ крови, говоря: «если бъ былъ почтенный человѣкъ, то не искалъ бы чужой жены», и не берутъ

денегъ. Родственницы убитой женщины говорятъ: собака была, за-то и убита. Онѣ даже стараются устроить свадьбу убійцы съ другою женщиной.

Бываютъ иногда случаи, когда небольшія семьи прощаютъ кровь: онѣ дѣлаютъ такъ потому, что кровная месть можетъ совсѣмъ извести малую семью.

Самые страшные размѣры принимаетъ кровная месть, когда кровь лежетъ между двумя большими арнаутскими *фисами* (родами, колѣнами); тогда въ одинъ день могутъ погибнуть отъ пятидесяти до шестидесяти человѣкъ съ обѣихъ сторонъ, и нерѣдко власти принуждены бываютъ разогнать враждующихъ при помощи войскъ. У православныхъ встрѣчается, что жертвою кровной мести падаютъ не только родичи убійцы, но и тѣ, которые славятъ съ нимъ одно *крестное имя*, то-есть имѣютъ съ нимъ одного патрона. Иногда кровная месть продолжается нѣсколько лѣтъ.

Если кто принесетъ жалобу суду на то̀, что одинъ изъ его родичей погибъ, то судъ беретъ съ него *бесу* въ томъ, что онъ не будетъ мстить, обѣщая разобрать его тяжбу по законамъ. Нарушить въ такомъ случаѣ «бесу» нельзя, ибо судъ строго покараетъ за-то. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ суду только горожане.

«Крвина» обыкновенно возникаетъ изъ за дѣвицъ, изъ за личныхъ оскорбленій во время споровъ, или при поимкѣ въ кражѣ, рѣдко въ пьянствѣ, а всего чаще во время игрищъ.

У арнаутовъ бываетъ, что одинъ заплатилъ другому за кровь, но все-таки оба пользуются первымъ случаемъ, чтобы воротить «кровь за кровь»; сербы же твердо держатся однажды данной *бесы*.

Страшное впечатлѣніе производятъ на чужаго человѣка въ этихъ странахъ слова: «дужан е крв» (долженъ кровь).

Нилъ Поповъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

I.

МОЖЕТЪ БЫТЬ.

Да, можетъ быть, что жизнь идетъ впередъ,
И можетъ быть что сдѣлано — то нужно?
Шумитъ, работаетъ, надѣется народъ,
Ихъ мелочь — радуетъ, имъ помнить недосужно!
А все-же холодно и сиротно кругомъ
Въ широкой жизни кажущейся сномъ,
И чуется сквозь шумъ безумнаго движенья
Глубокое проклятье запустѣнья;
И страшенъ вѣчный, тающій миражъ
Успѣховъ гибнущихъ въ неловкихъ перемѣнахъ,
Семействъ пропавшихъ на вторыхъ колѣнахъ,
Людей потратившихъ мечты свои на блажь.

Но творчество идетъ различными путями...
Борьба не только тамъ, гдѣ блещутъ лезвѣями,
А тамъ гдѣ молча, будто въ забытьи,
Жизнь, какъ родильница, встрѣчаетъ боль слезами,
И силится словить поблёкшими губами
Живого воздуха лѣнивыя струи.

II.

НА ГОРНОМЪ ЛЕДНИКѢ.

Въ ясномъ небѣ поднимаются твердыни
Льдомъ украшенныхъ, порфировыхъ утёсовъ,
Прорѣзаютъ нѣдра голубой пустыни
Смѣлые изломы ихъ откосовъ.

Утромъ прежде всѣхъ другихъ они алѣютъ,
Позже прочихъ къ ночи погасаютъ,
Никакія тѣни ихъ покрыть не смѣютъ
Надъ собою выше никого они не знаютъ.

Развѣ туча дастъ порою имъ напиться,
И спѣшитъ пройти разорванная мимо;
Пьютъ утесы смерть свою невозмутимо
И не могутъ отъ нея отворотиться.

Образъ смерти! нѣтъ у насъ другого,
Чтобы выше поднялся надъ міромъ,
И царилъ, одѣтый розовымъ порфиромъ,
Въ бармахъ и въ коронѣ снѣга золотого.

III.

ПРО СТАРЫЕ ГОДЫ.

Не смѣйся надъ пѣснею старой
Съ напѣвомъ ея немудрёнымъ,
Служившей завѣтною чарой
Отцамъ нашимъ, нѣжно влюблённымъ!

Не смѣйся стихамъ мадригаловъ,
Топорщенью фижмъ и манжетовъ,
Вихрамъ боевыхъ генераловъ
Качавшимся въ ладъ минуэтовъ!

Надъ смысломъ альбомовъ старинныхъ
Съ пучками волосъ неизвѣстныхъ,
Съ собраніемъ шалостей чинныхъ,
Забавныхъ, но, въ сущности, честныхъ!

Не смѣйся! тѣ вещи служили,
Томили людей, подстрекали:
Отцы наши жили, любили
И матери насъ воспитали.

IV.

МИѲЪ.

И летитъ и клубится холодный туманъ,
Проскользая вдоль сосенъ и скалъ,
И встревоженный лѣсъ, какъ дышащій органъ,
На кореньяхъ скрипя заигралъ...

Отвѣчаетъ гора голосамъ облаковъ,
Каждый камень становится живъ...
И спокоенъ одинъ только — старецъ вѣковъ —
Въ той горѣ схоронившійся миѳъ.

Онъ въ кольчугѣ сидитъ, волосами обросъ,
Онъ отъ солнца въ ту гору бѣжалъ,
И желаетъ и ждётъ чтобы прежній хаосъ
На землѣ, какъ бывало, насталъ.

V.

РЕБЕНКУ.

Рано! рано! глаза свои снова закрой
И вернись къ неоконченнымъ снамъ:
Ночь, пришлецъ-великанъ, разлеглась надъ землёй,
Въ полѣ темень и мракъ по лѣсамъ.

Но когда — ждать не долго — часъ утра придетъ,
Обозначитъ и холмъ и межу,
Обрисуетъ лѣса — великанъ пропадетъ —
Я тебя разбужу, разбужу...

К. Случевскій.

О СНОШЕНІЯХЪ В. В. ГАНКИ

СЪ РОССІЙСКОЮ АКАДЕМІЕЮ И О ВЫЗОВѢ ЕГО ВЪ РОССІЮ.

Имя Вячеслава Вячеславовича Ганки (1791—1861) неразрывно связано съ судьбами чешской литературы и народности въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія. И не для однихъ только чеховъ дорого это почтенное имя: оно имѣетъ значеніе для всего славянскаго міра, для всѣхъ, занимающихся изученіемъ быта, исторической жизни и литературы различныхъ славянскихъ народовъ. Ганка былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ писателей, которые искренно стремились къ духовному общенію славянъ, будучи убѣждены въ необходимости этого общенія, и любя славянство всею силою своего ума и чувства. Чрезвычайно скромный отъ природы, рѣшительно неспособный рисоваться и щеголять фразами, Ганка говорилъ только то́, что чувствовала его душа, и потому его вѣра въ славянство была самою чистою, самою наивною и совершенно свободною и независимою. Въ этой-то чистотѣ и искренности и заключалась нравственная сила замѣчательнаго чешскаго писателя и тайна его вліянія на соплеменниковъ. Вышедшій изъ среды чешскаго простонародья, ни въ комъ и никогда не заискивавшій, и ни передъ кѣмъ не гнувшій ни шеи, ни совѣсти, Ганка пріобрѣлъ всеобщую извѣстность довѣріе и уваженіе. Относясь съ истинно-братскимъ чувствомъ къ представителямъ умственной дѣятельности у каждаго изъ славянскихъ народовъ, Ганка въ свою очередь пользовался вполнѣ заслуженнымъ вниманіемъ и пріязнью учоныхъ и писателей, посвятившихъ себя изученію славянства. Литературныя связи Ганки въ славянскомъ мірѣ были весьма обширны. Само собою разумѣется, что они простирались и на Россію, которая въ глазахъ славистовъ имѣла особенное значеніе, какъ единственная славянская держава, сохранившая свою политическую незави-

симость и права родного языка, и въ преподаваніи, и въ судѣ, и во внутреннемъ управленіи страны.

Первымъ изъ русскихъ писателей, завязавшимъ дѣятельныя сношенія съ славянскими учоными, былъ Шишковъ; первымъ учрежденіемъ, поддерживавшимъ эти сношенія, была — Россійская Академія. Въ 1820 году Россійская Академія, по предложенію Шишкова, присудила Ганкѣ серебряную медаль. Въ предложеніи своемъ Шишковъ говоритъ:

«Г. Ганка, издатель древнихъ чешскихъ пѣснопѣвій, помѣщенныхъ въ извѣстіяхъ Россійской Академіи подъ названіемъ «Краледворская Рукопись» прислалъ и нынѣ четыре книжки собранныхъ имъ на томъ-же языкѣ твореній. Трудолюбивое попеченіе о собираніи всего древняго по чешской словесности, толь близкой съ славянскимъ языкомъ, и присыланіе при письмахъ своихъ въ Россійскую Академію, достойны ея вниманія: а потому и почитаю я нужнымъ въ знакъ признательности и одобренія дать Г. Ганкѣ серебряную медаль.»

Въ качествѣ президента Россійской Академіи Шишковъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы совокупными трудами академиковъ осуществить свою завѣтную мысль — составить славяно-русскій словарь, въ который вошли бы какъ всѣ русскія слова, такъ и тѣ слова чисто-славянскаго корня, которыя, употребляясь въ другихъ славянскихъ языкахъ, могли быть введены и въ русскій языкъ, съ цѣлью замѣнить собою ненавистныя для Шишкова иностранныя реченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шишковъ считалъ необходимымъ учрежденіе славянской библіотеки, въ которую стекались бы всѣ произведенія славянской печати, по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, и которая заключала бы въ себѣ всѣ данныя для изученія литературной производительности и умственной дѣятельности славянскаго міра Поддержаніе правильныхъ и постоянныхъ сношеній съ учоными и писателями, живущими въ различныхъ краяхъ славянскаго міра, было также предметомъ настойчивой заботливости со стороны Шишкова. Для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей, то-есть для составленія словаря, устройства славянской библіотеки и сношеній съ славянскими учоными, Россійская Академія, по предложенію своего президента, постановила пригласить въ Петербургъ Ганку, Шафарика и Челяковскаго. Переписка по этому дѣлу ведена была частію самимъ Шишковымъ, частію академикомъ П. И Кеппеномъ.

Въ собраніи Россійской Академіи 23 ноября 1829 года читано было слѣдующее предложеніе Шишкова:

«Въ числѣ главнѣйшихъ обязанностей сей Академіи, опредѣленныхъ Уставомъ ея, заключаются: 1) Составленіе общаго словаря языка и 2) Изслѣдованіе корней и происшедшихъ отъ нихъ вѣтвей. Послѣ неоднократныхъ разсужденій о приведеніи сихъ статей въ исполненіе, мы остаемся въ полномъ убѣжденіи, что ни настоящаго знаменованія словъ, ни начала происхожденія ихъ мы не можемъ

опредѣлить основательно безъ помощи прочихъ словенскихъ нарѣчій, безъ внимательнаго обозрѣнія, или, лучше сказать, безъ сличенія и свода всѣхъ ихъ. Тѣмъ менѣе открывается удобности при недостаткѣ сихъ пособій составить полный словарь языка нашего, въ который, какъ мы прежде говорили, должны по всей справедливости войти изъ другихъ словенскихъ нарѣчій такія слова, которыя суть чистыя словенскія, но въ нашемъ нарѣчіи непридуманныя, и вмѣсто которыхъ употребляемъ мы иностранныя реченія. Для сихъ и для другихъ многихъ причинъ необходимо имѣть достаточное свѣдѣніе о всѣхъ составляющихъ словенскій языкъ нарѣчіяхъ, какъ-то: о польскомъ, богемскомъ, сербскомъ, краинскомъ, словакскомъ и прочихъ; знать о сочиненныхъ и сочиняемыхъ на оныхъ книгахъ, вести о томъ переписку съ учонѣйшими изъ писателей на сихъ нарѣчіяхъ и получать извѣстія, какъ о ходѣ ихъ языковъ, толь сходныхъ съ нашимъ, такъ и объ историческихъ съ сими народами произшествіяхъ.

«Для достиженія столь полезной цѣли и для постановленія прочнаго основанія предполагаемымъ Академіею занятіямъ, почитаю необходимымъ два средства: 1) Составить при Академіи сколь можно болѣе полное собраніе книгъ достойныхъ примѣчанія изъ числа изданныхъ на всѣхъ словенскихъ нарѣчіяхъ и присовокупить къ нимъ, какъ подлинныя любопытнѣйшія изъ словенскихъ рукописей, которыя пріобрѣсть можно будетъ, такъ и списки съ прочихъ сего рода памятниковъ древней словенской словесности. 2) Пріискать людей, которые при надлежащей учоности имѣли бы основательныя свѣдѣнія въ большей части словенскихъ нарѣчій, и поручить имъ составленіе общаго словаря сихъ нарѣчій, пріобщивъ къ нимъ для таковаго занятія одного или двухъ членовъ Академіи. Сіи же самые учоные могли бы весьма много содѣйствовать въ выборѣ книгъ и рукописей словенскихъ, въ перепискѣ съ извѣстнѣйшими словенскими писателями, какъ по сей, такъ и по другимъ частямъ, и вмѣстѣ быть книгохранителями предполагаемой при Академіи словенской библіотеки.

«Первое изъ сихъ средствъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій, поелику Императорская Россійская Академія великодушіемъ и щедротами монарховъ своихъ обильно надѣлена способами существованія, и единовременный расходъ отъ 30 до 40 тысячъ рублей на заведеніе словенскаго книгохранилища, равно какъ ежегодная издержка на пополненіе онаго отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей, могутъ безъ всякаго неудобства быть произведены изъ хозяйственныхъ суммъ Академіи.

«Что касается до избранія искусныхъ и опытныхъ въ употребленіи словенскихъ нарѣчій словесниковъ, то не имѣя въ виду изъ извѣстныхъ писателей въ отечествѣ нашемъ такихъ, которые бы съ требуемыми свѣдѣніями желали посвятить время и способности свои на вышеизъясненный трудъ, я поручалъ снестись о семъ съ пользующимися уваженіемъ

иноземными словенскими писателями, и изъ отзывовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не безъ основательности полагать можно, что они согласятся на умѣренныхъ условіяхъ прибыть въ Россію и принять на себя вышеозначенныя при Императорской Россійской Академіи обязанности. Первый изъ нихъ есть г. Ганка, состоящій библіотекаремъ при Чешскомъ (Богемскомъ) народномъ Музеумѣ. Открытія его по части отечественныхъ древностей обратили на себя вниманіе учонаго свѣта и труды его въ пользу богемскаго языка, какъ въ историческомъ и филологическомъ, такъ наипаче въ грамматическомъ отношеніи, заслуживаютъ неоспоримое уваженіе. Другой, докторъ философіи Шафарикъ, написалъ извѣстную исторію словенскаго языка и словесности по всѣмъ онаго нарѣчіямъ. Онъ былъ уже директоромъ сербской гимназіи въ Новомъ Садѣ (Neu Satz), что въ Венгріи, и теперь продолжаетъ съ честію служеніе при той же гимназіи въ званіи профессора піитики. Наконецъ третій, г. Челаковскій, частный учоный въ Прагѣ, хотя и извѣстенъ болѣе по произведеніямъ въ родѣ изящной словесности, нежели по учонымъ въ словенскомъ языкѣ изысканіямъ, однако г. Ганка, коего свидѣтельство представляетъ достаточную благонадежность, отзывается о семъ писателѣ, что онъ занимался словенскимъ языкомъ по всѣмъ его нарѣчіямъ, и съ пользою могъ бы быть профессоромъ по сей части.

«Относительно къ главнымъ условіямъ вызыва ихъ, я полагалъ бы съ своей стороны справедливымъ: 1) Гг. Ганкѣ и Шаффарику назначить жалованья по 4000 рублей, а г. Челаковскому 3000 рублей въ годъ изъ хозяйственныхъ суммъ Академіи. 2) Первымъ двумъ даровать въ отношеніи къ чинамъ и пенсіонамъ одинаковое право съ ординарными, а послѣднему съ экстраординарными профессорами университетовъ, считая ихъ въ дѣйствительной службѣ со времени прибытія въ Россію; и наконецъ 3) назначить, по сношенію съ ними, достаточную сумму на переѣздъ ихъ изъ за границы въ С.-Петербургъ. Предоставляя все сіе предварительному соображенію Императорской Россійской Академіи, нужнымъ почитаю присовокупить, что въ случаѣ согласія ея на всѣ вышеизъясненныя мѣры, я буду имѣть счастіе о приведеніи оныхъ въ исполненіе испрашивать Высочайшее Государя Императора соизволеніе.»

Предложеніе Шишкова о вызовѣ въ Россію славянскихъ учоныхъ было единогласно одобрено, и на академика Кеппена возложено было извѣстить объ этомъ Ганку, Шафарика и Челяковскаго. Вслѣдствіе постановленія Россійской Академіи, П. И. Кеппенъ послалъ Ганкѣ, въ февралѣ 1830 года, письмо такого содержанія:

«По лестному для меня порученію Императорской Россійской Академіи, обращаюсь къ вамъ М. Г. для изложенія тѣхъ условій, на коихъ Академія нынѣ желала бы видѣть васъ въ числѣ сотрудниковъ. Къ главнымъ предметамъ занятій Россійской Академіи должно принадлежать составленіе общаго словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій, доколѣ таковые поныне

извѣстны. Желая въ полной мѣрѣ исполнить въ семъ отношеніи требованія ученаго свѣта, то-есть дать таковому словарю возможную полноту и совершенство, Академія рѣшилась къ участію въ семъ трудѣ пригласить нѣкоторыхъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ славянскихъ языковъ и нарѣчій, которые бы, переселившись въ С.-Петербургъ, могли занять мѣста книгохранителей при вновь учредиться имѣющей славянской библіотекѣ сей Академіи, и вообще содѣйствовать къ достиженію и другихъ еще намѣреній по части словесности.

«Въ семъ случаѣ Императорская Академія обратила и на васъ, М. Г. особенное свое вниманіе, соглашаясь производить вамъ изъ суммъ своихъ 4,000 рублей въ годъ, если вы рѣшитесь, обще съ другими учеными, принять на себя вышеписанныя обязанности и для исполненія оныхъ переселитесь въ Россію. Касательно предназначаемыхъ вамъ выгодъ по службѣ, равно какъ и въ отношеніи къ правамъ на полученіе пенсіона, имѣю честь приложить при семъ особую записку, за скрѣпою секретаря Академіи. Долгомъ считаю присовокупить еще, что на путевыя издержки Академія назначаетъ вамъ, М. Г., 100 червонцевъ; самая же служба и производство жалованья начались бы со дня вашего прибытія въ предѣлы Россійской Имперіи.

«Ласкаю себя надеждою, что вамъ, М. Г. не безвыгодно будетъ согласиться на предложеніе Императорской Россійской Академіи, я покорнѣйше прошу о согласіи вашемъ донести непосредственно его высокопревосходительству г-ну президенту оной, коего полный адресъ при семъ прилагаю, меня же о послѣдствіи прошу почтить благосклоннымъ увѣдомленіемъ.»

Служебныя права и преимущества, предложенныя славянскимъ ученымъ, заключались въ слѣдующемъ:

1) По прибытіи въ Россію и со вступленіемъ въ службу Императорской Россійской Академіи, предоставляется Г. Ганкѣ седьмой классъ въ порядкѣ гражданскихъ чиновниковъ, или чинъ надворнаго совѣтника. Дальнѣйшее производство въ чины имѣетъ быть на основаніи общихъ государственныхъ законовъ.

2) Послѣ двадцатипятилѣтняго, безпорочнаго и усерднаго служенія, если Г. Ганка пожелаетъ оставить свое мѣсто, годовой окладъ его жалованья обращается ему въ пожизненную пенсію, которою можетъ пользоваться, жительствуя гдѣ заблагоразсудитъ въ государствѣ или внѣ онаго.

3) Ежели во время дѣйствительной службы Г. Ганка, по засвидѣтельствованію Академіи, окажется одержимъ неизлѣчимою болѣзнію, отъемлющую ему исправлять свою должность, то имѣетъ получать половину годоваго оклада въ пенсію.

4) Если Г. Ганка, усердно прослуживъ при Академіи отъ пяти до пятнадцати лѣтъ, умретъ, оставя по себѣ жену или дѣтей, то сверхъ единовременной выдачи имъ годоваго его жалованья, назначается вдовѣ съ дѣтьми пятая онаго доля въ пенсію.

5) Если же, прослуживъ болѣе пятнадцати лѣтъ, скончаетъ жизнь свою, въ такомъ случаѣ женѣ съ дѣтьми сверхъ единовременной выдачи годоваго жалованья обращается въ пенсію четвертая онаго доля.

6) За службу менѣе пяти лѣтъ, при тѣхъ же впрочемъ обстоятельствахъ вдовѣ и дѣтямъ выдается единожды годовое жалованье умершаго.

Примѣчаніе. Когда вдова вступаетъ въ новый бракъ, то пенсія производится дѣтямъ, и прекращается тогда, когда послѣднему изъ нихъ исполнится двадцать одинъ годъ, или когда и прежде дочери выйдутъ въ замужество, а сыновья опредѣлены будутъ въ службу.

Долго не получалось отвѣта отъ славянскихъ ученыхъ. Въ концѣ ноября 1830 года, въ собраніи Россійской Академіи почетный членъ академіи фонъ-Гецъ прочиталъ письмо Шафарика къ президенту россійской академіи отъ 10 ноября 1830 года: въ этомъ письмѣ Шафарикъ изъявляетъ согласіе свое переселиться въ Россію, на условіяхъ, предложенныхъ Россійскою Академіею, и проситъ отсрочить отъѣздъ свой изъ Нейзаца до осени 1831 года. Дать отвѣтъ Шафарику принялъ на себя президентъ академіи Шишковъ.

«23 апрѣля 1832 года въ собраніи Россійской Академіи слушано:

Письмо къ Г. Президенту Академіи Его Высокопревосходительству Александру Семеновичу Шишкову отъ Павла Іосифа Шаффарика изъ Нейзаца отъ 5 марта (апрѣля) (sic) сего 1832 года, въ которомъ пишетъ, что онъ, оставаясь въ твердомъ намѣреніи послѣдовать приглашенію Императорской Россійской Академіи, готовъ отправиться въ С.-Петербургъ весною въ 1833 году, и будетъ ожидать отзыва отъ Его Высокопревосходительства, благоугодно ли будетъ Академіи принять срокъ, который онъ назначаетъ для своего отъѣзда. Сверхъ сего Г. Шаффарикъ увѣдомляетъ что: 1) Въ типографіи Офенскаго университета находится рукописный Иллирійскій Словарь, который, вѣроятно, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ книгъ, останется не напечатаннымъ. 2) Въ нынѣшнемъ 1832 году изданы а) А. Г. Муркомъ для вендовъ теоретическо-практическая славянская грамматика въ 8 долю листа, б) Славянско-нѣмецкій словарь, печат. въ Грецѣ 1832 года, и в) Урбана-Ярника этимологическій вендскій словарь, 1832 года. Г. президентомъ и собраніемъ положено 1) сообщить Г. Шаффарику чрезъ секретаря Академіи, что ежели какія-либо особыя причины и обстоятельства заставятъ его оставить мѣсто и должность, нынѣ занимаемыя имъ въ Найзацѣ, то Академія хотя и предоставляетъ его волѣ поѣздку въ С.-Петербургъ, однако жь не можетъ не принять въ разсужденіе, что главнѣйшая цѣль сдѣланнаго ею приглашенія, какъ ему, г. Шаффарику, такъ и гг. *Ганкѣ и Челяковскому (которые повидимому отмѣнили намѣреніе свое ѣхать въ С.-Петербургъ)* состояло въ томъ, чтобы сочинить общій и полный словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій поннынѣ извѣстныхъ — подвигъ, требующій продолжительнаго времени, многихъ сотрудниковъ, искусныхъ въ знаніи славянскихъ

нарѣчій и пособій, неотдаленныхъ, но мѣстныхъ и сподручныхъ; Академія же не имѣетъ не только достаточныхъ по сему предмету книгъ, но и зданія, въ которомъ бы могла быть помѣщена славянская библіотека. Сіи причины побуждаютъ Академію полагать, что г. Шаффарикъ, и не оставляя нынѣшней своей должности и мѣстопребыванія въ Найзацѣ, можетъ заняться означеннымъ выше предметомъ гораздо съ большею пользою и удобностію, нежели въ С.-Петербургѣ, ибо можетъ имѣть близкое и всегдашнее сношеніе съ учоными людьми, упражняющимися въ словесности славянскихъ языковъ, и удобнѣе пользоваться книгами на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ писанными, въ которыхъ библіотека академическая имѣетъ большой недостатокъ. Труды свои по сей части можетъ онъ присылать, по мѣрѣ успѣха, въ Академію Россійскую, которая въ непремѣнную поставитъ себѣ обязанность дѣлать ему соразмѣрное за то вознагражденіе.»

Переселеніе Ганки въ Петербургъ не состоялось, но сношенія съ Россійскою Академіею не прекратились, и состояли преимущественно изъ посылки славянскихъ книгъ. Въ 1820 году академія съ признательностію заявляла о полученіи отъ Ганки любопытныхъ и важныхъ памятниковъ славянской письменности. Въ 1836 году присланы Ганкою въ Россійскую Академію слѣдующія книги:

1) «Моравскія народныя пѣсни».
2) «Vetustissima vocabularia latino-boemica».
3) «Правопись чешская».
4) Этимологиконъ.
5) «Новое изданіе Краледворской Рукописи», и т. д.

Въ академическомъ собраніи 11 апрѣля 1836 года опредѣлено: «Въ засвидѣтельствованіе, что Россійская Академія уважаетъ полезные труды по части славянской словесности вообще, и обращаетъ на то свое вниманіе, наградить гг. Копитара, Шафарика и Ганку золотыми медалями средней величины.» Опредѣленіе это подписано всѣми присутствовавшими членами, за исключеніемъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго *).

Въ 1840 году петербургская Академія Наукъ избрала Ганку членомъ-корреспондентомъ по разряду литературы славянскихъ народовъ и исторіи литературы.

Какъ ни лестны были для Ганки знаки вниманія и пріязни, получаемые имъ изъ Россіи, какъ ни радовало его признаніе русскими заслугъ своего соплеменника, посвятившаго себя изученію славянства, сочувствію Ганки къ Россіи суждено было выдержать испытаніе весьма тяжкое и совершенно незаслуженное. Недруги Россіи и славянскаго пле-

*) Дневныя записки собраній Россійской Академіи: 16 октября 1820 года, № 38, 23 ноября 1829 года, № 42, 1 февраля 1830 года, № 5, 29 ноября 1830 года, № 45, 23 апрѣля 1832 года, № 14, 11 апрѣля 1836 года, № 11.

мени вообще пытались исказить чистый, безупречный образъ мыслей и дѣйствій Ганки, и ни въ чемъ неповинному писателю пришлось пережить не мало горькихъ минутъ за свою любовь къ Россіи, какъ представительницы славянскаго міра.

Поводомъ къ навѣтамъ послужила надѣлавшая много шума исторія Челяковскаго, по случаю отзыва его о рѣчи императора Николая. Въ октябрѣ 1835 года императоръ Николай I произнесъвъ Варшавѣ извѣстную рѣчь, которая разошлась по европейскимъ столицамъ во множествѣ списковъ, и возбудила множество толковъ. Когда она появилась въ печати въ «Journal des Débats», редакція этой газеты осыпала рѣчь самыми ѣдкими укоризнами. Въ отвѣтъ на это императоръ Николай приказалъ перепечатать въ «Journal de St. Pétersbourg» какъ свою рѣчь, такъ и нападки на нее со стороны французской газеты *). Изъ той же французской газеты, «Journal des Débats» была рѣчь императора Николая заимствована офиціальною газетою «Pražské Nowiny» («Пражскія Новости»). Редакторомъ ея былъ въ то время чешскій писатель Челяковскій. Помѣщая рѣчь, Челяковскій выразился о ней весьма несочувственно и рѣзко, и за свои двѣ или три строки лишонъ былъ не только редакторства, но и профессуры, которую занималъ въ Пражскомъ университетѣ. Въ № 92 «Пражскихъ Новинъ», вышедшемъ 26-го ноября 1835 года, находятся злополучныя для Челяковскаго строки, а въ № 98, вышедшемъ 17-го декабря 1835 года, въ послѣдній разъ встрѣчается имя Челяковскаго, какъ редактора.

Кто же былъ причиною бѣды, разразившейся надъ Челяковскимъ? Такой вопросъ невольно задавали себѣ многіе при первомъ извѣстіи о случившемся. Тогда-то кѣмъ-то пущены были темные слухи о томъ, что «русофилъ» Ганка увѣдомилъ объ отзывѣ Челяковскаго русскаго посланника въ Вѣнѣ, Д. П. Татищева, который и сдѣлалъ оффиціальное заявленіе австрійскому правительству. Никто не хотѣлъ вѣрить недоброму слуху; всѣ были убѣждены, что *Ганка* и *доносъ* — два понятія совершенно несовмѣстимыя. Даже лицо пострадавшее, самъ Челяковскій, разсказывая впослѣдствіи о приключившейся съ нимъ бѣдѣ, ни единымъ словомъ, ни единымъ намекомъ не обвинялъ Ганки. Это подтверждаетъ и профессоръ И. И. Срезневскій, близко знавшій Челяковскаго, бравшій у него уроки чешскаго языка, во время пребыванія своего въ Прагѣ, и слышавшій разсказъ обо всей катастрофѣ изъ устъ самого Челяковскаго. Тѣмъ не менѣе Ганкѣ нанесёнъ былъ тяжкій ударъ, и многіе были увѣрены, что оскорбительная выходка пущена въ ходъ не спроста. Очернить Ганку въ глазахъ чешскаго общества было очень и очень на руку людямъ, ненавидѣвшимъ славянство и старавшимся втихомолку вредить Россіи и ея приверженцамъ между западными славянами. Есть основаніе

*) Journal de Saint-Pétersbourg, 21 novembre (3 decembre) 1835, № 140. Extrait du Journal des Débats du 11 et du 13 novembre.

предполагать, что дѣло не обошлось безъ участія поборниковъ господствовавшей тогда въ Австріи системы, враждебной по отношенію къ славянской народности, и не брезгавшей никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей. По крайней мѣрѣ такъ думали въ то время многіе, и на подобную мысль наводятъ два обстоятельства, изъ которыхъ одно засвидѣтельствовано Челяковскимъ, а другое — Ганкою. Челяковскій положительно говоритъ, что его статья была предварительно прочитана и оффиціально одобрена къ напечатанію австрійскими властями *), а потому, казалось бы, значительная доля отвѣтственности должна была быть снята съ автора а между-тѣмъ его подвергли двойному наказанію. Допуская такую кару и взводя обвиненіе на другаго чешскаго писателя, враждебная славянамъ система поражала, хотя и различнымъ образомъ, двухъ замѣчательныхъ представителей чешской литературы и народности. Пражскій губернаторъ графъ Хотекъ, пригласивъ къ себѣ Ганку, имѣлъ съ нимъ продолжительное объясненіе и сказалъ, что Ганку обвиняютъ въ извѣтѣ русскому посланнику въ Вѣнѣ. Ганка возразилъ, что это — сущая клевета. Тогда Хотекъ прибѣгнулъ къ такого рода уловкѣ. Онъ сталъ увѣрять, что самъ Татищевъ письменно сообщилъ ему, что статья Челяковскаго доставлена въ русское посольство Ганкою. Какъ ни выносливъ былъ благодушный и незлобивый Ганка, но мѣра оскорбленія перешла всѣ границы, и онъ обратился къ Татищеву съ просьбою объяснить источникъ возмутительной для честнаго человѣка напраслины. Татищевъ отвѣчалъ Ганкѣ слѣдующимъ письмомъ отъ 3 (15) января 1836 года:

«Въ отвѣтъ на письмо ваше, на сихъ дняхъ мною полученное, нужнымъ почитаю извѣстить васъ, что сообщеніе той особы, съ коею вы имѣли свиданіе, есть совершенная выдумка, ибо я съ нею съ предавняго времени не имѣю никакой переписки, и вѣроятно оно сдѣлано съ намѣреніемъ развѣдать отъ васъ, отъ кого извѣстная статья, помѣщенная въ чешской газетѣ, дошла до моего свѣдѣнія. Я сожалѣю, что вы не разсудили отвѣчать откровенно, что къ таковому поступку съ вашей стороны не дали вы никакого повода, ибо я съ вами не имѣю переписки даже по отношенію къ вашимъ литературнымъ занятіямъ, столь извѣстнымъ въ учономъ свѣтѣ и столь чести вамъ приносящимъ. Газету пражскую я получаю, и языкъ чешскій разумѣю. Впрочемъ, если бы, сверхъ всякаго чаянія, стали на васъ имѣть подозрѣніе по вышеозначенному предмету, вы можете для вашего оправданія показать настоящее письмо кому слѣдуетъ» **).

---

*) Abhandlungen der königlichen böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Fünfter Folge neunter Band. Prag. 1857. Zivot a pusobeni Frantiska Ladislava Celakovského. Popisuje Ignac Jan Hanus. U Praze. 1855 стр. 39.

**) Подлинникъ этого письма находился у Ганки, который сообщилъ намъ какъ самое письмо, для снятія съ него копіи, такъ и многія подробности, относящіяся къ дѣлу Челяковскаго.

Что Татищевъ, бывшій тогда русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, зналъ чешскій языкъ настолько, что могъ безъ посторонней помощи читать чешскія книги и газеты, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Еще живя въ Россіи и будучи молодымъ человѣкомъ, Татищевъ интересовался языкомъ западныхъ славянъ. Татищевъ принадлежалъ къ числу образованныхъ и любознательныхъ людей своего времени, посвящая свои досуги занятіямъ русскимъ языкомъ и словесностью, и участвуя, въ качествѣ члена Россійской Академіи, въ составленіи словопроизводнаго словаря. Многіе изъ участниковъ въ этомъ почтенномъ трудѣ признавали необходимымъ, для объясненія русскихъ словъ и ихъ происхожденія, обращаться къ языкамъ другихъ народовъ славянскаго племени. Татищевъ избранъ былъ сперва въ пріобщники, а потомъ въ дѣйствительные члены Россійской Академіи. Когда дѣятельнымъ предсѣдателемъ Россійской Академіи, княгинею Дашковою, задумано было учрежденіе разсадника будущихъ академиковъ и выбрано нѣсколько лицъ, заявившихъ свою любовь къ наукѣ и литературѣ, въ числѣ ихъ находился и Татищевъ. Дашкова предложила избрать нѣсколькихъ «молодыхъ людей, оказавшихъ уже успѣхи въ отечественномъ языкѣ нашемъ» сотрудниками или «пріобщниками» Россійской Академіи, предоставивъ имъ право участія въ академическихъ собраніяхъ. 30-го октября 1792 года избранъ былъ пріобщникомъ Россійской Академіи Дмитрій Павловичъ Татищевъ, поручикъ гвардіи коннаго полка. Пріобщникъ, оказавшій усердіе и успѣхи въ общемъ трудѣ, могъ быть предлагаемъ въ дѣйствительные члены академіи. На этомъ основаніи «предсѣдатель академіи, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, предложила въ члены академіи пріобщника академіи, двора Ея Императорскаго Величества камеръ-юнкера и лейбъ-гвардіи коннаго полка поручика Дмитрія Павловича Татищева. Собраніе, отдавая должную справедливость прилежанію его и усердію, споспѣшествующему общимъ трудамъ академіи, единогласно сіе ея сіятельства предложеніе утвердило». 19-го февраля 1793 года Татищевъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи.

М. Сухомлиновъ.

МАХМУДУ ТРЕТЬЕМУ.

(ИЗЪ ФИРДУСИ.)

О, шахъ Махмудъ! отвѣтишь передъ Богомъ
За горькую насмѣшку надо мной!
Хотя и нищь, и въ рубищѣ убогомъ,
Но я еще помѣряюсь съ тобой!

Въ нежданной ты меня узнаешь встрѣчѣ —
На лезвіяхъ несокрушимой рѣчи,
На геніи, предъ коимъ сталь копья,
Какъ мягкій воскъ, какъ слабое дитя!

Ты слуху внялъ: въ моей душѣ къ Пророку,
Къ его Али родникъ любви изсякъ.
О, мудрый шахъ, ты разсудилъ не такъ!
Нѣтъ, я не сынъ соблазна и порока;
Въ борьбѣ съ тобой — я Бога грозный бичь,
Не агнецъ — левъ, алкающій добычь!

И я клянусь передъ главой вѣнчанной —
И въ вѣрѣ, и въ любви къ обоимъ! Да,
Я сохраню до страшнаго суда
Тѣ чувства къ нимъ — и будетъ мнѣ желанной
Моя судьба, какъ ни горька она!

И буду ль я слонами смятъ и псамъ,
Какъ ты грозилъ, на поруганье кинутъ,
Я и тогда въ любви къ моимъ отцамъ

Останусь твёрдъ; ее же не отнимутъ
Ни злая казнь, ни палачи твои:
Порукой я и словеса мои!

Пророкъ сказалъ — и вѣщему внимаю:
«Я вертоградъ Господень — и Али
Врата къ нему!» И ты, о умоляю,
Словамъ его съ любовію внемли!

Тогда — и лишь тогда — Махмудъ державный,
Безъ вѣры въ нихъ, едва былинкѣ равный,
Смогу тебя привесть къ Али вратамъ:
Зане, съ средой всѣхъ чистыхъ и избранныхъ,
Я припаду къ аллаховымъ стопамъ
Заступникомъ за сто головъ вѣнчанныхъ.

Считаешь ли меня своимъ ягнёнкомъ,
Игрушкою, своимъ ручнымъ орлёнкомъ?
Иль о грозѣ моихъ душевныхъ силъ,
О молніяхъ поэта, позабылъ?
Фирдуси я, поэтъ изъ Туса родомъ,
Всѣхъ чистыхъ другъ, тепло и свѣтъ народа!

Да будетъ же теперь извѣстно всѣмъ,
Отъ нищихъ до царей и богдыхана,
Что хроника властителей Ирана
Мной писана не для Махмуда; нѣмъ
Остался бъ я, безъ вѣры вдохновенной,
Мнѣ посланной пророкомъ и Али;
И къ нимъ-то я горѣлъ огнёмъ священнымъ,
Когда я пѣлъ властителей земли.

Бѣдна жъ она была, утроба свѣта,
Чтобы родить мнѣ равнаго поэта —
И вняли мнѣ народы и цари,
А ты, Махмудъ, въ ихъ памяти умри!

А. Струговщиковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ОСАДѢ
СЕВАСТОПОЛЯ.

Чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ славной защиты Севастополя отечество воздвигло падшимъ въ немъ героямъ достойный ихъ памятникъ. На общей ихъ могилѣ построена великолѣпная церковь, въ видѣ увѣнчанной крестомъ пирамиды, остроконечная вершина которой возносится къ небу. Надгробная мозаичная плита — основаніе пирамиды — служитъ церковнымъ помостомъ. Что же касается великолѣпной внутренней отдѣлки храма, въ строгомъ византійскомъ стилѣ, ея прекрасной живописи и надписей по стѣнамъ, являющихъ глазамъ молящагося длинный списокъ тѣхъ, прахъ которыхъ покоится подъ его ногами, то все это, взятое вмѣстѣ, наполняетъ душу какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ.

13-го сентября 1854 года со всѣхъ военныхъ судовъ, находившихся тогда въ севастопольскомъ портѣ, весь десантъ былъ высаженъ на берегъ и раздѣленъ на баталіоны. Такимъ образомъ, 13-е число стало знаменательнымъ днемъ въ лѣтописяхъ черноморскаго флота! Въ этотъ день, вступая на землю, храбрые защитники Севастополя внутренно клялись защищать городъ до послѣдней капли крови. И сколько нашихъ павшихъ товарищей доказало потомъ, какъ священна для нихъ была эта клятва! И теперь, при воспоминаніи объ нихъ, еще пробивается слеза въ глазахъ.

Первая мысль невольно останавливается на Корниловѣ. Онъ умеръ какъ герой, и смерть его для всѣхъ насъ послужила великимъ примѣромъ.

Какъ не благоговѣть предъ памятью Истомина и Юрковскаго, которые никогда не сходили съ Малахова кургана, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ требовали начальники? Послѣдній, какъ я слышалъ, даже не захотѣлъ проститься передъ вступленіемъ въ городъ съ семействомъ.

А Нахимовъ — слава Россіи, слава русскаго флота? Какъ близкій русскому сердцу, онъ стоитъ на ряду съ Суворовымъ — и имя его, какъ имя

Суворова, сдѣлалось народнымъ. «Батюшка Павелъ Степанычъ Севастополя не выдастъ», говорили матросы. «Батюшкѣ Павлу Степанычу только захотѣть — и онъ можетъ сейчасъ же ихъ выгнать; но не выгоняетъ потому только, что у него нравъ такой: хочетъ чтобы ни одинъ непріятель не ушолъ. Вотъ по этому-то онъ и строитъ теперь разныя ловушки; а когда все будетъ готово, то онъ ихъ по-синопски всѣхъ разомъ накроетъ и живьёмъ представитъ царю.»

Миръ праху вашему, герои! Почивайте подъ благословеніемъ Божіимъ! Благодарное отечество въ сердцѣ своемъ сохранитъ ваши имена!

Высадка началась 2-го сентября — и всѣ войска, занимавшія Севастополь, были выведены изъ города, по требованію главнокомандующаго, на позицію, за исключеніемъ нѣсколькихъ армейскихъ и ластовыхъ батальоновъ. Что же касается флотскихъ экипажей, то они продолжали еще оставаться на корабляхъ и фрегатахъ, за исключеніемъ стрѣлковыхъ партій, которыя, по приказанію князя Меншикова, также были отправлены на Альму. И такъ — Севастополь былъ почти безъ войска. Оставшіеся жители, по видимому, могли бы быть устрашены близостью столь многочисленнаго непріятеля. Ни чуть не бывало! Общая веселость продолжала царствовать въ городѣ, хотя общій тонъ и принялъ грозное направленіе, въ слѣдствіе чего эта веселость болѣе походила на презрѣніе къ наступающей опасности. Даже бабы на рынкѣ, торгуя своимъ товаромъ, смѣялись и грозили непріятелю въ случаѣ его появленія. Можетъ-быть все это происходило отъ полнаго непониманія опасности, грозившей городу? Во всякомъ случаѣ, спокойствіе и порядокъ не нарушались: лавки были отперты, купцы оставались за прилавками и спокойно продолжали продавать свои товары.

Когда я шолъ по одному грязному переулку, среди котораго постоянно стояло озеро грязи отъ помоевъ, выливаемыхъ бабами, я замѣтилъ двухъ женщинъ съ подобранными юпками, которыя, выливая помои изъ огромной лахани, весело и со смѣхомъ говорили: «завтра, когда придётъ сюда французъ, мы его выкупаемъ въ этой лужѣ.»

Не смотря на это спокойствіе, предчувствіе, въ которомъ въ настоящее время не возможно дать себѣ отчета, казалось многимъ уже говорило, что здѣсь будетъ нѣчто необыкновенное, и потому въ городѣ ходили разныя предсказанія. Иногда распространялись толки про какую-то греческую книгу, будто предсказывавшую настоящія событія, писанную какимъ-то грекомъ во время взятія турками Константинополя. Зайдя въ одну лавку, я самъ слышалъ, какъ кто-то объяснялъ стоявшей вокругъ его толпѣ значеніе этой загадочной книги. «По здѣшнимъ улицамъ будутъ тѣчь рѣки крови», говорилъ онъ. «Одинъ капитанъ изъ грековъ переводитъ теперь эту книгу: тамъ всё это сказано». Такъ говорилъ народъ, толкуя по своему каждое событіе, будто бы въ ней написанное и касающееся Севастополя. Но эти предчувствія и предсказанія никого не тревожили — и всѣ съ нетерпѣ-

ніемъ ждали непріятельской встрѣчи. Потомъ ходили суевѣрные толки на счотъ видѣнной кометы, хвостомъ вверхъ: народное суевѣріе приписывало и этому явленію что-то необыкновенное.

Городъ былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи. Корниловъ, которому была поручена его защита, оставался въ немъ съ нѣсколькими батальонами. Въ военномъ совѣтѣ, который былъ имъ созванъ, сначала положили-было выйти въ море, но потомъ рѣшили не оставлять другимъ защиту своего родного города, и мужественно отразить непріятеля, или умереть среди роднаго пепелища.

12-го числа утромъ собралась толпа полюбоваться грустнымъ зрѣлищемъ: заграждали входъ на рейдъ, топили пять старыхъ кораблей и два фрегата. Больно было смотрѣть; матросы же не могли сдержать себя — и громко плакали. «Погибаютъ наши голубчики! пропадаютъ наши труды!» говорили они, всхлипывая.

Союзники, думая заняться обложеніемъ Севастополя, на пространствѣ отъ мыса Херсонеса до Чорной рѣчки, начали въ Балаклавѣ разгружать свои корабли. Наши между-тѣмъ строили и вооружали батареи на южной сторонѣ. Работа руководимая полковникомъ Тотлебеномъ, кипѣла — и Севастополь крѣпчалъ не по днямъ, а по часамъ. Всѣ адмиралы превратились въ работниковъ; а Корниловъ и Нахимовъ, обходя Севастополь по нѣсколько разъ въ день, своими словами и взглядами еще болѣе возвышали духъ севастопольскаго гарнизона. «Отступленія не будетъ», говорилъ Корниловъ. «Если я стану отступать — коли меня!» Въ короткое время, какъ изъ земли, выросли новыя батареи. Каждый день являлась новая батарея, причемъ каждый адмиралъ, каждый начальникъ дистанціи ревностно занимался укрѣпленіемъ ввѣреннаго ему пространства. Словомъ — Севастополь сталъ превращаться въ гиганта.

«Нашъ Севастополь будетъ второй Троей», говорили нѣкоторые. «Не достаетъ одной Елены». — «Наша Елена — наша слава. Враги пришли отнять её у насъ; но этому не бывать: она останется при своемъ Парисѣ — матушкѣ Россіи» — говорили другіе.

Съ увеличеніемъ силъ нашего гарнизона, начались наши знаменитыя ночныя вылазки. Эти вылазки доставили намъ много славы; но за-то отняли много героевъ. Вылазки эти — правда — замедляли нѣсколько ходъ непріятельскихъ работъ (напримѣръ, съ 29 на 30 сентября два морскихъ баталіона сожгли и разломали наши хутора, которые непріятель превратилъ-было въ засады для себя), но не смотря на всѣ наши усилія, работы эти кипѣли и непріятель съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда городъ падетъ къ его ногамъ, чего конечно, не дождался, такъ-какъ Севастополь не палъ предъ нимъ ницъ, а изчезъ съ лица земли, превратившись въ груду развалинъ.

Союзники, не смотря на сильный огонь съ нашихъ батарей, въ особенности 3-го и 4-го октября, вопреки вылазкамъ нашихъ охотниковъ, окон-

чили 4-го числа вооруженіе всѣхъ своихъ батарей, прорѣзали амбразуры и устроили погреба. На нашихъ батареяхъ, сооруженныхъ Тотлебеномъ на глазахъ непріятеля, курились фитили и сражающіеся были готовы на гибель отвѣчать гибелью. Наконецъ, наступило 5-е октября. Дѣло началось около шести часовъ утра. Вслѣдъ за французами, которые пустили съ своихъ батарей нѣсколько бомбъ, загремѣли всѣ орудія. Началась боевая музыка, засвистали ядра и бомбы затянули пѣсню; послѣднія, иногда не долетая до земли, съ шумомъ лопались въ воздухѣ; ихъ осколки тучами падали на землю, убивали людей, пробивали дома, а 96-и и 64-хъ фунтовыя ядра, ударившись въ землю, снова, точно гутаперчевыя, поднимались вверхъ, и, перелетѣвъ чрезъ наши головы рикошетомъ, или вырвавъ нѣсколько попавшихся имъ на встрѣчу жертвъ, падали на улицу, на площадь, или въ домъ, среди обезумѣвшаго отъ страха семейства. Казалось, разразился гнѣвъ Божій — и огромные куски метала, какъ дождь, падали на землю. И среди этого ужаса, презирая смерть, на Малаховомъ курганѣ, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, стоялъ священникъ и осѣнялъ сражавшихся крестнымъ знаменіемъ. Это былъ отецъ Іоаникій, іеромонахъ съ фрегата «Кулевчи». Геройство въ этотъ день, какъ электрическимъ ударомъ, потрясло весь гарнизонъ. На всѣхъ лицахъ было написано: «жизнь или смерть». Даже арестанты, выпущенные Корниловымъ, являли величайшій примѣръ самоотверженія. Одинъ изъ нихъ былъ за комендора, и когда его пришли смѣнять, то онъ сказалъ, что только ядро его смѣнитъ — и дѣйствительно ядро оторвало ему голову.

Многія женщины, не ожидавшія ничего подобнаго, были сильно перепуганы, такъ-что не знали что дѣлать и метались изъ стороны въ сторону; другія же прижимали грудныхъ дѣтей къ груди, думая этимъ спасти ихъ отъ смертоноснаго снаряда; но это волненіе продолжалось всего одинъ день. На другой день онѣ уже спокойно продолжали жить въ хатахъ, готовя тамъ скудный обѣдъ мужьямъ или братьямъ; а потомъ, во все время осады, мы ихъ видѣли на рынкѣ, беззаботно продающими свои домашнія произведенія.

Въ 12 часовъ подошли къ нашимъ батареямъ непріятельскіе корабли. Стрѣляя залпами, они, казалось, не хотѣли оставить камня на камнѣ. Отъ выстрѣловъ все было застлано дымомъ и, стоя въ этомъ непроницаемомъ туманѣ, можно было подумать, что находишься среди огромной мастерской, гдѣ дѣйствуютъ гигантскіе молоты. Казалось, сама природа содрагалась и съ ужасомъ смотрѣла на эту борьбу. Вѣтеръ утихъ и пороховой дымъ разстилался надъ нами какъ саванъ; а подъ этимъ саваномъ разыгрывалась кровавая драма — и арестанты спокойно ходили подъ нимъ съ носилками, на которыхъ лежали убитые и раненые.

— Вотъ, братцы, прямое христіанское дѣло, сказалъ одинъ изъ нихъ. Вѣдь, посмотри, ни одного изъ насъ до-сихъ-поръ не убило.

— Извѣстное дѣло! сказалъ другой: — Богъ видитъ, что мы носимъ за Него же убитыхъ, такъ ядра-то въ насъ и не попадаютъ.

При началѣ бомбардированія многіе жители оставили городъ; но отъ промысла Божія никуда не скроешься. Между оставившими Севастополь былъ одинъ священникъ. Онъ, вмѣстѣ съ женой, хотѣлъ укрыться въ безопасное мѣсто — и отправился въ Симферополь; но къ вечеру у нихъ у обоихъ сдѣлалась холера — и они умерли. Напротивъ, отецъ Веніаминъ, съ фрегата «Коварна», на другой или на третій день бомбардированія города, съ крестомъ въ рукѣ обошолъ самыя опасныя мѣста, останавливаясь на тѣхъ, гдѣ ложились ядра, и посылая оттуда свое благословеніе — и вѣра спасла его: онъ остался живъ.

Одинъ офицеръ арестантскихъ ротъ, раненный въ руку, приходитъ въ свой домъ, гдѣ его ожидало многочисленное семейство. Съ грустью разсказываетъ онъ, что въ Севастополѣ уже нѣтъ мѣста для спасенія и совѣтуетъ всѣмъ, на время бомбардированія, перебраться въ погребъ. Совѣтъ исполняется и семья, не слыша шуму разрыва бомбъ и гранатъ и свиста ядеръ, думаетъ уже, что она спасена, и что не коснется ихъ ни одинъ непріятельскій снарядъ. Но Богу угодно было сдѣлать иначе. Бомба упала на кровлю ихъ дома, пробила крышу, полъ и, какъ Божья кара, явилась по серединѣ погреба, въ кругу несчастнаго семейства — разорвалась и своими осколками всѣхъ перебила, переранила и изувѣчила.

Одна дѣвочка, не зная что ей дѣлать, въ страхѣ бѣжала вдоль гавани. «Куда ты, дѣвочка, такъ бѣжишь? Ты лучше бы куда-нибудь сѣла! Отъ смерти не уйдешь!» закричалъ ей вслѣдъ одинъ офицеръ. Но онъ не успѣлъ окончить этой фразы, какъ ядро разорвало ее на двое.

Въ 11 часовъ по всѣмъ батареямъ проѣхалъ князь Меншиковъ, а въ 12-ть Корниловъ проѣхалъ на Курганъ, и на дорогѣ поздоровался съ нашимъ 44-мъ экипажемъ. Въ отвѣтъ мы прокричали ему «ура!» Не прошло послѣ этого и полчаса, какъ уже бѣгутъ и кричатъ: «Корнилову оторвало ногу!» Операціи ему дѣлать было невозможно: ему только обрѣзали мясо, которое клочками висѣло у его тѣла. Всѣ со слезами окружили его постель, и со страхомъ ожидали его послѣдней минуты. Когда онъ умеръ, никто не могъ удержать своего плача; матросы и солдаты — всѣ плакали; всѣмъ было тяжело; всѣхъ давилъ какой-то камень. Его не стало въ то время, когда онъ болѣе всего былъ нуженъ. Въ тѣ минуты намъ казалось, что отняли отъ насъ послѣднюю надежду; самъ Нахимовъ, также опечаленный смертію адмирала, остановившись невдалекѣ отъ нашего экипажа и разсказывая кому-то о покойномъ, грустно прибавилъ: «Да-съ, Богъ отнялъ отъ насъ голову, оставилъ однѣ руки». Но впослѣдствіи доблесть послѣдняго, геній Тотлебена, умныя распоряженія князя Васильчикова и дѣятельность Истомина и другихъ начальниковъ

тирѣ! и жилъ вмѣстѣ съ своею супругою въ одномъ домѣ, недалеко отъ 4-го бастіона, и не хотѣлъ оставить Севастополь, не смотря на бомбардированіе и на то, что домъ его былъ пробитъ ядрами.

Нахимовъ обходилъ больныхъ въ госпиталѣ. Одному матросу въ это время отнимали ногу.

— Ваше Превосходительство, проговорилъ тотъ.

— Что тебѣ нужно? спрашиваетъ адмиралъ.

— А, вѣдь, это они намъ за Синопъ отплачиваютъ?

— Правда, за Синопъ.

— Ну, ужь и задалъ-же я имъ Синопъ! отвѣтилъ матросъ, сжимая кулакъ.

— Ваше Превосходительство! кричалъ другой, весь обожженный: — вы меня не узнали?

— Да тебя трудно, братецъ, узнать: у тебя все лицо сорвано.

— Я форъ-марсовый, съ «12-ти Апостоловъ!» Явите милость, позвольте опять на батарею!

— Да какъ-же тебѣ идти въ такомъ видѣ?

— Нѣтъ, ужь позвольте; а не то въ халатѣ уйду!

Уважая его просьбу, бравому матросу сдѣлали маску на лицо — и онъ отправился на позицію.

Одного матроса рабочаго экипажа ранили въ лицо. Когда его привели въ госпиталь, то жена его уговаривала не ходить больше на батарею.

— Молчи, баба, не твое дѣло! отвѣчалъ тотъ.

Но жена все продолжала его уговаривать.

— Ну, ежели ты еще будешь надоѣдать, сказалъ онъ разсердившись, то я и тебя возьму съ собою. И онъ сталъ торопиться къ своему орудію.

Одинъ боцманъ, находясь комендоромъ у орудія на батареѣ, стрѣлялъ цѣлый день, чтобы сбить непріятельское орудіе. Къ вечеру ему оторвало ногу. Когда его несли на перевязочный пунктъ, то онъ обратился къ остававшимся товарищамъ съ слѣдующими словами:

— А вы скажите Сенькѣ, чтобы онъ непремѣнно сбилъ орудіе, а не то я приду и накладу ему!

Одинъ матросъ носилъ снаряды къ орудію. Когда онъ несъ снарядъ, то его дорогой сильно ранило; онъ не бросилъ кокоръ, а добѣжалъ до орудія, отдалъ его и только тогда закричалъ несвоимъ голосомъ:

— Носилки мнѣ, носилки!

И не перечесть, сколько подобныхъ людей было въ севастопольскомъ гарнизонѣ.

Когда приходитъ мнѣ на память геройскій духъ древнихъ римлянъ, я невольно сравниваю его съ геройскимъ духомъ Россіи; но римское геройство не имѣетъ одного оттѣнка — и самаго высокаго — христіан-

ства. Русское царство, не смотря на тщеславіе и кичливость западныхъ народовъ, не смотря на ихъ громкіе крики, которыми они стараются выказать свою нравственную силу, всегда будетъ сознавать свое внутреннее превосходство надъ ними; на громкіе ихъ возгласы, оно будетъ отвѣчать молчаніемъ, и только одно оскорбленіе можетъ заставить подняться его и выказать свое могущество.

К. Игнатьевъ.

ИЗЪ ДРАНМОРА *).

Не разъ о, да, не разъ — я говорилъ себѣ:
Когда вкругъ моряка въ разнузданной борьбѣ
Стихіи мечутся, и воетъ на просторѣ
Свирѣпый ураганъ, и бѣшеное море
Съ надежной палубы его стремится снесть,
Онъ съ гнѣвнымъ мужествомъ отстаиваетъ честь
Бойца отважнаго, и, силѣ безпредѣльной
Противоставя умъ, у мачты корабельной
Велитъ себя плотнѣй веревкой привазать,
Чтобъ побѣдительно ее потомъ сорвать.
Такъ точно съ этихъ поръ и я, въ житейскомъ морѣ
Встрѣчая ураганъ, не стану больше въ горѣ,
Въ отчаяньи молить, чтобъ сжалилось оно,
Или безпомощно летѣть къ нему на дно,
Съ трещащей палубы. Нѣтъ, нѣтъ, съ моей душою
Бороться буду я, и крѣпкою рукою
За мачту опыта держаться. Ливень, громъ
И вѣтеръ бѣшеный — все будетъ ни по чёмъ
Матросу старому. Холодный, непреклонный
Предъ другомъ и врагомъ, страстями не стѣснённый,

*) Стихотвореніе это принадлежитъ поэту, пользующемуся въ настоящее время громадною извѣстностью въ Германіи. Швейцарецъ по рожденію (изъ нѣмецкихъ кантоновъ), онъ, томимый внутреннимъ волненіемъ, неудовлетворенностью стремленій, рано оставилъ родину, странствовалъ по всему свѣту и наконецъ поселился въ Америкѣ, откуда посылаетъ въ Европу свои стихотворенія, отличающіяся необыкновенною оригинальностью, силою формы и содержанья и мрачнымъ характеромъ. Этотъ послѣдній оттѣнокъ снискалъ Дранмору даже прозваніе «пѣвца смерти», такъ-какъ ей онъ посвятилъ цѣлый рядъ стихотвореній. *П. В.*

Въ душѣ порывы всѣ съумѣю я убить,
Чтобъ голосъ внутренній мнѣ пересталъ твердить:
«Не будь, не будь глупцомъ! О, фантазеръ наивный!
Одумайся: кому даришь ты самый дивный
Цвѣтъ духа твоего? Неправда ль — черни той —
Высокородной-ли, иль низкой и простой,
Которая, сойдясь въ своихъ интригахъ злобныхъ,
Враждебно возстаетъ на всѣхъ, тебѣ подобныхъ?
Кого, какъ близкаго, какъ брата любишь? Тѣхъ,
Въ комъ вся любовь твоя рождаетъ только смѣхъ;
Того, кому тобой даны и кровъ, и пища,
И кто за это все, какъ волкъ изъ логовища,
Рычитъ, оскалившись? Филистеровъ, глупцовъ,
Ханжей, завистниковъ, бездушныхъ, подлецовъ,
И — каждаго, кто въ часъ твоей душевной муки
И видя, какъ къ нему ты простираешь руки
Съ мольбой о помощи, надъ бездною склонясь,
Тебя столкнулъ бы внизъ, презрительно смѣясь!»
И я послушался душевнаго призыва:
Въ немъ слово каждое звучало такъ правдиво,
Такъ неоспо́римо; нача̀тое давно
Онъ только довершилъ... И сдѣлалось темно
И холодно въ душѣ. Рукою не дрожащей
Разбитъ былъ въ дребезги тотъ жертвенникъ блестящій,
Передъ которымъ я молился въ тишинѣ
За братьевъ страждущихъ... Теперь уже во мнѣ
Живетъ не юноша, какимъ меня вы знали,
Котораго не разъ съ насмѣшкой упрекали
Въ слѣпомъ сочувствіи! Ни на единый часъ
Не позабуду я, что каждый, каждый разъ,
Какъ человѣчеству я раскрывалъ объятья —
Отвѣтомъ были мнѣ глумленія, проклятья,
Иль на моихъ щекахъ предательски горѣлъ
Іуды поцѣлуй! Я закалить съумѣлъ
То сердце нѣжное мечтателя-поэта,
Которое тепла, и воздуха, и свѣта
Лишали злобно вы — и ужь никѣмъ оно
Не будетъ въ рабское ярмо заключено,
Съ тѣхъ поръ, какъ въ вашихъ же нашло примѣръ полезный
И, какъ они, броней одѣлося желѣзной»

. . . .

. . . .

Такъ говорилъ себѣ я въ тѣ часы, когда
Ревѣла бурей жизнь, и ни одна звѣзда
Не пробивала тучъ, и, дикой злобы полны,
Грозили потопить меня гиганты - волны.
Но солнца яркій лучъ прогналъ грозу и тьму,
И радуга взошла... И къ сердцу моему
Прокралась теплота; мгновенно ледяная
Растаяла кора, и вѣра молодая
Опять затеплилась — и всѣхъ страдальцевъ вновь
Въ мои объятія зоветъ моя любовь!

П. Вейнбергъ.

ВУКЪ СТЕФАНОВИЧЬ КАРАДЖИЧЬ.

ОЧЕРКЪ БІОГРАФИЧЕСКІЙ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ *).

I.

ДО 1842—1843 ГОДА.

Человѣкъ невысокаго росту, подъ шестдесятъ лѣтъ, въ очень длинномъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ, лѣвая нога его поднята и опирается колѣномъ на *штулу* (костыль); что заставляетъ его ходить тихо, какъ не ходитъ никто; лицо у него — одно изъ тѣхъ лицъ, какія можно видѣть только въ Украйнѣ и Сербіи: лицо какъ будто треугольное, съ выдавшимися скулами, со впалыми, небольшими, карими, сверкающими глазами, рѣдко не опущенными въ землю, и широкія, полусѣрыя пряди бровей и усовъ придаютъ этому лицу какое-то суровое выраженіе. По этимъ признакамъ легко узнать Вука Стефановича Караджича, легко отличить его отъ сотней другихъ болѣе или менѣе оригинальныхъ лицъ, обращающихъ на себя вниманіе въ Вѣнѣ.

Маленькую квартиру, въ три комнаты, занимаетъ онъ издавна въ Landstrasse на Ober-Reissner Gasse **). Вы войдете во дворикъ, потомъ въ сѣни, подниметесь по лѣстницѣ направо, позвоните, спросите: «ist

*) Этотъ очеркъ состоитъ изъ двухъ главъ. Изъ нихъ первая написана въ 1842 году, при помощи самого Караджича, тогда же была ему прочитана и позже только дополнена кое-какими библіографическими подробностями: въ томъ же видѣ, какъ она издана въ «Московскомъ Сборникѣ» 1847 года, помѣщена она и здѣсь; вторая же, составленная по воспоминаніямъ, письмамъ, бумагамъ и изданіямъ Караджича, написана теперь по желанію В. И. Ламанскаго.

**) Такъ было до 1842 года, когда былъ конченъ этотъ очеркъ. Позже Вукъ переселился во дворецъ князя Милоша.

der Herr Doctor zu Hause?» получите въ отвѣтъ: «Belieben Sie nur herein zu spazieren», и черезъ семейную комнату, заставленную постелями и постельками, гдѣ увидите и его добрую, милую жену, и трехъ дѣтокъ, войдете въ крошечный кабинетикъ. Тамъ сидитъ онъ на софѣ, передъ столомъ, заваленнымъ разнымъ бумажнымъ и книжнымъ хламомъ, въ красной сербской *капъ* (колпакѣ-шапочкѣ), съ четками въ рукахъ, между-тѣмъ какъ штула важно покоится близь своей ноги. Пріемъ Вука простъ, но ласковъ, или, лучше сказать, радушенъ. Усадивши васъ, въ чемъ не можетъ не принять участія и его штула, онъ попроситъ у васъ позволенія остаться въ капѣ—не потому, что длинные, рѣдкіе волосы едва прикрываютъ его голову, а потому что сербская привычка оставаться всегда и вездѣ въ капѣ сдѣлала его слишкомъ подверженнымъ головной простудѣ. Можете съ нимъ говорить по-нѣмецки, по-русски, по-сербски; будете имъ поняты, если станете говорить и по-чешски, или по-польски. По-нѣмецки и по-русски онъ говоритъ хорошо; но, если только вамъ не совершенно чуждъ языкъ сербскій, попросите его говорить роднымъ языкомъ: онъ не будетъ говорить дикой смѣсью старо-славянскаго, русскаго и сербскаго, а живымъ народнымъ языкомъ. Вы увидите тогда, какъ всякое народное, простонародное нарѣчіе, управляемое умомъ и чувствомъ знатока, становится способнымъ выражать все, что угодно, и все въ духѣ народномъ. Если желаете узнать его изъ разговора, заговорите съ нимъ о сербахъ, ихъ нравахъ и обычаяхъ, ихъ успѣхахъ, о чемъ хотите сербскомъ; мало по малу оживляясь и оживляя васъ своимъ простымъ, но полнымъ глубокаго смысла разсказомъ, онъ введетъ васъ въ очарованный кругъ сербскаго народа, какъ будто въ новый, и, между тѣмъ, вашей душѣ знакомый, не фантастическій міръ. Послушавши нѣсколько разъ его разсказы о Сербахъ, вы станете столько же любить сербовъ, сколько и уважать его самого за его любовь къ нимъ и за знаніе ихъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.

Въ срезѣ Ядрскомъ (округа Подринскаго) есть между общинами одна, называемая Тершичь. Въ давнее время, въ этомъ мѣстѣ было село; но пришла, какъ говорятъ, кума-чума, «поморила и старо и младо» и оставила село пустымъ селищемъ. Еще и до сихъ поръ сохранилось названіе стараго села, и до сихъ поръ видны слѣды прежнихъ жилищъ — мѣста, гдѣ стояли *кучи* (домики) и клѣти, около нихъ старыя груши и яблони. Впустѣ стояли окрестныя нивы до войны Австріи съ турками 1737—1739 года. Война была для австрійцевъ несчастлива: они были разбиты и подъ Вакупомъ, и у Баньей луки, и у Ниша; впрочемъ генералу Лентулусу удалось проникнуть до

Албаніи, въ округъ Кучи, принадлежащій теперь Черногоріи, и найти въ самыхъ жителяхъ тамошнихъ помощь противъ турокъ. Когда же онъ долженъ былъ возвратиться назадъ, съ нимъ вмѣстѣ пошли и многіе, служившіе въ его войскѣ, болгаре, албанцы и герцеговинцы. Одни изъ нихъ были вытребованы Турками обратно и большею частію повѣшены; другіе были счастливѣе и съ семьями своими переселились навсегда въ Славонію и Венгрію. Въ это время и патріархъ сербскій, оставивъ Ипекъ, поселился на Дунаѣ въ Карловцахъ. Нѣкоторые изъ герцеговинцевъ, не возвратясь домой, остались у Дрины, въ нынѣшней Сербіи, и, нашедши праздными мѣста около Старосельскаго селища, поселились тамъ, ближе къ горѣ, по обычаю сербскому — чѣмъ ближе лѣсъ, *гора*, тѣмъ ближе дрова и далѣе турки — поселились и перевели къ себѣ не только свои семьи, но и родственниковъ. Между ними были Добриловичи, Гергуревичи изъ Пивы, Ивановичи изъ Рудина, Баньянцы изъ Баньянъ, а также и Караджичи изъ Дробняка, всего семей до сорока. Все новое поселеніе было изъ чистыхъ герцеговинцевъ одинъ только какой-то Іовица, женатый на герцеговинской вдовѣ, былъ между ними *шиjак*, чужой человѣкъ, (шиjаками называютъ тѣхъ, которые говорятъ вмѣсто ѣ простое е, не смягчая предыдущей согласной). Это поселеніе, называвшееся, можетъ быть, старымъ именемъ Тершича, и до сихъ поръ, если ничѣмъ другимъ, то по крайней мѣрѣ выговоромъ буквы ѣ отличается отъ многихъ другихъ жителей окрестныхъ мѣстъ.

Въ этомъ-то Тершичѣ родился Вукъ Стефановичь Караджичь, на Димитріевъ день (26 октября) 1787 года. Отецъ его, Стефанъ Іоксимовъ (Осиповъ), былъ родомъ изъ Тершича, а мать, Іегда Симова Зерничева, роду также герцеговинскаго (никшичскаго). У Іегды было прежде уже пятеро дѣтей; но всѣ они, одинъ за другимъ, не доростя, исчахли и пошли въ могилу. Горько было матери: кто думалъ про себя, а кто и говорилъ ей, что, вѣрно, ея бѣдныхъ дѣтей «вjештице jеду» (вѣдьмы ѣдятъ). Чтó бы сдѣлать, чтобы и этого новорожденца не изъѣли вѣдьмы?—стали разсуждать въ кучи Стефановой и придумали дать ему имя волка: «вjештице не смиjе на' вука». Вздумано и сдѣлано. Пошелъ рости Вукъ, и, на радость роднымъ, на славу сербовъ и всѣхъ славянъ, ни одна вѣщунья его не изгубила *).

*) Что касается до возможности дать такое названіе, то она опиралась на обычаѣ сербскомъ, существующемъ и у другихъ славянъ, а равно и у другихъ христіанскихъ народовъ, давать дѣтямъ имена совершенно по произволу, не заглядывая въ календарь и не думая объ именахъ святыхъ. Вмѣсто патроновъ частныхъ для каждаго лица, они имѣютъ патроновъ домашнихъ, для цѣлой семьи и дома.

Не странное-ли дѣло, въ Сербіи, гдѣ и теперь еще училищъ такъ мало, гдѣ прежде и вовсе ихъ не было, гдѣ и самыя книги такъ рѣдки— въ Сербіи есть гораздо болѣе людей, разумѣющихъ грамоту, нежели какъ бы можно было вообразить? Богъ знаетъ, въ прежнее время было ихъ, можетъ быть, и еще болѣе. По крайней мѣрѣ, въ рѣдкой сербской пѣсни не *пише* или не *учи* (читаетъ) *книгу ситну* (мелко написанное письмо) тотъ или другой *јунак*, та или другая *љуба* или *вјереница*. Такъ и въ Тершичѣ печатныхъ книгъ, можетъ-быть, не было и двухъ, а Вукъ дитятею научился читать и писать такъ изрядно, что даже не помнитъ времени, когда былъ неграмотнымъ. Первымъ учителемъ его былъ его родственникъ, Іефта Совичь, прозваніемъ Чатричь: разведетъ бывало пороху въ водѣ, возметъ клочекъ патронной бумаги, да и давай писать буквы и заставлять Вука учить ихъ. Уже позже, позже добылъ Іефта своему внуку какой-то, чуть-ли не московскій, букварь, съ картинками, между которыми болѣе другихъ забавляла Вука какая-то чудная птица. Этотъ букварь очень утѣшалъ Вука. Бывало, ходя по селу, или по дорогѣ, и читая букварь, онъ не пропускалъ никого, отъ кого надѣялся получить отвѣтъ, чтобы не спросить, такъ-ли онъ читаетъ то, или другое. Чуть завидитъ такого человѣка, купца-ли, попа, или монаха, лишь бы не турка — что было легко отличить по одеждѣ — скинетъ передъ нимъ капу, *пољуби у руку* (поцѣлуетъ руку) и поставитъ ему букварь передъ глаза: «молим тебе, мајсторе» (если то былъ купецъ), или *попъ* (если то былъ священникъ), или *дуовниче* (если то былъ монахъ), «молим тебе, кажи ми» (читай мнѣ, пожалуста, такъ, чтобы я могъ за тобою повторять). Потомъ опять поцѣлуетъ руку, скажетъ «фала» (спасибо), и далѣе пошолъ твердить свой букварь. Случалось и такъ, особенно съ купцами, что на свою просьбу Вукъ получалъ только такой отвѣтъ: «Бог ми, синко, не знам ни ја» (право, сынокъ, и я не знаю).

Въ концѣ 1795 года, когда Вуку было 8 лѣтъ, одинъ изъ тершичскихъ селянъ, Гергуревичъ, завелъ небольшое училище въ городкѣ Лозницѣ. Послалъ туда и Стефанъ своего Вука. Повторивши «Бекавицу» (Азбуку), принялся Вукъ за «Асловац» (Часословецъ), и становился уже молодцомъ *числовцемъ*, когда чума пришла, на бѣду многимъ, въ Лозницу, разогнала учениковъ, отогнала и Вука домой. Стефанъ подождалъ мѣсяца два-три, и послалъ Вука въ другую школу— въ монастырь Троношу. Сюда не пришла чума; но чума своего рода для отцовъ учащихся дѣтей была и остается до сихъ поръ въ монастыряхъ сербскихъ. Монахи сербскіе проводятъ свое время въ молитвахъ и заботахъ о своемъ хозяйствѣ, и ничего другаго не считаютъ принадлежащимъ къ числу своихъ обязанностей; о народѣ, о распространеніи въ немъ свѣта истины, они не думаютъ; если гдѣ въ мо-

настыряхъ есть ученики, то они не столько учатся, сколько занимаются другими полезными дѣлами, напр. пасутъ козъ и свиней монастырскихъ, полютъ лукъ, собираютъ сѣно или сливы, метутъ кельи, топятъ печи, поятъ монастырскихъ лошадей, и т. п. Такъ и Вука въ Троношѣ заставили пасти козъ; а между тѣмъ Стефанъ нанималъ для своихъ козъ пастуха. «Ако је тако», сказалъ Стефанъ Вуку, «óди кући, те чувај наше козе» (если такъ, то иди лучше домой и паси своихъ козъ), и оставилъ Вука дома, сколько ни было ему досадно, потому что Стефанъ, видя въ своемъ Вукѣ *отвóрено дијете* (бойкое дитя), желалъ въ немъ видѣть современемъ купца или священника, и хотѣлъ дать ему для этого приличное воспитаніе.

Какъ бы то ни было, Вукъ не забывалъ того, что выучилъ, повторялъ, прочитывалъ и кое-что новое, потому что отецъ купилъ ему и Житіе Алексія человѣка Божія, и Жертву Авраамову, и Мѣсяцословъ, и Требникъ. Вышло, что и безъ пособія школы, по семнадцатому году, Вукъ въ своемъ краѣ и слылъ, и былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей. Не мудрено: онъ умѣлъ сказать, поглядѣвши на любую европейскую монету, когда она чеканена, зналъ, когда будетъ какой праздникъ, и притомъ не только бывало напишетъ, но и прочтетъ любое письмо. Немудрено, что онъ былъ уважаемъ не по лѣтамъ. Всякая женщина цѣловала ему, какъ бы и первому *кмету*, руку; на свадебныхъ и крестоименныхъ пирахъ ему было всегда готово мѣсто или подлѣ священника, или первое, а на мірскія сходки его звали вмѣсто отца. Даже и самъ Бегъ-Сулейманъ Бегъ-Алај-Беговичь, владѣтель Тершича, пріѣзжавшій изъ Герцеговины ежегодно собирать обычную подать съ жителей, призывалъ его къ себѣ, какъ писаря, и, въ знакъ благодарности и уваженія къ Вуку, сажалъ его за обѣденную *софру* (столикъ въ видѣ подноса на очень низкихъ ножкахъ) вмѣстѣ съ собою. Какъ было послѣ этого не гордиться Вукомъ его матери и отцу! Іегду огорчало только то, что Вукъ, хотя и былъ уже семнадцати лѣтъ, оставался однако не по лѣтамъ недоросткомъ; но ей была въ утѣшеніе пословица: „Дукат је мали новац, але вриједи више од талијера“ (червонецъ малая монета, а стоитъ больше талера). Одинъ Вукъ не былъ совершенно доволенъ собою: отецъ совѣтовалъ ему идти въ какой-нибудь городъ и сдѣлаться тамъ купцомъ, или проситься въ священники; а Вукъ не хотѣлъ въ городъ, чтобы оставаться подалѣе отъ турокъ, не хотѣлъ и въ священники, чтобы остаться на свободѣ. Однако хотѣлось Вуку учиться, и онъ просилъ отца пустить его за границу Сербіи, въ Срѣмъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, учатъ и многимъ другимъ книгамъ, кромѣ «Часослова» и «Псалтыря»; но отецъ этого и слышать не хотѣлъ, не желая пустить его далеко отъ себя.

Такъ застала Вука сербская *Караджорджева буна* (возстаніе Георгія

Чорнаго), 1804 года. Стефанъ пошолъ было самъ съ другими на турокъ: но о Вукѣ уже знали, и нуждались въ людяхъ грамотныхъ. Стефана послали домой, а потребовали вмѣсто него Вука и сдѣлали его писаремъ. Скоро однако случай, хоть и несчастный, исполнилъ давнее желаніе Вука идти въ Срѣмъ. Турки напали на Ядрскій срѣзъ, раззорили его, выжгли; тутъ сгорѣлъ и домъ Стефановъ, *стока* (стадо) его была вся отогнана, и Стефанъ, бывши прежде зажиточнымъ селяниномъ, совершенно обнищалъ. Вукъ сталъ опять проситься у отца и матери отпустить его въ Срѣмъ, говоря имъ, что иначе онъ долженъ будетъ поневолѣ сдѣлаться гайдукомъ (разбойникомъ). „Кад іе тако, да ти іе просто" (если такъ, то Богъ съ тобой), отвѣчали Стефанъ и Іегда, и благословили Вука въ путь.

Вукъ пошелъ въ Карловцы. Годъ онъ учился дома; годъ въ училищѣ, занимаяся латинской, славянской и нѣмецкой граматикой. На третій годъ онъ хотѣлъ было перейти въ гимназію; но когда сталъ проситься, ему сказали, что это для него уже поздно, что девятнадцатилѣтній *момакъ* (юноша) уже негодится для гимназіи, и увѣряли, что онъ для Сербіи приготовленъ довольно, что онъ какъ-разъ будетъ, чѣмъ захочетъ, попомъ-ли, учителемъ, или писаремъ. Такъ Вука, если не то, такъ другое, если не чума, такъ козы, а не козы, такъ сами учителя отгоняли отъ ученія. Съ горемъ оставилъ онъ Карловцы, и поѣхалъ въ Петриню, гдѣ думалъ продолжать учиться по-нѣмецки; но не столько учился, сколько гулялъ, и весною 1807 воротился въ Сербію. Онъ сдѣлался писаремъ у Якова Ненадовича, а потомъ, когда его родственникъ, прежній учитель, сдѣлался совѣтникомъ въ Бѣлградѣ, перешелъ и Вукъ въ Бѣлградъ, и былъ писаремъ въ совѣтѣ,—и между тѣмъ учился у знаменитаго Юговича сочинять письма по-нѣмецки. Тутъ подъ покровительствомъ двухъ своихъ учителей, перваго и послѣдняго, провелъ Вукъ свое послѣднее учебное время. Тутъ и самъ онъ увидѣлъ, что училищное ученье для него поздно, и рѣшился, по возможности, вознаградить недостатокъ школьнаго образованія чтеніемъ книгъ. Не одному Вуку помогли книги болѣе всѣхъ дешевыхъ и дорогихъ учителей.

Однажды вечеромъ, въ то незабвенное время, когда мы съ Вукомъ проводили вечера обыкновенно вмѣстѣ, разговорились мы съ нимъ о современной сербской литературѣ. Отъ одного къ другому — и я спросилъ его, какъ сдѣлался онъ писателемъ? Вукъ улыбнулся, потомъ задумался, потомъ опять улыбнулся, сверкнувъ своими яркими глазами, и отвѣчалъ: «Э, я такъ думаю: безъ вотъ этой штулы, да безъ моей доброй жены и безъ благороднаго Копитара, я бы писателемъ не

былъ; а любовь странствовать помогла въ свою очередь.» Этимъ начался его разсказъ о своей жизни, разсказъ, который сталъ и поводомъ, и источникомъ очерка, мною начатаго.

Вукъ заболѣлъ въ 1808 году, когда еще былъ писаремъ въ совѣтѣ. Болѣзнь все болѣе усиливалась, и на зиму 1808 года Вукъ рѣшился оставить Бѣлградъ и ѣхать домой въ Тершичь. Прежде болѣли и руки, и ноги, потомъ стала болѣть особенно лѣвая нога, и кончилось тѣмъ, что чашечка въ колѣнѣ приросла къ кости такъ, что нога не могла двигаться. Вукъ надѣялся было, что ему помогутъ минеральныя воды, и въ 1809 году ѣздилъ на воды въ Мехадію, потомъ въ Новый Садъ (Neusatz), потомъ въ Буду (Ofen); но ничто не помогло. Ногу надобно было поставить колѣномъ на костыль, простившись навсегда съ выгодами здороваго человѣка. «Со штулой—говорилъ мнѣ Вукъ—я уже не могъ думать ни о конѣ, ни о войнѣ, и волей-неволей долженъ былъ привыкать, сколько могъ, къ жизни домосѣдлой. Не будь со мною штулы, я бы, можетъ-быть, давно былъ убитъ турками, какъ множество другихъ моихъ сверстниковъ; а штула моя заставила меня искать покоя, покойнаго чтенія книги, покойнаго записыванія на бумагѣ того, что слышало ухо и видѣли глаза. Не меньше штулы, удерживала меня на мѣстѣ и жена.»

— Но извините, что я васъ прерву: жена ваша — вѣнка, а до пріѣзда въ Вѣну, вы не были женаты, не любили?

— Женатъ не былъ, влюбленъ тоже не былъ; впрочемъ, могъ жениться, а, можетъ быть, и влюбиться. Вашъ вопросъ напоминаетъ мнѣ о Ружѣ Тодоровой. Родители ея и мои были сосѣди и жили въ пріязни. Мать Ружи была первою красавицей въ нашемъ селѣ, первой *гиздой*, и *кититисе* (наряжаться) умѣла со вкусомъ; Ружа была тоже прежде миленькой дѣвочкой, а потомъ и миленькой дѣвушкой. Росли мы вмѣстѣ и она мнѣ такъ, нравилась, а, можетъ быть, и я ей; впрочемъ, это была самая обыкновенная сельская дружба. Родители наши думали впрочемъ иное. Отецъ Ружи говорилъ мнѣ: «дат'ћу ти дјевојку» (выдамъ за тебя дочку)—и хотя я, слыша это, сердился, но между нашими родителями дѣло какъ-будто было уже слажено. Съ 1804 года, когда я пошелъ въ Карловцы, я не видалъ ее до тѣхъ поръ, пока въ 1808 г. воротился домой больнымъ. Однажды Ружа пришла къ намъ въ домъ, не знаю зачѣмъ. Мнѣ хотѣлось ее увидѣть, и, по моему желанію, она пришла изъ кухни въ *собу* (комнату), гдѣ я лежалъ; пришла и поцѣловала мнѣ руку. Я взялъ ее за руку, спросилъ ее: «јеси-ли велика наросла?» (а что, ты выросла). Она отвѣчала: «это видиш, велика» (видишь какая), и прибавила: «а куда си ти отбјо у свијет, оставио отца и матер! да ти није болест доћерала, не би ни сад кући дошао!» (а ты куда зашолъ въ свѣтъ, оставивши отца и мать; если бы не бо-

лѣзнь, то ты бы и теперь не пришелъ на родину!) Почти этимъ и кончился нашъ разговоръ. Не излѣчившись дома, я, какъ вы знаете, поѣхалъ на воды. Въ 1812 году я былъ въ Бѣлградѣ, когда однажды приходитъ ко мнѣ изъ нашего села посолъ отъ Ружина отца: «ишту Ружу људи, просе» (Ружу заискиваютъ, сватаютъ), говорилъ онъ мнѣ, напоминая о давнемъ уговорѣ нашихъ родителей, по которому все-таки я оставался первымъ женихомъ Ружи, такъ, что и теперь, когда за нее сватался другой, ее не хотѣли отдать, не зная, что скажу я. Я отвѣчалъ послу, что «сад мени није до женитбе, а да од Бога јој срећа» (теперь мнѣ не до женитьбы, а ей желаю счастія отъ Бога). Съ этимъ отвѣтомъ посолъ воротился въ Тершичь—и Ружа вышла замужъ. Теперь ея уже нѣтъ въ живыхъ. А я женился на нѣмкѣ. Съ семействомъ Краусовъ я познакомился уже въ первый мой пріѣздъ въ Вѣну, въ 1813 году, когда, подобно Георгію Черному, принужденъ былъ оставить Сербію; принятъ былъ въ немъ родственно. Еще болѣе сблизился во время моей болѣзни, когда старушка Краусъ и дочь ея Анна ухаживали за мною, какъ за близкимъ роднымъ; тогда же задумалъ предложить Аннѣ руку, и не предложилъ только потому, что боялся столько же своего православнаго суевѣрія, сколько и суевѣрія римско-католическаго семейства Краусовъ: отдадутъ-ли нѣмку за меня, серба? Время упрочило нашу взаимную привязанность, и въ 1818 году Анна Краусъ стала моей женою. Добрая жена, добрая мать, добрая хозяйка, она раздѣляла со мною всѣ неудобства и перевороты жизни; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могла не любить своей Вѣны, предпочитала ее всѣмъ другимъ городамъ и царствамъ, и уговаривая жить въ Вѣнѣ, заставляла меня, вмѣстѣ съ тѣмъ, волей-неволей заниматься литературой. Будучи далеко отъ Сербіи, я былъ въ ней и съ нею думою въ Вѣнѣ; старался припоминать и записывать о ней все, что зналъ, и удаляясь изъ Вѣны только для того, чтобы увидѣть Сербію или какой другой край сербскаго народа; и, собравъ новые матеріалы для трудовъ, ворочался въ Вѣну снова трудиться надъ сербскими записками. Впрочемъ, главной виной, что и я писатель, навсегда останется Копитаръ: въ этомъ отношеніи я обязанъ ему, если не всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, многимъ, очень многимъ. Надо испытать такъ, какъ я, этого истинно благороднаго человѣка, чтобы имѣть къ нему то уваженіе, какого онъ достоинъ—и какъ учоный, и какъ человѣкъ. Въ концѣ 1813 года я пріѣхалъ въ первый разъ въ Вѣну..

— Позвольте, Вукъ Стефановичъ! мнѣ бы хотѣлось прежде знать, въ какой мѣрѣ вы въ своей душѣ приготовлены были къ званію такого писателя, какимъ вы сдѣлались, прежде нежели пріѣхали въ Вѣну, въ какой мѣрѣ любили и уважали народность?

На этотъ вопросъ Вукъ отвѣчалъ мнѣ такъ:—Вы уже знаете: я

былъ изъ народа, провелъ молодость между народомъ, все сербское народное было мнѣ природнымъ; обстоятельства позволили развиться этому чувству пристрастія къ моему родному. Что языкъ мой народенъ, это естественно. Я не зналъ другаго, говорилъ, какъ зналъ, старался моимъ языкомъ выражать все, что мнѣ было нужно, старался изучать его, разумѣется не по правиламъ, а безотчетно, думая только о томъ, чтобы имѣть въ головѣ поболѣе словъ и выраженій и употреблять ихъ кстати. Въ концѣ 1810 года, не получивши облегченія отъ болѣзни въ Будѣ, я возвратился въ Бѣлградъ и сдѣланъ былъ учителемъ въ Бѣлградской школѣ. Учителемъ такимъ, какимъ мнѣ быть хотѣлось, я не былъ; но знаніе языка народнаго и тогда уже было замѣчено моими товарищами, которые были большею частію изъ сербовъ венгерскихъ — и меня называли знатокомъ сербскаго языка. Такое мнѣніе о мнѣ подстрекало мое самолюбіе, и я не упускалъ никогда случая оправдать добрую мысль о моемъ знаніи языка, вслушивался въ говоръ народа, старательно замѣчалъ все, что мнѣ казалось въ немъ любопытнымъ. Особенно полезно было для меня время, когда я въ 1813 году былъ судьею въ Борзой-Паланкѣ: тутъ я внимательно слушалъ судящихся селянъ, и всякое слово, мнѣ незнакомое, немедленно замѣчалъ на бумагѣ, безъ всякой литературной цѣли, о которой тогда мнѣ и не грезилось—а такъ, для себя. Еще легче мнѣ было знать и узнавать обычаи народа: я самъ въ нихъ участвовалъ, зналъ ихъ, какъ знаетъ всякій селянинъ, не испортившій своихъ сельскихъ понятій понятіями городскими; любилъ ихъ и любилъ объ нихъ распрашивать, какъ любопытный мужикъ... Впрочемъ, что я сдѣлался писателемъ и даже такимъ писателемъ, какимъ вы меня понимаете, я обязанъ единственно Копитару. Въ 1813 году, въ одно время съ Георгіемъ Чернымъ, и я оставилъ Сербію и пріѣхалъ въ Вѣну, самъ не зная и не думая, что изъ меня будетъ. Копитаръ, хоть и былъ еще молодъ въ то время, но былъ уже цензоръ; цензурѣ его подлежали, между прочимъ, и «Сербске Новине», которыя тогда издавали въ Вѣнѣ Фрушичь и Давидовичь. Копитаръ убѣждалъ издателей заняться составленіемъ чисто-сербской грамматики, представляя имъ тутъ же, что языкъ, которымъ они пишутъ, не можетъ быть чисто-сербскимъ. Отъ предложенія Копитарова они не отказывались, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не знали другаго языка, кромѣ того, на которомъ писали и говорили, а языкъ простого народа считали языкомъ пастуховъ, языкомъ свиньярскимъ и говядарскимъ. Въ это время написалъ и я статейку о паденіи Сербіи въ видѣ письма къ Георгію Черному, и подалъ въ цензуру. Доставшись въ руки Копитару, она обратила на себя его вниманіе странностію языка. Копитаръ пожелалъ меня увидѣть—и сблизился со мною. Между разговорами была рѣчь и о народныхъ сербскихъ пѣсняхъ.

Копитаръ, увидя, что я ихъ знаю много, сталъ меня убѣждать записывать ихъ чѣмъ больше, тѣмъ лучше, а потомъ и съ Богомъ — печатать. «Э шта ћу!» (ну, что будешь дѣлать). Меня это заняло, и я давай писать пѣсни; а чего самъ не зналъ, то спрашивалъ у моей родственницы, жены С. В. Живковича, съ которымъ вмѣстѣ пріѣхалъ въ Вѣну. Набралась порядочная тетрадь ихъ и вышла въ свѣтъ подъ именемъ «Србске простонародне песмарице». Въ тоже время, слыша отъ Копитара о грамматикѣ, и самъ не зная, какъ писать грамматику, я сталъ предлагать Фрушичу и Давидовичу писать сербскую грамматику вмѣстѣ, чтобы они помогали мнѣ своимъ искусствомъ, а я имъ своимъ знаніемъ сербскаго языка. «Э проджи се будалаштине!» (оставь эту глупость) отвѣчали они, и такъ это и осталось. Образуясь однако все болѣе разговорами съ Копитаромъ, все болѣе чувствуя потребность сербской грамматики для самого себя, я рѣшился попробовать написать ее самъ, и, взявши подъ руку славянскую грамматику Мразовича, сталъ переписывать изъ нея склоненія и спряженія, поправляя по-сербски. Эта жалкая проба сербской грамматики, которой я долженъ теперь стыдиться, была напечатана въ 1814 году. Копитаръ не скрывалъ отъ меня недостатковъ этой книжонки; но радъ былъ, что она напечатана уже потому, что надѣялся на мое честолюбіе, на то, что я не захочу остаться только при такомъ началѣ, и убѣждая трудиться далѣе, совѣтовалъ приготовлять себя къ труду грамматическому другими вспомогательными трудами. По его совѣту, ѣздя въ Срѣмъ и Карловцы, я продолжалъ собирать народныя пѣсни, и, воротясь въ Вѣну, издалъ вторую книжку «Песмарицы», посвятивъ ее Копитару. И прежде уговаривалъ меня Копитаръ заняться собраніемъ народныхъ сербскихъ словъ; я и обѣщалъ ему; но все изъ этого ничего не было. Однажды, наконецъ, пришелъ онъ ко мнѣ, принеся съ собою цѣлую стопу бумаги, разрѣзанную на лоскутки. «Припоминайте-ка себѣ слова, какія знаете, что употребляются народомъ, и записывайте на этихъ лоскуткахъ, каждое на отдѣльномъ лоскуткѣ. Мало-по-малу наберется ихъ и цѣлый словарь». Работа была нетрудная, и я сталъ заниматься ею прилежно. Чтобы облегчить меня еще болѣе, Копитаръ подарилъ мнѣ для просмотра словарь Вольтиджи, а потомъ и словари Бѣлостенца, Ямбрешича, Стулли. Я, впрочемъ, болѣе просматривалъ эти словари, чѣмъ читалъ, писалъ на лоскутки слова больше изъ головы и никогда не бралъ изъ словарей такихъ словъ, о которыхъ не могъ сказать съ увѣренностію, что они употребляются въ народѣ. Возвратившись, въ концѣ 1816 года, въ Вѣну, я привезъ съ собою уже порядочно-большую книгу лоскутковъ съ сербскими словами. Тогда началась у насъ работа вмѣстѣ съ Копитаромъ. Онъ приходилъ ко мнѣ каждый день передъ вечеромъ, не глядя ни на дождь, ни на грязь, и мы просиживали иногда до свѣта.

Я бралъ лоскутки одинъ за другимъ и объяснялъ ему значеніе каждаго слова, объяснялъ до тѣхъ поръ, пока видѣлъ, что Копитаръ совершенно понялъ, а Копитаръ переводилъ слова по-нѣмецки и по-латыни, справляясь, въ случаяхъ сомнительныхъ, съ лексиконами Аделунга, Шеллера и др. Иногда, гдѣ ему казалось нужнымъ, онъ заставлялъ меня записать примѣръ, который бы могъ облегчить уразумѣніе смысла слова, или цѣлое описаніе предмета, обычая и т. п. Каждый день подвигалъ нашу работу впередъ, и лексиконъ, такимъ образомъ, былъ готовъ къ печати, и напечатанъ въ 1818 году. Это время ежедневныхъ разговоровъ съ Копитаромъ останется для меня навсегда незабвеннымъ: тогда-то мое прежнее, хотя и подробное, но безъотчетливое знаніе сербскаго языка оживилось отчетливостью; каждый день была возможность подумать и о формѣ слова, и о его грамматическихъ измѣненіяхъ, и о различіи произношенія по мѣстнымъ говорамъ, и о синтаксическихъ сложеніяхъ словъ. Такъ поставленный на ноги Копитаромъ, я мало по малу ознакомился съ своимъ дѣломъ, и теперь—вы знаете, какое удовольствіе доставляютъ мнѣ мои литературныя занятія. Я не ищу славы, не стараюсь заслужить похвалы многихъ: я бы желалъ, чтобы, по моей смерти, человѣкъ, знающій дѣло, могъ, читая мои книги, быть увѣренъ, что я вѣрно передавалъ, что зналъ. Пиша, что бы то ни было, я всегда думаю, что скажетъ объ этомъ Копитаръ, или Шафарикъ, или Гриммъ; а о другихъ не забочусь. «Нека вичу како им драго; свему свиjету нико угодити не може» (пусть себѣ кричатъ какъ хотятъ; всему свѣту никто не угодитъ).

И вотъ прошло уже слишкомъ тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Вукъ въ первый разъ выступилъ на литературное поприще. Всѣ главные труды его окончены, или приходятъ къ концу. Матеріалы, имъ собранные и еще не изданные, состоятъ изъ однихъ только дополненій и поправокъ того, что уже имъ издано. Къ заслугамъ своимъ онъ можетъ прибавить очень немногое, и кто бы захотѣлъ оцѣнить эти заслуги, тому довольно знать то, что уже сдѣлано Вукомъ. Не съ тѣмъ однако, чтобы оцѣнять заслуги, оказанныя Вукомъ литературѣ сербской, предположилъ я себѣ сдѣлать перечень фактовъ его литературной жизни; пусть имъ воспользуется для этой цѣли кто другой, если найдетъ его достойнымъ; мое дѣло—только указать, что сдѣлано Вукомъ.

Начнемъ съ его трудовъ языкословныхъ. Главный изъ нихъ есть: «Српски рjечник, истолкован њемачким и латинским риjечима, скупио и на свиjет издао Вук Стефановић у Бечу. 1818» (8° LXXXI+828). Какъ словарь, эта книга не заключаетъ въ себѣ, конечно, полнаго со-

бранія сербскихъ словъ, и при второмъ изданіи, которое Вукъ издавна приготовляетъ, увеличится почти вдвое; но, съ другой стороны, къ ней же, какъ къ лучшему сербскому словарю, всякій, изучающій сербское нарѣчіе, можетъ обращаться съ полною довѣренностію: въ ней найдетъ онъ только то, что дѣйствительно принадлежитъ сербскому нарѣчію, будь оно славянское или чужестранное, принятое цѣлымъ народомъ, а не по прихоти частныхъ лицъ, и все объяснено, хотя не всегда съ одинаковой полнотой и подробностію, но всегда вѣрно. Вниманія читателей не могутъ не обратить особенно объясненія этнографическія, важныя, часто необходимыя для уразумѣнія памятниковъ народной словесности. До сихъ поръ, и прежде и послѣ Вука, составители словарей, и славянскихъ, и другихъ, на эту часть заботъ, имъ принадлежащихъ, или очень мало, или и вовсе не обращали вниманія, представляя ихъ этнографамъ, археологамъ и т. п. Вукъ первый понялъ, что словарь языка долженъ быть не однимъ дополненіемъ къ его грамматикѣ, а полнымъ пособіемъ для изученія всѣхъ элементовъ образованности народа въ ея мѣстномъ развитіи, и что если составитель словаря обязанъ объяснить каждое слово, то тѣмъ болѣе долженъ заботиться о вѣрномъ объясненіи словъ, по своему значенію принадлежащихъ только народу, котораго языкъ онъ описываетъ. Не менѣе важно въ словарѣ Вука то, что въ немъ обращено вниманіе на разнообразіе удареній въ словахъ и употреблено правописаніе, совершенно послѣдовательное, устраняющее всякое сомнѣніе о томъ, такъ или иначе должно выговорить слово. Немногіе еще изъ писателей сербскихъ слѣдуютъ этому правописанію, образцовому въ литературѣ славянской; увлекаясь привычкой къ правописанію старому, сербско-славянско-русскому, многіе бранятъ Вука, но между тѣмъ все болѣе сближаются съ нимъ *). Къ словарю приложена и краткая грамматика (стр. XXIX—LXX), краткая, но отчетливая, написанная рукою знатока, уже не то, что была его «Писменица Сербскога іезика по говору простога народа. У Виенни, 1814» (8⁰ XI+106). Филологамъ европейскимъ она извѣстна по переводу Я. Гримма (Wuk's Stephanowitsch kleine serbische Grammatik verdeutscht und mit einer Vorrede von Iacob Grimm. Leipzig und Berlin. 1824 (8⁰ LXXII+104). Нельзя упустить изъ виду, что Вукъ и въ грамматикѣ, и въ словарѣ обратилъ вниманіе на различіе мѣстныхъ говоровъ сербскихъ и отчасти тамъ, отчасти въ другихъ сочиненіяхъ, объяснилъ его довольно вѣрно. Меньшаго объема труды языкословные напечатаны Вукомъ въ «Денницѣ», календарѣ, который онъ издавалъ. Такъ въ книжкѣ за 1826 годъ помѣщены: «Почетак описаниjа

---

*) Такъ было въ то время, когда написанъ этотъ очеркъ, и даже много лѣтъ назадъ.

Српски намастира (стр. 1 — 40),—Главне разлике измеджу данашньега Славенскога и Сербског језика (стр. 41—69),—Одговор руском рецензенту (стр. 95—106); въ книжкѣ за 1827 годъ: Оглед Српскога букваpa (стр. 1—25); въ 1828 году: Главна свршиванья суштествителни и прилагателни имена у Српском језику (стр. 1 — 135). Отдѣльно напечатанъ: «Одговор на ситнице језикословне, у Бечу. 1839» (8° 19). Каждая изъ этихъ статей, можно сказать, необходима для изучающаго сербское нарѣчіе, и не по предположеніямъ и догадкамъ, а по фактамъ, по выводамъ глубокаго, сознательнаго знанія языка.

Болѣе общее вниманіе заслужили тѣ труды Вука, въ которыхъ онъ показалъ себя, какъ искусный собиратель и объяснитель памятниковъ народной словесности сербской. Пѣсни, сказки, пословицы, загадки, все, что можно назвать памятникомъ словесности народа, все обращало на себя ревностное вниманіе Вука, и все передано съ такимъ уваженіемъ къ славѣ народной, что въ этомъ отношеніи Вукъ остается образцомъ и дѣятельности, и умѣнья. Его «Мала простонароднья Славено-Сербска песмарица» (у Віени 1: 1814, 11: 1817 года) была только началомъ, за которымъ послѣдовало самое блестящее продолженіе Второе изданіе пѣсенъ, заставившее совершенно забыть о первомъ вышло подъ названіемъ: «Народне Српске пјесме, скупио и на свијет издао Вук Стеф. Караħиħ. Кньига 1—111, у Липисци, 1823 — 1824 (LXII+316, 305, 399), Кньига IV у Бечу, 1833» (XLIV+352). Пѣсни переданы совершенно вѣрно, безъ всякихъ измѣненій, только по лучшимъ спискамъ; все необходимое объяснено; обращено вниманіе на языкъ, слогъ, мѣру. Если чего не достаетъ, то развѣ историческихъ примѣчаній. Изъ этого изданія Европа въ первый разъ узнала эпическую геніальность сербскаго народа и высокую степень совершенства, до которой эпопея можетъ достигнуть у народа простаго, не цивилизованнаго. Четыре пѣсни въ дополненіе къ этому изданію помѣщены Вукомъ въ его «Денницѣ» (1826 стр. 107—120; 1829 стр. 44—56). Множество другихъ собралъ онъ послѣ, и такъ какъ предыдущее изданіе все разошлось, онъ предпринялъ новое, дополненное и еще лучше составленное, подъ тѣмъ же названіемъ: двѣ огромныхъ книги уже вышли (у Бечу 1841—44); остается еще одна, если только Вукъ успѣетъ въ ней помѣстить все, что собрано имъ. Огромное собраніе пословицъ сербскихъ Вукъ издалъ въ Черногоріи: «Народне Српске пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи. Издао ихъ Вук Стеф. Караджиħ. На Цетинью. 1836» (8° L + 362). Почти всѣ пословицы, требовавшія объясненія, объяснены; на всѣхъ оставленъ мѣстный колоритъ; у многихъ, не общеизвѣстныхъ, означено мѣсто, гдѣ слышаны. Можно пожалѣть развѣ о томъ, что не сдѣлано общаго обозрѣнія содержанія пословицъ и не приложенъ словарь тѣхъ словъ, ко-

торыхъ нѣтъ въ Вуковомъ словарѣ. Нѣсколько сказокъ сербскихъ напечаталъ Вукъ отдѣльною книжкой: «Народне Српске приповијетке» написано В. С. у Бечу. 1821 (8° 48); нѣсколько другихъ въ «Денницѣ» (1828 стр. 235 — 240; 1829 стр. 34 — 41; 1834, стр. 89—95) и въ объясненіяхъ къ пословицамъ. Въ концѣ книги сказокъ помѣщено и собраніе загадокъ (стр. 33 — 48). Нельзя не пожелать, чтобы эта последняя часть трудовъ Вука была дополнена тѣмъ, что имъ собрано послѣ, и издана съ такою же тщательностію, какъ изданы имъ и пословицы.

Здѣсь же упомяну, что Вукъ первый обратилъ вниманіе на нарѣчіе Болгарское. Ему посвященъ его «Додатак къ Санктпетербургским сравнительним рјечницима свију језика и нарјечија с особитим огледима Бугарског језика; написао Вукъ Стефановић. у Бечу 1822» (4° 54). Книга эта была издана въ то время, когда никто не имѣлъ понятія о болгарскомъ нарѣчіи, когда самъ Добровскій пропускалъ его еще изъ числа нарѣчій славянскихъ: въ ней помѣщено и краткое грамматическое обозрѣніе, и собраніе народныхъ пѣсенъ.

Заслуги Вука въ отношеніи къ исторіи и этнографіи сербской останутся также навсегда незабвенны. Все, что написалъ онъ по этой части, не есть ни сборъ, ни выборъ изъ другихъ книгъ, а наблюденія современника. Конечно и онъ, какъ и всякій другой современникъ, не оставался равнодушнымъ наблюдателемъ, тѣмъ болѣе потому, что все это касалось его отечества, его народа; однако умѣлъ скрывать и свое пристрастіе, и, хотя не досказывалъ того, чего не хотѣлъ сказать, но за то и никогда никѣмъ не былъ обличенъ въ вымышленномъ представленіи обстоятельствъ. Точно такъ, какъ его словарь или грамматика, могутъ быть пополнены и его историческія записки; но все написанное можетъ остаться безъ выпусковъ.

Смолода Вукъ сдѣлался лицемъ дѣйствующимъ въ обстоятельствахъ, волновавшихъ и оживлявшихъ Сербію. Такъ, уже въ 1804 году, при самомъ началѣ сербскаго возстанія, будучи только семнадцатилѣтнимъ юношей, онъ былъ призванъ въ лагерь и сдѣлался писаремъ у извѣстнаго Чурчіи. Позже, въ 1807 году, послѣ неудачъ на поприщѣ учебномъ, онъ былъ писаремъ у Якова Ненадовича, а потомъ переѣхалъ въ Бѣлградъ, какъ писарь сербскаго совѣта. Болѣзнь и лѣчење (1808—1810) отвлекли его отъ Сербіи; но въ 1810 году, воротившись опять въ Сербію, онъ былъ сначала учителемъ въ бѣлградскомъ училищѣ, потомъ въ 1811—таможеннымъ секретаремъ въ Крадовѣ, а въ 1812 былъ посланъ въ Неготинъ, какъ комиссаръ отъ совѣта, и тамъ сдружился съ знаменитымъ гайдукомъ Велькомъ Петровичемъ, и от-

туда былъ посылаемъ Георгіемъ Чорнымъ по разнымъ дѣламъ къ Молла-Пашѣ Видинскому. Въ 1813 году онъ былъ сдѣланъ, по назначенію Георгія Чорнаго, судьей въ Борзой-Паланкѣ, а потомъ, когда началась война, перешедши служить въ Бѣлградъ, два раза былъ посылаемъ по разнымъ дѣламъ въ Порѣчь. Возвращаясь во второй разъ въ Бѣлградъ, онъ не могъ уже туда попасть: на Дунаѣ были уже Турки. Онъ оставилъ Сербію, и изъ Панчева поѣхалъ въ Вѣну Обстоятельства политическія и занятія литературныя отвлекали Вука отъ Сербіи, но не заставили его забыть о ней. Въ 1816 году онъ ѣздилъ въ Сербію, думая остаться тамъ служить, и воротился въ Вѣну, ничего не достигши. Въ 1820 году, уже будучи женатымъ и съ литературною извѣстностью, пріѣзжалъ опять въ Сербію съ намѣреніемъ завести въ Бѣлградѣ, по примѣру русскому, училище взаимнаго обученія, и учить князя Милоша читать и писать, и опять уѣхалъ изъ Сербіи, не достигши желаемаго. Въ 1822 и 1827 онъ посѣщалъ Сербію по своимъ литературнымъ дѣламъ.

Пріѣхавши опять въ Сербію въ 1828 году, онъ получилъ отъ князя Милоша предложеніе заняться составленіемъ законовъ для Сербіи, долго отказывался, но наконецъ принужденъ былъ согласиться и остался въ Сербія на три года; въ 1829—1830 г. онъ занимался составленіемъ законовъ, а въ 1831 году былъ президентомъ бѣлградскаго магистрата. Въ это время онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ правительствомъ сербскимъ, будучи самъ однимъ изъ членовъ его, и имѣлъ средство узнать лучше и народъ, и землю, и лица, дѣйствовавшія на сценѣ возрожденія Сербіи. Милоша, какъ избавителя и устроителя Сербіи, онъ не могъ не уважать, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могъ равнодушно глядѣть на его турецкій деспотизмъ, и удалившись въ 1831 году въ Землинъ, Вукъ написалъ ему письмо, въ которомъ представилъ ему состояніе Сербіи и его погрѣшности, упрашивая его измѣниться и предрекая судьбу, какая должна его постигнуть, если онъ не измѣнитъ своего поведенія, и какая точно его постигла. Послѣ этого возвратиться ему въ Сербію было уже невозможно; а, между тѣмъ, и правительство австрійское не позволяло ему оставаться въ Землинѣ, требуя отъ него удалиться за границу. Вукъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, подавалъ просьбу за просьбой, и уже только въ концѣ 1832 года получилъ приказаніе переѣхать въ Пештъ, а потомъ и позволеніе поселиться въ Вѣнѣ. Въ 1834 году Вукъ ѣздилъ въ первый разъ въ Адріатическое Приморье, посѣтилъ Боку Которскую, Дубровникъ и жилъ въ Черногоріи. Въ 1837 году онъ совершилъ путешествіе по Венгріи, Славоніи и Кроаціи; въ 1838 году снова былъ въ Славоніи и Далмаціи; въ 1839 снова въ Сербіи, не заставши уже Милоша княземъ; въ 1841 году онъ путешествовалъ въ Далмацію, Черногорію, Кроацію, Славонію и Сербію,

вмѣстѣ съ русскими путешественниками, Княжевичемъ и Надеждинымъ. Измѣненіе обстоятельствъ въ сербскомъ княжествѣ и участіе въ судьбѣ Милошева семейства, заставили его побывать еще раза два въ Сербіи. Припоминаю все это для того, чтобъ показать, что Вуку нетрудно было и узнать народъ сербскій въ разныхъ его частяхъ, и землю, и современное положеніе дѣлъ. Все это онъ высказывалъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ географіи, этнографіи и современной исторіи сербовъ. Я уже упомянулъ, что множество этнографическихъ примѣчаній вставлено Вукомъ въ словарь. Изъ нихъ однихъ можно составить прекрасное описаніе нравовъ и обычаевъ сербовъ. Не знаю, какъ думаетъ Вукъ теперь, но въ то время, когда мы были съ нимъ близки, въ 1841—1842 году, его занимала мысль воспользоваться, между прочимъ, и ими для подробнаго описанія сербскаго народа. Для этого служило-бъ ему пособіемъ географическо-статистическое описаніе Сербіи, помѣщенное имъ въ «Денницѣ» (1827: стр. 25—128, 1828: стр. 222—234, 1826: и пр. 1—40). Описаніе Черногорья и Черногорцевъ было у него готово уже давно, и вышло на нѣмецкомъ языкѣ: Montenegro und die Montenegriner. Stuttg и Tübing. 1837 (8° 114 стр.).

Возвратившись изъ Черногорья, гдѣ былъ болѣе мѣсяца въ 1834 году и гдѣ, посѣщая нахіи: Катунскую, Рѣчкую, Черничкую, успѣлъ собрать много свѣдѣній о народѣ, правительствѣ и его отношеніяхъ къ туркамъ, онъ сталъ писать свои записки обо всемъ этомъ, и послалъ отрывокъ къ Коттѣ въ Штутгартъ, и Котта, напечатавши его, помнится въ «Ausland», просилъ Вука сообщить ему о Черногоріи свѣдѣнія болѣе подробныя. Съ помощію одного нѣмца, Вукъ перевелъ сокращенно свои записки и послалъ Коттѣ, полагая, что эта статья будетъ напечатана также въ журналѣ; но Котта, увидя, что статья по своей величинѣ можетъ быть издана отдѣльною книжкой, напечаталъ ее въ своемъ собраніи Reisen и Länderbeschribungen, какъ особенную часть его. Такъ вышло сочиненіе Вука на нѣмецкомъ языкѣ. Вукъ однако не терялъ надежды издать его по-сербски и въ гораздо болѣе полномъ видѣ.

Два важнѣйшія изъ его историческихъ сочиненій: a) Прва и друга година Српскога војеванья на даије (Даница, 1828: стр. 136 — 221, 1834: стр. 25 — 54), b) Милош Обреновић, Князь Сербіи, граджа за Српску Историју нашега времена. У Будиму. 1828 (8° стр. 204). Замѣчательны также его краткія жизнеописанія знаменитыхъ Сербовъ (Даница 1826: стр. 70 — 94, 1829: стр. 1 — 31). При этомъ нельзя не вспомнить о знаменитомъ историкѣ Ранке. Въ 1828 году онъ пріѣзжалъ въ Вѣну, познакомился съ Вукомъ, распрашивалъ его о Сербіи, и наконецъ вздумалъ написать книгу о Сербіи въ ея современномъ положеніи. Для этого онъ съ Вукомъ сходился почти ежедневно, записы-

валъ подробно его разсказы, прочитывалъ ему потомъ, что писалъ, сталъ по частямъ печатать — такимъ образомъ составилась книга: «Die Serbische Revolution. Aus Serbischen Papieren und Mittheilungen von Leopold Ranke. Hamburg. 1829». Она только написана Ранке, а все содержаніе, можно сказать, даже духъ разсказа, принадлежатъ Вуку. Впрочемъ, Ранке не забылъ Вука: когда вышла книга, онъ прислалъ ему половину платы, полученной имъ за нее отъ книгопродавца. Статью о Боснѣ: «Ueber die letsten Umwandlungen in Bosnien», въ «Politische Zeitschrift» (1834, 2-te Lieferung), написалъ Ранке также по разсказу Вука — и прислалъ ему также половину гонорара. Гораздо смѣлѣе поступилъ Буе въ своей: «La Turquie d' Europe» (Paris, 1840, четыре части): все, что тамъ есть о Сербіи и сербахъ, ея нравахъ и современной исторіи, все—Вуково, частію извлечено изъ напечатаннаго, частію записано по разсказамъ; и въ знакъ благодарности Вукъ получилъ только похвалы въ книгѣ — похвалы, нерѣдко въ искаженномъ видѣ представляющія его литературное значеніе. Я уже не говорю о компиляціяхъ, изданныхъ въ Германіи и Австріи, гдѣ часто о Вукѣ нѣтъ и помину, а, между-тѣмъ, нѣтъ ничего, кромѣ того, что напечаталъ Вукъ. Все это, впрочемъ, показываетъ только, какъ важно свидѣтельство Вука о современной исторіи сербской.

Нельзя окончить этого перечня, не упомянувъ о томъ, что Вукъ въ своихъ сочиненіяхъ хотѣлъ не только описывать все сербское, но и быть писателемъ народнымъ. Доказательствомъ этому служить можетъ, между-прочимъ, и его переводъ «Новаго Завѣта». Онъ начатъ, по предложенію библейскаго общества, послѣ поѣздки въ Петербургъ въ 1818—1819, и оконченъ довольно скоро; но, къ сожалѣнію, попался въ жалкія руки А. Стойковича, человѣка образованнаго, но вовсе непонимавшаго духа и особенностей сербскаго нарѣчія. Стойковичъ измѣнилъ переводъ Вука по-своему, исказивши чисто-сербскій слогъ Вука фразами и словами какого-то несуществующаго нарѣчія — и въ такомъ искаженномъ видѣ вышелъ этотъ «Новый Завѣтъ», будто переведенный Стойковичемъ, въ Лейпцигѣ, въ 1834. (У Таухница, 8°, 628 стр.) Что не таковъ вышелъ онъ изъ-подъ пера Вукова, свидѣтельствомъ этому служатъ отрывки, изданные Вукомъ во время его путешествія въ Германію: Вука Стефановича Караджича, Огледи светога писма на српском језику. У Липисци. 1824: (8° IV+25). Вукъ приготовлялъ еще общую книгу для народнаго чтенія, что-то въ родѣ календаря и вмѣстѣ ручной энциклопедіи для простого народа, книгу, которая была бы необходима для сербовъ при теперешнемъ состояніи ихъ просвѣщенія; но, къ сожалѣнію, обстоятельства всегда отвлекали его отъ этого добраго дѣла. Это

тѣмъ болѣе жаль, что, кромѣ Вука, по крайней мѣрѣ теперь, нѣтъ еще писателя, который бы такъ умѣлъ управлять языкомъ народнымъ. и, оставаясь всегда простымъ, нравиться народу. Да и не одному простому народу Вукъ можетъ нравиться своимъ языкомъ и слогомъ: надолго онъ останется образцомъ не для однихъ сербовъ. Подобнаго писателя, по естественности и правильности выраженія, нѣтъ теперь ни у одного изъ западныхъ славянскихъ народовъ; и тѣмъ важнѣе заслуга его въ литературѣ сербской, что онъ засталъ ее въ отношеніи къ языку въ самомъ жалкомъ положеніи, въ рукахъ людей, не только не знавшихъ языка, но и не желавшихъ знать, предполагавшихъ, что учиться языку народъ долженъ у нихъ, а не они у народа, что они и судьи, и владыки языка. Не всѣ уже, впрочемъ, такъ думаютъ: такъ, между-прочимъ, новая школа такъ называемыхъ Иллировъ, въ Загребѣ, за честь себѣ ставитъ изучать языкъ и слогъ Вука и подражать ему.

Труды Вука, впрочемъ, были всегда оцѣняемы по заслугамъ. Во время путешествія въ Россію онъ сдѣланъ былъ членомъ Общества Любителей Русской Словесности и членомъ Краковскаго Общества Наукъ; въ 1823 году, во время путешествія въ Германію, гдѣ былъ обласканъ Гете, Фатеромъ, Бетигеромъ, Гриммомъ и другими, онъ получилъ отъ Іенскаго университета почетный дипломъ на степень доктора философіи. Позже онъ принятъ членомъ Геттингенскаго Общества Наукъ, Московскаго и Одесскаго Обществъ Исторіи и Древностей. Въ 1841 году Государь Императоръ наградилъ его литературные труды большою золотой медалью. Пособія денежныя онъ получалъ: отъ князя Милоша, отъ Черногорскаго владыки, отъ графа Румянцова, отъ Россійской Академіи и покойнаго министра Шишкова. По ходатайству Шишкова, ему назначена ежегодная пенсія во сто червонцевъ съ 1826 года, а съ 1839 года правительство Сербское назначило ему также пенсію — въ годъ по 400 гульденовъ.

II.

послѣ 1842 года.

Вуку Стефановичу Караджичу было 55 лѣтъ, когда мнѣ случилось съ нимъ сблизиться въ Вѣнѣ въ 1842 году и воспользоваться его готовностью сообщить мнѣ свѣдѣнія о своей жизни отвѣтами на вопросы мои. Годы его были не такіе, чтобъ ему можно было остановиться на его трудовомъ пути, не помышляя о продолженіи трудовъ. Правда, уже онъ

не былъ такъ силенъ, какъ можно было бы ожидать отъ его лѣтъ: слабѣли и нерѣдко болѣли его глаза, иногда онъ страдалъ одышкой, еще чаще приливами крови къ головѣ; все это не могло его однако, какъ серба, ни сдѣлать равнодушнымъ и безучастнымъ къ тому, что творилось въ Сербіи, ни, какъ писателя, отказаться отъ довершенія неконченнаго.

Въ отношеніи къ своимъ политическимъ помысламъ, надеждамъ и дѣламъ онъ былъ и не могъ не быть скрытнымъ не только со мною, но и со всѣми. Къ этому вело его не только постоянное волненіе партій въ Сербіи при участіи въ немъ австрійскихъ сербовъ, отъ котораго надобно было ему держаться въ сторонѣ, чтобы сохранить свою независимость, но и его домашнее положеніе, какъ семьянина-жителя Вѣны, столицы правительства, навыкшаго подозрѣвать и преслѣдовать подозрѣваемыхъ. Несмотря, однако на всю свою осторожность, на все свое умѣнье невысказываться, другихъ наводя на откровенный разговоръ, не могъ онъ скрыть ни того, что онъ — благодарный почитатель русскаго государя и правительства, ни того, что онъ приверженецъ стараго Милоша, князя-освободителя Сербіи, долго ею правившаго и, на сколько было можно, ее устроившаго, потомъ изгнаннаго (въ 1839 году), но не утратившаго ни любви народной, ни надеждъ и замысловъ воротиться въ Сербію, какъ потомъ и дѣйствительно случилось. Нѣтъ сомнѣнія, что Вукъ стоялъ за Милоша не только сердцемъ, но и дѣломъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ своей жизни такъ же, какъ и ранѣе — и со временемъ, вѣроятно, вскроются подробности ихъ взаимныхъ отношеній; но до сихъ поръ все это остается неразгаданнымъ, по крайней мѣрѣ не яснымъ.

Онѣ впрочемъ и неважны для опредѣленія дѣятельности Вука, какъ писателя.

Въ 1842 году у Вука на умѣ и подъ руками было три работы: новое изданіе «Сербскихъ Народныхъ Пѣсенъ, пословицъ и сказокъ», переработка для второго изданія «Сербскаго Словаря» и окончаніе перевода «Новаго Завѣта».

Новое изданіе «Сербскихъ Народныхъ Пѣсенъ» начато было Вукомъ еще въ 1841 году: тогда вышла первая книга, въ которую вошли не только, какъ означено въ заглавіи, «различныя женскія пѣсни», но и тѣ, которыя хотя и поются не одними женщинами и дѣвушками, но не принадлежатъ къ числу собственно мужскихъ, «юнацкихъ» былевыхъ, всего около 800. Слѣдующіе томы, вышедшіе въ 1845, 1846, 1863 годахъ представили не менѣе богатое собраніе юнацкихъ пѣсенъ

расположенныхъ въ нѣкоторой мѣрѣ по времени и краямъ, къ которымъ относятся. Позже въ 1865 и 1866 годахъ издано еще двѣ книги по рукописямъ Караджича. Все это собраніе замѣчательно не только обиліемъ и разнообразіемъ пѣсенъ, въ него вошедшихъ, но и высокимъ ихъ внутреннимъ достоинствомъ. Собрать такое огромное множество и такихъ превосходныхъ пѣсенъ Караджичу всего болѣе помогла, конечно, сама жизненная сила творчества и памяти въ народѣ сербскомъ. Пѣсни, сложенныя прежде, берегутся памятью народной какъ ни чѣмъ не замѣнимая душевная пища, не говоря уже о тѣхъ, которыя, прильнувъ къ быту и обычаямъ семьи и общины, къ жизни каждаго человѣка отъ колыбели до могилы, сдѣлались жизненно-необходимы такъ, что безъ нихъ все, что должно быть исполнено по закону обычая или исполняется по старому навыку, было бы неполно, бѣдно, какъ бы совсѣмъ не сдѣлано, или показалось бы сдѣланнымъ непристойно. Пѣсни-воспоминанія, въ которыхъ передаются повѣсти о дѣлахъ минувшаго времени, и отдаленнаго и недавняго, и только что прошедшаго, принадлежатъ памяти не какихъ-нибудь особенныхъ лицъ, выслушиваемыхъ другими, а всѣмъ—старикамъ, юношамъ, дѣтямъ, женщинамъ замужнимъ, дѣвушкамъ, дѣвочкамъ, и не въ какомъ-нибудь одномъ краѣ, а всюду, гдѣ только есть сербы. Вмѣстѣ съ вѣрованіями и церковными обрядами православія онѣ соединяютъ нераздѣльно всѣхъ сербовъ въ одинъ народъ, гдѣ бы они ни жили, лишь бы были сербами. Даже и тѣ сербы, которые отдѣлились отъ другихъ по вѣрѣ, ставши кто римско-католиками, кто мусульманами, дорожатъ ими такъ же, какъ и православные. Отъ этого записывать прежде сложенныя пѣсни, однѣ и тѣ же, очень многія, можно почти вездѣ. Пѣсни вновь слагаемыя, однѣ пастухами, другія нищими, третьи участниками въ боевыхъ дѣлахъ, такъ же быстро распространяются, не всѣ одинаково, но тѣ изъ нихъ, которыя или болѣе нравятся, или по обстоятельствамъ возбуждаютъ народное сочувствіе, идутъ широко, далеко. И ихъ собирать можно во множествѣ, такъ что собирателя, которому недосугъ записать все предлагаемое, затруднитъ выборъ лучшаго. Это обиліе пѣсенъ у сербовъ и ихъ распространенность, конечно, облегчали трудъ Караджича; но внѣшняя легкость работы одна сама по себѣ не могла бы придать его собранію то несравнимое достоинство, которымъ оно отличается отъ всѣхъ другихъ подобныхъ собраній. Дорожа пѣснями, какъ произведеніями народнаго художества, онъ никогда не позволялъ себѣ, при ихъ переписываніи, никакихъ передѣлокъ, поправокъ, прибавокъ: что имъ было такъ или иначе записано, то такъ и было имъ издаваемо. Съ дѣтства самъ берегши многія пѣсни въ своей памяти, и въ продолженіи жизни выучивъ ихъ новое множество, онъ, самъ того не замѣчая, такъ свыкся со складомъ, съ языкомъ, со всѣми мелочными условіями изложенія и выраженія пѣсенъ всякаго рода, что въ пѣсняхъ,

ему доставляемыхъ, умѣлъ легко отличать то, что въ нихъ дѣйствительно есть созданіе народное, отъ того, что подбавлено или измѣнено какимъ-нибудь любителемъ улучшеній. Мнѣ удалось много разъ убѣдиться въ этомъ лично въ то время, когда вмѣстѣ съ Караджичемъ. читалъ я «Пѣваннія Церногорска и Херцеговачка собрана Чубромъ Чойковичемъ Церногорцемъ» (Лейпцигъ 1837): я громко читалъ, Караджичь слушалъ, опустя голову и оперщись на свою трость, и то повторялъ слова и выраженія, достойныя быть отмѣченными, что мною и дѣлалось, то произносилъ восклицанія: «Э!» или: «э, Чубро!» или: «гледай!» или: «ну, ну!» — и, поднявши голову и брови, хитро улыбался. На мои разспросы давалъ онъ отвѣты — доказательства, что то и другое слово или выраженіе, тотъ и другой стихъ, тотъ и другой рядъ стиховъ, даже и цѣльныя пѣсни поддѣланы или передѣланы, что, конечно, было мною тоже отмѣчаемо *). Такія передѣланные списки народныхъ пѣсенъ не были имъ принимаемы въ его собраніе — по крайней мѣрѣ до послѣднихъ лѣтъ жизни, когда и ослабленіе памяти, и болѣзни уже не давали ему возможности съ прежнимъ вниманіемъ вникать въ то, что ему было присылаемо. Таже самая сила знанія народной сербской поэзіи, которая отводила его отъ передѣлокъ и поддѣлокъ пѣсенъ, руководила имъ и при выборѣ передачь пѣсенъ, имъ услышанныхъ. Далеко не всякую передачу пѣсни всякимъ, кто брался ее пересказать или пропѣть ему, считалъ онъ годною, чтобы записать. Иную онъ отклонялъ съ первыхъ же стиховъ, другую дослушивалъ всю или до половины, и если пѣсня еще не была ему знакома по содержанію — только отмѣчалъ о чемъ въ ней говорится, съ тѣмъ, чтобы допрашивать другихъ, не помнитъ-ли кто ее лучше. Не какъ старинарь, дорожащій всякимъ остаткомъ древности, всякимъ спискомъ древняго памятника, онъ дорожилъ только дѣйствительно и безусловно цѣннымъ, но не на основаніи своего личнаго вкуса, а на основаніи чутья, вкуса народнаго и пониманія цѣльности пѣсни.

Новое изданіе «Сербскихъ Пословицъ и Поговорокъ» вышло въ 1849 г. (Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи), а новое изданіе сказокъ въ 1853, и затѣмъ еще разъ въ 1870 г. (Српске народне приповијетке). При собираніи и изданіи этихъ произведеній народной словесности Караджичь держался тѣхъ же правилъ и пріемовъ, какъ и при собираніи и изданіи пѣсенъ. Нетрудно было ихъ держаться въ отношеніи къ пословицамъ и поговоркамъ: сравнительно немногія изъ нихъ идутъ въ народѣ болѣе или менѣе различно, и ошибочное ихъ повтореніе людьми ихъ нехорошо помнящими даже

---

*) Оттискъ книги, на которомъ сдѣланы мною всѣ эти отмѣтки, со словъ Караджича, краснымъ карандашемъ, сберегается у меня до сихъ поръ.

и не для такого глубокаго знатока языка и народностей сербскихъ можетъ быть отличаемо. Трудно было только вообще опредѣлить, что считать дѣйствительно народною пословицей или поговоркой, и что не считать, какъ занятое изъ того же общаго, книжнаго, общедоступнаго источника, изъ котораго черпать одинаково могутъ не одни сербы, а всѣ православные, или и всѣ христіане, или хотя и не изъ книжнаго, но все-таки не народнаго и не народомъ, а кое-кѣмъ случайно усвоенное. Караджичь рѣшилъ эту трудную задачу своимъ знаніемъ сербскаго народа такъ: что усвоено народомъ, какъ собственность его ума, спаявшаяся съ его взглядомъ на жизнь, съ его обычаями, съ выразительностью его языка, то должно быть принято, что нѣтъ — то отвергнуто. Дорожа народною пословицей, какъ искрой народнаго ума, остроумія, наблюдательнаго вниманія, приговора прямаго или косвеннаго, съ убѣжденіемъ, съ сожалѣніемъ, съ насмѣшкой или въ шутку, Караджичь домогался узнать ея настоящее значеніе, кругъ употребленія, случай, давшій ей поводъ, все, что можетъ ее объяснить, и давалъ мѣсто этимъ объясненіямъ при пословицахъ. Не дѣлаютъ этого обыкновенно другіе собиратели и издатели пословицъ, а если и издаютъ ихъ съ объясненіями, то съ такими, въ которыхъ, какъ въ нѣкоторыхъ комментаріяхъ писателей греческихъ и латинскихъ, иными словами повторяется тоже, и этимъ лишаютъ свои изданіи того высокаго достоинства, которымъ не можетъ не дорожить наблюдатель въ изданіяхъ Караджича. Гораздо болѣе трудности было у Караджича въ виду при собираніи и записываніи сказокъ и всякихъ народныхъ разсказовъ. Каждый разскащикъ волей-неволей вноситъ въ сказку свое личное, ему одному или немногимъ съ нимъ принадлежащее: если отмѣчать всѣ эти случайныя отличія пересказа, то конца не будетъ собиранію сказокъ даже и въ небольшомъ числѣ. Любопытны, конечно, всѣ эти отличія для изслѣдователя языка и слога народа, и то далеко не всѣ, но нисколько для того, кто хочетъ знать самыя сказки. Караджичь не могъ дорожить и въ сказкахъ никакими передѣлками, ни себѣ ихъ позволять, не могъ считать для себя годными никакіе случайныя подкраски въ пересказахъ сказокъ, разумѣется, и свои собственныя. Стараясь добыть сказку въ ея подлинномъ видѣ, онъ заставлялъ себя прослушивать ее нѣсколько разъ отъ одного и того же лица, хорошо ее знающаго, чтобы положительно узнать, что именно имъ въ ней случайно прибавлялось, сравнивалъ съ этими пересказы другого и третьяго разскащика, и затѣмъ, отдѣливши всѣ случайныя надбавки, вносилъ ее въ свой сборникъ. Иногда приходилось ему и перечитывать имъ записанную сказку не одинъ разъ тѣмъ, которые ее хорошо знали, чтобы удостовѣриться: не пропущено ли имъ что-нибудь въ передачѣ. Само собою разумѣется, въ его сборникѣ сказокъ должны были войдти только чисто-народныя сказки, и никакъ, вмѣстѣ съ такими, тѣ, которыя какъ ни-

будь добыты изчужа охотниками до какихъ бы то ни было сказокъ, охотниками, какихъ не мало между торговцами, извощиками, моряками и другими, входящими въ болѣе или менѣе близкія сношенія съ чужеродцами. Все это, насколько я знаю, и было причиною, что сборникъ Сербскихъ сказокъ, изданный Караджичемъ, не такъ богатъ ихъ числомъ, какъ бы можно было ожидать.

Изъ изданій Караджича можетъ всякій узнать вѣрно и достаточно полно всю народную словесность сербовъ — для какой бы то цѣли ни было. Не говорю, что ни въ какое другое собраніе не надобно и заглядывать: возбужденные примѣромъ и успѣхомъ Караджича трудились и трудятся надъ тѣмъ же многіе такъ, что не довѣрять имъ нельзя; но, думаю, что все, сдѣланное послѣ него, годится только какъ дополненіе къ сдѣланному имъ, и только послѣ изученія его собраній.

Переработка «Сербскаго Словаря» начата Караджичемъ лѣтъ за десять съ небольшимъ до его втораго изданія, вышедшаго въ 1852 году (Српски рјечник истумачен немачкијем и латинскијем ријечма); собираніе же дополненій къ первому изданію и поправокъ шло постоянно почти съ самого выхода его въ свѣтъ въ первый разъ (1818). Многія слова онъ записывалъ самъ, многія только переписывалъ изъ тетрадей, которыя были ему доставляемы, многія поручалъ выписывать изъ тѣхъ источниковъ, гдѣ находилъ слова, нужныя для словаря. Такъ и мнѣ случилось быть двѣ зимы его помощникомъ. Почти каждый вечеръ сходились мы читать, и читали то, что было любопытно, и мнѣ и еще болѣе ему. Я громко читалъ, онъ слушалъ и повторялъ громко тѣ слова и выраженія, которыя были ему любопытны: я тотъ же часъ подчеркивалъ ихъ краснымъ карандашомъ, и послѣ, разставшись съ нимъ, переписывалъ ихъ съ выраженіями, гдѣ они встрѣтились, каждое на особомъ листкѣ даннаго размѣра (въ 8-ку писчей бумаги). Такихъ листковъ было у него тогда уже нѣсколько тысячъ; но количество ихъ столько же и уменьшалось, какъ и увеличивалось: листки со словомъ, занявшимъ ихъ нѣсколько, сводились на одинъ, иные, какъ лишніе, уничтожались; на такихъ сводныхъ листкахъ вписывалось изъ того, что было уже и въ старомъ изданіи словаря все нужное, а если какого слова въ печатномъ изданіи не было, то къ нему прибавлялся переводъ и этнографическія объясненія, гдѣ они были нужны и возможны. Слова были ставимы въ азбучномъ порядкѣ, и я для болѣе легкаго нагляднаго обзора того, что уже было готово, велъ списокъ законченно объясненныхъ. Перевести на нѣмецкій языкъ слово, не вошедшее въ первое изданіе словаря, Караджичь могъ или самъ или съ помощью жены (нѣмки), но перевести по латыни онъ вовсе не могъ, такъ-какъ латинскаго языка не зналъ, не могъ взяться и я за многое: надобно

было обращаться къ Копитару, который, съ необычнымъ самоотверженіемъ, помогъ Караджичу въ составленіи перваго изданія словаря, и Копитаръ всегда былъ готовъ на помощь, не только на помощь личную, но и на спросы другихъ знатоковъ латинскаго языка, когда въ чемъ нибудь не довѣрялъ себѣ одному. Позже этимъ дѣломъ занялся г. Даничичь, скоро послѣ прославившійся своими собственными трудами по сербскому языку, какъ умный и самостоятельный послѣдователь Караджича. Какъ и въ первомъ изданіи, словарь обнялъ составъ одного только народнаго языка безъ всякихъ книжныхъ прибавокъ, кромѣ только совершенно усвоенныхъ народомъ, и то въ томъ видѣ какъ ихъ усвоилъ себѣ народъ, но зато всего народнаго языка, т. е. всѣхъ его мѣстныхъ видоизмѣненій, всѣхъ частныхъ говоровъ. Бытописныя объясненія, которымъ было дано не мало мѣста и въ первомъ изданіи, въ этомъ новомъ еще болѣе умножены. Многія изъ нихъ необходимы непосредственно для яснаго пониманія словъ, при которыхъ приложены; другія важны по подробностямъ быта и обычаевъ, вѣрованій и преданій народа; изъ тѣхъ и другихъ многія помогаютъ разумѣнію пѣсенъ, пословицъ, сказокъ. Весь словарь увеличился болѣе, чѣмъ вдвое. Изданъ онъ въ первый разъ слишкомъ за полъ-вѣка до нынѣшняго времени, во второй разъ чуть не за четверть вѣка — и остается до сихъ поръ образцомъ безъ подражаній. Потому ли, что не достоинъ подражанія? Конечно, не поэтому. Потому ли, что трудно по другому языку или нарѣчію сдѣлать то, что, повидимому, нетрудно было сдѣлать для сербскаго? Едва ли. Или же потому, что трудно быть составителю словаря такимъ знатокомъ языка и вмѣстѣ народа, какимъ былъ Караджичь? Безъ сомнѣнія, по этому. Какъ ни необходимо для этнографа знаніе языковъ тѣхъ народовъ, которыми онъ занимается особенно, какъ ни необходимо для филолога знаніе быта, нравовъ и обычаевъ тѣхъ народовъ, которыхъ языками онъ занятъ,— и все-таки нѣтъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ не случилось узнать, такого филолога-этнографа, который, какъ бы ни былъ ограниченъ кругъ его вѣдѣнія, зналъ столько же и народъ, какъ языкъ, или языкъ, какъ народъ. И это неудивительно: и филологи, и этнографы, хотя бы и происходили изъ народа, обыкновенно отдѣляются отъ него такъ, что имъ приходится вновь изучать и языкъ, и подробности быта и обычаевъ, нерѣдко и вглядываться въ то и другое не просто, а съ предвзятою мыслью. Караджичь, выйдя изъ народа, съумѣлъ не отдѣлиться отъ народа своего: не въ силу научныхъ убѣжденій занялся народомъ, а въ силу понятой необходимости узнать народъ занялся наукой, всю жизнь прожилъ, мысля о народѣ для него самого, въ чемъ и сосредоточивались его личные виды. Всякій другой, такъ же начавъ свою жизнь и такъ же управясь ею, можетъ сдѣлать тоже, особенно, если найдетъ себѣ такого безкорыстнаго совѣтника и помощника, ка-

кимъ былъ Копитаръ, и такого благодарнаго ученика-сотрудника, какимъ былъ Даничичь.

Никогда Караджичь не переставалъ сожалѣть объ утратѣ своего перевода «Новаго Завѣта». Если бы подъ старость и не нашелъ онъ возможнымъ издать его точно въ томъ видѣ, какъ былъ онъ поданъ когда-то въ Библейское общество, то все же не слишкомъ великъ былъ бы для него трудъ исправить готовое. Но переводъ утраченъ, самая рукопись, вѣроятно, погибла въ рукахъ Стойковича: надобно было не скорбѣть только, а еще болѣе, при убѣжденіи въ необходимости чисто сербской передачи великой книги христіанскаго ученія, думать о ея новомъ переводѣ. Караджичь былъ увѣренъ, что на языкѣ церковно-славянскомъ «Новый Завѣтъ» почти недоступенъ сербамъ и по трудности языка, и по трудности добыть книгу его: кромѣ церквей, думалъ онъ—едва ли есть во всѣхъ сербскихъ краяхъ и пятьдесятъ домовъ, гдѣ найти можно эту книгу; ѐдва ли найдется и пять человѣкъ, прочитавшихъ ее всю по порядку. Издать сербскій переводъ онъ считалъ своимъ долгомъ. Почти каждый день, хоть понемногу, читалъ онъ «Новый Завѣтъ» въ славянскомъ переводѣ и мысленно переводилъ со славянскаго на сербскій: такъ было, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда мы съ нимъ сходились. Приготовясь исподволь, Караджичь написалъ свой переводъ — и, воспользовавшись всѣмъ, чѣмъ могъ, другими переводами и мнѣніями живыхъ людей, издалъ въ 1857 году (Нови завјет Господа нашега Исуса Христа превео В. С. К.). Переводъ этотъ сдѣланъ на тотъ самый чисто народный языкъ, которымъ Караджичь говорилъ съ дѣтства, которымъ писалъ, на которомъ сложены памятники народной словесности, имъ записанные и изданные. Сдѣланъ онъ былъ въ отношеніи къ выбору словъ и выраженій такъ осмотрительно, что Караджичь могъ дать отчетъ о каждомъ словѣ, имъ взятомъ, и въ предисловіи къ изданію данъ этотъ отчетъ: удержано безъ перемѣны 53 церковно-славянскихъ слова, взято ихъ въ сербскомъ выговорѣ 47, изъ словъ турецкихъ, во множествѣ усвоенныхъ сербами, 30, придумано или взято изъ русскаго въ сербской постановкѣ 84; всѣ другіе и слова, и обороты взяты изъ языка простаго народа.

Печатные оттиски перевода «Новаго Завѣта» разосланы были всюду, гдѣ можно было ожидать къ нему вниманія и участія къ его распространенію въ народѣ,—и во многихъ мѣстахъ приняты съ такимъ же уваженіемъ, какъ и все, что выходило изъ-подъ руки Караджича, во многихъ мѣстахъ, но не тамъ, гдѣ трудъ его, какъ даяніе народу, долженъ бы былъ быть оцѣненъ всего безпристрастнѣе. Вооруживъ противъ себя всѣхъ своихъ прежнихъ враговъ этою книгою, Караджичь

вызвалъ противъ себя многое множество новыхъ. Старые враги его видѣли въ немъ раскольника только въ литературномъ отношеніи, озлоблявшаго ихъ своею борьбою со старыми навыками писать смѣшаннымъ сербо-славяно-русскимъ языкомъ и смѣшаннымъ сербо-славяно-русскимъ правописаніемъ, а вмѣстѣ и своими успѣхами, своею славой; но эти старые враги волей-неволей становились постепенно все уступчивѣе,— если не въ отношеніи къ правописанію, то хоть къ языку. На переводчика «Новаго Завѣта» враги старые и новые возстали, какъ на врага не только литературы, но и Церкви православной, а слѣдовательно и народности сербской. Не могли и не хотѣли они допустить, чтобы священное писаніе читалось народомъ на языкѣ простонародномъ, слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, грубомъ, непристойномъ, искажающемъ смыслъ и значеніе священныхъ образовъ и мыслей, и притомъ еще недословно передающемъ то, что принято Церковью въ славянскомъ переводѣ, къ тому же такимъ правописаніемъ, въ которомъ одно употребленіе латинской буквы j считалось достаточнымъ, чтобы доказать, какъ оно неправославно. Врагами Караджича сдѣлались даже его друзья и защитники. Одни за другими стали появляться въ печати жестокіе отзывы и о его новой книгѣ, и вообще о его языкѣ и правописаніи. Приговоры о книгѣ сербскаго духовенства, хотя и не издаваемые, были еще дѣйствительнѣе. Ввозъ его перевода въ Сербію былъ запрещенъ. Такое запрещеніе для книгъ Караджича было не первое: уже въ 1832 году издано было постановленіе, запрещавшее ввозъ въ Сербію книгъ, напечатанныхъ караджичевскимъ правописаніемъ; но оно никогда не было строго исполняемо и потомъ забыто. Новое запрещеніе, съ начала частное, потомъ, въ началѣ 1850 года, общее, было не таково: не исполнять его было опасно: Караджичъ отвѣчалъ, какъ могъ, на печатные отзывы, объяснялся и въ письмахъ передъ прежними друзьями, хлопоталъ и передъ правительствомъ сербскимъ,—все напрасно: если бы и можно было, говорили ему въ отвѣтъ, допустить въ Сербію сербскій переводъ «Новаго Завѣта», то никакъ не изданный тѣмъ правописаніемъ, которое онъ ввелъ; если бы и можно было допустить это правописаніе, то никакъ не въ такой книгѣ, какъ «Новый Завѣтъ». Если про себя внутренно и иначе думали нѣкоторые изъ гражданскихъ и духовныхъ властныхъ лицъ, то все-таки они бы не осмѣлились подать свой голосъ въ защиту того, что считалось какъ бы само по себѣ безусловно противузаконнымъ, преступнымъ. Напрасными остались и письма Караджича, и его поѣздки въ Сербію, и переговоры съ разными властными лицами тамъ и въ Вѣнѣ. Напрасными остались и представленія правительству Сербскому со стороны Бѣлградскаго Общества Сербской Словесности въ 1848 и въ 1849 годахъ въ защиту Караджича. Запрещеніе книгъ караджичевыхъ не только не было ослаблено, но даже усилилось, подтвержденное новымъ постановленіемъ 1852 года.

Какъ все это должно было ложиться на душѣ Караджича, начавшаго подъ этими впечатлѣніями седьмой десятокъ лѣтъ своей жизни, все болѣе слабѣвшаго силами, представить себѣ нетрудно. Тяжело было ему успокоивать себя только тѣмъ, что его труды преслѣдуемые въ его отечествѣ, привлекаютъ къ нему уваженіе всѣхъ внѣ границъ его. Скорѣе могъ онъ остановиться на мысли, что его литературная дѣятельность, отвергаемая вся сполна въ княжествѣ Сербскомъ, находитъ все болѣе себѣ уважительную оцѣнку въ другихъ земляхъ, населенныхъ сербами, помимо усилій его старыхъ литературныхъ непріятелей, и что молодые сербы, получившіе высшее научное образованіе, начинаютъ понимать его заслуги. Опираясь на этомъ, онъ позволилъ себѣ надѣяться, что со временемъ и въ Сербіи признаютъ безцѣльность преслѣдованія книгъ его, и продолжалъ посильно работать: въ 1849 г. онъ издалъ «Ковчежичь за историју језик и обичаје Срба», въ 1850 г. «Приповјетке из старога и новог Завјета», въ 1852 году свой «Рјечник», какъ было сказано прежде; въ 1853 году «Народныя Сербскія Сказки», въ 1857—«Примјери Српско-Славенскаго језика». И книги его расходились. Къ 1857 году потребовалось даже новое изданіе «Новаго Завѣта».

Между-тѣмъ, въ Сербіи постоянно волновавшейся при сынѣ стараго Милоша, Михаилѣ, и при свергнувшемъ его съ княженія Александрѣ Карагеоргіевичѣ, образовался опять замыселъ болѣе крупный и общеважный, къ которому примкнули многіе изъ всѣхъ слоевъ народа. Нѣсколько лѣтъ онъ зрѣлъ, и кончился сверженіемъ князя Александра и принятіемъ на его мѣсто стараго, восьмидесятилѣтняго Милоша. Чтилъ старика и Караджичь вмѣстѣ со многими сербами стараго закала, и если не принималъ личнаго участія въ дѣлѣ возвращенія Милоша въ Сербію, все-таки не могъ не радоваться за князя имъ чтимаго и не перестававшаго уважать Караджича и ему покровительствовать. Отъ этой перемѣны могъ онъ и надѣяться хотя чего-нибудь. Его надежды оправдались.

На той же скупщинѣ, которая приняла стараго сербскаго князя, какъ новаго, было сдѣлано предложеніе о снятіи запрещенія съ караджичевыхъ книгъ и вообще съ его правописанія. Правительство нѣкоторое время не соглашалось, спорило само съ собою и кончило однако тѣмъ, что съ Караджича снято запрещеніе: его правописаніе дозволено — только не для книгъ, издаваемыхъ для начальныхъ училищъ: постановленіе вышло 23 января 1860 года. Такъ Караджичь дожилъ-таки до того, что могъ свободно и посылать въ Сербію, и самъ съ собою привозить и раздавать свои изданія, и что его мысли о сербскомъ языкѣ и письмѣ могли быть свободно излагаемы и усвоиваемы въ Сербіи. Не могъ онъ и не порадоваться, увидѣвъ на дѣлѣ, что непоколебимыхъ враговъ его мыслей вовсе не было такъ много, какъ казалось. Разомъ, послѣ

снятія запрещенія, выразилось въ Сербіи сочувствіе къ нему и въ частныхъ лицахъ, и въ Обществѣ Сербской Словесности.

Не дожилъ онъ до послѣдней побѣды своего дѣла въ Сербіи, до изданія постановленія 12 марта 1868 года, которымъ и языку, и правописанію Караджича дана полная свобода; но для него было и того довольно.

Лѣтомъ 1860 года я видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ и отъ него самого узналъ и чего онъ достигъ, и какъ радовался этому. Тогда и обстановка его была вообще несравненно лучше прежней, и всѣмъ онъ былъ доволенъ, жалуясь только на слабость; но это была слабость не только глазъ и груди, а всего тѣла и сопровождалась частыми болѣзнями. Съ каждымъ годомъ все это усиливалось.

Послѣ счастливаго для него исхода предложенія скупщины, онъ прожилъ только четыре года: 26 января 1864 года онъ скончался, оставя послѣ себя вдову-старушку, сына въ военной службѣ сербской и дочь замужемъ за профессоромъ Бѣлградскаго лицея, Вукомановичемъ. Нѣсколько недоизданныхъ имъ трудовъ были напечатаны подъ наблюденіемъ особаго комитета (котораго главными членами были: О. Утѣшеновичь, Ф. Миклошичь и І. Субботичь). Его переводъ «Новаго Завѣта» третьимъ изданіемъ вышелъ въ годъ его смерти, и съ тѣхъ поръ, сдѣлавшись народною книгой, переиздается часто.

Такъ достигъ Караджичь своихъ высшихъ цѣлей. Какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ дѣятелей своего времени въ западномъ славянствѣ, едва-ли не успѣшнѣе всѣхъ ихъ выполнилъ онъ свои задачи, и едва-ли не основалъ себѣ въ памяти народной и въ общей признательности воспоминанія, сравнительно съ другими дѣятелями, самого почетнаго и прочнаго. Достойная отплата за дѣятельную любовь къ своему народу.

И. Срезневскій.

НРАВСТВЕННОЕ И МАТЕРІАЛЬНОЕ СОСТОЯНІЕ

ОБЩЕСТВА ЗАПАДНО-РУССКАГО ДО СИГИЗМУНДА-АВГУСТА.

Въ политическихъ и гражданскихъ отношеніяхъ въ Литовской Руси со временъ Ягайлы проявляется два теченія: старо-русское и польское; борьба ихъ между собою и взаимное столкновеніе составляютъ главный характеристическій признакъ литовской исторіи этого періода. Если отъ отношеній политическихъ обратимся къ отношеніямъ религіознымъ, то увидимъ, что и здѣсь соединеніе двухъ разновѣрныхъ государствъ произвело свое замѣтное вліяніе, и здѣсь мы встрѣчаемся со слѣдствіями брака Ядвиги и Ягайлы [1]). Мы уже видѣли, что до соединенія Литвы съ Польшею, не смотря на язычество государей и многихъ изъ вельможъ, православіе — исповѣданіе большинства — преоблададо [2]). До времени Ягайлы католичество проповѣдывалось иногда

[1]) О церкви въ Литвѣ: *И. Д. Бѣляева*: «Разсказы», кн. IV и всѣ исторіи церкви. Главнѣйшія грамоты, которыми опредѣляются права духовенства въ Литовскомъ государствѣ, суть: *привилей Александра* 1499 г. («Акты Зап. Россіи», I, № 166; *Евгенія*: «Оп. Соф. собора», «Сборникъ Муханова», стр. 97—99; «Бѣлор. Арх.», № 3), *Сигизмунда* 1511 г. («Акты Зап. Россіи», II, № 65, «Оп. Кіев. Соф. Собора», «Бѣлор. Арх.», № 6); *Смоленскому епископу Іосифу* (а потомъ митрополитъ) 1494 г. («Акты Зап. Россіи», I, № 118); 1497, 98, 99 (*тамъ же* №№ 144, 145, 148, 160) и 1499 г. «Сборн. Муханова», 88—89); 1509 («Акты Зап. Россіи», II, № 51); 1512 (*тамъ же № 78)*; *Полоцкому Архіеп. Лукѣ*, 1499 («Акты Зап. Россіи», I, № 174), 1513 («Сборн. Муханова», 133—135); *Черниговскому епископу Іонѣ* («Акты Зап. Россіи», I, № 158); *Виленскимъ священникамъ* 1498 («Акты З. Росс.», I № 152); *Кіевскимъ монастырямъ*: *Печерскому* 1494 г. («Акты Зап. Россіи», I, № 117), 1522 («Акты Зап. Россіи», II, № 112), *Николаевскому* 1497 («Акты Зап. Россіи», I, № 151), 1506 (*тамъ же*, № 223), *Межигорскому* («Акты Зап. Россіи», II, № 121), *Михайловскому* (*тамъ же*, № 122).

[2]) У *Стрыйковскаго* (II, 14) есть очень важное показаніе; «już malo nie wszystki xiążęnta Litewskie Gediminowicy ochrzili bil w Ruskich obrzędów wiarę chrześcian-

въ Литвѣ, но имѣло весьма незначительное число приверженцевъ [3]). Положеніе дѣлъ измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ Ягайло, принявъ католичество, крестилъ языческую Литву и явно поставилъ католическую вѣру господствующею. Мы уже видѣли, что въ привилеи, данномъ литовскимъ князьямъ и боярамъ въ 1387 году, Ягайло заявилъ, что права принадлежатъ только католикамъ и что въ письмѣ къ виленскому епископу далъ ему право обращать, въ случаѣ смѣшаннаго брака, православную сторону въ католичество даже тѣлесными наказаніями. Основывая въ Вильнѣ костелъ св. Станислава, Ягайло надѣлилъ его значительными поземельными владѣніями и даровалъ ему даже часть города Вильны «съ домами, жителями домовъ и другими принадлежностями» [4]). Затѣмъ объѣхалъ города литовскіе, строя въ нихъ костелы [5]). Договоромъ о соединеніи Литвы съ Польшею 1401 года охраняются права и привиллегіи католическихъ церквей устроенныхъ и устраиваемыхъ [6]). Когда Жмудь, наконецъ, была получена отъ крестоносцевъ, Ягайло, вмѣстѣ съ Витовтомъ, отправился въ Жмудскую землю, крестилъ язычниковъ, строилъ церкви, давалъ имъ земли [7]); а въ 1417 году основано Жмудское епископство и первымъ епископомъ поставленъ нѣмецъ *Матвѣй* [8]). Но еще долго пришлось Витовту мечемъ утверждать католицизмъ на Жмуди, хотя въ 1421 году и было до-

---

ską, okrom Kiejstuta. Olgerd też acz się był jeszcze za żiwota ojca Gedimina ochrzcil gwoli żenie Ulianie, po której i xięstwo Witebskie otzymał, ale świéża skorupa tłustocią smrodliwą, starą przywarę woniała».

[3]) Воевода Ольгердовъ *Гаштольдъ* принялъ католицизмъ, женившись на полькѣ, и основалъ въ Вильнѣ францысканскій монастырь («Pomn. do Dz.», 20); но когда онъ ходилъ съ Ольгердомъ къ Москвѣ, «собравшися мещане виленскіи погане и пришли моцю великою у клашторъ не хотячи христіанства закону римскаго мети, и клаштор сожли, а мнихов сем стяли, а другую сем мнихов розвязавши на крыж и пустили по Велли вниз, мовячи: «з захода есте слонца пришли, и на заход зась пойдыте, што есте казили боговъ нашых». (*Тамъ же*, 21—22). Ольгердъ выдалъ возмутителей (500 человѣкъ) Гаштольду, который ихъ казнилъ. (*Тамъ же*).

[4]) «Una cum arcis et domibus et domorum incolis et appendiis universis». («Skarbiec», I, № 538).

[5]) Послѣ поставленія перваго виленскаго католическаго епископа *Василя* «k temu siedm kościolów parochialnych plebańskich z dostatecznym nadanim w Litwie fundowal: pierwszy w Wilkomeriej, w Missogale, w Niemenczynie, w Miednikach, w Krewie, w Bolciach, i w Hajnie, który też koscioly Królowa Jadwiga dosic hojnie klejnotami, srebrem, i krzyżami takze ornatami kosztownymi z skarbu własnego nadałe». (*Стрыйковскій*, II, 80) «Jagelo odesławszy Królową do Polski, rok prawie cały po różnych miejschach Litewskich z miasta do miasta i z wołości do wołości jeździł, szczepiąc i gruntując wiarę świętą chrześciańską». (*Тамъ же*, 81.)

[6]) Vol, leg. l. 30.

[7]) «Pomn. do Dz.», 41.

[8]) Dlug. I, XI, 389.

несено папѣ, что Жмудь окончательно обратилась въ католицизмъ [9]). Трудно было обращать въ католичество язычниковъ, еще труднѣе оказалось обращеніе православныхъ: слишкомъ много сильныхъ людей стояли за православіе; сочувствіемъ православныхъ держался преимущественно Свидригайло. Этимъ объясняется почему Витовтъ самъ строилъ православныя церкви въ Вильнѣ и другихъ мѣстахъ [10]). Дѣятельность Ягайлы казалось латинянамъ не очень ревностною: въ Римѣ жаловались на это, и онъ, чтобы оправдать себя передъ папою, обратилъ, въ 1421 году, въ костелъ перемышльскую соборную церковь [11]); но въ земляхъ Полоцкихъ, неознакомленныхъ съ латинствомъ, не было построено ни одного костела [12]), а въ Луцкой землѣ Ягайло далъ обѣщаніе не строить костеловъ и не обращать православныхъ въ католицизмъ [13]). Мы уже видѣли, что Витовтъ, по своимъ политическимъ разсчетамъ, устроилъ избраніе особаго митрополита и что посольство епископовъ на Констанцскій соборъ едва ли имѣло въ виду обращеніе Руси въ католичество, да и вообще Витовтъ далеко не былъ такъ ревностенъ въ дѣлѣ вѣры, какъ Ягайло, ибо. какъ уже сказано, самая мысль объ Уніи имѣла для него политическій характеръ. По смерти Витовта мысль объ Уніи снова поднялась: *Герасимъ*, епископъ Смоленскій, поставленный въ митрополиты патріархомъ въ 1433 году и остав-

---

[9]) Грамота папы *Мартина* V на Жмудь. («Skarbiec», II, № 1329.)

[10]) В. Г. *Васильевскаго;* «Ист. г. Вильны», 21.

[11]) Dlug. I, XI, 334.

[12]) «Разск. изъ Русск. Ист.», IV, 267.

[13]) «Skarbiec.», II, № 1429. *И. Д. Бѣляевъ* (IV. 260—261) допускаетъ, ссылаясь на Нарбута, что епископы Луцкій *Севастьянъ* (*Савва* нашихъ лѣтописей) и Туровскій *Антоній* лишены сана зато, что одинъ не признавалъ папы, а другой обращалъ язычниковъ въ православіе. *Нарбутъ* (Hist. Nar. Lit., VI, 88) ссылается на Карамзина относительно Севастіяна, и на *Коцебу* относительно Антонія. *Коцебу* («Свидригайло», 57. Спб. 1836) основываетъ свое показаніе на Татищевѣ, у котораго (IV, 419) къ разсказу *Никоновскій* (IV, 315) о клеветникахъ, обвинявшихъ Антонія за сношенія съ ханомъ, что и было причиною осужденія его митрополитомъ, прибавлено, что латиняне ненавидѣли его «зане облича твердо ересь ихъ и всю Волынь и Литву укрѣпляше ученіемъ». Это догадка, быть можетъ не лишенная вѣроятія, но еще не фактъ. Что касается Саввы, то *Карамзинъ* (V, пр. 232) приводитъ показаніе *Никоновской* (IV, 301): «на томъ священнѣмъ соборѣ отписася архиепископъ Іванъ Новгородцкии своея искупьи и Лутцкии епискупъ Савва отписася своея епискупьи на томъ же священнемъ соборѣ и повелѣ имъ... Кипріянъ... отъ себя с Москвы не изъѣжати, бѣ бо на нихъ брань возложилъ... за нѣкія вещи святительскія». Въ другихъ лѣтописяхъ находимъ объ Антоніѣ, что онъ сверженъ по волѣ Витовта (П. С. Р. Л IV, 132; VIII, 77). Прибавимъ, что онъ не бѣжалъ въ Москву, а былъ заключенъ въ Симоновѣ митрополитомъ. И такъ все это не можетъ считаться доказаннымъ.

шійся жить въ Смоленскѣ [14]), входилъ въ сношенія съ папою по вопросу о соединеніи церквей [15]); въ 1435 году Герасимъ былъ сожжонъ Свидригайлою въ Витебскѣ за сношенія съ Сигизмундомъ [16]). Но православные были такъ сильны, что самъ *Сигизмундъ Кейстутьевичъ*, не смотря на свою извѣстную ревность къ католицизму, давая въ 1432 году привилей Вильнѣ, сравнилъ въ правахъ православныхъ съ католиками [17]). Когда *Исидоръ*, подписавшій Флорентійское соединеніе, былъ отвергнутъ въ Москвѣ, его признало литовское правительство и считало соединеніе уже совершившимся: на этомъ основаніи *Владиславъ Ягайловичъ* объявилъ, въ 1443 году, права духовенства православнаго равными съ правами духовенства католическаго [18]); но непрочность этой мѣры видна изъ того, что Исидоръ не жилъ въ Западной Руси, а великій князь *Казиміръ* признавалъ Іону и сносился съ нимъ, какъ съ верховнымъ пастыремъ русской церкви [19]). Такъ продолжалось до 1468 года, когда, по указанію Исидора, проживавшаго въ Римѣ, бывшимъ тамъ же патріархомъ *Григоріемъ Маммою* поставленъ въ митрополита Кіевскаго, Литовскаго и всей Нижней Россіи [20]) *Григорій*. Несмотря на предостереженія великаго князя *Василія Васильевича* и митрополита *Іоны* [21]), Григорій былъ признанъ литовскимъ правительствомъ. Когда Кази-

---

14) *Пр. Макарія:* «Ист. Русск. церкви», IV, 105.

15) «Multa cordis nostri letitia nuper intelleximus quanto studio fraternitas tua ad unionem catholice fidei se paratam exhibeat». *Булла папы Евгенія къ Герасиму у Коцебу* («Свидригайло», 46).

16) «Князь великии Швитригайло сожже Герасима митрополита у Витебску» «Łat. Litwy», 58, «и за то Богъ не пособѣ князы Швитригайлу што сожже митрополита Герасима», *также*, 59, «за толику вину, что перевѣтъ на него дръжалъ къ князю Жидимонту», П. С. Р. Л. V, 28; IV, 206: «нынѧ грамоти перевѣтныя у митрополита».

17) «Всѣмъ мѣстичом виленским нашое вѣры римское и руским што суть русское вѣры» («Собр. грам. Вильны», I № 4): Латинскій текстъ, «tam fidei Catholicae cultoribus quam etiam Ruthenis *(тамъ же,* № 3).

18) «Акты зап. Россіи», I, № 42. Мотивомъ выставлено то, что «церковъ Восточная на боженства Греческаго и Русскаго... теперь же, за милосердьемъ Божимъ и сузнанемъ светѣйшого папа, Евгенія папы четвертого, а иныхъ многихъ отецъ вѣры светоѣ горливыхъ, зъ оною светою Римскою и Вселенскою церковью приведена есть до единости давно пожеданоѣ».

19) Въ 1451 г. Іона въ бытность свою въ Литвѣ получилъ отъ Казиміра грамоту на управленіе церковью («Акты ист.», I, № 42 о датѣ см. *Пр. Макарія:* «Ист. Р. церкви», VI, 25). Самое избраніе Іоны совершено было по сношенію съ Казиміромъ; «и обсылаетъ о сихъ брата своего, короля и великаго князя Литовскаго, и тако прошенья волю о поставлени и грамоту его пріимъ» (*посланіе Іоны къ Литовскимъ епископамъ о непризнаніи Григорья въ пр.* къ «Ист. Русск. церкви», VI, гдѣ описаны всѣ сношенія Іоны съ Литвою).

20) «Ист. Русск. церкви», VI, № 66.

21) «Акты Эксп.», I, № 80; «Акты ист.», I, № 65.

міръ приглашалъ грамотою великаго князя Василія признать Григорія [22]) и въ Москвѣ узнали, что многіе изъ епископовъ западно-русскихъ признали его [23]), въ Москвѣ былъ собранъ соборъ для осужденія Григорія (въ 1459 году); на этомъ соборѣ іерархи Восточной Руси постановили: «намъ архіепископамъ и епископамъ русскія митрополіи къ тому Григорью не приступати, ни грамотъ намъ отъ него не пріимати никакихъ, ни совѣта съ нимъ неимѣти ни о чемъ же» [24]). Такъ окончательно отдѣлилась митрополія Западной Руси отъ митрополіи Восточной!

Смертью Григорія († 1472) кончился рядъ митрополитовъ, признавшихъ Унію, ибо ни преемникъ его *Мисаилъ* (1474—1477), ни послѣдовавшіе митрополиты не признали ее, но даже и при самомъ Григоріѣ приверженцевъ соединенія было весьма мало, и Казиміръ въ письмѣ къ папѣ, въ 1468 году, признавался, что въ Литвѣ много «схизматиковъ» и что число ихъ возрастаетъ. Вслѣдствіе этого, для поддержанія католицизма онъ вызвалъ въ Вильну бернардиновъ изъ Кракова и основалъ монастырь этого ордена [25]). Затѣмъ онъ даже запретилъ строить въ Вильнѣ и Витебскѣ новыя православныя церкви (около 1480 года) [26]). Результатомъ этихъ стѣснительныхъ мѣръ было отпаденіе Сѣверскихъ князей. Служилые православные князья, прося патріарха поставить въ митрополита избраннаго ими *Іону*, писали (въ 1488 году): «да учинитъ святыня твоя къ нашему утвержденію, ради тѣснящихъ насъ въ вѣрѣ, милосердно да не умедлитъ отъ руки твоей мечь духовный отцу нашему, имже оборонити насъ добро творящихъ» [27]). При Александрѣ продолжалась таже политика, что и при Казимірѣ: хотя имъ даны грамоты православной церкви, хотя послы его и увѣряли, что вѣроисповѣданіе православное свободно въ великомъ княжествѣ Литовскомъ [28]), но насилія надъ православными при немъ встрѣчаются нерѣдко, что

---

[22]) «Нынѣ отъ Короля къ Великому Князю о томъ оступникѣ о Григорьѣ Якубъ писарь да Ивашенецъ пріѣздили посольствомъ, чтобы его князь велики принялъ и держалъ себѣ отцемъ митрополитомъ.» *Посланіе Іоны къ Смоленскому епископу* («Акты ист.», I, 111.)

[23]) Слышимъ же, яко нѣціи тамо въ васъ пріобщаются ему и служатъ съ нимъ». *Посланіе Іоны Литовскимъ епископамъ* («Акты ист.», I, 114.)

[24]) Соборная грамота въ «Акт. ист.», I № 61.

[25]) «Исторія г. Вильны», стр. 25.

[26]) «Собр. грам. Вильны», *пред.*, 38; «Ист. г. Вильны», 23; *Нарбутъ* (VIII, 468—469) «ачкольве не дозволено было Руси церквей будовати, але тыми разы король его милость то имъ допустилъ», говорится въ инструкціи Александра посламъ, отправленнымъ въ Москву въ 1501 г. («Сборн. Муханова.», 109.)

[27]) «Арх. Сборникъ», I, 3. (В. 1867.)

[28]) «Хто въ которомъ законѣ хочетъ мѣшкати, тотъ нехай въ томъ мѣшкаетъ и церкви хто какіе хочетъ, тотъ тые будетъ.» («Сборн. Муханова», 109).

свидѣтельствуетъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ въ отвѣтѣ посламъ короля Угорскаго: «а которую княжью дочерь или боярскую греческаго закону дочь наша возметъ къ себѣ, и онъ тоже силою велитъ окрестити въ латинство... къ дочери нашей послалъ отметника греческаго закону, владыку Смоленского, и бискупа Виленскаго и чернецовъ бернардиновъ съ тѣмъ, чтобы она отступила отъ греческаго закону» [29]); а посламъ литовскимъ было сказано: «колько велѣлъ поставлять божницъ римскаго закону въ русскихъ городахъ, въ Полоцку и въ иныхъ мѣстѣхъ; да жоны отъ мужовъ и дѣтей отъ отцовъ животы отнимаючи, силою покрещаютъ въ римскій законъ: ино онъ то ненудитъ Руси къ римскому закону» [30]). О своемъ бракѣ Александръ сносился съ папою, и *Александръ VI* домогался того, чтобы онъ обратилъ ее въ католицизмъ [31]). Главнымъ виновникомъ всѣхъ притѣсненій православныхъ былъ епископъ виленскій *Войтехъ Таборъ*, испросившій себѣ у папы право меча на еретиковъ [32]). Онъ нашолъ себѣ, говорятъ, ревностнаго помощника въ смоленскомъ епископѣ *Іосифѣ Солтанѣ*, возведенномъ въ кіевскіе митрополиты (1499 — 1517) [33]). При *Сигизмундѣ* все шло тѣмъ же порядкомъ: русское духовенство въ Галиціи подчинено было католическому львовскому епископу для того, чтобы «схизматики тѣмъ удобнѣе были приведены и присоединены къ христіанской вѣрѣ или, по крайней мѣрѣ, исправились въ своихъ заблужденіяхъ» [34]). Въ 1522 году онъ утвердилъ намѣстникомъ львовскаго епископа дворянина *Гдашицкаго* и поручилъ ему надзоръ за православными церквами и православнымъ духовенствомъ [35]). Когда же въ томъ же году Сигизмундъ хотѣлъ сдѣлать сенаторомъ князя *Константина Острожскаго*, то другіе сенаторы и слышать объ этомъ не хотѣли, и Сигизмундъ отказался отъ своей мысли [36]); но тотъ же Сигизмундъ выдалъ въ 1511 году привелей ду-

[29]) «Сборн. Муханова», 116, 117.

[30]) *Тамъ же*, 104.

[31]) «Акты Зап. Росс.», I. пр. 115; папа Юлій дозволилъ ему оставить жену въ ея вѣрѣ.

[32]) *Тамъ же.*

[33]) *Митр. Евгеній* («Оп. Кіево-Соф. Собора», 113—117) оправдываетъ память Іосифа тѣмъ, что при немъ даны разныя права православнымъ; но какъ объяснить прямое указаніе Іоанна Васильевича.

[34]) «Quo ipsi schismatici tanto facilius ad religionem christianam adducantur et alliciantur, saltem in eorum erroribus emendarentu» («Suppl. ad Hist. Russiae Mon.», № 50.)

[35]) При чемъ въ грамотѣ русскія церкви названы были *синагогами* (тамъ же, № 51); впрочемъ въ грамотѣ, дающей ему званіе архимандрита (тамъ же, № 52) этого оскорбительнаго слова нѣтъ.

[36]) *Нарбутъ*, IX, 158.

ховенству [37]); въ 1530 году запретилъ виленскимъ городскимъ властямъ судить духовныхъ лицъ [38]); а въ 1531 году запретилъ виленскому католическому епископу судить православныхъ церковныхъ урядниковъ [39]). Такъ колебалось по настроенію власти положеніе церкви въ Литвѣ. Посмотримъ теперь на состояніе самой церкви.

Во главѣ церкви западно-русской со времени отдѣленія ея стоялъ особый митрополитъ, то избираемый соборами (какъ *Григорій Самвлахъ*), то указываемый великимъ княземъ (какъ *Іосифъ Салтанъ*). Ему подчинялось восемь епископовъ (съ завоеванія Чернигова, а потомъ Смоленска Московскимъ великимъ княземъ число ихъ убавилось) [40]). Въ церковномъ отношеніи митрополитъ и епископы западно-русскіе, подчиняясь константинопольскому патріарху, сохраняютъ права православныхъ епископовъ: грамоты великихъ князей Литовскихъ, начиная съ Витовта [41]), подтверждали за ними право духовнаго суда, основаніемъ для котораго служилъ «Номоканонъ» [42]) и такъ называемый «Свитокъ Ярославовъ» [43]). Этимъ «Свиткомъ» всѣ епископы подчиняются власти митрополита и «князья, бояре и судьи» должны не только не препятствовать этому, но еще помогать подъ опасеніемъ пени въ 2,000

[37]) Здѣсь замѣтно вліяніе *Кн. Константина Острожскаго*: вмѣстѣ съ митрополитомъ и духовенствомъ ходатайствовали «гетманъ нашъ... кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій и иные князи и панове греческаго закона». Не это ли подало поводъ *Бартошевичу* говорить: «король создалъ князю Константину какъ бы особое положеніе; позволилъ ему быть покровителемъ церкви греческой» (Encykl. XX, 158). Документъ въ «Акт. Зап. Россіи», II, № 65; у *Евгенія*: «Оп. Кіево-Соф. Собора», «Бѣлор. Архивъ», 9 — 15.

[38]) «Арх. Сборн.», VI, № 8.

[39]) *Тамъ же*, № 18. Были и другіе листы Сигизмунда въ пользу православныхъ (см. ниже).

[40]) Епископы эти были: *Полоцкій*, *Смоленскій*, *Черниговскій*, *Туровскій* (Пинскій), *Луцкій*, *Владимірскій*, *Холмскій* и *Перемышльскій* (Червенскій). (*Пр. Филарета*: «Ист. Русской церкви», III, 16 — 17.) Во Львовѣ архіепископа не было со временъ польскаго завоеванія до 1539 года. Православное шляхетство и духовенство пишетъ въ просьбѣ королю Сигизмунду: «маемъ то (въ кро)никахъ, ажъ тому есть двѣ стѣ лѣтъ и одинъ рокъ отъ святяго... минуло, якъ владыка на Галичѣ былъ». («Акты Зап. Россіи» II, № 361.)

[41]) *Сигизмундъ I* въ привилеи, данномъ духовенству въ 1511 году говоритъ: «клали передъ нами листы предка нашого великого князя Витовта». («Акты Зап. Россіи», II, № 65.)

[42]) Отъ XVI вѣка дошло до насъ нѣсколько коричихъ, писанныхъ въ Западной Россіи. («Оп. Рум. Музея», 232, 233, 235.)

[43]) «Акты Зап. Россіи», I, № 166. II. Употребленіе «Свитка», какъ дѣйствующаго закона, подтверждается привилеемъ *Александра* (*тамъ же*, № 166, I) и грамотами князей: *Юрія Семеновича* (Лугвеньевича) 1448 года, въ которой сказано: «што въ свитку Ерославли стоитъ» (*тамъ же*, № 43) и сына его *Ивана Юрьевича* 1483 года (*тамъ же*, № 82). О «Свиткѣ» см. *К. А. Неволина*: «Сочиненія VI, 310—312.

рублей; точно также свѣтскія власти не должны защищать священника отъ епископа подъ страхомъ пени въ 1,000 рублей, и лишенія ктиторства (патроната, права «поданья»); разводъ принадлежитъ церкви; вмѣшавшійся въ это дѣло мірянинъ платитъ пеню въ 500 рублей; за бракъ отъ живой жены съ боярина 1,000 рублей пени; а если не послушаетъ церкви, предается мірской власти; простыхъ людей епископъ наказываетъ пенею по ихъ средствамъ («елико возможно»); за нецѣломудріе — пеня съ бояръ въ 500 рублей, а съ простаго человѣка — въ 2 рубля; кромѣ вопроса о бракѣ, церковь судитъ и вопросъ объ ереси; вмѣшавшійся въ эти дѣла мірской человѣкъ платитъ пеню въ 500 рублей. Очевидно, что этими постановленіями западно-русская церковь хотѣла оградить себя, хотя въ дѣйствительности и не всегда удачно, отъ вмѣшательства свѣтской власти.

Собираясь на соборы, духовенство западно-руское издавало постановленія, имѣющія силу закона для мѣстной церкви. Въ этомъ отношеніи важны дѣянія собора 1509 года, собиравшагося въ Вильнѣ при митрополитѣ *Іосифѣ Салтанѣ* [44]). Этими правилами постановлялось: не искать мѣста живого еще епископа, игумена или священника, а также не назначать и не ставить на мѣста живыхъ безъ благословенія митрополита; не ставить священника въ чужую епархію; ставить священниковъ только достойныхъ по ручательству ихъ отцовъ духовныхъ; извергать того епископа или священника, который будетъ уличенъ въ томъ, что при поставленіи скрылъ свои грѣхи; не принимать священниковъ, переходящихъ изъ одной епархіи въ другую, безъ отпускной грамоты отъ своего епископа, чтобы не переходили лица, находящіяся подъ запрещеніемъ; священниковъ неженатыхъ обязывать идти въ монахи или не служить; не отнимать церкви у священника безъ вины, а отнимать только у тѣхъ, кто «начнетъ домъ свой держати въ небреженіи, безчинно», служить не по уставу или пьянствовать; князьямъ и панамъ, имѣющимъ право патроната, запрещается отнимать церковь у священника безъ вины и необъявивъ митрополиту; въ случаѣ наруше-

---

[44]) Дѣянія этого собора («Акты Ист.», I, № 289; «Оп. Кіево-Соф. собора», *прибавл.* № 10) служатъ митрополиту *Евгенію* доказательствомъ православія митрополита Іосифа; не забудемъ, что времена могли быть различныя, ибо не думаемъ, чтобы Іоаннъ Васильевичъ основывалъ свое обвиненіе на ложныхъ или неточныхъ слухахъ: онъ хорошо зналъ, что дѣлается въ Литвѣ; а имѣть митрополита на своей сторонѣ для него было въ высшей степени важно, отъ того онъ и не сталъ бы завѣдомо распространять о немъ ложные слухи. Быть-можетъ, не такъ уже лишено основанія, какъ полагаютъ издатели т. VII «Археол. Сборн.», показаніе уніатскаго митроп. *Рафаила*, называющаго *Макарія* «горячимъ католикомъ» («Арх. Сб.», Т. VII, № 70); могло же дойдти до него какое-нибудь преданіе. Извѣстіе о поѣздкѣ его въ Римъ къ папѣ, когда онъ еще былъ Брестскимъ кастеляномъ, принимаетъ и *М. О. Кояловичъ* («Унія», I, 23).

нія этого постановленія, запрещается ставить въ такую церковь священника; если князь или панъ три мѣсяца не назначаетъ священника на церковь, то назначитъ его митрополитъ; если князь или панъ отниметъ что-нибудь у церкви, то митрополитъ пишетъ къ нему; непослушнаго подвергаетъ отлученію; священникъ, служащій безъ благословенія владычняго, лишается сана; монахи не могутъ выходить изъ монастырей безъ грамоты отъ игумена; епископы не должны принимать на себя мірскихъ дѣлъ и уклоняться отъ обязанности собираться на соборы; правила эти должны соблюдаться неуклонно; если же кто-либо, хотя бы самъ господарь, захочетъ ихъ нарушить, то воли его исполнять не слѣдуетъ, а, подавъ челобитную господарю, непоколебимо стоять, чтобы не была нарушена православная вѣра. «Эти опредѣленія», основательно замѣчаетъ *преосвященный Филаретъ*[45]), «писаны, какъ очевидно, подъ вліяніемъ особой осторожности и вниманія къ вліянію иновѣрной гражданской власти; они поставлены такимъ образомъ въ главное руководство для управленія православіемъ среди папизма».

Въ западно-русской церкви встрѣчаемъ ту особенность, что въ дѣлахъ ея принимаютъ живѣйшее участіе свѣтскія лица: такъ князь Константинъ Острожскій является защитникомъ и ходатаемъ за церковь передъ свѣтскою властію, каждый городъ дорожилъ своею соборною церковью и даже правительство поставляло городу въ обязанность блюсти за интересами этой церкви [46]). Соборная церковь была центромъ управленія какъ для городского, такъ и для уѣзднаго духовенства; здѣсь творился судъ по всѣмъ дѣламъ духовнымъ. Соборному протопопу подчинялись въ этомъ отношеніи не только церкви, но и монастыри уѣзда. Въ церковномъ отношеніи уѣздъ называли протопопіею (Слуцкая, Минская) [47]). Соборный протопопъ былъ первою инстанціею суда по дѣламъ духовнымъ для духовныхъ и мірскихъ людей [48]). Монастыри не принимали участія въ церковной администраціи: они находились или въ зависимости отъ мѣстнаго епископа и городскихъ церковныхъ властей, или отъ своихъ патроновъ; но они служили опорными пунктами для поддержанія православія. «Конечно и бѣлое, или

---

[45]) «Исторія Русской церкви», III, 21.

[46]) Такъ Александръ, присуждая полоцкому Софійскому храму села, которыя хотѣлъ было оставить за собою владыка, поручаетъ охраненіе этихъ селъ городу Полоцку. («Акты Зап. Росс.», I, № 174.)

[47]) «Разск. изъ Русск. ист.» IV, 205.

[48]) «Приказуемъ вамъ — пишетъ Сигизмундъ Слонимскому повѣту — ажъ бы есте того дворянина нашого, котораго онъ (митрополитъ) тамъ отъ себѣ десятинникомъ уставилъ, и тежъ протопопа его въ духовныхъ дѣлѣхъ послушни были во всемъ». («Акты Зап. Росс.». II, № 77.)

приходское духовенство», — говоритъ *И. Д. Бѣляевъ* [49]), — «было ревностнымъ защитникомъ православія и удерживало народъ отъ латинства и ополяченія; но въ бѣломъ духовенствѣ священникъ обыкновенно дѣйствуетъ одиночно и потому, при всемъ своемъ усердіи, не всегда можетъ дѣйствовать такъ успѣшно, какъ дѣйствуетъ хорошо-устроенная монастырская община, гдѣ по одному направленію, подъ однимъ началомъ и непосредственнымъ ближайшимъ надзоромъ и указаніемъ игумена или архимандрита, работаютъ десятки, а иногда и сотни иноковъ, людей свободныхъ и менѣе, чѣмъ бѣлое духовенство, стѣсненныхъ житейскими заботами» [50]). Монастыри раздѣлялись на привилегированные, состоящіе подъ чьимъ-либо патронатомъ, и на непривилегированные, вполнѣ зависящіе отъ мѣстнаго епископа. Монастыри, построенные частными лицами, находились обыкновенно подъ патронатомъ своего строителя или его потомковъ; въ церковномъ отношеніи они очень мало зависѣли отъ епископа (выборъ игумена или архимандрита зависѣлъ отъ патрона), а въ экономическомъ — они и совсѣмъ отъ него не зависѣли: они не платили дани епископу, не подлежали его суду; къ нимъ не могли въѣзжать ни намѣстникъ епископа, ни его десятинникъ [51]). Монастыри такіе составляли какъ бы полную частную собственность своихъ патроновъ, которые назначали игуменовъ, могли закрыть или вновь открыть монастырь; при продажѣ или передачѣ отчины, покровительство надъ монастыремъ переходило къ новому владѣльцу; а во владѣніи великаго князя патронатъ зависилъ отъ воли господаря: онъ передавалъ его кому хотѣлъ [52]). Всѣ отчеты по монастырю игумены или

---

[49]) «Разск. изъ Руск. ист.», IV, 210.

[50]) См. тамъ же любопытныя указанія на мѣстность вновь строимыхъ въ эту эпоху монастырей, которые большею частью появляются въ пограничныхъ мѣстахъ (208 — 209; 219 — 222).

[51]) «А въ церковь св. Іоана и въ наши монастыри, и въ села, и въ люди св. Іоана не вступатися никому. А владыцѣ съ игумена... куница не брати, и никакихъ пошлинъ. А отъ кого будетъ какая обида нашему монастырю, ино досмотрять и боронить намъ самимъ, а по насъ роду нашему; а старци и люди, которои живуть на св. Іоана земли и судити и рядити игумену Іоаньскому самому зъ братьею, а иному никому не вступатися. А владыцѣ не вступатися въ наши монастыри». *Грам. Полоцкаго князя Онуфрія Предтеченскому монастырю.* («Акты Зап. Росс.», I, № 14). *Грамота Мстиславскою князя Симеона 1443 года* освобождаетъ Онуфріевскій монастырь отъ суда не только владыки Мстиславскаго, но и самого митрополита (*тамъ же* № 43).

[52]) Такъ *Александръ* въ 1496 году далъ Овручской *Іоакимо-Анненскій монастырь* въ «держаніе» *княгинѣ Дашковой.* («Акты Зап. Росс.», I, № 140), въ 1504 году *Пересыпинскій — княгинѣ Маріи Чарторыйской* (*тамъ же*, № 212), а въ 1047 году году пожаловалъ *Гришкѣ Поповичу* пожизненно *Михайловскій-Златоверхій монастырь*, съ обязанностью постричься (*тамъ же* № 141).

архимандриты подавали патрону [53]). И такъ ясно — какой громадный вредъ интересамъ православія долженъ былъ принести этотъ обычай, когда потомки православныхъ патроновъ, принявъ латинство, оставались все-таки патронами.

Подобно монастырямъ и церкви приходскія тоже были привилегированныя и непривилегированныя. Привилегированными церквами были тѣ, которыя основали частныя лица. Основывая церковь, патронъ давалъ ей извѣстные доходы или угодья [54]). Въ такихъ церквахъ патронъ назначалъ священника и смѣнялъ его; могъ передать свой патронатъ кому угодно [55]). Церкви же непривилегированныя находились въ полной зависимости отъ епископа, который пользовался съ нихъ доходами [56]). Иногда грамоты королевскія подтверждали право епископа на всѣ церкви своей епархіи: такъ въ грамотѣ, данной *Туровскому и Пинскому владыкѣ* въ 1552 году, постановляется, что князья, бояре и другіе подданные короля безъ благословенія владыки не могутъ ни строить церквей, ни ставить поповъ; не должны выводить ихъ изъ послушанія владыки, наказывать произвольно, мѣшать дѣйствію духовныхъ властей или вступаться въ духовныя дѣла. Ослушникамъ грозилъ штрафъ въ 3,000 копъ грошей [57]); но, разумѣется, подобныя постановленія, противорѣча всему строю общества, не могли исполняться и нарушались собственными грамотами королевскими. Въ церквахъ непривилегированныхъ, по старому русскому обычаю, привимали большое

[53]) Въ 1491 году архимандритъ *Слуцкаго* монастыря *Іосифъ* представилъ отчетъ Слуцкой княгинѣ. («Акты Зап. Росс.», I, № 155.)

[54]) Мстиславскій князь *Иванъ Юрьевичъ* далъ основанной имъ церкви съ своихъ имѣній 14 кадей меду, 8 хмѣлю и жита 140 бочекъ и кромѣ того же деньгами съ одного имѣнія 15 грошей, съ другаго 5 грошей, съ третьяго 12 грошей, съ четвертаго 15 грошей, съ пятаго 15 грошей, съ шестаго 2 рубля. (Грам. 1463 года въ «Акт. Зап. Россіи», II; № 66); кн. *Константинъ Острожскій,* основывая въ 1507 года церковь въ Смолевичахъ (Минской губерніи, Борисовскаго уѣзда) далъ ей три волоки земли съ огородами и сѣнокосами («Археогр. Сборн.» I, № 7). Въ Витебскѣ церковь *Успенская* и *Михайловская* содержались доходами съ королевскихъ имѣній.

[55]) Сигизмундъ передаетъ Юрію Радивиловичу право «поданья» церкви въ *Котрѣ* («Акты Зап. Росс.», II, № 106.)

[56]) *Александръ,* освобождая въ 1498 году виленское духовенство отъ новыхъ поборовъ, учрежденныхъ бывшимъ митрополитомъ Макаріемъ, такъ опредѣляетъ доходы: «Казали есмо имъ митрополиту за кузницу соборную по 15 гр. платить; а хто коли дастъ имъ на молебенъ золотый, и любо колко грошей, то казали есмо имъ на соборъ брати; а зъ уѣзду казали есмо имъ давати митрополиту на годъ золотой, а бочку меду, а намѣстничьство у Вилни нехай отъ васъ держатъ попы соборноѣ церкви; а тежъ, хто ся коли въ соборной церкви положитъ, и чимъ будетъ гробъ его прикрытъ, то казали есмо потомъ на соборъ брати». («Акты Зап. Россіи», I, № 152.)

[57]) «Акты Западной Россіи», II, № 109.

участіе прихожане, какъ въ назначеніи священника, такъ и въ самомъ управленіи церковью со стороны экономической. Этотъ сильно развившійся въ западно-русской церкви обычай выразился въ братствахъ, о значеніи которыхъ въ тяжолую для церкви эпоху уніи будемъ имѣть случай говорить.

Юридическое положеніе духовенства въ Западной Руси опредѣляется великокняжескими привилеями. Остановимся на постановленіяхъ важнѣйшихъ изъ нихъ: *Александръ*, въ 1499 году по «чоломбитью» митрополита *Іосифа* на обиды церкви отъ свѣтскихъ людей, подтвердивъ «Свитокъ Ярославовъ», постановилъ, что «христіанство греческаго закона» судятъ на вѣчныя времена митрополиты и епископы, ему подчиненные; митрополиты и епископы судятъ въ духовныхъ дѣлахъ и завѣдываютъ церковными людьми «по городамъ и по мѣстамъ», въ чемъ не мѣшаютъ имъ ни духовные римскаго закона, ни свѣтскіе паны, ни урядники королевскіе, ни войты и мѣщане городовъ съ магдебургскимъ правомъ; митрополичьи и владычные люди, живущіе въ «мѣстахъ» и занимающіеся торговлею, платятъ «поплатки» съ мѣщанами; тѣ церкви православныя, которыя, находясь въ имѣніяхъ князей и пановъ римской вѣры, издавно были въ «поданьи» митрополита или владыки, остаются по старому, а тѣ, которыя состоятъ въ поданьи «державца», остаются въ его зависимости, но владѣлецъ не можетъ удалить священника безъ воли митрополита [58]); если кто нанесетъ обиду священнику, то виновнаго безъ различія судятъ митрополиты или епископы» [59]). Сигизмундъ, утверждая въ 1511 году, по «чоломбитью» духовенства и свѣтскихъ пановъ, съ княземъ Острожскимъ во главѣ, привилеи Александра, уничтожилъ эту статью [60]); когда Іосифъ еще былъ епископомъ смоленскимъ, то онъ исходатайствовалъ у Александра нѣсколько привилеевъ, изъ нихъ важнѣйшія: грамота 1494 года [61]) и

[58]) «Которые князи и панове наши римского закону маютъ по своимъ имѣньемъ церкви закону греческого, и здавна будетъ которая церковь поданье мытрополье або владычне, тая и теперь нехай будетъ церковъ ихъ поданья; естлибы же которая церковъ была въ поданьи здавна державцы того имѣнья, ино и теперъ нехай тотъ державца подастъ, зъ благословеньемъ митрополита; нижьли вже не маетъ моцы того священника отъ тоѣ церкви рушити безъ осмотрѣнья и воли митрополитовъ оный державца». («Акты Зап. Россіи», I, № 190.)

[59]) «Священника русскаго если бы хто соромотилъ, або сбилъ, такъ отъ римскоѣ вѣры, какъ отъ греческоѣ маетъ того дѣла смотрѣть митрополитъ, або епископъ: бо то есть судъ духовный».(*Тамъ же*). Такой же привилей данъ *Александромъ* въ 1503 году владыкѣ Полоцкому («Сборн. Муханова», № 84).

[60]) «Акты Зап. Россіи», II, № 65; «Опис. Кіево-Соф. собора» *прибл.* № 11; «Бѣл. Арх.», 9 — 15.

[61]) «Акты Зап. Россіи», I, № 118

привилей 1497 [62]). По первой — смоленскимъ намѣстникомъ запрещается вмѣшиваться въ дѣла церковныя; владыкѣ, согласно листу Казиміра, позволяется селить на «звѣчныхъ церковныхъ» земляхъ людей «съ зарубежья», а также держать за собою поселяющихся на церковныхъ земляхъ «чужеземцевъ» и владѣть такимъ пространствомъ городской земли, на которомъ можно поселить 20 человѣкъ. Вторымъ—дозволяется владыкѣ селить на назначенномъ городскомъ мѣстѣ 120 человѣкъ «прихожихъ» москвичей, тверичей, но не литовцевъ; въ пользу владыки дается 8 дворовъ «звѣчныхъ церковныхъ людей» и т. п. Но эти люди должны платить серебщизну и всѣ «подачки» вмѣстѣ съ мѣщанами; судитъ же церковныхъ людей владыка, а не намѣстникъ смоленскій [63]). *Сигизмундъ*, кромѣ подтвержденія привилеевъ, данныхъ Александромъ, издалъ еще нѣсколько грамотъ отъ себя: такъ въ 1509 году издалъ онъ окружную грамоту, которою повелѣлъ всѣмъ урядникамъ выдавать на судъ митрополита людей, живущихъ не по церковнымъ правиламъ: не вѣнчающихся, не крестящихъ дѣтей, не исповѣдующихся [64]); имъ же даны грамоты монастырямъ: такъ, *Печерскому* дается позволеніе завести общину, избирать игумена сообща съ кіевскими князьями, панами и земянами, за что господарю, утверждающему игумена, подносится 50 золотыхъ; монастырь освобождается отъ пріѣзда воеводъ, отъ стаціи и подводъ для содержанія пословъ татарскихъ; но ставитъ, въ случаѣ войны, 10 конныхъ ратниковъ [65]). По грамотѣ, данной кіевскому *Межигорскому* монастырю, игуменъ его, *Михаилъ*, получаетъ позволеніе завести общину, освобождается отъ патроната чьего бы не было, а подчиняется прямо господарю, освобождается и отъ платежа городского мыта [66]). Такъ и въ этихъ памятникахъ отразился общій, такъ сказать льготный, характеръ тогдашняго литовско-русскаго права: отдѣльныя мѣры, частныя льготы преобладаютъ въ немъ; главная форма — *привилей* (восточно-русская «жалованная грамота»).

Какъ въ политической жизни Литовскаго княжества періодъ, который мы теперь описываемъ, былъ по преимуществу періодомъ вплыва

---

[62]) *Тамъ же*, № 144.

[63]) Другими листами (см. выше) Александръ ограждаетъ права «владыки Смоленскаго» отъ притязаній кн. Горскихъ; имъ же данъ листъ владыкѣ Полоцкому въ огражденіе отъ притязаній полоцкихъ бояръ (см. выше).

[64]) «Акты Зап. Россіи», II, № 51. Для преслѣдованія въ Слонимскомъ повѣтѣ незаконно-живущихъ въ бракѣ, учрежденъ «десятильникъ» митрополичій. Сигизмундъ листомъ 1512 года предписалъ исполнять его приказанія (*тамъ же* № 77).

[65]) «Акты Зап. Россіи», II, № 112.

[66]) «Акты Зап. Россіи», II, № 121; такая же грамота дана кіевскому Михайловскому монастырю (тамъ же, № 122). Обозрѣніе всѣхъ остальныхъ грамотъ Литовскихъ великихъ князей см. въ «Ист. Лит. Статута».

польскихъ началъ въ русскую жизнь, такъ и въ умственномъ отношеніи въ этомъ періодѣ подготовлялись стихіи для борьбы между двумя просвѣтительными началами: восточнымъ-православнымъ и западнымъ-латинскимъ, которая вспыхнула въ концѣ XVI вѣка и тянулась въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Борьба эта, начавшись, вызвала сильное, небывалое умственное и литературное движеніе; но если предшествующій ей періодъ не представляетъ значительныхъ признаковъ движенія умственнаго, все же онъ приготовляетъ это движеніе и нельзя не пожалѣть, что отъ этого періода сохранилось слишкомъ мало памятниковъ литературныхъ, которые, если и были, то истреблены, а частію, можетъ-быть, и спрятаны. Два начала: русское и польское, не входя еще въ рѣшительную борьбу между собою, стояли уже оба на лицо какъ въ умственной, такъ и въ политической жизни литовско-русскаго государства. Русское начало, впрочемъ, еще преобладало: въ статутѣ 1566 года мы читаемъ: «писаръ земскій маеть по руску литерами и словы русскими вси листы и позвы писати, а не иншымъ языкомъ и словы» [67]). Литвинъ Михалонъ, смотря съ негодованіемъ на преобладаніе русскаго языка, находитъ его вреднымъ: «мы учимся — говоритъ онъ — московскому языку, не древнему, не заключающему въ себѣ никакого побужденія къ доблести, такъ-какъ русское нарѣчіе чуждо намъ литовцамъ, то-есть итальянцамъ, происходящимъ отъ крови итальянской» [68]). Въ виду того обстоятельства, что русскій языкъ преобладалъ во всѣхъ юридическихъ памятникахъ, даже польскіе писатели (*Ярошевичъ*) [69]) сознаются въ его исключительномъ господствѣ. Тѣмъ не менѣе господство русскаго языка не повело къ процвѣтанію русской литературы: кромѣ памятниковъ юридическихъ, отъ этого времени дошло очень немного произведеній литературы и мы даже не имѣемъ указаній на что-нибудь особенно замѣчательное. Одинъ проповѣдникъ, нѣсколько краткихъ лѣтописей — вотъ все, что оригинальнаго представляетъ Западная Русь до начала XVI вѣка. Проповѣдникъ, о которомъ мы говорили, *Григорій Самвлакъ* (умеръ въ 1419 году), только случайно принадлежалъ Западной Россіи: южный славянинъ, племянникъ Кипріана, Григорій писалъ общимъ литературнымъ языкомъ, съ риторическими пріемами того времени; указаній

---

[67]) Разд. IV, арт. 1 (въ «Временникѣ» XXIII).

[68]) 43 («Арх. Ист. Юр. Св.» кн., II, *пол.* 2). Оставляя неприкосновеннымъ переводъ такого знатока латинскаго языка, какимъ былъ покойный *С. Д. Шестаковъ*, мы позволяемъ однако себѣ думать, что выраженіе: literas Moscoviticas заключаетъ въ себѣ нѣчто еще иное: не подразумѣвается ли здѣсь и литература русская, которая, такимъ образомъ, была общею для обѣихъ половинъ Руси.

[69]) «Obraz Litwy», II, 122.

на современныя обстоятельства (кромѣ какъ въ «Похвальномъ словѣ Кипріяну») нечего искать въ его сочиненіяхъ. Сильно читавшіяся сочиненія его отличаются, по мнѣнію *преосвященнаго Макарія* [70]), не глубокомысліемъ, но ораторскимъ талантомъ и одушевленіемъ [71]). Лѣтописи кратки, отрывочны, касаются только внѣшней стороны событій и вообще мало дають для характеристики времени [72]). Конецъ занимающаго насъ періода представляетъ важное событіе въ умственномъ развитіи Западной Руси: первая типографія, печатавшая книги на церковно-славянскомъ языкѣ, была заведена въ Краковѣ *Швайпольдомъ Фіолемъ*, который называетъ себя «из Немецъ Немецкаго роду, Франкъ» [73]). Что побудило Фіоля избрать славянскую церковную литературу предметомъ своихъ издѣлій? — не знаемъ, и, быть-можетъ, правъ *А. А. Гатцукъ*, видя въ его изданіяхъ разсчетъ комерческій [74]). Фіоль бѣжалъ изъ Кракова въ Угрію — и нѣсколько времени дѣло его не возобновлялось [75]); но съ 1517 года принимается за трудъ печатанія докторъ медицины *Францискъ Скорина*, родомъ изъ Полоцка; печатаніе онъ началъ въ Прагѣ чешской, гдѣ издалъ *Псалтырь* [76]); а затѣмъ, съ 1517 по 1519 годъ, 22 книги священнаго писанія въ старославянскомъ переводѣ, провѣренномъ имъ по еврейскимъ и греческимъ книгамъ, и, въ особенности, по *Вульгатѣ* [77]); потомъ, переселясь въ Вильну, Скорина издалъ здѣсь

[70]) «Ист. Русск. Церкви», V, 210—213.

[71]) Перечень сочиненій Григорія, см. у *С. П. Шевырева*: «Ист. Русск. Слов.», III, 348—350; *пр. Филарета*: «Обзоръ Дух. Лит.», I, № 85.

[72]) Изданы: краткая, *Даниловичемъ* (Lat. Litwy). и *Ал. Н. Поповымъ* (въ «Зап. II отд. Ак. Наукъ», I); подробная *Нарбутомъ* («Pom. до Dz.»); обѣ печатаются по новымъ спискамъ въ т. XVI П. С. Р. Л. Сверхъ того, слѣдуетъ сюда отнести краткую Кіевскую, найденную вмѣстѣ съ краткою Новгородскою и напечатанную кн. *М. А. Оболенскимъ*, подъ заглавіемъ: «Супр. Рукоп.» М. 1836. Любопытно, что всѣ эти лѣтописи встрѣчаются въ сборникахъ вмѣстѣ съ лѣтописями Восточной Руси: Даниловичъ издалъ вмѣстѣ съ Литовскою лѣтописью и краткую Русскую изъ одного и того же сборника; такъ называемый сборникъ Абрамки состоитъ изъ разныхъ лѣтописныхъ отрывковъ; Супральская рукопись изъ двухъ лѣтописей — Кіевской и Новгородской.

[73]) Перечень книгъ, изданныхъ *Фіолемъ*, см. у *Вишневскаго* (VIII, 406—408), у *В. М. Ундольскаго* («Хрон. Указ. Славяно-русскихъ книгъ церк. печати», М. 1871). О Фіолѣ см. *К. Ѳ. Калайдовича* въ «Вѣст. Евр.» 1819, XIV.

[74]) «Очеркъ Ист. книгоп. дѣла въ Россіи», 314 («Русск. Вѣстн.» 1872, V).

[75]) Между-тѣмъ книги печатались въ Венеціи, Черногоріи и Угровлахіи (см. *В. М. Ундольскаго*).

[76]) Единственный экземпляръ этого изданія, хранящійся у *А. И. Хлудова*, описанъ *А. Е. Викторовымъ*. («Зам. откр. въ древне-русск. книжн. мірѣ» въ «Бес. общ. люб. Росс. Слов.», I).

[77]) См. указанную статью *А. Е. Викторова*. Перечень книгъ у *В. М. Ундольскаго*.

Апостолъ и *Слѣдованный Псалтирь* (1525) и тѣмъ прекратилъ свою дѣятельность [78]). Есть предположеніе, что *Петръ Мстиславецъ*, одинъ изъ первыхъ печатниковъ въ Москвѣ, сотрудникъ *Ивана Өедорова*, былъ однимъ изъ мастеровъ типографіи Скорины и ушолъ изъ Вильны въ Москву; на сколько это правда — не знаемъ; но должны согласиться, что дѣло не могло остаться безъ вліянія на Москву; въ Литвѣ же оно должно было оставить важный слѣдъ, хотя мы не знаемъ много-ли экземпляровъ Библіи разошлось? но даже и довольно ограниченное число ихъ давало ее въ руки болѣе значительному числу людей, чѣмъ при существованіи только рукописей; Много-ли было грамотныхъ въ тогдашней Литвѣ, мы также не знаемъ съ достовѣрностію; но по большому числу дошедшихъ до насъ актовъ можно судить, что грамотность была довольно распространена: православные учились, вѣроятно, у мастеровъ и мастерицъ, подобныхъ тѣмъ, которыхъ Генадій Новгородскій описываетъ въ своемъ посланіи. Для католиковъ учреждались съ начала XVI вѣка школы при церквахъ: въ привилегіяхъ при основаніи костеловъ ставилось въ обязанность заводить школы [79]). Заботясь о католическомъ образованіи Литвы, Ядвига учредила коллегію для 12 литовцевъ при Пражской академіи и потомъ, съ этою же цѣлью, хлопотала о возстановленіи Краковской академіи [80]); и дѣйствительно, въ той и другой академіи кончили курсъ многіе литвины, занявшіе высшія духовныя мѣста въ католической церкви. Въ Краковъ, Прагу и въ заграничные университеты отправляли своихъ дѣтей многіе и изъ вельможъ литовскихъ: *Гастольдъ*, *Радивилъ*, *князья Гольшанскіе* и другіе [81]).

Обозрѣвъ политическое и умственное состояніе Руси Западной въ описываемый періодъ времени, взглянемъ на ея матеріальное состояніе. Старыя русскія торговыя мѣста, Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ, продолжали вести торговлю и подъ властью Литовскихъ князей. Природныя выгоды Кіева были такъ велики, что, несмотря на опустошенія его татарами (*Плано-Карпини* насчиталъ только 200 домовъ) [82]), скоро здѣсь снова начали появляться купцы чужеземные: изъ Польши, Угріи, Константи-

---

[78]) Изслѣдователи несогласны съ тѣмъ, какой былъ вѣры Скорина; иные (*Мацѣевскій*, *Encykl. Powsz.*) считаютъ его католикомъ; другіе (*Вишневскій*, VIII, 477: chociaż wyznania greckiego) — православнымъ, причемъ *А. А. Гатцукъ* остроумно указываетъ на то, что имя Францискъ могло быть ему дано для прикрытія настоящаго имени отъ чаръ. («Крест. календ.» 1872.) Есть еще мнѣніе, сближающее его съ какимъ-то докторомъ *Францискомъ*, бывшемъ въ сношеніяхъ съ Лютеромъ (*Encykl. Powsz*).

[79]) «Obraz Litwy», II, 39.

[80]) «Iadw. и Iagielo», IV, 162.

[81]) Ж. М. Н. Пр., ч. CXVI.

[82]) «Пут. къ татарамъ», 155.

нополя, откуда приходили итальянцы: венеціане, генуезцы, пизане [83]), по свидѣтельству *Контарини*, въ Кіевѣ «съѣзжалось множество купцовъ изъ Великой Россіи съ различными мѣхами, которые они отправляли въ Кафу съ караванами» [84]); *Михалонъ* говоритъ, что по рѣкамъ изъ Литвы, Россіи и Московіи «привозятъ въ Кіевъ рыбу, мясо, кожи, медъ и соль изъ таврическихъ соляныхъ мѣстъ, называемыхъ Качибіевыми, гдѣ цѣлый корабль наполняется солью за десять стрѣлъ» [85]). О торговлѣ Смоленска можно судить по договорамъ, заключеннымъ Смоленскомъ съ Ригою [86]); изъ нихъ — договоръ 1284 года заключенъ, съ участіемъ двухъ купцовъ: одного изъ Брауншвейга, другаго изъ Мюнстера. Въ Полоцкѣ сходились товары изъ Новгорода, Пскова, Смоленска, Москвы, что видно изъ сношеній Полоцка съ нѣмцами [87]). Въ договорѣ 1405 года постановлено, чтобы нѣмцы обороняли полочанина въ Ригѣ, какъ своего брата нѣмца, а полочане должны также беречь нѣмца въ Полоцкѣ; торговали по старому обычаю; съ новгородцами нѣмецкому купцу не торговать безъ посредства полочанина, ибо новгородцы не пускаютъ у себя торговать на нѣмецкомъ дворѣ безъ новгородца; а съ москвичами торговать нѣмцамъ, и полочанину между ними ходить, ибо москвичи берутъ съ полочанъ тамгу; розничная торговля запрещается; опредѣляются взаимныя отношенія полоцкаго и нѣмецкаго вѣса; постановляется виновныхъ отсылать для наказанія на родину [88]). Нѣмцы привозили въ Полоцкъ: хлѣбъ, соль, сельди, копченое мясо, сукно, полотна, пряжу, рукавицы, жемчугъ, сердоликъ, золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ, сѣру, иголки, чотки, пергаменъ, вино, пиво; а вывозили: мѣха, кожи, волосъ, щетину, сало, воскъ, лѣсъ, скотъ и восточные товары: жемчугъ, шолкъ, драгоцѣнныя ткани, оружіе [89]). По грамотѣ, данной Александромъ въ 1498 году, учреждались въ Полоцкѣ три ярмарки въ году, по двѣ недѣли каждая, во время которыхъ рижане могли покупать товаръ какъ хотѣли, а въ остальное время могли покупать только оптомъ; продавать свои товары могли также оптомъ [90]). Въ Вильнѣ торговля была также значительна, а въ 1503 году Александръ, по просьбѣ виленскихъ мѣщанъ, позволилъ построить гостинный дворъ, на которомъ могли бы останавливаться ино-

---

[83]) «Ист. Россіи», IV, 258.
[84]) *Контарини*, 21 (въ «Библ. иностр. писат. о Россіи», I).
[85]) *Михалонъ*, 63 (въ «Архивѣ Ист. Юр. Свѣд.»).
[86]) «Русско-Лив. Акты», см. въ указателѣ *Смоленскъ*.
[87]) «Русско-Лив. Акты», см. въ указателѣ *Полоцкъ*.
[88]) *Тамъ же*, № 254.
[89]) «Ист. Россіи», IV, 257.
[90]) «Акты Зап. Россіи», I, № 159.

городные купцы, останавливавшіеся прежде на обывательскихъ дворахъ [91]). Галичъ и Волынь продолжали прежнюю торговлю, какъ при послѣднихъ Романовичахъ [92]), такъ и позднѣе, особенно съ Молдавіею, гдѣ покупали греческіе и татарскіе товары, а продавали сукно и серебро венгерское [93]). Черноморская торговля шла черезъ Судакъ, какъ мы уже видѣли выше. Главные торговые пути великаго княжества Литовскаго вели черезъ русскія области къ Чорному морю или до Молдавіи и Валахіи, а на сѣверѣ—до Новгорода, Пскова и Курляндіи, на западъ — до Пруссіи, Моравіи и Польши, а оттуда въ Силезію и Угрію [94]); но съ завоеванія Крыма татарами и паденія генуезскихъ колоній, а также съ упадкомъ Новгорода и Пскова, торговля главнымъ образомъ направилась на западъ [95]). Торговля встрѣчала сильныя препятствія въ тревожныхъ обстоятельствахъ времени (татарскія нападенія и разныя войны), въ преобладаніи шляхты, въ огромномъ количестгѣ сборовъ, падающихъ на трговый классъ, въ отсутствіи путей сообщенія и, въ особенности, въ появленіи евреевъ: «въ эту страну собрался — говоритъ *Михалонъ* [96]) — отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ — іудейскій, распространившійся по всѣмъ городамъ Подоліи, Волыніи и другихъ плодородныхъ областей, народъ вѣроломный, хитрый, вредный, который портитъ наши товары, поддѣлываетъ деньги, подписи, печати, на всѣхъ рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не знаетъ другого, кромѣ обмана и клеветы» [97]).

Торгуя по большей части сырыми произведеніями и привозными товарами, Литва имѣла очень мало своихъ обдѣланныхъ произведеній; но нѣкоторыя первоначальныя ремесла встрѣчаются въ Литвѣ. Такъ въ привилеѣ, данномъ Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ Вильнѣ въ 1432 году, поминаются «постригання суконъ» [98]), встрѣчаются упоминанія о нихъ и въ другихъ привилеяхъ; предположеніе объ умѣніи выдѣлывать желѣзо, основанное на названіи въ Новгородѣ косъ литовскими [99]), по совершенно вѣрному замѣчанію *Ярошевича*, только предположеніе, ибо,

---

[91]) «Собр. древн. гор. Вильны», I, № 13.

[92]) Грамота торунскимъ купцамъ 1320, въ «Suppl. ad Hist. Mon», № 38.

[93]) Молдавская уставная грамота XIV ст. («Акты Зап. Россіи», I, № 21.)

[94]) «Obraz Litwy», II, 92.

[95]) *Тамъ же*, 101.

[96]) 47 (въ «Арх. Ист. Юр. Свѣд.»).

[97]) Съ Сигизмунда, какъ мы видѣли, введена въ Литву польская монета: копа грошей = 6 грошамъ, а грошъ съ 1528 года долженъ былъ имѣть 20 грановъ серебра; цѣна денегъ постоянно падала: см. таблицу въ Encykl. Powsz. XXI, 226.

[98]) «Собр. гр. Вильны», I, № 4.

[99]) «Собр. Гр. и Дог.», II, 89.

вѣроятно, косы эти только получались черезъ Литву [100]). Земледѣліе стояло на той же степени развитія, что и въ Московскомъ государствѣ. Вообще въ матеріальномъ отношеніи Литовское государство того времени ничѣмъ не отличалось отъ Московскаго, а въ нравственномъ — казалось даже теряло, уступая польскому наплыву; отъ того, когда проснулось религіозное движеніе и потребовалось отложиться отъ Польши, Русь Западная должна была искать опоры и защиты въ Москвѣ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

100) «Obraz Litwy», II, 112.

ПАМЯТИ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Ни у домашняго простого каменька,
Ни въ шумѣ свѣтскихъ фразъ и суеты салонной
Намъ не забыть его, сѣдого старика
Съ улыбкой ѣдкою, съ душою благосклонной.

Лѣнивой поступью прошолъ онъ жизни путь,
Но мыслью обнялъ все, что на пути замѣтилъ,
И передъ тѣмъ, чтобъ сномъ послѣднимъ отдохнуть,
Онъ былъ какъ голубь чистъ и какъ младенецъ свѣтелъ.

Искусства, знанія, событья нашихъ дней—
Все откликъ вѣрный въ немъ будило неизбѣжно,
И словомъ, брошеннымъ на факты и людей,
Онъ клеймa вѣчныя накладывалъ небрежно.

Вы помните его среди его друзей?
Какъ мысли сыпались нежданныя, живыя,
Какъ забывали мы подъ звукъ его рѣчей
И вечеръ длившійся, и годы прожитыя!

Въ немъ злобы не было... Когда-жъ онъ говорилъ,
Язвительно смѣясь надъ раболѣпнымъ вѣкомъ,
То самый смѣхъ его насъ съ жизнію мирилъ,
А свѣтлый ликъ его мирилъ насъ съ человѣкомъ.

А. Апухтинъ.

О НАСТОЯЩЕМЪ ПОЛОЖЕНІИ

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ РОССІИ*).

Чтобы представить общую картину землевладѣнія въ Россіи, мы раздѣлимъ всѣ земли на три главныя категоріи: а) частныя владѣнія, къ коимъ причислимъ и удѣлъ, b) городскія поселенія и с) крестьянскія земли. Мы постараемся опредѣлить ихъ взаимное отношеніе преимущественно пропорцію помѣстнаго владѣнія къ крестьянскому, такъ-какъ этой пропорціей опредѣляется всего вѣрнѣе характеръ аграрнаго и соціальнаго строя въ данной мѣстности или странѣ. Мы должны здѣсь напомнить и повторить, какъ мы разумѣемъ различіе между помѣстнымъ владѣніемъ и крестьянскимъ: первое означаетъ такое хозяйство, гдѣ самъ владѣлецъ непосредственно не работаетъ, а эксплуатируетъ землю посредствомъ наемныхъ служителей и чернорабочихъ; второе, напротивъ, такое, гдѣ обработка производится домохозяиномъ и членами его семейства, хотя бы и съ помощію нѣкоторыхъ наемныхъ батраковъ и поденщиковъ. По этому, различіе это обусловливается не правами состоянія, не политическими преимуществами, но исключительно размѣрами владѣнія. Въ Россіи крестьянскій дворъ не имѣлъ и не имѣетъ нормальной величины и потому многіе участки, принадлежащіе лицамъ, приписаннымъ къ крестьянскому сословію, должны быть отнесены къ помѣстнымъ землямъ по своимъ размѣрамъ и по способу веденія хозяйства, и, на оборотъ, нѣкоторыя помѣстья, крайне мелкія, какъ напримѣръ однодворческія и хуторныя въ Малороссіи, могутъ быть разсмотрѣны какъ крестьянскія.

---

*) Настоящая статья есть отрывокъ изъ большого сочиненія „О землевладѣніи“, изъ котораго уже была напечатана отдѣльная глава „Объ эмиграціи“ въ „Сборникѣ Государственныхъ Свѣдѣній.“ Такое печатаніе отдѣльными отрывками имѣетъ для автора нѣкоторыя неудобства, такъ-какъ связь и послѣдовательность изслѣдованія при этомъ нарушается. Глава, нынѣ издаваемая „О современномъ положеніи землевладѣнія въ Россіи“, составляетъ продолженіе трехъ предыдущихъ главъ, въ которыхъ излагается историческій ходъ поземельныхъ отношеній въ русскихъ земляхъ. Въ отдѣльности нѣкоторые выводы покажутся не достаточно-мотивированными и потому я долженъ просить въ этомъ отношеніи снисхожденія читателей и критиковъ. — *(Прим. автора).*

Представимъ сначала общій перечень владѣльцевъ и земель по вышеупомянутымъ тремъ категоріямъ.

Въ послѣднее время передъ крестьянской реформой число дворянъ-помѣщиковъ простиралось, по ревизіи 1836 года, до 109340 семействъ. Въ самый моментъ изданія положенія число это уменьшилось и составляло въ 1858—1860 годахъ 100247. Уменьшеніе это распредѣляется различно между разными группами помѣщиковъ: число мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ (до 100 душъ) уменьшилось на 12360, число среднепомѣстныхъ (100—500 душъ) увеличилось на 3190, а крупнопомѣстныхъ на 77. Поэтому почти все приращеніе относится только къ средней группѣ помѣщиковъ отъ 100 до 500 душъ; относительно высшаго разряда крупныхъ владѣльцевъ нужно замѣтить, что хотя число ихъ возрасло на 77, но общій итогъ ихъ имущества, если судить по числу душъ, уменьшилось въ теченіи 22 лѣтъ на значительную сумму 599461 душъ, что составляетъ около 11%. Такимъ образомъ, крупное землевладѣніе, искусственно созданное въ Россіи Всемилостивѣйшими пожалованіями, уже въ то время, при крѣпостномъ правѣ, быстро клонилось къ упадку, не смотря на то, что поддерживалось еще пожалованіями заповѣдныхъ и маіоратныхъ имѣній въ Западномъ краѣ.

Разрядъ мелкихъ помѣщиковъ рѣдѣлъ еще быстрѣе; усиливались только ряды средняго помѣстнаго сословія, провинціальнаго дворянства, которому и предстояло играть первенствующую ролю въ ожидавшихся реформахъ; число этихъ среднихъ владѣльцевъ прибыло, какъ мы выше сказали, на 3190, а состояніе ихъ увеличилось на 291008 душъ крестьянъ.

Немедленно, послѣ освобожденія крестьянъ оказалась большая разница между прежними исчисленіями и новѣйшими—разница происходящая преимущественно отъ того, что въ предыдущія свѣдѣнія включались только дворяне-помѣщики, и что состояніе ихъ опредѣлялось по числу душъ, между-тѣмъ какъ послѣдующія вычисленія основаны на общемъ числѣ владѣльцевъ всѣхъ сословій и на пространствѣ ихъ владѣній по числу десятинъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ редакціонными коммиссіями и министерствами государственныхъ имуществъ и удѣловъ, число дворянъ-помѣщиковъ въ 1861 году нѣсколько возрасло противъ ревизіи 1858 года и простиралось до 103,158, которымъ принадлежало, за исключеніемъ крестьянскихъ надѣловъ, 82,466,000 десятинъ. Число другихъ частныхъ владѣльцевъ, не дворянъ, не было еще приведено въ извѣстность. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ губернаторовъ для податной коммиссіи, число всѣхъ владѣльцевъ внезапно возросло втрое и показывается въ 41 губерніяхъ въ 313,509 (по 8 губерніямъ свѣдѣній не получено); вычитывая изъ этого числа вышепоказанныхъ 103,158 дворянъ, мы получимъ 210,351 землевладѣльцевъ, не принадлежащихъ дворянству.

Нельзя предположить, чтобы такое быстрое приращеніе послѣдовало въ 10 лѣтъ со дня освобожденія крестьянъ; вѣроятно, владѣльцевъ-разночинцевъ было много и до крестьянской реформы, но число ихъ и размѣры ихъ владѣній вовсе не показывались. Между-тѣмъ эта пропорція владѣльцевъ-дворянъ и не дворянъ очень измѣняетъ характеръ землевладѣнія въ Россіи. Такъ-какъ, при крѣпостномъ владѣніи, мы старались различить три группы мелкаго, средняго и крупнаго владѣнія по числу душъ, то мы теперь должны перевести этотъ расчетъ на земли по числу десятинъ. Изъ вышесказаннаго итога оказывается:

Мелкихъ владѣльцевъ	менѣе	100 десят.	—	242,397	и у нихъ	4,646,111	десят.
Среднихъ "	отъ	100 до 1000 "	—	56,390	" " "	16,902,419	"
Крупныхъ "	болѣе	1000 "	—	14,722	" " "	48,274,808	"

Среднимъ числомъ приходится на 1 владѣльца:
мелкопомѣстнаго — 1,916 десятинъ, средняго — 298, крупнаго — 3,297.

Распредѣленіе это не вполнѣ соотвѣтствуетъ прежнему дѣленію: крупные собственники при 1000 дѣсятинахъ бѣднѣе, чѣмъ помѣщики при 500 душахъ; но такъ-какъ въ средней сложности (раздѣливъ 48 милліоновъ десятинъ на 14,722 владѣльца) приходится на одного владѣльца 3,200 десятинъ, то размѣръ этотъ долженъ быть безспорно признанъ крупной собственностью.

При этомъ новомъ разсчетѣ, пропорція между тремя классами землевладѣльцевъ нѣсколько измѣнится. Мелкихъ владѣльцевъ, которыхъ, при крѣпостномъ правѣ, мы считали 84% — теперь будетъ: 77%, среднихъ, вмѣсто 13%, — 17%, крупныхъ, вмѣсто 3%, — 6%.

Нисшій разрядъ мелкихъ владѣльцевъ выходитъ до крайности мелкій: среднимъ числомъ на одного приходится — около 19 десятинъ. Поэтому этотъ классъ не можетъ быть пріуроченъ къ помѣстному сословію и скорѣе подходитъ къ крестьянскому, изъ котораго, вѣроятно, и вышла большая часть этихъ собственниковъ.

Землевладѣльческій или помѣстный элементъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, образуется поэтому въ Россіи изъ 71,112 семействъ первыхъ двухъ категорій и не одного дворянскаго, но разныхъ званій, т. е. около 284448 жителей обоего пола. Если причислить къ этому итогу 8 губерній, изъ коихъ свѣденій не получено, также удѣлы (5517232 десят.), то *мы получимъ круглымъ числомъ около 80000 крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ-домохозяевъ, владѣющихъ около 90 милліоновъ десятинъ удобной земли.*

О городскихъ поселеніяхъ вообще составилось у насъ нѣсколько ошибочное понятіе въ томъ отношеніи, что ему приписываютъ нѣкоторую отдѣльность отъ сельскаго быта, которая въ сущности не существуетъ. Во-первыхъ, городское населеніе въ Россіи почти сливается съ сельскимъ: изъ числа 8 мил. городскихъ жителей, только 54% принадлежитъ

къ кореннымъ жителямъ, купеческому и мѣщанскому сословіямъ, 20% составляютъ крестьяне, остальная часть состоитъ изъ дворянъ и военныхъ классовъ. Во-вторыхъ, по роду владѣнія наши города очень близко подходятъ къ общинному крестьянскому; какъ въ селеніяхъ дома и усадьбы состоятъ въ частномъ и потомственномъ владѣніи, такъ и въ городахъ строенія и незастроенные мѣста признаются частной собственностію; но затѣмъ, въ общественномъ пользованіи состоятъ обширныя пространства подгородныхъ угодій, которые всѣ вмѣстѣ, подъ названіемъ городскихъ земель, составляютъ въ Европейской Россіи 1,710,100 десятинъ. Эти городскія земли распредѣлены очень неуравнительно: въ Западныхъ губерніяхъ ихъ мало, но въ Великороссійской и особенно въ юго-восточной полосѣ они занимаютъ большія пространства, состоящія въ общемъ пользованіи городскихъ обществъ. Во многихъ городахъ частное землевладѣніе составляетъ очень незначительный процентъ и большая часть земель считается общинными.

Изъ общаго числа 8,157,162 жителей обоего пола, къ городскимъ сословіямъ принадлежитъ 4,794,175. Изъ нихъ *лицъ владѣющихъ домами* и другими недвижимыми имуществами считалось 477,000. Мы насчитали 207 городскихъ поселеній, гдѣ общественныхъ земель приходится болѣе 1 десятины на ревизскую душу. Въ нѣкоторыхъ городахъ городскія земли составляютъ огромныя площади въ 1020 и до 80000 десятинъ. Промыслы и занятія большей части городскихъ жителей также скорѣе подходятъ къ сельскому, чѣмъ къ торгово-промышленному быту: въ сѣверныхъ, нехлѣбородныхъ губерніяхъ городскія земли обыкновенно отводятся подъ выгонъ скота, болѣе цѣнныя угодья, поемные луга и рыбныя ловли, отдаются въ оброчное содержаніе; въ низовыхъ и черноземныхъ губерніяхъ, также и въ большей части мѣстечекъ, посадовъ и заштатныхъ городовъ эти угодья разверстываются между обывателями городскими, точно такъ, какъ между сельскими, то-есть пополосно въ трехпольномъ сѣвооборотѣ и засѣваются попеременно озимыми и яровыми полями.

Изъ этого видно, что частное землевладѣніе занимаетъ въ городскихъ поселеніяхъ второстепенное мѣсто, что изъ 8 милліоновъ жителей принадлежатъ къ разряду частныхъ собственниковъ только 477,000 домохозяевъ или около 3 милліоновъ душъ обоего пола, что общественныя земли составляютъ главный предметъ эксплуатаціи всѣхъ прочихъ обывателей, хлѣбопашество и огородничество на общинномъ правѣ главный ихъ промыслъ. Такимъ-образомъ городскія поселенія въ Россіи не составляютъ никакой исключительной формы землевладѣнія и общественности; по составу этихъ населеній, по формѣ владѣнія и по промысламъ они сливаются съ сельскимъ бытомъ, и особые порядки, введенные для административнаго и хозяйственнаго управленія городовъ въ Россіи, ничѣмъ не оправдываются.

Самый крупный элементъ землевладѣнія въ Россіи составляютъ *крестьянскія земли*, которыхъ считается по 48 губерніямъ на 22,545,83 ревизскихъ душъ — 116,103,720 десятинъ, среднимъ числомъ по 5,1 десятины на ревизскую душу.

Извѣстно, что земельное положеніе крестьянъ было устроено на различныхъ основаніяхъ въ разныхъ вѣдомствахъ, а потому мы и должны разсмотрѣть его отдѣльно по тремъ главнымъ разрядамъ помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ.

При изданіи положенія о крестьянахъ въ 1861 году, *помѣщичьи крестьяне* въ числѣ 9,795,163 ревизскихъ душъ (по другимъ свѣденіямъ 10,682,400), владѣли землей въ количествѣ 35,779,014 десятинъ, что составляетъ на душу 3,6 десятинъ.

Такъ какъ при утвержденіи уставныхъ грамотъ произведена была въ значительныхъ размѣрахъ отрѣзка земель, то надо бы было думать, что пропорція эта въ настоящее время уменьшилась. Но, по послѣднимъ свѣденіямъ (до 1 января 1872 года), оказывается, что по совершеніи выкупныхъ сдѣлокъ, общій итогъ крестьянскихъ земель очень мало измѣнился; хотя выкупная операція еще далеко не кончена, но число крестьянъ приступившихъ къ выкупу составляетъ уже болѣе $^2/_3$ всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ и потому позволяетъ судить объ общемъ ходѣ операціи. Къ 1 январю 1872 году число крестьянъ, выкупившихъ земли, было 6,600,206, число десятинъ выкупленной земли 23,078,545, на душу 3—5 десятинъ.

Такимъ - образомъ оказывается, что, не смотря на право отрѣзки, предоставленное помѣщикамъ, и коимъ они воспользовались въ многоземельныхъ губерніяхъ очень широко, не смотря на право такъ-называемаго дарового надѣла, которое было примѣнено въ обширныхъ размѣрахъ въ Саратовской и другихъ степныхъ губерніяхъ и уменьшило пространство крестьянскихъ угодій на $^8/_4$, не смотря на это, въ общемъ итогѣ, выкупленныя земли (3,5 десятинъ на душу) почти равняются среднему числу десятинъ бывшихъ въ пользованіи крѣпостныхъ (3,6 детинъ на душу). Самое замѣчательное пониженіе средняго душевого надѣла оказывается въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне поддались соблазну дароваго надѣла: въ Саратовской губерніи средній надѣлъ на душу уменьшился на 0,65 десятинъ, въ Воронежской на 0,65, въ Екатеринославской на 0,54. Увеличеніе надѣловъ послѣдовало преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земли имѣютъ мало цѣнности: въ Астраханской на 2,31 десятинъ на душу, въ Оренбургской — на 1,68.

Поэтому надо предположить, что, при заключеніи выкупныхъ сдѣлокъ и актовъ, крестьяне старались возвратить въ свое владѣніе отрѣзныя земли, бывшія въ ихъ пользованіи при крѣпостномъ правѣ, и отобранныя у нихъ по уставнымъ грамотамъ и что, такимъ-образомъ, общее

пространство крестьянскихъ земель, показанное въ 1861 году, около 35 милліоновъ десятинъ, не много измѣнится по окончаніи выкупной операціи.

Крестьяне удѣльнаго вѣдомства удержали за собой все количество угодій, состоявшихъ въ ихъ пользованіи, безъ отрѣзки; какъ тягловыя, такъ и запасныя земли включены въ составъ надѣла, подлежащаго выкупу; поэтому земельное ихъ положеніе не измѣнилось. Въ числѣ 861,740 душъ они владѣютъ 4336,454 десятинами или по $5^3/_4$ десятины на душу.

Третій разрядъ, государственные крестьяне, также какъ и удѣльные сохранили по владѣннымъ записямъ всѣ угодья, состоявшія въ ихъпользованіи. По числу почти равные помѣщичьимъ, они владѣютъ землей въ количествѣ почти вдвое большемъ: на 9,246,891 душу земли выходитъ 64,985,011 или на одну ревизскую по 7, 2 десятины.

Наконецъ, къ крестьянскому землевладѣнію слѣдуетъ еще причислить *колонистовъ*, которымъ принадлежитъ 2,107,698 десятинъ, что составляетъ на 210,827 ревизскихъ душъ по 6, 3 десятины, и собственныя земли крестьянъ, не включенныхъ въ мирской надѣлъ, коихъ числится у государственныхъ крестьянъ 2,003,465. По прочимъ вѣдомствамъ эти земли не исчислены.

По другимъ исчисленіямъ, заимствованнымъ изъ новѣйшихъ офиціальныхъ (1872 года) источниковъ, общее распредѣленіе землевладѣнія въ Россіи было слѣдующее: земель сельскаго податнаго сословія, то-есть крестьянъ всѣхъ наименованій было 116,103,720,
земель помѣщичьихъ за надѣломъ крестьянъ 63,734,697,
„ удѣльныхъ „ „ „ 5,517,232,
прочихъ владѣльцевъ и городовъ . . . . 24,654,991.

Свѣдѣнія эти относятся только къ землямъ, обложеннымъ государственнымъ земскимъ сборомъ, то-есть собственно къугодьямъ или удобнымъ землямъ. Кромѣ того въ нихъ не включены земли, состоящія на льготномъ положеніи: козацкія, около 40 милліоновъ десятинъ, и колонистскіе, около 2 милліоновъ. Если пріурочить ихъ къ первому итогу крестьянскихъ земель, то мыполучимъ *сумму крестьянскаго землевладѣнія въ Европейской Россіи — около 158 милліоновъ десятинъ*.

Впрочемъ, для болѣе точнаго опредѣленія отношенія этихъ двухъ видовъ владѣнія нужно еще принять въ соображеніе слѣдующее: если считать, какъ мы приняли въ другихъ странахъ, крестьянскимъ владѣніемъ такое, которое болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ собственнымъ рабочимъ силамъ одной крестьянской семьи, то изъ 93 милліоновъ десятинъ земель частнаго владѣнія нужно исключить около 4 милліоновъ десятинъ мелкихъ частныхъ участковъ, которые составляютъ въ средней сложности не болѣе 19 десятинъ на 1 владѣльца и также 1,710,000 городскихъ земель, состоящихъ въ пользованіи всѣхъ городскихъ обывателей. Въ такомъ случаѣ общіе итоги будутъ:

Мелкаго (крестьянскаго и городского) владѣнія — 164 мил. десятинъ. Средняго и крупнаго, частныхъ лицъ и удѣловъ — 88 мил. десятинъ. Затѣмъ третью группу земель, которую мы не причисляемъ ни къ той ни къ другой, которая составляетъ общій запасъ государства и народа, составляютъ *казенные земли и лѣса*, коихъ считается изъ общаго числа 205,319,525, удобныхъ — 125 милліоновъ десятинъ.

Опредѣливъ приблизительно отношеніе частнаго владѣнія къ крестьянскому по пространству земель, мы теперь изслѣдуемъ *и отношеніе числа лицъ т. е. частныхъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ-домохозяевамъ.* Мы спѣшимъ оговорить, что эти числовыя отношенія не могутъ и не должны быть приняты безусловно для опредѣленія соціальныхъ и гражданскихъ отношеній, и что поголовное число собственниковъ еще во-все не рѣшаетъ вопроса объ ихъ преобладаніи. Такъ, напримѣръ, во Франціи число мелкихъ крестьянъ-собственниковъ очень велико, почти въ 10 разъ больше чѣмъ число среднихъ и крупныхъ владѣльцевъ; но по пространству и доходности владѣнія послѣднія имѣютъ перевѣсъ надъ первыми, и богатая французская буржуазія въ соціальномъ отношеніи имѣетъ несравненно болѣе вѣса и вліянія, чѣмъ французское крестьянство.

Но въ Россіи представляется другой фактъ, *именно: что, и по числу домохозяевъ, и по пространству и цѣнности владѣній, крестьянскій элементъ является преобладающимъ во всѣхъ коренныхъ русскихъ земляхъ.*

Крестьянъ всѣхъ наименованій считается въ Россіи, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, около 23 милліоновъ ревизскихъ душъ и между ними крестьянскихъ дворовъ, составляющихъ каждый отдѣльное хозяйство 7,220,788. Частныхъ владѣльцевъ въ 41 губерніяхъ насчитано, какъ мы выше сказали, 313,509, но такъ-какъ свѣденія эти не полны, а въ 8 губерніяхъ число владѣльцевъ не показано, то можно принять ихъ общее число въ 350,000. Но эта пропорція, введенная по всей Россіи, очень измѣнится, если мы исключимъ изъ разсчета Западныя губерніи и нѣкоторыя восточныя: Оренбургскую, Уфимскую, Ставропольскую, гдѣ вообще поземельный бытъ находится еще въ періодѣ формаціи, и имѣетъ болѣе характеръ колонизаціи, чѣмъ осѣдлаго и прочнаго населенія. Въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, по свѣденіямъ, доставленнымъ земскими управами, земли, принадлежащей крестьянамъ считалось 70,285,923,
а землевладѣльцамъ вмѣстѣ съ казной и удѣломъ . . . 75,187,127.

Въ этомъ количествѣ показаны только удобныя, производительныя земли, обложенныя земскими сборами, и таковыхъ выходитъ у крестьянъ, почти такое же число, какъ у помѣщиковъ, удѣла и казны вмѣстѣ взятыхъ.

Здѣсь нужно прежде всего разъяснить кажущееся противорѣчіе, которое представляется между этими показаніями и тѣми, которыя были собраны при освобожденіи крестьянъ и опубликованы редакціонными

коммиссіями, а также Тройницкимъ, „Военно-статистическимъ Сборникомъ“ и другими. При прежнихъ исчисленіяхъ помѣщичьихъ удобныхъ земель показывалось въ пользованіи крестьянъ (въ 49 губерніяхъ, въ томъ числѣ и 8 западныхъ) около 36 милліоновъ десятинъ и въ распоряженіи помѣщиковъ 69 милліонъ: почти вдвое.

За казной и удѣльными считалось кромѣ того до 50% всѣхъ удобныхъ земель, а крестьянскихъ всѣхъ вмѣстѣ только 20%.

Но когда, по введеніи земскихъ учрежденій, потребовалось обложить земли сборомъ, то количество удобныхъ земель внезапно сократилось. Сокращеніемъ этимъ воспользовались всѣ вѣдомства, кромѣ крестьянъ, которымъ дѣйствительно надѣлены были лучшія земли, пахатныя и луговыя угодья; частные владѣльцы въ сѣверныхъ лѣсныхъ губерніяхъ и, въ особенности, казна старались скинуть съ числа окладныхъ земель большія пространства непроизводительныхъ пустошей и лѣсныхъ дачъ, которыя дѣйствительно не имѣли никакой цѣнности, хотя номинально и считались удобными. Отъ этого произошолъ такой поворотъ, что крестьянскія земли, которыхъ считалось по прежнимъ валовымъ исчисленіямъ только 20%, при раскладкѣ поземельныхъ сборовъ составили около 50%, между-тѣмъ какъ помѣщичьи земли, которыхъ прежде показывалось 40% и казенные (30%), вмѣстѣ съ удѣльными, составили только половину, равную крестьянскимъ землямъ.

И такъ, принимая въ разсчетъ одни коренныя русскія губерніи и собственно производительныя земли, мы приходимъ къ заключенію, что въ нихъ крестьянское землевладѣніе составляетъ преобладающій элементъ и что другая половина всей территоріи подраздѣляется между тремя вѣдомствами: казной, удѣлами и частными землевладѣльцами.

Далѣе нужно также принять и въ разсчетъ цѣнность и доходность угодій въ разныхъ полосахъ имперіи; изъ приложенной таблицы процентнаго отношенія крестьянскихъ земель къ владѣльческимъ оказывается, что первыя преобладаютъ въ промышленныхъ и хлѣбородныхъ губерніяхъ, и, на оборотъ, владѣльческія земли въ лѣсной и степной полосахъ; исключеніе изъ этого составляютъ только: въ первой категоріи Олонецкая губернія и во второй Тульская; впрочемъ, въ этой послѣдней владѣльческія земли превышаютъ крестьянскія только 0,4%. Если за тѣмъ принять въ соображеніе, что въ черноземной полосѣ пашни и луга должны быть оцѣнены, по крайней мѣрѣ, втрое противъ земель лѣсной полосы, и что именно въ этихъ губерніяхъ и преобладаетъ крестьянское владѣніе, то мы придемъ къ заключенію, что по цѣнности угодій крестьянскія земли превышаютъ на значительную сумму цѣнность всѣхъ прочихъ владѣній не только помѣщичьихъ, но и казенныхъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что и по числу хозяйствъ и домохозяевъ и по количеству земли *и по ее цѣнности и валовой доходности, кресть-*

янскія владѣнія составляютъ въ Россіи большую часть поземельной собственности.

Но, въ настоящее время, было бы преждевременно подводить общіе и окончательные итоги по разнымъ статьямъ народнаго хозяйства, потому-что положеніе и отношенія разныхъ классовъ жителей и имуществъ безпрестанно измѣняется, и мы должны обратить преимущественно вниманіе на эти видоизмѣненія, чтобы дать вѣрное понятіе о ходѣ и будущемъ устройствѣ аграрныхъ отношеній въ Россіи.

Первая и главная черта, которую мы должны подмѣтить, есть *переходъ, совершающійся на нашихъ глазахъ недвижимыхъ имуществъ изъ владѣнія прежнихъ дворянскихъ и помѣщичьихъ родовъ къ другимъ собственникамъ.* При сведѣніи, въ 1861 году, счетовъ о помѣстномъ владѣніи, оказалось, что въ промежутокъ съ 8-й ревизіи по 10-ю число помѣщиковъ уменьшилось на9039, а число крѣпостныхъ ихъ людей на 165,240 ревизскихъ душъ.

Изъ этого видно, что упадокъ помѣстнаго сословія и распродажа имѣній началась уже въ крѣпостной періодъ. Затѣмъ, по свѣдѣніямъ за 1872-71 годы, число землевладѣльцевъ показывается уже втрое больше, чѣмъ въ 1861 г. Явленіе это вполнѣ разъяснилось изъ отзывовъ разныхъ мѣстныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, поданныхъ въ Коммисію для изслѣдованія сельскаго хозяйства. Въ большей части губерній, со времени освобожденія крестьянъ, ходъ землевладѣнія былъ слѣдующій: немедленно послѣ крестьянской реформы помѣщики, болѣе или менѣе стѣсненные въ своемъ хозяйственномъ состояніи, поспѣшили ликвидировать свое поземельное владѣніе; покупщиками явились сначала не многіе капиталисты, отважившіеся на пріобрѣтеніе земель, въ то время какъ земли считались очень рискованнымъ помѣщеніемъ фондовъ. Цѣны, разумѣется, при этомъ упали до крайней степени, покупателей было меньше, чѣмъ продавцовъ, и въ губерніяхъ нехлѣбородныхъ цѣнность имѣній сдѣлалась почти номинальной, такъ-какъ реализировать ее было почти невозможн .

Но этотъ кризисъ продолжался недолго; по вышеупомянутымъ отзывамъ земскихъ управъ и мѣстныхъ жителей въ настоящее время положеніе это уже значительно измѣнилось и представляется въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ:

Продажа имѣній въ цѣломъ составѣ сдѣлалась или осталась, какъ и прежде, очень рѣдкимъ случаемъ, по двумъ причинамъ совершенно противоположнымъ: въ сѣверной и восточной полосѣ по недостатку покупщиковъ, въ центральной и южной по неимѣнію продавцовъ. Въ первой, за надѣломъ крестьянъ, остались въ распоряженіи владѣльцевъ большею частію запольныя пашни, горные луга и лѣсныя дачи, а такъ-какъ послѣднія, составлявшія всю цѣнность имѣнія, были распроданы на

срубъ въ теченіи перваго десятилѣтія (1861—1870), то общая стоимость помѣстій должна была неминуемо упасть до нуля, какъ отзываются нѣкоторые владѣльцы Валдайскаго, Крестецкаго и другихъ уѣздовъ. Впрочемъ, эта оцѣнка; какъ мы ниже объяснимъ, нѣсколько преуменьшена и выражаетъ только цѣнность тѣхъ имѣній, которыя разорены были самими ихъ владѣльцами.

Въ другой полосѣ, черноземной и степной, а также въ подмосковныхъ и центральныхъ губерніяхъ, замѣчено на оборотъ другое явленіе: продажа цѣлыхъ имѣній прекратилась, потому-что при постепенномъ возвышеніи цѣнъ на земли, какъ продажныхъ такъ и арендныхъ, владѣльцы придерживаются, прибѣгаютъ въ крайности къ залогу имѣній въ поземельныхъ банкахъ и запрашиваютъ цѣны непомѣрно высокія.

Фактъ этотъ подтверждается отзывами изо всѣхъ губерній, хотя въ нѣкоторыхъ землевладѣльцы и стараются его скрыть, утверждая, что цѣны на земли упали, и что продажной цѣнности они не имѣютъ никакой. Такъ, напримѣръ, въ Ковенской губерніи, въ то время, какъ землевладѣльцы показываютъ, будто бы цѣны на земли, вслѣдствіе ограниченія правъ землевладѣнія, понизились и упали въ теченіе 10 лѣтъ съ 40—100 рублей на 12—40, губернаторъ свидѣтельствуетъ, что въ послѣднее время замѣтно стремленіе крестьянъ къ покупкѣ земель, и что въ 1871 году продано помѣщиками крестьянамъ 3,872 десятины по цѣнамъ очень высокимъ. Изъ всѣхъ губерній, почти безъ исключенія, поступаютъ свѣдѣнія, что продажъ имѣній въ цѣломъ ихъ составѣ очень мало, но что, напротивъ, очень много продается земель мелкими участками и что между продажными цѣнами въ томъ и другомъ случаѣ представляется разница очень значительная; даже въ такихъ губерніяхъ, какъ Нижегородская, гдѣ средняя цѣна на земли при крупныхъ продажахъ не выше 30 — 40 рублей, крестьяне по мелкимъ участкамъ платятъ 80 — 90 и до 100 рублей за десятину.

Всѣ эти факты указываютъ, что крупное землевладѣніе отживаетъ въ Россіи свой краткосрочный вѣкъ, начавшійся при Екатеринѣ II, съ пожалованія громадныхъ вотчинъ царскимъ любимцамъ, и окончившійся съ освобожденіемъ крестьянъ: для разумной эксплуатаціи такихъ необъятныхъ имѣній, денежныхъ средствъ и сбереженій, познаній и культуры было въ высшемъ кругу нашего общества слишкомъ мало, и только запрещеніе продажи населенныхъ имѣній недворянамъ могло удержать въ теченіе одного неполнаго столѣтія это искусственное преобладаніе крупныхъ собственниковъ; какъ только запрещеніе было снято, поземельный бытъ сталъ быстро измѣнять свой характеръ: продавцами явились крупные собственники, покупателями — мелкіе, и *хозяйственная эксплуатація, дѣйствительное владѣніе начало быстро переходить въ руки чорныхъ людей, пашенныхъ крестьянъ.*

Одновременно съ этимъ экономическимъ переворотомъ происходилъ и другой, находящійся въ тѣсной съ нимъ связи: общая средняя стоимость земель удобныхъ быстро возвышалась; но это возвышеніе имѣло различныя значенія и послѣдствія въ разныхъ полосахъ Имперіи. На сѣверѣ, гдѣ пашенныхъ и луговыхъ угодій, сравнительно съ общимъ пространствомъ территоріи, мало, первые поднялись мгновенно въ цѣнѣ: въ Новгородской губерніи десятина заливного луга стоитъ 50 — 100 рублей, пахатной земли 30 — 45 рублей, въ Тверской губерніи заливные луга и пашни 150 — 200 руб., въ Смоленской удобная пашня цѣнится въ 50 р., средніе покосы 30 — 50 руб., въ Владимірской пашенные луга — въ 150, непашенные 50 — 60, пашни хорошаго качества 40 — 50; въ тѣхъ же губерніяхъ пустошныя угодія (мелкій лѣсъ, покосы, ненавозныя пашни) продаются по 5 — 8 руб., такъ называемые бора, вырубки по 1 — 3 руб., лѣсныя заросли, выгоны по 2 — 4 руб.

Отъ этой громадной разницы въ стоимости разныхъ земель происходитъ и совершенное разногласіе въ отзывахъ о ихъ цѣнности; въ тѣхъ имѣніяхъ гдѣ, за надѣломъ крестьянъ, остались одни пустошныя мѣста, гдѣ изстари никакого хозяйства не велось, ничего не затрачивалось на удобреніе и улучшеніе помѣстій, гдѣ, однимъ словомъ, оброчная повинность крестьянъ была единственнымъ источникомъ доходовъ беззаботныхъ владѣльцевъ, тамъ они и *сохранили изъ своихъ имуществъ равно столько, сколько, посѣяли*, то-есть — *ничего*. Они-то именно и оглушаютъ Россію воплями о своемъ раззореніи, жалуются на упадокъ цѣнъ своихъ имѣній и, подводя общій итогъ цѣнности земель, заявляютъ, что она не только равна нулю, но даже представляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отрицательную величину.

На оборотъ, можно принять, *что всѣ тѣ земли, которыя не были запущены*, всѣ тѣ, даже дикія, пустошныя земли, которыя не истощены хищнической културой прежнихъ лѣтъ, всѣ тѣ мѣстныя дачи, которыя не вырублены или даже послѣ вырубки нѣсколько расчищены и убраны, *получили въ послѣдніе годы огромную цѣнность*, двойную, тройную противъ прежней.

Поэтому мы думаемъ, что отзывы о безцѣнности помѣщичьихъ земель даже и въ сѣверныхъ губерніяхъ очень преувеличены: малоцѣнными можно признать только тѣ имѣнія, которыхъ капитальная стоимость разстрачена была въ прежнія времена усиленными посѣвами безъ удобренія, вырубками безъ уборки сучьевъ и валежника, сдачей на рѣзы подъ ленъ, и всякими другими пріемами хищнической культуры. Прочія всѣ угодія, къ коимъ приложены были какія-либо старанія и труды со времени освобожденія крестьянъ, возвысились и еще постоянно возвышаются въ цѣнности и доходности, и, за исключеніемъ такихъ опустошенныхъ имѣній, смѣло можно принять, что средняя стоимость земель

въ полосѣ между Новгородомъ и Казанью въ настоящее время 25—30 руб. за десятину.

Въ южныхъ губерніяхъ, начиная на востокѣ отъ Волги и доходя на западѣ до Днѣпра, первоначальныя опасенія за упадокъ цѣнъ на земли и растройство помѣщичьихъ имѣній уже нынѣ, повидимому, утихаютъ. Почти единогласные отзывы земскихъ управъ, губернскихъ присутствій, Статистическихъ комитетовъ подтверждаютъ, что въ послѣднее десятилѣтіе цѣны на земли возвысились не менѣе какъ вдвое. Исключенія составляютъ только крайнія заволжскія мѣстности Самарской губерніи, гдѣ въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ рѣкъ и пристаней цѣны держутся еще очень низко: по 9—15 руб. за десятину. Изъ всѣхъ прочихъ губерній черноземныхъ и степныхъ, великороссійскихъ, новороссійскихъ, малороссійскихъ новѣйшія свѣдѣнія показываютъ, что цѣны за десятину поднялись въ теченіи 10 лѣтъ почти вдвое (въ Курской и Тульской втрое) и стоятъ нынѣ въ 40—50 руб. въ многоземельныхъ уѣздахъ и около 100 руб. въ малоземельныхъ.

Соотвѣтственно продажнымъ цѣнамъ возвышаются *и арендныя цѣны на земли*. Явленія это почти всеобщее, но оно проявляется въ разныхъ видахъ въ разныхъ полосахъ Россіи.

Въ сѣверной полосѣ (примѣрно между Костромой и Калугой, Псковомъ и Казанью) *долгосрочныхъ арендъ* почти вовсе нѣтъ: всѣ попытки землевладѣльцевъ найти благонадежныхъ арендаторовъ изъ средняго сословія или законтрактовать земли крестьянамъ на долгія сроки, оказались безнадежными; цѣны на таковыя аренды даже упали и только поддерживаются въ немногихъ мѣстностяхъ Смоленской и Владимірской губерніяхъ, по 1—3 руб. за десятину, изрѣдка достигая 5—7 руб. въ наилучшихъ устроенныхъ имѣній.

Краткосрочныя, погодныя аренды, напротивъ, очень умножились и составляютъ почти повсемѣстный порядокъ эксплуатаціи помѣщичьихъ земель и здѣсь представляются нѣкоторые отдѣльные черты, которыя нужно подмѣтить каждую особо: а) съемщиками, оброчными содержателями опять являются, какъ и покупщиками, почти исключительно, крестьяне; письменныхъ формальныхъ контрактовъ они избѣгаютъ и покупаютъ земли въ годы на одно, два и три слѣтья, по словеснымъ сдѣлкамъ или по условіямъ засвидѣтельствованнымъ (если этаго потребуютъ владѣльцы) въ волостномъ правленіи; в) плата за земли, обыкновенно, полагается денежная, съ отсрочькой до осени или зимы, иногда и за разные послуги и работы, рѣдко и неохотно изъ части урожая. Испольная повинность, столь распространенная въ западной Европѣ (во Франціи и Италіи metayade), по видимому, не принимается въ Россіи.

Изъ свѣденій, преставленныхъ отъ 11 губерній сѣверной полосы, мы только въ одной Новгородской встрѣчаемъ указанія на таковыя сдѣлки,

но и тамъ исполу сдаются только покосы, между-тѣмъ какъ съ земель подъ пашню владѣлецъ беретъ только 4-й и 5-й снопъ, отдовая такимъ образомъ земледѣльцу $^3/_4$ или $^4/_5$ урожая; сдѣлка, очевидно, крайне убыточная для хозяина. Сильнѣйшій запросъ относится къ двумъ категоріямъ земель: цѣлинѣ и къ лучшимъ луговымъ угодіямъ, поемнымъ. Между-тѣмъ какъ, въ общей сложности, среднія цѣны упадали или возвышались очень мало, по этимъ двумъ разрядамъ земель возвышеніе цѣнъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ было громадное и повсемѣстное: въ Псковской губерніи рѣзы подъ ленъ сдаются по 20—35 рублей и доходятъ до 70, цѣлина, по мѣстному нарѣчію дербаки, платятся до 50—80 рублей; въ Тверской губерніи и Новгородской цѣны еще умѣренныя, но возвышаются ежегодно; но особенно замѣтно постепенное вздорожаніе луговыхъ угодій во многихъ губерніяхъ (Тверской, Смоленской, Ярославской): хорошія луга, даже нагорные, цѣнятся дороже пашни, отъ 5 до 10 рублей, поемные-же покосы вездѣ достпгаютъ очень высокихъ цѣнъ, втрое, вчетверо противъ пашни: отъ 10—30 рублей въ Тверской губерніи, 20—25 во Владимірской, 10—40 въ Московской.

Вообще, арендная плата въ общей средней сложности всѣхъ земель возвысилась въ этомъ краѣ немного; она даже положительно упала по всѣмъ запольнымъ, ненавознымъ пашнямъ, выгонамъ и другихъ угодьямъ, которые въ первые годы по освобожденіи были сданы и выпаханы крестьянами, и въ настояще время уже потеряли всю свою цѣнность. Таковые пустошныя земли, ляды, сдаются нынѣ по цѣнамъ почти номинальнымъ по 25 коп. въ Смоленской губерніи и по 50 коп. въ Тверской.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтно положительное возвышеніе цѣнъ: во первыхъ, по всѣмъ землямъ хорошаго качества, во вторыхъ, по имѣніямъ лежащимъ по линіямъ Желѣзныхъ дорогъ: Рыбинско-Бологовской въ Малогскомъ уѣздѣ, Орловско-Витебской въ Смоленской губерніи и вообще во всѣхъ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ судоходнымъ рѣкамъ, такъ въ большой части уѣздовъ въ Казанской и Нижегородской губерній лежащихъ на Волгѣ и Камѣ.

Изъ всего этаго мы заключаемъ, что въ сѣверной полосѣ Россіи, гдѣ плодородіе почвы безусловно зависитъ отъ правильной културы, цѣны упали отъ прежняго, многолѣтняго дикаго обращенія съ землей; они продалжаютъ упадать и понынѣ отъ таковой же безсмысленной эксплуатаціи, сдачи земель подъ рѣзы, подъ ляды, подъ 3—4 лѣтніе посѣвы безъ навоза, и продажи лѣсныхъ дачъ промышлинникамъ на срубъ безъ малѣйшій заботы объ очисткѣ и уборкѣ вырубленныхъ лѣсосѣковъ. Можно сказать, что большая часть владѣльцевъ этихъ губерній эсконтировали еще до освобожденія крестьянъ, или въ первые годы послѣ реформы, всю цѣнность своихъ имѣній; намъ лично извѣстны цѣлые уѣзды, гдѣ въ

сороковыхъ и пятидесятахъ годахъ пространныя, лѣсныя дачи были, можно сказать, пропиты ихъ распутными владѣльцами, промѣнены на ящики шампанскаго, проиграны въ карты, гдѣ цѣлыя имѣнія запродавались лѣсоторговцамъ на срубъ и на такіе долгіе сроки 6—12 лѣтъ, что въ продолженіи этого времени лучшіе строевые лѣса превращались въ непроходимые трущобы, заваленныя буреломомъ, сучьями и валежникомъ.

Но съ другой стороны, можно положительно заключить, что всѣ тѣ владѣльческія земли, которыя не были окончательно раззорены до 1861, съ того времени повысились въ цѣнѣ, и что на хорошіе луга, навозныя пашни открылся такой запросъ, какого прежде не было и какого не ожидали дворяне-землевладѣльцы. Въ настоящее время многіе изъ нихъ довершаютъ раззореніе, начатое при крѣпостномъ правѣ; послѣднія цѣлины или старыя залежи сдаются подъ ленъ, луга распахиваются, лѣса вырубаются, и громадныя цѣны, устоновившіяся на новыя земли и поемные луга (20—30—40 рублей арендной платы), суть печальные предвѣстники близкаго истощенія этой послѣдней статьи доходности владѣльческихъ имѣній.

Въ южной полосѣ Россіи арендованіе земель имѣетъ совершенно другой характеръ, и приняло въ послѣднее время другое направленіе. Мы разумѣемъ здѣсь всю группу хлѣбородныхъ губерній, лежащихъ на югѣ отъ Москвы, начиная на востокѣ съ Симбирска и юговосточныхъ черноземныхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи, и кончая, на западѣ Волынской и Подольской губ. Здѣсь арендованіе земель ввелось очень быстро; оно составляетъ главный промыслъ сельскихъ сословій, и, по видимому доставляетъ землевладѣльцамъ выгоды. Само собой разумѣется, что на такомъ широкомъ пространствѣ, представляются многочисленныя исключенія и рѣзкія различія.

Всѣхъ болѣе отдѣляется по своимъ особенностямъ крайняя восточная группа, состоящая изъ губерній Симбирской и Самарской и части Нижегородской, и особенности эти, проявляясь все болѣе въ дальнѣйшихъ уѣздахъ Самарской губерніи, постепенно смягчаются и сглаживаются, идя на западъ,

Въ Самарской губерніи все земледѣліе находится въ рукахъ крестьянъ. Владѣя, по уставнымъ грамотамъ оченъ широкимъ надѣломъ (помѣщичьи крестьяне по 12 десятинъ, удѣльные $7^1/_2$ десятинъ), они снимаютъ кромѣ того и всѣ владѣльческія земли. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ (донесенія земскихъ управъ, губернской и уѣздной) крестьяне арендуютъ ежегодно до 90,000 десятинъ, и чѣмъ далѣе на югѣ тѣмъ сдача земель крестьянамъ дѣлается болѣе и болѣе. Въ Николаевскомъ, Новоузенскомъ уѣздахъ почти нѣтъ селенія, которое не арендовало бы значительнаго количества государственныхъ или помѣщичьихъ земель; въ нѣкоторыхъ деревняхъ наемныхъ земель въ 2—3 раза болѣе, чѣмъ

надѣльныхъ. Николаевская земская управа приводитъ примѣръ одного села, изъ общества, состоящаго изъ 25,000 ревизскихъ душъ, при надѣлѣ въ 14 десятинъ удобной и въ 11 дес. неудобной земли, которое арендуетъ кромѣ того 180,000 дес. чужой земли и эксплуатируетъ, такимъ образомъ, до 240,000 дес. или около 100 дес. на душу. Крестьяне юговосточныхъ уѣздовъ арендуютъ также земли у киргизовъ сосѣднихъ ордъ, и распространяютъ свои культуры до крайнихъ предѣловъ безводныхъ степей и песковъ Каспійскаго поморья. Условія аренды здѣсь также совершенно противоположныя тѣмъ, которыя мы замѣтили на сѣверѣ; между-тѣмъ какъ тамъ крестьяне избѣгаютъ домосрочныхъ сдѣлокъ и крупныхъ оброчныхъ статей, здѣсь наоборотъ они ищутъ большихъ участковъ и предпочитаютъ многолѣтніе сроки; отдѣльные хозяева арендуютъ, участки отъ 10—30 десятинъ, болѣе зажиточные до 100 дес., но большею частію, они складываются товариществами или цѣлыми мірскими обществами и снимаютъ пространныя степи, старыя залежи и цѣлины участками въ 2 и до 5 тысячъ десятинъ.

Понятно, что, при такомъ непомѣрномъ запросѣ на земли, очевидно превышающемъ даже рабочія силы лѣснаго населенія, цѣны должны были подняться; они стояли еще въ 1858 году очень низко, по 50 копѣекъ за десятину, потомъ возвысились въ 1862 году до 1 рубля, а въ 1868 году до 2 рублей. Понятно, что такое быстрое вздорожаніе должно было привесть промышленниковъ и спекулянтовъ, и дѣйствительно, по новѣйшимъ свѣденіямъ, оказывается, *что между владѣльцами и крестьянами, стали повсемѣстно посредники, оптовые съемщики изъ купцовъ*, которые арендуютъ отъ удѣловъ и помѣщиковъ обширныя дачи въ нѣсколько тысячъ десятинъ, часто 100,000 и болѣе, и переобрачиваюта ихъ крестьянамъ отдѣльными участками. Изрѣдка, являются на торги и крестьяне въ составѣ обществъ и товариществъ, но большею частію, не выдерживаютъ конкуренціи капиталистовъ и уступая ихъ непосредственному заключеніе контракта, тутъ же вступаютъ съ ними въ сдѣлки для съемки земель изъ вторыхъ рукъ.

Извѣстно, какое пагубное дѣйствіе на народное хозяйство имѣли таковые же посредники (midlemen) въ Ирландіи. На нашихъ восточныхъ окраинахъ возникаютъ порядки, нѣсколько похожія на Ирландскіе, и которые, во всякомъ случаѣ, внушаютъ нѣкоторыя опасенія. Купцы-съемщики берутъ, обыкновенно, земли на 5—7 лѣтъ, большими количествами и по средней цѣнѣ отъ 1 до $2^1/_2$ рублей; цѣны эти разбиваются по разнымъ сортамъ земли: за цѣлину, залежи и вообще крѣпкія земли платятъ отъ 3 до 7 рублей, за мягкія отъ 2 до 5, за выгоны и пустыя степи цѣна упадаетъ до 1 рубля и даже до 35 копѣекъ. Средняя годовая плата колеблется между 12 и 50 копѣекъ—въ Новоузенскомъ уѣздѣ, $2^1/_2$—3 рублей въ Ставропольскомъ. Между-тѣмъ, при

передачѣ земель крестьянамъ, плата возвышается до 5—8 руб., и за переуступку отдѣльныхъ участковъ крестьяне платятъ купцамъ-съемщикамъ отступнаго отъ 10 до 30%; въ отдѣльныхъ случаяхъ барыши арендаторовъ бываютъ и гораздо значительнѣе и составляютъ до 75% арендной платы.

Другая черта, которая также представляетъ нѣкоторое сходство съ Ирландіей, есть та, что здѣсь, какъ и тамъ, крупное землевладѣніе сосредоточено въ рукахъ *отсутствующихъ собственниковъ*, изъ коихъ главные: удѣльное вѣдомство и дворяне, получившіе въ послѣднее время по Высочайшему пожалованію обширныя ненаселенныя степи и проживающіе, почти всѣ безъ исключенія, на службѣ вдали отъ своихъ имѣній. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ причинъ абсентеизма крупныхъ владѣльцевъ и посредничества крупныхъ съемщиковъ, въ Самарѣ уже начинаютъ проявляться тѣже признаки истощенія почвы и оскудѣнія сельскихъ сословій, которые поражаютъ въ Ирландіи. Въ теченіи первыхъ 8 или 10 лѣтъ до 1868-70 годовъ цѣны возвышались, и возвысились вчетверо, затѣмъ стали упадать и въ 1872 году понизились съ 2 рублей до $1^1/_2$. Затѣмъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ: старыя залежи и цѣлины ноубирались, посѣвы бѣлотурки на мягкихъ земляхъ не удавались вслѣдствіе быстраго перерода этого хлѣба; въ южныхъ уѣздахъ гдѣ много свѣжихъ земель, арендная плата все еще дорожала, но въ сѣверныхъ падали арендныя цѣны, сокращались урожаи, бѣднѣли земледѣльцы, покуда, наконецъ, не разразилось надъ этой плодороднѣйшей полосой Россіи небывалое бѣдствіе голода 1873 года, вызвавшее во всей Имперіи столько же сочувствія, сколько и пререканій.

Мы смѣемъ думать, что, независимо отъ неурожаевъ, которые по общему закону природы, поражаютъ попеременно всѣ страны и мѣстности нашей Русской Земли, независимо отъ нихъ, самарскій голодъ долженъ быть отчасти *приписанъ и хищнической культурѣ*, которая введена была въ томъ краѣ немедленно по упраздненіи крѣпостного труда. Вездѣ, гдѣ проявляется таже пагубная система хозяйства, гдѣ собственники, живя въ отдаленіи отъ своихъ имуществъ, извлекаютъ изъ нихъ наивысшую ренту посредствомъ оптовыхъ съемщиковъ, а сіи послѣдніе, въ свою очередь, переоброчиваютъ земли мелкимъ арендаторамъ, гдѣ, такимъ-образомъ, кромѣ владѣльческой поземельной ренты появляется еще другая— спекулятивная, торговая, тамъ неминуемо всѣ прибыли земледѣлія поглащаются этими посредниками, и самимъ хлѣбопашцамъ остается только тяжкій и безплодный трудъ. Выше сказано, что въ Ирландіи midlemen обогащаются на счетъ обѣихъ сторонъ, землевладѣльцевъ и крестьянъ; въ Самарѣ, по новѣйшимъ извѣстіямъ, купцы-съемщики, беря отступного отъ крестьянъ до 30%, выгадываютъ на таковомъ посредничествѣ до 75% арендной платы, и этихъ указаній уже достаточно, чтобы за-

ключить, что всѣ прибыли земледѣлія остаются въ ихъ рукахъ. Временно и мгновенно рента землевладѣльцевъ могла и возвыситься отъ искусственнаго возвышенія цѣнъ при торгахъ, также и крестьяне могли выручать въ первые годы нѣкоторые барыши отъ посѣва цѣнныхъ хлѣбовъ (бѣлотурки) на крѣпкихъ, дѣвственныхъ почвахъ; но вскорѣ почва отказалась производить и люди платить, и двухъ-трехъ лѣтъ (1870 — 1873) неурожая достаточно было въ Самарѣ, какъ одного года въ Ирландіи (1847), чтобы разстроить сельскія сословія, помѣщиковъ и крестьянъ; въ барышахъ остались только купцы-съемщики, которые успѣли извлечь изъ земли всѣ ея производительныя силы, изъ народа — всѣ его платежныя средства.

Въ смежную Симбирскую губернію и Саратовскую и въ южные уѣзды Нижегородской эта наемная эксплуатація еще, по видимому, не проникла: долгосрочныя аренды большими участками встрѣчаются рѣдко, крестьяне арендуютъ помѣщичьи и удѣльныя земли непосредственно. Но здѣсь проявляется другое обстоятельство это—быстрое возвышеніе арендныхъ цѣнъ вслѣдствіе малоземелья крестьянъ, такъ-какъ въ этой полосѣ было наиболѣе примѣнено распоряженіе объ уступкѣ крестьянамъ въ даръ $^1/_4$ надѣла (по ст. 123), „Положенія о крестьянахъ“ распоряженіе, которое было проведено вопреки мнѣнію Редакціонной Коммиссіи, по настоянію нѣкоторыхъ крупныхъ и знатныхъ собственниковъ, владѣвшихъ большими имѣніями въ этихъ краяхъ. Дѣйствія этой мѣры не замедлили обнаружиться: въ окрестностяхъ имѣній, перешедшихъ на такъ-называемый даровой или нищенской надѣлъ, наемная плата за земли установляется почти произвольно немногими богатѣйшими собственниками-землевладѣльцами, крестьяне нанимаютъ свои прежнія пашни по цѣнѣ, возрастающей съ каждымъ годомъ. Мѣстные жители (симбирская управа, сызранскій городской голова) показываютъ, что цѣны ростутъ значительно съ каждымъ годомъ, и приводятъ въ примѣръ имѣнія, гдѣ въ 1864 году земли сдавались по 3 рубля, а въ 1872 — по 7 рублей.

И такъ во всей этой крайне восточной полосѣ Россіи, приволжской, низовой земледѣліе находится почти исключительно въ рукахъ крестьянъ. Неодолимое стремленіе сельскихъ обывателей къ распростаненію своихъ эксплуатацій, къ захвату наибольшаго количества угодій вытѣсняетъ изъ этого края вольнонаемное издѣльное хозяйство; господскихъ запашекъ мало, сдаточная система преобладаетъ, въ батраки и поденщики крестьяне не нанимаются и вмѣстѣ съ тѣмъ, по безпечности владѣльцевъ, съ помощію спекуляторовъ и купцевъ-съемщиковъ, все болѣе и болѣе распространяется безпощадная культура, называемая *системой залежей*, выгодная для съемщиковъ, убыточная для владѣльцевъ и безусловно-пагубная для народнаго хозяйства.

Переходя отъ Волги на западъ, мы входимъ въ другую полосу, соб-

ственно *черноземную*, гдѣ условія и положеніе землевладѣнія очень измѣняются. Эта полоса, состоящая изъ группы великороссійскихъ и новороссійскихъ губерній, отъ Рязани и Тулы до Херсона и Екатеринослава, наиболѣе выиграла отъ освобожденія крестьянъ, и выгоды эти, едва ли большія для дворянъ-помѣщиковъ, чѣмъ для отпущенныхъ на волю крѣпостныхъ. Мы выше видѣли, что среднія продажныя цѣны въ этихъ губерніяхъ почти удвоились въ 10 лѣтъ, что составляетъ полное и неопровержимое доказательство возрастающей доходности этихъ земель. Относительно арендныхъ платъ показанія очень разнорѣчивы; въ виду предстоящихъ или предполагаемыхъ податныхъ реформъ, мѣстные обыватели и ихъ представительницы — земскія управы очевидно не находятъ выгоднымъ преувеличивать свои ресурсы, соотвѣтственно коимъ могутъ быть возвышены и оклады, и поэтому приводимыя ими числа доходности скорѣе уменьшены чѣмъ преувеличены. Не смотря на это, быстрое почти повсемѣстное возвышеніе цѣнъ обнаруживается почти во всемъ этомъ краѣ, по отзывамъ самихъ землевладѣльцевъ и можно безошибочно принять, что это повышеніе съ 1861 по 1872 года составляетъ не менѣе 100%, а скорѣе болѣе.

Всего болѣе поднялись арендныя цѣны въ новороссійскихъ губерніяхъ. Въ Екатеринославской, по списку, представленному управленіемъ государственныхъ имуществъ, по 31 оброчнымъ статьямъ, заключающихъ въ себѣ 36,440 десятинъ, оказывается слѣдующее громадное повышеніе:

въ 1860 они сданы были за сумму—18,882 рублей.
„ 1866 „ „ „ „ „ —27,916 „
„ 1872 „ „ „ „ „ —54,180 „

Въ 12 лѣтъ цѣны казенныхъ оброчныхъ статей возвысились втрое, а такъ-какъ частные владѣльцы всегда сдаютъ свои земли нѣсколько дороже, чѣмъ казна, то можно безошибочно принять, что такое же повышеніе произошло и по всѣмъ владѣльческимъ землямъ. Въ Таврической губерніи земскія управы показываютъ, что цѣны подымаются ежегодно на 10%, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ они утроились въ теченіи послѣднихъ 12—15 лѣтъ, а въ Ѳеодоссійскомъ возвысились въ четыре раза.

Въ прочихъ губерніяхъ черноземной полосы повышеніе было нѣсколько слабѣе; но изъ всѣхъ отзывовъ можно вывести общее заключеніе, что съ 1861 года повсемѣстно начали подыматься оброчныя цѣны, что это повышеніе шло постепенно и правильно по 10—15 % въ годъ, что оно достигло высшаго предѣла въ 1872 году, что за тѣмъ, вслѣдствіе неурожаевъ 1872—74 годовъ, движеніе это нѣсколько пріостановилось и что слѣдуетъ ожидать и дальнѣйшаго вздорожанія арендъ, если урожаи будутъ обильные.

Между-тѣмъ, и въ этой полосѣ повторяется тоже явленіе, которое мы замѣтили въ сѣверной — *долгосрочныхъ арендъ* очень мало, крупные съемщики, которые, какъ мы выше сказали, появились на восточныхъ окраинахъ, здѣсь не находятъ себѣ мѣста; *съемщиками являются опять одни крестьяне* или крестьянскія общества и входятъ непосредственно въ сдѣлки, большею частію погодныя и словесныя, съ землевладѣльцами на отдѣльные участки. Здѣсь представляется и другой фактъ: въ Орловской, Курской и другихъ центральныхъ губерніяхъ главными съемщиками являются не отдѣльные хозяева, но *цѣлыя сельскія общества*; они иногда заключаютъ условія и на долгія сроки, отъ 6 до 9 лѣтъ, и на участки болѣе или менѣе обширные, въ 300 — 600 десятинъ, цѣны даютъ довольно высокія, въ средней сложности трехлѣтняго сѣвооборота съ паромъ включительно отъ 5 до 6 рублей, и при этомъ предводители дворянства и мѣстные землевладѣльцы свидѣтельствуютъ, что, по неимѣнію благонадежныхъ арендаторовъ, владѣльцы предпочитаютъ отдавать свои земли сельскимъ обществамъ, *какъ болѣе другихъ исправнымъ плательщикамъ*. Наконецъ, и въ этомъ краѣ—надо подмѣтить тоже самое явленіе, которое проявляется на сѣверѣ—непомѣрное вздорожаніе луговыхъ угодій въ сравненіи съ пашней.

Такъ среднія арендныя цѣны состоятъ:

				за пашню.		за луга.	
Въ Саранскомъ	уѣздѣ,	Пензенской	губ. .	5— $7^1/_2$	руб.	10	руб.
„ Тамбовскомъ	„	„	„ .	6—15	—	8—20	—
„ Скопинскомъ	„	Рязанской	„ .	8	—	10	—
„ Ряжскомъ	„	„	„ .	10—12	—	20—35	—
„ Алексинскомъ	„	Тульской	„ .	1— 5	—	3—10	—
„ Одоевскомъ	„	„	„ .	2— 6	—	10—15	—
„ Кромскомъ	„	Орловской	„ .	6—15	—	10—25	—

Къ западной группѣ той же полосы въ *малороссійскихъ губерніяхъ и* въ такъ называемомъ *юго-западномъ краѣ* (Кіевской, Волынской, Подольской губ.) представляются опять нѣкоторыя особыя черты: во-первыхъ, *долгосрочныя аренды*, которыя въ великороссійскихъ губерніяхъ очень рѣдки, а гдѣ и встрѣчаются, то преимущественно заключаются съ крестьянскими обществами (за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ уѣздовъ Самарской губ.); здѣсь же довольно распространены и, притомъ, принимаютъ уже характеръ настоящихъ арендныхъ условій, фермерства, формальныхъ контрактовъ; во-вторыхъ, съемщиками здѣсь уже являются не одни крестьяне и сельскія общества, но *большею частію лица другихъ сословій: польскіе мелкіе дворяне, шляхтичи и евреи*. Всѣ показанія мѣстныхъ жителей и учрежденій, земскихъ управъ губерній Черниговской и Полтавской, предводителей дворянства и землевладѣльцевъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній подтверждаютъ эти два факта: а) что

долгосрочныя аренды здѣсь очень распространены и в) что они находятся отчасти въ рукахъ поляковъ, а большею частію въ рукахъ евреевъ. Въ Черниговской губерніи еще конкурируютъ съ ними кое-гдѣ зажиточные домохозяева изъ хуторянъ-казаковъ, но чѣмъ далѣе мы подвигаемся на юго-западъ, тѣмъ болѣе вытѣсняется туземное сельское сословіе изъ арендованія земель, уступая мѣсто инородцамъ-разночинцамъ.

Въ Кіевской и Подольской губерніяхъ большая часть имѣній арендуются евреями. Не смотря на запрещеніе о томъ, установленное закономъ, они заключаютъ контракты на долгіе сроки, на выгодныхъ для себя условіяхъ, на чужое имя, и, имѣя мало наклонности къ сельскому хозяйству, эксплуатируютъ имѣнія болѣе въ промышленномъ и торговомъ отношеніи, извлекая и выжимая изъ почвы и землевладѣльцевъ послѣдніе ихъ соки и силы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь замѣтно явленіе прямо противуположное тому, которое замѣчается въ великороссійскихъ губерніяхъ: тамъ преобладаетъ погодная, однолѣтняя съемка земель мелкими оброчниками изъ крестьянъ; здѣсь, на оборотъ, *долгосрочныя аренды вытѣсняютъ мелкихъ съемщиковъ* или ставятъ ихъ въ невыгодныя условія сравнительно съ крупными съемщиками; такъ, въ Подольской губерніи помѣщичьи земли сдаются крестьянамъ неиначе, какъ за часть урожая — за снопъ, и при томъ часть идущая въ пользу владѣльца годъ отъ году увеличивается, между-тѣмъ какъ въ великороссійскомъ краѣ крестьяне избѣгаютъ вообще такихъ платъ натурой, а когда и принимаютъ эти условія по безденежью, то выговариваютъ себѣ бо́льшую часть: напримѣръ, въ Харьковской губерніи отдаютъ владѣльцу $^1/_8$ урожая, въ Самарской 1 мѣшокъ бѣлотурки въ 8 мѣръ, въ Волынской, по отзывамъ самихъ землевладѣльцевъ, они берутъ въ свою пользу часто $^2/_3$ и иногда $^3/_4$ всего урожая зерна и соломы; въ послѣднее время владѣльцы даже перестали и давать съемщикамъ сѣмена для посѣва, заставляя ихъ обсѣвать пашню своими сѣменами. Цѣны аренды и здѣсь повышаются, какъ и во всей хлѣбородной полосѣ, но если показанія мѣстныхъ жителей достовѣрны, то повышеніе это идетъ здѣсь не такъ быстро, какъ въ восточныхъ и центральныхъ губерніяхъ, не смотря на то, что юго-западный край по хлѣбородію и по удобству сбыта поставленъ въ несравненно лучшія условія, чѣмъ прочія мѣстности: при долгосрочныхъ арендахъ среднія цѣны стоятъ въ Волынской и Подольской губерніяхъ въ 4 — 6 р., въ Кіевской въ 4 и $4^1/_2$. Тому лѣтъ 6 или 10 они считались въ 3 рубля по средней сложности. Въ погодный наемъ земли отдавались казной (Овручскій уѣздъ Волынской губерніи): въ 1871 по неимовѣрно низкой цѣнѣ (32 коп.) за десятину, а нынѣ по 80. Если сравнить эти цѣны съ смежными губерніями, напримѣръ съ Екатеринославской, гдѣ казенныя же земли сдаются по средней цѣнѣ 1.49 (въ 1872), или въ Таврической, гдѣ арендныя цѣны поднялись втрое

и вчетверо, то надо удивляться, что въ этомъ плодороднѣйшемъ краѣ, житницѣ сѣверо-западной полосы Европы и Россіи, поставляющемъ высшіе сорты пшеницы въ балтійскіе и черноморскіе порты, арендныя цѣны ниже, чѣмъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ сообщеній. Но это объясняется само собой вліяніемъ долгосрочнаго арендованія и крупныхъ съемщиковъ, которые на столько же понижаютъ цѣны оптовыхъ арендъ, на сколько мелкіе оброчники ихъ возвышаютъ; въ юго-западномъ краѣ, вслѣдствіе спекулятивныхъ оборотовъ ловкихъ евреевъ, замѣчается даже, что возвышеніе арендныхъ цѣнъ гораздо слабѣе, чѣмъ возвышеніе продажныхъ цѣнъ. Такимъ образомъ, здѣсь подтверждается общая сельско-хозяйственная аксіома, что крупные съемщики-фермеры, являясь посредниками между землевладѣльцами и земледѣльцами, отбираютъ въ свою пользу отъ обѣихъ сторонъ, отъ собственниковъ и отъ рабочихъ, бóльшую часть чистой ренты первыхъ и заработковъ вторыхъ.

Намъ остается теперь разсмотрѣть двѣ отдѣльныя группы губерній, гдѣ положеніе сельскихъ сословій иное и весь аграрный строй развивался изъ другихъ началъ, чѣмъ въ Великороссійскомъ краѣ, а именно изъ тѣхъ воззрѣній на землевладѣніе и сельское хозяйство, которыя преобладали въ цивилизованныхъ странахъ Европы, и откуда были перенесены помѣстными сословіями, польской шляхтой и ливонскимъ рыцарствомъ, въ Литву и Остзейскій край.

Въ обѣихъ этихъ полосахъ крестьянскій бытъ отличается отъ великороссійскаго существенно тѣмъ, что земли состоятъ въ подворномъ и участковомъ владѣніи крестьянскихъ семей, что они наслѣдуются сыновьями отъ отцовъ преемственно и большею частію по первенству, и что дворы составляютъ цѣльныя, нераздѣльныя имущества, имѣющія опредѣленную норму, уволоку или гуфу.

Всѣ эти условія составляютъ прямую противуположность великороссійскаго мірскаго владѣнія, и поэтому, для сравненія этихъ двухъ порядковъ владѣнія, необходимо прослѣдить настоящее положеніе этихъ двухъ краевъ, всѣхъ болѣе приближающихся къ европейскому аграрному строю.

Въ трудахъ коммиссіи объ изслѣдованіи сельскаго хозяйства, и въ докладахъ другой коммиссіи, податной, представлены свѣдѣнія, хотя нѣсколько сбивчивыя и неполныя, но очень любопытныя о состояніи землевладѣнія и сельскаго хозяйства въ этихъ двухъ группахъ губерній— свѣдѣнія, коими мы и воспользуемся какъ новѣйшими.

О Литовскихъ губерніяхъ мы имѣемъ извѣстія нѣсколько одностороннія: въ отзывахъ губернскихъ присутствій и землевладѣльцевъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній положеніе землевладѣнія описывается только съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ, заявляются, впрочемъ, справедливыя жалобы о разстройствѣ сельскаго хозяйства, вслѣдствіе политическихъ смутъ 1863 года, контрибуціоннаго сбора, наложеннаго

на имѣнія поляковъ, также сервитутовъ и черезполосности помѣщичьихъ дачъ съ крестьянскими.

Но собственно о положеніи крестьянъ упоминается только вскользь и только въ отношеніи одной мѣры, которая возбуждаетъ нѣкоторыя опасенія: извѣстно, что, по распоряженію правительства, всѣмъ прежнимъ батракамъ, не имѣвшимъ земли, отведено было по три десятины на семейство; эта пропорція повсюду признается недостаточной и бытъ означенныхъ крестьянъ очень стѣсненнымъ. Землевладѣльцы Виленской губерніи отзываются: „что положеніе крестьянъ, надѣленныхъ трехъ десятинными участками, не представляетъ имъ выгодъ, что они на своихъ участкахъ содержатъ 1 корову и нѣсколько овецъ, рабочій скотъ нанимаютъ у крестьянъ-хозяевъ изъ за дней отработываемыхъ лѣтомъ, что, такимъ образомъ, половина рабочей лѣтней поры проходитъ на этихъ заработкахъ, другая половина — на работахъ по собственному хозяйству и что только поздней осенью освобождаются они для отысканія вольнонаемныхъ работъ, необходимыхъ для ихъ существованія." (Доклады Комис. объ изс. С. Х. отд. IV, О землевлад. стр. 7.) Также жалуются ковенскіе и виленскіе помѣщики на допущеніе раздѣловъ между сыновьями, заявляя, что „правительство не должно поощрять образованія мелкихъ хозяйствъ, которыя *только доставляютъ средства существованія ихъ обладателямъ* (sic); напротивъ, необходимо разрѣшить покупку участковъ между крестьянами, чтобы образовать большія и прочныя фермы." (Idem стр. 8.)

Наконецъ, описываются также съ невыгодной стороны и новыя правила наслѣдованія, введенныя русскимъ правительствомъ, и предводители дворянства, вмѣстѣ съ землевладѣльцами Ковенской губерніи, пишутъ, что „для усиленія крестьянскихъ хозяйскихъ единицъ и противодѣйствія раздѣламъ желательно законоположеніе, опредѣляющее переходъ по наслѣдству крестьянскаго двора, *сообразно съ прежнимъ обычаемъ*, по которому дворъ и весь хозяйственный инвентарь переходитъ къ старшему или младшему изъ дѣтей, безъ различія пола." (Idem. 8.)

Но совершенно полную и яркую картину аграрнаго положенія этого края мы находимъ въ другомъ документѣ, въ журнальномъ *постановленіи соединенныхъ присутствій Ковенской губерніи*, представленномъ въ податную коммиссію („Сводъ отзывовъ о податной реформѣ", часть 3, отд. 1, стр. 527.) „Крестьянское населеніе Ковенской губерніи", пишетъ присутствіе, „занимается исключительно земледѣліемъ. Торговля и всѣ возможные при мѣстныхъ условіяхъ промыслы, безъ всякихъ изъятій, находятся въ рукахъ евреевъ, такъ-что крестьяне не имѣютъ постороннихъ заработковъ ни въ чертѣ губерніи, ни за предѣлами ея. Такимъ образомъ земля представляется здѣсь единственнымъ источникомъ, изъ котораго крестьянское населеніе почерпаетъ средства къ жизни и къ

уплатѣ всѣхъ денежныхъ сборовъ. Поэтому мѣриломъ рабочей силы въ Ковенской губерніи служитъ не крестьянскій дворъ, а размѣръ поземельнаго при этомъ дворѣ участка. Вслѣдствіе издавна существующаго въ краѣ подворнаго землевладѣнія, мѣстное „Положеніе 19 февраля" укрѣпило за крестьянами всѣ усадебныя и полевыя земли и угодья, коими крестьяне до того времени пользовались; крестьяне же, не владѣвшіе земельными участками во время обнародованія положеній, оставлены безъ надѣловъ. Хотя впослѣдствіи и были приняты мѣры къ уменьшенію числа безземельныхъ крестьянъ, предоставленіемъ права на 3-хъ десятинные участки тѣмъ крестьянскимъ семействамъ, которыя были обезземелены помѣщиками до 1857 года, а обезземеленнымъ послѣ этого срока — права возврата отобранныхъ у нихъ участковъ; но число это и въ настоящее время столь значительно, что обращаетъ на себя вниманіе, при обсужденіи вопроса объ измѣненіи податной системы. Изъ общаго числа 318,800 душъ крестьянскаго населенія, крестьянъ, владѣющихъ землею, числится 208,000 душъ, слѣдовательно *число, безземельныхъ крестьянъ достигаетъ до 110,800 душъ* или *34%*. Средняя величина подворнаго участка простирается до 17½ десятинъ, а душеваго надѣла до 6½. Нормальная величина подворнаго участка составляетъ въ Ковенской губерніи 20 десятинъ, т. е. уволоку; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне проживаютъ не деревнями, а односельями, крестьянскіе участки значительно превышаютъ нормальную величину и достигаютъ до 100, а иногда и болѣе десятинъ. Въ деревняхъ же, вмѣстѣ съ уволочными участками, иногда усматриваются полу-уволочные (10 десятинъ) и огородные; сверхъ того, вслѣдствіе указанныхъ выше распоряженій правительства, въ бывшихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ появилось значительное число трехъ-десятинныхъ участковъ. Такимъ образомъ, подворные крестьянскіе участки видоизмѣняются отъ ½ десятины до 100 и болѣе. Изъ вышеизложеннаго видно, *что ⅔ крестьянскаго населенія Ковенской губерніи находится въ условіяхъ более благопріятныхъ*, сравнительно съ крестьянами великороссійскихъ, новороссійскихъ и бѣлорусскихъ губерній, гдѣ высшій душевой надѣлъ въ шесть десятинъ распространенъ лишь на мѣстности съ весьма неблагопріятными хозяйственными условіями, между-тѣмъ какъ Ковенская губернія отличается доброкачественностью почвы, высокою цѣнностью земли и весьма удобнымъ сбытомъ продуктовъ сельскаго хозяйства. *Остальная треть крестьянскаго населенія губерніи представляетъ, напротивъ, массу батраковъ, кутниковъ и бобылей, неимѣющихъ никакой собственности* и снискивающихъ средства къ существованію единственно личнымъ трудомъ въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствахъ; кутники имѣютъ, правда, собственныя усадьбы, но воздвигнутыя на клочкахъ чужой земли за извѣстную, большею частію весьма тяжкую, повинность въ пользу хозяевъ. „Одинъ видъ

этихъ дворовъ вызываетъ — по словамъ соединенныхъ присутствій—величайшее состраданіе." Вслѣдствіе подворнаго землевладѣнія и значительнаго числа безземельныхъ крестьянъ, заработная плата до такой степени ничтожна, что батраки не всегда имѣютъ возможность одѣться и прокормиться. Батраки 1-го разряда, или такъ-называемые полные батраки, получаютъ по 25—30 руб. въ годъ жалованья, причемъ облагаются сельскими сходами окладами отъ 5 до 8 руб., а иногда и бо́льшими, на пополненіе однѣхъ подушныхъ податей; батраки же послѣдняго разряда (число разрядовъ не вездѣ одинаково) т.е. полупастухи, мальчики 10 — 12 лѣтъ, получаютъ въ годъ 5 и рѣдко до 10 руб., облагаются окладомъ до 2 руб. При всякомъ нарушеніи правильнаго хода сельскаго хозяйства губерніи и при всякомъ неурожаѣ, безземельные крестьяне лишаются и этихъ скромныхъ заработковъ, и иногда положеніе ихъ становится безвыходнымъ, какъ это доказало смутное время 1862—1863 годовъ и голодные 1867—1868 года."

Такимъ образомъ, въ Литовскихъ губерніяхъ обнаруживаются уже въ полномъ видѣ тѣже послѣдствія участковаго владѣнія, какъ и въ западной Европѣ, послѣдствія неотвратимыя: *одна часть сельскаго населенія богатѣетъ, другая бѣднѣетъ*; покуда населеніе рѣдко, первая часть больше второй; въ Литвѣ она относится въ настоящее время какъ $^2/_3$ къ $^1/_3$; но по естественному ходу вещей, по мѣрѣ того какъ страна насыщается населеніемъ, измѣняется и эта пропорція, и сельскій пролетаріатъ, наростая постепенно и незамѣтно, становится силой равной, а потомъ и большей, чѣмъ матеріальныя силы имущественныхъ классовъ.

Надѣлъ батраковъ трехъ-десятинными участками, точно такъ какъ и четвертной (такъ называемый даровой) въ великороссійскихъ губерніяхъ, оказывается полу-мѣрой, не выручающей крестьянъ изъ рабочей кабалы, и, точно такъ какъ въ Германіи, крестьянское сословіе распалось на два класса, полныхъ хозяевъ и мелкихъ, такъ и въ сѣверо-западномъ краѣ, *подъ вліяніемъ нѣмецкой культуры*, образуется расколъ въ крестьянствѣ, разбитомъ на двѣ категоріи, одна съ надѣломъ отъ $^1/_2$ десятины до 3 на дворъ, другая съ участками въ 20 и до 100 десятинъ.

И такъ, первымъ послѣдствіемъ подворнаго владѣнія здѣсь, какъ и въ Европѣ, оказалось: а) относительное благосостояніе одной части крестьянъ, в) совершенное обнищаніе другой и е) упадокъ рабочихъ цѣнъ, въ особенности цѣнъ, на содержаніе годовыхъ рабочихъ батраковъ.

То же самое представляется и въ Остзейскихъ губерніяхъ, но съ тою разницею, что здѣсь нѣмецкое дворянство, слѣдуя примѣру своихъ единородцевъ, провело съ большею ловкостью аграрную систему, принятую въ Германіи, и, не подражая легкомысленнымъ польскимъ панамъ, затѣявшимъ политическіе смуты, чтобы отстоять свои владѣльческія

права, умѣло, напротивъ, преданностію Престолу и ревностью къ службѣ, снискать милость высшаго правительства, и благополучно довершить дѣло, начатое ихъ благородными предками—завладѣніе бо́льшею частію крестьянскихъ земель. Мы уже выше описали правильный, систематическій ходъ этой аграрной революціи, и намъ остается только подвести итогъ ея къ настоящему времени по послѣднимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ правительствомъ. Извѣстно, что главное отличіе крестьянской реформы въ привилигированномъ Остзейскомъ краѣ состояло въ томъ, что обязательный выкупъ былъ отвергнутъ дворянствомъ Прибалтійскихъ губерній и что уступка подворныхъ участковъ крестьянамъ совершилась неиначе, какъ по добровольному соглашенію, при чемъ арендныя земли могли быть запроданы и другимъ лицамъ не крестьянскаго сословія. Въ сущности, это былъ не выкупъ, а вольная *продажа*, которая не нуждалась ни въ какой регламентаціи, и могла бы обойтись безъ всякихъ законодательныхъ мѣръ, такъ-какъ вся операція зависила отъ благоусмотрѣнія помѣщика.

Результаты ее слѣдующіе:

Въ Курляндской губерніи, немедленно по обнародованіи положенія 1863 года о пріобрѣтеніи крестьянами въ собственность арендныхъ участковъ, продажныя и арендныя цѣны внезапно возвысились; по оцѣнкѣ Курляндскаго Кредитнаго Общества, средняя арендная цѣна въ 1869 году была уже въ 8 рублей за десятину, и она продолжаетъ возвышаться, по приблизительному разсчету на 10—30% въ 12 лѣтъ. Продажныя цѣны поднялись также быстро, и при этомъ оказывается, что *цѣна крестьянскихъ земель всегда стоитъ гораздо выше вольныхъ цѣнъ на прочія земли*. Послѣднія, обыкновенно, колеблются между 60—70 рублями; крестьяскіе же подворные участки продаются средней цѣной 30%, 35% дороже, по 80—90 рублей. Въ крестьянскомъ дворѣ, среднимъ числомъ, содержится 42 десятины, по другимъ свѣдѣніямъ — 56; помножая это число на среднюю цѣну десятины, мы получимъ стоимость одного крестьянскаго участка, равную 3360—5040 рублей. Очевидно, что *такая высокая цѣнность доступна только наиболѣе зажиточнымъ домохозяевамъ*, и что подобная операція должна остановиться на этомъ разрядѣ крестьянъ.

Въ Лифляндской губерніи тѣ же самыя явленія; но въ послѣдніе 6—10 лѣтъ арендныя цѣны повысились на 25%, среднія продажныя цѣны стоятъ въ 66 рублей, но также какъ и въ Курляндіи, гораздо выше при продажѣ крестьянскихъ дворовъ, чѣмъ по прочимъ землямъ. Стоимость подворнаго участка колеблется между 2560 рублямъ въ Верроскомъ уѣздѣ и 4925 — въ Вольмарскомъ.

Наконецъ, въ Эстляндской губерніи размѣры участковъ нѣсколько меньше (35 десятинъ), и продажная цѣна ниже (48 рублей за десятину),

что составляетъ, по средней стоимости, около 1728 рублей за подворный участокъ. Эти цифры убѣдительнѣе, чѣмъ всякія разсужденія, доказываютъ, что пріобрѣтеніе поземельной собственности обставлено такими условіями, что оно дѣлается съ каждымъ годомъ болѣе недоступно для крестьянъ. Крестьянскій дворъ, по размѣрамъ своимъ, превышаетъ средній размѣръ рабочей силы одной семьи; въ продажу онъ всегда идетъ въ цѣломъ составѣ, безъ раздѣленія; арендныя цѣны ростутъ ежегодно на 1—3%, и, соразмѣрно имъ, по капитализаціи возвышаются и продажныя цѣны. Они уже нынѣ дошли въ этомъ краѣ — краѣ песковъ и болотъ—до суммы, превышающей среднюю цѣнность земель въ плодороднѣйшей и притомъ густо-населенной, черноземной полосѣ Россіи: до 66 руб. въ Лифляндіи и до 90 въ Курляндіи. Но эта средняя стоимость выведена изъ общей сложности всѣхъ запроданныхъ земель, изъ коихъ около половины состоитъ изъ дикихъ, непроизводительныхъ земель; въ частности, за лучшія угодья, пашни и покосы цѣны несравненно дороже. Въ Курляндіи они колеблются между 80 и 130 рублями; въ Лифляндіи пахатныя земли продаются крестьянамъ въ Дерптскомъ уѣздѣ по 136 руб., въ Верроскомъ по 90—240 руб., въ Рижскомъ по 246—420, луга стоятъ отъ 60 до 180 руб. Такимъ-образомъ, цѣнность одного подворнаго участка можетъ быть поднята произвольно владѣльцами до суммы совершенно-недоступной для бо́льшей части крестьянъ, чего и требовалось достигнуть для удержанія поземельной собственности за дворянствомъ. Эта цѣль по видимому и достигнута: продажа крестьянскихъ дворовъ идетъ очень медленно и туго, всего съ 1865 по 1872 года продано:

Въ Курляндіи изъ общаго числа	11906	дворовъ, прод.	8556	т. е.	81,47%,
„ Лифляндіи „ „ „	36957	„ „	7080	„	19,10%,
„ Эстляндіи „ „ „	26300	„ „	904	„	3,43%,
И того	75164	„ „	10530		

И такъ, въ то время, какъ въ Россіи перешло уже въ разрядъ собственниковъ около $^2/_3$ крестьянъ, въ Прибалтійскомъ краѣ ихъ оказывается только $^1/_7$. На 10,530 дворовъ крестьянъ-собственниковъ приходится, по средней сложности (9,44 души на одинъ дворъ), всего около 100,000 душъ, и такъ-какъ крестьянскаго населенія считается въ трехъ губерніяхъ 685,610 ревизскихъ душъ, то вся остальная часть 585 тысячъ состоитъ еще по нынѣ на оброчномъ положеніи и изъ нихъ значительная не имѣетъ вовсе земли.

Изъ этого видно, какое глубокое, коренное различіе отдѣляетъ поземельный строй Остзейскихъ губерній отъ великороссійскаго, тамъ дворянство удержало за собой полное право собственности, уступая его немногимъ зажиточнѣйшимъ домохозяевамъ по вольной продажѣ; у насъ

оно надѣлило по ровну и обязательно всѣхъ крестьянъ лучшими угодьями и должно было держаться выкупной цѣны, установленной правительствомъ. Въ Россіи собственностью воспользовались всѣ, бѣдные и богатые, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ только богатѣйшіе изъ крестьянъ; и здѣсь, такимъ-образомъ, въ этомъ закоулкѣ Германіи, совершается на нашихъ глазахъ знаменательный переворотъ, который мы уже выше описали: раздѣленіе крестьянскаго сословія на два класса. Одинъ, состоящій изъ самостоятельныхъ, домовитыхъ и зажиточныхъ хозяевъ, которые одни и остаются на мѣстахъ, вступаютъ постепенно во всѣ права землевладѣнія, пріурочиваются къ помѣстному сословію и, въ отношеніи культуры и всѣхъ своихъ интересовъ, примыкаютъ къ среднимъ классамъ, рѣзко отдѣляясь отъ низшихъ; другой, образующійся изъ бобылей, кутниковъ (kleine ländliche Stellen—въ Пруссіи, Zollschreiberstellen въ Лифляндіи и Эстляндіи) батраковъ, мызныхъ работниковъ и прочаго беззеиельнаго люда, служащаго у помѣщиковъ и у крестьянъ-домохозяевъ. Сословная организація проникаетъ, такимъ-образомъ, и въ бытъ землевладѣльцевъ, имущественные классы благородной крòви подкрѣпляются новыми союзниками изъ чорныхъ людей, и все далѣе и глубже отдѣляются рабочіе отъ хозяевъ, собственники отъ пролетаріевъ.

Хотя таковыя заключенія, разумѣется, не заявляются мѣстными учрежденіями и землевладѣльцами въ такой откровенной формѣ, но изъ разныхъ отзывовъ видно, что сельскій пролетаріатъ ростетъ быстро въ Остзейскомъ краѣ.

Изъ Эстляндской губерніи пишутъ, что переходъ земель къ крестьянамъ посредствомъ продажи идетъ медленно, потому-что крестьяне этой губерніи менѣе зажиточны, чѣмъ въ другихъ Остзейскихъ губерніяхъ, что крестьянскіе дворы состоятъ бòльшею частію изъ черезполосныхъ, несплошныхъ земель, что продажа совершается только тогда, когда крестьянское хозяйство размежевано и округлено. (Докладъ Коммисіи объ изслѣдованіи сельскаго хозяйства, отдѣлъ IV о землевладѣніи стран. 5.)

Курляндскій губернаторъ доноситъ, что хотя, по закону 26 февраля 1870 года, и предположено надѣлить беземельныхъ крестьянъ изъ казенныхъ земель полными участками, въ 12—20 десятинъ, и мелкими, отъ 3 до 8, и послѣднимъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, кромѣ хлѣбопашества, имѣются и другіе промыслы, но въ дѣйствительности и *вопреки* этого постановленія (это пишетъ губернаторъ), отводятся большею частію участки въ три десятины и менѣе, число мелкихъ хозяйствъ размножается выше мѣры, и взиманіе платежей годъ отъ году болѣе затрудняется (Idem). Губернскій предводитель той же губерніи заявляетъ о неудобствахъ издавно существующаго порядка наслѣдства, по коему крестьянскія хозяйства преимущественно переходятъ по первородству въ нераздѣльномъ составѣ, причемъ наслѣдникъ, принимающій хозяйство, по оцѣнкѣ обязанъ вы-

платить капиталъ прочимъ членамъ семейства, и часто, когда оцѣнка высока, обременяется неоплатными долгами. (Idem стран. 8.)

Отзывы изъ Лифляндіи (сельско-хозяйственныхъ обществъ, арендаторовъ и землевладѣльцевъ) имѣютъ особое значеніе: всѣ эти мѣстныя учрежденія и жители называютъ крестьянскій дворъ не просто крестьянскимъ дворомъ, а условленнымъ терминомъ *созданный капиталъ*, выводя изъ этого названія освященныя и неотъемлемыя права собственника на свое созданіе, какъ-будто земля и почва въ самомъ дѣлѣ сотворяются человѣческимъ трудомъ. Между-тѣмъ крестьяне горько жалуются на лихвенные платежи, взимаемые этими создателями съ своего капитала, и сельскія общества Перновскаго уѣзда заявляютъ, что аренда съ хуторовъ доходитъ до непомѣрной цѣны отъ 10 до 100% "созданнаго капитала." Они сѣтуютъ на § 12 „Положенія 13 ноября 1860 года", по коему требуется согласіе собственника на установленіе арендной платы, тогда-какъ они желали бы „нормированіе аренды и сроковъ закономъ" точно такъ, какъ оно установленно въ Россіи для временнообязанныхъ крестьянъ. Далѣе они отзываются, что „собственники пользуются своей монополіей во вредъ крестьянамъ, которые для своего пропитанія должны брать аренды за всякую цѣну", затѣмъ они расчитываютъ и приводятъ примѣры, что по четыремъ хуторамъ въ 20,11,16 талеровъ (талеръ по оцѣнкѣ равняется 60—100 рублямъ) арендаторы терпятъ убытка отъ 294 до 638 рублей, что арендная плата равна 14—34% цѣнности; наконецъ, что покупная цѣна крестьянскихъ дворовъ, соразмѣряя съ высокой арендой, крайне обременительна, такъ-что пріобрѣтеніе хуторовъ крестьянами отъ помѣщиковъ дѣлается съ каждымъ годомъ менѣе доступнымъ и что тѣ земли, которыя тому 10 лѣтъ, продавались по 90 рублей за талеръ, теперь цѣнятся въ 300 рублей (около 75—100 рублей за десятину).

Особенно любопытно и поучительно сравненіе, выведенное Перновскимъ и Эстскимъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ о положеніи крестьянъ-арендаторовъ и крестьянъ-собственниковъ; выходитъ, что хуторъ (примѣрно въ 30, 40 дес.), съ коего аренды положено 100 рублей, продается не менѣе 2,500 р., причемъ крестьянинъ долженъ уплатить 500 р. задатка а съ остальныхъ 2000 руб. выплачивать проценты 120—140 р. если же прибавить къ этому расходы за объявленія, планы и контрактъ, то выходитъ, что платежи собственника на 50% выше арендаторскихъ.

Лифляндскіе обыватели также жалуются на законъ, которымъ наименьшій размѣръ крестьянскаго двора опредѣленъ въ 30 десятинъ — и предлагаютъ, чтобы размѣръ этотъ былъ уменьшенъ вдвое, до 15 — 20 десятинъ. Они приписываютъ излишне высокой нормѣ и цѣнности этихъ участковъ стѣсненіе крестьянъ не особенно зажиточныхъ, которые, не имѣя средствъ для покупки своихъ дворовъ, бросаютъ ихъ, переходятъ

на житье и постой къ другимъ хозяевамъ или же переселяются во внутреннія русскія губерніи. Переселенія эти составляютъ, по видимому, докучную заботу лифляндскихъ землевладѣльцевъ и они приводятъ слѣдующія причины этого, какъ они выражаются, ненормальнаго явленія, а именно: а) недостатокъ мелкихъ участковъ для арендованій и продажи крестьянамъ, в) вызовъ агентами изъ сосѣднихъ губерній работниковъ и арендаторовъ, е) подстрекательство недовольныхъ людей, преимущественно отставныхъ солдатъ и с) льгота отъ рекрутской повинности, даруемая тѣмъ домохозяевамъ, которые приписываются къ купленнымъ участкамъ. На усиленіе переселенія также жалуются и эстляндцы, приписывая ихъ тѣмъ же причинамъ и предлагая также образовать мелкіе участки для продажи крестьянамъ. (Idem, стр. 5, 6, 8, 9.)

Мы думаемъ, что эти отзывы вполнѣ подтверждаютъ наши выводы, и что благосостояніе крестьянъ западныхъ нашихъ окраинъ есть явленіе одностороннее, затемняющее нищету и злополучіе одной части населенія богатствомъ другой; причины, приводимыя мѣстными землевладѣльцами, отчасти вѣрны, но неполны, ибо очевидно, что не одни размѣры крестьянскихъ участковъ препятствуютъ ихъ покупкѣ крестьянами, но высокія цѣны, установляемыя владѣльцами, по ихъ произвольной оцѣнкѣ; а уменьшеніе размѣровъ продажныхъ хуторовъ не только не облегчитъ ихъ покупку но, вѣроятно, какъ это было въ Ирландіи, подниметъ продажныя цѣны земель еще выше, такъ-какъ покупателей явится больше.

Вѣрнѣе и правдивѣе объясняютъ свое положеніе сами крестьяне (Перновскаго уѣзда), ходатайствуя о нормированіи закономъ арендныхъ и продажныхъ цѣнъ.

Но землевладѣльцы германской рассы этого именно никогда и нигдѣ не допускаютъ, защищая свой принципъ свободныхъ сдѣлокъ, вольной аренды и продажи, и продолжая изъ рода въ родъ свой культурный бой (Kulturkampf) за обезземеленіе крестьянъ.

Мы уже обошли такимъ-образомъ кругомъ, разныя полосы Русской имперіи; начавъ съ коренныхъ русскихъ земель, древнѣйшаго поселенія, Новгорода и Пскова, идя оттуда на сѣверо-востокъ, куда шли и первые русскіе переселенцы, затѣмъ повернули къ юго-востоку, прошли на западъ и, подвигаясь на сѣверъ, окончили наши изслѣдованія Литвой и Балтійскимъ поморьемъ, гдѣ кругъ, нами описанный, замыкается, подходя къ тому же Новгороду, колыбели русской гражданственности.

Картина, нами очерченная, выходитъ такая пестрая, что для большей наглядности, нужно вырвать изъ нея главныя черты и описать ихъ отдѣльно.

Первый фактъ, который выдѣляется особенно ярко изъ этихъ изслѣдованій, есть слѣдующій: *крестьянское землевладѣніе особенно сильно на восточныхъ окраинахъ Россійской имперіи, помѣстное — на западныхъ и*

вся центральная Россія составляетъ промежуточную полосу между этими двумя крайностями, гдѣ постепенно, если идти по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, примѣрно изъ Перми къ Кіеву, помѣщичій и дворянскій элементъ постепенно усиливается, а крестьянскій, напротивъ, слабѣетъ. Всего слабѣе оказывается помѣстное владѣніе на сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ Россіи. Считая средними землевладѣльцами собственниковъ, имѣющихъ 100 — 1000 десятинъ, и крупными тѣхъ, коимъ принадлежитъ болѣе 1000 десятинъ, мы находимъ въ губерніяхъ:

владѣльцевъ	среднихъ:	крупныхъ:
Архангельской	5	1
Вологодской	353	34
Олонецкой	171	94
Вятской.	127	63
Пермской	18	9
Оренбургской.	81	101
Астраханской	18	23.

По всѣмъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ правительственными коммиссіями въ этой обширной полосѣ, опоясывающей Русскую имперію, все хозяйственное, дѣйствительное владѣніе находится въ рукахъ крестьянъ, право собственности помѣстнаго сословія только номинальное, эксплуатація вся производится землевладѣльцами, арендованіе земель, пользованіе угодьями принадлежитъ имъ, и хищническая культура продолжаетъ извлекать послѣдніе соки изъ немногихъ удобныхъ земель помѣщичьяго владѣнія. Покупщиками господскихъ земель являются почти исключительно тѣже вольно-отпущенные крестьяне: число новыхъ владѣльцевъ мелкаго разряда прибываетъ въ громадныхъ размѣрахъ; господскія запашки упраздняются и весь ходъ аграрныхъ отношеній указываетъ, что эта обширная территорія постепенно переходитъ въ исключительное владѣніе мелкихъ собственниковъ-хлѣбопашцевъ.

Нѣсколько болѣе сильнымъ оказывается помѣщичій элементъ въ промышленныхъ губерніяхъ, окружающихъ Москву. Здѣсь число владѣльцевъ довольно значительно, но за-то размѣръ ихъ владѣній очень малъ и въ средней сложности составляетъ на 1 владѣльца въ Рязанской губерніи — 171 десятину, въ Курской — 171, въ Калужской — 360, въ Владимірской — 347, въ Ярославской — 340. Здѣсь, какъ и въ сѣверо-восточной полосѣ, хлѣбопашество и сельское хозяйство находятся въ прямой зависимости отъ запроса на земли крестьянъ и поземельная рента отъ арендныхъ цѣнъ ими предлагаемыхъ.

Это обстоятельство значительно измѣняется, когда мы переходимъ съ востока чрезъ Волгу, съ сѣвера чрезъ Оку и вступаемъ въ черноземную

и степную полосу Россіи. Крупное помѣстное и мелкое крестьянское хозяйство находятся въ правильномъ соотношеніи, въ нормальной пропорціи: число помѣщиковъ средняго разряда довольно велико, чтобы составить на мѣстахъ сплошную среду образованныхъ людей, непричастныхъ ни аристократическимъ тенденціямъ высшаго дворянства, ни грубымъ предразсудкамъ крестьянскаго сословія; цѣнность ихъ имуществъ возрастаетъ такъ быстро, что всѣ жалобы на невозможность вести хозяйство сами собой опровергаются; арендныя и продажныя цѣны не обусловливаются исключительно, какъ на сѣверѣ, запросомъ крестьянъ, но растутъ правильно, постепенно возвышаясь по капитализаціи средняго годоваго дохода. Съ другой стороны, крестьяне большею частію обезпечены земельнымъ надѣломъ на хлѣбородныхъ почвахъ этой привольной страны отъ крайней нищеты; временно, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ стѣсненные малоземельемъ, они находятъ однако и выгодные заработки въ свободное время и сдаточныя земли для пополненія своихъ коренныхъ надѣловъ; исключеніе, къ сожалѣнію слишкомъ многочисленное, составляютъ помѣщичьи крестьяне, отпущенные на такъ называемый даровой надѣлъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ проведена была эта мѣра. Помѣстное сословіе получило уже нынѣ, по отзыву мѣстныхъ управъ, рѣшительное преобладаніе, пользуясь высшими арендными цѣнами и дешевой работой отъ малоземельныхъ поселянъ. Въ общей сложности, частные владѣльцы въ этомъ краѣ выгодали отъ освобожденія крестьянъ болѣе, чѣмъ всѣ прочіе, и едва ли не болѣе, чѣмъ сами крестьяне, и если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и слышатся еще упорныя жалобы о невозможности вести правильное хозяйство, то это должно быть приписано не столько недостатку средствъ, сколько неумѣнію и нерасчетливости нашихъ сельскихъ хозяевъ, предпочитающихъ легкій трудъ сдачи земель въ оброчное содержаніе — тяжкимъ заботамъ и усидчивому труду собственной эксплуатаціи.

Тѣмъ не менѣе и въ этомъ благодатномъ краѣ, житницѣ Россіи, гдѣ цѣнность имуществъ въ послѣдніе 10 лѣтъ удвоилась и утроилась, землевладѣніе неуклонно стремится къ раздробленію на мелкіе участки, переходитъ съ неимовѣрной быстротой въ руки крестьянъ, т. е. самихъ хлѣбопашцевъ; господскія запашки сокращаются, крестьянскія расширяются. Этотъ переворотъ, приписываемый на сѣверѣ — съ нѣкоторой справедливостью — дурному качеству земель, оставшихся во владѣніи помѣщиковъ за надѣломъ крестьянъ, здѣсь въ черноземно-степной полосѣ, гдѣ обѣимъ сторонамъ достались земли одинаково-плодородныя, приписывается преимущественно недобросовѣстности рабочихъ, неисправности ихъ при полевыхъ работахъ и необезпеченности договоровъ о наймѣ.

Но эти причины объясняютъ только одну сторону вопроса и объясняютъ ее неполно, неудовлетворительно: то, что обыкновенно называется

неисправностью рабочихъ, можетъ быть, съ другой стороны, признано ихъ независимостью: чѣмъ болѣе нуждается наемщикъ въ посторонней работѣ для своего пропитанія, тѣмъ онъ старательнѣе ее исполняетъ; наоборотъ, когда наемный трудъ служитъ только подспорьемъ хозяйства, то онъ предлагается только случайно, временно, въ извѣстныя времена года для пополненія истощенныхъ продовольственныхъ запасовъ, или для занятія излишнихъ рабочихъ рукъ въ данной мѣстности и въ свободное время. Поэтому вольнонаемное хозяйство съ постоянными годовыми работниками, такъ называемое батрацкое (knechtwertschafft), можетъ усвоиться только въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабочіе не имѣютъ земли или надѣлены ею недостаточно, и, напротивъ, въ мѣстностяхъ многоземельныхъ, хлѣбопашество можетъ производиться только самими земледѣльцами, работающими на себя или въ качествѣ собственниковъ, полныхъ хозяевъ, или въ видѣ съемщиковъ, арендаторовъ чужихъ земель. Изъ этого слѣдуетъ, что помѣщичьи хозяйства стѣсняются не столько недостаткомъ рукъ и неисправностію рабочихъ, сколько аграрнымъ положеніемъ нашихъ крестьянъ-собственниковъ, дающимъ имъ болѣе самостоятельности, чѣмъ сельскимъ пролетаріямъ другихъ странъ.

Но чѣмъ далѣе мы переходимъ къ западу, чѣмъ болѣе приближаемся къ европейской цивилизаціи и къ ея представителямъ на окраинахъ Россіи, Польшѣ и Остзейскому краѣ, тѣмъ болѣе сглаживаются эти отношенія, и получаетъ перевѣсъ помѣстный элементъ надъ крестьянскимъ. Уже въ Малороссіи и юго-западномъ краѣ появляются противъ крестьянъ сильные соперники въ арендованіи земель: польскіе дворяне и евреи; съ ними еще конкуррируютъ немногіе наиболѣе зажиточные поселяне-козаки; но раздробительная съемка земель мелкими участками, составляющая главный промыслъ крестьянъ великороссійскихъ губерній, здѣсь уже вытѣсняется фермерствомъ, долгосрочными арендами. Далѣе, подымаясь на сѣверъ, мы находимъ еще другое явленіе — расколъ земледѣльческаго сословія на два класса: крестьянъ-домохозяевъ и крестьянъ—бобылей, и, наконецъ, на оконечности этого круга, который мы прошли съ северо-востока на сѣверо-западъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, видимъ уже полное безспорное преобладаніе помѣстнаго элемента надъ крестьянскимъ: всего около 10,500 домохозяевъ-собственниковъ (изъ общаго числа 685,610 ревизскихъ душъ сельскихъ сословій) противъ 1,826 помѣщиковъ, владѣющихъ 72% всѣхъ удобныхъ земель.

Итакъ, мы можемъ заключить этотъ обзоръ общимъ выводомъ, что крестьянскій элементъ — *мелкое землевладѣніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ предѣловъ Западной Европы, и, наоборотъ, помѣстный тѣмъ вліятельнѣе, чѣмъ болѣе мы приближаемся къ нимъ*, и это вполнѣ объясняется наличнымъ составомъ дворянства на этихъ двухъ окрайнахъ Россіи. Дворянъ потомственныхъ мужскаго пола считается въ губерніяхъ:

Западныхъ:		*Сѣверовосточныхъ:*	
Виленской	30,285	Архангельской	442
Витебской	10,465	Астраханской	665
Волынской	17,636	Вологодской	980
Кіевской	9,973	Вятской	552
Ковенской	48,073	Олонецкой	644
Минской	38,863	Пермской	909
Могилевск.	19,393	Самарской	902
Подольской	11,225		

Въ центральныхъ коренныхъ русскихъ губерніяхъ мы замѣчаемъ такой же переходъ: наличность дворянъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ мы склоняемся съ Востока на Западъ.

Дворянъ считается:

Въ Владимірской губерніи .	1333
„ Симбирской „ .	1337
„ Ярославской „ .	1388
„ Нижегородской „ .	1510
„ Саратовской „ .	1649
„ Казанской „ .	1665
„ Пензенской „ .	1775
„ Харьковской „ .	4872
„ Черниговской „ .	5751
„ Курской „ .	6079
„ Полтавской „ .	6752
„ Херсонской „ .	7243
„ Смоленской „ .	7944

Изъ этихъ чиселъ и фактическихъ данныхъ можно положительно заключить, что въ большей части Россіи преобладанію и вліянію крупнаго землевладѣнія, и развитію усовершенствованной культуры и раціональнаго хозяйства препятствуетъ одна высшая причина, подлѣ которой всѣ другія теряютъ свою силу, а именно — малочисленность образованнаго класса въ средѣ многолюднаго сельскаго сословія и на необъятной площади обширной территоріи. Какую бы чарующую силу не приписывать интелигенціи и богатству, какими бы искуственными мѣрами, привилегіями и льготами не поддерживать это желанное преобладаніе образованности надъ невѣжествомъ, очевидно, что для поддержанія и усиленія такого элемента нужно, чтобы онъ существовалъ и имѣлъ свои корни въ странѣ, чтобы его присутствіе было не номинальное и матеріальное, въ видѣ права

собственности надъ дикими и пустыми землями, но дѣйствительное и нравственое, выражающееся въ наличномъ составѣ образованнаго класса, въ его дѣйствіяхъ и примѣрахъ для культуры страны, въ его сельскохозяйственной иниціативѣ. Тамъ гдѣ этихъ живыхъ силъ нѣтъ на лицо, они теряютъ свое значеніе; обширность владѣній, богатство немногихъ отдѣльныхъ собственниковъ не замѣняютъ этого благотворнаго дѣйствія, ибо обладаніе большими имѣніями есть тоже грубая, матеріальная сила, не дающая никакого перевѣса образованности. Самый поразительный примѣръ такого ненормальнаго отношенія крупнаго и мелкаго владѣнія представляетъ Пермская губернія: тамъ всѣхъ потомственныхъ дворянъ считается 909, и изъ нихъ только 33 землевладѣльцы. При крѣпостномъ правѣ они распредѣлялись по числу крѣпостныхъ людей такъ:

владѣльцевъ менѣе 21 души было 6 и у нихъ всѣхъ крѣпостныхъ людей	49
владѣльцевъ отъ 21 до 100 душъ было 11 и у нихъ всѣхъ крѣпостныхъ людей	557
владѣльцевъ отъ 100 до 500 душъ было 5 и у нихъ всѣхъ крѣпостныхъ людей	1319
владѣльцевъ отъ 500 до 1000 душъ было 2 и у нихъ всѣхъ крѣпостныхъ людей . . .	1478
владѣльцевъ болѣе 1000 душъ было 9 и у нихъ всѣхъ крѣпостныхъ людей	174,694

По числу десятинъ у этихъ 33 помѣщиковъ считалось 5,770,195 десятинъ. Въ той же губерніи считается крестьянъ ревизкихъ душъ 881,379, домохозяевъ 329,994 и у нихъ 5,872,370 десятинъ. Такимъ образомъ, если признавать, что всѣ интересы данной мѣстности и отдѣльныхъ классовъ жителей уравниваются по размѣрамъ владѣнія, то 33 помѣщика должны быть признаны равнозначущими 329,994 домохозяевамъ изъ крестьянъ; но понятно, что эта небольшая группа богатѣйшихъ землевладѣльцевъ вовсе поглощается массой крестьянскаго населенія, что ихъ вліяніе парализируется наличными живыми силами земледѣльческаго сословія, и что по этому, не смотря на распредѣленіе поземельной собственности почти равное между помѣстнымъ и крестьянскимъ классами, пермскій край сохраняетъ понынѣ старинный свой характеръ черносошнаго землевладѣнія, простонароднаго крестьянскаго быта, мужицкой страны.

Представивъ общую характеристику поземельнаго владѣнія, мы должны теперь обратить вниманіе на нѣкоторыя частныя явленія: мы выше упомянули мимоходомъ о томъ, что *крестьянскія владѣнія преобладаютъ въ хлѣбородной полосѣ Россіи, а помѣщичьи, напротивъ, въ малопроизводи-*

темной сѣверной и средней нечерноземной полосѣ. Такъ какъ это обстоятельство сильно вліяло на пропорціональную цѣнность этихъ двухъ видовъ землевладѣнія, то мы, возвращаясь къ этому предмету, выписываемъ здѣсь таблицу, показывающую процентъ крестьянскихъ земель въ двухъ полосахъ великороссійскихъ губерній.

Крестьянскихъ земель считается:

Въ губерніяхъ:

черноземныхъ:			нечерноземныхъ:		
Въ Воронежской .	69	проц.	Въ Костромской .	28	проц.
„ Курской . . .	63	„	„ Петербургской	31	„
„ Самарской . .	57	„	„ Новгородской.	31	„
„ Тамбовской. .	57	„	„ Псковской . .	39	„
„ Орловской . .	56	„	„ Смоленской. .	40	„
„ Полтавской. .	56	„	„ Нижегородской	48	„
„ Пензенской. .	54	„	„ Вятской. . .	49	„
„ Рязанской . .	54	„	„ Тульской . .	49	„
„ Саратовской .	53	„	„ Московской. .	52	„

Такимъ образомъ, чѣмъ далѣе мы переходимъ въ полосу дикихъ земель суроваго сѣвера, къ Новгороду, Петербургу, Костромѣ, тѣмъ менѣе крестьянскихъ земель въ сравненіи съ помѣщичьими, и, на оборотъ, вступая къ полосу хлѣбородныхъ, мы находимъ все большее преобладаніе крестьянской собственности, начиная съ Рязани, гдѣ она составляетъ немного болѣе половины, и кончая Воронежемъ, гдѣ она равняется слишкомъ двумъ третямъ. Но вышеозначенная пропорція выведена только по губерніямъ, гдѣ введены земскія учрежденія; въ юговосточномъ краѣ пропорція эта еще сильнѣе въ пользу крестьянъ.

Такъ изъ общаго числа удобныхъ земель причитается:

	на крестьянъ:	на владѣльцевъ:
въ Астраханской губерніи .	1,675,019 дес.	74,732 дес.
„ Ставропольской „	1,894,101 „	116,420 „

Въ козацкихъ, земляхъ Донского, Кубанскаго, Уральскаго, Оренбургскаго войскъ, почти вся площадь въ 40 милліоновъ десятинъ находится во владѣніи козаковъ-хлѣбопашцевъ.

Другое явленіе очень знаменательное и крайне прискорбное есть зарожденіе въ Россіи въ послѣдніе годы сельскаго *пролетаріата*. Не смотря на мѣры, принятыя для обезпеченія крестьянъ поземельною собственностію и для закрѣпленія за ними ихъ надѣловъ, число безземельныхъ крес-

стьянъ начало въ послѣднее время сильно прибывать. По свѣдѣніямъ, собраннымъ правительственными коммисіями, къ сожалѣнію далеко не полными, число постороннихъ лицъ, поселяющихся въ селеніяхъ безъ земли и крестьянъ отказывающихся отъ земли, было въ 1871 году въ нѣкоторыхъ уѣздахъ слѣдующее:

	КРЕСТЬЯНЪ ВСѢХЪ НАИМЕНОВАНІЙ.		
	Имѣющихъ надѣлъ.	Безземельныхъ.	Разночинцевъ.
Уѣздъ Вологодскій, Волог. губ.	19,793	816	451
„ Тотемскій „ „	17,086	479	241
„ Вельскій „ „	11,146	499	—
„ Бирючевскій „ „	25,455	830	1,133
Во всѣхъ 12 уѣзд. Воронежск. губ.	269,402	—	9,597
Въ 11 уѣздахъ Вятской губерніи.	324,729	2,458	
„ 12 „ Казанской „	245,682	5,021	9,502
„ 10 „ Костромской „	134,406	21,626	800
„ 14 „ Курской „	195,654	13,801	17,719 *)
„ 13 „ Московской „	170,313	—	5,288
„ 13 „ Смоленской „	126,482	6,624	—
„ 8 „ Симбирской „	167,032	—	8,098
„ 1 „ Мелитопольскомъ, Таврической губ.	25,504	335	929
„ 12 „ Тамбовской „	248,481	12,500	—
„ 6 „ Херсонской „	146,985	—	7,475
„ 4 „ Черниговской „	73,130	—	5,669

*) Изъ 17,719 разночинцевъ, было 6,793 имѣвшихъ одну усадьбу и 7,008 не имѣвшихъ вовсе земли.

Свѣдѣнія эти далеко не полны и сбивчивы до крайности; во многихъ уѣздахъ безземельные крестьяне, отказавшіеся отъ надѣла, смѣшаны съ разночинцами, купцами, мѣщанами, отставными солдатами, поселившимися въ селеніяхъ, въ другихъ — смѣшаны домохозяева, владѣющіе одной усадьбой, съ такими, которые не имѣютъ вовсе земли. Тѣмъ не менѣе, фактъ этотъ имѣетъ громадное значеніе: большая часть лицъ показанныхъ въ обѣихъ графахъ (безземельные и разночинцы) составляютъ уже сословіе отдѣльное отъ крестьянъ - землевладѣльцевъ, не занимающихся хлѣбопашествомъ, не имѣющихъ постоянной осѣдлости и, за исключеніемъ немногихъ сельскихъ торговцевъ, проживающихъ на положеніи бобылей или наемниковъ. Они нанимаются у зажиточныхъ крестьянъ или у сельскихъ обществъ въ пастухи, сторожа, козаки и составляютъ первый зародышъ сельскаго пролетаріата въ Россіи. Число ихъ уже нынѣ довольно значительно: въ Тамбовской губерніи безземельные крестьянскія семьи или дворы составляютъ около 5% всѣхъ крестьянскихъ дворовъ и считая на одинъ дворъ душъ обоего пола 6,34 (по средней сложности выведенной въ губерніи) будетъ всего сельскихъ жителей безъ земли — 79,250.

Въ Курской губерніи безземельные сельскіе обыватели составляютъ 3%, имѣющіе одни усадьбы 2,9%, разночинцы записавшіеся въ волостяхъ 8,7%; всѣхъ таковыхъ жителей не имѣющихъ надѣла (считая въ 1 дворѣ 6,6 душъ обоего пола) будетъ — 208,032, что составляетъ около 10% всего населенія губерніи (1,827,068 жителей) и 12, 8% сельскаго населенія (16,173,97).

Въ Костромской губерніи пропорція эта еще сильнѣе и составляетъ слишкомъ 15 процентовъ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ.

Такимъ-образомъ, по прошествіи 10 лѣтъ (свѣдѣнія эти идутъ до 1871 года), со дня освобожденія крестьянъ и изданія положенія, надѣлившаго всѣхъ домохозяевъ землей, обнаруживается знаменательный фактъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ число безземельныхъ обывателей простирается уже до 5, 12, 15 проц. всѣхъ крестьянскихъ дворовъ; явленіе это повидимому независимо отъ качества почвы и вообще отъ мѣстныхъ условій, ибо проявляется равно и въ хлѣбородныхъ губерніяхъ (Тамбовской, Курской) и въ бѣднѣйшихъ (Смоленской, Костромской); всего болѣе показывается безземельныхъ семействъ въ двухъ губерніяхъ, составляющихъ во всѣхъ отношеніяхъ крайнюю противуположность:

въ Курской, гдѣ приходится на квадратную милю 2,228 жителей,
и въ Костромской, гдѣ ихъ считается. . . . 741 „

въ самомъ центрѣ черноземной, хлѣбородной и промышленной полосы Имперіи и на самомъ краю земледѣльческой территоріи, гдѣ хлѣбопашество уже почти прекращается.

Третій фактъ, который мы должны изслѣдовать, *есть отношеніе прямыхъ налоговъ къ поземельной собственности и къ платежнымъ средствамъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ.* Всякое заключеніе о положеніи землевладѣнія въ данной странѣ находится въ прямой зависимости отъ этого отношенія, и какая бы ни была форма владѣнія и культура, доходность имуществъ и успѣхъ земледѣлія обусловливается этой пропорціей чистой ренты земель къ обязательнымъ платежамъ землевладѣльцевъ.

Въ Россіи, какъ извѣстно, вся податная система была изстари основана на принципѣ, что *прямымъ налогамъ подлежатъ только земли заселенныя и воздѣланныя*, которыя и назывались тяглыми, въ отличіе отъ пустыхъ. Но такъ-какъ понятіе о населеніи не имѣетъ никакого опредѣленнаго признака, то эта система обратилась въ обремененіе однихъ сословій и въ льготу другихъ. Въ дѣйствительности, наше законодательство никогда не могло опредѣлить, *что слѣдуетъ разумѣть подъ словами населенныя* земли, и какъ ихъ различить отъ ненаселенныхъ, и еще менѣе могло отличить удобныя земли отъ неудобныхъ. Когда, по уставу о земскихъ повинностяхъ 1851 года, правительство задумало ввести поземельный сборъ, то оно признало удобными тѣ угодья, которыя таковыми названы въ межевыхъ актахъ и планахъ или въ купчихъ крѣпостяхъ, и, въ случаѣ неимѣнія актовъ, въ частныхъ свѣдѣніяхъ, представленныхъ самими владѣльцами, а не заселенными тѣ земли, которыя не принадлежатъ къ селеніямъ. („Уставъ о зем. повин." 1851 года, къ ст. 55. прим. 4 и 9.)

Изъ этого сбивчиваго опредѣленія можно было вывести только одно заключеніе, что всякія земли, въ томъ числѣ и лѣса, и отхожія пустоши и пустые выгоны, если они только приписаны къ селеніямъ, признаются населенными, окладными, и, на оборотъ, что такія же земли, состоящія во владѣніи частныхъ лицъ, считаются ненаселенными.

Это распоряженіе, совмѣстно съ правомъ, предоставленнымъ частнымъ владѣльцамъ показывать число неудобныхъ земель по собственному усмотрѣнію, составило настоящее льготное положеніе для нихъ и перенесло всю тяжесть поземельныхъ окладовъ на крестьянскія поселенія. Правомъ этимъ воспользовались широко всѣ классы жителей и всѣ вѣдомства, кромѣ крестьянъ. Удобныя земли постепенно исчезали изъ межевыхъ актовъ и плановъ и большія пространства поемныхъ луговъ (наиболѣе цѣнныхъ угодій), лѣсныхъ покосовъ и ухожей, также всѣ площади рѣкъ и озеръ, часто составлявшихъ очень крупную статью дохода, относились по точному смыслу закона къ неудобнымъ землямъ.

Количество незаселенной земли также показывалось совершенно произвольно; такъ въ одной статистической таблицѣ, изданной правительствомъ, въ 10 губерніяхъ Европейской Россіи показано:

населенной земли, по расчету 15 и 20 десятинъ на жителя. . . . . 85,298,000 десятинъ
и ненаселенной сверхъ этой пропорціи . . . 153,023,000 „

всей же ненаселенной земли въ имперіи съ азіятскими владѣніями показано. . . . . 1,447,465,000 „

Но очевидно что такое опредѣленіе не имѣетъ никакихъ твердыхъ основаній. Пятнадцати-десятинная пропорція на жителя явно превышаетъ тотъ размѣръ, который можетъ быть воздѣланъ и употребленъ съ пользою для населенія; поэтому мы полагаемъ, что населенныхъ земель въ дѣйствительности окажется менѣе, а ненаселенныхъ (не культурныхъ) болѣе, чѣмъ показано въ этихъ свѣдѣніяхъ.

Чтобы вывести отыскиваемую нами пропорцію поземельной доходности къ поземельнымъ платежамъ, мы должны ограничить нашъ кругъ изслѣдованій тѣми губерніями, гдѣ введены земскія учрежденія, ибо только въ нихъ находимъ мы нѣкоторыя приблизительно точныя свѣдѣнія объ этомъ отношеніи.

Во всѣхъ прочихъ таинственный мракъ покрываетъ землевладѣніе частное и дворянское, охраняя его отъ податнаго обложенія.

Въ 30 губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, оказывается, что земли принадлежащей крестьянамъ 70,285,923 десятины; почти столько же, сколько принадлежащей всѣмъ другимъ вѣдомствамъ и сословіямъ (т. е. казнѣ, удѣламъ и помѣщикамъ) 75,187,129 десятинъ. Но въ эти итоги вошли только земли удобныя и населенныя и они только и обложены земскими сборами. Окладъ ихъ тоже почти равный по земскимъ сборамъ, а именно:

первыя платятъ всего 4,811,781 руб.
а вторыя „ „ 4,824,623 „

А такъ-какъ большая часть земскихъ повинностей взимается съ цѣнности и доходности земель, то слѣдуетъ, что эти *двѣ категоріи плательщиковъ (крестьяне-общинники съ одной стороны, и частные владѣльцы и казна съ другой) въ этихъ 30 коренныхъ русскихъ губерніяхъ имѣютъ почти равныя имущества и платежныя средства.* Но это равенство обложенія относится только къ земскимъ сборамъ и только къ той части Россіи, гдѣ введены земскія учрежденія; если же взять всю массу прямыхъ налоговъ и разныхъ обязательныхъ платежей (выкупныхъ и земскихъ) и общій итогъ жителей по всей имперіи, то мы вдругъ переходимъ отъ равенства къ страшной несоразмѣрности обложенія. Изъ общей суммы прямыхъ налоговъ и платежей, всего 177 милліоновъ, взимается:

a) безъ различія сословій (разныхъ пошлинъ и сборовъ торговыхъ и промышленныхъ, падающихъ на крестьянъ, купцовъ и дворянъ)	18,234,810	или 10	проц.
b) съ землевладѣльцевъ	11,798,127	„ 7	„
c) съ крестьянъ	147,102,251	„ 83	„

И такъ, между тѣмъ какъ по земскимъ раскладкамъ въ 30 губерніяхъ предметы обложенія, земельныя имущества, были признаны равноцѣнными между частными владѣльцами и крестьянами и обложены почти равными сборами, въ общей массѣ прямыхъ налоговъ по всей имперіи неравномѣрность оказывается громадная: 7 проц. противъ 83 проц.; если же раздѣлить первую сумму, т. е. сборы взимаемые безъ различія сословій поровну, т. е. по $3^1/_3$ проц. на разночинцевъ (торговые и промышленные классы), на землевладѣльцевъ и на крестьянъ, то приходится:

на первыхъ . $3^1/_3$ проц.
на вторыхъ . $10^1/_3$ „
на третьихъ . $86^1/_3$ „

Кромѣ такой неравномѣрности между различными классами плательщиковъ оказывается также большая неравномѣрность между податными окладами и доходностью земель. Правда, можно предположить, что нѣкоторая доля прямыхъ налоговъ взимается не съ земли, а съ промысловъ и личнаго труда, но доля эта во всякомъ случаѣ не значительна; по запросамъ, сдѣланнымъ правительствомъ объ относительномъ значеніи земледѣлія къ прочимъ промысламъ изъ 228 уѣздовъ, приславшихъ отвѣты, только 29 признали въ своихъ мѣстностяхъ преобладающее значеніе промысловъ. Не нужно впрочемъ и запросовъ, чтобы знать, что заработки и отхожіе промыслы составляютъ въ нашемъ крестьянскомъ быту только подспорье земледѣлія и что всякіе налоги, взимаемые съ крестьянъ, все-таки въ окончательномъ ихъ результатѣ ложатся на земли и сельское хозяйство. Поэтому, чтобы опредѣлить степень благосостоянія сельскаго хозяйства и землевладѣнія вообще, нужно прежде всего *вывести отношеніе между доходностью земель и платежами*, коими обложены владѣльцы этихъ земель. Если эти платежи обязательны и плательщики извлекаютъ главныя платежныя средства изъ земли, то какъ бы они не назывались и куда бы ни шли, въ казну или земство, или помѣщику, экономическое ихъ значеніе одинаковое; сколько они ниже доходности, столько и остается хозяину прибыли отъ земледѣлія и наоборотъ.

По этому важнѣйшему экономическому вопросу собраны были въ послѣднее время самыя разностороннія свѣдѣнія, которыя не оставляютъ болѣе сомнѣнія въ знаменательномъ и плачевномъ фактѣ, *что платежи*

сельскихъ податныхъ сословій въ Россіи въ большей части губерній почти равняются доходности ихъ хозяйствъ, въ нѣкоторыхъ ихъ превышаютъ и въ общемъ среднемъ итогѣ не оставляютъ ни одной копѣйки съ валоваго дохода десятины въ сбереженіе домохозяина. Изъ всѣхъ губерній, за исключеніемъ одной Астраханской и двухъ уѣздовъ Воронежской губерніи и Бессарабской области, поступили формальныя отзывы управъ и губернскихъ присутствій, формулированные такъ: *что доходъ съ земель, находящихся во владѣніи сельскаго податнаго сословія, недостаточенъ для уплаты требуемыхъ съ нихъ сборовъ или что существующіе сборы несоразмѣрны съ средствами крестьянъ.*

Въ Астраханской губерніи, доноситъ управа, крестьянское населеніе весьма обезпечено какъ широкимъ надѣломъ (въ средней сложности по 17,47 десятинъ на душу), такъ и разными промыслами, перевозкой соли и рыбными ловлями. Въ Бендерскомъ уѣздѣ доходы и заработки отъ садоводства, винодѣлія и рыбной ловли даютъ большія прибыли, и поселяне, по мнѣнію управы, безбѣдны и частью зажиточны. Изъ Павловскаго уѣзда управа доноситъ нѣсколько лаконически, что средства крестьянъ удовлетворительны.

Наконецъ, кіевское соединенное присутствіе замѣчаетъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ всѣ расчеты за землю по выкупу ея окончены, бытъ крестьянъ видимо улучшается и недоимокъ ни съ какихъ сборовъ нѣтъ.

Этими 4-мя отзывами и исчерпывается картина благосостоянія сельскихъ сословій. Далѣе слѣдуютъ и повторяются съ прискорбнымъ однообразіемъ изъ 228 уѣздовъ сѣтованія о непомѣрномъ ихъ обремененіи, малой доходности земель, недостаткѣ промысловъ и заработковъ, и общія единогласныя заключенія, что доходность земель, едва покрывая платежи, не оставляетъ крестьянамъ никакихъ сбереженій для улучшенія своего быта и сельско-хозяйственной производительности.

Заявленія эти не голословныя: по общему своду отзывовъ управъ и другихъ мѣстныхъ учрежденій, сборы съ крестьянъ среднимъ числомъ составляютъ по раскладкѣ ихъ на десятину:

Государственные, подушные (по 48 губерніямъ).	52,3	коп.
Поземельные платежи (по 46 губерніямъ) . . .	84,7	„
Земскіе сборы (по 28 губерніямъ)	10,4	„
Мірскіе сборы (по 9 губерніямъ)	16,7	„
И того	164,1	коп.

Между-тѣмъ по свѣдѣніямъ, представленнымъ изъ 32 губерній, средняя доходность 1 десятины выходитъ равная.	163,0	коп.
Платежи превышаютъ доходность на	1,1	„

По отдѣльнымъ губерніямъ пропорціи еще гораздо сильнѣе:

въ Московской губерніи платежи по раскладкѣ на десятины составляютъ . .	205	проц.	доходности	земли.
„ Архангельской.	137	„	„	„
„ Петербургской.	134	„	„	„
„ Пензенской	128	„	„	„
„ Новгородской	122	„	„	„

Мы останавливаемся на этомъ послѣднемъ выводѣ, какъ на общемъ и окончательномъ заключеніи экономическаго положенія русскаго землевладѣнія и постараемся свести разные факты, заимствованные изъ отзывовъ и мнѣній мѣстныхъ жителей и учрежденій въ одну общую картину. Картину эту мы представимъ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ.

Помѣстное сословіе, которое при освобожденіи крестьянъ понесло значительные убытки и должно было, по мнѣнію многихъ мнительныхъ дворянъ-помѣщиковъ, погибнуть среди общаго хозяйственнаго разстройства, *въ дѣйствительности потерпѣло менѣе, чѣмъ прочія сельскія сословія:* правда, отдѣльныя личности, владѣльцы, обремененные долгами и запашками, а равно и тѣ помѣщики, которые своими хозяйствами не занимались и эксплоатировали ихъ заочно чрезъ управляющихъ и приказчиковъ, пришли вскорѣ послѣ крестьянской реформы въ полную несостоятельность. Но общая масса землевладѣльцевъ скорѣе выиграла, чѣмъ проиграла; хозяйства ихъ приняли болѣе интенсивный характеръ; господскія запашки сократились, но большая часть помѣщиковъ сохранила за собой для посѣва лучшія угодья, ближайшія навозныя поля, а запольныя пашни, отхожія пустоши сдали крестьянамъ по цѣнамъ довольно выгоднымъ и возвышающимся изъ года въ годъ въ непрерывной прогрессіи. Это обстоятельство, постоянное *возвышеніе цѣнъ* какъ арендныхъ такъ и продажныхъ на всѣ удобныя земли, во всѣхъ краяхъ Россіи, *составляетъ, по нашему мнѣнію, полнѣйшее доказательство, что доходность землевладѣнія возрастаетъ и что жалобы на упадокъ сельскаго хозяйства не имѣютъ основанія.*

Переходя за тѣмъ къ другой категоріи землевладѣльцевъ, къ *крестьянскимъ* сельскимъ обществамъ, мы встрѣчаемъ явленія отчасти другъ другу противорѣчащія, съ одной стороны крестьяне являются повсемѣстно то въ составѣ цѣлыхъ обществъ, то отдѣльными товариществами и домохозяевами, арендаторами и покупателями помѣщичьихъ земель, что несомнѣнно доказываетъ, *что они расширяютъ свои хозяйства* и имѣютъ, если не денежныя, то рабочія излишнія силы, для которыхъ ищутъ примѣненія и занятія.

Но съ другой стороны поражаетъ тотъ фактъ, *что число безземельныхъ крестьянъ быстро умножается*, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ оно

уже достигло до 10—15% всего сельскаго населенія, что также несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ упадкѣ общаго уровня благосостоянія земледѣльцевъ. Отзывы мѣстныхъ учрежденій и жителей изъ всѣхъ губерній, кромѣ двухъ-трехъ уѣздовъ, подтверждаютъ это печальное положеніе, приписывая стѣсненіе крестьянъ тягости ихъ подушныхъ и поземельныхъ платежей. Это кажущееся противорѣчіе соглашается тѣмъ, что изъ общей массы крестьянъ постепенно выдѣляются слабѣйшіе хозяева и одинокіе работники, приходящіе въ раззореніе отъ кризиса, постигшаго всѣ отрасли сельскаго хозяйства, отъ вздорожанія оброчныхъ статей, топлива, выгоновъ, коими они пользовались въ прежнія времена за безцѣнокъ или даже безплатно, между - тѣмъ какъ другая часть сельскихъ сословій, болѣе состоятельная, даже зажиточная, еще выдерживаетъ этотъ критическій переворотъ и, предвидя дальнѣйшіе возвышеніе земельныхъ цѣнъ, старается пріобрѣсти въ собственность смежныя угодья, чтобы избавиться отъ зависимости ихъ владѣльцевъ.

Но это распаденіе крестьянскаго сословія и быстрый приростъ сельскаго пролетаріата въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ явленіе почти неизбѣжное во всякомъ гражданскомъ обществѣ, было въ Россіи ускорено фискальными мѣрами и вообще всей податной системой, принятой въ прежнія времена и къ сожалѣнію пережившей крестьянскую реформу. Эта причина парализировала отчасти всѣ дѣйствія реформы. Выкупныя платежи, совпадая съ возвышеніемъ прямыхъ налоговъ почти вдвое, питейнаго сбора на 50% и мірскихъ расходовъ рубль на рубль, пали невыносимой тягостью на бытъ этого сословія, который предполагалось улучшить и когда мы читаемъ въ отзывахъ 46 губерній, что платежи сельскихъ податныхъ сословій почти равняются доходности ихъ земель, когда эти выводы подтверждаются отзывами правительственныхъ властей и оффиціальныхъ коммиссій, *то мы спрашиваемъ, какія еще требуются и пріискиваются другія причины разстройства крестьянскаго быта, какія еще собираются свѣденія, производятся изслѣдованія о разныхъ неурядицахъ сельскаго нашего строя, когда главнѣйшая изъ нихъ*, существенная, признана и заявлена гласно и единодушно всѣми мѣстными учрежденіями и властями, земскими и административными губернаторами, губернскими присутствіями, статистическими комитетами, земскими управами, мировыми посредниками изъ 32 коренныхъ великороссійскихъ губерній?

Заключаемъ этимъ наши изслѣдованія о поземельномъ бытѣ въ Россіи. Помѣстное и частное землевладѣніе, очень шаткое на Руси до Петра Великаго, поддержанное крѣпостнымъ правомъ въ теченіи 17-го столѣтія, потомъ временно и случайно усиленное всемилостивѣйшими пожалованіями императрицъ 18-го столѣтія но съ другой стороны подрываемое порядкомъ наслѣдованія и самовластными конфискаціями тѣхъ же имуществъ и наконецъ разстроенное отлученіемъ (абсентеизмомъ) крупныхъ землевладѣль-

цевъ въ царствованія Александра и Николая, *помѣстное владѣніе*, говоримъ, *со времени освобожденія крестьянъ, видимо склоняется къ ликвидаціи, къ распродажѣ недвижимыхъ имуществъ, къ упраздненію господскихъ хозяйствъ и запашекъ.* Непроизводительность хлѣбопашества въ сѣверо-западной навозной полосѣ, недостатокъ рабочихъ силъ въ юго-восточной, но всего болѣе недостатокъ энергіи и сельско-хозяйственныхъ познаній въ высшихъ и среднихъ классахъ жителей суть главныя причины этого переворота, изъ коего исключается только черноземная и центральная полоса, изобилующая и хлѣбородной почвой и рабочимъ населеніемъ.

Землевладѣніе, разумѣя подъ этимъ словомъ и право собственности и право пользованія, т. е. арендованіе, эксплуатацію земель, *переходитъ отъ прежнихъ помѣщиковъ дворянскаго происхожденія къ двумъ разрядамъ новыхъ владѣльцевъ:* промышленникамъ, торговцамъ, спекуляторамъ, скупающимъ или арендующимъ оптомъ большія имѣнія, и къ крестьянамъ, раскупающимъ или снимающимъ тѣ же земли по мелкимъ участкамъ.

Объ этомъ ходѣ поземельнаго нашего быта заявляется со всѣхъ краевъ Россіи такъ единогласно и настойчиво, что мы признаемъ эту черту главною характеристикою современнаго нашего соціально-аграрнаго положенія.

Далѣе представляются слѣдующія соображенія, истекающія изъ этого главнаго факта.

Торгово-промышленный людъ, въ настоящее время покупающій на расхватъ упраздненныя господскія хозяйства, имѣетъ очень мало шансовъ удержать за собою эти новыя владѣнія и упрочить ихъ въ своихъ родахъ; этотъ классъ собственниковъ, хотя и располагаетъ капиталами болѣе обильными, чѣмъ прежніе помѣщики, но за—то имѣетъ еще менѣе познаній о сельскомъ хозяйствѣ, еще менѣе склонности къ сельскимъ промысламъ и мирнымъ занятіямъ хлѣбопашества. Привыкнувъ къ спекулятивнымъ своимъ предпріятіямъ, къ быстрымъ, краткосрочнымъ оборотамъ, преслѣдуя и въ хозяйственномъ своемъ управленіи торговую систему извлеченія наибольшей, непосредственной прибыли изъ затраченнаго капитала, наши русскіе торговцы, купцы, съемщики въ степныхъ губерніяхъ, евреи въ Западномъ краѣ, концессіонеры и строители желѣзныхъ дорогъ, разночинцы, нажившіе громадные капиталы въ спекуляціяхъ нашего времени, отличаются всѣми достоинствами отважныхъ предпринимателей, но и всѣми недостатками дурныхъ хозяевъ. Точно такъ, какъ винные откупщики, реализировавшіе при ликвидаціи своихъ дѣлъ громадные капиталы и раскупившіе въ послѣдующіе годы дома и имѣнія, не умѣли справиться съ своими новыми хозяйствами и нынѣ, послѣ 15 лѣтъ, пришли въ полную несостоятельность, такъ и эти *скупщики и съемщики дворянскихъ имѣній чрезъ нѣсколько лѣтъ неизбѣжно разстро-*

ятъ свои хозяйства хищнической и невѣжественной культурой, и исчезнутъ безслѣдно, какъ блестящіе, но мгновенные метеоры, похитивъ только изъ цѣнности и доходности русской земли много милліоновъ, которые, такимъ-образомъ, будутъ переведены изъ недвижимаго имущества въ движимое, изъ сельскихъ сословій въ городскія, и отчасти изъ Россіи въ другія страны.

Изъ этого слѣдуетъ, *что коренное, дѣйствительное землевладѣніе* все-таки остается и *усиливается въ рукахъ крестьянства*, что, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, въ какія они поставлены, земледѣльцы являются вездѣ въ Россіи главными покупателями и кортомщиками земель, и хотя они располагаютъ очень скудными денежными средствами, но находятъ еще возможность, посредствомъ разныхъ хозяйственныхъ изворотовъ, увеличивать свои распашки и округлять свои надѣльныя владѣнія.

Мы не ставили здѣсь вопроса о пользѣ или вредѣ такого хода поземельнаго нашего устроенія. Мы свидѣтельствуемъ только о самомъ явленіи, о фактѣ, подтверждаемомъ единогласными отзывами изъ разныхъ краевъ Россіи, и считаемъ себя въ правѣ изъ него заключить, *что будущность Россіи принадлежитъ крестьянской поземельной собственности.*

Если бъ мы вѣрили, что правительственными мѣропріятіями можно измѣнить этотъ ходъ и отклонить въ другое русло теченіе экономическаго развитія страны и если бъ мы желали этого, то предложили бы единственное средство, которое по нашему разумѣнію можетъ предотвратить измелченіе и демократизацію поземельной собственности: мы бы предложили возстановить петровскій законъ единонаслѣдія, отмѣнить общинное владѣніе и закрѣпить всѣ имущества въ преемственной и родовой собственности дворянскихъ фамилій и крестьянскихъ семействъ. Но мы, напротивъ, убѣждаемся исторіей помѣстнаго права въ Россіи, что нѣтъ закона, который бы былъ болѣе противенъ народному духу и чувству, какъ наслѣдованіе по старшинству или меньшинству, и если попытка геніальнаго преобразователя, переломавшаго весь нашъ общественный строй, въ этомъ единственномъ случаѣ не удалась, то мы не видимъ никакой возможности возобновить эти опыты введенія или укрѣпленія аристократическаго и помѣстнаго элемента въ наше время. Затѣмъ не остается ничего болѣе, какъ помириться съ дѣйствительностію и признать непреложность бытовыхъ началъ, подъ коими жила древняя Русь и живетъ новая Россія. Эти *начала — равное наслѣдованіе, семейные раздѣлы и мірское владѣніе даютъ очевидно значительный перевѣсъ сельскимъ обществамъ, крестьянскому владѣнію, передъ помѣщичьимъ*, частнымъ, потому-что послѣднее изъ рода въ родъ все мельчаетъ и дробится, подраздѣляясь между наслѣдниками, а первое остается въ цѣломъ своемъ составѣ, подраздѣляемомъ между землями общества, но нераздѣльномъ въ общемъ своемъ объемѣ. Сохра-

нятся ли или измѣнятся эти начала при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, распадется ли мірское наше общество, перейдетъ ли оно въ другую форму вольной ассоціаціи, товарищества или рабочей артели — это вопросы праздные, которые могутъ служить предметомъ остроумныхъ гаданій, но не серьезнаго обсужденія, и мы можемъ ихъ предоставить рѣшенію грядущихъ поколѣній.

Въ настоящее время мы только усматриваемъ слѣдующій фактъ, о коемъ и свидѣтельствуемъ: право частнаго владѣнія, помѣстное и вотчинное, и право наслѣдованія никогда не имѣли на Руси прочной, легальной основы; онѣ были поддержаны искуственными и отчасти насильственными мѣрами, верстаньемъ помѣстій служилыхъ людей, пожалованьемъ имѣній высшимъ придворнымъ чинамъ, запрещеніемъ владѣть населенными имѣніями лицамъ не принадлежащимъ къ потомственному дворянству, и, главное, крѣпостнымъ правомъ. Какъ только пошатнулись эти искусственныя сооруженія, такъ и востановилось прежнее теченіе экономическаго нашего быта: *земли начали переходить изъ частнаго владѣнія въ мірское, отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ крестьянамъ-хлѣбопашцамъ и къ сельскимъ обществамъ;* и такъ-какъ этотъ переходъ, по нашему разумѣнію, есть неизбѣжное и естественное послѣдствіе нашего общественнаго и земскаго строя, то и слѣдуетъ не пріостанавливать его, а регулировать, не препятствовать ему, а содѣйствовать, лишь бы онъ совершился мирнымъ путемъ, безъ насилій и нарушеній правъ частныхъ лицъ и сельскихъ обществъ.

Князь А. Васильчиковъ.

ХУДОЖНИКУ.

От земли, гдѣ вѣетъ вьюга,
Твой художественный путь
Проложо̀нъ подъ небо юга —
Но и тамъ, какъ мать и друга,
Нашу Русь не позабудь!
И въ святилищѣ искусства,
Средь природы золотой,
Пусть тебѣ рисуетъ чувство
Образъ Сѣвера живой!
И богатъ онъ вседержавный!
Силой духа одарёнъ,
И красою своенравной
И надеждой блещетъ онъ.
Братъ, къ нему съ чужого брега
Поспѣшай вернуться ты,
Чтобъ ростить на грудахъ снѣга
Авзонійскіе цвѣты!

Н. Щербина.

СЕВАСТОПОЛЬ.

Угрюмыя мѣста! печальныя могилы!
Слѣды геройскихъ дѣлъ и богатырской силы!
Развалины домовъ, обломки батарей,
И гавань мёртвая безъ грозныхъ кораблей;
Насквозь пробитыя, безлюдныя строенья,
Громады мусора на мѣстѣ разрушенья,
Растенья чахлыя, какъ-будто изъ гробовъ
Тайкомъ растущія, безъ тѣни и плодовъ;
Курганъ Малàховскій надъ городомъ печальный,
Какъ-будто бы вѣнецъ на мёртвомъ погребальный,
И — пыль на улицахъ, надъ бухтой и кругомъ,
Какъ саванъ бѣлая, стоящая столбомъ...
Ужасный, мрачный видъ! печальная картина!
Вездѣ борьба и смерть оставили слѣды;
Жизнь будто замерла надъ трупомъ исполина —
И только высятся могильные кресты,
Да церковь братская на Сѣверномъ кладбищѣ,
Гдѣ двѣсти тысячь жертвъ легли кровавой пищей
Безжалостной войны. Вечерній солнца лучъ
На тѣхъ святыхъ крестахъ, пробившись изъ-за тучъ,
Горитъ, лаская мѣдь и мраморъ украшеній:
И весело ему — и лучше, чѣмъ тогда,
Когда, бывало, онъ, румянясь отъ стыда,
Горѣлъ надъ грудой тѣлъ и рядомъ укрѣпленій,
И смѣшивалъ свой блескъ въ водѣ, средь кораблей,
Съ кровавою рѣкой малàховскихъ траншей...

В.

ДѢЛО О ВЕРЕЩАГИНѢ.

Поступокъ графа Ростопчина, ознаменовавшій послѣдніе часы его пребыванья въ Москвѣ, передъ занятіемъ ея непріятелемъ — убійство Верещагина — принадлежитъ къ разряду такихъ, которые требуютъ особаго вниманья и объясненья, потому-что выходятъ совершенно изъ обычнаго порядка дѣлъ.

Въ чемъ заключалось преступленіе этого молодаго человѣка и таково-ли оно было, что могло вызвать смертный приговоръ суда? Почему московскій главнокомандующій принялъ на себя тяжолую обязанность исполнителя этого приговора и притомъ привелъ его въ исполненіе такимъ чрезвычайнымъ способомъ? Не находя отвѣта на эти вопросы въ сочиненіяхъ о происшествіяхъ этого времени, мы считаемъ долгомъ отвѣчать на нихъ, подвергнувъ подробному изслѣдованію всѣ дошедшія до насъ преданія и частныя и оффиціальныя извѣстія объ этомъ происшествіи.

Въ объявленіи жителямъ Москвы, обнародованномъ 3-го іюля графомъ Ростопчинымъ, сказано было, что появилась *дерзкая бумага*. Спустя 14 часовъ полиція задержала ея *сочинителя* и переписчика. *Сочинителемъ* оказался сынъ 2-й гильдіи купца Верещагинъ, 22-лѣтній юноша, *воспитанный*, по словамъ графа Ростопчина, *иностранцемъ* и *развращенный трактирною бесѣдою*, а переписчикомъ — губернскій секретарь Мѣшковъ. Эта *дерзкая бумага* состояла изъ письма Наполеона къ прусскому королю и рѣчи его къ государямъ Рейнскаго Союза, произнесенной имъ въ Дрезденѣ въ этомъ году. Розыскъ полиціи о сочинителѣ и переписчикѣ, продолжавшійся всего 14 часовъ, свидѣтельствуетъ уже, что эти молодые люди вовсе не придавали особой важности своему поступку и не соединяли съ нимъ никакихъ особенныхъ видовъ, вслѣдствіе чего и не приняли никакихъ мѣръ, чтобы скрыть его. Но графъ Ростопчинъ придалъ ему весьма важное значеніе и немедленно увѣдомилъ о своемъ

Тип. В. А. Полетики.

открытiи министра полицiи Балашова, предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ, облеченныхъ въ это время особыми правами и завѣдывавшихъ государственнымъ управленiемъ въ отсутствiе императора, князя Салтыкова и самаго государя.

Михаилъ Николаевичъ Верещагинъ былъ сынъ довольно зажиточнаго купца, записаннаго во вторую гильдiю съ капиталомъ въ 20 тысячъ. Его отецъ, Николай Гавриловичъ, былъ женатъ на второй женѣ, а отъ первой имѣлъ двухъ сыновей и дочь; Михаилъ былъ старшимъ изъ сыновей. Отецъ Верещагина имѣлъ свой собственный домъ въ Яузской части, по Никольской улицѣ, противъ церкви Симеона Столпника и содержалъ на откупу нѣсколько *полпивныхъ* лавокъ и *герберговъ*. Онъ выступалъ кажется впередъ въ умственномъ отношенiи изъ среды своего сословiя, какъ можно полагать потому, что дѣти его получили воспитанiе не совсѣмъ свойственное купеческимъ дѣтямъ второй гильдiи въ то время. Михаилъ Верещагинъ, какъ видно изъ его отвѣтовъ на вопросные пункты, предложенные ему при слѣдствiи, зналъ языки французскiй и нѣмецкiй, съ которыхъ онъ могъ переводить, учился и по англiйски, но «по неупотребленiю въ Москвѣ этого языка, отъ него отсталъ». Учителемъ его былъ, по свидѣтельству графа Ростопчина, одинъ изъ извѣстныхъ масоновъ, оставившiй нѣсколько сочиненiй. Хотя въ это время существовали въ Москвѣ коммерческое училище и практическая коммерческая академiя, за годъ передъ тѣмъ образованная изъ коммерческаго пансiона Арнольди; но онъ получилъ домашнее образованiе. Естественно, что на поприщѣ образованья онъ встрѣтился съ масонами, къ числу которыхъ принадлежалъ и его учитель Клейнъ [1]). Въ это время еще былъ живъ ихъ престарѣлый глава Н. И. Новиковъ, оказавшiй важныя услуги русскому просвѣщенiю, и большая часть его сотрудниковъ. Къ числу масоновъ принадлежали или находились въ близкихъ съ ними отношенiяхъ большая часть просвѣщенныхъ людей того времени. Полученное М. Верещагинымъ воспитанiе объясняетъ его отношенiя къ одному изъ старыхъ представителей масонства, московскому почтъ-директору Ключарёву, съ сыномъ котораго, также молодымъ человѣкомъ въ это время, онъ былъ въ прiятельскихъ отношенiяхъ. Iюня 17-го Верещагинъ предложилъ своей мачихѣ прочесть переведенныя имъ рѣчь и письмо Наполеона, сказавъ притомъ: «вотъ что пишетъ злодѣй французъ». Мысль о томъ что Наполеонъ можетъ занять не только одну, но даже обѣ столицы, естественно могла возбудить въ это время только негодованiе москвичей къ наглому хвастовству врага. Такъ и отнеслась къ этому письму и рѣчи мачиха Ве-

---

[1]) Можетъ-быть — секретарь провинцiальной ложи. (См. «Новиковъ и московскiе мартинисты» М. Н. Лонгинова, 1867, стр. 291.)

рещагина и разсказала о нихъ мужу, когда вечеромъ онъ возвратился домой. Извѣстій съ поприща войны не обнародовалось почти никакихъ въ это время; а между тѣмъ положеніе дѣлъ было таково, что не могло не возбуждать вниманья и любопытства всякаго русскаго. Поэтому каждое извѣстіе, откуда бы оно почерпнуто ни было, ловилось съ жадностію и мгновенно распространялось по всей Москвѣ. Старикъ Верещагинъ лишь только услышалъ отъ жены объ этой бумагѣ, сейчасъ же послалъ попросить ее для прочтенія къ сыну; но его не было дома. На другой день онъ снова послалъ къ нему за нею — и сынъ немедленно отправилъ ее къ нему. За обѣдомъ старикъ Верещагинъ спросилъ сына: откуда онъ взялъ эти письмо и рѣчь? «Я перевелъ ихъ изъ нѣмецкихъ газетъ, отвѣчалъ онъ, которые мнѣ давалъ Ключарёвъ», сынъ почтъ-директора. Старикъ Верещагинъ также какъ и его жена съ негодованіемъ отнесся къ этимъ документамъ и, уѣзжая изъ дому по своимъ дѣламъ, оставилъ бумагу на комодѣ. Михаилъ Верещагинъ взялъ ее, положилъ въ карманъ и отправился вечеромъ въ кофейную, находившуюся не далеко отъ гостинаго двора.

Онъ хотѣлъ прочитать газеты, но тамъ новыхъ не оказалось; а старые ему были извѣстны. Онъ спросилъ трубку, и въ это время увидалъ одного изъ своихъ знакомыхъ, отставнаго чиновника Мѣшкова и желая подѣлиться съ нимъ новостью, отозвалъ его въ другую комнату и прочелъ ему свой переводъ изъ нѣмецкихъ газетъ, которыя, какъ онъ ему сказалъ, получилъ отъ сына Ключарёва. Мѣшковъ, выслушавъ чтеніе этого перевода, попросилъ его списать; но Верещагинъ ему отказалъ, прибавивъ, что кофейня не мѣсто для списыванія такихъ бумагъ. Мѣшкову шолъ тогда 32-й годъ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей. Онъ былъ въ отставкѣ съ чиномъ губернскаго секретаря и въ это время искалъ службы. Прежде онъ служилъ въ словесномъ судѣ повытчикомъ и секретаремъ и уволенъ по прошенію отъ службы въ январѣ 1810 года. Увольняя въ отставку Мѣшкова, словесный судъ далъ ему *аттестатъ*, въ которомъ сказано: «что онъ въ штрафахъ, порокахъ и ни въ малѣйшихъ подозрѣніяхъ не бывалъ; въ должностяхъ упражнялся съ отличными познаніями и ревностными успѣхами; поведеніе имѣлъ, какое честному и благородному человѣку всегда долженствовало; а чрезъ сіе самое судъ отдавалъ ему Мѣшкову должную справедливость, рекомендуя его по вышеизложеннымъ причинамъ къ продолженію статской службы способнымъ и къ повышенію чиномъ достойнымъ.»

Естественно, что прочтенная Верещагинымъ бумага крайне возбудила любопытство Мѣшкова и ему захотѣлось списать ее. Узнавъ изъ разговора, что изъ кофейной Верещагинъ пойдетъ на Кузнецкій мостъ, чтобы осмотрѣть тамъ полпивныя лавочки, которыя содержалъ его отецъ, онъ вызвался идти вмѣстѣ съ нимъ: этому сопутствованію

естественнымъ предлогомъ служило то обстоятельство, что Мѣшковъ самъ жилъ «въ Мясницкой части, на Кузнецкомъ мосту, близъ пушечнаго двора» (около Петровки). Часу въ восьмомъ вечера они вышли вмѣстѣ изъ кофейной. Но покамѣстъ они шли, стала надвигаться грозовая туча, а когда стали подходить къ Кузнецкому мосту, она готова была разразиться и обдать ихъ проливнымъ дождемъ. Въ виду этого обстоятельства, Мѣшковъ уговорилъ Верещагина зайти къ нему на квартиру и переждать грозу. Верещагинъ согласился. Онъ рѣдко бывалъ у Мѣшкова и въ послѣдній разъ былъ у него «съ годъ тому назадъ». Вмѣстѣ съ собой они пригласили еще мѣщанина Андрея Власова.

По чувству-ли гостепріимства или съ тайною цѣлію удовлетворить во чтобы ни стало своему любопытству и выманить у Верещагина бумагу, чтобы ее списать, Мѣшковъ принялся подчивать своихъ гостей сначала пивомъ, потомъ чаемъ и пуншемъ. Верещагинъ повеселѣлъ и, сдѣлавшись сговорчивѣе, уступилъ усиленнымъ просьбамъ тороватаго хозяина и позволилъ ему собственноручно, въ его присутствіи, переписать его переводъ, помогая ему разбирать неясно написанныя слова и выраженья. Власовъ въ это время стоялъ у окна, наблюдая грозу и не обращая вниманья на то, что дѣлали Верещагинъ и Мѣшковъ.

Верещагинъ, взявъ назадъ свою бумагу, просилъ однако же Мѣшкова, чтобы онъ никому объ этомъ не говорилъ. Хотя онъ безъ сомнѣнья не чувствовалъ никакой вины за собою, но, будучи вхожъ въ домъ Ключарёва, можетъ-быть и понималъ *бдительность* московскаго начальства въ это время и опасался ея. «Развѣ мнѣ еще не надоѣла управа благочинія», отвѣчалъ ему Мѣшковъ.

Случайная попойка, отуманивъ голову молодаго Верещагина, заставила его отложить осмотръ полпивныхъ лавокъ его отца и отправиться прямо домой.

Такова была сущность происшествія [1]), послужившаго поводомъ къ строжайшему слѣдствію и уголовному суду по всѣмъ инстанціямъ, дошедшему даже до государственнаго совѣта, и окончившагося страшнымъ убійствомъ Верещагина, совершившимся гораздо прежде окончательнаго приговора по этому дѣлу.

Прошло недѣли съ двѣ съ тѣхъ поръ какъ Верещагинъ далъ списать Мѣшкову свой переводъ письма и рѣчи Наполеона. Списки его распространились по Москвѣ. Жажда узнать, что дѣлается на нашихъ окраинахъ въ такое время, когда вся Россія безсознательно, но вѣрно понимала свое положеніе, при совершенномъ отсутствіи извѣстій о дѣятельности правительства, вынудили и Мѣшкова, вопреки данному слову,

---

[1]) Составлено изъ показаній, данныхъ на слѣдствіи и судѣ. (См. «Чтенія въ И. Моск. Общ. исторіи и древн.», 1866, кн. IV, стр. 231—247).

сообщить новость другимъ, а этихъ другихъ распространить ее по Москвѣ. Естественно, что наконецъ одинъ изъ списковъ этой бумаги попалъ въ руки полиціи и еще естественнѣе, что она въ 14 часовъ открыла кто писалъ и кто переписывалъ эту бумагу, потому что они и не приняли никакихъ мѣръ, чтобы скрыть отъ ея дѣятельности свой поступокъ.

Графъ Ростопчинъ поручилъ московскому оберъ-полиціймейстеру Обрѣзкову производство слѣдствія, но самъ постоянно слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями и руководилъ ими. Обвиняемые нѣсколько разъ подвергались допросамъ, очнымъ ставкамъ, даже въ его кабинетѣ подъ личнымъ его руководствомъ [1]).

Показанія всѣхъ лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію, отличаются необыкновенною простотою и ясностію и вполнѣ подтверждаютъ всѣ обстоятельства, разсказаннаго нами произшествія. Никто изъ нихъ не путался въ показаніяхъ, не представлялъ новыхъ обстоятельствъ, противорѣчившихъ показаньямъ другихъ, и потому не могъ бы возбудить никакихъ особыхъ подозрѣній со стороны слѣдователей.

Отецъ Верещагина показалъ, что 17-го іюня вечеромъ возвратившись, домой, «по обыкновенію вошолъ въ свой покой, а жена его сказала ему, что передъ пріѣздомъ его сынъ ихъ Михайло читалъ ей при дочери, дѣвицѣ Натальѣ, записку, по сказыванію его Михайлы выписанную изъ нѣмецкихъ газетъ, относящуюся до недоброжелательства къ Россіи французскаго императора Наполеона, будто бы онъ скоро пріидетъ въ Москву». Но какъ жена его «по недоумѣнію своему не могла ему объяснить въ какомъ точно смыслѣ та записка дѣйствительно была написана», то онъ послалъ спросить дома-ли его сынъ и, получивъ въ отвѣтъ, что онъ «уѣхалъ со двора, оставилъ то дѣло до утра». По утру онъ прочелъ записку, взятую у сына, и помнитъ только, что она начиналась словами: «вѣнценосные друзья Франціи» и то, что она написана была рукою сына на простой сѣрой бумагѣ, въ четвертку листа на обѣихъ страницахъ, съ нѣкоторыми по мѣстамъ *черченьемъ и поправкою* словъ. Онъ положилъ ее на комодъ и когда явился къ нему оберъ-полиціймейстеръ, вспомнивъ про это, началъ ее искать, но жена сказала ему, что сынъ взялъ обратно эту бумагу.

Жена Верещагина дала при допросѣ совершенно тождественное съ мужемъ показаніе, говоря также, что записка была исполнена недоброжелательствомъ къ Россіи, «сколько возможно могла она по своему безграмотству понять». Напуганная допросомъ женщина прибавила, что по прочтеніи ей пасынкомъ этой бумаги, отозвалась она «по женской простотѣ нѣкоторыми бранными словами на счетъ француза и что на-

---

[1]) Донесеніе графа Ростопчина комитету министровъ отъ 30-го іюня 1812 года.

мѣревается дѣлать и впредь». Какъ бы извиняясь въ этомъ, она прибавляла, что «болѣе сего отъ нея ничего пасынку своему не сказано».

Показанія Мѣшкова и Власова подтверждали всѣ обстоятельства дѣла о томъ, какъ встрѣтились они въ кофейной съ Верещагинымъ, какъ онъ читалъ бумагу Мѣшкову, какъ вмѣстѣ они зашли къ нему на квартиру и какъ онъ списалъ бумагу подъ диктовку Верещагина. Разнорѣчіе между ними произошло только въ одномъ, ничтожномъ обстоятельствѣ, при очной ставкѣ въ управѣ благочинія: Мѣшковъ говорилъ Верещагину, что приложенная къ дѣлу бумага, написанная на четверткѣ, не та, съ которой онъ списывалъ по внѣшнему виду. Она была писана въ полъ-листа на синей бумагѣ, «въ коей черченья никакого не было». Власовъ же подтверждалъ, что это та самая бумага, «такъ-какъ онъ совершенно помнитъ, что она писана была не вдоль листа, а на четверткѣ».

Мѣшковъ далъ списанную имъ бумагу хозяину того дома, въ которомъ онъ жилъ, губернскому секретарю Смирнову — по *дружбѣ*, безъ всякаго какого либо злого *умысла*. Въ рукоприкладствѣ къ допросу онъ прибавилъ, что, отдавая списанную рѣчь Смирнову для прочтенія, говорилъ, что «написанному въ ней содержанію сбыться не можно, разсуждая, что отечество наше богато, людей много, хлѣба довольно и денегъ много и что Господь Богъ развѣ насъ не помилуетъ; а ежели необходимость потребуетъ, то и мы отдадимъ все, что имѣемъ, и сами пойдемъ на защищенье своего отечества. Таковые разговоры повторяли и въ послѣдующіе дни». Хотя едва-ли можно было заподозрить такихъ людей, какъ Мѣшковъ, въ *сочиненьи* подобныхъ бумагъ и даже распространеньи ихъ *съ злымъ умысломъ*, однако же при допросѣ предлагались ему и такіе вопросы. На это онъ отвѣчалъ, что «подобныхъ, вышеозначенному сочиненію, бумагъ не сочинялъ и на счетъ таковыхъ сочиненій ни съ россійскими, ни съ *иностранными* сношенія и разговоровъ не имѣлъ».

Но показанія молодаго Верещагина не отличались тою откровенностію, которая явно выступаетъ на видъ въ показаніяхъ всѣхъ другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу. Онъ противорѣчилъ и показаніямъ этихъ лицъ и своимъ собственнымъ.

Мачихѣ, которой онъ прежде всѣхъ прочелъ свою бумагу, потомъ отцу и Мѣшкову, онъ прямо сказалъ, что это переводъ изъ иностранныхъ газетъ, которыя получилъ онъ отъ сына почтъ-директора Ключарёва. Но при первыхъ допросахъ онъ показалъ: оберъ-полиціймейстеру, что шедши съ Лубянки на Кузнецкій мостъ онъ поднялъ на мостовой противъ французскихъ лавокъ печатный листъ, оказавшійся нѣмецкою газетою, изъ которой онъ и перевелъ рѣчь и письмо Наполеона. Это показаніе уже было не согласно съ тѣмъ, что онъ самъ говорилъ преж-

де и что подтверждали свидѣтели. Очевидно, что онъ хотѣлъ отстранить отъ слѣдствія и суда сына почтъ-директора, говоря даже, что до этого времени «онъ не былъ съ нимъ знакомъ и даже имяни его не зналъ; а сказалъ такъ единственно потому, чтобы рѣчи сдѣлать увѣреніе справедливости, опасаясь, что если скажетъ о сочиненіи оной имъ, то не только что ее не примутъ за справедливость, но получитъ наказаніе отъ отца». По той же причинѣ, чтобы придать достовѣрность этому письму и рѣчи, онъ и Мѣшкову сказалъ тоже, что мачихѣ и отцу, то-есть, что получилъ газету изъ почтамта отъ молодого Ключарёва. Но, устраняя его въ своихъ показаньяхъ и говоря, что нашолъ листъ этой газеты на улицѣ, онъ тѣмъ не устранилъ отъ отвѣтственности почтамтъ, чрезъ который только и могли получаться иностранныя газеты, тѣмъ болѣе, что этотъ листъ оказался бы въ числѣ запрещенныхъ. Самъ-ли онъ замѣтилъ это обстоятельство или кто нибудь указалъ ему на него; но онъ отрекся впослѣдствіи и отъ этого показанья и письменно (26-го іюня) заявилъ оберъ-полицймейстеру, «что онъ не только не находилъ газетнаго листа, но даже нигдѣ и ни отъ кого не получалъ таковаго, не видалъ и не переводилъ, а чувствуя поступокъ свой противнымъ закону, думалъ, не оправдаетъ ли его такое несправедливое показаніе о найденіи имъ будто бы газетнаго листа и о переводѣ съ него». Такимъ образомъ, Верещагинъ умышленно принималъ на себѣ отвѣтственность, въ такомъ поступкѣ, котораго онъ очевидно совершить не могъ.

«Читая эти бумаги», говоритъ одинъ изъ современниковъ, «съ первыхъ строкъ можно было замѣтить, что двадцатилѣтній купеческій сынъ, отъ какого бы иностранца образованіе свое ни получилъ и какою бы трактирною бесѣдою развращонъ ни былъ, такихъ бумагъ не напишетъ; а потому и объявленіе главнокомандующаго Москвою всѣмъ показалось ложью, что конечно не могло поселить къ нему ни довѣренія, ни искренняго уваженія» [1]). Хотя эти строки и писаны недоброжелателемъ графа Ростопчина и отличаются рѣзкостію, однако же трудно подумать, чтобы образованные люди того времени могли повѣрить, чтобы молодой Верещагинъ могъ быть сочинителемъ этихъ бумагъ. Едва-ли они и вѣрили этому, хотя и не знали подлинниковъ этихъ бумагъ, напечатанныхъ въ иностранныхъ изданіяхъ, запрещенныхъ въ это время въ Россіи [2]).

---

[1]) «Описаніе происшествій въ Москвѣ въ 1812 году» Бестужева-Рюмина. (См. «Чтенія въ Им. Моск. Общ. Исторіи и Древн. 1859, кн. 2, отд. V, стр. 171»).

[2]) Въ спискѣ прокламаціи и рѣчи, доставленномъ графомъ Ростопчинымъ, за его скрѣпою, въ комитетъ министровъ, въ рѣчи сказано: Вамъ объявляю мои намѣренія «желаю возстановить *Польшу*»; въ спискѣ, находящимся при производствѣ дѣла: «желаю возстановить *Полонію*», что обличаетъ уже переводъ.

Не вѣрилъ этому и графъ Ростопчинъ, какъ доказываетъ ходъ слѣдствія, которымъ онъ самъ руководилъ. Всѣ усилія слѣдователей были направлены къ тому, чтобы выяснить именно то обстоятельство, что Верещагинъ получилъ изъ почтамта ту газету, изъ которой онъ перевелъ эти документы и вынудить въ этомъ отношеніи *собственное* его *признаніе*, необходимое для окончательнаго обвиненія виновнаго по законамъ уголовнаго судопроизводства того времени.

«Въ самомъ началѣ войны», говоритъ въ своихъ запискахъ графъ Ростопчинъ, «мнѣ донесли, что въ Москвѣ ходитъ по рукамъ прокламація Наполеона, писанная по русски. Въ 24 часа полиція напала на слѣдъ и открыла, что сочинителемъ оной бумаги былъ сынъ довольно зажиточнаго купца Верещагина. Его схватили и онъ никогда не сознался откуда взялъ эту бумагу, которая быть не могла его сочиненіемъ. Онъ говорилъ, что перевелъ ее изъ польской газеты; но по польски онъ совсѣмъ не зналъ. Я приказалъ его отвесть въ почтамтъ въ сопровожденіи оберъ-полицiймейстера, чтобы посмотрѣть какое тамъ произведетъ впечатлѣніе присутствіе этого молодаго человѣка. Но къ величайшему удивленію полицiймейстера, Ключарёвъ ввелъ его съ собою въ свой кабинетъ и вышелъ потомъ съ нимъ черезъ четверть часа, началъ хвалить его, говоря что онъ владѣетъ способностію и весьма легко пишетъ и въ доказательство далъ ему, для передачи мнѣ, бумагу, которую будто бы Верещагинъ написалъ въ это время на заданную имъ тему: «Торжество Россіи». Впослѣдствіи, когда полиція отправилась въ домъ отца Верещагина, чтобы захватить бумаги его сына, то этотъ послѣдній, при выходѣ изъ дому, подошелъ къ своей мачихѣ и что-то сказалъ ей на ухо. Эта женщина, спрошенная оберъ-полицiймейстеромъ, объявила, что молодой Верещагинъ сказалъ ей, чтобы она не безпокоилась о немъ, потому-что Ключарёвъ принялъ его подъ свое покровительство.» Изъ бумагъ Верещагина открыли, что онъ былъ воспитанъ мартинистомъ, уроженцемъ изъ Силезіи [1]).

Что касается до показанія Верещагина, что онъ переводилъ документы изъ польской газеты, то его не находится въ слѣдствіи по этому дѣлу, изъ котораго не видно такъ же — зналъ-ли онъ или нѣтъ польскій языкъ. Но изъ приведенныхъ словъ графа Ростопчина видно, что онъ не считалъ Верещагина сочинителемъ этихъ бумагъ. Для того, чтобы доискаться отъ кого онъ получилъ эту бумагу или иностранную га-

---

[1]) Іюня 30-го, 1812 г., графъ Ростопчинъ писалъ комитету министровъ: «въ комнатѣ его найденъ портретъ императора Наполеона, въ богатой рамѣ, книга съ портретами французскихъ генераловъ и оставшаяся послѣ смерти его учителя рукописная тетрадь по нѣмецки, коя была запрещена и отбираема въ царствованіе императрицы Екатерины II-й во время разбирательства дѣла о мартинистахъ, и листокъ, на коемъ прокламація начерно написана.»

зету, изъ которой ее перевелъ, онъ и отправилъ его какъ бы на очную ставку съ чиновниками газетной экспедиціи почтамта. Объ этомъ своемъ распоряженіи онъ своевременно довелъ и до свѣдѣнія князя Салтыкова, слѣдующимъ письмомъ:

«Изъ донесенія моего по министерству полиціи къ главнокомандующему въ Петербургѣ (С. К. Вязмитинову, исправлявшему должность Балашева въ его отсутствіе) ваше сіятельство усмотрѣть изволите, какое злое намѣреніе имѣлъ купецъ Верещагинъ и посему съ кѣмъ *онъ могъ имѣть* сношенія и связи, при слѣдствіи сего дѣло открылось весьма странное. Когда полиціймейстеръ Дурасовъ посланъ былъ въ почтамтъ для узнанія и изобличенія того, кто ему, по словамъ его, далъ газету, съ коей онъ будто сдѣлалъ переводъ, то почтамтскій экзекуторъ Дружининъ грубымъ образомъ не пустилъ полиціймейстера въ газетную, объявя, что безъ воли почтъ-директора полиція быть допущена не можетъ. Потомъ самъ г. Ключарёвъ объяснилъ, что должно съ нимъ спрашиваться и, узнавъ что Дурасовъ привезъ съ собою Верещагина узнавать кто ему далъ газеты, вошолъ въ разговоръ и взялъ Верещагина въ другую комнату, былъ съ нимъ тамъ на единѣ. Вышедъ вонъ говорилъ, что я вѣрно, изъ уваженія къ молодости Верещагина, прощу ему его вину и что его дарованія могутъ быть употреблены съ пользою. По возвращеніи Верещагина изъ почтамта, онъ не переставалъ увѣрять, что онъ сочинилъ прокламацію самъ и безъ всякаго совѣта.

На другой день, когда оберъ-полиціймейстеръ ѣздилъ къ Верещагину въ домъ обыскивать, то по окончаніи, шедши мимо мачихи, онъ ей что-то тихо сказалъ. Мачиха объявила, что онъ ей шепнулъ: «не безпокойтесь, за меня Ѳедоръ Петровичъ Ключарёвъ вступится». Я писалъ къ г. Ключарёву: не имѣетъ-ли онъ какого предписанія отъ начальства, чтобъ не допускать полицію исполнять повелѣнія начальниковъ Москвы? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что «приказаній особыхъ нѣтъ; но что управляемый имъ почтамтъ исполняетъ требованія по его приказанію. Я прошу ваше сіятельство удостоить вниманіемъ содержаніе этого письма и потомъ рѣшить можетъ-ли при теперешнихъ обстоятельствахъ Ключарёвъ занимать мѣсто почтъ-директора въ Москвѣ? [1])

Сочинилъ-ли Верещагинъ эту бумагу или перевелъ изъ иностранной газеты или получилъ готовую изъ другихъ рукъ для распространенія въ народѣ, для графа Ростопчина было все равно. Въ его глазахъ онъ былъ — орудіе масоновъ или мартинистовъ, какъ онъ ихъ называлъ, а мартинисты, по его мнѣнію, были крайне опасны и особенно въ это время. Эту мысль онъ и выразилъ прямо императору въ письмѣ отъ

---

[1]) Письмо къ князю Салтыкову отъ 30-го іюня 1812 года.

того же числа, когда писалъ къ князю Салтыкову. «Изъ моего донесенія министру полиціи Вы усмотрите, Государь, писалъ онъ, какого я откопалъ (j'ai déterré ici) здѣсь злодѣя. Это открытіе успокоило тѣхъ, которые вообще легко пугаются. Я знаю, Государь, и Ваше милосердіе и Вашу ангельскую доброту и что Вы прощаете оскорбленія, лично Вамъ нанесенныя, будучи слишкомъ велики, чтобы оскорбляться ими; но сочинитель прокламаціи отъ имени врага отечества и въ началѣ войны есть измѣнникъ. Такъ онъ будетъ судимъ и наказанъ по закону. Его примѣръ заставитъ задуматься тѣхъ, которые захотѣли бы подражать ему. Этотъ негодяй, которому только двадцать три года, былъ воспитанъ въ домѣ своего отца силезцемъ Клейномъ, великимъ масономъ и мартинистомъ, что доказываютъ сочиненія и книги, оставшіеся послѣ его смерти. Поведеніе г. Ключарёва во время изслѣдованій производившихся въ почтамтѣ, тайный разговоръ его съ преступникомъ, обѣщаніе, которое онъ ему далъ, что будетъ его покровителемъ и т. п. все это должно Васъ убѣдить, Государь, что мартинисты — суть Ваши враги скрытые, отъ которыхъ умышленно было отклонено Ваше вниманіе. Не дай Богъ, чтобы случилось какое-нибудь волненіе въ народѣ, въ такомъ случаѣ я напередъ отвѣчаю, что эти лицемѣры выкажутся открытыми злодѣями. Они прикрываются маскою смиренья, чтобы работать для произведенія безпорядковъ.»

Графъ Ростопчинъ, вполнѣ убѣжденный въ преступныхъ замыслахъ и тайныхъ козняхъ московскихъ масоновъ, постоянно искавшій и конечно не находившій случая придраться къ нимъ, сердившійся на то, что никакая его попытка противъ нихъ не удается, безъ сомнѣнья былъ чрезвычайно обрадованъ, когда узналъ изъ показанія Верещагина, что онъ получилъ иностранную газету, съ которой сдѣлалъ свой переводъ, отъ сына почтъ-директора Ключарёва, одного изъ представителей московскаго масонства. Онъ думалъ уже, что держитъ въ своихъ рукахъ конецъ нитки, который дастъ ему возможность удачно размотать цѣлый клубокъ обширнаго заговора и доказать свою проницательность, какъ государственнаго человѣка, и ловкость, какъ администратора, и въ то время, когда войска спасаютъ ее отъ внѣшняго врага, спасти ее и отъ врага внутренняго. Но эта нить обрывается въ его рукахъ: Верещагинъ отказывается при допросахъ отъ перваго своего показанія и упорно устраняетъ всякія сношенія свои съ Ключарёвымъ. Чтобы доказать ихъ, графъ Ростопчинъ придумываетъ посылку его въ почтамтъ, вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ. Экспедиція иностранныхъ газетъ, въ которую хотѣлъ Дурасовъ ввести Верещагина внезапно, не только безъ позволенія, но даже и безъ вѣдома начальника почтамта, считалась *секретною*. Поэтому весьма естественно, что начальникъ экспедиціи не могъ допустить его къ тому и еще естественнѣе, что на рѣзкой за-

просъ графа Ростопчина почтъ-директоръ Ключарёвъ отвѣчалъ, что почтамтъ не иначе исполняетъ всѣ требованія какъ по его распоряженію, какъ начальника. Но это новое препятствіе къ открытію мнимаго заговора мартинистовъ раздражило графа Ростопчина еще болѣе противъ Верещагина. «Молодой Верещагинъ, писалъ онъ комитету министровъ, 23-хъ лѣтъ, съ новымъ просвѣщеньемъ, обращался всегда въ обществѣ распутныхъ людей по большей части иностранныхъ, и въ трактирахъ возростилъ онъ сѣмя злодѣйства, въ душѣ его посѣянное. Трудно сыскать человѣка въ его лѣта столь нечувствительнаго, непокорнаго и затвердѣвшаго въ порокѣ. Появленіе этой гнусной бумаги произвело и безпокойство и новое *ожесточеніе противъ Наполеона*... Я предалъ его суду по всей строгости законовъ и достойное наказаніе его за тяжкое преступленіе прекратитъ волненіе и толки, и, обнаруживъ сочинителя, отниметъ все дѣйствіе и силу у его сочиненія» [1]).

Комитетъ министровъ положилъ: «списокъ съ прокламаціи и письмо представить Его Величеству, а графу Ростопчину написать, чтобы онъ судъ надъ Верещагинымъ велѣлъ кончить во всѣхъ мѣстахъ безъ очереди и, *не приводя* окончательнаго рѣшенія въ *исполненіе*, представилъ бы оное къ министру юстиціи для доклада Государю Императору. Верещагина же между-тѣмъ держать подъ наикрѣпчайшимъ присмотромъ [2]).

Не получая ни со стороны министра полиціи, ни со стороны князя Салтыкова и комитета министровъ никакихъ распоряженій въ отношеніи къ Ключарёву, онъ самовольно выслалъ его въ Владиміръ, а Дружинина, какъ преступника, въ Петербургъ.

Графъ Ростопчинъ понималъ, что дѣло о Верещагинѣ не можетъ производиться иначе какъ законнымъ порядкомъ, то-есть пройти черезъ рядъ судебныхъ инстанцій, какъ онъ и писалъ Государю. Поручивъ окончательно допросить подсудимыхъ и сдѣлать о нихъ повальный обыскъ, онъ велѣлъ внести слѣдствіе въ надворный судъ. Въ повальномъ обыскѣ о Верещагинѣ изъ восьми человѣкъ, четверо показали, что «онъ напередъ сего въ худыхъ поступкахъ не замѣченъ», а остальные отозвались незнаньемъ. О Мѣшковѣ 24 человѣка показали, что «онъ поведенія и *состоянія* хорошаго». Верещагинъ упорно оставался при своихъ показаньяхъ. Было ли это упорство слѣдствіемъ разговора его съ Ключарёвымъ, какъ предполагалъ графъ Ростопчинъ, на покровительство котораго онъ надѣялся, или этотъ разговоръ только подкрѣпилъ его личную рѣшимость не выдавать другихъ и *всю* вину принять на себя, ка-

---

[1]) Отношеніе графа Ростопчина комитету министроръ, отъ 30-го іюня 1812 года.

[2]) Журналъ комитета, отъ 2-го іюля, и отношеніе къ графу Ростопчину, отъ 6-го іюля 1812 года.

жется нѣтъ нужды доискиваться. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что Верещагинъ дѣйствовалъ какъ честный молодой человѣкъ и не желалъ, чтобы за простую неосторожность съ его стороны, вышедшую къ несчастію на видъ, пострадали другіе, совершенно невинные люди. Но графу Ростопчину однако же весьма хотѣлось ускорить ходъ этого дѣла и покончить его поразительнымъ способомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ приведеннаго нами письма онъ написалъ другое къ Государю: «открытіе сочинителя такъ называемой рѣчи Наполеона къ государямъ Рейнскаго Союза заставило меня послать нарочнаго, чтобы испросить повелѣнія Вашего Императорскаго Величества. Мнѣ не предстоитъ необходимости увеличивать преступленіе этого человѣка, ни указывать на необходимость ужасающаго примѣра (d'un exemple effrayant) для народа и особенно для нѣкоторыхъ тайныхъ злодѣевъ. Этотъ Верещагинъ сынъ купца и записанъ вмѣстѣ съ отцомъ во вторую гильдію, которая избавлена отъ тѣлесныхъ наказаній. Судъ надъ нимъ въ низшихъ инстанціяхъ не можетъ быть продолжителенъ; но дѣло поступитъ въ сенатъ и затянется. Между тѣмъ необходимо, чтобы приговоръ исполненъ былъ какъ можно скорѣе, въ виду важности преступленія, волненій въ народѣ и сомнѣній въ обществѣ. Осмѣливаюсь предложить Вашему Императорскому Величеству способъ, который можетъ согласовать правосудіе съ Вашимъ милосердіемъ, то-есть предписать мнѣ, чтобы Верещагина повѣсить; но потомъ, заклеймивъ его подъ висѣлицею, сослать въ Сибирь въ каторжную работу. Я постараюсь придать торжественный видъ этому зрѣлищу и до послѣдней минуты никто не будетъ знать, что преступникъ будетъ помилованъ» [1]).

Конечно Императоръ не могъ согласиться на способъ предложенный графомъ Ростопчинымъ; но онъ не отвѣчалъ ему на это письмо уже потому, что получилъ его вѣроятно на пути изъ лагеря при Дриссѣ въ Москву. Всеобщій восторгъ, съ которымъ встрѣченъ былъ Императоръ въ этой столицѣ всѣми сословіями народа, еще менѣе давалъ ему возможности согласоваться съ предложеніемъ графа Ростопчина. Нѣтъ сомнѣнья, что въ бесѣдахъ съ государемъ, онъ повторялъ ему тоже, что писалъ въ своихъ донесеніяхъ объ опасныхъ замыслахъ вообще масоновъ, о Ключарёвѣ въ особенности и о связи съ нимъ Верещагинскаго дѣла; но Государь не допустилъ изъять его изъ общаго законнаго порядка судебнаго производства и ограничился лишь тѣмъ, что дозволилъ графу Ростопчину, когда дѣло поступитъ въ сенатъ, объявить ему Высочайшее повелѣніе, чтобы оно доложено было *внѣ* очереди и рѣшено немедленно.

Такимъ образомъ, въ первой степени суда это дѣло разсматривалось

---

[1]) Письмо отъ 4-го іюля 1812 года, полночь.

магистратомъ, вмѣстѣ съ членами словеснаго суда, потомъ — уголовною палатою, изъ которой поступило въ правительствующій сенатъ въ 6-й департаментъ.

Въ первой инстанціи суда подсудимые были подвергнуты новому допросу (13-го іюля) «при сильнѣйшемъ увѣщаніи отъ священника и присутствія». Подсудимые подтвердили прежнія показанія. Верещагинъ, «по долгу присяги и чистой совѣсти», присовокупилъ, что «о сочиненіи имъ вышеупомянутой рѣчи онъ не говорилъ Мѣшкову, увѣривъ его, что она переведена изъ иностранныхъ газетъ. Мѣшковъ же показалъ, что по этому онъ считалъ эту рѣчь дѣйствительно произнесенною Наполеономъ и сказалъ: это вранье и сбыться не можетъ, полагая, что оною только пугаютъ».

По разсмотрѣніи дѣла, магистратъ, вмѣстѣ съ словеснымъ судомъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе: «купеческаго сына Верещагина, употребившаго пріобрѣтенное науками знаніе къ зловредному противъ отечества своего разсѣянью отъ державы, непріятельствующей къ Россійской Имперіи, лжесоставленнаго имъ сочиненія, за таковое злостное содѣйствіе, какъ государственнаго измѣнника, слѣдовало бы казнить смертію; но, за отмѣненіемъ оной, заклепавъ въ кандалы сослать вѣчно въ каторжную работу въ Нерчинскъ, а сочиненіе истребить. Секретаря же Мѣшкова, признавшаго первоначально вышеупомянутую рѣчь и письмо за пасквильныя, каковыми оные и есть въ самомъ дѣлѣ, но оныя вмѣсто должнаго представленія правительству и пресѣченія тѣмъ въ разсѣяніи зловреднаго противъ Россійской Имперіи сочиненія, давъ списать секретарю Смирнову, за оное, не соотвѣтственное его званію, дѣяніе, какъ сдѣлавшагося нѣкоторымъ образомъ орудіемъ къ разглашенію о томъ законопреступномъ сочиненіи, лиша чиновъ и личнаго дворянскаго достоинства, написать въ военную службу.» Это рѣшеніе состоялось 17-го іюня и въ тотъ же день было представлено на ревизію въ уголовную палату. Первый департаментъ палаты уголовнаго суда съ тою же быстротою разсмотрѣлъ и рѣшилъ это дѣло. Уже 20-го іюля состоялось рѣшеніе и 25-го подписано и отправлено къ московскому главнокомандующему. Хотя палата постановила такой же строгій приговоръ въ отношеніи къ Верещагину, но она сочла однако же нужнымъ развить подробнѣе свои соображенія и подтвердить ихъ указаніями на законы. Собственное признаніе подсудимаго послужило главнымъ основаніемъ обвинительнаго приговора, ибо, по законамъ того времени оно не только признавалось за *полное* доказательство, но и за *лучшее свидѣтельство всего свѣта* [1]).

---

[1]) «Краткое озобрѣніе процессовъ» ч. II, гл. 2, ст. 316. и «Полн. Собр. Зак.», № 3006.

Верещагинъ, сказано въ приговорѣ палаты, «начально при слѣдствіи въ управѣ благочинія, потомъ магистрата въ первомъ департаментѣ, а напослѣдокъ и въ присутствіи сей палаты, признаніе учинилъ, показывая, что онъ ту рѣчь и письмо сочинилъ безъ всякаго злого намѣренія, а единственно изъ вѣтренности мыслей, думая тѣмъ похвастаться, что имѣетъ новость. За таковое важное сочиненіе, столь важный смыслъ представляющее къ возмущенію и подлежало бы его Верещагина по силѣ уложенія, гл. 2-й, 1 и 2 пунктовъ, воинскаго устава 130, 131 и 201 артикуловъ и указовъ 1797 года іюня 5-го, 1762 года іюня 19-го, 1763 года іюня 4-го и на оныя въ подтвержденіе 1773 года апрѣля 5-го—казнить смертію; а указомъ 1754 года сентября 30-го, оная казнь отмѣнена, а повелѣно бити кнутомъ, вырѣзывая ноздри и поставя на лбу и на щекахъ повелѣнныя знаки, ссылать въ тяжкую работу. Но какъ онъ Верещагинъ есть сынъ купца 2-й гильдіи, которая силою городоваго положенія 115 ст. отъ тѣлеснаго наказанія освобождается, а по 94 ст. записаннаго въ гильдіи дѣти, пока отъ родителей не въ раздѣлѣ, свободны отъ особеннаго платежа и ихъ капиталъ почитается семейственный; и по сему какъ гильдія, а по ней и привилегія, есть по капиталу, то палата и полагаетъ: не наказывая тѣлесно, а по основанію того-жъ городоваго положенія 86-й ст. статьи, лишить его Верещагина добраго имени и во исполненіе вышеизображеннаго указа 1754 года и указомъ 1799 г. іюля 31-го, заклепавъ въ кандалы, сослать въ каторжную работу въ Нерчинскъ.» Хотя палата, какъ можно замѣтить изъ приведеннаго рѣшенія, и не предполагала никакого злаго умысла со стороны Верещагина, но постановила такой же строгій приговоръ, какъ и первая инстанція суда, считая *сочиненіе* Верещагина такъ опаснымъ, что оно могло служить вызовомъ къ *возмущенью*. Конечно эта мысль была внушена ей обвинительною властью. Съ тѣхъ поръ какъ распространились по Москвѣ переводы Верещагина рѣчи и письма Наполеона, спокойствіе въ столицѣ нарушаемо не было. Вызванное любовью къ отечеству воодушевленіе всѣхъ сословій русскаго народа во время пріѣзда Государя въ Москву, должно было доказать, что появленіе подобныхъ бумагъ и не могло вызвать никакихъ волненій. Кому извѣстно было, что эти рѣчь и письмо Наполеона не *сочинены*, но переведены только Верещагинымъ, тѣмъ предстояла именно въ это время нравственная обязанность покончить всякой судъ о неважномъ, полицейскомъ проступкѣ и снисходительно отнестись къ молодому человѣку. Зная свойства Императора, едва-ли мы ошибемся предположивъ, что онъ такъ именно и поступилъ бы, если-бъ ему не былъ представленъ этотъ проступокъ въ размѣрахъ совершенно не соотвѣтствовавшихъ дѣйствительности, а именно въ связи съ мнимымъ заговоромъ масоновъ.

Что же касается до палаты, то если бы она и знала, что это не

сочиненіе подсудимаго, а переводъ, то на основаніи законовъ, не имѣвъ права заподозрѣвать *собственное* его *признаніе*, она другого приговора и постановить не могла. Но какъ бы сознавая однако же всю строгость своего приговора къ главному виновнику, она снисходительнѣе оснеслась къ его пособнику и смягчила приговоръ 1-й инстанціи суда въ отношеніи къ Мѣшкову.

«Что жь принадлежитъ до губернскаго секретаря Петра Мѣшкова», продолжаетъ указъ палаты, «который въ своей квартирѣ выпросилъ то сочинненіе у Верещагина и списалъ копію, съ коей для таковаго жь списанія далъ и другому; но что она была фальшиво сочинена Верещагинымъ не признался, и самъ Верещагинъ въ томъ на него не показываетъ, а еще въ присутствіи палаты удостовѣрилъ, что онъ о томъ сочиненіи ему Мѣшкову не говорилъ и онъ о семъ не зналъ, а увѣрилъ его Мѣшкова, что дѣйствительно онъ Верещагинъ перевелъ изъ иностранныхъ газетъ, слѣдовательно его Мѣшкова, за силою указовъ 1763 г. февраля 10-го и 1801 г. сентября 27-го къ предполагаемому магистрата мнѣніемъ, учиненнымъ обще съ членами надворнаго суда, лишенію чиновъ и личнаго дворянства съ написаніемъ въ военную службу, присудить опасно; а за неосторожное его любопытство списаніемъ съ того сочиненія копіи и выпуска въ другія руки ко удержанію впредь отъ онаго, вмѣня ему, по силѣ воинскихъ процессовъ о *оглавленіи приговоровъ въ наказаніяхъ и казняхъ* [1]) по 2 пункту, подъ карауломъ содержаніе, усугубить содержаніемъ же въ смирительномъ домѣ, для чего и препроводить его въ приказъ общественнаго призрѣнія, при сообщеніи, съ тѣмъ чтобъ по срокѣ онъ доставленъ былъ обратно въ сію палату. Когда же присланъ будетъ, тогда наистрожайше ему подтвердить, чтобъ онъ впредь такія вредныя разсѣиванія старался удерживать, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ неизбѣжнаго по законамъ наказанія. Въ чемъ и обязать его подпискою и потомъ освободить, при чемъ и имѣющійся при дѣлѣ аттестатъ и патенты ему, Мѣшкову, выдать съ роспискою. Означенныя жь рѣчь и письмо истребить.»

Этотъ приговоръ состоялся 20-го іюля, а указъ подписанъ 25-го. Менѣе мѣсяца продолжалось это дѣло въ двухъ первыхъ инстанціяхъ, вопреки обычному медленному судебному производству въ это время. Очевидно вліяніе на эти суды московскаго генералъ-губернатора, который поэтому и писалъ Государю, что увѣренъ въ быстромъ рѣшеніи этого дѣла низшими инстанціями и опасается только, что дѣло можетъ затянуться въ сенатѣ. Между-тѣмъ палата обязана была «по силѣ Высочайшаго именнаго указа, какъ сказано въ ея рѣшеніи, состоявшагося

---

[1]) Указаніе невѣрное. (См. «Полн. Собр. Зак.» т. V, № 3006, стр. 410.

1802 года января въ 17-й день [1]), сіе рѣшеніе обще съ дѣломъ и съ учиненными изъ него экстрактами и краткою запискою представить въ благоусмотрѣніе правительствующаго сената».

Этотъ замѣчательный указъ состоялся въ дополненіе [2]) манифеста, уничтожившаго тайную канцелярію, по которому всѣ дѣла, подлежавшія вѣдѣнію этой канцеляріи, подчинялись общему порядку для уголовныхъ дѣлъ установленному. Но, сказано въ указѣ: «какъ дошедшія къ намъ свѣдѣнія открываютъ, что и сія мѣра недостаточна къ отвращенію всѣхъ по сей части недоразумѣній и присутственныя губернскія мѣста могутъ, не различая всей важности сего рода преступленій, подвергать всей строгости законовъ такія слова и дѣянія, кои по обстоятельствамъ, съ ними сопряженнымъ, того не заслуживаютъ»; то чтобы не послѣдовали слишкомъ строгіе приговоры по этимъ дѣламъ, такъ называвшимся по первымъ двумъ пунктамъ, и «велѣно было вносить ихъ непремѣнно въ сенатъ, а ему, по разсмотрѣніи и уваженіи всѣхъ обстоятельствъ, съ мнѣніемъ своимъ доносить Государю и ожидать его утвержденія».

Вслѣдствіе этого закона можно было ожидать отъ сената приговора болѣе снисходительнаго, нежели отъ судовъ первыхъ степеней, что, однако же, вовсе не согласовалось со взглядомъ графа Ростопчина, придававшаго особенно важное значеніе этому дѣлу. Поэтому, кромѣ ускоренія хода дѣла, быть-можетъ и законъ 1802 года былъ одною изъ причинъ, почему ему хотѣлось обойти сенатъ.

Но по дѣйствовавшимъ тогда законамъ [3]) уголовная палата не могла непосредственно перенести дѣло въ сенатъ; но оно предварительно должно было поступить на разсмотрѣніе московскаго главнокомандующаго и съ его отзывомъ перейти въ сенатъ. Графъ Ростопчинъ, съ своей стороны, не задержалъ этого дѣла и съ отзывомъ внесъ его въ сенатъ 1-го августа. Въ донесеніи сенату, при которомъ препроводилъ дѣло о Верещагинѣ, на его разсмотрѣніе, онъ писалъ: «преступленіе Верещагина самоважное и въ томъ случаѣ, если бы онъ только перевелъ прокламацію и рѣчь Наполеона; но какъ онъ есть сочинитель сей дерзкой бумаги и писалъ ее именемъ врага Россіи, то мнѣніе мое есть: Верещагина наказать кнутомъ, отослать вѣчно въ Нерчинскъ въ работу». Не говоря о Мѣшковѣ и, слѣдовательно, соглашаясь съ рѣшеніемъ уголовной о немъ палаты, графъ Ростопчинъ предлагаетъ сенату усилить постановленное палатою наказаніе Верещагину, а именно: прежде ссылки

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XXVII, № 20113.

[2]) Тамъ же, т. XXVI, № 19813, 1801 г. 2-го апр.

[3]) «Учрежд. о губерніяхъ», 1775 г. 7-го ноября, ст. 113, «Полн. Собр. Зак.», т. XX, № 14392, т. XXVII, № 20745, 1803 г. мая 4; ср. Св. Зак. т XV, ч. II, ст. 439.

въ каторжную работу наказать его кнутомъ. Въ письмѣ къ Государю отъ 4-го іюля онъ считалъ его, какъ сына купца 2-й гильдіи, по закону изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія; но, впослѣдствіи, очевидно, перемѣнилъ свое мнѣніе. Сверхъ того онъ представилъ вниманію сената новое обстоятельство, которое до сихъ поръ не было въ *виду*. «Когда купецъ Верещагинъ, писалъ онъ, при допросѣ упорно стоялъ въ томъ, что рѣчь и письмо императора Наполеона онъ перевелъ съ нѣмецкой газеты, сказывая сперва, что ее поднялъ близъ Кузнецкаго моста, потомъ получилъ отъ сына г. Ключарёва и, наконецъ, отъ одного почтамтскаго чиновника въ газетной, гдѣ будто ее и переводилъ, я послалъ его изъ своего дома съ полиціймейстеромъ, полковникомъ Дурасовымъ, въ почтамтъ для отысканія тамъ того, кто ему, по словамъ его, далъ газету. По пріѣздѣ въ почтамтъ, полиціймейстеръ Дурасовъ не былъ допущенъ въ газетную комнату, куда всѣ входятъ, какимъ-то надворнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Дружининымъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ почтамтѣ ничто, безъ особливаго повелѣнія г. почтъ-директора, не исполняется. Потомъ онъ былъ допущенъ съ Верещагинымъ и передъ лицо его самого. Г. почтъ-директоръ, объявя и тутъ полиціймейстеру, что безъ его приказанія ничто въ почтамтѣ не дѣлается и узнавъ о причинѣ его пріѣзда, по важности дѣла, взялъ Верещагина въ другую комнату, былъ съ нимъ довольно долго на единѣ и, вышедъ, говорилъ полиціймейстеру, что Верещагинъ достоинъ сожалѣнія и что его дарованія съ пользою употреблены быть могутъ. Потомъ, когда оберъ-полиціймейстеръ и кавалеръ Ивашкинъ ѣздилъ съ Верещагинымъ въ домъ его отца для обыска бумагъ, то Верещагинъ, проходя мимо своей мачихи, сказалъ ей на ухо: «не бойтесь, за меня Ѳедоръ Петровичъ вступится», что и подтвердилъ».

«Не присовокупляя къ сему показанію своего мнѣнія», какъ сказано въ рѣшеніи сената, графъ Ростопчинъ довелъ только до свѣдѣнія сенаторовъ о поступкѣ Ключарёва, и въ то же время объявилъ, что дѣло о Верещагинѣ Государь Императоръ приказалъ рѣшить немедленно и безъ очереди.

Изъ этого донесенія сенату очевидно, что графъ Ростопчинъ настаиваетъ на томъ, что Верещагинъ сочинилъ письмо и рѣчь Наполеона и потому виновенъ еще болѣе, нежели въ томъ случаѣ, если бы онъ только ихъ перевелъ. Но почему же онъ счелъ нужнымъ довести до *свѣдѣнія* сената о поступкѣ Ключарёва именно при этомъ случаѣ? Невозможно предположить, чтобы онъ не зналъ, что этотъ поступокъ могъ быть предметомъ особаго дѣла, которое, безъ слѣдствія и рѣшенія въ низшихъ инстанціяхъ суда, не могло подлежать разсмотрѣнію сената и что поэтому сенатъ не можетъ войти въ его разсмотрѣніе и постановить рѣшеніе. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что

о посылкѣ Верещагина въ сопровожденіи полицеймейстера въ почтамтъ, нѣтъ указаній въ слѣдствіи, представленномъ въ первыя инстанціи суда и они не имѣли его въ виду, постановляя свои рѣшенія. Объ этой посылкѣ извѣщалъ графъ Ростопчинъ Государя и князя Салтыкова въ письмахъ отъ 30-го іюня и въ то же время комитетъ министровъ, но, не получивъ отвѣта, вѣроятно желалъ оправдать свои дѣйствія въ отношеніи къ высылкѣ Ключарёва изъ Москвы.

Неудача, естественно слѣдующая за дѣйствіями администраціи, вѣрующей въ свою прозорливость и преслѣдующей созданные въ воображеніи призраки, поставила графа Ростопчина въ странное положеніе. Того, что онъ желалъ открыть, онъ не открылъ, и должень былъ настаивать на томъ, что считалъ самъ невѣрнымъ и что было дѣйствительно несправедливо, то-есть что молодой Верещагинъ сочинилъ рѣчь и письмо Наполеона. Данный имъ ходъ дѣла поставилъ его въ необходимость усиливать вину и требовать жестокаго наказанія почти невиннаго молодаго человѣка. Между-тѣмъ онъ поступалъ такъ, хотя и увлекаемый страстью по свойству его природы, но нисколько не кривя душою.

Едва-ли мы ошибемся, предположивъ, что Верещагина, какъ *переводчика*, онъ готовъ бы былъ защитить и даже простить, если бъ удалось ему подвергнуть всей карѣ правосудія тѣхъ опасныхъ заговорщиковъ, которыхъ, по его мнѣнію, онъ былъ только орудіемъ. Онъ полагалъ, что одно упорство Верещагина отняло у него возможность сдѣлать это важное открытіе и поэтому, въ его глазахъ, онъ представлялся закоренѣлымъ злодѣемъ, который достоинъ жестокой кары. Поэтому въ донесеніи сенату, вопреки собственной увѣренности, онъ выдаетъ его *сочинителемъ* этихъ бумагъ и потому считаетъ его преступленіе *самоважнымъ*. Но, увлекаясь своей главной цѣлью—раскрыть заговоръ мартинистовъ, онъ представляетъ сенату о поступкѣ Ключарёва, не замѣчая, что тѣмъ самымъ даетъ ему поводъ заподозрить правильность мнѣнія его самого о поступкѣ Верещагина и возбуждаетъ мысль, что онъ не былъ сочинителемъ этихъ документовъ. Конечно, если сенатъ и обратилъ вниманіе на это обстоятельство, то не остановился на немъ. *Собственное признаніе* Верещагина послужило основаніемъ и для приговора сената, какъ и слѣдовало по закону. За собственнымъ признаніемъ, волею или неволею, но такъ удобно пряталась совѣсть судей, что на нихъ даже не долженъ упасть укоръ исторіи.

Правительствующій сенатъ 19-го августа постановилъ по этому дѣлу слѣдующее рѣшеніе:

«Подсудимый по сему дѣлу московскаго второй гильдіи купца Николая Верещагина сынъ Михаилъ Верещагинъ изобличенъ и самъ признался въ составленіи пасквильнаго сочиненія, написаннаго дерзкими выраженіями противъ Россійскаго государства. Выпустивъ въ публику

таковое сочиненіе, написанное имъ, Верещагинымъ, отъ имени врага Россіи, оказалъ онъ себя, Михаилъ Верещагинъ, измѣнникомъ отечеству своему, за каковое преступленіе, по силѣ узаконеній уложенія 2-й гл. 2-го пункта, воинскихъ артикуловъ—131-го и указа 1762 года іюня 19-го дня, онъ, Михаилъ Верещагинъ, подлежитъ смертной казни; но какъ таковая казнь указомъ 1754 года сентября 30-го дня отмѣнена, да и отъ означеннаго пасквиля *ни малѣйшаго вреда* не послѣдовало и потому (что) онъ, Верещагинъ, по дѣлу не изобличается въ томъ, чтобы *намѣренъ* былъ причинить означеннымъ пасквилемъ каковой-либо *вредъ*, а написалъ оный, какъ самъ показываетъ, единственно изъ вѣтренности мыслей, желая похвастаться новостью, каковое показаніе его обстоятельствами дѣла не опровергается, то, на основаніи городоваго положенія 86 ст., лиша его, Михаила Верещагина, добраго имени, согласно мнѣнію генерала отъ инфантеріи, главнокомандующаго въ Москвѣ, сенатора и кавалера графа Ѳедора Васильевича Ростопчина, наказать его, Верещагина, кнутомъ двадцатью пятью ударами, потомъ, заклепавъ въ кандалы, сослать въ каторжную работу въ Нерчинскъ. Сочиненный же имъ, Верещагинымъ, и писанный его рукою пасквиль публично сжечь чрезъ палача, подъ висѣлицею. Губернскаго секретаря Мѣшкова, списавшаго то дерзкое сочиненіе и сдѣлавшагося орудіемъ къ распространенію онаго по разнымъ рукамъ, лиша чиновъ и соединеннаго съ оными дворянскаго достоинства, написать въ солдаты, а буде окажется неспособнымъ къ военной службѣ, то сослать въ Сибирь на поселеніе. А какъ московской палаты уголовнаго суда 1-й департаментъ не присудилъ преступника Михаила Верещагина къ тѣлесному наказанію, заключая неосновательно, будто бы дѣти купцовъ первой и второй гильдій избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, о чемъ нѣтъ въ законахъ постановленія, то за сіе сдѣлать оному департаменту строгій выговоръ, чтобы впредь рѣшенія свои основывалъ на словахъ закона.

«Въ рапортѣ г. главнокомандующаго въ Москвѣ, при которомъ онъ представилъ дѣло въ правительствующій сенатъ, описаны неблаговидные поступки г. московскаго почтъ-директора Ключарёва, оказанные имъ при изслѣдованіи полиціи, при означенномъ преступленіи купеческаго сына Верещагина, каковые подозрительные поступки его, г. Ключарёва, при настоящихъ обстоятельствахъ, обращаютъ особенное на себя вниманіе; а потому правительствующій сенатъ и полагаетъ, чтобы объ оныхъ строжайше изслѣдовать и потомъ сужденіе учинить на основаніи законовъ.»

Всѣ инстанціи суда основывали свои приговоры на дѣйствовавшихъ законахъ и даже считали нужнымъ, какъ бы въ оправданіе строгихъ приговоровъ, указать и на законы отмѣненные, на основаніи которыхъ приговоры должны бы состояться еще болѣе строгіе. Но въ толкованіи

законовъ между низшими инстанціями и сенатомъ произошло разногласіе. Магистратъ и уголовная палата полагали, что по законамъ дѣти купцовъ первой и второй гильдіи изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, сенатъ наоборотъ полагалъ, что они подлежатъ этимъ наказаніямъ и потому приговорилъ, согласно съ мнѣніемъ графа Ростопчина, наказать Верещагина кнутомъ, а палатѣ сдѣлать строгій выговоръ за неправильное толкованіе законовъ. Которое же изъ этихъ учрежденій правильнѣе понимало дѣйствующіе законы? Подлежали ли тѣлеснымъ наказаніямъ дѣти купцовъ первой и второй гильдіи? На основаніи указа 1802 года, рѣшеніе сената не могло быть окончательнымъ и выразиться въ видѣ указа, а потому только въ видѣ *доклада* оно препровождено было имъ къ министру юстиціи для представленія Государю, однимъ словомъ *не могло* считаться рѣшоннымъ, по которому слѣдовало только привести въ исполненіе окончательный приговоръ. Въ такомъ положеніи оно находилось 2-го сентября, когда графъ Ростопчинъ велѣлъ рубить палашами молодого Верещагина своимъ ординарцамъ и потомъ бросить трупъ несчастнаго на растерзаніе буйной толпы остававшихся въ Москвѣ бездомныхъ и большею частію пьяныхъ гулякъ. Какъ самовольно онъ предалъ смерти не окончательно обвиненнаго судомъ Верещагина, такъ же самовольно онъ простилъ приговореннаго уже судомъ къ тѣлесному наказанію и ссылкѣ француза-берейтора Мутона.

Дѣло о Верещагинѣ окончательно рѣшено было только въ концѣ 1814 года. Между-тѣмъ вѣсть о злосчастной участи Верещагина распространилась повсюду и достигла до Петербурга. Разсматривать дѣло о немъ, чинить приговоръ надъ убитымъ, безъ сомнѣнія, казалось весьма страннымъ и эта странность прежде всего должна была броситься въ глаза министру юстиціи. Онъ поручилъ московскому губернскому прокурору сдѣлать дознаніе, а въ то же время обратиться съ вопросомъ о Верещагинѣ и къ графу Ростопчину.

На этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ И. И. Дмитріеву слѣдующимъ письмомъ изъ Владиміра: «Письмо вашего превосходительства я имѣлъ честь получить, приложенный же пакетъ на имя московскаго губернскаго прокурора ему доставленъ. Московскіе суды находятся частію въ Нижнемъ-Новгородѣ, частію въ Муромѣ. Сегодня получено здѣсь первое извѣстіе о опорожненіи Москвы непріятелемъ; я отправилъ уже туда полицейскую команду и оберъ-полиціймейстера для возобновленія порядка и тишины. Чрезъ нѣсколько дней отправлюсь и самъ вслѣдъ за ними и учрежду по возможности присутственныя мѣста и суды. Если же причиненныя непріятелемъ разоренія не позволятъ сіе выполнить, то отнесусь къ вамъ, для испрошенія у Государя Императора приказанія, въ которомъ изъ окружныхъ городовъ московскимъ судамъ открыть свои засѣданія. Что же касается до Верещагина, то *измѣнникъ* сей и

государственный преступникъ былъ, предъ самымъ вшествіемъ злодѣевъ нашихъ въ Москву, преданъ мною столпившемуся *передъ нимъ* народу, который, видя въ немъ гласъ Наполеона и предсказателя своихъ несчастій, сдѣлалъ изъ него жертву справедливой своей ярости» [1]).

Вслѣдъ затѣмъ отвѣчалъ министру юстиціи и московскій губернскій прокуроръ Желябужскій. Онъ писалъ, что «узналъ отъ московскаго главнокомандующаго, что онъ, исполнясь патріотической горести объ участи Москвы, симъ преступникомъ предвѣщанной, и опасенія, чтобы онъ *не избѣгнулъ* какъ-нибудь отъ достойнаго наказанія, отдалъ его въ день оставленія Москвы для *наказанія* народу, который, отъ горести и отчаянія, почелъ его недостойнымъ жить и предалъ смерти» [2]).

Приведенныя строки изъ донесенія Желябужскаго въ общемъ смыслѣ совершенно согласны съ тѣмъ, что самъ графъ Ростопчинъ писалъ И. И. Дмитріеву, конечно, потому, что московскій прокуроръ сообщалъ свѣдѣнія, полученныя имъ лично отъ самого графа Ростопчина. Изъ этихъ свѣдѣній выходитъ, что въ день вступленія въ Москву, передъ самымъ этимъ происшествіемъ, скопились большія толпы народа *передъ Верещагинымъ,* котораго считали измѣнникомъ (гласомъ Наполеона) и предвѣщателемъ своихъ бѣдствій, что сочувствуя въ этомъ случаѣ народу и опасаясь, чтобы Верещагинъ не избѣжалъ какъ-нибудь достойнаго наказанія, онъ выдалъ его народу, который и убилъ его.

Эти свѣдѣнія существенно не согласны съ обстоятельствами самаго происшествія, разсказаннаго уже нами преимущественно словами самого же графа Ростопчина, а потому мы считаемъ нужнымъ остановиться на этихъ свѣдѣніяхъ съ особеннымъ вниманіемъ. Основываясь на нихъ, возможно придти къ такому заключенію, что разъярённый на Верещагина народъ какъ бы вынудилъ графа Ростопчина выдать ему преступника. Онъ выдалъ его, подавляемый грустью о сдачѣ Москвы безъ боя и опасаясь, чтобы онъ какъ-нибудь *не избѣгъ* наказанія.

Прежде всего мы считаемъ долгомъ смыть это кровавое пятно съ русскаго *народа*. Какой могъ быть *народъ* въ это время въ Москвѣ? въ этотъ день, по выраженію современника, вся Москва — была за Москвою [3]). По свидѣтельству самого графа Ростопчина, въ ней оставалось весьма незначительное число жителей и «это малое число жителей, оставшихся въ городѣ, сидѣли запершись въ домахъ, удерживаемые страхомъ и неизвѣстностью» [4]), что весьма естественно. Кто же начиналъ уже буйствовать на улицахъ оставляемой непріятелю Москвы?

---

[1]) Письмо 13-го октября 1812 года, изъ Владиміра.

[2]) Донесеніе прокурора Желябужскаго отъ 16-го октября 1812 года.

[3]) «Записки о 1812 годѣ» С. Н. Глинка, стр. 71.

[4]) «Правда о пожарѣ Москвы», изд. Смирдина, стр. 231 и 281.

Въ каждомъ большомъ и значительно-населенномъ городѣ, особенно въ каждой столицѣ, найдется немалое число негодяевъ, праздныхъ гулякъ, промышляющихъ чужимъ добромъ и готовыхъ на всякое преступленіе. За отсутствіемъ уже всякаго правительственнаго надзора и управленія въ Москвѣ въ это время, они-то и выступили наружу. Воззваніе графа Ростопчина на Три Горы, обѣщаніе снабдить ихъ оружіемъ изъ арсенала и вести ихъ на бой съ непріятелемъ и дало имъ законный поводъ столпиться около дома московскаго главнокомандующаго. Быть-можетъ тотъ же поводъ привлекъ къ этой толпѣ и нѣсколько лицъ лучшаго качества, но они составляли исключеніе въ этой толпѣ, дополненной только-что выпущенными изъ *ямы* неоплатными должниками и плутами, и колодниками изъ тюрьмы. Но развѣ это *народъ?* Развѣ столпился онъ *передъ* Верещагинымъ?

Едва-ли эта толпа и знала, что въ это время Верещагинъ находился, вмѣстѣ съ Мутономъ, въ домѣ московскаго главнокомандующаго.

Графъ Ростопчинъ говоритъ въ своихъ запискахъ о 1812 годѣ, что Мутонъ и Верещагинъ «содержались въ долговой тюрьмѣ и ихъ позабыли отправить изъ Москвы вмѣстѣ съ 730-ю колодниками Московской губерніи и другихъ, занятыхъ непріятелемъ. Они были отправлены изъ большой тюрьмы три дня тому назадъ въ Нижній-Новгородъ. Человѣкъ съ двадцать, содержавшихся въ долговой тюрьмѣ, я велѣлъ выпустить на свободу и имъ отперли двери. Ихъ кредиторовъ уже не было въ Москвѣ и обстоятельства не благопріятствовали платежу долговъ». Хотя и трудно предполагать, чтобы могли *позабыть* именно о Верещагинѣ и Мутонѣ; но во всякомъ случаѣ это возможно, когда и колодниковъ не всѣхъ отправили изъ Москвы, при той тревогѣ и суетѣ, которая господствовала въ ней въ это время. Такимъ образомъ графъ Ростопчинъ случайно очутился лицомъ къ лицу съ этими подсудимыми во время оставленія имъ Москвы. Можетъ-быть, что онъ узналъ, что Верещагинъ находился въ Москвѣ не ранѣе вечера 1-го сентября, когда получилъ увѣдомленіе отъ князя Кутузова объ оставленіи имъ Москвы и дѣлалъ послѣднія свои распоряженія. Конечно, и въ это даже тревожное время въ его распоряженіи нашлось бы достаточно способовъ препроводить куда-нибудь изъ Москвы одного или двухъ человѣкъ подсудимыхъ и тѣмъ лишить ихъ возможности *избѣжать* наказанія, если бы онъ могъ дѣйствовать хладнокровно. Но ни обстоятельства времени, ни личный характеръ графа Ростопчина не благопріятствовали такому образу дѣйствій. Раздраженный противъ князя Кутузова, чувствовавшій свою дѣятельность при такихъ важныхъ обстоятельствахъ неудавшеюся и стоя лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго считалъ одною изъ главныхъ причинъ этой неудачи, помѣшавшимъ ему открыть заговоръ, несуществовавшій въ дѣйствительности, но въ существованіе котораго онъ

страстно вѣрилъ. Страсть взяла верхъ надъ чувствомъ справедливости и состраданія и графъ Ростопчинъ поставилъ исторію въ печальную необходимость назвать его главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ убійствѣ Верещагина!

Такое происшествіе само по себѣ и по той извѣстности въ Россіи личности графа Ростопчина и по тому сочувствію, которымъ онъ пользовался въ это время, естественно сдѣлалось предметомъ толковъ и разсказовъ. Они разнообразны въ подробностяхъ, но сходны между собою въ общихъ чертахъ и многіе дошли и до нашего времени.

Разсказъ одного изъ очевидцевъ приводитъ въ своихъ запискахъ Бестужевъ-Рюминъ. «Въ 8 часовъ утра (2-го сентября), говоритъ онъ, стали сходиться въ вотчинный департаментъ сената чиновники и приказно-служители. Я имѣлъ, какъ начальникъ ихъ, справедливую причину выговаривать нѣкоторымъ, почему они, бывъ дежурные и дневальные, не находились въ сію ночь на своихъ мѣстахъ и, за такое ихъ нерадѣніе и пренебреженіе къ службѣ, угрожалъ послать ихъ къ наказанію г. московскому коменданту. Но, бывшій секретаремъ сего департамента, а потомъ и дѣйствительнымъ членомъ онаго, Рыбниковъ, язвительно отвѣчалъ: «Ни коменданта, ни главнокомандующаго Москвою, ни оберъ-полицiймейстера, ни полицейскихъ чиновниковъ — никого уже нѣтъ въ Москвѣ; а вы хотите, чтобы мы были при своихъ мѣстахъ.» И въ самое это время вошедшій въ департаментъ чиновникъ, котораго не помню имени, сказалъ: «Ахъ, Алексѣй Ивановичъ, какой ужасъ я видѣлъ, проходя мимо дома графа Ростопчина, котораго дворъ былъ полонъ людьми, большею частію пьяными, кричавшими, чтобы онъ шолъ на Три Горы предводительствовать ими къ отраженію непріятеля отъ Москвы. Вскорѣ, продолжалъ чиновникъ, на такой зовъ вышелъ и самъ графъ Ростопчинъ на крыльцо и громогласно сказалъ: «подождите, братцы, мнѣ надо еще управиться съ измѣнникомъ!» И тутъ представленъ ему несчастный купеческій сынъ, 20-ти лѣтъ, Верещагинъ, приведенный съ утра изъ временной тюрьмы (ямы), въ тулупѣ на лисьемъ мѣху, и Ростопчинъ, взявъ его за руку, вскричалъ народу: «вотъ измѣнникъ! Отъ него погибаетъ Москва!» Несчастний Верещагинъ, блѣдный, только успѣлъ сказать: «грѣхъ вашему сіятельству будетъ!» Графъ Ростопчинъ махнулъ рукою, и стоявшій близъ Верещагина ординарецъ его Бурдаевъ (нынѣ онъ въ Москвѣ полицейскій чиновникъ: квартальнымъ надзирателемъ), ударилъ его саблею въ лицо. Несчастный палъ, испуская стоны; народъ сталъ терзать его и таскать по улицамъ. Самъ же графъ, воспользовавшись этимъ смятеніемъ, сошолъ съ крыльца и въ заднія ворота дома своего выѣхалъ изъ Москвы на дрожкахъ.»

«Слушая чиновника, разсказывающаго сіе ужасное происшествіе, я душевно страдалъ и, не продолжая болѣе выговоровъ моихъ виновнымъ

чиновникамъ, приказалъ протоколисту сдѣлать журналъ слѣдующаго содержанія: «Такъ-какъ я одинъ цѣлаго присутствія вотчиннаго департамента составлять не могу, а потому и закрываю присутствіе», приказавъ выдать жалованье чиновникамъ не только за истекшій августъ мѣсяцъ, но и за два мѣсяца впередъ, принимая это распоряженіе на собственную отвѣтственность, потому-что 6-й департаментъ сената, который долженъ бы разрѣшить эту выдачу, уже не находился въ Москвѣ» [1]).

Въ этомъ разсказѣ нельзя не замѣтить двухъ теченій мысли: одно, передававшее разсказъ очевидца, другое — придававшее этому разсказу особый смыслъ самимъ Бестужевымъ-Рюминымъ, записавшимъ свои воспоминанія уже послѣ происшествій и негодуя на графа Ростопчина. Имѣлъ-ли онъ причины негодовать на графа Ростопчина, или нѣтъ, объ этомъ рѣчь впереди; но это чувство окрасило весь его разсказъ. Извлекая изъ него только то, что касается до самаго происшествія и устраняя личный на него взглядъ разсказщика, мы видимъ, что въ минуту оставленія Москвы главнокомандующимъ у его дома собралась толпа. Свойство этой толпы придаетъ вѣроятность показанію, что въ ея средѣ было много пьяныхъ. Еще вѣроятнѣе, что изъ нея раздавались голоса, требовавшіе, чтобы графъ Ростопчинъ велъ ихъ на Три Горы, какъ самъ обѣщалъ, драться съ непріятелемъ. Это подтверждаютъ и дальнѣйшія дѣйствія этой толпы. По отъѣздѣ графа Ростопчина и покончивъ свои неистовства съ трупомъ Верещагина, она направилась въ Кремль къ арсеналу, забрала оружіе и вооруженною рукою попыталась встрѣтить непріятельскій авангардъ.

Въ этомъ разсказѣ вовсе не упоминается о Мутонѣ, приговоръ которому графъ Ростопчинъ произнесъ вслѣдъ за приговоромъ Верещагину. Впрочемъ пораженный впечатлѣніемъ кроваваго происшествія, чиновникъ вотчиннаго департамента, проходившій въ это время по Лубянкѣ, мимо дома графа Ростопчина, могъ даже и не замѣтить его. Но между тѣмъ оба эти приговора, очевидно, графъ Ростопчинъ умышленно соединилъ вмѣстѣ: однимъ онъ какъ бы хотѣлъ показать великодушіе, помиловавъ приговореннаго судомъ къ наказанью болтуна-француза, другимъ — строгость правосудія къ русскому юношѣ, еще не осужденному окончательно, но котораго онъ считалъ измѣнникомъ. Изъ его разсказа видно, что это различіе онъ и выразилъ въ сказанномъ имъ передъ народомъ приговорѣ. Онъ довольно подробно говоритъ о томъ, что сказалъ Мутону; но только въ общихъ чертахъ передаетъ свой приговоръ о Верещагинѣ. Разсказъ Бестужева-Рюмина не много дополняетъ ихъ, приводя какъ бы вступительныя выраженья и заключенье.

---

[1]) «Чтенія въ И. Моск. Общ. Ист. и Древн.», 1859, кн. 2-я, отд. V, стр. 85.

Но въ этомъ разсказѣ мы находимъ весьма важное указаніе въ словахъ: «самъ же графъ Ростопчинъ, воспользовавшись общимъ смятеніемъ, сошолъ съ крыльца и въ заднія ворота дома своего выѣхалъ изъ Москвы на дрожкахъ.» Это показаніе повторяется и въ разсказѣ другого очевидца, драгунскаго офицера Гаврилова, у котораго Бурдаевъ былъ вахмистромъ и вмѣстѣ съ нимъ былъ на ординарцахъ при графѣ Ростопчинѣ 2-го сентября. «Въ этотъ послѣдній день тогдашней Москвы, разсказывалъ Гавриловъ въ 1843 году, мы съ Бурдаевымъ дежурили при главнокомандующемъ графѣ Ростопчинѣ, въ его Лубянскомъ домѣ. Съ утра густая толпа народа стеклась на дворѣ и запрудила улицу: шумѣла, гамила и волновалась. Вдругъ Ростопчинъ съ балкона вышелъ къ намъ въ залу и, скоро идя внизъ на крыльцо, со всѣми нами окружающими, велѣлъ вести туда же на дворъ молодого купеческаго сына Верещагина, вытребованнаго съ ранняго утра въ домъ изъ ямы, гдѣ онъ содержался. Прокричавъ на крыльцѣ народу, что Верещагинъ измѣнникъ, злодѣй, губитель Москвы, что его надо казнить, Ростопчинъ закричалъ Бурдаеву, стоявшему подлѣ Верещагина: «руби!». Не ждавши такой грустной сентенціи, онъ оторопѣлъ, замялся и не подымалъ рукъ. Ростопчинъ гнѣвно закричалъ на меня: «вы мнѣ отвѣчаете своею собственною головою!—рубить!». Что тутъ было дѣлать!—не до разсужденій! По моей командѣ: «сабли вонъ!» мы съ Бурдаевымъ выхватили сабли и занесли вверхъ. Я машинально нанесъ первый ударъ, а за мной и Бурдаевъ. Несчастный Верещагинъ упалъ: мы всѣ тутъ же ушли, а чернь мгновенно кинулась добивать страдальца, и, привязавъ его за ноги къ хвосту какой-то лошади, потащила со двора на улицу. Ростопчинъ въ заднія ворота ускакалъ на дрожкахъ» [1]).

Сохранилось еще извѣстіе третьяго лица, также очевидца и притомъ ближайшаго, именно — адъютанта графа Ростопчина, находившагося въ это время при немъ, В. А. Обрѣзкова.

«Когда доложилъ я главнокомандующему, говоритъ онъ, о приводѣ Верещагина изъ острога, графъ приказалъ мнѣ провести его къ главному подъѣзду своего дома, сошолъ съ верхняго этажа на это крыльцо, объявилъ Верещагина стоявшей тутъ толпѣ измѣнникомъ отечества и приказалъ драгунамъ рубить его на смерть палашами. Драгуны замялись, приказаніе повторилось. Удары тупыми неотточенными палашами послѣдовали, но не могли въ скоромъ времени достигнуть цѣли. Ростопчинъ велѣлъ толпѣ докончить заранѣе задуманную имъ казнь за из-

---

[1]) «Чтенія въ Им. Моск. Общ. Исторіи и Древностей», 1866, кн. 4, отд. V. стр. 256—257. Статья Г. Жукова: «Разборъ извѣстій о казни Верещагина».

мѣну и тотчасъ же удалился вмѣстѣ со мною по той же парадной лѣстницѣ въ верхній этажъ дома» [1]).

Сопоставляя эти три разсказа очевидцевъ-свидѣтелей, нельзя не замѣтить, что всѣ они совершенно одинаково передаютъ происшествіе. Но и разсказы самые правдивые никогда не совпадаютъ во всѣхъ подробностяхъ и не могутъ совпадать: таково свойство всякаго личнаго разсказа. Одинъ умолчитъ о подробности, иногда и очень важной, потому-что или память его не сохранила ее, или онъ ее не замѣтилъ, или, наконецъ, сознательно и даже безсознательно не счелъ важною. Въ разсказѣ лица всегда выражается и личное отношеніе къ происшествію. Притомъ преемственный ходъ всякого происшествія, болѣе или менѣе продолжительный въ дѣйствительности, всегда сокращается въ личномъ представленіи, въ личной памяти. Подробность, упущенная однимъ свидѣтелемъ и упомянутая другими, хотя бы и однимъ, не можетъ быть по этому только заподозрѣна въ ея справедливости, если она не противорѣчитъ общему характеру происшествія. Напротивъ, тѣмъ то и драгоцѣнны показанія нѣсколькихъ свидѣтелей и очевидцевъ, что они даютъ возможность, соображая ихъ всѣ вмѣстѣ, вывесть разсказъ изъ среды личнаго воспоминанія на историческую почву. Между-тѣмъ какъ въ томъ случаѣ, когда разсказъ сохранился только въ извѣстіи одного свидѣтеля, послѣдующіе писатели, конечно, могутъ судить о немъ, въ связи съ другими событіями, придавать ему большую или меньшую степень справедливости или вѣроятія; но самый разсказъ происшествія навсегда останется съ личнымъ оттѣнкомъ, какъ воспоминаніе отдѣльнаго лица. Съ балкона-ли своего дома графъ Ростопчинъ произносилъ свой приговоръ надъ Верещагинымъ или съ крыльца? Это повидимому ничтожное обстоятельство, возбудившее однако же сомнѣнія въ послѣдствіи, въ сущности весьма важно и должно было возбудить недоразумѣнія. Если бы онъ говорилъ съ толпой, наполнявшей его дворъ и улицу передъ домомъ, съ балкона, находившагося во второмъ этажѣ дома, то очевидно старался оградить себя отъ ней и опасался ея раздраженья. Въ такомъ случаѣ и выѣздъ его въ заднія вороты дома и, что еще важнѣе, мнѣніе о томъ, что онъ принесъ Верещагина въ жертву «единственно для личнаго своего спасенія», сдѣлались бы однимъ изъ самыхъ вѣроятныхъ предположеній [2]).

Показаніе Гаврилова даетъ возможность въ этомъ случаѣ прослѣдить постепенный ходъ происшествія. Въ ночь съ 1-го на 2-е сентября,

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1870, № 2-й стр. 519, статья Д. Н. Свербѣева «Замѣтка о смерти Верещагина».

[2]) «Чтенія», статьи Г. Жукова, стр. 253.

когда графъ Ростопчинъ велѣлъ снять караулы и выпроводить изъ Москвы полицію, выпущены были и заключенные въ ямѣ. При этомъ доведено было до свѣдѣнія о Верещагинѣ и Мутонѣ, которыхъ онъ и велѣлъ привесть въ свой домъ. Когда Обрѣзковъ доложилъ ему, что ихъ привели, онъ поручилъ ему отвесть ихъ къ главному подъѣзду дома. Идя туда же, онъ вошолъ на балконъ и оттуда, вѣроятно, сказалъ волновавшейся толпѣ: «подождите, братцы, мнѣ надо еще управиться съ измѣнникомъ». Сойдя съ балкона, онъ вошелъ въ залу, гдѣ дожидались его всѣ состоявшія при немъ лица, которыя вмѣстѣ съ нимъ должны были оставить Москву. Сопутствуемый ими, онъ вышелъ на крыльцо.

Общій смыслъ рѣчи, которую онъ держалъ къ Верещагину, одинаково переданъ всѣми свидѣтелями и этотъ смыслъ дѣйствительно инымъ и быть не могъ. Но самыхъ выраженій изъ нихъ никто не передаетъ. Неожиданность поступка и страшная его жестокость не могли не поразить ихъ до такой степени, что имъ и въ умъ не приходило припоминать слова и выраженія, безъ сомнѣнья напередъ обдуманныя, чтобы произвести театральное впечатлѣніе, самимъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Но самъ графъ Ростопчинъ, въ приведенной выше выпискѣ изъ его записокъ, хотя и не передаетъ самыхъ выраженій своей рѣчи, но съ большою подробностію разсказываетъ ея содержаніе. Онъ объявилъ Верещагину, что онъ государственный преступникъ, что его преступленіе тѣмъ болѣе важно, что изъ всего московскаго народонаселенія нашолся, въ его лицѣ, только *одинъ* измѣнникъ отечеству. Мы не позволяемъ себѣ усумниться, что именно въ этомъ смыслѣ говорилъ Верещагину графъ Ростопчинъ, не смотря на то, что его «Записки» писаны имъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ самаго происшествія—не позволяемъ усумниться именно въ силу этого обстоятельства. Неужели вина Верещагина могла бы менѣе быть важна, если бъ нашлись и *другіе* измѣнники? Неужели измѣна одного, безсильнаго, неважнаго, юнаго и не имѣвшаго никакого общественнаго вліянія, человѣка была бы менѣе важна для государства, если бъ онъ былъ не одинъ, а принадлежалъ къ цѣлому разряду лицъ, способныхъ на измѣну отечеству? Очевидно, подобное соображеніе не могло бы прійти на мысль человѣку хладнокровно и обдуманно описывающему событія прошедшаго времени. Въ нихъ слышенъ отголосокъ современности. «Я сказалъ ему, продолжаетъ графъ Ростопчинъ, что сенатъ приговорилъ его къ смерти и приговоръ его долженъ быть исполненъ». Но ни сенатъ, ни судъ какой-нибудь другой степени не могъ приговорить его къ смертной казни, потому-что она давно была вычеркнута изъ русскихъ законовъ. По какому-то непонятному вліянію уголовная палата и сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ упоминаютъ, что слѣдовало бы по старымъ, отмѣненнымъ законамъ присудить Верещагина къ смертной казни; но однако же, дѣйствуя по законамъ, они толь-

ко безъ нужды упоминаютъ объ этомъ, но приговариваютъ Верещагина къ кнуту, каторжной работѣ и ссылкѣ въ Нерчинскъ.

Рѣшеніе сената было очень хорошо извѣстно графу Ростопчину, такъ же какъ и тò, что оно не было окончательнымъ и никакъ не могло быть приведено въ исполненіе безъ утвержденія Государя. Почему же онъ, передъ толпою, состоявшею изъ подонковъ московскаго населенія, которую разогнать едва-ли не было достаточно тѣхъ драгуновъ, которыхъ заставилъ онъ тупыми палашами рубить Верещагина, прибѣгаетъ къ подлогу въ этомъ случаѣ? потому-ли, чтобы возбудить ее на неистовое и противузаконное дѣло, или хотѣлъ онъ оправдать предъ нею и свой поступокъ и тотъ, на который ее вызывалъ? Но если бы приговоръ и былъ окончательный, то могъ ли московскій главнокомандующій сдѣлаться его исполнителемъ и, притомъ, пользуясь возбужденіемъ толпы?

Его собственное показаніе не представляетъ возможности сомнѣваться, что онъ желаетъ выказать себя только исполнителемъ приговора суда. Но какъ такого приговора не было, то и попытка позднѣйшихъ писателей оправдать его дѣйствіе именно этимъ обстоятелствомъ, едва-ли удачна и едва-ли можетъ его оправдывать. Если не оправдать, то объяснить это дѣйствіе могутъ только чрезвычайныя обстоятельства того времени, оставленье Москвы непріятелю, способныя на время затьмить свѣтлый умъ и раздражить и безъ того возмущенныя страсти. Что къ этому средству прибѣгаетъ самъ графъ Ростопчинъ, то это потому, что естественно было прибѣгнуть къ какому-нибудь средству оправдать поступокъ, возбужденный ложнымъ подозрѣніемъ противъ московскихъ масоновъ и исполненный по увлеченію страсти. Онъ къ этому оправданію прибѣгаетъ и въ своихъ «Запискахъ», которыя писаны послѣ происшествія, когда безъ сомнѣнья остыло страстное возбужденіе и когда подозрѣніе въ заговорѣ московскихъ масоновъ того времени и самому ему должно было казаться мыслью по крайней мѣрѣ несообразною съ дѣйствительностію и совершенно невозможною. Но въ это время онъ самъ не прибѣгалъ къ этому средству. Выѣхавъ изъ Москвы и слѣдуя за главною квартирою князя Кутузова, онъ съ дороги писалъ Государю: «Послѣ того, какъ 1-го сентября я отправилъ нарочнаго къ Вашему Императорскому Величеству съ извѣстіемъ о томъ, что Москва оставляется непріятелю, я всю ночь распоряжался, чтобы порохъ былъ потопленъ въ рѣкѣ, бочки съ виномъ разбиты, чтобы архіепископъ вывезъ въ Ярославль чудотворныя иконы, чтобы полиція, чиновники и пожарныя трубы были отправлены во Владиміръ, подъ охраною двухъ эскадроновъ драгуновъ. Ночь прошла довольно спокойно, но утромъ, когда народъ узналъ, что полиція выпровождена и войска прошли черезъ городъ, онъ убѣдился, что участь его рѣшена и что столица обречена въ жертву непріятелю. Множество раненыхъ, которыхъ число простиралось

до 31.000, и мародеры начали уже грабить въ домахъ. Передъ выѣздомъ изъ моего дома, я велѣлъ привесть Верещагина, единственнаго злодѣя, оказавшагося во всей Москвѣ, и, выговоривъ ему его преступленіе, я велѣлъ ему дать три удара саблями. Онъ притворился мертвымъ, но лишь только замѣтилъ, что моя свита удалилась, онъ хотѣлъ убѣжать и попалъ въ толпу народа, которая растерзала его въ клочки, таская по улицамъ тѣло съ криками: «вотъ измѣнникъ нашему батюшкѣ!» [1]) Это письмо подтверждаетъ одну изъ ужасающихъ подробностей этого печальнаго происшествія, засвидѣтельствованную В. А. Обрѣзковымъ, а именно, что удары тупыми, неотточенными саблями драгуновъ не убили Верещагина и толпа добивала его, волоча по улицамъ.

По мѣрѣ того, какъ вѣсть объ этомъ происшествіи распространялась по Россіи, графъ Ростопчинъ падалъ въ общественномъ мнѣніи, которое было-поставило его такъ высоко. Императоръ, безъ сомнѣнія, былъ недоволенъ имъ, но свой упрекъ выразилъ съ свойственною ему мягкостію. «Я бы совершенно былъ доволенъ всѣмъ вашимъ образомъ дѣйствій при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ», писалъ онъ ему въ отвѣтъ на многія письма, уже въ половинѣ ноября, «если бы не дѣло Верещагина или лучше — его окончаніе. Я слишкомъ правдивъ, чтобы говорить съ вами инымъ языкомъ, кромѣ языка полной откровенности. Его казнь была безполезна и притомъ она ни въ какомъ случаѣ не должна была совершиться такимъ способомъ. Повѣсить, разстрѣлять — было бы гораздо лучше» [2]).

На этотъ справедливый и мягко выраженный упрекъ графъ Ростопчинъ отвѣчалъ Императору:

«Позвольте мнѣ, Государь, прежде нежели я признаю себя виновнымъ передъ Вами и передъ самимъ собою, представить Вамъ разсказъ о смерти этого презрѣннаго Верещагина.

«Преступники изъ большой тюрьмы подъ военною охраною были отправлены съ 26-го на 30 августа въ Нижній-Новгородъ. Верещагинъ и одинъ французъ, по имени Мутонъ, проповѣдовавшій бунтъ и присужденный уголовнымъ судомъ къ наказанію кнутомъ, остались въ другой тюрьмѣ, называемой *ямою*. 2-го сентября, въ день когда оставляли Москву въ добычу непріятелю, я велѣлъ Верещагина и Мутона привести ко мнѣ на дворъ и въ то время, когда я садился на лошадь, чтобы выѣхать изъ дому, я выговаривалъ Верещагину его преступленіе и велѣлъ моимъ ординарцамъ бить его саблями. Потомъ я сказалъ Мутону, ожидавшему такого же конца: «поди скажи Наполеону, что этотъ несчастный, котораго я наказалъ, былъ единственный изъ

---

[1]) Письмо 8-го сентября 1812 года деревня Кутузово, въ 34-хъ верстахъ отъ Москвы.

[2]) Письмо 24-го ноября 1812 г. С.-Петербургъ.

всей Москвы, оказавшійся неблагодарнымъ къ своему Государю. Я сказалъ народу: пропустить Мутона — и онъ спасся.

«Верещагинъ былъ злодѣй по наклонностямъ и по образу мыслей. Сенатъ единогласно присудилъ его къ смертной казни (au dernier supplice) и онъ былъ наказанъ за свое преступленіе. Въ это время, когда безпощадный врагъ моего отечества входилъ въ столицу Вашей Имперіи, я оставилъ мой домъ и выѣхалъ изъ Москвы въ четыре съ половиною часа. Я узналъ что толпа таскаетъ по улицамъ трупъ Верещагина, крича: вотъ измѣнникъ нашему батюшкѣ Александру Павловичу! Я въ отчаяніи, если это одно происшествіе послужило поводомъ, къ несчастію для меня, подвергнуться единственному упреку за мое поведеніе со стороны моего Государя. Мой образъ мыслей совершенно извѣстенъ Вашему Императорскому Величеству. Я не ставлю себѣ въ заслугу энергіи, ревности и дѣятельности, съ которыми я отправлялъ службу Вамъ, потому-что я исполнялъ только долгъ вѣрнаго подданнаго моему Государю и моему отечеству. Но я не скрою отъ Васъ, Государь, что несчастіе, какъ-будто соединенное съ Вашею судьбою, пробудило въ моемъ сердцѣ чувство дружбы, которой оно всегда было преисполнено къ Вамъ. Вотъ что придавало мнѣ сверхъ-естественныя силы преодолѣвать безчисленныя препятствія, которыя тогдашнія событія порождали ежедневно. Москва осталась — *спокойна* и опустѣла, губерніи — *вѣрны и непослушны* непріятелю. Войдя въ нее, онъ нашолъ въ ней — голодъ; оставляя ее — свое уничтоженіе. Постоянно я желалъ только пользоваться Вашею довѣренностію. Вы облекли меня этою довѣренностію и я *спасъ Имперію* (et j'ai sauvé l'empire). Зная Вашу справедливость, хотя и заслужилъ неодобреніе съ Вашей стороны, я остаюсь въ убѣжденіи, что Вы меня уважаете (que je possede votre éstime), потому-что Бонапартъ почтилъ меня своею ненавистью.»

Въ этомъ письмѣ графъ Ростопчинъ выражаетъ уже мысль, что онъ былъ только исполнителемъ приговора сената, не обращая вниманія на то, что этотъ приговоръ не былъ окончательнымъ и законно приведенъ въ исполненіе быть не могъ, что судебный приговоръ исполняется въ опредѣленномъ закономъ же видѣ и особо назначенными для того лицами, къ числу которыхъ никакъ не принадлежалъ графъ Ростопчинъ, ни толпа окружавшая его домъ. Притомъ, только дѣйствующій законъ имѣетъ силу, а не отмѣненный и слѣдовательно Верещагинъ не могъ быть приговоренъ къ смертной казни. Неужели онъ считалъ возможнымъ, особенно въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, администратору, облеченному довѣріемъ государя, источника закона, избирать законъ, который болѣе подходилъ, по его мнѣнію, къ обстоятельствамъ, хотя бы и отмѣненный, считалъ различіе между мнѣніемъ сената и окончательнымъ приговоромъ за простую формальность, совершенно неважную, а присвоеніе себѣ

правъ исполнителя приговоровъ — за ревность къ службѣ? Но какъ бы чувствуя несостоятельность этого оправданія и желая укрыть свою вину за тѣ важныя услуги, которыя онъ оказалъ государю и отечеству, графъ Ростопчинъ указываетъ на то̀, что онъ — *спасъ* Россію.

Мы не остановимся на этомъ мнѣніи графа Ростопчина о своихъ заслугахъ отечеству: о немъ будетъ рѣчь впереди. Но теперь, сличая его письмо, съ письмомъ Государя, не можемъ не замѣтить, что чувство законности выступаетъ на видъ въ каждомъ словѣ Императора. Онъ не хотѣлъ выразить мнѣнія — былъ-ли Верещагинъ преступенъ и если былъ, то въ какой мѣрѣ; но, предполагая даже его преступникомъ, онъ считалъ дѣйствіе графа Ростопчина и безполезнымъ и беззаконнымъ. Приговоръ суда могъ быть приведенъ въ исполненіе, по его взгляду, не иначе какъ способами, въ законѣ указанными. Но и на этого рода поступокъ онъ не обратилъ бы особаго вниманія при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда Россія, если бы онъ могъ быть объясненъ видами общей пользы. Но Императоръ считалъ его положительно безполезнымъ (inutile) и — совершенно справедливо.

Когда графъ Ростопчинъ просилъ дозволенія примѣрно наказать Верещагина, не дожидаясь приговора суда, то это для того, чтобы его казнью устрашить тѣхъ, кого онъ считалъ внутренними врагами, составлявшими преступный заговоръ измѣны государю и отечеству. Но никого изъ тѣхъ лицъ, которыхъ онъ могъ подозрѣвать, 2-го сентября уже не было въ Москвѣ, не было и большей части ея народонаселенія. Незначительное число жителей сидѣло запершись въ домахъ, по его собственному свидѣтельству. Кому же угрозой или урокомъ могла послужить эта ужасная казнь? Конечно не той толпѣ, которая тѣснилась у его дома.

Такое положеніе дѣлъ, нельзя не сознаться, сильно подкрѣпляетъ мнѣніе и нѣкоторыхъ современниковъ и послѣдующихъ писателей, что графъ Ростопчинъ бросилъ Верещагина на жертву буйной толпѣ, съ тою цѣлію, чтобы спасти самого себя отъ ея ярости. Но не смотря на то, мы позволяемъ себѣ не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ.

Ни личный характеръ графа Ростопчина, ни всѣ обстоятельства его жизни не даютъ повода предполагать въ немъ способности къ трусости. Во время до такой степени для него тяжелое, мы увѣрены, что онъ былъ бы готовъ скорѣе пожертвовать собою и не уступить требованіямъ буйной толпы, нежели искупить свою жизнь и безопасность подобнымъ поступкомъ. Да и такова ли была эта толпа, и было ли въ ней что-нибудь грозное? Она шумѣла, пока не появился графъ Ростопчинъ — и всѣ покорно сняли шапки, увидавъ его, покорно пропустили Мутона и не тронули его. Конечно, съ нею не представлялось нужды считаться

графу Ростопчину. Весь ходъ этого печальнаго дѣла, отъ перваго появленія переведенныхъ Верещагинымъ бумагъ и до его смерти, показываетъ, что стеченіемъ случайныхъ обстоятельствъ вопросъ о его виновности былъ поставленъ въ двусмысленное положеніе. Графъ Ростопчинъ не могъ не знать, что онъ не сочинилъ ихъ, а былъ только переводчикомъ; но вынужденъ былъ выдавать его за сочинителя, чтобы не дать повода присудить его къ легкому наказанію, тогда-какъ онъ былъ увѣренъ, что онъ достоинъ сильнѣйшаго, какъ орудіе мнимаго заговора. Судъ въ своихъ сужденіяхъ о его виновности связанъ былъ *собственнымъ признаніемъ* подсудимаго и невозможностью выразить личное мнѣніе своихъ членовъ, если бы даже они и не считали его сочинителемъ. Наконецъ, Императоръ, безъ сомнѣнія, не считалъ его сочинителемъ; но его проступокъ графъ Ростопчинъ возводилъ въ его глазахъ въ государственное преступленіе, по его связи съ тѣмъ заговоромъ, о которомъ онъ постоянно его извѣщалъ. Но чувство законности оградило его отъ всякаго нареканія въ отношеніи къ этому дѣлу. Не смотря на настоянія графа Ростопчина, онъ не дозволилъ вывести это дѣло изъ общаго законнаго хода по всѣмъ степенямъ суда и согласился лишь объявить свое повелѣніе, чтобы сенатъ разсмотрѣлъ его немедленно и безъ очереди, какъ постановилъ уже комитетъ министровъ, зная, что приговоръ сената не будетъ окончательнымъ, рѣшоннымъ, что онъ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, и ему предстоитъ произнести послѣднее слово. Иначе онъ и поступить не могъ, если обратить вниманіе на то̀ обстоятельство, что графъ Ростопчинъ представлялъ ему это дѣло въ связи съ преступными замыслами масоновъ. Воззрѣнія графа Ростопчина на масоновъ совершенно совпадали въ этомъ отношеніи съ тѣми, которыя выражены были въ запискахъ графа Местра, произведшихъ сильное впечатлѣніе на Императора. Въ нихъ масоны мартинисты и иллюминаты смѣшивались съ якобинцами въ одно тайное общество, пылающее враждою къ престолу и алтарю, государству и церкви. Взгляды графа Местра были повтореніемъ въ остроумныхъ и краснорѣчивыхъ выраженіяхъ постоянно проповѣдывавшихся въ это время ученій отцовъ-іезуитовъ. Ихъ проповѣди такъ широко распространились въ нашемъ высшемъ обществѣ того времени, что они со многихъ сторонъ могли доходить до слуха Императора. Къ этимъ обстоятельствамъ, именно въ это же время, присоединилось еще новое. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Императоръ получилъ депешу отъ генерала Сухтелена изъ Стокгольма, въ которой онъ ему одному сообщалъ отчетъ о своемъ тайномъ свиданіи и разговорѣ съ Бернадотомъ, наслѣднымъ принцемъ шведскимъ. «Мнѣ было извѣстно», писалъ нашъ уполномоченный, «что наслѣдный принцъ получилъ новыя извѣстія изъ Франціи. Поэтому лишь только я вошолъ къ нему, онъ сказалъ, что желаетъ, чтобы я зналъ

всѣ получаемыя имъ свѣдѣнія и могъ сообщать Вашему Величеству все то, что найду достойнымъ вашего вниманія. Затѣмъ онъ взялъ письмо и прочелъ мнѣ нѣкоторыя мѣста. Судя по способу выраженія, оно должно быть отъ стариннаго его друга, очень знакомаго со всѣмъ тѣмъ, что дѣлается въ кабинетѣ императора Наполеона. Изъ этого письма видно, что онъ страшно озлобленъ противъ наслѣднаго принца; но удерживаетъ свой гнѣвъ потому только, что питаетъ еще надежду, не соблазнятъ ли его послѣднія заманчивыя предложенія; въ противномъ случаѣ онъ употребитъ противъ него другое оружіе. Поэтому этотъ другъ заклинаетъ принца, чтобы онъ берегъ себя. Принцъ вовсе не казался испуганнымъ и говорилъ, что готовъ умереть, лишь бы только ему удалось заплатить свой долгъ въ отношеніи къ Швеціи и содѣйствовать спасенію сѣвера. Я соглашусь, говоритъ онъ, быть убитымъ послѣднимъ ядромъ, пущеннымъ изъ Наполеоновой арміи при ея отступленіи за Рейнъ. Объ этомъ письмѣ я говорю вамъ только потому, прибавилъ наслѣдный принцъ, что оно подтверждаетъ другое извѣстіе, которое я только-что получилъ, а именно, что вошли въ сношеніе съ парижскими иллюминатами, чтобы они дѣйствовали на своихъ собратій какъ въ Россіи, такъ и въ Швеціи, такъ чтобы два удара были нанесены въ одно и то же время. Такое предложеніе поразило ужасомъ одного изъ членовъ этой секты и онъ сообщилъ объ этомъ одному изъ друзей принца, чтобы онъ принялъ всѣ предосторожности. Не смотря на то, что принцу извѣстно, что подданные вашего императорскаго величества васъ обожаютъ; но онъ желалъ, однако же, чтобы я сообщилъ вамъ объ этомъ ужасномъ преднамѣреніи, совершенно достойномъ, какъ онъ замѣтилъ, своего гнуснаго изобрѣтателя, котораго неистощимый въ изобрѣтеніи средствъ геній не останавливается въ выборѣ средствъ, лишь только бы онъ могъ достигнуть своей цѣли — поработить весь міръ.» — «Позвольте, Государь», прибавлялъ отъ себя нашъ уполномоченный къ этому спасительному предостереженію наслѣднаго принца, «присовокупить просьбу стараго и вѣрнаго слуги не подвергать себя опасности. Можно ли предполагать, чтобы между милліонами не нашлось одного злодѣя, котораго можно подкупить на цареубійство. Если величіе вашей души и могло бы отвергнуть это предостереженіе, Государь, то вспомните, что дѣло идетъ о спасеніи вашей имперіи и о благоденствіи всѣхъ Вашихъ добрыхъ подданныхъ».

Всѣ эти обстоятельства въ совокупности не могли не обратить вниманія Императора на происшествіе, которое представляли ему находящимся въ связи съ замыслами масоновъ, которыхъ смѣшивали съ иллюминатами.

Верещагинъ умеръ въ жестокихъ и позорныхъ мученіяхъ. Москва была занята и потомъ оставлена французами. Наполеоновы войска по-

гибли въ Россіи; слава русскаго оружія гремѣла въ западной Европѣ; а дѣло о Верещагинѣ продолжалось. Послѣ справокъ, наведенныхъ министромъ юстиціи о смерти Верещагина, онъ представилъ докладъ сената на усмотрѣніе государственнаго совѣта, потому-что слѣдовало постановить рѣшеніе о соучастникѣ Верещагина Мѣшковѣ, о поступкахъ почтъ-директора Ключарёва и о различномъ способѣ толкованія уголовною палатою и сенатомъ дѣйствовавшихъ тогда законовъ по вопросу—подлежатъ ли тѣлесному наказанію дѣти купцовъ второй гильдіи.

Департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, 18-го декабря 1813 года, постановилъ свои заключенія, которыя были приняты въ общемъ собраніи совѣта 14-го января 1814 года.

Сенату было сообщено слѣдующее, высочайше утвержденное 21-го августа 1814 года, мнѣніе государственнаго совѣта:

Государственный совѣтъ въ общемъ собраніи, согласно съ мнѣніемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, полагаетъ:

1) Отставного губернскаго секретаря Мѣшкова, признавшагося въ списываніи рѣчи купеческимъ сыномъ Верещагинымъ ему на сей предметъ данной и въ передачѣ оной для списанія же другому, по лишеніи чиновъ, отдать въ военную службу, въ какую окажется годнымъ.

2) Заключеніе правительствующаго сената о изслѣдованіи обстоятельствъ до почтъ-директора Ключарёва, относящихся и въ мнѣніи главнокомандующаго въ Москвѣ генералъ отъ инфантеріи графа Ростопчина изложенныхъ — утвердить.

3) Хотя правительствующій сенатъ и полагаетъ рѣчь и письмо, Верещагинымъ писанныя, истребить, но поелику нынѣ обстоятельства перемѣнились и смыслъ сихъ бумагъ совершенно теперь относится въ посмѣяніе французскаго правительства, а не къ уничиженію Россіи, притомъ же во всемъ подобныя сему рѣчь и письмо извѣстны уже стали въ публикѣ посредствомъ напечатанія оныхъ въ исторической книгѣ о происшествіяхъ прошлаго 1812 года, то дабы обрядомъ при истребленіи сихъ бумагъ яко пасквилей не возбудить въ народѣ новыхъ толковъ и пустыхъ сужденій и слѣдуетъ хранить сіи документы при дѣлѣ за казенною печатью впредь до повелѣнія.

4) По признаніи купеческаго сына Верещагина виновнымъ на основаніи мнѣнія главнокомандующаго въ Москвѣ генерала отъ инфантеріи графа Ростопчина, принятаго и правительствующимъ сенатомъ: Хотя бы и слѣдовало опредѣлить ему приличное состоянію его наказаніе, но какъ изъ рапорта московскаго губернскаго прокурора Желябужскаго явствуетъ, что о подсудимомъ Верещагинѣ онъ, Желябужскій, узналъ отъ помянутаго главнокомандующаго, что онъ, исполнясь патріотической горести о участи Москвы, симъ преступникомъ предвѣщанной, и опасенія, чтобы онъ не избѣгнулъ какъ либо достойнаго наказанія, от-

далъ его въ день оставленія Москвы для наказанія народу, который отъ горести и отчаянія почелъ его недостойнымъ жить и предалъ смерти, то на основаніи сего документа, удостовѣряющаго о смерти Верещагина, приговоръ, объ немъ учиненный, оставя безъ дѣйствія, о донесеніи губернскаго прокурора и о всѣхъ обстоятельствахъ сего происшествія довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, затѣмъ изъ доклада правительствующаго сената усматривается о Верещагинѣ два различныя положенія. Уголовная палата приговорила его сослать въ работу безъ тѣлеснаго наказанія, потому-что онъ сынъ купца 2-й гильдіи. Правительствующій же сенатъ, разсуждая о дѣтяхъ купцовъ 1-й и 2-й гильдіи, чтобы они отъ тѣлеснаго наказанія освобождались въ законахъ постановленія нѣтъ, полагалъ наказать его кнутомъ. Изъ существа сихъ заключеній проистекаетъ слѣдующій вопросъ: дѣти купцовъ 1-й и 2-й гильдіи подлежатъ ли тѣлесному наказанію? Государственный совѣтъ положилъ: предметъ сей предоставить на разсмотрѣніе коммисіи законовъ съ тѣмъ, чтобы она, сдѣлавъ по оному свое заключеніе, представила государственному совѣту. На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано такъ: «Мѣшкова простить». Въ С.-Петербургѣ 21-го августа 1814 года».

Но при разсмотрѣніи дѣла какъ въ департаментѣ, такъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта поступокъ графа Ростопчина не могъ не обратить на себя вниманія членовъ. Поэтому въ журналѣ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ къ изложенному мнѣнію въ заключеніи, было прибавлено: «поступокъ же главнокомандующаго предать на высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе». Одинъ только членъ присовокупилъ: «что по тогдашнему смутному времени и критическимъ города обстоятельствамъ, при ожиданіи скораго нашествія непріятеля на Москву, можетъ-быть главнокомандующій имѣлъ особыя причины, побудившія его къ сему поступку».

Заключеніе общаго собранія оканчивалось также слѣдующими словами: «оставя приговоръ о Верещагинѣ, за его смертію, безъ дѣйствія, о донесеніи губернскаго прокурора и о всѣхъ обстоятельствахъ сего происшествія довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества».

Слѣдствія о Ключарёвѣ, кажется, производимо не было и онъ спокойно, возвратившись въ Москву, доживалъ въ ней послѣдніе свои годы. Единственнымъ послѣдствіемъ этого дѣла былъ законодательный вопросъ, переданный государственнымъ совѣтомъ на разсмотрѣніе коммисіи составленія законовъ. Но и этотъ вопросъ возбужденъ былъ лишь вслѣдствіе плохаго пониманія законовъ низшими судебными мѣстами. «Хотя купцы 1-й и 2-й гильдіи, весьма правильно разсуждала коммисія законовъ, не находя въ дѣйствовавшихъ постановленіяхъ прямо-выраженнаго правила объ освобожденіи ихъ дѣтей отъ тѣлеснаго наказанія, и

освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, но таковое преимущество ихъ, во-первыхъ, есть *личное*, какъ тò именно сказано въ докладѣ правительствующаго сената 1801 года іюня 1-го дня и даровано имъ во уваженіе значительной пользы, которую они приносятъ государству своею торговлею и платежомъ немаловажной подати; во-вторыхъ, не есть *всегдашнее*, но продолжается только дотолѣ, пока пользующійся имъ пребываетъ въ какой-либо изъ сихъ гильдій. Коль же скоро оставитъ оныя, то-есть объявитъ за собою менѣе капитала, нежели сколько требуется для купца 1-й или 2-й гильдіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ и сіе преимущество, съ сими гильдіями сопряженное. Какимъ же образомъ дѣти его, даже не будучи и купцами, могутъ пользоваться такимъ правомъ своего отца, которое и относительно къ нему самому не имѣетъ постоянной прочности; между-тѣмъ какъ дѣти личныхъ дворянъ и дѣти священниковъ и діаконовъ, коихъ достоинство и, слѣдовательно, преимущества суть *непремѣнныя* и, будучи однажды пріобрѣтены, теряются не иначе, какъ тяжкимъ преступленіемъ, не пользуются правами, симъ достоинствамъ присвоенными и подлежатъ тѣлесному наказанію?»

Хотя, давая такое заключеніе, коммисія законовъ прибавила, что «сіе однако жь ни мало не уничтожаетъ многихъ другихъ побудительныхъ причинъ, по состоянію нынѣшняго времени, основать новый законъ на другомъ правилѣ»; но представленный ею проектъ закона объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія дѣтей личныхъ дворянъ, священнослужителей и дѣтей первыхъ двухъ гильдій не получилъ дальнѣйшаго движенія.

Но если въ жизни общественной и скоро изгладилось воспоминаніе объ этомъ происшествіи въ такое время, исполненное чрезвычайныхъ событій; то едва-ли оно могло изгладиться изъ памяти самого графа Ростопчина. Одинъ изъ правдивыхъ нѣмецкихъ писателей, разсказывая о тѣхъ ѣдкихъ и безпощадныхъ насмѣшкахъ, которыми онъ преслѣдовалъ своихъ недоброжелателей, прибавляетъ: «но онъ былъ безоруженъ противъ врага, котораго носилъ въ себѣ самомъ. При наступленіи ночной темноты ему нерѣдко являлись привидѣнія, сильно его смущавшія. Въ Парижѣ, куда онъ возвратился изъ Бадена, приходилось ему все чаще и чаще проводить такіе тяжолые и мучительные часы. Въ одно такое время, не смотря на заботливое сопротивленіе камердинера, вошли къ нему двое близкихъ его знакомыхъ, знатныхъ русскихъ. Они полагали, что можетъ-быть нарушатъ его розовыя мечтанія; но какъ они были испуганы, когда вошли въ отдаленную комнату! Худъ и блѣденъ сидѣлъ тамъ Ростопчинъ, и когда увидалъ ихъ, грустно воскликнулъ, протянувъ руки, какъ бы защищаясь: «чего вы хотите отъ меня, не я васъ билъ, не я васъ столкнулъ». Онъ трепеталъ, какъ бы видя

передъ собою что-то ужасное. Двое его друзей поняли, что ему казалось, будто онъ видитъ отца и сына Верещагиныхъ. Они назвали свои имена, назвали его по имени и, наконецъ, пробудили его отъ этого ужаснаго сна. Когда онъ узналъ своихъ посѣтителей, то собрался съ духомъ, обтеръ руками лобъ и глаза, выпилъ два стакана воды и чрезъ нѣсколько времени могъ говорить какъ всегда. Но этотъ случай оставилъ неизгладимое впечатлѣніе въ обоихъ свидѣтеляхъ и одинъ изъ нихъ, спустя долгое время послѣ того, со всѣмъ ужасомъ недавняго происшествія, слово въ слово разсказалъ мнѣ то, что я теперь повторяю. Впослѣдствіи, какъ говорятъ, его долго мучили такія явленія, которыя, конечно, зависѣли и отъ болѣзненнаго состоянія и ослабѣвали при употребленіи врачебныхъ средствъ. Послѣдніе дни своей жизни, какъ извѣстно, онъ провелъ въ Россіи, желанный возвратъ въ которую ему, наконецъ, былъ открытъ и уваженіе и удивленіе, которыя были ему воздаваемы, успокоили его самолюбіе надеждою, что онъ будетъ признанъ однимъ изъ героевъ освобожденія Россіи».

Мы приводимъ разсказъ иностранца; но подобные разсказы повторялись и въ русскомъ обществѣ того времени. «Близкіе ему люди разсказывали, что онъ мучился угрызеніями совѣсти, что тѣнь Верещагина по ночамъ являлась ему въ сонныхъ видѣніяхъ». Къ чести графа Ростопчина слѣдуетъ имъ вѣрить — и нельзя не вѣрить, потому-что въ душѣ этого человѣка, исполненнаго любви къ отечеству, но способнаго къ страстнымъ увлеченіямъ, много было нѣжныхъ, человѣческихъ чувствъ. Тотъ же самый писатель-иностранецъ, знавшій графа Ростопчина, вслѣдъ за этимъ разсказомъ говоритъ далѣе: «Этотъ человѣкъ съ беззаботной простотою невиннаго наслажденія, проводилъ часы, разсматривая цвѣтокъ, бабочку, любуясь на игры и смѣхъ дѣтей, оберегая ихъ отъ опасности, оживляя ихъ радость подарками; этотъ человѣкъ предупредительный, дружелюбивый собесѣдникъ, исполненный утонченной внимательности къ мужчинамъ и привлекавшій къ себѣ женщинъ нѣжнымъ почтеніемъ. Хотя онъ не скрывалъ, что его плѣнила красота и любезность одной художницы въ Штутгардтѣ, но скрывала одна живая француженка, что она имъ плѣнена и что онъ это замѣчалъ, такъ что было намѣреніе героя Москвы сдѣлаться еще и героемъ французской интриги. Но его здравый смыслъ предохранилъ его отъ смѣшнаго. Онъ самъ смѣялся надъ тѣмъ, въ чемъ его подозрѣвали и говорилъ, что въ его года дружбѣ можно рѣдко вѣрить, а любви никогда».

А. Поповъ.

ХОМЯКОВЪ

ВЪ СВОИХЪ ЛИРИЧЕСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ [1]).

Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ — не проситъ.

К. Рылѣевъ.

Подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ бываютъ иной разъ удивительныя недоразумѣнія. Люди, въ сущности близкіе по благородству своихъ стремленій, другъ друга не узнаютъ, враждебно одинъ другого чуждаются. Какъ долго и съ какимъ упорствомъ искоса переглядывались между собою даже честнѣйшіе, искреннѣйшіе представители тѣхъ двухъ угловъ зрѣнія, которые носили у насъ — теперь уже нѣсколько вывѣтрившіяся названія *западниковъ* и *славянофиловъ*! Такъ, подъ тѣмъ изъ этихъ угловъ зрѣнія, къ которому сцѣпленіе разныхъ причинъ привело Бѣлинскаго, ничего сочувственнаго и живого не чуялось ему въ Хомяковѣ, и высокодаровитый критикъ не иначе величалъ одного изъ вдохновеннѣйшихъ нашихъ лириковъ, какъ чуждымъ настоящей поэзіи риторомъ, чуть не фразёромъ. Правда, стихотворенія Хомякова не всѣ отличаются выдержанностью поэтической формы. Въ нѣкоторыхъ рѣшительный перевѣсъ надъ *поэтомъ* получаетъ *мыслитель*. Но вѣдь Бѣлинскій доходилъ до того, что не только не замѣчалъ вдохновеннаго жара, постоянно согрѣвавшаго мысль Хомякова, но даже прямо отрицалъ у него присутствіе ясной мысли. И это было уже въ ту пору, когда Бѣлинскій вполнѣ

---

[1]) Статья эта была напечатана въ іюльской книжкѣ «Зари» 1869 года. На литературномъ вечерѣ въ пользу герцеговинцевъ въ октябрѣ нынѣшняго года она была прочитана съ нѣкоторыми сокращеніями, теперь же помѣщается здѣсь со значительными измѣненіями и дополненіями. *О. М.*

узналъ цѣну того, что получило у насъ названіе *гражданской поэзіи* [1]). Но кто же (если принимать ее въ неподдѣльномъ, прямомъ значеніи) могъ бы тогда служить ея вѣрнымъ, чуждымъ малѣйшей измѣны, малѣйшаго колебанія, цѣльнымъ, установившимся представителемъ, какъ не тотъ, чей, всѣмъ извѣстный, «Навуходоносоръ» (эта поэтическая оборона правъ человѣческаго разума) и списывался, и повторялся въ исходѣ сороковыхъ годовъ даже людьми изъ противнаго стана? Званіе «поэтъ-гражданинъ» также безспорно принадлежитъ Хомякову, какъ званіе «гражданина-писателя» вообще признано — и опять даже людьми изъ чужихъ рядовъ — за Константиномъ Аксаковымъ [2]).

Что такое поэтъ-гражданинъ? Не тотъ ли, кто въ своихъ пѣсняхъ не является отдѣльнымъ, обособленнымъ лицемъ, со своими только личными радостями, со своимъ только личнымъ горемъ? Не тотъ ли, кто не развиваетъ въ нихъ безконечно на всѣ лады всегда неизбѣжно-тѣснаго, ограниченнаго содержанія своего, хотя бы и богато-одареннаго *я*, но знаетъ себя только въ связи съ другими, только живою частью великаго и единаго цѣлаго — видитъ всю цѣну личности и умѣетъ о

[1]) Въ той же самой мѣрѣ, въ свою очередь, и славянофилы до сихъ поръ остаются несправедливыми къ Бѣлинскому, не видя, что въ этомъ *западникѣ* нерѣдко сказывался чисто русскій человѣкъ (по вѣрному замѣчанію И. С. Тургенева), и что, проживи онъ долѣе, онъ бы, по честности и прямотѣ своей натуры, во многомъ сблизился съ тѣми, противъ которыхъ такъ долго полемизировалъ.

[2]) О *гражданскомъ* направленіи въ поэзіи говорилъ еще, какъ извѣстно, Рылѣевъ. «Я не поэтъ, а гражданинъ», выразился онъ о себѣ («Сочиненія Рылѣева», стр. 102). «Будь поэтъ и гражданинъ», писалъ онъ Пушкину (тамъ же, стр. 235). Онъ же съ негодованіемъ отзывался о «поэтахъ-эгоистахъ", то-есть о такъ-называемыхъ *чистыхъ* поэтахъ, поэтахъ *не отъ міра сего* (тамъ же, стр. 199). Въ своей думѣ «Державинъ» онъ говоритъ:

. . . . Нѣтъ выше ничего
Предназначенія поэта!
Святая правда — долгъ его,
Предметъ — *полезнымъ быть для свѣта.*

Впрочемъ, къ тому же пришолъ и Пушкинъ въ своемъ «Памятникѣ», вмѣнивъ себѣ въ заслугу то, что

Живою прелестью стиховъ онъ былъ *полезенъ.*

Что касается опять Рылѣева, то извѣстно, что его, какъ и Хомякова, многіе также не считаютъ у насъ поэтомъ. Но неужели нѣтъ истиннаго лиризма даже и въ слѣдующихъ строфахъ изъ извѣстныхъ стиховъ Бестужеву:

Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей,
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей.

У Хомякова мы видимъ рѣшительно тотъ же помыслъ.

ней говорить только во множественной ея формѣ — *мы*. Прочтите же Хомякова — и найдите у него гдѣ-нибудь узкое, мелкое, себялюбивое *я*! Вы у него не встрѣтите вовсе и тѣхъ *привольныхъ луговъ*, той усладительной *сѣни рощъ*, той *зеркальной зыби невозмутимыхъ водъ*, куда такъ любитъ уединяться отъ треволненій жизни вольная мечта сибаритствующихъ поэтовъ. Если онъ и удаляется иногда на такъ-называемое *лоно природы*, то вовсе не для самоуслажительнаго покоя. Вспомнимъ начальное и заключительное четверостишія одного изъ его раннихъ стихотвореній (1827 года). [1]).

Хотѣлъ бы я *разлиться въ мірѣ*,
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣздою въ сумрачномъ эѳирѣ
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.
. . . .
Какъ сладко было бы въ природѣ
То *жизнь и радость разливать*,
То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
Пространство неба обтекать.

Но тутъ все еще есть своего рода дань — позже окончательно имъ оставленному направленію. За-то уже совершенное отреченіе отъ всякаго поэтическаго сибаритства слышится въ слѣдующихъ стихахъ болѣе поздней поры (1831 года):

Противна мнѣ дремота нѣги праздной
И мирныхъ дней безжизненный покой,
Какъ путь въ степяхъ однообразный,
Какъ гробъ холодный и нѣмой [2]).

Правда, у Хомякова сначала еще слышался отзвукъ того высокомѣрнаго взгляда на *путь поэта*, который въ извѣстную пору нашей литературы сказывался такъ часто и съ такою рѣзкостью. На время какъ бы увлекаемый и этимъ теченіемъ, Хомяковъ, по словамъ его, видѣлъ *сонъ, что будто* онъ — пѣвецъ —

И что пѣвецъ — пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ [3]).

---

[1]) Стихотворенія А. С. Хомякова, 1868, стр. 3 и 4.

[2]) Тамъ же, стр. 18. Это опять напоминаетъ извѣстное посланіе Рылѣева:

Чтобъ я младые годы
Лѣнивымъ сномъ убилъ...

Или:

Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой...

[3]) Тамъ же, стр. 9. Писано въ 1828 году.

Но и тутъ онъ считаетъ пѣвца только довершеніемъ, только заключительнымъ цвѣтомъ всего созданія, а вовсе не исключеніемъ изъ общаго хода жизни, вовсе не существомъ, для котораго и законы не писаны. Никогда не противопоставлялъ онъ пѣвца — *грубой черни* [1]), будто бы обязанной благоговѣйно молчать передъ нимъ и тогда, когда онъ, своенравно отказываясь понимать ея нужды и ея горе, читаетъ ей наставленіе о необходимомъ для него безмятежіи. Наконецъ, въ довершеніе своего отличія отъ стольких другихъ и даже первостепенныхъ поэтовъ, Хомяковъ не заставляетъ васъ слушать изліянья на всѣ лады того чувства любви — къ *ней*, къ *дѣвѣ*, къ *такой-то*, которое ежели и сказалось у него мимоходомъ въ стихотвореніи «Къ иностранкѣ», то вотъ съ какимъ своеобразнымъ оттѣнкомъ:

Пусть ей понятны сердца звуки,
Высокой думы красота,
Поэтовъ радости и муки,
Поэтовъ чистая мечта....

Но ей чужда моя Россія,
Отчизны бѣдная краса,
И ей милѣй страны другія,
Другія лучше небеса!

Пою ей пѣснь родного края —
Она не внемлетъ, не глядитъ! —
При ней скажу я: «Русь Святая!» —
И сердце въ ней не задрожитъ [2]).

Въ комъ только слабо звучитъ та струна, которая такъ сильно и постоянно звучала въ душѣ Хомякова, тому покажется страннымъ — пожалуй, даже смѣшнымъ — это участіе патріотизма и тамъ, гдѣ, повидимому, ему уже никакъ не мѣсто. Но самое слово *патріотизмъ*, такъ отлично у насъ опошленное, тутъ рѣшительно не идетъ. Нѣтъ, у Хомякова было совсѣмъ не оно, не это условное чувство, какъ бы припасаемое для особенныхъ случаевъ, съ тѣмъ, чтобы, давъ ему нашумѣться въ извѣстный срокъ, снова его убрать до другой подходящей поры. Въ груди Хомякова теплилось ровнымъ, неугасимымъ огнемъ такое широкое чувство любви къ землѣ русской, что имъ поглощался весь міръ его чувствъ — и только составною въ немъ частью оказывалось всякое другое, личное чувство. Но представленіе русской земли расширялось для него далеко за ея, всѣми ощущаемые, государственные предѣлы; она постоянно связывалась для Хомякова со всѣмъ единоплеменнымъ и единоосновнымъ, какъ бы пророчески рисуясь ему

---

[1]) Никто въ настоящее время не сомнѣвается, что подъ *чернью* разумѣется тутъ не *простой народъ*, и что стихотворенія такого рода свободны отъ *аристократизма* въ его обыкновенномъ смыслѣ. Но въ нихъ есть, такъ сказать, *аристократизмъ нравственный*, такъ-какъ поэтъ въ нихъ рѣзко противополагаетъ себя всѣмъ другимъ, обыкновеннымъ, будничнымъ людямъ.

[2]) Стр. 36 и 37. Писано въ 1832 году. Мнѣ приходилось слышать, что эта «иностранка» Хомякова на самомъ дѣлѣ была *русская*, но воспитанная по тогдашнему, а отчасти и нынѣшнему обычаю нашихъ высшихъ сферъ, вдали отъ вліянія родной земли.

связующимъ звеномъ великаго славянскаго міра. Наконецъ, въ связи съ этимъ многообъемлющимъ цѣлымъ, она представлялась ему многозначительной вкладчицей уже и въ прошедшія, и въ настоящія, еще же болѣе въ будущія судьбы всего человѣчества. Служа землѣ русской, съ любовью блюдя въ ней своеобразіе ея славянскихъ основъ, какъ ея лучшее право на рѣшительный голосъ въ общечеловѣческомъ хорѣ, онъ думалъ, что только этимъ путемъ и можно служить въ самомъ дѣлѣ и цѣлому міру. И онъ вполнѣ былъ готовъ почитать себя *гражданиномъ вселенной* [1]), но видѣлъ всю цѣну, весь смыслъ такого гражданства только въ качествѣ представителя въ немъ славяно-русскаго міра.

Вотъ тутъ-то и разгадка разлада его съ цѣлымъ строемъ людей, въ свою очередь благородныхъ, но не имѣвшихъ глазъ, чтобы усмотрѣть то, что̀ было такъ ясно для Хомякова. Всѣ они порывались въ *граждане вселенной*; но, забывая, что на ея великое вѣче надо явиться *съ чѣмъ нибудь*, съ опредѣленнымъ, дѣйствительно-вѣсящимъ голосомъ, съ ясно-самостоятельнымъ мнѣніемъ, съ полномочіемъ — именно отъ *своей* земли. Людямъ, не сознающимъ этого, рвущимся прямо въ объятія всего человѣчества, въ этотъ широчайшій и отдаленнѣйшій кругъ, минуя ближайшіе круги — народа и племени — людямъ такихъ воззрѣній Хомяковъ не могъ не казаться — умышленно тормозящимъ быстроту ихъ полета, или просто неясною, туманною головой, тратящею краснорѣчіе на вещи, которыхъ и въ толкъ не возьмешь [2]).

Особенно смущали у Хомякова эти напоминанія о какихъ-то неразрывныхъ связяхъ со *славянствомъ* [3]). Связи эти, напротивъ того, представлялись до такой степени порванными, а самое понятіе о славянствѣ такимъ уже безтѣлеснымъ призракомъ, такимъ измышленіемъ досужихъ головъ, что самымъ приличнымъ казалось — просто-на-просто пожимать плечами.

Но у людей такого закала, какъ Хомяковъ, такимъ пожиманьемъ не поколеблешь ихъ вѣры! Ее скорѣе могли смущать — и глубоко смущать — событія, совершавшіяся на глазахъ и дававшія прямо кидаться въ глаза дѣйствительно ощутимой въ славянствѣ *розни*, этому издавнему прародительскому грѣху. Память о немъ не могла не возобно-

---

[1]) Собственно переводъ съ нѣмецкаго *Weltbürger*, какимъ является у Шиллера «Поза», это лицо, такъ сказать, *безъ плоти и крови*.

[2]) А между-тѣмъ еще въ 1812 году было у насъ высказано въ печати, что «граждане свѣта мыслятъ о дальнихъ и пренебрегаютъ своихъ.... Гражданинъ свѣта — то же, что самолюбецъ или своекорыстникъ». Это слова С. Н. Глинки (въ его «Русскомъ Вѣстникѣ») по поводу рѣчи Шишкова *о любви къ отечеству* (Полн. Собр. соч., ч. IV). И. Глинка и Шишковъ во многомъ были *смѣшны*, но это не мѣшало имъ высказывать ино гда мысли вѣрныя, хотя постоянно рѣзко и угловато.

[3]) А вѣдь изъ нашихъ поэтовъ уже Рылѣевъ намекалъ отчасти на эти связи.

виться въ душѣ Хомякова при событіяхъ 1831 года. И вотъ — подъ вліяніемъ ихъ — вырывается у поэта:

Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ! [1])

Далѣе же — и тутъ превозмогла вѣра въ лучшее будущее — поэту пророчески видится дружный, совокупный полетъ всѣхъ славянскихъ орловъ — и они какъ бы добровольно склоняются головою передъ *орломъ Сѣвера*. Хомякову какъ-будто чуялось, что орлу этому предстоитъ явиться въ извѣстномъ смыслѣ *освободительною* силою посреди побѣжденныхъ имъ соплеменниковъ, что подъ сѣнью его совершится то возрожденье народныхъ громадъ въ предѣлахъ шляхетной Польши, свидѣтелями котораго довелось быть намъ и которое — сколько бы ни было рядомъ съ нимъ совершенно иныхъ и, конечно, не дѣлающихъ намъ чести явленій — навсегда останется съ нашей стороны историческимъ подвигомъ въ пользу нашихъ братьевъ. Но Хомякову предвидѣлось и вообще — въ отношеніяхъ къ цѣлому міру славянскому — не какое-либо другое, какъ именно освободительное, *возрождающее* значеніе Россіи [2]). И вотъ уже къ 1832 году относится у него всѣмъ хорошо извѣстный *Орелъ:*

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полунощныхъ орёлъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушолъ!
Лети, но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!

Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придетъ, окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подростутъ,
Вскричатъ орлы — и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ! [3])

Но какъ было поэту не чувствовать, что этотъ могучій союзъ освобожденныхъ подъ сѣнью Россіи сыновъ всего міра славянскаго — только отдаленная поэтическая мечта, когда отдѣльные члены самой земли Русской продолжаютъ еще *разноситься розно*. Издавна отторгнувшись

---

[1]) Стр. 30 и 31.

[2]) Въ сущности же такое значеніе Россіи *желалось* ему и въ болѣе широкомъ,—общеевропейскомъ или, лучше сказать, міровомъ кругѣ!

[3]) Стр. 32 и 33.

отъ Россіи, исконно-русскій Галичь, великая отчина Даніила Романовича, все еще пребываетъ подъ двойнымъ ярмомъ поляковъ и тѣхъ, кого Хомяковъ величаетъ тевтонами. Но мало того, подъ самою сѣнію Руси (до предѣловъ Полоцка и Городна съ одной, и до Волыни, Подоліи и даже Кіева, матери городовъ русскихъ — съ другой стороны) еще открыто велась во дни Хомякова неутомимая анти-русская пропаганда. И вотъ на какія думы наводилъ поэта, нашъ древній первопрестольный Кіевъ съ своей обще-русской святыней:

Высоко̀ передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ....
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?»

— «Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ — краса степей.
— «Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей.»

— «Я отъ Ладоги холодной.»
— «Я отъ синихъ волнъ Невы.»
— «Я отъ Камы многоводной.»
— «Я отъ матушки Москвы».

Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны.
Братцы, гдѣ жь сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?

Горе, горе! ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры...

Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднова,
Зовъ моленья и любви.

И отторженныя дѣти,
Лишь услышать твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,

Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.

Нужно ли говорить, что этотъ зовъ Хомякова былъ дѣйствительно *зовъ*, а не притягиваніе на арканѣ? Всякая тѣнь союза съ принудительной *внѣшней* силой оставалась ему постоянно противною. Онъ цѣнилъ только *свободныя связи* — и ихъ-то имѣлъ въ виду и въ другомъ, еще шире хватающемъ, призывѣ, въ другомъ, еще дальше идущемъ пророчествѣ:

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!

Вспомнимъ: мы — родные братья,
Дѣти матери одной;
Братьямъ — братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ;
Не скорби — кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!

Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ его любовь!

Пронесется мракъ ненастный —
И, ожиданный давно,
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за одно:

Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ — побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной!

Эта новая пѣсня поэта начиналась увѣщаніемъ: «не гордись!» [1]) Между-тѣмъ повсюду вокругъ оказывалось такъ много людей, способныхъ, подъ наитіемъ своего заказнаго патріотизма, напѣвать намъ не что иное, какъ именно жалкую, одуряющую гордыню. Все это вызвало изъ груди Хомякова горячій отпоръ, облеченный въ тѣ высоко-поэтическія *библейскія формы*, къ которымъ любилъ прибѣгать нашъ поэтъ при той религіозности, какая всегда сохранялась за нимъ, но была, какъ и все въ немъ, *граждански настроенною* [2]).

«Мы родъ избранный», говорили
Сіона дѣти въ старину,
«Намъ Божьи громы осушили
Морей волнистыхъ глубину....

«Намъ камень лилъ воды потоки,
Дождили манной небеса;
Для насъ законъ, у насъ пророки,
Въ насъ Божьей силы чудеса!»

Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
«Мы — соль земли, мы — столбъ святыни,
Мы — Божій мечъ, мы — Божій щитъ!»

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ ѳиміамъ:
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ [3]).

---

[1]) Тоже самое говорилось собственно о Россіи въ извѣстномъ посланіи къ ней Хомякова, начинающемся стихами: «Гордись! тебѣ льстецы сказали», и далѣе: «Не вѣрь, не слушай, не гордись!»

[2]) И въ этомъ отношеніи опять Хомяковъ напоминаетъ Рылѣева.

[3]) Стр. 105 и 106. Писано въ 1851 году. Въ послѣднихъ стихахъ, нельзя не сознаться, поэтическая форма не выдержана. Въ нихъ *символизмъ*, а не *образность*.

Но вдохновенное слово Хомякова звучало въ пустынѣ. Наступила пора восточной войны. Цѣлыми потоками самохвальства залились и наши журналы, и всякаго рода патріотическія книжонки, и подмостки нашихъ театровъ. И вдругъ, посреди подобнаго хора, одиноко раздается опять увѣщающій зовъ Хомякова, въ которомъ слышится во всей силѣ — и сознаніе великой задачи, представшей тогда передъ нами, и сознаніе всей нашей.... неподготовленности.

Теперь мы съ тѣмъ бо̀льшимъ сочувствіемъ можемъ повторять это стихотвореніе, что многія изъ тѣхъ язвъ нашихъ, которыя въ немъ выставляются, уже уврачеваны при помощи главнѣйшихъ мѣропріятій нашей поры.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная,
За братьевъ! Богъ тебя зовётъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная —
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ дѣтей онъ судитъ строго,
А на тебя, увы, какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой чорной,
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна! [1])

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья —
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!
. . . .

И при *такомъ* направленіи Хомякова, находились, да и до сихъ поръ еще находятся люди, рѣшающіеся упрекать его въ крайнемъ превознесеніи Россіи! Они забываютъ о томъ, какъ глубоко онъ чувствовалъ всѣ недуги и язвы ея современной ему дѣйствительности; они забываютъ, что только къ Россіи *будущей*, къ *раскаявшейся* Россіи — по его выраженію — относились у него слѣдующія слова:

Иди! тебя зовутъ народы;
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна — Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

---

[1]) Мерзости въ родѣ *лести, лжи и лѣни* у насъ, конечно, и теперь еще вдоволь!

Хомякову не суждено было дождаться даже зачатковъ осуществленія этихъ завѣтныхъ думъ. Исходъ восточной войны, на которую возлагалъ онъ такъ много надеждъ, скорѣе былъ долженъ привесть къ горчайшему разочарованію. Вслѣдъ же за тѣмъ ему довелось видѣть только первые утѣшающіе признаки того внутренняго возрожденія Руси, котораго дальнѣйшее развитіе совершилось уже послѣ его смерти. О Хомяковѣ, какъ и о Константинѣ Аксаковѣ, можно сказать, употребляя, по ихъ же примѣру, сравненье библейское: они умерли у *воротъ* обѣтованной земли, не дождавшись даже увидѣть *во очію* то̀, къ чему съ особенною горячностію стремились — во вѣки-благословенное снятіе съ Русской земли особенно оскорблявшаго ихъ позорнаго клейма *рабства*. Оба имѣли полнѣйшее право примѣнить къ себѣ тотъ образъ *Труженика*, который начертанъ Хомяковымъ въ одномъ изъ его лучшихъ стихотвореній — труженика, не видящаго конца своему труду, наступленія времени сбора его плодовъ.

Мы счастливѣе Аксакова, счастливѣе Хомякова. Намъ пришлось быть свидѣтелями не только великаго, основного дѣла *освобожденія*, но и другихъ, послѣдовавшихъ за нимъ, благотворныхъ явленій нашей поры. Какъ живые люди, какъ современники, мы можемъ, конечно, не рѣдко сѣтовать, что историческій ходъ вещей бываетъ иногда своенравенъ и въ добрую пору, что онъ не такъ гладокъ и ровенъ, какъ бы желалось. Всѣ мы, однако, имѣемъ уже достаточно основаній вѣрить, что послѣ всего, зачавшагося у насъ на глазахъ, никакому сцѣпленію враждебныхъ обстоятельствъ и силъ не задержать уже на долгое время всесторонняго возрожденія Русской земли! Вмѣстѣ же съ тѣмъ — въ другихъ странахъ міра совершились недавно своего рода чудеса. Величаво, съ поэтической силой народнаго увлеченія объединилась Италія — объединилась на зло всѣмъ тѣмъ, кто такъ презрительно и насмѣшливо сомнѣвался въ возможности этого. Иначе, какъ бы помимо народныхъ вождей, путемъ государственнаго давленія и захвата — двинулось разомъ впередъ сплоченье Германіи. Сколько бы ни представлялся намъ сочувственнымъ первый примѣръ и не сочувственнымъ — по его пріемамъ — второй, оба съ равною силою говорятъ славянамъ: «бросьте же наконецъ и вы вашу старую рознь! Узнайтесь, сойдитесь со всѣхъ сторонъ — не съ тѣмъ, чтобъ насильно сростись въ одно тѣло, а чтобы братски слюбиться и спѣться и дѣйствовать за одно!» И еще громче побуждаютъ къ тому же усугубившіяся усилія германизаціи и мадъяризаціи съ одной стороны, а съ другой — все еще поддерживаемая, закоснѣлая въ эгоизмѣ, постыдная кривда въ политическихъ воззрѣніяхъ Запада на дѣла Востока. Чуется, что все это накопленіе зла должно же наконецъ обрушиться на голову виновникамъ. Чуется, что это уже *послѣдняя злоба*, имѣющая только про-

будить ото сна, окрылить, закалить силы — силы всего Славянства. И уже не въ пустынѣ — можемъ мы смѣло сказать — раздается теперь вѣщій голосъ поэта нашего. Современное намъ «пробужденіе дремлющаго Востока», громко раздающійся теперь звукъ его «проржавѣвшей старой цѣпи», нетерпѣливое ожиданье поры, когда-то окончательно «распадутся его оковы» — все это сказалось у насъ въ сердцахъ людей самыхъ различныхъ, самыхъ противоположныхъ направленій. Не напрасно, стало быть, еще въ самомъ началѣ своего поприща говорилъ Хомяковъ про свой чудный сонъ:

.... Меня во гробъ сокрыли,
Мои уста могильный хладъ сковалъ;
Но изъ могильной тьмы, изъ хладной пыли,
Гремѣла пѣснь и сладкій гласъ звучалъ.

Пусть же все громче и громче звучитъ онъ и вѣетъ на насъ, изъ священной могилы поэта, воскресительной силою его мысли!

Орестъ Миллеръ.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕДЪ ЛИЦОМЪ БѢДСТВІЙ

ВЪ БОСНІИ И ГЕРЦЕГОВИНѢ ВЪ 1875 ГОДУ.

Тревожныя вѣсти о преполненіи чаши долготерпѣнія сербскаго народа въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи застали русское общество, можно сказать, въ расплохъ. И матеріально, и духовно мы едва-ли были готовы къ выполненію высокой задачи, выпавшей на нашу долю въ виду означенныхъ событій. Большинство самыхъ богатыхъ мѣстностей Россіи было постигнуто неурожаемъ; безкормица и падежъ скота уносили безвозвратно тысячи сбереженій народа; по всей Россіи производилась подписка на сборъ пожертвованій для облегченія бѣдственной участи погорѣльцевъ, раззоренныхъ во многихъ мѣстахъ въ конецъ опустошительными пожарами. Не лучше было и въ нравственномъ отношеніи. Не многіе-ли изъ насъ, только въ разгаръ уже нынѣшнихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ, задали себѣ вопросъ, что такое эта Герцеговина или эта Боснія, о которыхъ такъ много кричатъ газеты и почему это мы, русскіе, должны болѣе близко принять къ сердцу бѣдствія возставшихъ, нежели всѣ другіе народы? Къ тому-же, это была лѣтняя пора, когда образованная Россія изъ умственныхъ центровъ расползается по обширнымъ пространствамъ Русской Земли, когда трудящійся болѣе близко стоитъ у *своего* частнаго дѣла, а имѣющій досугъ и средства гоститъ въ чужихъ краяхъ, когда дѣятельность многихъ общественныхъ учрежденій въ Россіи временно замираетъ. Мы, русскіе, вообще туги на подъемъ, а тутъ, сверхъ того, были туги и обстоятельства, среди которыхъ мы находились. При такихъ условіяхъ, на обязанности передовыхъ людей русскаго общества

лежала священная забота возбудить и сосредоточить вниманіе этого общества, указать куда оно должно быть направлено. Забота эта принадлежала печати и особенно тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя и въ обычное время считаютъ близкими себѣ интересы славянскаго міра.

Во второй половинѣ августа, исполнительное присутствіе петербургскаго отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета сочло своимъ долгомъ возбудить ходатайство о разрѣшеніи производства сбора пожертвованій въ пользу страждущихъ отъ возстанія славянскихъ семействъ Босніи и Герцеговины. Благодаря предстательству министерства иностранныхъ дѣлъ, 25 августа послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на открытіе предполагаемой подписки, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы собранныя деньги были предоставлены исключительно въ пользу жертвъ возстанія и никакъ не въ пользу самихъ возставшихъ. 26 августа, въ Лѣтнемъ Саду, на гуляньи, устроенномъ въ пользу петербургскаго отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета, выставлены были первыя кружки для сбора означенныхъ пожертвованій. Сборъ этотъ доставилъ 195 рублей 39 копѣекъ. Не спѣшно и не въ величественныхъ размѣрахъ зачиналось это новое дѣло русской благотворительности! Но одинъ изъ стоявшихъ во храмѣ зажегъ свѣчу. Огонь этой свѣчи перешолъ къ сосѣднимъ двумъ молящимся; отъ этихъ двухъ — къ ближайшимъ къ нимъ людямъ. Чаще и чаще замелькали огоньки: вотъ они уже стали достигать самыхъ отдаленныхъ угловъ обширнаго храма — и вся церковь озарилась свѣтомъ, и у всѣхъ молящихся оказались зажженныя свѣчи въ рукахъ. Такъ было и съ пожертвованіями въ пользу бѣдствующихъ славянъ. Началось съ копѣекъ и рублей; но зашевелилось доброе чувство русскаго народа, заколыхалась волна этого чувства; все далѣе и далѣе проникаетъ въ глубь и ширь русскаго житейскаго моря и далеко еще не достигла она противоположнаго берега, какъ взбудораженная ею пучина принесла уже десятки, сотни тысячъ лептъ на пользу страждущихъ соплеменниковъ. Вопросъ теперь можетъ заключаться только въ цифрѣ пожертвованій, но не въ существѣ этого дѣла, которое нашло уже свое окончательное выраженіе, приняло вполнѣ опредѣленныя и достойныя русскаго общества формы.

3 сентября, петербургскій отдѣлъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета сообщилъ въ Москву и Кіевъ о послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на сборъ пожертвованій. Въ то же время, мно-

гимъ членамъ отдѣла розданы были сборныя книжки и въ газетахъ объявлено было о лицахъ, принимающихъ пожертвованія. Московскій Славянскій Комитетъ напечаталъ горячее воззваніе, приглашая всѣхъ русскихъ «пособить братьямъ, пострадавшимъ за защиту своей славянской народности и Христовой вѣры», справедливо полагая, что для русскаго общества это «не только долгъ кровнаго родства и единства въ вѣрѣ, не только долгъ христіанскаго милосердія и человѣколюбія — это долгъ нашей народной чести».

Въ то же время, въ Россію достигла отрадная вѣсть, что бѣдствія славянъ нашли на этотъ разъ сочувственный отзывъ во всей Европѣ; что въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Швейцаріи отыскались добрые люди, которые не замѣдлили протянуть руку помощи христіанамъ, страдавшимъ подъ гнетомъ турецкаго ига; что въ Парижѣ образовался международный комитетъ для вспомоществованія жертвамъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ и что предсѣдателемъ этого комитета избранъ глубоко-чтимый въ Россіи митрополитъ сербскій Михаилъ. Въ газетѣ «Голосъ», приглашонной быть делегатомъ означеннаго комитета въ Россіи, стали являться донесенія уполномоченнаго того-же комитета Веселитскаго-Божидаровича, посланнаго на мѣсто бѣдствій для распредѣленія пособій; почти всѣ редакціи русскихъ газетъ и журналовъ предложили свое посредничество для сбора и отсылки пожертвованій и многія изъ нихъ отправили нарочныхъ корреспондентовъ на театръ возстанія, для выясненія русскому обществу истиннаго положенія дѣлъ. Отъ митрополита Михаила получено было въ Россіи слѣдующее посланіе:

Православные братія! Къ вамъ уже донеслись тяжолые стоны и раздирающіе душу вопли родного вамъ сербскаго народа въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи, стоны и вопли той бѣдной райи, которая пятьсотъ лѣтъ страдаетъ въ мученьяхъ тяжолаго гнета азіатскихъ варваровъ! Подобно христіанскимъ мученикамъ временъ языческихъ гоненій, этотъ геройскій народъ выносилъ и выноситъ всѣ бѣды и несчастья, какія только можетъ выдумать звѣрское своеволіе безбожныхъ азіатскихъ угнетателей — турокъ, желающихъ истребить и уничтожить православный славяно-сербскій народъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Да позволено будетъ намъ упомянуть о нѣкоторыхъ изъ многихъ фактовъ неслыханныхъ варварскихъ дѣяній съ бѣдной райею и тѣмъ воскресить забытые вами, братья русскіе, времена монгольско-татарскаго ига, котораго вы не потерпѣли и тѣмъ давно избавились отъ многихъ ужасовъ и бѣдъ, заставляющихъ бѣдную райю покидать свою родину, очаги и спасать жизнь свою въ бѣгствѣ. Пени, всевозможныхъ родовъ налоги довели ее до полнаго нищенства; убійства, долголѣтняя ссылка и каторга въ мрачныхъ подземныхъ тюрьмахъ, въ тяжолыхъ кандалахъ, «гдѣ ползаютъ змѣи и скорпіоны», ненасытная страсть варваровъ, обезчещиванія женщинъ, матерей и сестеръ бѣдной райи, убіеніе невинныхъ грудныхъ

дѣтей, или обвариваніе ихъ кипяткомъ въ насмѣшку надъ святымъ крещеніемъ— вотъ какія неслыханныя варварства совершаются на глазахъ просвѣщенной Европы въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи.

Но, о ужасъ! во второй половинѣ XIX столѣтія, наперекоръ христіанской цивилизаціи, наперекоръ человѣческой гуманности — живыхъ людей сажаютъ на колъ! живыхъ людей, привязавъ къ вертелу, жарятъ на огнѣ! Богъ свидѣтель, все это дѣлаютъ турки съ бѣдной райею!

Кажется, безчувственная скала зарыдала бы при видѣ этихъ бѣдъ, несчастій и золъ, которыя переносятъ страдальцы-мученики, наши братья въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи.

Но не то еще переносятъ они въ настоящія минуты, когда съ оружіемъ въ рукахъ — какъ и многократно прежде, хотя, увы, доселѣ безуспѣшно—выведенная крайностью райя защищаетъ свои человѣческія права. Десятки тысячъ нагихъ, голодныхъ женщинъ, дѣтей, беспомощныхъ стариковъ, уходя отъ врага, ищутъ защиты и помощи у насъ, въ Сербіи, Черногоріи и у австрійскихъ братьевъ. Что будетъ съ ними?

Безъ крова и пріюта несчастные скитаются въ лѣсахъ. Наступаетъ зима, холодъ и голодъ, а ни хлѣба, ни денегъ нѣтъ.

Кромѣ того, каждый день сотни изъ нашихъ лучшихъ сыновъ погибаютъ на руинахъ дорогой отчизны и тысячи раненыхъ требуютъ немедленной помощи.

Родные намъ братья и сестры! Вы, счастливо наслаждающіеся драгоцѣнною свободою, вспомните всѣ бѣды, которыя перенесли въ борьбѣ изъ-за нея ваши дѣды, воспряните духомъ и услышите призывающій васъ голосъ, полный мольбы, бѣдной, гибнущей райи, или во имя славянской національности, во имя единой, святой, православной церкви, наконецъ, во имя гуманности, братья русскіе, вы не откажитесь подать посильную помощь бѣднымъ, брошеннымъ всѣми на произволъ судьбы, вашимъ братьямъ-славянамъ!

Вспомните слова Спасителя: «Понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе». (Матѳ. 25 г. 40.)

14-го сентября 1875 года. Митрополитъ сербскій Михаилъ.
Бѣлградъ.

Въ виду такого воззванія, дѣйствительно, «безчувственная скала» — и та не осталась бы равнодушною!

Петербургскій отдѣлъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета продолжалъ изыскивать способы, чтобъ возбуждаемое такъ прекрасно человѣколюбивое и племенное сочувствіе русскаго общества къ страждущему населенію Босніи и Герцеговины находило себѣ возможно удобный и правильный исходъ. Уже въ первыхъ числахъ сентября, отдѣлъ обратился ко многимъ вліятельнымъ лицамъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ городахъ, съ просьбою принять дѣятельное участіе въ сборѣ пожертвованій. Во многихъ мѣстахъ, на улицахъ и внутри зданій, выставлены были кружки. 5 сентября, согласно ходатайству отдѣла, высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ петербургскій и финляндскій, разрѣшилъ та-

релочный сборъ въ церквахъ Петербурга и съ 7 сентября сборъ этотъ началъ уже производиться. То же разрѣшеніе исходатайствовано отъ главнаго священника гвардіи и гренадеръ, а также и у могилевскаго архіепископа, митрополита всѣхъ римско-католическихъ въ россійской имперіи церквей. Совѣтъ евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ Санктпетербургѣ не нашолъ возможнымъ удовлетворить подобное же ходатайство отдѣла, но за-то даже правленіе с.-петербургской еврейской общины сочло долгомъ своимъ не отдѣляться въ этомъ случаѣ отъ всего русскаго общества и открыло подписку между членами общины въ пользу пострадавшихъ славянскихъ семействъ Босніи и Герцеговины. Главное управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, встрѣтивъ вполнѣ сочувственно ходатайство отдѣла о принятіи участія въ этомъ дѣлѣ, немедленно отпустило изъ своихъ наличныхъ средствъ 10,000 руб. для отправки въ распоряженіе нашего консула въ Рагузѣ А. С. Іонина. 21-го сентября, состоялось чрезвычайное собраніе петербургскаго отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета. На этомъ собраніи единодушно было принято рѣшеніе, чтобъ въ настоящихъ обстоятельствахъ дѣятельность отдѣла была направлена, главнымъ образомъ, къ оказанію возможно-скорѣйшей и значительнѣйшей матеріальной помощи несчастнымъ славянамъ, погибающимъ отъ всякаго рода лишеній и вынужденнымъ бѣжать изъ своей родины. Въ этихъ видахъ, отдѣлъ удѣлилъ заимообразно, изъ своего небольшаго основного капитала, 3000 рублей, для немедленной отсылки ихъ по назначенію. Всѣ присутствовавшіе въ засѣданіи члены отдѣла внесли, съ тою-же цѣлью, свои лепты, въ размѣрѣ, не меньше платимыхъ ими членскихъ взносовъ. Объ этомъ постановлено было извѣстить всѣхъ отсутствующихъ членовъ отдѣла, на тотъ конецъ — не признаютъ-ли и они нравственно-обязательнымъ для себя сдѣлать такіе же чрезвычайные взносы. Въ томъ же засѣданіи возникло предположеніе (приведенное нынѣ въ исполненіе) объ изданіи учоно-литературнаго сборника, по примѣру «Складчины», составившей вкладъ литературныхъ силъ русскаго общества въ число пособій, оказанныхъ пострадавшимъ въ 1873 году отъ голода жителямъ Самарской губерніи, и, наконецъ, постановлено образовать особую коммисію для изысканія мѣръ къ скорѣйшей матеріальной помощи страждущимъ славянамъ Босніи и Герцеговины.

Помянутая коммисія избрана была въ слѣдующемъ засѣданіи от-

дѣла, состоявшемся 28-го сентября *). Съ этого времени, всѣ мѣры отдѣла по оказанію помощи славянскимъ семействамъ Босніи и Герцеговины, принимаемы были не иначе, какъ при содѣйствіи или чрезъ посредство означенной коммисіи. Въ ряду этихъ мѣръ, главнѣйшее мѣсто занимаетъ возможно большее расширеніе района для сбора пожертвованій, съ цѣлью облегчить жертвователямъ способы участія въ такомъ добромъ дѣлѣ. Въ этихъ видахъ, ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, на содѣйствіе и сочувстіе которыхъ отдѣлъ могъ разсчитывать, разосланы были особыя сборныя книжки и подписные листы. Въ этомъ отношеніи, дѣятельность отдѣла встрѣтила могущественную поддержку и довѣріе со стороны правительства и высшаго церковнаго управленія. Помимо всякаго домогательства со стороны отдѣла, министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило всѣмъ губернаторамъ и другимъ мѣстнымъ властямъ о разрѣшеніи сбора добровольныхъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ единовѣрцевъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ и пригласило направлять эти пожертвованія въ петербургскій отдѣлъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета. Съ другой стороны, по ходатайству отдѣла о разрѣшеніи производить, въ пользу жертвъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, повсемѣстный въ имперіи церковный (тарелочный) сборъ, Святѣйшій Синодъ, въ окружномъ своемъ сообщеніи по епархіямъ, соизволилъ разрѣшить этотъ сборъ съ тѣмъ, чтобъ имѣющія поступать пожертвованія, по мѣрѣ накопленія, были высылаемы церковными причтами также непосредственно въ отдѣлъ.

Въ Петербургѣ, производство тарелочнаго сбора въ церквахъ, при личномъ участіи членовъ отдѣла и нѣкоторыхъ дамъ, получило правильную организацію; сборныя книжки были выставляемы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ стекается публика; для пріема денежныхъ и вещевыхъ приношеній учреждены были между членами отдѣла дежурства, продолжающіяся и до настоящаго времени въ помѣщеніи Императорскаго Географическаго Общества, въ зданіи гимназіи, у Чернышева моста. При участіи и подъ надзоромъ членовъ отдѣла произведена была, въ послѣднихъ числахъ октября, распродажа вещей въ «Русскомъ Базарѣ Мебели», принесшая въ пользу настоящаго сбора 3699 р. 57½ к. Предположено произвести также рас-

---

*) Въ составъ коммисіи вошли: А. Н. Карамзинъ, Н. А. Кирѣевъ, А. Д. Башмаковъ, И. Ѳ. Золотаревъ, Н. Н. Трегубовъ, А. А. Краевскій, М. В. Умецкій, Н. К. Янкуліо, Т. И. Филипповъ, В. И. Аристовъ и М. Г. Черняевъ.

продажу разныхъ вещей, пожертвованныхъ, по предстательству членовъ отдѣла, многими петербургскими торговцами и магазинами. Вещи эти въ настоящее время хранятся въ помѣщеніи, гостепріимно отведенномъ для нихъ Петербургскимъ Собраніемъ Художниковъ. 28-го ноября состоялся въ пользу славянъ литературный вечеръ, въ Купеческомъ Собраніи, а 7-го декабря — духовный концертъ въ императорской придворной капеллѣ. Въ аудиторіи Педагогическаго Музея, съ тою-же цѣлью, устроилось 15-го декабря публичное чтеніе, обязательно предложенное профессоромъ Д. И. Менделѣевымъ. Сверхъ того, испрошенно и получено разрѣшеніе на устройство, въ тѣхъ-же видахъ, спектакля въ одномъ изъ столичныхъ императорскихъ театровъ и маскарада въ залѣ дворянскаго собранія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, коммисіею, при содѣйствіи исполнительнаго присутствія отдѣла, выработаны и приняты къ исполненію особыя правила для веденія счетоводства, пріема пожертвованій и отчетности по сбору въ пользу пострадавшихъ славянскихъ семействъ Босніи и Герцеговины.

При помощи всѣхъ этихъ мѣръ, на настоящее доброе дѣло, чрезъ посредство петербургскаго отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета, удѣлено русскимъ обществомъ — судя по отчету 21 декабря — *83.776 рублей 87 копѣекъ.*

Въ тоже самое время дѣйствовалъ и Славянскій Благотворительный Комитетъ въ Москвѣ. Здѣсь не было ни съ чьей стороны распоряженій, чтобы пожертвованія собирались и «направлялись» въ комитетъ. Сами собою стекались къ нему приношенія, вызванныя сочувствіемъ русскаго народа къ страданіямъ христіанъ въ Турціи. «Главный двигатель сочувствія — пишутъ намъ изъ Москвы — это посланія митрополитовъ (сербскаго и черногорскаго), прочтенныя въ церквахъ. Этихъ посланій было напечатано комитетомъ и разослано по Россіи болѣе 100,000 экземпляровъ, и они читались не только въ Москвѣ, но и въ глуши, за Волгой, на Дону, на Сѣверной Двинѣ — *по селамъ*». Не устроивъ ни одного вечера, не прибѣгая вообще къ обычнымъ пріемамъ нашей благотворительной дѣятельности, московскій славянскій комитетъ успѣлъ собрать къ 25 декабря—*66,770 рублей.* Кромѣ того, комитетъ получилъ много вещественныхъ жертвованій и присылались они издалека—изъ Казани, даже изъ Сибири.

Изъ изложеннаго видно, что прочувствованное слово сербскаго архипастыря, обращенное къ русскому народу, упало на добрую и хорошо подготовленную уже почву. Но такое заключеніе показалось

бы, можетъ-быть, преждевременнымъ, если бы оно основывалось только на дѣятельности и заботахъ тѣхъ учрежденій и лицъ, которыя выполняли, въ настоящемъ случаѣ, только прямую свою обязанность, возлагаемую на нихъ болѣе или менѣе близкимъ и постояннымъ соприкосновеніемъ съ интересами славянскаго міра. По счастію, мы имѣемъ въ виду факты, указывающіе, что печальныя событія въ Босніи и Герцеговинѣ были приняты къ сердцу огромнымъ большинствомъ русскаго общества, всѣхъ слоевъ, что сочувственное движеніе къ тѣмъ, которые взываютъ о помощи во имя Христово и во имя кровнаго родства проникло далеко въ глубь всего русскаго народа. Значительное число частныхъ лицъ, не только приняло участіе въ оказаніи и сборѣ пособій, но и выразило сочувствіе настоящей дѣятельности Славянскаго Благотворительнаго Комитета поступленіемъ въ число постоянныхъ его членовъ. Въ два-три мѣсяца, число членовъ петербургскаго отдѣла увеличилось по крайней мѣрѣ на сто лицъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, Владимірѣ (губернскомъ), въ Шуѣ и Вильнѣ заявлено желаніе образовать филіальныя отдѣленія славянскаго комитета. Почти во всѣхъ городахъ устроены уже или предполагаются къ устройству различные вечера, концерты и спектакли, для увеличенія сбора. Учоные, литераторы, художники, артисты — всѣ несутъ на это дѣло и свои средства и свой трудъ. Многіе архипастыри, кромѣ непосредственнаго участія въ пожертвованіяхъ, обратились съ своимъ вѣскимъ словомъ къ ввѣренной имъ паствѣ, разъясняя обязанность русскаго народа не оставаться хладнокровными зрителями несчастій нашихъ единоплеменниковъ. Таково, напримѣръ, горячее воззваніе донского архіепископа Платона, извѣстнаго поборника славянскихъ интересовъ. Тотъ же святой долгъ выполненъ и многими приходскими священниками. Очевидцы передаютъ, что при производствѣ тарелочнаго сбора въ церквахъ, всегда замѣчалось, что жертвователями являлись въ настоящемъ случаѣ не только лица имущія, но и тѣ, которыя сами находятся въ ряду нуждающихся. Одна нищая, только что получившая милостыню, удѣлила часть ея въ пользу герцеговинцевъ. На тарелкахъ для сбора, вмѣстѣ съ скромными копѣйками, появлялись сто рублевыя бумажки. Одинъ «неизвѣстный» пожертвовалъ 3000 рублей и — главное — остался *неизвѣстнымъ*. Многія земства и городскія общественныя управленія выразили желаніе принять болѣе или менѣе прямое участіе въ этомъ дѣлѣ.

Изъ свѣдѣній, обязательно сообщенныхъ намъ уважаемымъ пред-

сѣдателемъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета, И. С. Аксаковымъ, видно, что къ нему присылались письма съ пожертвованіями непосредственно отъ селъ—иногда отъ цѣлыхъ сельскихъ обществъ, иногда отъ отдѣльныхъ мужиковъ — особенно изъ Владимірской и Вятской губерній. Чрезвычайно много, въ общей сложности, пожертвовали учащіе и учащіеся уѣздныхъ и народныхъ училищъ, а также духовныхъ семинарій. Послѣ прочтенія посланій митрополитовъ, иной разъ въ церквахъ бабы снимали свои платки и клали ихъ на блюдо. Изъ письма, полученнаго О. К. Граве видно, что одинъ «скудный пенсіонеръ», всѣ средства котораго заключаются въ двадцати-рублевой пенсіи въ мѣсяцъ, удѣлилъ въ пользу герцеговинцевъ десятую ея часть, выражая надежду, что болѣе состоятельныя лица «не посрамятъ Земли Русской».

Такимъ образомъ, дѣло помощи жертвамъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ стало народнымъ русскимъ дѣломъ. Странно было-бы поэтому, если бы мы не встрѣтились въ немъ съ дѣятельностью русской женщины. Еще въ половинѣ августа, когда въ русской печати появилось первое воззваніе изъ Герцеговины о помощи несчастному народу, изнемогавшему подъ безъисходнымъ гнетомъ незаслуженныхъ бѣдствій, нѣкоторыя петербургскія дамы устроили между собою частную подписку въ пользу жертвъ возстанія. Въ нѣсколько дней подписка принесла 1000 руб. Воодушевленныя такимъ началомъ, дамы эти возымѣли прекрасную мысль образовать «Санктпетербургскій дамскій кружокъ для оказанія помощи пострадавшимъ герцеговинцамъ». Чрезъ три недѣли, потребовавшихся для полученія разрѣшенія на осуществленіе этой мысли, именно 29 сентября, дамскій кружокъ окончательно образовался, причемъ избраны: въ предсѣдательницы О. К. Граве, членами Г. П. Дезобри, А. Н. Попова, Е. С. Граве и Е. К. Истомина, а секретаремъ М. А. Сытенко. О полезной и человѣколюбивой дѣятельности дамскаго кружка можетъ лучше всего свидѣтельствовать собранная имъ до сихъ поръ сумма пожертвованій, возросшая съ 29 сентября по 26 декабря до *16.000 рублей*. Кромѣ того, платья и бѣлья собрано имъ на 500 человѣкъ. Въ январѣ дамскій кружокъ собирается устроить три литературныхъ вечера. Въ настоящее время открыты отдѣлы петербургскаго дамскаго кружка: въ Тулѣ, подъ предсѣдательствомъ М. А. Ушаковой, въ Орлѣ — Ю. С. Бобарыкиной, въ Таганрогѣ — г-жи Грековой и въ Казани — г-жи Грунтъ.

Подобную же прекрасную дѣятельность проявили и московскія

дамы. Здѣсь, для лучшаго сбора денежныхъ и вещевыхъ пожертвованій, члены дамскаго отдѣленія Славянскаго Благотворительнаго Комитета распредѣлили между собою различныя части Москвы. Отдѣленіе дѣйствуетъ подъ предсѣдательствомъ А. Н. Стрекаловой, при участіи княжны Е. Д. Щербатовой, М. П. Ададуровой, княгини В. О. Эристовой, С. А. Бернаръ, С. Ф. Подгорѣцкой, А. Ѳ. Аксаковой, Е. И. Баратынской, Л. Ю. Іониной, А. Н. Пороховщиковой, С. П. Катковой, княжны Н. П. Шаликовой, Р. П. Поляковой и С. И. Погодиной. Собрано дамскимъ отдѣленіемъ, по 25 декабря, 5,669 руб. 70 коп.

Сочувствіе русскихъ дамъ къ настоящему дѣлу находитъ свое выраженіе и въ дѣятельности общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Какъ во время самарскаго голода, такъ и теперь общество это сочло долгомъ доставить своимъ членамъ возможность выказать дѣятельное участіе въ важномъ народномъ дѣлѣ. Не ограничиваясь безвозвратнымъ отпускомъ упомянутыхъ уже 10,000 рублей изъ наличныхъ средствъ общества, главное правленіе этого уважаемаго учрежденія, въ виду заявленій многихъ членовъ, обратилось, 4-го октября, во всѣ мѣстныя управленія и комитеты общества, съ просьбою открыть у себя подписку на доброхотныя приношенія въ пользу раненыхъ и больныхъ жертвъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ. Однимъ этимъ распоряженіемъ подписка на этотъ сборъ охватила пространство отъ Свеаборга, Ревеля, Варшавы, Кишинева и Симферополя, до Нахичевани, Ташкента, Вѣрнаго, Иркутска и Колымска. Вмѣстѣ съ тѣмъ, общество, не ожидая результатовъ подписки, снарядило извѣстный санитарный отрядъ, находящійся въ настоящее время въ Рагузѣ, на пути въ Цетиньѣ. На содержаніе этого отряда, опредѣленъ расходъ въ 75,000 рублей. Образованіе личнаго состава отряда и снабженіе его необходимыми вещами и госпитальными принадлежностями, болѣе нежели на 100 больныхъ, выпало на обязанность Общины Святаго Георгія. Заботами графини Е. Н. Гейденъ и ея сотрудницъ, А. Н. Мухортовой и М. А. Толстой, при участіи многихъ частныхъ лицъ и учрежденій, отрядъ въ изобиліи снабженъ всѣми предметами, не только необходимыми для госпиталя, но отчасти и для оказанія вещественной помощи нуждающимся славянскимъ выходцамъ. Отправленный съ отрядомъ грузъ заключалъ 215 мѣстъ, вѣсомъ въ 541 пудъ. Уполномоченнымъ общества избранъ П. А. Васильчиковъ, помощникомъ его Г. И. Бобриковъ и дѣлопроизводителемъ Н. Н. Трегубовъ. Медицинскій

персоналъ отряда составили доктора гг. Алышевскій, Ковалевскій, Жужукинъ и Богоявленскій. Высокія обязанности сестеръ милосердія приняли на себя Е. П. Карцова, Е. Королева, У. Королева, М. Кочкина, Попова, Сцыпура, Терпиловская и Харламова. Въ распоряженіе уполномоченнаго и начальника отряда, П. А. Васильчикова, кромѣ суммъ, потребныхъ на содержаніе отряда, выдано обществомъ попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ 15,000 руб., собственно на оказаніе пособія бѣжавшимъ въ Черногорію герцеговинцамъ.

Нѣтъ никакой возможности точно опредѣлить количество всѣхъ пожертвованій, собранныхъ въ Россіи въ пользу пострадавшихъ босняковъ и герцеговинцевъ. Значительное число приношеній не опубликовано; частныя лица и учрежденія отправляли свои приношенія прямо отъ себя въ Бѣлградъ, въ Рагузу, въ Цетинье. Неизвѣстно также осуществились ли постановленія нѣкоторыхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, которыя, желая удовлетворить высокой нравственной потребности представляемаго ими населенія, постановили удѣлить на облегченіе участи бѣдствующихъ славянъ посильныя мѣстнымъ средствамъ суммы изъ запасныхъ источниковъ. Между-тѣмъ, одна московская городская дума полагала пожертвовать 20.000 рублей, орловское земство — 1.000 рублей и пр. Не считая всѣхъ этихъ пожертвованій, остановимся лишь на отчетахъ главныхъ сборщиковъ. Изъ изложенныхъ уже свѣдѣній видно, что слѣдующія суммы поступили:

1) Въ Славянскій Благотворительный Комитетъ въ Москвѣ (по 25 декабря)	66,770 р.	— —
2) Въ дамское отдѣленіе его въ Москвѣ (по 25 декабря)	5,669 —	70 к.
3) Въ петербургскій его отдѣлъ (по 21 декабря)	83,776 —	87 —
4) Общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ отправило уже 25,000 рублей въ пособіе пострадавшимъ славянамъ и кромѣ того опредѣлило израсходовать 75,000 рублей на санитарный отрядъ, снаряженный въ Черногорію *) всего	100,000 —	— —
5) Санктпетербургскій дамскій кружокъ собралъ (по 26 декабря).	16,000 —	— —

*) Мы полагаемъ умѣстнымъ взять въ разсчетъ эти 75,000 руб., такъ какъ они во всякомъ случаѣ будутъ израсходованы обществомъ, поступятъ или нѣтъ пожертвованія на пополненіе этой суммы.

6) Србское еподворье въ Москвѣ (по 25 декабря)	17,540 — — — *)
Редакціи газетъ:	
7) „Русскаго Міра", которому, въ ряду русскихъ періодическихъ изданій, принадлежитъ честь почина въ открытіи подписки	3,027 — 28½
8) „Голоса"	31,666 — 39 —
и 9) „Московскихъ Вѣдомостей"	6,422 — 99 — **)
И того. . .	330,873 — 23½

Такимъ образомъ, можно полагать, что, не считая вещевыхъ приношеній и неопубликованныхъ пожертвованій, въ пользу пострадавшихъ семействъ Босніи и Герцеговины въ настоящее время (по 28 декабря), собрано въ Россіи по крайней мѣрѣ *330,000 рублей*; а если считать одно извѣстное публикѣ, хотя и необъявленное, пожертвованіе — *до 360,000 рублей*.

До отправки санитарнаго отряда, пожертвованія эти направлялись, главнымъ образомъ, къ нашему консулу въ Рагузѣ А. С. Іонину, который употреблялъ ихъ по назначенію при дѣятельномъ содѣйствіи г. Веселитскаго-Божидаровича. Нѣсколько отчетовъ по этому предмету уже появилось въ печати. Московскій Славянскій Благотворительный Комитетъ собранныя имъ суммы отправлялъ частью къ митрополиту сербскому Михаилу, преимущественно же въ Черногорію, къ митрополиту Иларіону. Въ настоящее время, когда русское общество, благодаря отправкѣ санитарнаго отряда, имѣетъ спеціальнаго представителя вблизи мѣста несчастій и страданій нашихъ единоплеменниковъ, нѣтъ сомнѣнія, что главнѣйшая обязанность по оказанію помощи имъ, на счетъ русскихъ приношеній, выпадетъ на долю П. А. Васильчикова. Въ вѣдѣніе его уже передано 12,000 руб. Московскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Комитетомъ и 30,000 руб.—петербургскимъ отдѣломъ этого комитета.

Конечно, собранныхъ до-селѣ въ Россіи приношеній далеко еще недостаточно для удовлетворенія всѣхъ насущныхъ потребностей славянскихъ семействъ, невинно пострадавшихъ за свое правое и

*) Въ счетъ суммъ, собранныхъ сербскимъ подворьемъ входятъ и пожертвованія, поступившія въ Кіевскій отдѣлъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета составлявшія къ началу декабря — 2.181 рубль.

**) И другія редакціи періодическихъ изданій принимаютъ участіе въ дѣлѣ сбора пожертвованій, но не упомянуты здѣсь, такъ собранныя суммы передаются ими для отсылки на мѣсто, другимъ главнымъ сборщикамъ и входятъ въ отчеты послѣднихъ.

святое дѣло; нужды эти еще увеличатся въ теченіе зимы, но и сочувствіе русскаго общества къ этимъ бѣдствіямъ еще не ослабло, еще не оскудѣла рука добраго, русскаго народа, извѣдавшаго что такое горе да бѣда, способнаго уважать несчастье ближняго. Можно разсчитывать поэтому, что русское общество останется вѣрнымъ себѣ до конца, въ сознаніи той благотворной, живительной силы, которая заключается въ дѣятельности, далекой отъ чисто-личныхъ себялюбивыхъ интересовъ, и въ выполненіи долга. Это «не только долгъ кровнаго родства и единства въ вѣрѣ, не только долгъ христіанскаго милосердія и человѣколюбія — это долгъ нашей народной чести».

Во всякомъ случаѣ, хорошее семя заронено настоящимъ дѣломъ въ русскую общественную среду и принесетъ оно въ будущемъ добрые плоды.

Г. Градовскій.

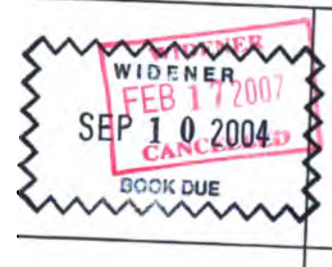
28 декабря 1875 года.

С.-Петербургъ.

ЗАМѢЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Читай:
49	17	скамѣйка	скамейка
53	1	прикажите	прикажете
69	8	сказать	сказать
128	26	подраженіе	подражаніе
130	10	ловно	ловко
—	послѣдняя	шуточный	шуточной
132	6	развязскою	развязкою
137	21	успокоеніи	успокоеніе
—	22	бить	бить
146	—	сказавъ	сказалъ
149	15	особенно — новаго	особенно-новаго
157	13	родительникы	родительницы
180	пред. посл.	стаха	страха
189	4	раздражонный	раздражонной
194	20	штяхетская	шляхетская
223	5 снизу	дрогнувшемуся	дрогнувшему
229	26	крадратныхъ	квадратныхъ
237	3 снизу	пли	пль
246	24	отановятся	становятся
247	7 снизу	душевныя	душевный
—	—	людьмя	людьми
249	8	помощь	помощью
—	17	нѣлые	цѣлые
282	1	есть	ѣсть
285	10	людѣй	людей
288	13	Sund	Sunt
—	14	vidilemus	vigilemus
310	12	толь	столь
331	19	севастопольскіи	севастопольскія

3 2044 023 813 223


WIDENER
FEB 17 2007
CANCELLED
WIDENER
SEP 10 2004
BOOK DUE